94² / Ие 92 5582 ~~3855~~

Русская старина
март 1903 г.

113 ⁴⁹/ₓ
350 ²⁰/ₓ

5/x
5/x

5582

БИБЛІОТЕКА
ИНТЕНДАНТСКАГО КУРСА.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVIII-й. МАРТЪ. 1907 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Изъ автобіографическихъ воспоминаній графа Льва Николаевича Толстого . 461—476
II. Изъ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи. Сообщ. С. Мельгуновъ. . . . . 477—486
III. Записки В. А. Инсарскаго . . . . 487—527
IV. Скорбный путь. Н. Каразина . . . . . 531—538
V. Къ исторіи масонства въ Россіи. Сообщ. З. Н. . . 539—549
VI. Какъ генералы при податной реформѣ Петра Великаго сдѣлались „переписчиками". М. Клочкова. . . . . 551—556
VII. Воспоминанія изъ жизни на Амурѣ. Р. Ф. . . . 557—568
VIII. Изъ воспоминаній князя Хлодвига Гогенлоэ. В. Т. 569—582
IX. Диктаторъ Польши Лангевичъ о возстаніи 1863 г. Г. А. Воробьева. . . . 583—588
X. Война за независимость славянъ въ 1877—1878 гг. П. Д. Зотова . . . . 589—594
XI. Письма Александра Николаевича Сѣрова къ Владиміру Васильевичу Стасову. Сообщ. В. В. Стасовъ. . . . . 595—606
XII. Изъ деревни. Очерки жизни и службы. Витих—а. . . . . 607—613
XIII. Набатный колоколъ. Д. Успенскаго . . . . . 614—620
XIV. Изъ прошлаго. П. Пареносова. . . . . 621—641
XV. Голштинскій вопросъ и политика Россіи на Балтійскомъ морѣ въ первую половину XVIII столѣтія. М. Поліевктова. . . . 643—667
XVI. Записки графа Ѳ. Г. Головкина. В. Т. 668
XVII. Изъ воспоминаній графа Ѳ. Г. Головкина, и нѣсколько имъ набросанныхъ характеристикъ. В. Т. . . . . 669—686
XVIII. Переписка Пушкина. Н. Лернера . . . . . 689—696
XIX. Изъ записной книжки „Русской Старины":
а) Письмо Александра Ивановича Тургенева къ императору Николаю. Сообщ. В. И. Саитовъ. 528—530
б) Запрещеніе употребленія слова „предлагаю" въ предписаніяхъ военныхъ начальниковъ. Сообщ. Мих. Соколовскій. 550
в) Двадцать пятая масонская ложа союза Астреи. Сообщ. Тира Соколовская. 642
г) Прошеніе грузинскаго царевича о разводѣ его съ женою. Сообщ. А. Успенскій . . . . 687—688
XX. Библіографическій листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Портретъ Николая Николаевича Каразина.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1907 года.
Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.
Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. О. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1907.

III-я книга „Русской Старины" вышла 1-го марта 1907 года.

Библіографическій листокъ.

Великій Князь Николай Михайловичъ. Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ пословъ императоровъ Александра и Наполеона. 1808—1812. Томъ V. Спб. 1907.

Новый томъ интересной работы извѣстнаго историка эпохи Александра I, великаго князя Николая Михаиловича, въ которой документально изложены дипломатическія сношенія Франціи и Россіи передъ отечественной войной, читается съ чрезвычайнымъ интересомъ. Въ объемистой, богато изданной книгѣ помѣщены (въ подлинникахъ) 149 писемъ французскаго посла Коленкура къ главѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ Шампаньи и его преемнику — Маре и 47 писемъ и донесеній посла Наполеону въ 1810 и 1811 гг. Коленкуръ, основывавшій свою дѣятельность на началахъ Тильзитскаго соглашенія, энергично старался уладить отношенія между обѣими державами, начавшія портиться изъ-за поведенія Наполеона въ польскомъ вопросѣ. Роль посла была чрезвычайно трудна благодаря дерзко-аггрессивной политикѣ его государя. Передъ читателемъ проходятъ безконечныя недоразумѣнія изъ-за неправильнаго соблюденія Россіей условій направленной противъ Англіи континентальной системы, длинныя пререканія по дѣлу принца Ольденбургскаго, послужившему однимъ изъ ближайшихъ поводовъ къ войнѣ. Умный и тонкій дипломатъ, который провелъ въ Россіи около четырехъ лѣтъ, оставилъ намъ въ своихъ письмахъ и донесеніяхъ, помимо историческихъ данныхъ первостепеннаго значенія, рядъ мастерскихъ художественныхъ наблюденій. Вотъ, напримѣръ, нарисованная имъ характеристика Александра Павловича: „Мнѣ кажется, что о немъ судятъ невѣрно. Думаютъ, что онъ слабъ, и ошибаются. Онъ, безъ сомнѣнія, умѣетъ преодолѣвать много препятствій, потому что его цѣль—общій міръ, и онъ надѣется достигнуть ея безъ жестокаго кризиса. Но это удобное свойство его характера ограничено: онъ не выйдетъ изъ круга, который начерталъ себѣ: этотъ кругъ изъ желѣза и шире не станетъ, потому что въ его характерѣ, благожелательномъ, искреннемъ, отъ природы честномъ, къ тому же облагороженномъ высокими принципами и чувствами, есть *царственная* скрытность, которою объясняется его упрямство, непобѣдимое ничѣмъ. Талантъ министра сводится къ умѣнью человѣка, которому приходится имѣть съ нимъ дѣло: нужно умѣть угадать эту грань, потому что императоръ черезъ нее не перешагнетъ. Самые лучшіе доводы, разъ въ немъ пробуждена подозрительность, только настроятъ его противъ того, что онъ считаетъ вреднымъ своимъ интересамъ“. Въ другомъ мѣстѣ Коленкуръ пишетъ: „Онъ хочетъ быть рыцаремъ въ своихъ политическихъ сношеніяхъ; незачѣмъ мѣшать этому доброму расположенію, сглаживающему вліяніе скрытности, почти неизбѣжной въ каждомъ государѣ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ характерѣ есть упрямство, которое лучше не задѣвать“. Эта мѣткая характеристика, бѣгло нарисованная французскимъ дипломатомъ, приводитъ на память другую характеристику Александра I, данную Пушкинымъ, который писалъ о бюстѣ Александра: „недаромъ ликъ сей двуязыченъ,—таковъ и былъ сей властелинъ, къ противочувствіямъ привыченъ“... Отчеты Коленкура весьма разносторонни, русская жизнь отразилась въ умѣ тонкаго и наблюдательнаго иностранца довольно полно. Вотъ краткій отчетъ о русскихъ министрахъ, не лишенный сатирической окраски: „Министръ полиціи (Балашевъ) приказываетъ дѣлать домашніе обыски и аресты, всегда безъ толку, больше ради того, чтобы показать государю свое усердіе; чтобы прослыть хорошо освѣдомленнымъ обо всемъ, онъ придирается то къ одному, то къ другому безъ смысла и безъ послѣдствій... Морской министръ милый человѣкъ; у него, не въ примѣръ его предшественнику, порядокъ и экономія. Но онъ здѣсь иностранецъ и поэтому ни о чемъ не осмѣливается имѣть собственное мнѣніе... Министръ финансовъ (Гурьевъ) не изъ большихъ геніевъ, зато человѣкъ честный, твердый и работящій. Его не любятъ, но къ нему питаютъ довѣріе, потому что знаютъ, что онъ охотнѣе издастъ десять налоговъ, чѣмъ выпуститъ десять бумажныхъ рублей. Министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Козодавлевъ, отличается всѣми предразсудками, свойственными русскимъ. Онъ вытѣснилъ князя Алексѣя Куракина, который восемнадцать лѣтъ ему покровительствовалъ. Онъ великій сторонникъ запретительной системы и все свое вниманіе, всѣ свои заботы направилъ на улучшеніе фабрикъ, на внутреннюю промышленность. Г. Сперанскій въ нѣкоторомъ родѣ министръ нововведеній. Ни съ кѣмъ онъ не близокъ. Вліяніе его простирается на все,

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1907 годъ.

Если исторія народа описывается на основаніи государственныхъ документовъ, хранящихся въ пыли архивовъ, то это далеко не есть еще исторія народа и его жизни. Архивныя свѣдѣнія, на сколько они доступны для частнаго человѣка, конечно, имѣютъ свою цѣну. Но эти свѣдѣнія рисуютъ только одну сторону,—оффиціальную,—поясняютъ, такъ сказать, внѣшнюю, показную жизнь народа въ извѣстную эпоху. И если бы пришлось ограничиваться только этою стороною, то мы были бы очень далеки отъ задачи полнаго историческаго описанія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ въ разное время.

Вотъ почему дополненіемъ къ исторіи и служатъ бытовыя описанія внутренней жизни народа, а матеріалъ для этого заключается въ историческихъ воспоминаніяхъ, историческихъ изслѣдованіяхъ, мемуарахъ и запискахъ частныхъ лицъ, въ дневникахъ, въ описаніяхъ бытовой жизни въ разныя эпохи. Нерѣдко дневникъ простого обывателя своими правдивыми разсказами лучше всякаго оффиціальнаго документа нарисуетъ бытовой характеръ русской старины и въ яркомъ свѣтѣ изобразитъ умственный и нравственный строй народа въ извѣстную эпоху.

Поэтому журналъ „РУССКАЯ СТАРИНА“, имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) историческія изслѣдованія; 2) записки, воспоминанія и дневники разныхъ лицъ; 3) очерки и разсказы; 4) жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи и вообще западной исторической бытовой старины; 9) народную словесность; 10) архивные документы.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, вступая въ 1907 году на тридцать восьмой годъ своего существованія, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду измѣнившіяся условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала. Сохраняя своихъ прежнихъ, многочисленныхъ, сотрудниковъ, редакція получила согласіе на помѣщеніе въ журналѣ трудовъ слѣдующихъ лицъ: П. Я. Дашкова, П. А. Ефремова, А. Ф. Кони, С. Ф. Платонова, М. А. Поліевктова, В. И. Саитова и С. М. Середонина.

Въ 1907 году будутъ напечатаны: изъ автобіографическихъ воспоминаній графа Л. Н. Толстого, записки генерала Зотова, записки основателя „Русской Старины“ М. И. Семевскаго, де Санглена, Тургенева, Петрушевскаго, Инсарскаго, Никитина, Золотарева, графа Головкина, Каразина и др.

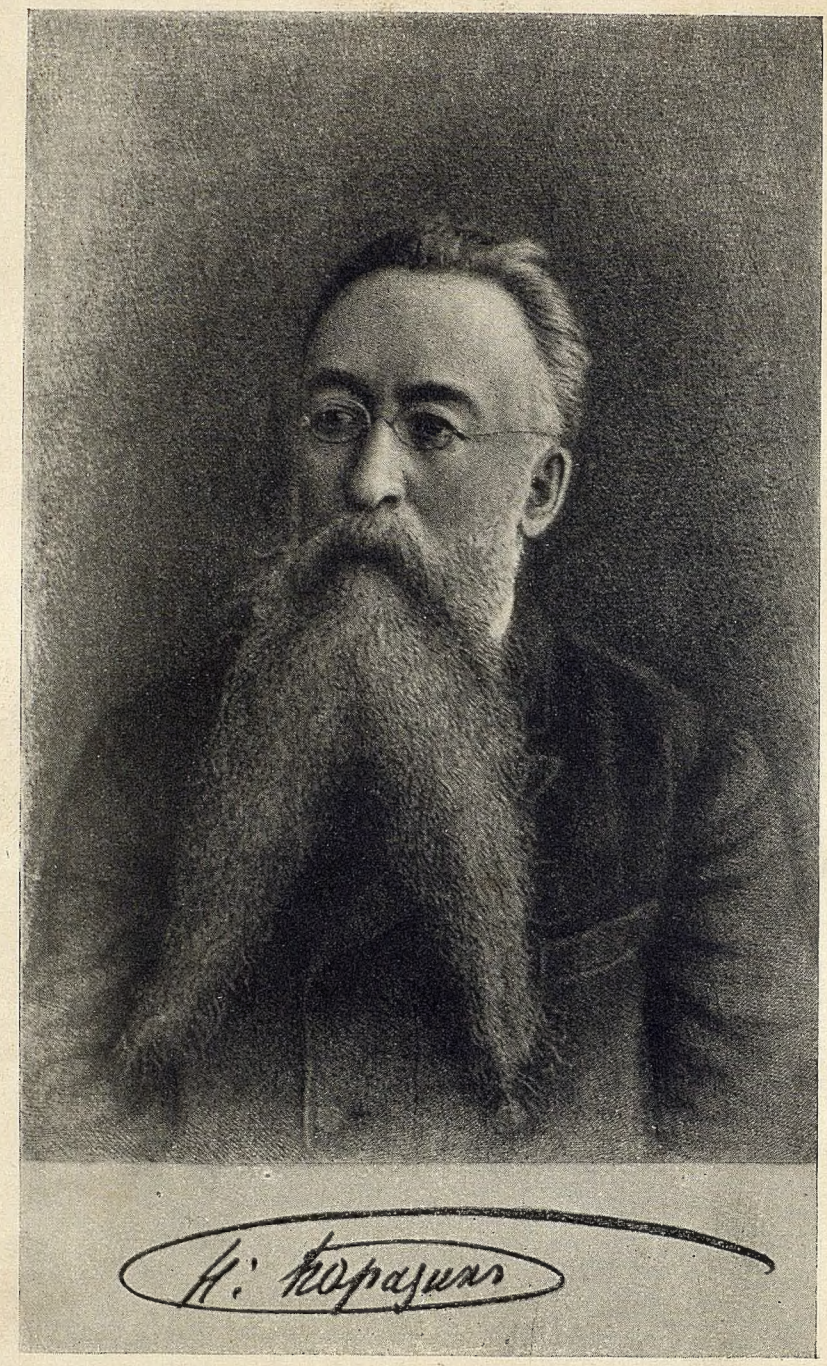
По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка, по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки



Изъ автобіографическихъ воспоминаній графа Льва Николаевича Толстого [1]).

2-го февраля 1857 г. Толстой получилъ извѣстіе о кончинѣ своего брата, Дмитрія Николаевича, къ которому относятся между прочимъ слѣдующія строки его дневника:

„Когда между нами производился дѣлежъ наслѣдства, пишетъ Л. Н., я получилъ имѣніе, въ которомъ мы жили,—Ясную Поляну. Такъ какъ Сережа любилъ лошадей, а въ Пирогово былъ конскій заводъ, то онъ получилъ это имѣніе, согласно своему желанію. Митенькѣ и Николенькѣ досталось обоимъ по имѣнію: Николенька получилъ Никольское, а Митенька Щербачевку въ Курской губерніи, доставшуюся намъ отъ г-жи Перовской. У меня сохранилась замѣтка, писанная Митенькой о крѣпостномъ правѣ. Онъ находилъ его несправедливымъ и полагалъ, что крестьянъ слѣдовало освободить. Но въ нашемъ кругу, въ сороковыхъ годахъ, никто объ этомъ не думалъ. Владѣть крѣпостными, полученными по наслѣдству, казалось вполнѣ естественнымъ; единственно, что можно было сдѣлать, это слѣдить за тѣмъ, чтобы крестьянамъ жилось не слишкомъ дурно, и заботиться не только объ ихъ матеріальномъ положеніи, но и о нравственномъ бытѣ. Въ этомъ смыслѣ и была набросана Митенькой замѣтка, вполнѣ серьезно, наивно и откровенно. Этотъ двадцатилѣтній, едва окончившій курсъ, юноша считалъ долгомъ взять на себя обязанность слѣдить за нрав-

[1]) См. „Русскую Старину“, февраль 1907 г.

ственностью сотни крестьянскихъ семействъ и руководить ими при помощи наказаній и угрозъ. Объ этомъ говорится у Гоголя, въ письмѣ къ помѣщику. Насколько я припоминаю, Митенька читалъ это письмо, на которое ему указалъ, кажется, тюремный священникъ. Такимъ образомъ, Митенька приступилъ къ исполненію своихъ помѣщичьихъ обязанностей. Но, кромѣ обязанностей помѣщика, существовала въ то время еще одна обязанность, отъ которой трудно было уклониться: это была военная или гражданская служба, и Митенька, окончивъ курсъ, рѣшилъ поступить на службу по гражданскому вѣдомству. Чтобы избрать родъ службы, онъ пріобрѣлъ альманахъ и принялся изучать разныя отрасли служебной дѣятельности, и, наконецъ, рѣшилъ, что самая необходимая—это служба по министерству юстиціи. Рѣшивъ это, онъ поѣхалъ въ Петербургъ и тамъ, въ одинъ изъ пріемныхъ дней, отправился къ Танѣеву. Могу себѣ представить его изумленіе, когда онъ увидѣлъ въ числѣ просителей высокаго, сутоловатаго, плохо одѣтаго юношу (Митенька одѣвался лишь настолько, чтобы прикрыть тѣло), съ красивыми, спокойными глазами, и освѣдомившись о томъ, что ему нужно, услыхалъ, что онъ дворянинъ, окончилъ курсъ наукъ и, желая быть полезнымъ родинѣ, избралъ съ этой цѣлью службу въ судебномъ вѣдомствѣ.

— Ваша фамилія?

— Графъ Толстой.

— Вы нигдѣ не служили?

— Я только-что окончилъ курсъ и хотѣлъ бы быть полезенъ.

— Какое мѣсто желали бы вы получить?

— Какое бы то ни было, лишь бы я могъ служить съ пользою.

Его серьезность и откровенность понравились Танѣеву; онъ повелъ его во второй департаментъ и поручилъ одному изъ чиновниковъ.

Вѣроятно, отношеніе чиновника къ нему или къ службѣ оттолкнуло Митеньку, такъ какъ онъ въ этотъ департаментъ не поступилъ. Въ Петербургѣ у Митеньки не было никого знакомыхъ, кромѣ одного юриста, Д. А. Оболенскаго, который, во время нашего пребыванія въ Казани, былъ тамъ присяжнымъ стряпчимъ. Митенька явился къ Оболенскому на дачу. Послѣдній разсказывалъ мнѣ объ этомъ посѣщеніи съ усмѣшкой. Оболенскій былъ человѣкъ свѣтскій, съ большимъ тактомъ и огромнымъ честолюбіемъ. Въ одинъ прекрасный день, когда у него были гости (по всей вѣроятности, по обыкновенію, люди высшаго круга), въ калитку сада вошелъ Митенька въ парусинной шапкѣ и балахонѣ.

„Сначала я его не узналъ,—разсказывалъ Оболенскій,—но, когда первый моментъ замѣшательства прошелъ, желая ободрить его, я представилъ его всѣмъ гостямъ и предложилъ ему снять верхнее

платье, то оказалось, что подъ верхнимъ платьемъ у него ничего не было одѣто, такъ какъ онъ находилъ это лишнимъ". Онъ сѣлъ и тотчасъ, не стѣсняясь присутствіемъ гостей, обратился къ Оболенскому съ тѣмъ же вопросомъ, какъ и къ Танѣеву, куда лучше поступить, чтобы быть полезнымъ? Этотъ вопросъ, по всей вѣроятности, никогда не приходилъ въ голову Оболенскому, для котораго служба была только средствомъ удовлетворить свое честолюбіе. Но, со свойственнымъ ему тактомъ, онъ отвѣчалъ добродушно, указалъ нѣсколько должностей и предложилъ свои услуги. Очевидно, Митенька не былъ удовлетворенъ ни Оболенскимъ, ни Танѣевымъ, ибо онъ уѣхалъ изъ Петербурга, не поступивъ на службу, и вернулся въ свое имѣніе. Мнѣ кажется, что онъ гдѣ-то служилъ, имѣлъ какое-то мѣсто въ Суджѣ, но, главнымъ образомъ, онъ занимался управленіемъ своего имѣнія.

Послѣ нашего выхода изъ университета, я потерялъ его изъ вида. Я знаю, что онъ велъ по-прежнему самую строгую жизнь и до двадцатишестилѣтняго возраста не пилъ, не курилъ и не зналъ женщинъ, что́ въ то время было большою рѣдкостью. Онъ водилъ дружбу съ монахами и странниками, и его закадычнымъ другомъ былъ одинъ большой чудакъ неизвѣстнаго происхожденія, жившій у нашего опекуна Воейкова. Его звали отецъ Лука. Онъ монашествовалъ и былъ очень безобразенъ: небольшого роста, кривоглазый, черномазый, но очень чистоплотный и необыкновенно крѣпкаго сложенія.

Взявъ васъ за руку, онъ сжималъ ее, какъ въ тискахъ, и говорилъ всегда съ важностью.

Онъ жилъ у Воейкова, подлѣ мельницы, гдѣ выстроилъ себѣ домъ и развелъ какой-то необыкновенный садъ. Этого-то отца Луку Митенька увезъ съ собою. Я слышалъ, что онъ посѣщалъ старосвѣтскаго помѣщика, нашего сосѣда, Самойлова.

Кажется, я былъ на Кавказѣ въ то время, когда въ Митенькѣ произошла необычайная перемѣна. Онъ вдругъ сталъ пить, курить, тратить деньги, посѣщать женщинъ. Какъ это случилось, я хорошенько не знаю, такъ какъ я не видалъ его въ то время. Мнѣ извѣстно одно, что его совратилъ младшій Исленевъ, человѣкъ весьма привлекательной наружности, но глубоко безнравственный.

Но и тутъ Митенька остался все тѣмъ же вѣрующимъ, серьезнымъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ во всемъ. Онъ выкупилъ и взялъ къ себѣ въ домъ проститутку Машу, первую женщину, которую онъ зналъ. Но въ общемъ, эта жизнь продолжалась недолго. Я думаю, что его могучій организмъ былъ сломленъ не столько дурной жизнью, которую онъ велъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Москвѣ, сколько угрызеніями совѣсти. Онъ заболѣлъ чахоткой и уѣхалъ въ деревню. Онъ лѣчился въ разныхъ городахъ и слегъ окончательно

въ Орлѣ, гдѣ я видѣлъ его послѣдній разъ, уже послѣ севастопольской кампаніи. Онъ былъ ужасенъ: огромныя кисти рукъ висѣли на изсохшихъ костяхъ, все лицо какъ бы состояло изъ однихъ глазъ, взглядъ которыхъ сталъ теперь какъ бы недоумѣвающимъ. Онъ то и дѣло покашливалъ, плевалъ; ему не хотѣлось умирать, и онъ не вѣрилъ, что онъ былъ при смерти.

Рябая Маша, въ платочкѣ на головѣ, ухаживала за нимъ. При мнѣ, по его желанію привезли къ нему чудотворную икону. Какъ сейчасъ помню выраженіе лица, съ какимъ онъ молился передъ этой иконой.

Въ то время я былъ особенно мерзокъ. Я пріѣхалъ въ Орелъ изъ Петербурга, гдѣ я вращался въ свѣтѣ и былъ полонъ тщеславія. Мнѣ было жаль Митеньку, но не слишкомъ; повернувшись въ Орлѣ, я уѣхалъ. Онъ умеръ нѣсколько дней спустя. Право, мнѣ кажется, что самое тяжелое для меня въ его смерти было то, что это помѣшало мнѣ быть на придворномъ спектаклѣ, куда я былъ приглашенъ".

Вскорѣ по пріѣздѣ изъ Орла Левъ Николаевичъ подалъ въ отставку. 25-го марта 1856 г. онъ писалъ брату Сергѣю Николаевичу.

„Я собираюсь на восемь мѣсяцевъ за границу. Если мнѣ дадутъ отпускъ, я уѣду; я писалъ объ этомъ Николаю и постараюсь уѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Было бы превосходно, если бы намъ удалось уѣхать всѣмъ троимъ. Если у каждаго изъ насъ будетъ по тысячѣ рублей, то можно сдѣлать великолѣпное путешествіе. Пиши мнѣ пожалуйста. Какъ ты находишь „Мятель"? Я ею недоволенъ,—не шутя. Теперь мнѣ хочется многое написать, но въ этомъ проклятомъ Петербургѣ вѣчно некогда. Дадутъ ли мнѣ разрѣшеніе ѣхать за границу или нѣтъ, во всякомъ случаѣ я намѣренъ взять отпускъ въ апрѣлѣ и уѣхать въ деревню".

12-го мая, еще въ Петербургѣ, Л. Н. отмѣтилъ въ дневникѣ:

„Самое дѣйствительное средство достигнуть въ жизни истиннаго счастья, это, не стѣсняясь ничѣмъ, соткать вокругъ себя, подобно пауку, цѣлую сѣть любви и излавливать въ нее все, что попадется: старуху, ребенка, молодую дѣвушку, полицейскаго..."

17-го мая 1856 г. Толстой уѣхалъ въ Москву.

День 26-го мая онъ провелъ въ семьѣ доктора Берса, женатаго на Исленевой, съ которой онъ игралъ въ дѣтствѣ. Въ дневникѣ Льва Николаевича записано по поводу этого посѣщенія:

„Насъ угощали и намъ прислуживали дѣти. Какія прелестныя, веселенькія дѣвочки!"

Одна изъ нихъ, младшая, сдѣлалась, шесть лѣтъ спустя его женою.

29-го мая онъ писалъ Сергѣю Николаевичу изъ Ясной Поляны:

„Я провелъ въ Москвѣ десять дней... очень пріятно; безъ шампанскаго и цыганъ... чуть-чуть влюбился... въ кого? разскажу послѣ...“

Подъ осень Л. Н. перенесъ серьезную болѣзнь. Въ первыхъ числахъ сентября, извѣщая брата о своемъ выздоровленіи, онъ писалъ:

„Только сегодня, въ понедѣльникъ, въ 9 часовъ вечера, я могу сообщить тебѣ благопріятный отвѣтъ. До тѣхъ поръ здоровье мое все время ухудшалось. Было приглашено два врача, поставлено сорокъ піявокъ; я только-что уснулъ и, проснувшись, почувствовалъ себя гораздо лучше. Тѣмъ не менѣе, нечего и думать о томъ, чтобы уѣхать ранѣе, какъ черезъ пять—шесть дней. До свиданія. Напиши мнѣ, когда ты уѣдешь и большіе ли у тебя недочеты въ дѣлахъ; не охоться особенно много безъ меня. Можетъ быть, я отошлю собакъ завтра“.

15-го сентября онъ писалъ:

„Дорогой другъ Сережа! На вопросъ, улучшилось ли мое здоровье, отвѣчу и да, и нѣтъ. Я не страдаю, воспаленіе прошло, но я чувствую какую-то тяжесть въ груди, нѣкоторую неловкость въ боку и по вечерамъ тупыя боли. Это пройдетъ, можетъ быть, мало-по-малу само собою, но я не скоро рѣшусь ѣхать въ Курскъ, а если это будетъ не скоро, то лучше вовсе не ѣздить. Если мнѣ не полегчаетъ недѣли черезъ двѣ, то я лучше поѣду въ Москву“.

Вскорѣ Л. Н. поселился снова въ Петербургѣ, откуда онъ писалъ 10-го ноября 1856 г.:

„Прости меня, дорогой другъ Сережа, что я пишу тебѣ всего пару словъ; по обыкновенію некогда. Со времени моего отъѣзда меня преслѣдуютъ неудачи. Я здѣсь никого не люблю. Говорятъ, будто въ „Отечественныхъ запискахъ“ меня выругали за мои военные разсказы. Я еще не читалъ этого. Но главное, Константиновъ передалъ мнѣ, какъ только я пріѣхалъ, что великій князь Михаилъ, узнавъ о томъ, что я—авторъ пѣсни, былъ очень недоволенъ, въ особенности, когда ему сказали, что я научилъ ей солдатъ.

Это гнусно! Я имѣлъ по этому поводу объясненіе съ начальникомъ главнаго штаба. Хорошо, что мое здоровье поправляется и что Шипулинскій сказалъ, что мои легкія въ исправности“.

Къ этому приблизительно времени относится одинъ эпизодъ, имѣвшій большое значеніе въ личной жизни Л. Н.—его увлеченіе дѣвицею В. С., сосѣдкою по имѣнію, едва не кончившееся бракомъ, по крайней мѣрѣ, родные и друзья смотрѣли на молодыхъ людей, какъ на жениха и невѣсту, и Т. А. Ергольская, съ которой Толстой

совѣтовался въ этомъ интимномъ дѣлѣ, была недовольна тѣмъ, что бракъ не состоялся.

5-го декабря 1856 г. Л. Н. писалъ ей изъ Москвы, гдѣ онъ провелъ весь декабрь мѣсяцъ:

„Вы говорите о В. то, что вы всегда говорили о ней, и я отвѣчу вамъ по обыкновенію откровенно. Тотчасъ по моемъ отъѣздѣ, первую недѣлю мнѣ казалось, что я влюбленъ. При моемъ пылкомъ воображеніи это было не трудно. Теперь, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ я принялся серьезно за занятія, мнѣ бы очень хотѣлось сказать, что я влюбленъ или просто люблю ее, но этого нѣтъ. Единственное чувство, которое я питаю къ ней, это признательность за ея любовь; вдобавокъ, когда я думаю о семейной жизни, мнѣ кажется, что изъ всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ я зналъ и знаю, она была бы для меня наилучшей женою. Вотъ по этому поводу я хотѣлъ бы знать ваше откровенное мнѣніе. Ошибаюсь я или нѣтъ? Я хотѣлъ бы сообразоваться съ вашимъ совѣтомъ: во-первыхъ, потому, что вы меня любите, а тотъ, кто любитъ, никогда не ошибается. Правда, я не испыталъ себя какъ слѣдуетъ, такъ какъ со времени моего отъѣзда я велъ жизнь скорѣе уединенную, нежели разсѣянную, и видѣлъ очень мало женщинъ. Тѣмъ не менѣе, я часто досадовалъ на то, что я связалъ себя съ нею, и раскаивался въ этомъ. И все же я говорю себѣ, что если бы я былъ увѣренъ въ томъ, что ея любовь ко мнѣ неизмѣнна [1]), если бы она и впредь любила меня не такъ, какъ теперь, но болѣе всѣхъ другихъ, то я, не колеблясь ни минуты, женился бы на ней. Я убѣжденъ, что въ такомъ случаѣ моя любовь къ ней росла бы все болѣе и болѣе и что, питая къ ней такое чувство, можно было бы сдѣлать изъ нея очень хорошую жену“ [2]).

12-го января Л. Н. возвращается къ тому же вопросу:

„Дорогая тетушка! — пишетъ онъ. — Я получилъ заграничный паспортъ и, пріѣхавъ въ Москву, хотѣлъ провести нѣсколько дней съ Машей, а затѣмъ отправиться въ Ясную, чтобы устроить свои дѣла и проститься съ вами.

Но теперь я передумалъ, въ особенности посовѣтовавшись съ Машенькой, и рѣшилъ провести здѣсь съ нею недѣлю или двѣ, а затѣмъ отправиться прямо черезъ Варшаву въ Парижъ. Вы понимаете, конечно, дорогая тетушка, почему я не хочу теперь ѣхать въ Ясную или лучше сказать въ С. и почему этого не слѣдуетъ дѣлать. Мнѣ

[1]) По словамъ Бирюкова, Л. Н. узналъ о мимолетномъ увлеченіи дѣвицы В. преподавателемъ музыки, который очень ухаживалъ за ней, и это сильно повліяло на него.

[2]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

кажется, что я поступилъ относительно В. нехорошо... но если бы я встрѣтился съ нею теперь, то я поступилъ бы еще хуже. Какъ я уже писалъ вамъ, я отношусь къ ней болѣе, чѣмъ равнодушно, и чувствую, что я не могу долѣе обманывать ни ее, ни себя. А если бы она пріѣхала, быть можетъ, по слабости характера, я сталъ бы снова обманывать себя.

Помните, дорогая тетушка, какъ вы смѣялись надо мною, когда я говорилъ вамъ, что я уѣду въ Петербургъ, чтобы испытать себя, а между тѣмъ, я обязанъ этому тѣмъ, что я не испортилъ жизнь молодой дѣвушки и свою собственную, ибо не думайте, что это непостоянство или измѣна съ моей стороны, за эти два мѣсяца мнѣ никто не понравился, я просто-на-просто увидѣлъ, что я ошибался и что я не только никогда не питалъ, но и не буду питать къ В. ни малѣйшаго чувства истинной любви. Единственно, что меня огорчаетъ, это то, что это могло повредить молодой дѣвушкѣ и что мнѣ не удастся проститься съ вами передъ отъѣздомъ. Я предполагаю вернуться въ Россію въ іюлѣ, но если хотите, пріѣду въ Ясную обнять васъ, такъ какъ я успѣю получить отъ васъ отвѣтъ въ Москвѣ“ [1]).

Т. А. Ергольская была недовольна этимъ разрывомъ, упрекала Л. Н. въ непостоянствѣ за его поведеніе по отношенію къ молодой дѣвушкѣ, которую онъ долго терзалъ своими сомнѣніями и надеждами.

„Судя по вашему письму,—писалъ Л. Н. въ отвѣтъ на эти упреки,—я вижу, что мы совершенно не понимаемъ другъ друга въ дѣлѣ С. Хотя я признаю себя виноватымъ въ непостоянствѣ и сознаю, что все это могло бы произойти совершенно иначе, тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что я поступилъ вполнѣ честно. Я все время говорилъ, что я не увѣренъ въ своемъ чувствѣ къ молодой дѣвушкѣ, но что это не любовь и что я хотѣлъ бы испытать себя. Испытаніе доказало, что я ошибался, и я написалъ объ этомъ В. со всевозможной искренностью.

Послѣ этого, мои отношенія къ ней были такъ чисты, что воспоминаніе о нихъ, если бы она вышла замужъ, я увѣренъ, никогда не будетъ ей непріятно; поэтому я и писалъ ей, что я хотѣлъ бы переписываться съ ней. Я не вижу, почему молодой человѣкъ долженъ быть непремѣнно влюбленъ въ молодую дѣвушку и долженъ жениться на ней, а не можетъ быть съ ней въ дружественныхъ отношеніяхъ, ибо что касается участія и дружбы, таковыя я всегда буду питать къ ней. Пусть m-elle Vergani, которая написала мнѣ такое нелѣпое письмо, припомнитъ, какъ я держалъ себя все время по отношенію къ В., какъ я говорилъ о томъ, что мнѣ слѣдовало бывать

---

[1]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

у нихъ какъ можно рѣже и какъ именно она совѣтовала мнѣ бывать чаще и войти въ болѣе близкія отношенія.

Я понимаю, что ей можетъ быть досадно, что вещь, которую она очень желала, не состоялась (можетъ быть, это мнѣ самому еще болѣе непріятно), но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы можно было сказать человѣку, который старался поступить какъ можно лучше и принесъ жертву, чтобы не быть причиною несчастія другихъ людей,— что онъ дуракъ (qu' il est un mufle), и увѣрять въ этомъ всѣхъ и каждаго. Я увѣренъ, что теперь вся Тула думаетъ, что я величайшій извергъ"[1]).

Нѣсколько времени спустя, узнавъ отъ Ергольской о томъ, что сестра его бывшей невѣсты вышла замужъ, Толстой писалъ:

„Что касается В.,—я никогда не питалъ къ ней истинной любви, но я увлекся непохвальнымъ желаніемъ внушить любовь; это доставляло мнѣ никогда еще неиспытанное наслажденіе.

Но время, проведенное вдали отъ нея, показало, что я не чувствовалъ ни малѣйшаго желанія увидаться съ нею, не говоря уже о томъ, чтобы жениться. Меня только страшила мысль объ обязанностяхъ, которыя мнѣ пришлось бы несть, по отношенію къ ней, не любя ее; вотъ почему я рѣшился уѣхать раньше, чѣмъ я думалъ, и поступилъ очень дурно, и я просилъ въ этомъ прощенія у Бога и у всѣхъ, кому я причинилъ горе, но поправить дѣло невозможно, теперь уже ничто въ мірѣ не могло бы сдѣлать, чтобы все стало попрежнему. Я очень желаю счастья Ольгѣ, я въ восторгѣ отъ того, что она выходитъ замужъ, но надобно признаться, дорогая тетушка,— что единственная вещь, которая могла бы доставить мнѣ истинное удовольствіе, это извѣстіе о томъ, что В. выходитъ замужъ за человѣка, котораго она любитъ и который былъ бы ея достоинъ, ибо, хотя я не питаю къ ней въ глубинѣ души ни малѣйшей любви, но я все-таки нахожу, что она хорошая, честная дѣвушка" [2]).

29 января 1857 г. Толстой отправился въ заграничное путешествіе. Совершивъ путь отъ Москвы до Варшавы въ почтовой каретѣ, а далѣе по желѣзной дорогѣ, онъ былъ около половины февраля въ Парижѣ, откуда ранней весною отправился въ Швейцарію и, тотчасъ по пріѣздѣ въ Женеву, писалъ Татьянѣ Александровнѣ:

„Я провелъ полтора мѣсяца въ Парижѣ такъ пріятно, что я каждый день думалъ о томъ, какъ хорошо я сдѣлалъ, поѣхавъ за границу. Я очень мало бывалъ въ обществѣ, въ литературномъ мірѣ, въ кафе и публичныхъ балахъ и, несмотря на это, видѣлъ тутъ столько новаго и интереснаго для себя, что, ложась спать, я каждый

[1]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.
[2]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

разъ говорилъ себѣ: какъ жаль, что день прошелъ такъ скоро, и я не успѣлъ даже поработать, какъ я намѣревался.

Бѣдный Тургеневъ очень боленъ физически, а еще болѣе нравственно. Его несчастная связь съ г-жею В. и его дочь удерживаютъ его въ климатѣ, пагубномъ для его здоровья; на него жалко смотрѣть. Я никогда не думалъ, чтобы онъ былъ способенъ такъ любить" [1]).

Изъ Женевы Л. Н. совершилъ, вмѣстѣ съ Боткинымъ и Дружининымъ экскурсію въ Пьемонтъ, а затѣмъ поселился на берегу Женевскаго озера, въ Кларансѣ.

„Сейчасъ получилъ ваше письмо, дорогая тетушка,—писалъ Л. Н. 18 мая. Оно застало меня, какъ вамъ уже, вѣроятно, извѣстно изъ моего послѣдняго письма, въ окрестностяхъ Женевы, въ Кларансѣ, въ той самой деревнѣ, гдѣ жила Юлія Руссо... Я не пытаюсь изобразить вамъ красоту этой мѣстности, въ особенности теперь, когда все зеленѣетъ и цвѣтетъ, скажу только, что буквально нѣтъ возможности оторваться отъ этого озера, отъ этихъ береговъ и что я провожу большую часть времени, гуляя или стоя въ своей комнатѣ у окна и любуясь. Я не нарадуюсь тому, что я вздумалъ уѣхать изъ Парижа и провести весну тутъ, хотя вы и упрекнули меня по этому поводу въ непостоянствѣ. Правду сказать, я счастливъ и начинаю чувствовать преимущество родиться въ сорочкѣ.

Здѣсь собралось прелестное общество русскихъ, тутъ Пущины, Карамзины, Мещерскіе, и всѣ, Богъ вѣсть почему, любятъ меня. Я это чувствую; весь мѣсяцъ, проведенный здѣсь, мнѣ было такъ хорошо, что грустно думать объ отъѣздѣ" [2]).

Проживъ два мѣсяца въ Кларансѣ, Толстой взялъ съ собою въ спутники десятилѣтняго мальчика Сашу,—сына однихъ своихъ знакомыхъ русскихъ, съ коими онъ встрѣтился въ Кларансѣ, и предпринялъ вмѣстѣ съ нимъ экскурсію въ горы. Въ неизданной рукописи Толстого сохранились замѣтки объ этомъ путешествіи.

Прежде всего, Л. Н. отправился въ лодкѣ изъ Кларанса въ Монтрэ.

„15/27 мая. Погода была ясная. Ярко голубое Женевское озеро съ бѣлыми и черными очертаніями рѣющихъ на немъ парусовъ и лодокъ сверкало передъ нами съ трехъ сторонъ. Около Женевы, въ отдаленномъ концѣ озера, нагрѣтый воздухъ дрожалъ и заволакивался дымкой. На противоположномъ берегу возвышались, покрытыя зеленью, Савойскія горы, съ бѣленькими домиками, разбросанными у ихъ подошвы, и съ большой разсѣлиной, походившей издали на бѣлую женщину въ древнемъ одѣяніи. Влѣво, надъ виноградниками, неподалеку отъ нихъ ясно вырисовывался, среди темной зелени фруктовыхъ са-

[1]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.
[2]) Оригиналъ написанъ по-французски.

довъ, Монтре съ изящной церковью, брошенной на склонѣ горы. На самомъ берегу озера виднѣлся Вильневъ съ его желѣзными крышами, блестѣвшими на солнцѣ; далѣе глубокая и таинственная долина съ нагроможденными одна на другую горами,—бѣлый и холодный Шильонскій замокъ на самомъ озерѣ и маленькій воспѣтый островокъ, кокетливо расположенный, напротивъ Вильнева. По озеру пробѣгала едва замѣтная рябь. Отвѣсные лучи солнца освѣщали голубоватую поверхность озера; распущенные паруса лодокъ какъ бы застыли на мѣстѣ...

Удивительная вещь! Я прожилъ въ Кларансѣ два мѣсяца, и всякій разъ утромъ или скорѣе вечеромъ, передъ обѣдомъ, когда я открывалъ окно, на которое уже ложатся въ это время тѣни, и смотрѣлъ на озеро, въ которомъ отражаются далекія голубоватыя горы, красота пейзажа ослѣпляла меня и захватывала съ неожиданной силой.

Тогда я хотѣлъ любить, я чувствовалъ даже любовь къ себѣ, я сожалѣлъ о прошломъ, надѣялся на будущее. Я былъ счастливъ сознаніемъ, что я живу, мнѣ хотѣлось жить долго, долго, и мысль о смерти вызывала во мнѣ какой-то дѣтскій, поэтическій трепетъ. Иной разъ, сидя совершенно одинъ въ тѣнистомъ саду, любуясь этими берегами и этимъ озеромъ, я испытывалъ какое-то особенное физическое состояніе, словно красота проникала путемъ зрѣнія мнѣ въ душу".

Однажды Л. Н. пошелъ въ горы.

„Надъ нами пѣли лѣсныя птички, какихъ не слышно на берегу озера. Пахло лѣсной сыростью и срубленной сосной. Идти было такъ пріятно, что намъ жаль было идти скоро. Вдругъ насъ поразилъ какой-то необыкновенный пріятный запахъ,—запахъ весны. Саша побѣжалъ въ лѣсъ и нарвалъ вишневаго цвѣта, но онъ издавалъ лишь слабый ароматъ. По обѣимъ сторонамъ дороги виднѣлись только зеленѣющія деревья и не цвѣтущіе кустарники, а между тѣмъ, сладкій, опьяняющій запахъ ощущался все сильнѣе. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ вправо, мы увидѣли какіе-то кустарники, и передъ нами открылась огромная зеленѣющая долина, съ разбросанными въ ней домиками.

Саша побѣжалъ въ долину, чтобы нарвать бѣлыхъ нарцисовъ, принесъ мнѣ огромный букетъ, издававшій сильный запахъ, и со свойственной дѣтямъ ненасытностью, бѣгалъ и срывалъ едва распустившіеся чудесные цвѣты, которые казались ему такими красивыми".

„16/28 мая. Мнѣ сказали правду: чѣмъ выше поднимаешься въ гору, тѣмъ легче становится идти. Вотъ уже часъ, какъ мы идемъ, но не чувствуемъ ни тяжести нашихъ мѣшковъ, ни усталости. Солнца

не было видно, но оно освѣщало своими лучами гору передъ нами, позолотивъ нѣсколько вершинъ и сосенъ на горизонтѣ. Внизу шумѣлъ потокъ, подлѣ насъ, журча, бѣжала вода изъ таявшаго снѣга, а на поворотѣ дороги, подъ нами, на страшной глубинѣ, открылось снова озеро и долина. Савойскія горы казались вдали совсѣмъ голубыми, только озеро синѣло, а освѣщенныя солнцемъ вершины казались розоватыми. Съ этого мѣста было видно болѣе снѣговыхъ горъ, онѣ казались выше и разнообразнѣе. На озерѣ, едва замѣтными точками, мелькали паруса и лодки. Это было красиво, удивительно красиво. Но это уже была не красота природы, это было нѣчто другое. Я не люблю этихъ величественныхъ, прославленныхъ видовъ, они нѣсколько холодны. Я люблю природу, когда она окружаетъ меня со всѣхъ сторонъ и переходитъ вдаль, но когда я нахожусь среди нея. Я люблю, когда меня окружаетъ со всѣхъ сторонъ теплый воздухъ, который уносится въ безконечную даль, когда на необозримыхъ поляхъ зеленѣетъ та самая сочная трава, которую я помялъ, отдыхая на ней, когда та же листва, которая, колеблемая вѣтромъ, бросаетъ тѣнь на мое лицо, образуетъ голубоватую даль лѣса, когда тотъ воздухъ, которымъ я дышу, синѣетъ въ небесной выси, когда я наслаждаюсь природой не одинъ, когда вокругъ меня жужжатъ и копошатся милліоны насѣкомыхъ, ползаютъ букашки и распѣваютъ птицы... А тутъ—эти маленькія, обнаженныя, пустыя пространства и гдѣ-то тамъ, вдали, что-то красивое скрыто за туманной дымкой! Но это нѣчто столь далекое, что оно не доставляетъ мнѣ главнаго наслажденія, какое можетъ дать природа. Я не чувствую себя частью цѣлаго. Безконечная даль прекрасна, но я не чувствую себя связаннымъ съ нею".

8 іюля Л. Н. писалъ изъ Люцерна Т. А. Ергольской:

„Я, кажется, писалъ вамъ, что я уѣхалъ изъ Кларанса съ намѣреніемъ совершить довольно большое путешествіе по сѣверной Швейцаріи, Рейну, Голландіи и Англіи, откуда я намѣреваюсь проѣхать снова во Францію, побывать въ Парижѣ, а въ августѣ мѣсяцѣ провести нѣкоторое время въ Римѣ и въ Неаполѣ. Если я переношу море, что̀ окажется при переѣздѣ изъ Гааги въ Лондонъ, то я вернусь, вѣроятно, Средиземнымъ моремъ, заѣду въ Константинополь и по Черному морю проѣду въ Одессу. Впрочемъ, все это одни предположенія; быть можетъ, они и не осуществятся, вслѣдствіе моего непостояннаго характера, за который вы вполнѣ основательно упрекаете меня, дорогая тетушка.

Пріѣхавъ въ Люцернъ,—городъ, лежащій въ сѣверной Швейцаріи, неподалеко отъ Рейна, я уже отложилъ свой отъѣздъ, чтобы провести нѣсколько дней въ этомъ восхитительномъ городкѣ“ [1]).

[1]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

Изъ Люцерна Л. Н. отпратился на Рейнъ, а затѣмъ посѣтилъ Шафгаузенъ, Баденъ, Штутгардъ, Франкфуртъ и Берлинъ; прибылъ 8 августа въ Штеттинъ, откуда онъ отплылъ въ Россію.

„Вотъ, какъ я распредѣлилъ въ дорогѣ свои занятія,—отмѣтилъ Л. Н. въ своемъ дневникѣ,—главное—это занятіе литературой; затѣмъ обязанности по отношенію къ семьѣ и управленіе имѣніемъ. Это послѣднее слѣдовало бы, впрочемъ, предоставить старостѣ. Я стараюсь усовершенствовать свое хозяйство, довольствоваться двумя тысячами въ годъ, употребляя остальную часть дохода на крестьянъ.

Главный камень преткновенія для меня—это мое увлеченіе либерализмомъ. Слѣдовало бы жить для себя: одного добраго дѣла въ день достаточно“.

„Жертва состоитъ не въ томъ, чтобы сказать: берите съ меня, что хотите; слѣдуетъ работать, думать, соображать, чтобы отдаться всецѣло“.

„Петербургъ въ первый моментъ огорчилъ меня [1]), но потомъ я почувствовалъ внутреннее удовлетвореніе. Теперь я спокоенъ, я знаю, что мнѣ есть что сказать и что я могу сказать это во всеуслышаніе. Что касается публики, она можетъ говорить что ей угодно, но надобно много работать, не щадя силъ, а тамъ... пусть плюютъ на алтарь“.

Въ февралѣ мѣсяцѣ Л. Н. переѣхалъ въ Ясную Поляну, гдѣ жилъ вмѣстѣ съ Т. А. Ергольской.

„Мы иногда цѣлыми мѣсяцами никого не видѣли. Какъ памятны мнѣ эти долгіе осенніе и зимніе вечера, о которыхъ я сохранилъ самое отрадное воспоминаніе. Въ эти вечера зародились самыя лучшія мои мысли, самыя лучшія движенія моей души. Бывало, сидишь въ креслѣ, читаешь, думаешь. Это достопамятное кресло и по сейчасъ у меня, но это уже не то. А диванъ, на которомъ спала старуха Наталья Петровна, жившая съ тетушкой не ради нея, а потому, что ей негдѣ было преклонить голову. Между окнами, подъ зеркаломъ стоялъ рабочій столъ тетушки, съ разными баночками, наполненными конфектами, печеньями, финиками, которыми она угощала меня. У окна, направо отъ дверей, стояло два кресла; одно очень удобное, вышитое; она любила, когда я сидѣлъ въ немъ по вечерамъ... Главная прелесть этой жизни состояла въ отсутствіи всякихъ матеріальныхъ заботъ, въ установившихся ко всѣмъ дружескихъ отношеніяхъ, неизмѣнно добрыхъ по отношенію къ ближнимъ, которые

---

[1]) По пріѣздѣ изъ-за границы Толстой отдалъ въ „Современникъ“ разсказъ „Люцернъ“ изъ дневника кн. Неклюдова; напечатанный въ сентябрскомъ номерѣ журнала за 1887 г., онъ прошелъ почти незамѣченный критикой и публикой.

не могли ничѣмъ быть нарушены, а равно въ спокойствіи и беззаботности, съ какими текло время. Можно было сказать: „Wer darauf sitzt, der ist glücklich und der glückliche bin ich“ [1]).

„Въ самомъ дѣлѣ, сидя въ этомъ креслѣ, я былъ истинно счастливъ. Послѣ разсѣянной жизни въ Тулѣ, у сосѣдей, съ картами, цыганами, охотой, нелѣпымъ тщеславіемъ, я возвращался домой, шелъ къ ней и по старой привычкѣ цѣловалъ ея нѣжную энергичную руку, а она цѣловала мою недостойную порочную руку. Поздоровавшись съ ней, я шутилъ съ Натальей Петровной, усаживался въ кресло. Она знала все, что я дѣлалъ, горевала объ этомъ, но никогда не дѣлала мнѣ упрековъ, а всегда была одинаково нѣжная, одинаково любящая. Я сижу въ креслѣ, читаю, думаю, слушаю, что она говоритъ съ Натальей Петровной. Онѣ вспоминаютъ прошлое, раскладываютъ пасіансъ, говорятъ о своихъ предчувствіяхъ, шутятъ о чемъ-нибудь, и объ старушки смѣются, въ особенности тетушка; какъ сейчасъ слышу ея дѣтскій, очаровательный смѣхъ. Я разсказывалъ, что жена одного изъ моихъ знакомыхъ измѣняетъ мужу и что мужъ, вѣроятно, будетъ радъ отдѣлаться отъ нея. Вдругъ тетушка, которая только-что указала передъ тѣмъ Натальѣ Петровнѣ на то, что восковая свѣчка сильно оплыла, что предвѣщало гостей, приподнявъ брови, сказала какъ нѣчто давно рѣшенное въ ея умѣ, что мужъ не долженъ такъ поступать, иначе онъ совсѣмъ потеряетъ жену. Затѣмъ она разсказала мнѣ драму, разыгравшуюся среди дворни, о чемъ сообщила ей Дунечка; потомъ принялась перечитывать письмо моей сестры Машеньки, которую она любила не меньше, если не больше меня, и говорить объ ея мужѣ, своемъ племянникѣ; она не порицала его, но грустила по поводу того, что онъ причинилъ горе Машенькѣ. Послѣ этого я принялся снова читать, а она стала перебирать свои бездѣлушки, подаренныя ей на память разными лицами.

Главной ея чертою, которая невольно сообщалась мнѣ, была необыкновенная доброта, распространяющаяся на всѣхъ безъ исключенія. Несмотря на все мое стараніе, я не могу припомнить ни одного случая, когда бы она вышла изъ себя или, дѣлая кому-нибудь замѣчаніе, сказала какое-нибудь обидное слово; на протяженіи тридцати лѣтъ я не могу припомнить ничего подобнаго. Она всегда говорила доброжелательно о другой тетушкѣ, которая жестоко огорчила ее, отнявъ у нея насъ; она не осуждала и мужа моей сестры, который поступилъ съ ней очень дурно. О прислугѣ и говорить нечего. Она была воспитана въ понятіи, что есть господа и слуги, но она пользовалась преимуществомъ своего положенія только для того, чтобы облегчать

[1]) Тотъ, кто сидитъ въ немъ, счастливъ и этотъ счастливецъ—я.

положеніе слугъ. Она никогда не дѣлала мнѣ прямо выговора за мое дурное поведеніе, хотя страдала отъ этого. Точно также она не укоряла нѣжно любимаго ею брата моего Сережу за его связь съ цыганкой. Ея тревога за него проявлялась единственно въ томъ, что когда онъ долго не приходилъ, она говорила: „что-то подѣлываетъ Сергѣй“, вмѣсто Сережи. Она никогда не пускалась въ разсужденія по поводу жизни. Вся нравственная работа совершалась въ ея душѣ, а съ внѣшней стороны она проявлялась только въ ея поступкахъ и даже не въ поступкахъ, ихъ не было, а во всей совокупности ея тихой, кроткой жизни, преисполненной любви, не той любви, которая хочетъ властвовать, но любви спокойной, мало замѣтной“.

Эти два качества: любовь и спокойствіе незамѣтно привлекали къ ней и придавали особую прелесть ея дружескимъ отношеніямъ.

Поэтому я не знаю ни одного человѣка, который бы не любилъ ее, точно такъ же, какъ не знаю случая, когда она кого-либо обидѣла. Она никогда не говорила о себѣ, никогда не говорила о религіи: о томъ, во что надо вѣрить, во что она вѣрила, какъ молилась. Она вѣрила во все, исключая догмата о вѣчномъ страданіи: „Богъ—воплощенное добро, не можетъ желать, чтобы мы страдали“, говорила она.

Я никогда не видѣлъ, какъ она молилась, исключая какъ на молебнахъ и панихидахъ. Можно было только догадаться, что я прерывалъ иногда ея молитву, по той особенной нѣжности, съ какой она встрѣчала меня, когда, бывало, пожелавъ ей уже покойной ночи, я заходилъ къ ней иногда поздно вечеромъ.

„Войди, войди, говорила она; а я только-что сказала Натальѣ Петровнѣ, что Николай еще придетъ къ намъ“. Она часто называла меня по имени отца; это было мнѣ очень пріятно, такъ какъ это показывало, что она соединяла меня мысленно въ своей любви къ батюшкѣ.

Однажды вечеромъ, когда я зашелъ къ ней, она была уже раздѣта; на плечи ея была наброшена косынка, ея крошечныя ноги были въ туфляхъ; Наталья Петровна также была раздѣта; видя, что я еще не хотѣлъ ложиться или что меня тяготило одиночество, она сказала:

— Садись, садись.

И эти полуночныя бесѣды оставили во мнѣ особенно пріятное воспоминаніе. Мы съ Натальей Петровной говорили что-нибудь смѣшное, а она отъ души хохотала. Наталья Петровна также смѣялась; обѣ онѣ, даже сами не зная чему, долго смѣялись, какъ дѣти, единственно потому, что онѣ любили и чувствовали себя хорошо.

Ей доставляла отраду не только любовь ко мнѣ, но вся эта ат-

мосфера любви ко всѣмъ, тутъ бывшимъ и отсутствовавшимъ, къ живымъ и мертвымъ и даже къ животнымъ.

Если бы я хотѣлъ копаться въ своей жизни, то я бы еще долго, долго говорилъ объ ней. Скажу пока только о томъ, какъ относился къ ней народъ, крестьяне Ясной Поляны; это высказалось во время ея похоронъ. Когда похоронная процессія шла по деревнѣ, изъ каждой избы выходили люди; приходилось остановиться и пропѣть литію. „Добрая была барыня; никогда никому не дѣлала зла“, говорили они; и всѣ любили ее за это. Лао-Тсе говоритъ, что вещи цѣнны тѣмъ, чего въ нихъ нѣтъ. То же и относительно жизни: главная ея цѣнность заключается въ томъ, чтобы ея не касалась никакая грязь; въ жизни тетушки Татьяны Александровны не было ничего дурного. Это легко сказать, но не легко сдѣлать; другого такого человѣка я не зналъ.

Она умерла тихо, медленно угасая и, согласно ея желанію, не въ той комнатѣ, гдѣ она жила и которую она не хотѣла испортить для насъ.

Въ послѣднія минуты она никого не узнавала, но меня узнавала до послѣдней минуты. Съ улыбкой на устахъ она вся какъ бы просвѣтлялась, подобно электрической лампѣ, когда нажимаютъ кнопку; по временамъ шевелила губами и старалась произнести: „Николай“, неразрывно связывая меня, передъ лицомъ смерти, съ тѣмъ, кого она любила всю жизнь.

И ей-то, ей, я отказывалъ въ ничтожномъ удовольствіи, которое ей доставляли финики и шоколадинки, которые она держала не столько для себя, сколько для того, чтобы угощать ими меня: я отказывалъ ей въ возможности давать немного денегъ тѣмъ, кто просилъ у нея помощи. Не могу вспомнить объ этомъ безъ тяжкихъ угрызеній совѣсти. Дорогая тетушка, прости меня!

Если бы молодымъ опытность, а старикамъ силы—не въ смыслѣ того добра, какимъ я не воспользовался въ молодости, но въ смыслѣ того добра, которое я не сдѣлалъ тѣмъ, коихъ уже нѣтъ на свѣтѣ“!

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1858 г. Левъ Николаевичъ едва не поплатился жизнью на охотѣ.

Вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этомъ случаѣ Т. А. въ письмѣ отъ 25-го декабря:

„Во-первыхъ, поздравляю васъ; во-вторыхъ, боюсь, чтобы о приключеніи, бывшемъ со мною, вамъ не передали съ искаженіями; поэтому спѣшу разсказать какъ было дѣло:

Мы охотились съ Николаемъ на медвѣдя; 21-го числа я убилъ медвѣдя; 22-го мы снова поѣхали на охоту, и со мною случилась самая необыкновенная вещь. Медвѣдь, не видя меня, бросился ко

мнѣ, я выстрѣлилъ на разстояніи шести шаговъ, первый разъ промахнулся, а второй разъ, стрѣляя въ двухъ шагахъ, нанесъ ему смертельную рану, но онъ бросился на меня, подмялъ меня подъ себя и, пока прибѣжали мнѣ на помощь, дважды укусилъ мнѣ лобъ надъ глазомъ и подъ глазомъ. Къ счастью, это продолжалось не болѣе 10 или 15 секундъ; затѣмъ медвѣдь убѣжалъ, а я всталъ на ноги съ маленькой ранкой, которая меня не безобразитъ и не причиняетъ мнѣ боли. Ни черепъ, ни глаза не пострадали,—я отдѣлался только шрамомъ на лбу. Въ настоящую минуту я въ Москвѣ и вполнѣ здоровъ. Пишу вамъ истинную правду, ничего не скрывая, чтобы вы не тревожились. Теперь все прошло; надобно только благодарить Бога, что Онъ меня спасъ такимъ необычайнымъ образомъ“ [1]).

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

Изъ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи.

Скоро двери русскихъ университетовъ откроются для женщинъ. Безконечные тормазы, которые встрѣчало у насъ высшее женское образованіе, отойдетъ уже въ область исторіи. Но исторія эта всегда будетъ поучительна. Въ настоящей замѣткѣ мы и хотимъ познакомить читателей съ однимъ характернымъ эпизодомъ изъ прошлаго высшаго женскаго образованія, когда роль тормаза сыгралъ старѣйшій изъ разсадниковъ культуры и просвѣщенія въ Россіи—московскій университетъ. Печатаемый ниже матеріалъ почерпнутъ нами изъ архива московскаго университета.

Въ 1861 году главное правленіе училищъ, разсмотрѣвъ ходатайство одной изъ представительницъ женскаго пола о разрѣшеніи ей слушать въ московскомъ университетѣ лекціи по медицинѣ для полученія впослѣдствіи лекарскаго званія, передало этотъ вопросъ на обсужденіе университетскаго совѣта. 23-го сентября совѣтъ имѣлъ по этому поводу сужденіе, и большинствомъ 23 противъ 2 постановилъ не допускать „ни подъ какимъ предлогомъ“ женщинъ къ слушанію лекцій въ университетѣ на томъ основаніи, что „совмѣстныя занятія могутъ вредно повліять на успѣшный ходъ занятій молодыхъ людей“. (Дѣла совѣта 1861 г. № 630). Такого мнѣнія держались наиболѣе выдающіеся профессора университета: въ числѣ ихъ былъ нашъ знаменитый историкъ Соловьевъ, проф. Щуровскій, Анке, Бабстъ,

Архивный фонд
Московской обл. библиотеки

Бодянскій, Капустинъ, Ешевскій и др. Только два голоса раздались въ пользу женщинъ, — голосъ проф. Зернова и Армфельда.

Поданное въ совѣтъ особое мнѣніе профессора Армфельда по своему интересу заслуживаетъ быть приведеннымъ цѣликомъ. Ниже мы его и печатаемъ. Мнѣніе профессора Армфельда повліяло на то, что совѣтъ профессоровъ, отвергнувъ ранѣе предложеніе о допущеніи женщинъ въ университетъ, почти единогласно высказался за необходимость учредить спеціальное заведеніе для подготовки „женскаго юношества".

Въ Совѣтъ Императорскаго Московскаго Университета.

Орд. Проф. Армфельда мнѣніе по 13-му пункту журнала 23-го сентября 1861 года.

23-го сентября, въ самомъ концѣ продолжительнаго засѣданія университетскаго совѣта, были предложены на его обсужденіе вопросы главнаго правленія училищъ: „1) могутъ ли вообще лица женскаго пола быть допущены къ слушанію университетскихъ лекцій совмѣстно съ студентами, и по всѣмъ ли факультетамъ; 2) какія условія должны быть постановлены при такомъ допущеніи, и 3) могутъ ли такія лица быть допускаемы къ испытанію на ученыя степени, и какими правами, въ случаѣ выдержанія испытанія, должны они пользоваться". По этимъ вопросамъ требовался отзывъ совѣта въ самомъ непродолжительномъ времени; обсужденіе ихъ продолжалось немного минутъ; затѣмъ было приступлено къ отобранію голосовъ, и всѣ они, за исключеніемъ двухъ, отвѣчали отрицательно на первый изъ вышеприписанныхъ вопросовъ: вмѣстѣ съ нимъ пали, сами собою, и два остальныхъ.

По краткости времени не могъ я ни выслушать, ни взвѣсить всѣхъ доводовъ, послужившихъ основаніемъ этого отрицательнаго рѣшенія. Я старался уяснить ихъ себѣ въ послѣдующіе дни своими собственными соображеніями,—но, признаюсь, безъ особеннаго успѣха. Сколько могъ я понять, причины устраненія женскаго пола отъ университетскихъ лекцій должны были заключаться или въ особенностяхъ женской натуры, или въ особенномъ устройствѣ нашихъ аудиторій, или, можетъ быть, въ частностяхъ той или другой науки, недоступныхъ, по общепринятымъ понятіямъ о приличіяхъ, для женскаго слуха и глаза.

Я провѣрилъ, и не въ первый разъ, свои гинекологическія свѣдѣнія, останавливая все свое вниманіе на тѣхъ особенностяхъ, ко-

торыя всего рѣшительнѣе отличаютъ женщину отъ мужщины въ физіологическомъ и психологическомъ отношеніи и всего яснѣе показываютъ, почему натура не воплотила идеи человѣка въ одномъ какомъ-либо полѣ, а раздѣлило это высшее изъ своихъ произведеній на двѣ половины, равно дополняющія одна другую, равно необходимыя, слѣдственно, и равноправныя. Я припомнилъ результаты наблюденій, своихъ и чужихъ, надъ безконечнымъ различіемъ природныхъ силъ, склонностей и способностей въ индивидуальныхъ женскихъ натурахъ. Я не забылъ ни спеціальнаго назначенія женщины, какъ супруги, матери и домохозяйки, ни тѣхъ ограниченій, которымъ подчиняетъ ее это назначеніе, ни тѣхъ затрудненій и препятствій, которыя встрѣчаетъ умственное развитіе ея въ слабой, односторонней подготовкѣ, въ нынѣшнихъ отношеніяхъ ея къ жизни общественной и гражданской, въ нашихъ нравахъ, привычкахъ и, смѣю прибавить, въ нашихъ традиціонныхъ предразсудкахъ. Я нашелъ много причинъ полагать, что число ученыхъ женщинъ всегда будетъ ниже числа ученыхъ мужчинъ, что юстиція и администрація, академическія каѳедры и высшее искусство гораздо чаще будутъ избирать своихъ служителей изъ лицъ мужского, чѣмъ женскаго пола; но рѣшительно не нашелъ ни въ организаціи женщины, вообще, ни въ устройствѣ ея мозга, въ особенности, ничего такого, что бы не дозволяло ей помышлять о возможномъ развитіи всѣхъ данныхъ ей Богомъ умственныхъ способностей; ничего, что бы воспрещало ей, пока не обременена она чрезмѣрными заботами семейными и хозяйственными, стремиться къ высшему научному образованію и удовлетворять этому стремленію всѣми позволительными средствами.

Въ доказательство, что наука вообще не есть дѣло женскаго ума, спрашиваютъ насъ, почему искони считалось такъ немного женщинъ, прославившихся своими знаніями, своимъ преподаваніемъ, своими сочиненіями; почему и эти немногія не отличались особенною творческою силою, не дѣлали великихъ открытій въ наукѣ, не оставляли по себѣ произведеній капитальныхъ и монументальныхъ? Подобные вопросы могли бы вызвать цѣлый рядъ другихъ, напримѣръ: что же доселѣ было и сдѣлано для умственнаго образованія женщины? Какая школа приготовляла ее къ высшей наукѣ? Какою мѣрою опредѣлимъ мы объемъ ея умственныхъ способностей и степень возможнаго ихъ развитія: неужели тою же самою, которую прикладываемъ къ мужчинѣ, для котораго устроены и гимназіи, и лицеи, и академіи, и университеты? И много ли, однако, выходитъ настоящихъ героевъ науки изъ этого несмѣтнаго числа учащихся; и что бы выходило изъ нихъ, если бъ не существовало для нихъ всѣхъ этихъ гимназій и университетовъ,—если бы попробовали продержать ихъ на умствен-

ной діэтѣ женскаго отрочества и юношества? Да и нужно ли, чтобы каждый учащійся выходилъ какимъ-нибудь Гумбольдтомъ, Ньютономъ или Бэкономъ? Не нужнѣе ли намъ, въ несравненно большемъ числѣ, вѣрные пріемники и проводники науки, посредники между этими свѣтилами первой величины и молодымъ поколѣніемъ, ищущимъ умственнаго свѣта? И на какомъ основаніи исключимъ мы изъ числа этихъ проводниковъ цѣлую половину человѣческаго рода, столь способную—если не создавать, по крайней мѣрѣ, воспринимать, практически осмысливать и популяризировать наши ученыя теоріи, особенно тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о передачѣ ихъ молодымъ лицамъ женскаго же пола? И если бы въ большинствѣ случаевъ и не было суждено женщинѣ разливать этотъ свѣтъ науки между другими, на какомъ основаніи лишимъ мы ее права искать его для себя самой?.. Смѣю думать, что эти вопросы вполнѣ стоятъ тѣхъ, которыми были порождены.

Обращаясь къ устройству нашихъ аудиторій, опять не вижу, что бы дѣлало ихъ недоступными для женскаго пола. Въ заведеніяхъ закрытыхъ, гдѣ юноши не только обучаются, но и воспитываются, гдѣ солидарность между учащимися и учащими не ограничивается однимъ размѣномъ научныхъ идей, а проникаетъ въ самую среду домашней жизни, конечно, никому не придетъ на мысль спрашивать о возможности совмѣстнаго воспитанія обоихъ половъ. Но есть ли что-либо подобное въ нынѣшней организаціи нашихъ университетовъ? Съ закрытіемъ института казенныхъ студентовъ и устраненіемъ своекоштныхъ отъ всякаго надзора университетскаго начальства внѣ стѣнъ университета прекратилась и послѣдняя этого рода связь, которая дотолѣ еще существовала между академическими учителями и ихъ слушателями, которая, впрочемъ, не препятствовала и постороннимъ лицамъ, при выполненіи извѣстныхъ условій, посѣщать наши университетскія залы. Единственнымъ отношеніемъ профессора къ студенту остается отношеніе преподавателя къ слушателю; единственнымъ средствомъ привлечь къ себѣ слушателей—достойное современной науки содержаніе лекцій, облеченное въ достойную науки форму и пропитанное достойнымъ ея духомъ: этимъ только путемъ—конечно, однимъ изъ самыхъ важныхъ и вѣрныхъ—можетъ профессоръ открыть себѣ доступъ и къ нравственному чувству своихъ слушателей. Но въ этомъ самомъ отношеніи состоитъ профессоръ къ каждому лицу вообще, присутствующему на его лекціи—будетъ ли оно называться студентомъ, или нѣтъ. Болѣе, чѣмъ когда-либо, оправдываютъ въ настоящее время и профессоры, и ихъ лекціи присвоенное имъ названіе—„публичныхъ“; свободнѣе, чѣмъ когда-либо, открываются двери нашихъ аудиторій для всѣхъ приходящихъ, безъ различія

званій и состояній, и даже степени образованности: чѣмъ же объяснится и оправдается исключеніе изъ этого общаго правила, основанное на различіи пола?.. Какое странное противорѣчіе самимъ себѣ! Мы ежедневно слышимъ жалобы на дисгармонію между мужскимъ и женскимъ образованіемъ; мы готовы вѣрить и повторять, что изъ многихъ и весьма многихъ „образованныхъ“ женщинъ едва та или другая въ состояніи понять мало-мальски образованнаго мужчину:— и мы же дѣлаемъ все возможное, чтобы отрѣшить женщину отъ нашихъ духовныхъ интересовъ, чтобы навсегда остаться этими „непризнанными“ и „непонятыми“. Мы довѣряемъ женщинамъ нашихъ сыновей на все время дѣтскаго возраста и до половины отроческаго, нашихъ дочерей—до совершеннолѣтія или замужества, мы сочувствуемъ изреченію знаменитаго германца, что для дѣтей самое лучшее только-только что годно: и мы же всѣми силами заботимся о томъ, чтобы умственное развитіе ихъ воспитательницъ не поднималось выше общаго уровня посредственности. Мы поздравляемъ нашихъ дамъ съ прогрессомъ, когда онѣ оставляютъ романъ какого-нибудь Дюма или Сю, чтобы отправиться на популярную лекцію геологіи или физики,—и содрогаемся и трепещемъ, какъ скоро замѣтимъ въ нихъ малѣйшее усиліе перешагнуть за тѣсные предѣлы популярныхъ знаній. Мы согласны въ томъ, что развитіе нравственнаго и эстетическаго чувства въ молодомъ человѣкѣ всего яснѣе видно по взгляду его на женщину, по понятіямъ его о женскомъ достоинствѣ и женской чести, и что эти понятія почти исключительно зависятъ отъ того, какого рода женщинъ имѣлъ онъ счастіе или несчастіе видѣть предъ собою—и мы какъ будто боимся встрѣчи его съ тѣми немногими, которыя имѣли довольно смѣлости, чтобы заявить, подобно ему, свою любовь къ наукѣ,—довольно рѣшимости и постоянства, чтобы приготовить себя къ занятіямъ факультетскимъ и устоять въ непривычной борьбѣ со всѣми трудностями ихъ. Дѣйствительно, мы услышали нѣсколько голосовъ, выражавшихъ опасеніе чтобы присутствіе женщинъ не оказало вреднаго вліянія на нашихъ слушателей, не заставило ихъ смотрѣть по сторонамъ, вмѣсто того, чтобы слѣдить за профессоромъ и его предметомъ. Не говоря о томъ, что подобная заботливость не доказываетъ слишкомъ высокаго мнѣнія объ интересѣ профессорскаго чтенія и любознательности нашихъ слушателей, я замѣчу только, что она заставила бы насъ, во избѣжаніе упрека въ непослѣдовательности и въ видахъ охраненія студенческаго сердца, пойти гораздо далѣе и потребовать, напримѣръ удаленія женщинъ отъ всѣхъ мѣстъ публичныхъ прогулокъ, отъ концертныхъ залъ, отъ театровъ и даже отъ церквей, дабы гг. студенты не развлекались понапрасну и не заглядывались на своихъ

сосѣдокъ, вмѣсто того, чтобы наслаждаться природою, слушать музыку, слѣдить за ходомъ драмы или молиться святымъ угодникамъ.

Самое важное неудобство при допущеніи женщинъ въ университетъ представляется намъ въ частныхъ статьяхъ извѣстныхъ учебныхъ предметовъ, мимо которыхъ наука пройти не можетъ и которыя болѣе или менѣе затрудняютъ преподавателя, обращающагося къ публикѣ женской или смѣшанной. Вообще говоря, этихъ статей внѣ цикла медицинскихъ наукъ, немного: мы не встрѣтимъ ихъ ни въ физикѣ, ни въ чистой математикѣ, ни въ большей части словесныхъ наукъ; но легко встрѣтятся онѣ въ зоотоміи и въ зоономіи, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ права гражданскаго, уголовнаго и церковнаго,—можетъ статься также въ исторіи, археологіи и политической экономіи, гдѣ, однако, уже легче обойти ихъ. Что это неудобство не составляетъ еще непреодолимаго препятствія, доказывается уже свободною передачею женскому полу тѣхъ наукъ, которыя въ свою очередь и въ продолженіе весьма долгаго времени затрудняли преподавателей безъ достаточной причины, а теперь не затрудняютъ никого. Сколько десятковъ лѣтъ прошло, прежде чѣмъ поняли учители ботаники, что, измѣнивъ нѣсколько техническихъ терминовъ и ни на волосъ не измѣняя наукѣ, можно объяснить шестнадцатилѣтней дѣвицѣ всю анатомію и физіологію растеній! Сколько вѣковъ, прежде чѣмъ женщины и дѣвицы свыклись съ мыслію о возможности учиться у мужчинъ родовспомогательному искусству!.. „Но въ акушерскихъ институтахъ обучаются женщины отдѣльно отъ мужчинъ: ихъ не смущаетъ преподаватель, а смущало бы присутствіе посторонніхъ слушателей“. Совершенно справедливо; но что же мѣшаетъ и преподавателю зоологіи, уголовнаго права и т. д. прочитать небольшое число лекцій каждому полу особо, между тѣмъ какъ три четверти, какъ девять десятыхъ полнаго его курса безпрепятственно могутъ быть прочитаны всей его смѣшанной ауди-торіи?

Очевидно, что всего болѣе затрудненій представитъ медицинскій факультетъ. А между тѣмъ — говоря уже въ видахъ общественной пользы, — то въ чемъ не нуждаемся мы такъ сильно, какъ въ образованныхъ врачахъ женскаго пола: въ этомъ убѣждаетъ насъ простой взглядъ на тѣ неоцѣнимыя услуги, которыя оказываетъ обществу институтъ родовспомогательницъ: кому не извѣстно, въ какой мѣрѣ сохраняется жизнь и здоровье роженицъ и уменьшается смертность новорожденныхъ при благоразумной организаціи т. н. низшаго повивальнаго искусства, т. е. исключающаго самыя трудныя мануальныя и всѣ инструментальныя пособія и обыкновенно предоставляемаго женщинамъ, и насколько это низшее акушерство, въ огромномъ боль-

шинствѣ случаевъ, нужнѣе и важнѣе высшаго? Какъ много добра могли бы сдѣлать женщины-врачи въ женскихъ болѣзняхъ, нерѣдко происходящихъ отъ причинъ, въ которыхъ не каждая пацієнтка рѣшится признаться своему медику! Какъ много въ дѣтскихъ недугахъ, гдѣ усердный уходъ и постоянное вниманіе иногда бываютъ важнѣе и дѣйствительнѣе всѣхъ лекарственныхъ средствъ! Какъ часто могли бы онѣ замѣнять врача при изслѣдованіи и освидѣтельствованіи дѣвицъ и женщинъ! Но для достиженія этой цѣли потребно основательное знаніе всѣхъ частей медицины: изученіе и практика отдѣльныхъ ея отраслей доселѣ оказались возможными только въ названной уже нами акушерской техникѣ, въ леченіи зубныхъ болѣзней и въ т. н. низшей или вспомогательной хирургіи.

Основываясь на всемъ вышеизложенномъ, прихожу къ слѣдующимъ убѣжденіямъ:

1. По первому вопросу главнаго правленія училищъ — что лица женскаго пола могутъ быть допускаемы къ слушанію университетскихъ лекцій совмѣстно со студентами. Но такъ какъ я уже указалъ на нѣкоторыя статьи, могущія затруднить преподавателя при изложеніи его предмета предъ смѣшанною публикою, и могъ еще упустить изъ виду многія другія, то справедливымъ кажется мнѣ отобрать отъ каждаго преподавателя особый отзывъ о томъ, встрѣчаетъ ли онъ это затрудненіе по своему предмету и не полагаетъ ли, что оно можетъ быть устранено, и какимъ именно способомъ. Эти отзывы могутъ прямо поступать на разсмотрѣніе университетскаго совѣта.

Въ отношеніи къ медицинскому факультету, полагаю, что онъ не иначе, какъ въ полномъ своемъ составѣ, долженъ приступить къ обсужденію этого вопроса. Легко можетъ статься, что онъ сочтетъ необходимымъ устроить совершенно особое отдѣленіе для образованія врачей женскаго пола. Можетъ также статься, что онъ пожелаетъ для нѣкоторыхъ частей медицины приготовить преподавательницъ, которыя должны будутъ пріобрѣсть докторскіе дипломы, прежде чѣмъ получить право преподавать.

2. По второму вопросу—что лица женскаго пола, желающія прослушать не отдѣльныя лекціи, а цѣлый факультетскій курсъ, съ правомъ подвергнуть себя, въ послѣдствіи времени, законному испытанію на ученую степень, должны предварительно выдержать полный вступительный экзаменъ, безъ малѣйшаго послабленія тѣхъ требованій, которымъ обязаны удовлетворить воспитанники высшаго класса гимназій. Для посѣщенія отдѣльныхъ курсовъ достаточно будетъ простого отзыва преподавателя, что онъ, со своей стороны, возраженій противъ него не имѣетъ.

3. По третьему вопросу — что лица женскаго пола, удостоенныя

докторскаго, магистерскаго или кандидатскаго диплома или, наконецъ, такого, который равнялъ бы ихъ съ дѣйствительными студентами, должны пользоваться соотвѣтствующими этимъ степенямъ правами: читать публичныя лекціи, преподавать въ публичныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, заниматься медицинскою практикою или адвокатурою, выходить изъ податного состоянія и т. д. Будутъ ли онѣ принимаемы въ коронную службу на такія мѣста, которыя доселѣ занимались исключительно лицами мужского пола, и съ какими модификаціями служебныхъ правъ,—это, разумѣется, будетъ зависѣть отъ благоусмотрѣнія высшаго начальства.

Въ заключеніе не могу умолчать о томъ, что многіе изъ моихъ почтеннѣйшихъ сотоварищей почти единогласно высказали мысль объ устроеніи заведенія, къ которому приготовлялось бы женское юношество въ учреждаемыхъ нынѣ гимназіяхъ, и въ которомъ довершалось бы, помимо университетовъ и академій, высшее научное образованіе женскаго пола, совершенно согласованное съ его натурою и съ его законными требованіями, съ его возможностями. Нельзя не сочувствовать отъ всей души этой благородной и вполнѣ современной мысли, и я признаюсь, что пожалѣлъ бы, если бы честь осуществленія ея не выпала на долю нашего университета, столь богатаго средствами всякаго рода. Но отъ проявленія идеи до осуществленія ея на дѣлѣ можетъ протечь много времени, между тѣмъ какъ наши университетскія аудиторіи готовы и ждутъ только одного слова, чтобы открыться для всѣхъ желающихъ войти: пусть же пользуется ими, въ ожиданіи лучшаго, та часть любознательной женской публики, которая не имѣетъ возможности выждать устроенія и открытія предполагаемаго для нея заведенія!

Только теперь, послѣ прямого отвѣта на отношеніе главнаго правленія училищъ, могу я коснуться вопроса, котораго ожидаю почти навѣрное: много ли дѣйствительной пользы принесетъ допущеніе женщинъ къ академическимъ курсамъ и ученымъ степенямъ, если оно будетъ привязано къ указаннымъ мною условіямъ; не останется ли это право ихъ надолго правомъ неприложимымъ и безполезнымъ, такъ какъ у насъ въ настоящее время немного найдется женщинъ, достаточно обученныхъ и древнимъ языкамъ, и математикѣ, и прочимъ предметамъ гимназическаго курса, чтобы выдержать вступительный экзаменъ во всемъ его объемѣ.

Отвѣтъ будетъ коротокъ. Главное правленіе училищъ не спрашиваетъ насъ, много ли, мало ли найдется охотницъ воспользоваться правомъ посѣщать факультетскія лекціи и пріобрѣтать ученыя степени, и найдутся ли онѣ вообще, и когда именно; оно спрашиваетъ только о томъ, можетъ ли это право быть признано за ними, или

нѣтъ; словомъ, оно спрашиваетъ о принципѣ, а не объ объемѣ его приложенія въ настоящую минуту. Какъ великъ будетъ этотъ объемъ, покажетъ время; кто рѣшится опредѣлить и предсказать его заранѣе?:. Но самый запросъ правленія есть уже весьма знаменательный фактъ. Онъ возникъ изъ частнаго, небывалаго у насъ случая: одна дѣвица просила дозволенія слушать въ университетѣ медицинскія лекціи для полученія впослѣдствіи лекарскаго званія. Я не имѣю чести знать эту дѣвицу, слѣдственно, не могу знать и того, заслуживаетъ ли прошеніе ея особеннаго уваженія. Я знаю только одно, что немного, весьма немного лѣтъ тому назадъ, десять подобныхъ прошеній не встрѣтило бы ничего, кромѣ оффиціальнаго отказа и нѣсколькихъ неоффиціальныхъ шуточекъ и остротъ, которыя въ то время считались очень забавными. Иначе смотритъ на это дѣло нынѣшнее просвѣщенное правленіе училищъ: оно считаетъ его довольно важнымъ, довольно тѣсно связаннымъ съ современнымъ вопросомъ о предѣлахъ женскаго образованія вообще, чтобы предложить его на обсужденіе университетскихъ совѣтовъ и выслушать серьезное, мотивированное ихъ мнѣніе. Подобный образъ дѣйствій не можетъ остаться безъ послѣдствій, не можетъ не вызвать на дальнѣйшія соображенія, не породить или не ускорить новыхъ проектовъ; доказательствомъ служитъ уже высказанная членами нашего совѣта мысль объ учрежденіи высшаго женскаго училища—мысль, которая, безъ сомнѣнія, могла бы родиться и безъ запроса главнаго правленія училищъ, но, по всей вѣроятности, не родилась бы въ самомъ концѣ засѣданія 23-го сентября. Еще разъ привѣтствуя эту прекрасную мысль выраженіемъ живѣйшаго сочувствія, я позволю себѣ, однако, замѣтить, что осуществленіе ея, сколько видно доселѣ, поведетъ пока только къ высшему научному изложенію, для женскаго пола исключительно, нѣкоторыхъ предметовъ по части новѣйшей словесности, всеобщей исторіи и географіи, естественныхъ наукъ и теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ, но все еще не рѣшитъ сомнѣнія въ томъ, можетъ ли женщина искать ученыхъ степеней по части древней филологіи, математики, юриспруденціи и медицины и посвящать себя условливаемымъ этими статьями занятіямъ. А потому и осмѣливаюсь представить на обсужденіе совѣта нижеслѣдующіе вопросы, на которые желалъ бы, по возможности, послушать категорическіе отвѣты.

1. Можно ли допустить, что женщинѣ, точно такъ же, какъ мужчинѣ, дозволено желать и искать спеціальнаго факультетскаго образованія, ученыхъ степеней и сопряженныхъ съ ними правъ? И если можно, то

2. Не будетъ ли достойнымъ нашего совѣта дѣломъ взять на

себя инициативу въ пріисканіи средствъ на удовлетвореніе этого законнаго желанія?

3. Не будетъ ли полезно объявить о пріисканіяхъ для факультетскаго образованія женщинъ средствъ заблаговременно, т. е. за годъ или за два до приведенія ихъ въ дѣйствіе, дабы желающія воспользоваться ими могли надлежащимъ образомъ приготовиться къ своимъ спеціальнымъ научнымъ занятіямъ? И наконецъ,

4. Если тотъ или другой факультетъ пріищетъ эти средства ранѣе прочихъ, то можетъ ли онъ представить свои соображенія о приведеніи ихъ въ дѣйствіе, не дожидаясь рѣшенія другихъ факультетовъ?“

Сообщилъ **С. Мельгуновъ.**

Записки В. А. Инсарскаго.

III[1]).

Отъѣздъ на Кавказъ.—Прибытіе въ Ставрополь.—Съѣздъ въ Ставрополь тифлисскихъ сановниковъ для встрѣчи великаго князя. — Свиданіе съ графомъ Евдокимовымъ и замѣчательныя его слова.—Торжественный въѣздъ великаго князя въ Тифлисъ — Въѣздъ великой княгини. — Балы и праздники въ ихъ честь.—Мой отъѣздъ въ Петербургъ. — Въ почтовомъ мірѣ. — Иванъ Матвѣевичъ Толстой.—Безполезность министерскихъ совѣтовъ. — Знаменитая податная комиссія. — Выстрѣлъ 4-го апрѣля. — Прибытіе Барятинскаго въ Петербургъ. — Толки о новомъ назначеніи его. — Несбыточность ихъ.— Паденіе его фондовъ.—Комиссаровъ.

Вернемся, однако, назадъ. День 28-го января былъ днемъ нашего совокупнаго съ Харитоновымъ отправленія на Кавказъ. Въ Москвѣ мы сѣли въ покойную дорожную карету, за которою должна была слѣдовать перекладная съ нашими вещами, подъ очереднымъ надзоромъ нашихъ камердинеровъ. Я такъ много и подробно описывалъ свои путешествія, что на этотъ разъ считаю за лучшее воздержаться отъ подробностей. Замѣчу только одну черту, свидѣтельствующую, какъ сильно благоговѣніе въ нашемъ народѣ къ царскому дому и къ августѣйшимъ членамъ его.

Дѣло въ томъ, что по тому пути, по которому мы ѣхали, было уже извѣстно о предстоящемъ проѣздѣ великаго князя Михаила Николаевича. Мудрено, впрочемъ, было и не знать этого, потому что громадныя толпы крестьянъ исправляли дороги; чинили и строили

[1]) См. „Русскую Старину“, январь 1907 г.

мосты. Если въ самыхъ столицахъ, на царскихъ подъѣздахъ собираются толпы народа, для того только, чтобы взглянуть на кого-нибудь изъ императорской фамиліи, то понятно, что въ замосковскихъ губерніяхъ проѣздъ великаго князя Михаила Николаевича долженъ былъ составлять эпоху, величіе которой отражалось и на насъ съ Харитоновымъ. Въ нашихъ подорожныхъ было прописано: „по высочайшему повелѣнію, состоящему при его императорскомъ высочествѣ великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ и т. п.“. Однихъ этихъ громкихъ и громадными буквами написанныхъ словъ было достаточно, чтобы распространить въ народѣ, относительно насъ, смутное, но, тѣмъ не менѣе, „глубокое высокопочитаніе“. Народъ, конечно, не могъ понимать, что именно за люди мы съ Харитоновымъ; но онъ видѣлъ и зналъ, что мы имѣемъ какую-то связь, какія-то отношенія съ императорской фамиліей, и потому уже единственно смотрѣлъ на насъ съ нѣкимъ благоговѣніемъ. И наше величіе и народное благоговѣніе особенно выражались въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ, гдѣ мы останавливались обѣдать или чай пить. Пока мы занимались тѣмъ или другимъ, дрянная какая-нибудь гостиница, гдѣ мы пребывали, окружалась постепенно толпами народа, жаждущаго взглянуть на наши не совсѣмъ презентабельныя физіономіи. Медленность и неповоротливость маленькаго и пузатенькаго Харитонова немало содѣйствовали, такъ сказать, нашимъ „сценическимъ“ успѣхамъ: Харитоновъ былъ типомъ „увальня“. Онъ вѣчно опаздывалъ и вѣчно заставлялъ кого-нибудь дожидаться. Кажется, все уже кончено и все готово; но онъ непремѣнно найдетъ предлогъ еще покопаться надъ чѣмъ-нибудь. Съ моимъ нетерпѣливымъ характеромъ, съ моими скорыми пріемами, я нерѣдко вступалъ съ нимъ въ баталіи по поводу его нестерпимой неповоротливости. Такъ, напр., лошади заложены, экипажи давно ждутъ у подъѣзда, обѣдъ конченъ — казалось бы, только сѣсть, да ѣхать. Не тутъ-то было: Харитоновъ продолжаетъ копаться и все неготовъ.

Весьма вѣроятно, что въ огромныхъ толпахъ, насъ ожидавшихъ, распространялось такое убѣжденіе: „видно въ самомъ дѣлѣ важные господа, что такъ долго проклаждаются!“ Съ этимъ вмѣстѣ, конечно, растетъ желаніе непремѣнно взглянуть „на этихъ важныхъ господъ“. Наконецъ, мы предстаемъ предъ этими многочисленными и нетерпѣливыми взорами: я съ чувствомъ какого-то невольнаго стѣсненія, которое овладѣваетъ каждымъ смертнымъ, когда онъ дѣлается предметомъ общаго вниманія; пузатенькій Харитоновъ, закутанный и перевязанный вдоль и поперекъ, — съ чувствомъ несомнѣннаго довольства. При нашемъ появленіи народныя толпы снимаютъ шапки. Я стараюсь скорѣе юркнуть въ карету. Харитоновъ, напротивъ, благо-

склонно раскланивается съ народомъ. Этого мало. Усѣвшись, наконецъ, въ карету, онъ, обыкновенно, и оттуда посылаетъ въ оба окна привѣтствія окружавшимъ насъ толпамъ. Одинъ изъ нашихъ камердинеровъ эффектно вскакивалъ на козлы, неистово восклицалъ: „пошелъ!“, и мы эффектно уносились вдаль, предоставляя обитателямъ мирнаго городка толковать о нашемъ проѣздѣ и выводить, вѣроятно, слѣдующія заключенія: „маленькій, пузастый, должно быть, главный, а черный состоитъ уже подъ нимъ!“

Торжественный комизмъ нашего величія особенно проявлялся при слѣдованіи нашемъ чрезъ мосты, подвергавшіеся, по случаю предстоящаго проѣзда великаго князя, починкамъ и передѣлкамъ. Толпы рабочихъ, при нашемъ приближеніи, пріостанавливали свои работы и съ почтеніемъ смотрѣли на экипажи, въ которыхъ заключались наши особы. Какой-нибудь старшій изъ нихъ, или сотскій, снявъ шапку, приближался къ окну кареты и докладывалъ, что намъ надо потрудиться выйти изъ кареты, потому что переѣздъ чрезъ разобранный и чинившійся мостъ не совсѣмъ безопасенъ. Я быстро выходилъ изъ кареты и преблагополучно шагалъ по стропиламъ и балкамъ разобраннаго моста. Харитоновъ, напротивъ, прежде, чѣмъ выйти изъ кареты, разспрашивалъ, почему мостъ не готовъ, потомъ замѣчалъ, какъ это нехорошо, что онъ не готовъ, и выражалъ неудовольствіе, что онъ долженъ безпокоиться, выходить изъ экипажа и идти пѣшкомъ. Всѣ эти предварительныя нотаціи внушали къ нему такое уваженіе со стороны мужиковъ, что, когда онъ, наконецъ, вываливался изъ кареты, они почтительно окружали его священную особу, брали его подъ руки и торжественно переводили чрезъ опасныя мѣста. Давно перейдя на другую сторону моста, я оборачивался назадъ и съ умиленіемъ видѣлъ, какъ толстенькій Харитоновъ, окруженный большою толпою съ непокрытыми головами, тихо и важно переваливался, продолжая милостиво разговаривать съ мужиками. Карета наша, между тѣмъ, переводилась, также въ сопровожденіи большой толпы, какимъ-нибудь окольнымъ путемъ и на другой сторонѣ переправы выѣзжала на большую дорогу. Мы снова помѣщались въ ней, и мой Харитоновъ снова посылалъ въ обѣ стороны стоявшему кругомъ кареты народу величавыя свои привѣтствія...

Безъ всякихъ особенныхъ приключеній, покойно, весело и, главное, весьма быстро, мы пріѣхали въ Ставрополь, гдѣ, заранѣе сдѣланными еще изъ Петербурга распоряженіями, приготовлены уже были для насъ особыя помѣщенія. Собственно для меня приготовлено было, можно сказать, великолѣпное помѣщеніе въ домѣ бывшаго откупщика или управлявшаго откупомъ, Смирнова или Кузмина, хорошо уже не помню, съ отмѣною откупной системы все-таки

сдѣлавшагося главнымъ и сильнѣйшимъ изъ мѣстныхъ винныхъ торговцевъ. Домъ этотъ былъ двухэтажный. Хозяинъ на это время какъ-то умѣстился въ нижнемъ этажѣ, а верхній этажъ, заключавшій въ себѣ парадныя комнаты, предоставленъ былъ въ полное мое распоряженіе. Этого мало. Самъ хозяинъ, со всѣми его средствами, довольно обширными, какъ у всѣхъ откупщиковъ, очутился тоже въ моемъ распоряженіи. Я не могу достаточно выразить, до какой степени былъ добръ, внимателенъ и предупредителенъ въ отношеніи ко мнѣ этотъ радушный и хлѣбосольный хозяинъ. Буквально въ теченіе цѣлаго дня онъ, казалось, только тѣмъ и занимался, чтобы угадывать и предупреждать мои желанія. Обѣды и ужины, которыми онъ меня угощалъ, были истинно великолѣпны, и я былъ настолько безсовѣстенъ, что не только поѣдалъ ихъ безъ всякой церемоніи, но еще приглашалъ къ себѣ многочисленную публику на обѣды и вечера, особенно, когда, по случаю моего заболѣвшаго горла, я вынужденъ былъ сидѣть дома. Въ моемъ же распоряженіи состоялъ его прекрасный экипажъ съ прекрасными лошадьми. Однимъ словомъ, по милости этого добраго человѣка, я окруженъ былъ величайшимъ комфортомъ и считаю долгомъ заявить здѣсь ему мою искреннюю признательность.

По общему плану, высланному великимъ княземъ на Кавказъ, тифлисскія власти должны были также сосредоточиться въ Ставрополѣ, для встрѣчи его высочества. На этомъ основаніи власти эти пріѣхали туда частью до насъ, а частью вслѣдъ за нами. Такимъ образомъ, Ставрополь принялъ въ это время весьма оживленный видъ. Губернаторъ, хромой Пащенко, о которомъ я говорилъ выше, метался во всѣ стороны. Когда я вынужденъ былъ сидѣть дома, онъ ежедневно просиживалъ у меня по нѣсколько часовъ. Такую пріязнь я не имѣю никакой претензіи относить къ взаимной нашей симпатіи. Скорѣе эта усиленная пріязнь съ его стороны происходила отъ общихъ толковъ и недоумѣній по вопросу: „зачѣмъ я пріѣхалъ на Кавказъ? что я буду дѣлать тамъ? какое назначеніе мнѣ дадутъ?“ Хотя переходъ мой въ петербургскую службу не составлялъ уже никакой тайны, тѣмъ не менѣе, на него какъ-то не обращали вниманія, и большинство думало, что я все-таки буду служить и дѣйствовать на Кавказѣ. Именно вопросъ о томъ: въ какомъ видѣ, въ какомъ назначеніи я буду служить и дѣйствовать, занималъ многихъ. Туземная изобрѣтательность давала мнѣ различныя должности и положенія. Большинство готово было пари держать, что я буду начальникомъ главнаго управленія, тѣмъ болѣе, что предназначеніе въ эту должность барона Николаи покрыто было еще въ то время значительнымъ туманомъ. Мои разувѣренія, что я скоро опять уѣду, плохо дѣйствовали, и по-

нятно, что и Пащенко, находясь подъ вліяніемъ этихъ толковъ и предположеній, считалъ неизлишнимъ особенно лебезить предо мною и, по выраженію князя, „выкидывать курбеты“.

Какъ бы то ни было, когда Ставрополь наполнился тифлисцами, по обычаю кавказскому начались обѣды, вечера и разнородные пиры, въ ожиданіи пріѣзда великаго князя. Все, что прибывало въ Ставрополь, считало долгомъ отдать, прежде всего, визитъ графу Евдокимову, какъ хозяину края. То же, разумѣется, сдѣлано было и нами съ Харитоновымъ, и именно при этомъ посѣщеніи Евдокимовъ весьма самоувѣренно и безцеремонно говорилъ объ интригахъ старшаго князя Мирскаго, стремящагося занять его мѣсто, и такъ эффектно заключалъ свои воззрѣнія по этой части слѣдующими замѣчательными словами: „я скажу великому князю: ваше высочество! если вы находите меня негоднымъ и неспособнымъ — прогоните меня. Я пойду безъ ропота. Но самъ я не пойду и никого на свое мѣсто не пущу. Не время мнѣ теперь уходить. Дайте мнѣ прежде кончить мое дѣло!“ Въ словахъ этихъ видна была полнѣйшая увѣренность Евдокимова, что его не рѣшатся и пальцемъ тронуть до покоренія западнаго Кавказа, для чего всѣ нити и средства сосредоточены уже были въ его опытныхъ рукахъ.

Надо замѣтить, что, вопреки бабьимъ привычкамъ моего пріятеля Харитонова, я терпѣть не могу кутаться. На всевозможныя кашне и другія вспомогательныя средства я смотрѣлъ всегда съ глубокимъ отвращеніемъ. Я всегда думалъ, что эти вещи скорѣе содѣйствуютъ простудѣ, чѣмъ предохраняютъ отъ нея. Тѣмъ не менѣе, отправляясь изъ Петербурга среди зимы, я не могъ, для успокоенія моей жены, не уступить ея усиленнымъ настояніямъ и не обернуть своей шеи кашне, нарочно ею пріобрѣтеннымъ. Удовлетворивъ ея заботливымъ желаніямъ, мнѣ слѣдовало бы, на второй же верстѣ отъ Петербурга, освободиться отъ этой штуки; но, къ сожалѣнію, мнѣ показалось, что моя фигура значительно выигрываетъ, украшенная этимъ эффектнымъ шарфомъ. Это пагубное заблужденіе было причиною, что я ѣхалъ въ кашне не только до Москвы, но и далѣе изъ Москвы. На какой-то станціи я, однако, потерялъ эту красивую штуку и вслѣдъ затѣмъ почувствовалъ, что съ моимъ горломъ что-то не благополучно. По ночамъ я началъ сильно кашлять, а въ теченіе дня хрипѣть и сипѣть. Въ этомъ положеніи я пріѣхалъ и въ Ставрополь. Потерявъ всякое довѣріе къ медицинѣ, я пересталъ уже обращаться къ ней, какіе бы недуги ни появлялись въ моемъ организмѣ, и предоставлялъ имъ дѣйствовать по силѣ законовъ натуры, а никакъ не по вліянію ничего непонимающихъ докторовъ. Поэтому я не только не обращалъ никакого вниманія на дурное состояніе моего горла

но напротивъ усиленно раздражалъ его громадными пріемами холоднаго шампанскаго, разливавшагося на ставропольскихъ пиршествахъ. Дѣло шло все хуже, и я, наконецъ, совершенно потерялъ голосъ. Знакомые и товарищи уговаривали меня посидѣть дома и принять какія-нибудь мѣры. Кто-то изъ нихъ упомянулъ мимоходомъ о горловой чахоткѣ. Въ то же время добрый хозяинъ мой, какъ будто здоровье мое возложено было на его отвѣтственность, неотступно убѣждалъ меня переговорить съ его домашнимъ докторомъ, лучшимъ изъ ставропольскихъ докторовъ. Доктора я принялъ и получилъ отъ него самый рѣшительный совѣтъ сидѣть дома, съ замѣчаніемъ, что иначе, дескать, будетъ плохо. Я не безъ основанія полагалъ, что если доктора безсильны для того, чтобы поправить плохое дѣло, то настолько-то они все-таки смыслятъ, чтобы разобрать, въ какую сторону смотритъ и направляется то или другое болѣзненное явленіе. Впрочемъ, я мало обращалъ вниманія и на послѣдствія своей болѣзни, и на совѣты доктора; мнѣ хотѣлось собственно оправиться и начать по-человѣчески говорить до пріѣзда великаго князя, тѣмъ болѣе, что его высочество, какъ онъ говорилъ въ Петербургѣ, быть можетъ, найдетъ нужнымъ взять меня съ собою при обозрѣніи западнаго Кавказа.

Подъ вліяніемъ этихъ желаній и ожиданій я и засѣлъ дома и тутъ-то, какъ и выше замѣчено, началъ почти ежедневно приглашать къ себѣ многочисленную публику. Дѣло, однако, нисколько не улучшалось. Время пріѣзда великаго князя сближалось, а я продолжалъ, по-прежнему, въ продолженіе ночи, безпрерывно кашлять, а въ теченіе дня оставаться совершенно безгласнымъ. Съ величайшимъ сожалѣніемъ я видѣлъ, что я долженъ буду лишиться участія какъ въ самой встрѣчѣ великаго князя, такъ и въ послѣдующихъ затѣмъ торжествахъ и праздникахъ.

Надо замѣтить, что домъ, въ которомъ я жилъ, стоялъ на какой-то необъятной площади, раздѣлявшей городъ на двѣ половины. Окна мои выходили прямо на эту площадь, и я могъ обозрѣвать все ея неизмѣримое пространство. Ставропольцы говорили, что во время зимнихъ вьюгъ, черезъ эту площадь, особенно ночью, не рѣшаются переѣзжать, ибо были примѣры весьма непріятныхъ и опасныхъ, въ подобныхъ случаяхъ, плутаній по этой площади въ теченіе цѣлой ночи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я могъ видѣть и окраины, или, лучше сказать, концы, тѣхъ улицъ, которыя выходили на эту площадь. Большое, каменное, одноэтажное зданіе, въ которомъ обыкновенно помѣщался графъ Евдокимовъ и въ которомъ, на этотъ разъ, приготовлено было помѣщеніе для великаго князя, бокомъ выходило на площадь, а главнымъ фасадомъ въ какую-то улицу, отъ нея идущую. Великому

князю, какъ и каждому пріѣзжающему въ Ставрополь съ московской стороны, предстояло прорѣзать эту громадную площадь съ одного конца на другой. Такимъ образомъ, я могъ видѣть изъ своихъ оконъ отличнѣйшимъ образомъ торжественный въѣздъ великаго князя въ Ставрополь. Отказавшись уже отъ всякой возможности принять какое-либо личное участіе въ встрѣчѣ его высочества, я долженъ былъ, невольнымъ образомъ, обратиться въ простого зрителя этого замѣчательнаго для Кавказа событія.

Помню хорошо, что день въѣзда великаго князя былъ несказанно отвратительнѣйшій. Съ самаго утра поднялась сильнѣйшая вьюга, которая уничтожила всѣ предварительныя расчистки, почти ежедневно производимыя, и буквально занесла грудами снѣга невысокій домъ, назначенный для пріема великаго князя, несмотря, однако же, на то, большія народныя толпы, пѣшія и конныя, съ ранняго утра двинулись навстрѣчу новаго намѣстника. Всѣ мѣстныя власти должны были въ назначенный часъ собраться въ пріемныхъ комнатахъ дома, и я видѣлъ, какъ различные генералы и офицеры съѣзжались туда въ разнокалиберныхъ экипажахъ, видѣлъ потому, что подъѣздъ былъ со двора, а въѣздъ во дворъ былъ именно съ той стороны, которая выходила на площадь. Наконецъ, черезъ площадь стали проноситься тройки курьеровъ и адъютантовъ, высланныхъ впередъ Евдокимовымъ, для наблюденія за движеніемъ великаго князя; потомъ появилась громадная петербургской, да еще придворной, конструкціи коляска великаго князи, запряженная восемью, чуть ли не десятью лошадьми, съ нѣсколькими форейторами и окруженная многочисленнымъ конвоемъ. За этою коляскою неслось множество другихъ экипажей съ адъютантами и другими лицами, составлявшими свиту великаго князя. Все это пролетѣло мимо дома Евдокимова прямо въ соборъ, гдѣ его высочество, установленнымъ на подобные случаи порядкомъ, встрѣченъ былъ духовенствомъ, совершившимъ обычное благодарственное молебствіе. Изъ собора великій князь скоро прибылъ въ назначенный для него домъ, гдѣ и совершилось представленіе ему всѣхъ чиновъ, заблаговременно тамъ собранныхъ. На моихъ глазахъ чины эти, послѣ пріема, стали расползаться на своихъ подводахъ въ разныя стороны. Многіе изъ этихъ чиновъ заѣхали ко мнѣ, разсказывали подробности пріема, а въ заключеніе объявили, что въ этотъ же день у великаго князя парадный обѣдъ.

Много разъ слышалъ я, что придворная сфера имѣетъ свойство заражать всѣхъ, заглянувшихъ въ нее, какою-то болѣзнію „притяженія“. Человѣка, побывавшаго въ этой сферѣ, начинаетъ уже неудержимо тянуть туда. Человѣкъ, не получившій туда приглашенія, тогда какъ, по его разсчетамъ, онъ долженъ быть приглашенъ, начи-

наетъ болѣть, въ особенности испытывая желчные припадки... Мимоходомъ я замѣчалъ подобныя явленія въ Тифлисѣ, гдѣ князь Барятинскій умѣлъ создать придворную жизнь со всѣми ея прелестями, интересами и волненіями; но въ отношеніи къ двору князя я былъ въ такомъ исключительномъ положеніи, что мнѣ никогда не приходилось страдать отъ недостатка приглашеній; напротивъ, я не одинъ разъ отказывался, въ своей простонародной, такъ сказать, наивности отъ этихъ приглашеній, которыми лично удостаивалъ меня самъ князь. Что касается до большой и высшей придворной сферы, то ни по рожденію, ни по значенію своему, я никогда не принадлежалъ къ ней и, слѣдовательно, не могъ заразиться болѣзненно-честолюбивыми недугами, которые въ ней носились и изъ нея истекали. Между тѣмъ, въ тотъ моментъ, о которомъ разсказываю, я не могъ не чувствовать какого-то недовольства. Мнѣ было положительно досадно, что всѣ представляются великому князю, будутъ обѣдать сегодня же съ его высочествомъ и участвовать въ дальнѣйшихъ торжествахъ, а я одинъ долженъ быть лишенъ этого почетнаго участія, смотрѣть издали на съѣзды и разъѣзды приглашенныхъ къ обѣду и изъ десятыхъ рукъ, такъ сказать, узнавать, что тамъ происходило, выслушивать различныя подробности, всегда такъ интересныя для отсутствующаго. Въ эти минуты, казалось, я дорого бы далъ, чтобы имѣть возможность облечься въ парадную форму, подкатить на прекрасныхъ лошадяхъ моего добраго хозяина къ подъѣзду великаго князя и съ обычнымъ шикомъ явиться среди толпы „чающихъ движенія воды“. Но дѣлать было нечего. Если мое положеніе не было блистательно, когда я долженъ былъ смотрѣть изъ своихъ оконъ на новый съѣздъ различныхъ господъ къ обѣду великаго князя, то мнѣ приходила въ голову та успокоительная мысль, что оно едва-ли было бы блистательнѣе, еслибъ я находился среди этой толпы совершенно безъ всякаго голоса.

Когда обѣдъ кончился и приглашенные вновь расползлись въ разныя стороны, личности петербургской свиты, прибывшей съ великимъ княземъ: графъ Левашовъ, Гротъ, Философовъ, Пиленко постепенно посѣтили меня. Всѣ они передали мнѣ, что великій князь много разъ спрашивалъ и разспрашивалъ обо мнѣ, сильно интересуется моимъ положеніемъ и поручилъ домашнему своему доктору Либау, привезенному изъ Петербурга, осмотрѣть меня и вылечить. Дѣйствительно, въ тотъ же вечеръ Либау былъ у меня и такъ сурово взглянулъ на мое положеніе, что не только отвергъ всѣ просьбы мои о дозволеніи выѣзжать, но рѣшительно повелѣлъ оставаться въ комнатѣ до возвращенія голоса. Снабдивъ меня различными рецептами, Либау многозначительно прибавилъ: „тутъ, батюшка, шутить нечего“. Такимъ

образомъ, послѣднія надежды мои примкнуть къ ставропольскимъ торжествамъ лопнули, и мнѣ оставалось слушать различные разсказы о нихъ отъ моихъ благосклонныхъ посѣтителей, радушно наполнявшихъ мои комнаты съ утра до поздней ночи. Этихъ разсказовъ я повторять не буду. Достаточно сказать, что Ставрополь, понятнымъ образомъ, изъ кожи лѣзъ, чтобы отличиться передъ новымъ намѣстникомъ и дѣлалъ все, чтобы встрѣча великаго князя, которая выпала на долю сему граду, была сколь можно блистательна.

Наконецъ, наступилъ день отъѣзда его высочества для обозрѣнія Западнаго Кавказа. Погода была все-таки отвратительна. О путяхъ сообщенія въ этой странѣ нетрудно составить понятіе. Все это, въ совокупности, т. е. и погода, и дорога, произвели то, что великому князю, какъ потомъ говорили, доводилось, въ продолженіе этого путешествія, не только ѣхать въ простыхъ саняхъ, на перекладныхъ, но иногда шествовать пѣшкомъ по нѣсколько верстъ. Впрочемъ, всѣ эти неудобства и лишенія, какъ тоже извѣстно изъ разсказовъ, великій князь переносилъ не только безъ малѣйшихъ претензій, но молодецки, истинно на военную ногу. Скука моего положенія послѣ отъѣзда великаго князя и его свиты въ одну сторону, а тифлисцевъ—обратно въ Тифлисъ, увеличилась въ несказанной степени, тѣмъ болѣе, что и въ моемъ положеніи не оказывалось никакихъ рѣшительно улучшеній. Тотъ же безпрерывный кашель ночью и та же безголосица днемъ! Казалось, что я если цѣлое столѣтіе просижу въ своей комнатѣ—все то же будетъ. Я потерялъ, наконецъ, терпѣніе и отправился въ Тифлисъ.

Само собою разумѣется, что съ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга снова загорѣлась между мною и моей женой оживленная переписка. Приведу здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ моихъ ставропольскихъ писемъ...

9-го февраля 1863 г. „Я въ Ставрополѣ. Путь нашъ совершился весьма быстро, счастливо и покойно. Везли насъ почти вездѣ по 18 верстъ въ часъ. Дорога была весьма удовлетворительна. Несмотря на безпримѣрную трусость и вялость моего дряблаго спутника на ежедневные почлеги, значительныя остановки въ Воронежѣ и Новочеркасскѣ, мы все-таки пріѣхали въ Ставрополь на девятый день, а именно въ четвергъ утромъ, 7-го февраля. Мнѣ отвели великолѣпное помѣщеніе. Харитоновъ помѣстился у знакомаго. Пащенко и всѣ другія власти усердно за нами ухаживаютъ. Ставрополь находится въ тревожномъ состояніи, связанномъ съ безпрерывными ожиданіями. Послѣ нашего пріѣзда, сегодня, т. е. въ субботу, имѣетъ произойти встрѣча князя Орбеліани и Крузенштерна, ожидаемыхъ изъ Тифлиса. Завтра ожидаютъ прибытія новаго архіерея. Затѣмъ во втор-

*

никъ имѣетъ произойти прибытіе великаго князя. По предварительнымъ соображеніямъ его высочество пробудетъ здѣсь дня два и затѣмъ отправится въ отряды, ведущіе войну, и дней 20 посвятитъ на ихъ обозрѣніе. Съ пріѣздомъ его рѣшится вопросъ: отправитъ ли онъ меня прямо въ Тифлисъ или возьметъ съ собою на передовыя линіи, чего, по правдѣ сказать, мнѣ не очень бы хотѣлось"...

11-го февраля. „Пріѣхали сюда князь Орбеліани съ Крузенштерномъ, Карцовымъ и другими чинами. Въ кавказскихъ властяхъ я нашелъ тѣ же далеко не знаменитыя личности, которыя и тебѣ извѣстны. Особеннаго новаго и замѣчательнаго въ тифлисской жизни и тамошнихъ дѣлахъ ничего нѣтъ, да это тебя и вообще не интересуетъ. Интереснаго для тебя развѣ то только, что Харитоновъ, какъ и слѣдовало ожидать, перепутавъ свои дѣла и сначала отказавшись отъ финансоваго департамента, потомъ не умѣлъ ничего устроить для себя въ Петербургѣ и, вслѣдствіе того, снова сунувшись въ кавказскіе финансы, остается по всѣмъ признакамъ между небомъ и землею или, какъ нынѣ говоритъ, безъ почвы, потому что Крузенштернъ не находитъ никакого удовольствія входить снова въ служебныя отношенія съ Харитоновымъ, такъ что господинъ этотъ, послѣ личныхъ и продолжительныхъ сношеній съ фельдмаршаломъ и великимъ княземъ, послѣ дружескихъ конференцій (какъ онъ увѣряетъ) съ различными министрами, намѣревается просить того же Крузенштерна помочь ему пристроиться какъ-нибудь въ Петербургѣ. Добрый, но наипустѣйшій изъ смертныхъ! Здѣсь ежедневно званые обѣды; даже и сегодня, т. е. въ чистый понедѣльникъ, большой обѣдъ у генерала Ольшевскаго, такъ что первая великопостная недѣля обѣщаетъ быть не недѣлею поста и молитвы, а недѣлею празднествъ, потому что для великаго князя, который долженъ пріѣхать завтра или послѣ завтра, готовятся тоже обѣды и иллюминаціи..."

14-го февраля. „Сію минуту пріѣхалъ великій князь..."

21-го февраля. „Шумная недѣля въ Ставрополѣ кончилась. Вчера великій князь уѣхалъ въ Кубанскую область, т. е. въ тѣ мѣста, гдѣ расположены войска, ведущія войну... Къ великому моему счастью, его высочеству, въ этомъ вояжѣ, не понадобился гражданскій чиновникъ, вслѣдствіе чего твой благовѣрный избѣгаетъ, съ суетою и безпокойствами быстрыхъ переѣздовъ, и опасеній на счетъ черноморскихъ лихорадокъ и другихъ болѣзней, которыми этотъ уголъ надѣляетъ проѣзжающихъ. Нечего и говорить, что пребываніе здѣсь великаго князя сопровождалось различными торжествами, обѣдами и иллюминаціями... Интересно то, что онъ произвелъ здѣсь самое прекрасное впечатлѣніе, которое отодвигаетъ еще болѣе и безъ того довольно слабыя воспоминанія о князѣ Барятинскомъ... Грустное свойство въ

природѣ человѣческой—забывать тотчасъ все въ увлеченіи настоящей минутой... Отсюда безутѣшныя вдовы, заводящія себѣ утѣшителей; примѣрныя жены, измѣняющія своимъ мужьямъ во время ихъ отсутствія; друзья и пріятели, повертывающіе свою дружбу туда, гдѣ выгоднѣе... Я пристально слѣдилъ за тѣмъ, что говорятъ и чувствуютъ по поводу удаленія князя. Рѣшительно ничего не говорятъ и не чувствуютъ, какъ будто его намѣстничество относилось къ прошедшему столѣтію... Послѣ отъѣзда великаго князя начали разъѣзжаться и всѣ другіе, сюда съѣхавшіеся... Такъ какъ въ Тифлисѣ меня никто не ждетъ, то я думаю остаться здѣсь еще нѣсколько дней. Помѣщенъ я здѣсь отлично у здѣшняго откупщика и „катаюсь, какъ сыръ въ маслѣ“.. У меня великолѣпные обѣды, ужины, прекрасный экипажъ. Всѣ здѣшнія власти наилюбезно за мной ухаживаютъ, какъ будто я не только не ушелъ съ кавказскаго поприща, но пріобрѣлъ еще бо́льшую силу. Отъѣздъ мой отсюда я задерживаю еще съ тою цѣлью, чтобы раздѣлаться со скучнымъ и надоѣвшимъ до смерти кашлемъ... Климатъ! Что такое климатъ? Трудно передать тебѣ, какое поразительное дѣйствіе онъ на меня имѣетъ! Ставрополь—не Тифлисъ еще, а я уже чувствую себя совершенно другимъ человѣкомъ! Какъ будто, кто взялъ, да руками снялъ съ меня то мертвящее, подавляющее состояніе, какое я испытываю всегда въ Петербургѣ и Москвѣ даже! Вещь—просто удивительная! Петербурга я боюсь, какъ мѣста, гдѣ меня ждутъ болѣзни и смерть! Я тамъ не живу, а рѣшительно страдаю, не имѣя ни минуты здороваго состоянія. Объ этомъ стоитъ подумать, да и тебѣ не мѣшаетъ, если ты, дѣйствительно, любишь мужа... Я не очень трепещу, какъ ты знаешь, разлуки съ міромъ; но глупо идти къ ней подлой дорогой, когда можно приблизиться лучшимъ путемъ... Китеръ (докторъ) относитъ, вмѣстѣ съ тобой, мои болѣзни къ вину и рѣдкимъ кутежамъ. Здекауеръ (докторъ) несравненно умнѣе и выше, говоря, что мнѣ не нужны никакія лекарства и наставленія, когда выѣду изъ Петербурга. Когда, по возвращеніи туда, о чемъ безъ содроганія не могу и подумать, я снова начну испытывать старое, то, конечно, нисколько не буду требовать, чтобы ты разсталась съ нимъ; но самъ плюну отъ души на него и никогда туда не загляну. Дуракомъ надо быть, чтобы лѣзть туда, гдѣ очевидно вредно...“

25-го февраля. „Завтра, т. е. 26-го февраля, во вторникъ, я располагаю выѣхать изъ Ставрополя въ Тифлисъ... Здѣсь за все это время ничего достопримѣчательнаго не происходило, если не считать таковымъ прибытія сюда изъ Новгорода новаго архіерея Ѳеофилакта, котораго и я видѣлъ вчера за обѣдней. Нельзя сказать, чтобы я скучно проводилъ здѣсь время, не говоря, разумѣется, о разлукѣ съ

семьей, при которой никакія развлеченія не могутъ имѣть и сотой доли своей силы. За всѣмъ тѣмъ, меня здѣсь, кажется, любятъ и почти ежедневно или у меня собираются, или къ себѣ приглашаютъ. Дни стоятъ здѣсь великолѣпные, истинно весенніе; но какъ на всякомъ мѣстѣ владычествія Его есть непремѣнно, вмѣстѣ со своими пріятностями, и свои гадости, такъ точно и здѣсь изъ десяти человѣкъ пять, навѣрно, кашляютъ и жалуются, что горло болитъ. Эта мода немножко и меня зацѣпила"...

Теперь мнѣ предстоитъ описать послѣдній періодъ моего пребыванія въ Тифлисѣ, и я истинно затрудняюсь, какъ исполнить эту задачу. Періодъ этотъ исполненъ былъ величайшихъ торжествъ, вызванныхъ прибытіемъ великаго князя, потомъ прибытіемъ великой княгини и потомъ прибытіемъ государя наслѣдника. А я не знаю ничего труднѣе, какъ именно изображать событія этого рода. Есть вещи и обстоятельства, которыя поражаютъ васъ, когда вы сами ихъ видите, и которыя становятся не только не интересными, но даже скучноватыми, когда представляются вамъ въ описаніи. Перо, въ сто разъ искуснѣе моего, все-таки не передастъ вамъ дѣйствительности того, что надо самому видѣть. Изъ нашихъ великороссійскихъ литераторовъ немногіе владѣютъ талантомъ придавать своимъ описаніямъ, такъ сказать, „живую образность". Кто не помнитъ, напр., описанія Петергофскаго гулянья, сдѣланнаго Марлинскимъ въ какомъ-то изъ своихъ произведеній? Въ литературномъ отношеніи оно, быть можетъ, великолѣпно, но кто же будетъ утверждать, что прочитать это описаніе, или самому видѣть этотъ волшебный праздникъ — одно и то же?

Въ предыдущихъ частяхъ моихъ записокъ было много уже попытокъ въ этомъ родѣ, и я первый признаю ихъ далеко неудачными. Другія попытки, разумѣется, не будутъ успѣшнѣе. Кромѣ того, многія и наиболѣе существенныя черты изъ этого періода приведены уже выше по связи ихъ съ дѣлами и обстоятельствами, о которыхъ заходила рѣчь. Такимъ образомъ, мнѣ кажется лучшимъ, если я, и въ настоящемъ случаѣ, ограничусь простыми выдержками изъ тогдашней моей частной переписки. Если эти отрывки и не будутъ представлять происходившія событія въ пространномъ и цвѣтистомъ видѣ, зато они будутъ отличаться большею истиною и искренностью, а именно эти свойства для моихъ разсказовъ гораздо нужнѣе, чѣмъ всякія литературныя красоты. Пойдемъ же съ Богомъ по этому пути. Само собою разумѣется, что здѣсь будутъ приведены только извлеченія изъ моихъ писемъ, которыя я писалъ женѣ. О письмахъ же

жены ко мнѣ, дорогихъ моему сердцу, но нисколько не интересныхъ постороннимъ взорамъ, не можетъ быть и рѣчи. Я даже считаю нужнымъ замѣтить здѣсь, что если нѣкоторыя изъ ея писемъ приведены выше, то потому единственно, что они имѣли соотношеніе къ князю Барятинскому и моей политической, такъ сказать, судьбѣ.

18-го марта. „Третьяго дня, т. е. 16-го марта, совершился въѣздъ великаго князя въ Тифлисъ. Торжество было несказанное! Едва-ли на земномъ шарѣ есть другая мѣстность, болѣе удобная для подобныхъ торжествъ, другой народъ, болѣе воспріимчивый къ подобнымъ событіямъ! Церемоніалъ встрѣчи начался отъ Мцхета, и на всемъ протяженіи оттуда безпрерывно примыкали къ шествію толпы различныхъ родовъ и наименованій, такъ что въ Тифлисѣ собственно массы народа до того сгустились, что великій князь (верхомъ на конѣ) едва, едва могъ двигаться. Исчислить всѣ подробности трудно, да это для тебя, по твоей извѣстной любви къ здѣшнимъ мѣстамъ, и не было бы особенно интересно и пріятно. Надо сказать только, что ревъ народа, звонъ колоколовъ, пушечная пальба, визгъ зурны, прекрасная погода, разнообразныя украшенія домовъ и улицъ,—все это въ совокупности не могло не сдѣлать этихъ минутъ дорогими для сердца великаго князя. Въ эти минуты я не могъ не вспомнить князя Александра Ивановича и не сравнить его одинокаго положенія съ царскими почестями, которыя его здѣсь ожидали. Объ немъ здѣсь говорятъ и мало, и большею частью недружелюбно, что весьма естественно, съ одной стороны, по несчастному лицемѣрію, побуждавшему его, ни къ селу, ни къ городу, осыпать всѣхъ блистательными обѣщаніями, нисколько не думая объ ихъ исполненіи, а съ другой—по отсутствію сердца, которымъ единственно и исключительно можно привязывать къ себѣ сердца другихъ. Съ боку поглядѣть, да и всѣ такъ думаютъ, что я ужъ, напр., былъ самый первый любимецъ князя, а ты знаешь, какъ непріятно вспоминать о тѣхъ моментахъ, когда приходилось попробовать эту любовь... Я думаю, что великій князь пріобрѣтетъ здѣсь больше прочной любви потому, что онъ проще, симпатичнѣе и безхитростнѣе. Сегодня я обѣдаю у него въ числѣ 150 человѣкъ. Чрезъ двѣ недѣли, т. е. на святой, онъ ѣдетъ навстрѣчу великой княгинѣ. Лѣто они будутъ проводить на Бѣломъ Ключѣ; впрочемъ, это еще не рѣшено окончательно, и великій князь еще поѣдетъ туда предварительно осматривать мѣстность и помѣщеніе... Въ такъ называемомъ дворцѣ даются ежедневно оффиціальные обѣды, на которыхъ почти постоянно и я присутствую. Великій князь, лично, пріобрѣтаетъ здѣсь большое сочувствіе, хотя въ новыхъ порядкахъ, отъ неопытности и незнанія мѣстныхъ обычаевъ, происходятъ промахи, задѣвающіе самолюбіе нѣкоторыхъ и вообще

производящіе различные толки. На другой день праздника онъ отправляется обозрѣвать Кутаисскую страну, а вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчать великую княгиню. Если ты не знаешь, моя милая, весьма важнаго секрета въ нашей жизни, такъ я тебѣ его открою. Счастье наше въ разнообразіи! „Хорошо тамъ, гдѣ насъ нѣтъ!“ Давно ли я появился въ Тифлисѣ, а ужъ, кажется, онъ начинаетъ немного надоѣдать мнѣ. Опять-таки всегда и во всемъ первыя впечатлѣнія только хороши, а потомъ, какъ только они пройдутъ, скука однообразія тотчасъ начинаетъ подкрадываться. Нѣтъ сомнѣнія, что долго я здѣсь не останусь, хотя общее вниманіе окружаетъ меня повсюду и, казалось бы, что все хорошо...“

1-го апрѣля... „Здѣсь, послѣ шума встрѣчъ, замѣчательнаго мало. На страстной я, разумѣется, говѣлъ. Въ день причастія завтракалъ у великаго князя, который все также добръ, милъ и симпатиченъ. Сильно хлопочетъ о супругѣ и завтра ѣдетъ чрезъ Кутаисъ навстрѣчу ей. Свѣтлый праздникъ встрѣченъ здѣсь съ обычными церемоніями. Весь генералитетъ, какъ и всегда, былъ въ соборѣ и тамъ христосовался съ великимъ княземъ. Въ 12 часовъ дня во дворцѣ былъ парадный завтракъ, на который были приглашены и дамы — жены генераловъ...“

15-го апрѣля. „Тифлисъ страшно волнуется въ ожиданіи прибытія великой княгини, назначеннаго завтра. Улицы снова приняли праздничный видъ, и повсюду идутъ страшныя приготовленія. Барыни—особенно въ хлопотахъ и погружены въ вопросъ о закрытыхъ и открытыхъ лифахъ. Есть свѣдѣнія, что по пути отъ Поти великая княгиня не выказала особеннаго восхищенія, а напротивъ сохраняла довольно печальный видъ. Дворцовая челядь убѣждена, что здѣсь ей не понравится и хотя на убранство здѣшняго дворца тратятся большія суммы,—но дрянь останется дрянью, и какъ ни стараются замѣнить паркетъ пестрою клеенкой—толкъ едва-ли выйдетъ...“

22-го апрѣля... „Въѣздъ великой княгини совершился почти съ тою же обстановкою, какъ въѣздъ великаго князя; только погода была все это время наимерзѣйшая: холодъ, дождь, грязь... На другой или третій день былъ большой обѣдъ, предъ которымъ совершенъ обрядъ цѣлованія руки... Потомъ началось постепенное, извѣстными группами, приглашеніе къ обѣдамъ здѣшнихъ дамъ. Затѣмъ особенно новаго и занимательнаго ничего нѣтъ, и мнѣ становится здѣсь значительно скучно...“

29-го апрѣля... „Я думаю, что если война будетъ (по польскому вопросу), то она не будетъ одною изъ тѣхъ правительственныхъ войнъ, гдѣ народъ мало или вовсе не сочувствуетъ, а напротивъ—произведетъ взрывъ народный, который увлечетъ само правительство.

При такомъ настроеніи мы съ Анатоліемъ (нашъ старшій сынъ) пойдемъ „на сраженіе“, а ты пойдешь въ сидѣлки... Но дай Богъ, чтобы все устроилось тихо и мирно, и нашъ добрый государь не былъ отвлеченъ отъ внутренняго устроенія Россіи... Что сказать о Тифлисѣ? Особенно хорошаго ничего нѣтъ. Великій князь дышитъ молодостью, добротою и стремленіемъ къ добру. Но для Тифлиса, этого гнѣзда интригъ, онъ слишкомъ хорошъ и нѣженъ... „Змѣй-горынычъ“, въ лицѣ князя Барятинскаго, сюда шелъ болѣе кстати, потому что самъ былъ олицетворенная хитрость... Великая княгиня здѣсь понравилась; но понравилась ли ей Грузія—это еще неизвѣстно; по крайней мѣрѣ, при мнѣ за обѣдомъ, когда кто-то сказалъ, что это рай (paradis), она прибавила „свиней“ (cochons). Когда великій князь взглянулъ на нее значительно, она сказала, что это напечатано въ какой-то французской книгѣ. Что касается до князя Барятинскаго и его „памятниковъ“ управленія, то въ этомъ отношеніи ты оказалась чистѣйшимъ мудрецомъ... Въ новой сферѣ управленія не замѣчается уваженія къ его системамъ и памятникамъ, а нѣкоторые изъ свиты просто и открыто его поругиваютъ... Такъ-то всему свое время: то, что было великимъ вчера,—сегодня ничто. Мы, съ своей стороны, должны Бога благодарить, что вóвремя выкрутились и можемъ спокойно и независимо взирать на суету человѣческихъ дѣяній...“

2-го мая. „Вчера былъ во дворцѣ парадный обѣдъ, по случаю пріѣзда турецкаго посланника. У великаго князя маленькая дочь заболѣла. Вотъ будетъ бѣда, если кто-нибудь изъ дѣтей... Климатъ начинаетъ себя показывать, и жары наступили чувствительныя. Великій князь смотритъ бодро и весело; все остальное весьма туго привыкаетъ къ прелестямъ здѣшней жизни“...

7-го мая. „Тифлисскій климатъ начинаетъ показывать свои красоты: жары наступили очень и очень чувствительные. Великая княгиня требуетъ немедленнаго переѣзда на Бѣлый Ключъ, хотя тамъ далеко еще не все готово для ея принятія. Переѣздъ этотъ задерживается единственно въ ожиданіи громаднаго бала, затѣяннаго здѣшнимъ дворянствомъ съ большою энергіею, но съ весьма скудными, по обычаю, средствами. Приготовленія, задуманныя весьма широкимъ образомъ, идутъ довольно медленно, вслѣдствіе безпрерывныхъ остановокъ по части денежной... Балъ будетъ въ Муштандѣ (загородный садъ), гдѣ для этого строятся нѣсколько залъ и павильоновъ... Великій князь относительно моего возвращенія рѣшительно ничего не говоритъ. Съ переѣздомъ его на Бѣлый Ключъ, я думаю попроситься съѣздить въ Пятигорскъ и серьезно полѣчиться. На-дняхъ Новосельскій пріѣхалъ сюда. Смотритъ маз—мъ...“

Великій князь, отправляясь на Бѣлый Ключъ, самъ объявилъ

всѣмъ, состоящимъ при немъ, что каждый можетъ проводить лѣто, какъ найдетъ пріятнѣе и ѣхать туда, куда угодно. Единственною нашею обязанностью было оставить въ Тифлисѣ наши адреса, такъ чтобы великій князь, въ случаѣ какой-либо надобности, могъ мгновенно вытребовать каждаго изъ насъ. Я устремился въ Пятигорскъ, частью ради удовольствія, а частью и ради пользы. Со стороны удовольствій я разсчитывалъ, что меня уже тамъ всѣ знаютъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ было извѣстно, какъ тамъ весело, особенно съ переѣздомъ въ Кисловодскъ, проводятъ время. По части пользы, не говоря уже о разстройствѣ печени и постоянно усиливающихся желчныхъ припадкахъ, я долженъ былъ искать какого-нибудь спасенія отъ ревматизма въ лѣвой рукѣ, невѣдомо какимъ образомъ пріобрѣтеннаго мною въ Тифлисѣ и причинявшаго мнѣ невыносимыя страданія.

30-го мая. „Въ Пятигорскѣ я долженъ разсмотрѣть на мѣстѣ землю, предназначенную мнѣ къ отводу, собрать свѣдѣнія, какъ съ нею лучше распорядиться, и затѣмъ въ Тифлисѣ окончательно поправить это дѣло, дѣло, тоже очень серьезное...

По возвращеніи въ Тифлисъ, я столкнулся тамъ съ новыми торжествами по поводу прибытія туда покойнаго государя наслѣдника, пріѣхавшаго крестить новорожденнаго въ семьѣ великаго князя Михаила Николаевича. Описывать этихъ торжествъ тоже не буду въ томъ вниманіи, что это описаніе было бы, болѣе или менѣе, повтореніемъ подобныхъ описаній, прежде уже сдѣланныхъ.

Вопросъ о моемъ возвращеніи разрѣшается уже самымъ дѣломъ. Безъ сомнѣнія, я былъ бы уже на пути, если бы пріѣздъ наслѣдника и поглощеніе этимъ событіемъ всѣхъ здѣшнихъ властей не помѣшали значительно моимъ стремленіямъ. Тотчасъ по моемъ сюда возвращеніи Крузенштернъ имѣлъ случай доложить великому князю о моемъ желаніи возвратиться, на что и получено согласіе его высочества, но вслѣдъ затѣмъ начались встрѣчи, церемоніи и различныя штуки по случаю пріѣзда наслѣдника, такъ что я не имѣю рѣшительно ни случая, ни возможности откланяться великому князю, и для этой процедуры пришлось ѣхать на Бѣлый Ключъ. Кромѣ того и карета, для обращенія ея въ дорожную, потребовала значительнаго времени. Конецъ концовъ тотъ, что я рѣшилъ свой отъѣздъ 7-го сентября, въ надеждѣ, что къ тому времени все устроится. Пріемъ наслѣдника сопровождался тѣми же обстоятельствами, какъ и пріемъ намѣстника.

По пріѣздѣ въ Петербургъ я долженъ былъ погрузиться въ знакомый уже мнѣ почтовый міръ. Между тѣмъ, въ этомъ мірѣ произошли значительныя перемѣны, о которыхъ я считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ.

Добрый и благородный Прянишниковъ представилъ собою замѣчательное и поучительное явленіе: чѣмъ болѣе онъ возвышался, тѣмъ болѣе онъ падалъ... Блестящее на видъ поступленіе его изъ директоровъ департамента въ члены Государственнаго Совѣта, какъ я говорилъ уже, было первымъ актомъ въ этомъ отношеніи. Дотолѣ живой, бодрый, веселый, здоровый, онъ, видимо, началъ чахнуть, морально и физически, въ другой, хотя высшей, но чуждой ему сферѣ. Можно было думать, что назначеніе его потомъ главнокомандующимъ надъ почтовымъ департаментомъ, поставивъ его въ прежній, знакомый ему міръ, возвратитъ ему прежнюю его бодрость и энергію. Не тутъ-то было. Министръ безъ значенія—жалкій министръ, и именно Прянишниковъ, какъ никто, олицетворялъ идеалъ самаго жалкаго министра. Можно сказать, что время управленія его было самымъ постыднымъ для почтоваго вѣдомства. Всевозможные нападки, укоры, обвиненія сыпались на вѣдомство въ этотъ періодъ отовсюду градомъ. Слабый, чуждый придворной сферы, не имѣющій постояннаго личнаго доклада государю—министръ не могъ бороться съ ними. Канцелярская отписка, несмотря на краснорѣчивое перо Лаубе—была слабымъ оружіемъ. Такимъ образомъ, заклеванный со всѣхъ сторонъ и не имѣющій ни силы, ни средствъ отражать нападенія, въ то же время осаждаемый старческими недугами, которые, при такомъ миломъ политическомъ положеніи, естественно, увеличивались, умный Прянишниковъ не могъ не видѣть своего незавиднаго положенія и рѣшился просить государя уволить его отъ управленія почтовымъ вѣдомствомъ...

На мѣсто его назначенъ Иванъ Матвѣевичъ Толстой. Это былъ старинный кандидатъ на мѣсто почтоваго министра. Всѣ какъ-то согласились думать и вѣрить, что на этомъ мѣстѣ нельзя никому иному и быть, кромѣ Толстого. Еще въ Вильнѣ, когда я просилъ князя Барятинскаго подписать письмо Прянишникову о моемъ петербургскомъ устройствѣ, самъ князь предложилъ мнѣ: „Хотите, я напишу Толстому“? „Да онъ еще не почтовый министръ!“—отвѣчалъ я. Вся эта перестановка произошла почти въ одно время съ разрѣшеніемъ вопроса о моемъ собственномъ устройствѣ въ Петербургѣ. Когда добрѣйшій князь Суворовъ, какъ я выше говорилъ, однажды, въ придворной церкви, обнявъ меня поперекъ таліи, излагалъ свои наивныя воззрѣнія на князя Барятинскаго, къ намъ подошелъ блестящій и залитый въ золото Иванъ Матвѣевичъ и, между прочимъ, сказалъ мнѣ: „Какъ я радъ, что вы тоже нашъ! а я вовсе этого не зналъ“.—„Мое назначеніе исчезло въ вашемъ назначеніи“,—самоувѣренно отвѣчалъ я.—„Жаль только,—любезно замѣтилъ Иванъ Матвѣевичъ,—что великій князь увозитъ васъ съ собой“.

Что же за человѣкъ былъ этотъ Иванъ Матвѣевичъ Толстой,

тогда еще не графъ, а потомъ графъ? Выше гдѣ-то я дерзнулъ сдѣлать оригинальное раздѣленіе людей на людей способныхъ, умныхъ, даровитыхъ и въ то же время малопріятныхъ и на людей—мало способныхъ, вовсе не даровитыхъ и въ то же время чрезвычайно пріятныхъ. Иванъ Матвѣевичъ Толстой безспорно былъ самымъ вѣрнымъ и чистымъ типомъ второй половины. Онъ не былъ ни уменъ, ни способенъ; дарованій государственныхъ въ немъ и запаху не было; но въ то же время это былъ добрѣйшій и пріятнѣйшій человѣкъ, и его, по справедливости, всѣ любили. Вѣжливость и привѣтливость его не была холоднымъ проявленіемъ царедворскихъ привычекъ; они шли изъ доброй души и дышали искренностью.

Если онъ не имѣлъ государственныхъ дарованій, какимъ же образомъ добрался онъ до положенія министра?—быть можетъ, также спроситъ кто-нибудь. На это я могу противопоставить другой вопросъ: „развѣ всѣ наши министры имѣютъ государственныя дарованія“? Но въ отношеніи Ивана Матвѣевича Толстого существовала другая двигательная сила, гораздо могущественнѣе какихъ бы то ни было дарованій. Я говорилъ уже, что при нынѣшнемъ государѣ, когда онъ былъ наслѣдникомъ, существовала семья самыхъ близкихъ ему людей. Толстой былъ изъ числа ихъ. Когда Барятинскій, бывало, разсказывалъ о занятіяхъ, охотахъ этой семьи, имя Толстого постоянно упоминалось въ его разсказахъ. Я самъ лично видѣлъ Толстого много разъ у князя Барятинскаго и, слушая ихъ пріятельскіе разговоры, безошибочно заключалъ, что ихъ связываетъ во дворцѣ одна и та же сила, одни и тѣ же интересы. Я даже постоянно раскланивался съ Толстымъ, какъ съ пріятелемъ князя Барятинскаго, когда, конечно, ни ему, ни мнѣ и въ голову не приходило, что современемъ, солидными уже людьми, мы сойдемся на серьезномъ служебномъ поприщѣ.

Какъ попалъ Толстой въ тѣсную семью, окружавшую наслѣдника, я положительно не знаю. Изъ смутныхъ и неопредѣленныхъ разсказовъ по этой части, конечно, нисколько меня не интересовавшихъ, у меня составилось такое представленіе, что Толстой въ молодости состоялъ при нашемъ посольствѣ въ Лондонѣ; что при одномъ изъ первыхъ путешествій наслѣдника по Европѣ, Толстой успѣлъ какъ-то примкнуть къ свитѣ его высочества; что во время этого путешествія Толстой умѣлъ понравиться наслѣднику, и что, именно, съ тѣхъ поръ онъ сталъ однимъ изъ близкихъ къ нему людей. Вѣрно или нѣтъ это представленіе, я не отвѣчаю, но что наслѣдникъ, а потомъ государь считалъ его дѣйствительно близкимъ ему человѣкомъ—это не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію. Самымъ лучшимъ тому доказательствомъ можетъ служить тотъ довольно странный фактъ, что тор-

жественный день своего рожденія государь постоянно проводилъ у Толстого. Отношенія его къ государю особенно стали блистательны, когда судьба разбросала первые номера знаменитой семьи, какъ, напримѣръ, князя Барятинскаго, Ламберта и др., и когда самая сила обстоятельствъ выдвинула Толстого изъ заднихъ ея рядовъ впередъ.

У Ивана Матвѣевича было нѣсколько братьевъ, совершенно такого же, какъ и онъ, содержанія. Кто, напр., не зналъ и не знаетъ Николая Матвѣевича Толстого, милѣйшаго изъ генералъ-адъютантовъ, этого вѣчнаго старшину англійскаго клуба, человѣка, рѣшительно всѣми и поголовно любимаго за его доброту и безпримѣрную привѣтливость? Кто не зналъ также Теофила Матвѣевича Толстого, этого Ростислава (литературный его псевдонимъ), критика, музыканта и писателя. Я зналъ тоже Павла Матвѣевича Голенищева-Кутузова-Толстого—совершеннѣйшій портретъ Ивана Матвѣевича и Николая Матвѣевича по лицу, добротѣ и манерамъ. Былъ еще Григорій Матвѣевичъ Толстой, инженерный генералъ, загнанный за какія-то дѣла въ Петербургѣ на Донскія степи... Всѣ эти Толстые составляли, однимъ словомъ, группу людей, далеко не капитальныхъ, но въ высшей степени добрыхъ и пріятныхъ.

Когда я возвратился въ Петербургъ, мнѣ предстояло сдѣлать оффиціальное представленіе своей персоны моему новому начальнику. Иванъ Матвѣевичъ, по обычаю, жилъ тогда въ Царскомъ Селѣ, въ одномъ изъ китайскихъ домиковъ, куда я и не замедлилъ отправиться. Если я упоминаю объ этомъ ничтожномъ обстоятельствѣ, то съ единственною цѣлью показать, до какой степени эти придворные господа проникнуты царедворскими условіями. Во время моей аудіенціи, при которой присутствовалъ и Лаубе, шла, разумѣется, приличная случаю болтовня. Я говорилъ графу, какъ я радъ и т. п. Графъ говорилъ мнѣ, какъ онъ радъ и т. п. Среди этой болтовни я совершенно равнодушно сказалъ: „Великій князь велѣлъ вамъ кланяться“. Трудно передать мое изумленіе, когда я увидѣлъ, что Иванъ Матвѣевичъ мгновенно вскочилъ со стула и торжественно отвѣсилъ мнѣ самый низкій поклонъ. Съ недоумѣніемъ смотря на эту сцену, я съ трудомъ понялъ, въ чемъ дѣло и, когда понялъ, то въ свою очередь тоже всталъ со стула и отвѣсилъ Ивану Матвѣевичу еще болѣе низкій поклонъ. Все это, разумѣется, продѣлывалось изъ благоговѣнія, хотя заочнаго, къ августѣйшему имени великаго князя.

Возвращаясь отъ Ивана Матвѣевича, я невольно испытывалъ какое-то непріятное чувство какого-то неяснаго пониженія собственной особы. Послѣ личныхъ блестящихъ отношеній моихъ къ блестящему князю Барятинскому и потомъ великому князю Михаилу Николае-

вичу—и самъ Иванъ Матвѣевичъ, и все почтовое вѣдомство казались мнѣ какъ-то мизерными. И, въ самомъ дѣлѣ, параллель между тѣмъ, что я оставлялъ, и тѣмъ, что меня ожидало, не представляла для моего честолюбія ничего увлекательнаго. Великолѣпный князь Барятинскій, истинный царь страны—и Иванъ Матвѣевичъ! Потомъ братъ государя, милый и симпатичный великій князь Михаилъ Николаевичъ и—опять Иванъ Матвѣевичъ, почтительно вскакивающій при одномъ этомъ имени. Потомъ я лично, доселѣ сильный дѣятель въ администраціи всего Кавказскаго и Закавказскаго края, разнообразныя званія и должности котораго не уписывались на цѣлой страницѣ—и вдругъ, членъ дряннѣйшаго изъ министерскихъ совѣтовъ, членъ почтоваго совѣта! Напоръ этихъ черныхъ мыслей я старался, впрочемъ, разсѣять представленіемъ тѣхъ прелестей, какія доставляютъ каждому смертному свобода, независимость и, главное, обезпеченность!

Свобода! Могъ ли я считать себя свободнымъ, вступивъ, послѣ кипучей и разнородной кавказской дѣятельности, въ предѣлы совѣта, въ которыхъ можно вѣчно спать, а если спать не хочется, то болтать о Наполеонѣ, Блонденѣ, Деверіи и т. п., не только совершенно безнаказанно, но и совершенно безвредно для дѣла, ибо дѣло вносится въ совѣтъ обдѣланное, журналъ совѣта давно заготовленъ и стоитъ только понатужиться, чтобы вставить свою фамилію съ приличнымъ росчеркомъ, вверхъ или внизъ, по усмотрѣнію каждаго, такъ какъ на это никакихъ правилъ и законовъ не полагается. Независимость! Могъ ли я не считать себя независимымъ, когда все такъ называемое высшее почтовое управленіе состоитъ изъ моихъ старинныхъ пріятелей, когда Лаубе, управляющій, на самомъ дѣлѣ, всѣмъ рѣшительно и даже самимъ Иваномъ Матвѣевичемъ, мой старый другъ; когда Иванъ Матвѣевичъ не въ состояніи даже былъ придумать, чѣмъ бы занять своего талантливаго сослуживца и пользоваться его дарованіями для прославленія своего управленія и когда, наконецъ, при каждой встрѣчѣ со мною гдѣ бы то ни было этотъ милый Иванъ Матвѣевичъ осыпалъ меня такими любезностями, такою вѣжливостью, что съ боку никакъ нельзя было разобрать, кто изъ насъ министръ и кто подчиненный. Обезпеченность! Бездѣлица! Должно быть, эта штука очень хороша, когда одинъ господинъ, считающій себя умнѣйшимъ и способнѣйшимъ, какъ никто, заправлять государственными машинами, и одна барыня, удручаемая скудными средствами своего мужа и, какъ женщина, не обращающая вниманія на скудость его головы, не могла удержаться, какъ я говорилъ выше, чтобы не выразить самымъ неприличнымъ образомъ своей зависти! Однимъ словомъ, по законамъ логическимъ выходило совершенно ясно, что я—

наисчастливѣйшій человѣкъ. Между тѣмъ, къ сожалѣнію, по условіямъ моей натуры, это счастье представлялось мнѣ малопривлекательнымъ. Капризная эта натура какъ-то мало цѣнила и свободу, и независимость, и даже обезпеченность. Она требовала чего-то другого. Она требовала шумной блестящей дѣятельности и большаго значенія въ административномъ мірѣ, тогда какъ и то, и другое оставлено мною на границѣ Ставропольской губерніи и именно на Егорлыцкой станціи, отдѣляющей Кавказъ отъ Россіи.

Съ этими ощущеніями я вступилъ въ рядъ истинныхъ калѣкъ какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніи, называемыхъ членами почтоваго совѣта. Всѣ эти личности были до того ничтожны во всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ, что при всемъ желаніи моемъ сказать о нихъ что-либо, я рѣшительно не имѣю никакой къ тому возможности. Все это были люди старые, дряхлые, рѣшительно тупоумные и взятые большею частью изъ бывшихъ почтъ-инспекторовъ, единственно вслѣдствіе доброты стараго графа Адлерберга. Упразднивъ почтъ-инспекторства, графъ, всегда добрый, не хотѣлъ пустить этихъ знаменитыхъ людей по міру и насажалъ ихъ въ совѣтъ.

Если я не говорилъ, гдѣ-нибудь выше о безполезности многихъ нашихъ административныхъ учрежденій, то здѣсь позволяю себѣ выразить эту мысль и, не развивая ее подробно, заявить, что безполезнѣе министерскихъ совѣтовъ умъ человѣческій ничего представить не можетъ. Я нисколько не отрицаю пользы и необходимости совѣщаній между директорами различныхъ департаментовъ министерства, въ случаѣ нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ; но я рѣшительно отрицаю пользу и необходимость существованія такихъ совѣтовъ, куда, подъ видомъ членовъ, сваливаютъ разный негодный хламъ и наваливаютъ на наше бѣдное государственное казначейство содержаніе людей негодныхъ и безполезныхъ. И замѣчательно, что много разъ принимались за такъ называемое сокращеніе чиновниковъ и принимались люди, повидимому, умные, какъ, напр., князь Павелъ Гагаринъ, нынѣ предсѣдатель комитета министровъ; но дѣло, послѣ первоначальнаго шума, всегда оканчивалось пустяками, „гора рождала мышь“, убавлялись канцелярскіе чиновники, а цѣлыя безплодныя учрежденія оставались неприкосновенными. Какъ будто считалось преступнымъ коснуться той высшей мысли: „нельзя ли, дескать, въ видахъ вящшей государственной пользы и экономіи повалить эти негодныя учрежденія?“ Я, впрочемъ, думаю, что этой мысли касались, быть можетъ, не разъ; но она заглушалась личными интересами или, лучше сказать, личными претензіями нашихъ министровъ, претензіями, которыя, къ сожалѣнію, всегда и въ весьма значительной степени, примѣши-

ваются къ заботамъ ихъ о благѣ государственномъ. „Какъ же я останусь безъ совѣта?“ вѣроятно, думаетъ каждый министръ при вопросѣ о томъ, нельзя ли, какъ говорится, хватить по боку его совѣтъ? „Куда я буду дѣвать негодныхъ губернаторовъ, заслуженныхъ директоровъ и вице-директоровъ?“ „Наконецъ это славная декорація“,— думаетъ министръ и начинаетъ доказывать изо всѣхъ силъ необходимость этого складочнаго амбара.

Что слова мои не совсѣмъ вздорны, я приведу фактъ изъ кавказской моей дѣятельности. Когда князь поручилъ мнѣ преобразованіе тамъ главнаго управленія, я не замедлилъ приложить мои воззрѣнія къ тамошнему совѣту намѣстника, столь же безполезному, какъ и всѣ совѣты на свѣтѣ, съ цѣлью обратить деньги, которыя онъ поглощаетъ, на другія части управленія. Князь не только не согласился, но, какъ я разсказывалъ въ своемъ мѣстѣ, постоянно стремился обратить его въ сенатъ. Спрашивается: что было тому причиною? Постановленій совѣта онъ никогда не читалъ, и докладывались они князю не представителями совѣта, а тѣмъ же общимъ докладчикомъ, который докладывалъ всѣ другія дѣла, т. е. прежде директоромъ канцеляріи, а потомъ начальникомъ главнаго управленія. Самыя дѣла въ совѣтъ передавались не по дѣйствительному приказанію намѣстника, а по усмотрѣнію столоначальниковъ и начальниковъ отдѣленій, только прикрытому, для формы и приличія, этимъ приказаніемъ. Однимъ словомъ, во всемъ существовала одна пустая, рѣшительно безполезная и дорого стоющая проформа. Повторяю: для чего же удерживалось существованіе совѣта? Прежде всего, для того, что князю пріятно было, при входѣ въ какой-нибудь большой день въ Сіонскій соборъ или при церемоніальномъ выходѣ въ извѣстные дни въ свою пріемную, однимъ словомъ, во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ и церемоніяхъ—видѣть впереди всѣхъ сѣдыхъ стариковъ, украшенныхъ звѣздами и глубоко наклоняющихъ свои плѣшивыя головы. Потомъ князю, безъ сомнѣнія, было пріятно имѣть всегда возможность сказать какому-нибудь заслуженному генералу—будь онъ статскій, будь военный: „Я васъ назначаю членомъ моего совѣта!“ Что касается до стремленія князя преобразовать свой совѣтъ въ сенатъ, то какъ я ни глубоко уважаю князя, какъ ни благоговѣю предъ его общечеловѣческою мудростью, но, во имя справедливости, долженъ сказать, что въ этомъ преобразованіи едва-ли его увлекала самая сущность дѣла, которой онъ, какъ военный человѣкъ, и понимать не могъ настоящимъ образомъ. Едва-ли не увлекался онъ преимущественно (прости, Господи, мои прегрѣшенія!) тою обольстительною для такого честолюбиваго, какъ онъ, человѣка мыслью, что его пріемная будетъ наполнена сенаторами и что красные мундиры этихъ господъ будутъ

производить, въ декоративномъ отношеніи, величайшій эффектъ въ толпахъ, чающихъ движенія воды.

Быть можетъ, почтовый совѣтъ имѣлъ болѣе серьезное значеніе? Посмотримъ. Начать съ того, что всѣ дѣла въ совѣтъ поступали изъ департамента за подписью директора его, всемогущаго Лаубе. Члены почтоваго совѣта, въ отношеніи къ Лаубе, были то же, что группа бѣдняковъ въ отношеніи къ своему благотворителю. Всѣ они хорошо знали, что ни звѣздъ, ни денегъ, никакихъ благъ они никакъ не могутъ получить безъ Лаубе и что самые величайшіе интересы ихъ находятся рѣшительно въ его рукахъ. Въ этомъ справедливомъ сознаніи,—въ большіе праздники они находятъ невозможнымъ не торчать въ его пріемной, на-ряду съ столоначальниками и почталіонами. Если къ этому прибавить, что въ совѣтѣ, въ дни засѣданій, сидитъ самъ Лаубе, то будетъ понятно, какой разумной и сильной оппозиціи могутъ ожидать его представленія со стороны столько же бездарныхъ, сколько и подобострастныхъ членовъ совѣта. Потомъ, такія ли дѣла разсматриваются въ совѣтѣ, гдѣ эта оппозиція была бы умѣстна, предполагая, что для образованія ея и существуютъ достаточныя средства? Всѣ они—на одинъ, одинаково ничтожный, ладъ. Пропажа денегъ или вещей и взысканіе ихъ съ виновныхъ чиновниковъ или почталіоновъ! О значеніи этихъ дѣлъ можно заключить уже потому, что нашъ дѣлопроизводитель заготовлялъ заранѣе журналы совѣта, въ которыхъ всегда постановлялось: „утвердить мнѣніе департамента“, и членамъ совѣта, какъ я сказалъ уже, оставалось только подписывать ихъ. Вообще, насъ собирали чрезвычайно рѣдко: въ двѣ недѣли, а иногда въ мѣсяцъ разъ; засѣданія наши почти никогда не продолжались болѣе часу и то, включая сюда разнородную болтовню, вовсе не касающуюся почтоваго благоустройства.

При такомъ безобразномъ обиліи свободнаго времени я, на первыхъ порахъ, старался наполнить его чисто одними удовольствіями. Я сдѣлался членомъ всевозможныхъ клубовъ и собраній, постояннымъ посѣтителемъ театровъ и разнородныхъ зрѣлищъ и столь же постояннымъ обывателемъ Невскаго проспекта, который ежедневно и полосовалъ изъ конца въ конецъ, на Пахомовскихъ[1]) рысакахъ. Но, какъ всегда, послѣ первыхъ впечатлѣній этой новой для меня жизни,—совершенная бездѣятельность стала подавлять меня. Мнѣ самому стало совѣстно, что я попалъ, помимо моей воли, въ разрядъ людей, бьющихъ баклуши, въ отдѣлъ тѣхъ неблистательныхъ личностей, которыя встрѣчаются на всѣхъ перекресткахъ Петербурга и сдѣлались извѣстными всѣмъ до отвращенія...

[1]) Содержатель экипажей.

Въ этихъ-то, не совсѣмъ пріятныхъ, соображеніяхъ о своемъ положеніи мнѣ и пришла впервые мысль писать свои записки, безъ всякой предвзятой цѣли. Приступая къ этому занятію, я рѣшительно не зналъ, что изъ моихъ записокъ можетъ выйти, точно такъ же, какъ, оканчивая мой трудъ, я рѣшительно не знаю, что изъ него, въ дѣйствительности, вышло...

Справедливость требуетъ, однако, сказать, что какъ ни бѣдно было служебное поприще, лежавшее предо мной, я все-таки успѣлъ сдѣлать и на немъ несравненно болѣе, нежели мои товарищи. Приведу нѣкоторыя черты, сюда относящіяся...

Я сказалъ уже, что время управленія Прянишникова было самымъ несчастнымъ временемъ для почтоваго вѣдомства. Общественное мнѣніе буквально опрокинулось на него. Каждый какъ будто считалъ священнымъ долгомъ бросить камешекъ въ почту. Всѣ газеты находили самымъ моднымъ и современнымъ занятіемъ глумленіе надъ почтовымъ управленіемъ. Само собою разумѣется, что хорошаго тутъ было мало для этого управленія. Наша публика такъ любитъ разные печатные скандалы и въ то же время, по юности своей, такъ наивно вѣритъ, что все печатное—непремѣнно вѣрно! Для того же, чтобы эффектно отражать и опровергать эти нападки, у почтоваго управленія не было ни средствъ, ни соотвѣтственныхъ талантовъ.

Дѣло оставалось въ томъ же положеніи и послѣ назначенія Ивана Матвѣевича Толстого начальникомъ почтоваго министерства. Когда я примкнулъ къ этому министерству, по возвращеніи моемъ съ Кавказа, я тотчасъ увидѣлъ, гдѣ и какъ могу быть ему полезнымъ. Склонный по натурѣ своей, о которой такъ много было говорено выше, отличаться, гдѣ только можно, я самъ вызвался стать защитникомъ почтоваго управленія и вообще почтоваго дѣла въ нашей прессѣ. Нѣтъ нужды говорить, какъ Иванъ Матвѣевичъ, купно съ Лаубе, восхитились этимъ предложеніемъ, и могу по совѣсти сказать, что я не обманулъ ихъ ожиданій и вышелъ „ратникомъ благонадежнымъ“. Я напечаталъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, органѣ почтоваго управленія, цѣлый рядъ большихъ статей, подъ псевдонимомъ: Х. Первая изъ нихъ называлась: „Наша пресса и почтовое дѣло“. Какое впечатлѣніе произвели эти статьи въ публикѣ—я не знаю. Полагаю, впрочемъ, что никакого, потому что кому же охота читать длинныя статьи о такомъ скучномъ и спеціальномъ дѣлѣ, какъ почтовое, но положительно могу сказать, что весь почтовый міръ рукоплескалъ неизвѣстному своему защитнику; въ то же время безошибочно можно заключить, что онѣ посбили значительно форсу и самоувѣренности самимъ газетнымъ нападчикамъ, встрѣтившимъ такой сильный отпоръ.

Еще большую услугу я принесъ этому вѣдомству на другомъ поприщѣ. Но предварительно необходимо объяснить два обстоятельства.

Въ одно время съ нападками на почтовое вѣдомство—и наша администрація, и наше общество увлекались блистательными надеждами на возникавшія тогда земскія учрежденія. Уставъ этихъ учрежденій былъ уже утвержденъ, но какъ-то тотчасъ обнаружилось, что кругъ дѣйствій ихъ оказывается весьма тѣснымъ, а денегъ, которыя должны поступить въ ихъ распоряженіе, едва достаетъ на ихъ содержаніе. Между тѣмъ, въ одномъ изъ примѣчаній къ уставу сказано, что подлежащіе министры должны согласиться о томъ, какую степень участія можно предоставить земскимъ учрежденіямъ въ содержаніи почтовыхъ станцій. Отсюда явилась мысль, что если отнять у почтоваго вѣдомства содержаніе почтовыхъ станцій и 8 милл., употреблявшіеся на это, отдать въ распоряженіе земскихъ учрежденій, то это будетъ лучшимъ средствомъ для возбужденія и упроченія жизни въ этихъ учрежденіяхъ, которыя, по справедливости, многіе называли „мертворожденными“.

Между тѣмъ, еще до выхода устава о земскихъ учрежденіяхъ, въ министерствѣ финансовъ существовала высочайше учрежденная комиссія, для пересмотра системы податей и сборовъ, а попросу и сокращенно называемая „податная комиссія“. Эта „податная комиссія“, отъ лица министерства финансовъ, принимала участіе въ составленіи самаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ и, потому, когда возникъ вопросъ объ установленіи отношеній этихъ учрежденій къ почтовымъ станціямъ—вопросъ этотъ предоставленъ талантамъ той же комиссіи.

Приступая къ разработкѣ этого вопроса, комиссія весьма основательно нашла нужнымъ отнестись къ нашему министру о назначеніи одного изъ высшихъ почтовыхъ чиновъ, который принялъ бы участіе въ этомъ дѣлѣ и представлялъ въ лицѣ своемъ интересы почтоваго вѣдомства. По правдѣ сказать, выборъ не представлялся для моего начальства затруднительнымъ по самой бѣдности личнаго нашего состава. Меня любезно пригласили принять на себя это дѣло, и, такимъ образомъ, мнѣ суждено было познакомиться ближайшимъ образомъ съ этою знаменитою комиссіею.

Комиссія эта была, дѣйствительно, знаменита по своему личному составу. Предсѣдателемъ ея считался самъ министръ финансовъ, но какъ, при обширныхъ его занятіяхъ, практическое предсѣдательствованіе для него было невозможно, то предсѣдательствовалъ мой старый пріятель Гирсъ, въ качествѣ помощника предсѣдателя. Гирсъ, въ это время достигшій уже большихъ чиновъ и большого положенія, не отличался великими дарованіями; но въ то же время это была

милѣйшая личность, какую только можно представить себѣ. Кроткій, деликатный, миролюбивый, онъ, какъ князь Одоевскій, съ этой стороны былъ типомъ великолѣпнаго предсѣдателя. У него, какъ и у князя Одоевскаго, была прекрасная душа и истекающая изъ нея какая-то всеумиротворяющая сила. Говорятъ, что морская буря утихаетъ, когда на разъяренныя волны выльютъ нѣсколько капель масла. Я этого не знаю; но знаю, что самыя разъяренныя и бурныя пренія утихали, когда среди нихъ раздавались кроткія, не злобивыя, умиротворяющія слова князя Одоевскаго или Гирса.

Затѣмъ безъ преувеличенія можно сказать, что, въ качествѣ членовъ своихъ, комиссія вмѣщала въ себѣ все, что въ то время считалось наиболѣе просвѣщеннымъ, блестящимъ, прогрессивнымъ. Всѣ законодательныя, административныя, учебныя учрежденія имѣли здѣсь лучшихъ своихъ представителей. Съ этой стороны комиссія, по справедливости, пріобрѣла большую славу, и попасть въ число членовъ ея считалось большою честью. Составъ ея былъ чрезвычайно обширный, и я считаю столько же затруднительнымъ, сколько и безполезнымъ исчислять поименно всѣхъ членовъ ея. Припоминая наиболѣе выдающихся изъ нихъ, по неудержимому стремленію ихъ говорить всегда и обо всемъ, я ограничусь указаніемъ на Грота, неудачнаго автора новой акцизной системы, Заблоцкаго, стараго и умнаго воробья въ дѣловомъ мірѣ, Сольскаго, пріятнаго и многообѣщающаго молодого человѣка, весьма скоро назначеннаго государственнымъ секретаремъ, Семенова, также даровитаго молодого человѣка, начальника статистической части въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, Ржевскаго, автора разныхъ экономическихъ брошюръ, большого говоруна, еще большаго, но непріятнаго говоруна Бернардскаго, профессора, кажется, неукротимаго, но милаго и искренняго болтуна Владиміра Безобразова, постоянно звенящаго, какъ колоколъ, и мало повинующагося колоколу предсѣдателя и пр. и пр. Гирсъ нерѣдко и съ нѣкоторою гордостью упоминалъ, что въ его комиссіи находятся всѣ статсъ-секретари. Я прибавлю, что въ ней находилось безчисленное множество всевозможныхъ директоровъ и вице-директоровъ.

Трудно передать то предубѣжденіе противъ почтоваго управленія, какое я встрѣтилъ въ комиссіи, когда вступилъ въ ея область. Скоро убѣдился я, что вмѣстѣ съ этимъ предубѣжденіемъ неразрывно связано чрезвычайно темное пониманіе ею истиннаго положенія дѣла. Я тотчасъ увидѣлъ, что задача, предстоящая мнѣ,—не изъ легкихъ, но, какъ всегда, надѣялся на свои силы. Привычка публично говорить принесла мнѣ здѣсь величайшія услуги. И, дѣйствительно, нѣсколько солидныхъ и съ достоинствомъ высказанныхъ съ моей стороны соображеній сразу измѣнили настроеніе комиссіи, дотолѣ

весьма враждебное. Я сталъ на точку не почтоваго чиновника, но если могу безъ особенной дерзости такъ выразиться, государственнаго человѣка. Я не защищалъ почтовыхъ интересовъ, но развивалъ интересы государственные. Я не удерживалъ за почтовымъ управленіемъ ни содержанія почтовыхъ станцій, ни 8 мил., употребляемыхъ на это содержаніе; но самъ предложилъ передать ихъ земству. Я доказалъ, что и дотолѣ само почтовое управленіе не содержало станцій и не завѣдывало этими милліонами; но что оно имѣло только контроль въ томъ и другомъ. Я доказалъ, что кто бы ни занимался содержаніемъ почтовыхъ станцій и кто бы ни расходовалъ эти миліоны, наблюденіе за исправностью почтовыхъ станцій должно всегда принадлежать почтовому управленію. Однимъ словомъ, я привелъ разнородные взгляды на этотъ предметъ къ такому заключенію, что почтовыя станціи съ суммами, на нихъ употребляемыми, могутъ быть переданы земскимъ учрежденіямъ, но что наблюденіе за исправностью станцій принадлежитъ почтовому вѣдомству Это заключеніе, въ формѣ постановленія комиссіи, и представлено. въ Государственный Совѣтъ. Какая дальнѣйшая участь постигла это дѣло—я не знаю.

Все то, что здѣсь разсказано такъ коротко и быстро, не такъ было на самомъ дѣлѣ. На самомъ дѣлѣ комиссія передала этотъ вопросъ въ одно изъ своихъ отдѣленій. Отдѣленіе, для разработки его, образовало особую подготовительную комиссію. Во всѣхъ этихъ инстанціяхъ я долженъ былъ бороться и ораторствовать. Но борьба эта не только не отдаляла меня отъ комиссіи, но болѣе и болѣе сближала съ нею. Когда дѣло установилось на опредѣленномъ основаніи и могло считаться конченнымъ, я въ одно и то же время имѣлъ удовольствіе получить двѣ пріятныя вещи: признательность своего начальства и приглашеніе комиссіи остаться постояннымъ ея членомъ. Не скрою, что это приглашеніе въ моихъ глазахъ представляло несравненно большую цѣну, нежели одобреніе моего добраго, но не капитальнаго министра. Отказываться отъ этого приглашенія, при отсутствіи всякихъ другихъ серьезныхъ занятій, я не имѣлъ никакого повода. Министръ финансовъ сочинилъ лестный для меня всеподданнѣйшій докладъ, государь утвердилъ этотъ докладъ, и я сдѣлался постояннымъ и, могу сказать, дѣятельнымъ членомъ блистательной комиссіи...

Ставъ на твердую ногу между этими прогрессистами и постоянно ратоборствуя съ ними въ разсмотрѣніи и обсужденіи многоразличныхъ вопросовъ, я вынесъ изъ этого періода моей дѣятельности слѣдующее убѣжденіе. Всѣ преобразованія, которыми занималась эта комиссія, или большая часть ихъ, вызывались скорѣе повѣтріемъ

преобразованій, въ то время существовавшимъ, нежели дѣйствительною потребностью, ибо, рѣшившись не оставлять камня на камнѣ въ прежнихъ законахъ относительно различныхъ податей и сборовъ, комиссія старалась непремѣнно сказать что-нибудь новое; вопросъ о томъ, дѣйствительно ли это новое лучше стараго, оставался подъ величайшимъ сомнѣніемъ; заказныя же изслѣдованія по этой части, дѣлаемыя съ предвзятою цѣлью, конечно, не могли имѣть существеннаго значенія и щеголяли преимущественно литературною отдѣлкою. Потомъ, для опытнаго и безпристрастнаго взгляда, не могло не быть яснымъ, что комиссія обладала несравненно больше стремленіями къ преобразованіямъ, заразившими въ то время нашу высшую администрацію и само общество, нежели дѣйствительными силами и способами къ истинно полезнымъ и дѣльнымъ преобразованіямъ. Когда приходилось дѣлать общіе взгляды на предметъ, тутъ являлись такія бойкія рѣчи, что неопытный человѣкъ долженъ непремѣнно погрузиться въ глубочайшее благоговѣніе. Можно было думать, что эти рѣчи принадлежатъ дѣйствительнымъ мудрецамъ. Какой-нибудь Безобразовъ или Бернардскій завьются, бывало, въ такую высоту, что всѣми овладѣетъ непріятное сомнѣніе, когда же они оттуда возвратятся? Они приведутъ древнія, среднія и новыя времена; вызовутъ изъ прошедшаго разныхъ царей, мудрецовъ и законодателей; облетятъ всѣ страны, укажутъ, гдѣ, какъ и что дѣлается и т. д.; но когда спустятся, какъ говорится, на почву сущности дѣла и станутъ предъ вопросомъ: какъ же слѣдуетъ поступить и что узаконить—тутъ эти мудрецы оказывались слабыми до смѣшного. Если они были сильны въ знаніи того, что, какъ и гдѣ дѣлалось, то съ другой стороны въ соображеніяхъ о томъ: что дѣлать на будущее время—они были лишены и малѣйшихъ признаковъ творчества. Предложенія ихъ въ этомъ собственно смыслѣ отличались часто замѣчательною наивностью. Каждая часть такого предложенія непремѣнно запѣпляла то или другое колесо нашего законодательства или нашего административнаго порядка. Сопоставленіе этихъ предложеній съ нашими законами и съ нашими общими порядками большею частью убивало ихъ наповалъ. Отъ этого происходило, что, послѣ выслушанія какой-нибудь толстѣйшей тетради или какой-нибудь длиннѣйшей и высокопарной рѣчи, дѣло комкалось кое-какъ, лишь бы только не отступить назадъ, и постановленіе комиссіи выражалось въ двухъ-трехъ пунктахъ, большею частью въ видѣ главныхъ принциповъ, развитіе которыхъ отлагалось подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ. Въ подтвержденіе моихъ словъ я приведу слѣдующее обстоятельство: въ мое еще время было уже напечатано томовъ двадцать толстѣйшаго объема, подъ названіемъ: „Трудовъ податной

комиссіи". Теперь, когда пишу эти строки, число этихъ почтенныхъ томовъ, если не удвоилось, то, безъ сомнѣнія, значительно увеличилось. Что же представляютъ эти томы? Именно различныя историческія изслѣдованія, взгляды, матеріалы и т. п. Практическихъ же, капитальныхъ какихъ-нибудь результатовъ занятій и трудовъ комиссіи доселѣ не слышно и не видно, и думаю, что никогда и не будетъ очень видно или очень слышно. Вообще, труды эти отличаются какимъ-то студенческимъ характеромъ, пространнымъ говореніемъ, печатаніемъ этого говоренія и жиденькими заключеніями комиссіи. Дѣйствительной государственной пользы ожидать отъ нихъ нельзя. Солидные дѣловые люди, какъ, напр., Заблоцкій, Гротъ, Бутовскій и др., слишкомъ заняты прямыми своими дѣлами, чтобы принимать къ сердцу дѣла комиссіи и если они посѣщаютъ засѣданія комиссіи, то преимущественно затѣмъ, чтобы повидаться съ пріятелями, выпить чашку чая и, между прочимъ, разбить какое-нибудь велемудрое мнѣніе одного изъ ученѣйшихъ или спеціальнѣйшихъ членовъ. Члены же этого ученаго и спеціальнаго разряда, какъ я убѣдился многолѣтними и разнообразными опытами, сами по себѣ ничего полезнаго и практическаго создать не могутъ...

Я такъ уже много и часто хвалилъ себя въ предыдущихъ частяхъ моихъ записокъ, что на этотъ разъ нахожу приличнымъ умолчать и о степени моего значенія въ податной комиссіи, и о моихъ успѣхахъ какъ въ письменномъ, такъ, еще болѣе, въ ораторскомъ искусствѣ, здѣсь проявленныхъ. Замѣчу только, что искренній и говорливый Владиміръ Безобразовъ, въ своихъ безконечныхъ рѣчахъ, ужъ не помню по какимъ поводамъ и случаямъ, не разъ отдавалъ публично дань справедливости „моимъ талантамъ" (буквальное его выраженіе) и что протеста противъ его заявленій по этой части не было. Когда, въ 1866 году, я неожиданно назначенъ былъ московскимъ почтъ-директоромъ и долженъ былъ переселиться изъ С.-Петербурга въ Москву, я счелъ умѣстнымъ заявить Гирсу письменно мое сожалѣніе, что вынужденъ лишиться участія въ занятіяхъ податной комиссіи.

Такимъ образомъ, составленіе моихъ многоболтливыхъ записокъ, газетная борьба съ противниками почтоваго вѣдомства и участіе въ занятіяхъ модной податной комиссіи наполняли, хотя далеко не совсѣмъ, мое довольно безцвѣтное существованіе за этотъ періодъ. Но выше всего этого стояло, разумѣется, самое неотступное вниманіе за разными новостями и преобразованіями, которыми такъ богато настоящее время. Глотая, такъ сказать, ежедневно нѣсколько лучшихъ нашихъ газетъ, я имѣлъ въ то же время широкую возможность наливаться и не газетными извѣстіями въ разныхъ клубахъ, въ почтовомъ мірѣ, и преимущественно въ самой этой податной комиссіи,

состоявшей изъ представителей всевозможныхъ вѣдомствъ, министерствъ, учрежденій и, такимъ образомъ, представлявшей складочное мѣсто разнородныхъ слуховъ и новостей. Безъ преувеличенія можно сказать, что этотъ періодъ едва-ли не былъ самымъ интереснымъ и замѣчательнымъ въ исторіи нашего государства, по крайней мѣрѣ въ исторіи его возрожденія. Съ одной стороны, освобожденіе крестьянъ, земскія учрежденія, какъ начала конституціоннаго порядка, новые суды, блистательныя ноты князя Горчакова и т. д., съ другой пожары, золотыя грамоты, нигилизмъ, Огрызко, Молодая Россія и, наконецъ, чудовищный выстрѣлъ въ царя 4-го апрѣля! Понятно, какое оживленіе проникло въ наше спавшее дотолѣ общество, особенно петербургское. Для каждаго, кто только не былъ, по природѣ своей, деревяннымъ обрубкомъ, явилась обильная пища для умственныхъ упражненій. Новости, слухи, толки, неожиданные факты прорѣзывали ежедневно Петербургъ изъ конца въ конецъ. Всѣ физіономіи, способныя къ оживленію, оживились или ожиданіемъ выслушать что-нибудь новое, или нетерпѣливымъ желаніемъ сообщить другимъ что-нибудь по этой части. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ стремленіяхъ, этихъ новостяхъ, взаимно сообщаемыхъ, этихъ безконечныхъ соображеніяхъ и умствованіяхъ народившихся у насъ вдругъ доморощенныхъ политиковъ и государственныхъ людей, какъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ человѣческихъ, было много и наивнаго, и замѣчательнаго; но я хорошо чувствую, что если бы я рѣшился пуститься въ воспоминанія, сюда относящіяся, то мнѣ никогда бы не удалось выплыть изъ этого широкаго и бездоннаго моря.

Отношенія мои къ обществу въ этотъ періодъ, исключая различные клубы и собранія, не отличались широкимъ объемомъ и держались преимущественно на двухъ основныхъ точкахъ: домѣ Д. А. Милютина и домѣ Прянишникова.

Д. А. Милютинъ, помѣстившись въ блестящихъ палатахъ, какъ министръ, во внутреннемъ своемъ бытѣ не измѣнилъ ни своихъ простыхъ привычекъ, ни своихъ простыхъ обѣдовъ. Отъ этого происходило, что за его обѣдами почти никогда нельзя было видѣть какихъ-нибудь важныхъ особъ. Усердный посѣтитель этихъ обѣдовъ, я только разъ или два видѣлъ тамъ графа Муравьева-Амурскаго и единственно только его. За простою трапезою Милютина, не считая безчисленныхъ его дочерей всевозможныхъ возрастовъ, собиралась постоянно небольшая группа самыхъ близкихъ ему людей и, кажется, преимущественно старинныхъ его пріятелей по ученому міру: какъ, напр., Галаховъ, Кавелинъ и др. Группа эта, обыкновенно, переходила, послѣ обѣда, въ кабинетъ Милютина. Самъ онъ вооружался кусками сахару, обмакивалъ ихъ въ кофе и собственноручно клалъ, какъ птицамъ, въ

раскрытые ротики его милыхъ дѣвочекъ, поочередно къ нему подходившихъ. Николай Милютинъ бралъ предсѣдательство въ бесѣдѣ умныхъ и ученыхъ людей и, по правдѣ сказать, имѣлъ на то полнѣйшее право, ибо трудно представить себѣ другую личность, такъ блистательно совмѣщавшую въ себѣ бездну самыхъ разнородныхъ знаній, свѣтлый умъ, свободно проникающій въ глубину всевозможныхъ вопросовъ и, наконецъ, завидный талантъ мило и увлекательно говорить, пересыпая самыя серьезныя мысли постоянными остротами и шутками.

Домъ Прянишникова имѣлъ совсѣмъ другой характеръ, даже противоположный нѣсколько Милютинскому въ томъ отношеніи, что у Милютина былъ обыкновенный обѣдъ и дивные люди, тогда какъ у Прянишникова собирались люди, хотя старые и почтенные, но весьма ординарные, зато обѣдъ былъ всегда прекрасный. Впрочемъ, Прянишниковъ давно былъ извѣстенъ всему Петербургу, какъ замѣчательный хлѣбосолъ. Въ то время, о которомъ говорю, Прянишниковъ, оставаясь членомъ Государственнаго Совѣта, утратилъ не только политическое свое положеніе, но и въ домашнемъ быту, подавляемый преклонными лѣтами и недугами, въ особенности, какъ говорили, размягченіемъ мозга, сталъ впадать въ какое-то дѣтство; но это нисколько не умаляло его гостепріимства и всей, довольно пышной, обстановки, въ которой оно десятки лѣтъ проявлялось. За столомъ Прянишникова всегда было многочисленное общество довольно разноцвѣтныхъ оттѣнковъ; но само собою разумѣется, что фонъ — былъ почтовый.

Обозрѣвая этотъ періодъ, я съ благоговѣніемъ долженъ сказать о личномъ вниманіи ко мнѣ государя, выражавшемся всюду и всегда, гдѣ только было можно. Приведу слѣдующій случай. Въ зимніе дни, въ извѣстный часъ, государь имѣетъ привычку гулять въ Лѣтнемъ саду. Многіе изъ петербургскихъ обывателей также являются туда въ этотъ часъ, разсчитывая или взглянуть на государя поближе, или обратить на себя вниманіе его величества. Мнѣ, конечно, не было надобности ни въ томъ, ни въ другомъ, и я вообще терпѣть не могъ посѣщать Лѣтній садъ зимой. Случилось, однако, обстоятельство, совершенно противоположное этимъ воззрѣніямъ. Въ одно прекрасное зимнее утро я отправился, часа въ два, въ обычную прогулку по городу, въ экипажѣ, на Пахомовскихъ рысакахъ. День, сколько припомню, былъ праздничный. Со мною была дочь, дѣвочка лѣтъ 12, и маленькій сынъ, лѣтъ 7. Когда, облетѣвъ главныя улицы города, мы проѣзжали мимо Лѣтняго сада, дѣти атаковали меня просьбами зайти въ садъ. Не имѣя никакихъ причинъ противиться ихъ желанію, я приказалъ кучеру повернуть къ воротамъ сада и, когда сани оста-

новились, я занялся вниманіемъ оттуда моихъ дѣтей. Едва окончилъ я эту операцію, какъ, взглянувъ въ сторону, по направленію къ Зимнему дворцу, замѣтилъ съ какимъ то тревожнымъ и малопріятнымъ чувствомъ, что государь, своею бодрою и великолѣпною походкою, быстро приближается тоже къ Лѣтнему саду и не можетъ не видѣть моихъ отеческихъ хлопотъ. Увидѣвъ государя, я спѣшилъ съ дѣтьми юркнуть въ садъ. Къ несчастью, я не зналъ обычнаго направленія, какое принималъ государь при входѣ въ садъ: направо или налѣво. Почему-то мнѣ казалось, что государь непремѣнно долженъ повернуть отъ воротъ направо, и въ этомъ сознаніи я повернулъ налѣво, подгоняя всевозможно своихъ закутанныхъ по зимнему дѣтей. Я разсчитывалъ, какъ только государь войдетъ въ садъ и повернетъ направо — тотчасъ вернуться къ воротамъ и чтобы не встрѣчаться съ государемъ—скорѣе удрать изъ сада. Разсчеты эти не оправдались. Спѣша, насколько было можно, по принятому мною влѣво направленію, я опять-таки съ чувствомъ, не имѣвшимъ въ себѣ ничего пріятнаго, замѣтилъ, что и государь, вопреки моимъ ожиданіямъ, принялъ то же направленіе. Слышно было, что государь шелъ бодро и скоро; впереди его летѣла и играла его любимая собака, которая уже опережала насъ и заигрывала съ маленькимъ моимъ сыномъ. Этотъ карапузикъ былъ, впрочемъ, главною причиною моихъ затрудненій. Окутанный материнскою любовью и заботливостью съ ногъ до головы, въ теплыхъ тяжелыхъ сапогахъ, въ теплыхъ штанахъ, въ теплой шубѣ и такой же шапкѣ, онъ представлялъ своей фигурой какой-то неуклюжій шаръ и, несмотря на всѣ мои понуканія, краснѣлъ только, кряхтѣлъ и пыхтѣлъ, но подвигался весьма туго. Не безъ основанія можно предположить, что государь, идя за нами, не могъ не замѣтить нашихъ тщетныхъ усилій уйти отъ него. Усилія эти я, впрочемъ, скоро бросилъ, сознавая ихъ безплодность. Я остановился и остановилъ дѣтей; всѣ мы вытянулись въ линію, почтительно ожидая приближенія государя. Я снялъ шляпу; снять съ мальчика его шапку не было ни времени, ни возможности: до такой степени она была припутана къ его умной головѣ всевозможными шнурками и тесемками. Взглянувъ на приближающагося государя, я увидѣлъ на прекрасномъ лицѣ его ту, составленную изъ милости и доброты, улыбку, которая, кажется, ему одному и принадлежитъ. Государь прямо подошелъ къ намъ и ласково спросилъ меня: „Это твои дѣти?“ Потомъ весьма милостиво сталъ разспрашивать, сколько имъ лѣтъ, гдѣ воспитывается дѣвочка, какъ ихъ зовутъ, гдѣ родились и т. д. Когда я сказалъ, что мальчишка родился на Кавказѣ, и зовутъ его Александромъ, государь ласково и пристально посмотрѣлъ на него. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, которыя госу-

дарь удостоилъ насъ милостиваго разговора, въ отдаленіи, образовались, по обычаю, группы любопытныхъ, и мнѣ дѣйствительно было пріятно потомъ пройти мимо ихъ, исполненному отрадныхъ и благодарныхъ чувствъ къ этому ангелу государю. Что же касается до дѣтей, то частью полушутливо, частью полусерьезно, они и теперь высказываютъ подчасъ горделивое сознаніе, что государь знаетъ ихъ лично и говорилъ съ ними...

Сюда же должно отнести и слѣдующее обстоятельство. Когда Иванъ Матвѣевичъ Толстой предпринялъ потомъ ходатайство о зачисленіи моего сына, именно Александра, въ пажи, ходатайство это, по установленному порядку, перешло къ военному министру. Я нисколько не сомнѣвался въ согласіи государя, но для меня интересно было знать, что скажетъ государь при этомъ случаѣ. По словамъ Милютина, который докладывалъ это дѣло, государь сказалъ: „Очень радъ! Съ удовольствіемъ“. Такимъ образомъ, нѣкогда неуклюжая мѣховая масса пребразовалась въ красиваго и изящнаго пажа!

Еще большимъ доказательствомъ вниманія ко мнѣ государя можетъ служить дарованіе мнѣ исключительнаго и оригинальнаго права „входа за кавалергардовъ“. Въ то время, когда при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ люди моего чина и значенія толпились въ отдаленныхъ залахъ дворца, я шелъ смѣло впредъ, въ среду министровъ, членовъ Государственнаго Совѣта, статсъ-секретарей и т. п. и самоувѣренно встрѣчалъ недоумѣвающіе взоры сильныхъ міра сего, какъ бы вопрошающихъ: „Куда это ты, любезный, забрался?“

Выше я упомянулъ о выстрѣлѣ 4-го апрѣля. Не моему, конечно, перу изображать тѣ раскаты, которые раздались отъ этого выстрѣла по всѣмъ концамъ русскаго царства. Событіе это, по своей великости, и нейдетъ вовсе въ мои болтливыя и незатѣйливыя записки. Если я и дерзаю упоминать о немъ, то единственно по соотношенію къ тѣмъ лицамъ и обстоятельствамъ, которыя выведены уже въ моихъ разсказахъ. Я хочу сказать, что въ числѣ различныхъ и разнообразныхъ овацій, заявленій, адресовъ, которые сыпались на любимаго государя со всѣхъ сторонъ, событіе это вызвало и пріѣздъ князя Барятинскаго въ Петербургъ....

Это было четвертое появленіе князя въ Петербургѣ, совершившееся на моихъ глазахъ, со времени возведенія его въ фельдмаршалы. На этотъ разъ князь пріѣхалъ вмѣстѣ съ женой. Упоминая объ этомъ пріѣздѣ единственно для полноты моихъ записокъ, я не имѣю ни сердечнаго желанія, ни достаточныхъ матеріаловъ говорить много о немъ. Если предыдущіе пріѣзды князя, какъ изложено мною

выше, представляли нѣкоторымъ образомъ особаго рода лѣстницу, по которой князь, относительно своего значенія и своей славы, спускался все ниже и ниже, то этотъ послѣдній пріѣздъ едва-ли не слѣдуетъ назвать послѣднею ступенью этой лѣстницы. Такое заключеніе подтверждается короче и яснѣе всего тѣмъ, что на этотъ разъ князя не пустили даже во дворецъ на житье, какъ было во всѣ предыдущіе пріѣзды. Обстоятельство это для людей, чуждыхъ, какъ и я, высшей придворной сферы, не представляетъ, повидимому, особаго значенія, особенно при тѣхъ любезностяхъ, которыя, именно, со стороны двора оказывались князю и на этотъ разъ; но что обстоятельство было значительно въ опытныхъ глазахъ и мучительно для гордаго князя, доказывается тѣмъ, что еще за границей, до пріѣзда въ Петербургъ, оно было уже предметомъ его тревогъ и непріятныхъ соображеній. Мнѣ положительно извѣстно, что именно за границей гдѣ-то князь Барятинскій спрашивалъ графа Александра Адлерберга: „Если пріѣду въ Петербургъ, пустятъ ли меня во дворецъ жить“, и что графъ Адлербергъ положительно отвѣчалъ: „Не пустятъ!“

Въ назначенный день и часъ весьма небольшая группа кавказцевъ, самыхъ преданныхъ князю людей, собралась на станцію Варшавской желѣзной дороги встрѣтить князя. Когда ожидаемый поѣздъ поравнялся съ платформой, гдѣ мы стояли, изъ вагона, занимаемаго княземъ, прежде всего, появилась маленькая супруга его, въ сопровожденіи князя Анатолія. Потомъ вышелъ самъ князь въ обычномъ своемъ гусарскомъ мундирѣ или полумундирѣ, опираясь, тоже по обычаю, на палку. Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ обратиться къ намъ, ожидающимъ, предъ нимъ очутился, какъ изъ земли выросъ, дежурный въ этотъ день при государѣ флигель-адъютантъ и форменно, какъ-то довольно торжественно, доложилъ князю, что его величество будетъ ожидать князя въ 9 ч. вечера. Затѣмъ, проходя мимо насъ и привѣтствуя старыхъ своихъ сослуживцевъ, князь, какъ и всегда, мило и въ то же время величественно бросалъ нѣкоторымъ любезныя слова. Когда князь увидалъ насъ съ Харитоновымъ, по обычаю всегда неразлучныхъ, князь ласково намъ улыбнулся. Въ этой улыбкѣ было столько же привѣта, сколько и насмѣшки. Нѣтъ сомнѣнія, что мы напоминали ему Добчинскаго и Бобчинскаго. И, дѣйствительно, Харитоновъ, въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, былъ забавный оригиналъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ онъ считалъ какою-то обязанностью торчать подлѣ меня, равно какъ признавалъ и меня обязаннымъ состоять при немъ, такъ что, сознавая всю комичность этой неразлучности, я никакъ не могъ отъ него отдѣлаться и отдѣлиться. Если я подвинусь въ ту или другую сторону, Харитоновъ тоже непремѣнно двигается за мной; случится, бывало, улиз-

нешь отъ него въ какую-нибудь другую группу, Харитоновъ, встревоженный, начинаетъ протирать свои очки, обозрѣвать вокругъ лежащія пространства и разыскивать меня въ разнородныхъ толпахъ. Отыскавъ, онъ немедленно присоединялся ко мнѣ и сурово замѣчалъ мнѣ, зачѣмъ я ухожу. Добрый, но смѣшной господинъ! Этого мало. Это непостижимое стремленіе къ нашему уравненію онъ переносилъ и далѣе. Напр., мнѣ дадутъ какую-нибудь награду; онъ шелъ на проломъ и просто требовалъ и ему награды. И замѣчательно, что потомъ онъ самъ же мнѣ это разсказывалъ, въ глубокомъ сознаніи, что онъ былъ въ своемъ правѣ: онъ не могъ допустить возможности, чтобы въ то время, когда я получилъ что-нибудь, онъ могъ не получить тоже чего-нибудь!

Въ группѣ ожидающихъ князя былъ, между прочимъ, генералъ Кауфманъ, Михаилъ, тогда начальникъ инженернаго училища, а теперь генералъ-интендантъ, очень милый и добрый человѣкъ, братъ того Кауфмана, Константина, то же милаго и добраго человѣка, который былъ, именно, въ это время виленскимъ генералъ-губернаторомъ. Когда князь поравнялся съ Михаиломъ Кауфманомъ, то, остановясь, на нѣсколько минутъ, сказалъ ему: „напишите вашему брату, что я извиняюсь предъ нимъ. Я не могъ принять его. Княгиня спала". „Обстоятельства сего дѣла", какъ говорятъ чиновники, были сдѣдующія: извѣстный Давыдовъ, прежній мужъ жены князя, послѣ потери жены и извѣстной дуэли, поселился, было, въ Парижѣ, но потомъ перешелъ въ Вильну, въ число лицъ, состоящихъ при генералъ-губернаторѣ. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Петербургъ Кауфманъ говорилъ мнѣ, что Давыдовъ приставленъ имъ къ театрамъ. Это передвиженіе не могло оставаться неизвѣстнымъ князю, точно такъ же, какъ ему лучше, чѣмъ кому-либо, было извѣстно, что отъ Давыдова всего можно было ожидать. Можно было ожидать, что, чего добраго, Давыдовъ, въ свитѣ генералъ-губернатора, явится встрѣчать князя на Виленской станціи. Вѣроятно, подъ вліяніемъ этихъ соображеній, приближаясь къ Вильнѣ, князь съ дороги далъ знать по телеграфу Кауфману, что онъ не желаетъ никакой оффиціальной встрѣчи. Несмотря на это предъувѣдомленіе, Кауфманъ все-таки явился на станцію, но не былъ принятъ княземъ. Этимъ и объясняются слова, сказанныя княземъ брату Кауфмана, хотя большинство изъ насъ плохо поняло, какимъ образомъ фельдмаршалъ не могъ принять мѣстнаго генералъ-губернатора, потому именно, что „княгиня спала!"

У подъѣзда станціи находилось великое множество экипажей. Впереди всѣхъ стояли придворные экипажи, назначенные для князя и его свиты. Все это тронулось и образовало весьма торжественный поѣздъ, который не могъ не останавливать вниманія народа. Поѣздъ

этотъ отправился на Англійскую набережную, въ домъ Чертковой, заранѣе нанятый отъ двора для князя и снабженный отъ придворнаго вѣдомства всѣми хозяйственными принадлежностями. Я зналъ уже по опыту, что первое время подобныхъ пріѣздовъ князю не до насъ съ Харитоновымъ, и потому преспокойно отправился домой. Но на другой день я, вмѣстѣ съ другими, торчалъ уже въ пріемной князя, который, встрѣчая и провожая „сильныхъ міра сего“ и потому постоянно проходя мимо насъ, привѣтливо улыбался намъ и пріязненно кивалъ намъ головой; тѣмъ дѣло и оканчивалось; на другой и на третій день было то же. Я почувствовалъ величайшее неудобство безъ цѣли, безъ пользы, стоять или сидѣть въ пріемной князя и какъ бы заявлять публично непоколебимость моихъ интимныхъ отношеній къ нему и, подобно пріему, нѣкогда употребленному, рѣшился скрыться, въ томъ убѣжденіи, что если князь дѣйствительно возжелаетъ меня видѣть, то можетъ во всякое время меня вытребовать, тѣмъ болѣе, что я и жилъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, въ знаменитомъ и прекрасномъ домѣ барона Фитингофа. Такъ прошло нѣсколько дней. Князь меня не требовалъ; но единственный въ то время адъютантъ его Кузнецовъ, заѣхавъ ко мнѣ, поставилъ меня въ извѣстность, что князь удивляется, что не видитъ меня. Это извѣстіе побудило меня вновь явиться въ его пріемную. Случилось такъ, что, выйдя изъ своего кабинета и не замѣчая меня, князь сталъ обходить другихъ, жаждавшихъ лицезрѣть его сіятельство. Когда, въ очередномъ порядкѣ, дѣло дошло до меня, князь съ непритворнымъ чувствомъ удовольствія вскричалъ: „А! Васъ-то мнѣ и нужно! Гдѣ вы пропадаете? Что вы— злитесь что ли на меня? и т. д.“. При этихъ словахъ въ лицѣ его выражалась величайшая пріязнь ко мнѣ, та симпатія, которую нельзя передать никакими словами и которая возбуждала въ душѣ моей безграничную къ нему преданность. Безъ преувеличенія можно сказать, что если князь любилъ кого-нибудь, если онъ способенъ былъ любить кого-нибудь, то едва-ли предметомъ этой любви не былъ я, такъ восторженно благоговѣвшій предъ этимъ дивнымъ человѣкомъ.

Послѣ столь любезной атаки, я счелъ уже чѣмъ-то въ родѣ долга постоянно и ежедневно являться къ князю и по обычаю исполнялъ этотъ долгъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Но изъ этого усердія не вышло ровно ничего. Являясь въ его пріемную часовъ въ 12, я узнавалъ, кто сидитъ у князя, потому что во всякое время у него непремѣнно сидѣлъ кто-нибудь; никогда не приказывалъ, какъ близкій человѣкъ, докладывать о себѣ; отправлялся съ адъютантомъ завтракать, болталъ съ княгинею, а потомъ устраивался въ пріемной и занимался или чтеніемъ газетъ или бесѣдою съ господами, подобно мнѣ вѣчно наполнявшими пріемную. Князь часто выходилъ изъ ка-

бинета, обращался къ лицамъ, желавшимъ ему представиться, ласково взглядывалъ на меня, повидимому, находилъ правильнымъ и естественнымъ, что я тутъ, и потомъ уходилъ въ кабинетъ съ кѣмъ-нибудь изъ посѣтителей высшаго сорта. Такъ было въ городѣ, такъ было потомъ въ Царскомъ Селѣ, въ Кочубеевскомъ дворцѣ, предоставленномъ тогда въ распоряженіе князя и потомъ ознаменовавшемся страшнымъ убійствомъ Чивилева. Я постоянно ожидалъ, что князь, управившись, наконецъ, съ наплывомъ петербургской знати, опрокинувшейся на него, потребуетъ меня, наконецъ, къ себѣ, для тѣхъ интимныхъ бесѣдъ, которыми онъ прежде такъ любилъ заниматься... Ожиданіе это положительно не оправдалось...

Почему? Вопросъ, не лишенный нѣкотораго интереса! Пріязнь его ко мнѣ я читалъ ясно на прекрасномъ его лицѣ и видѣлъ, что сила ея нисколько не уменьшилась. Кромѣ того, адъютантъ князя, Кузнецовъ, утверждалъ, что въ тѣ дни, когда меня не было у князя, онъ постоянно замѣчалъ мое отсутствіе и передавалъ эти замѣчанія ему, Кузнецову. Наконецъ, милыя слова и вопросы, которыми онъ встрѣтилъ меня послѣ моего исчезновенія, свидѣтельствуютъ, что отношенія его ко мнѣ не измѣнились. Слѣдовательно, не тутъ должно искать причины, что, ежедневно бывая у князя, я не удостоился его интимныхъ бесѣдъ, которыми онъ самъ меня избаловалъ. Быть можетъ, ожидаемый различными посѣтителями, онъ не имѣлъ времени для нашихъ бесѣдъ? Эта причина еще менѣе состоятельна. Дѣйствительно, часть этихъ посѣтителей была такого сорта, что князь обязанъ былъ относиться къ ней внимательно; но большинство ихъ представляло массу среднихъ личностей, съ которою князю вовсе не было надобности церемониться. Да и какъ, вообще, не найти въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль часа, двухъ, трехъ часовъ, чтобъ поговорить съ близкимъ человѣкомъ, еслибъ князь этого хотѣлъ. Очевидно, что онъ этого не хотѣлъ! Почему же не хотѣлъ? Сознаю, что мое сравненіе будетъ дико и грубо; но я нахожу, что оно наиболѣе соотвѣтствуетъ дѣлу. Онъ не хотѣлъ потому, почему женщина не хочетъ показываться человѣку, который ее обожаетъ, въ простомъ нарядѣ...

Дѣло въ томъ, что наши интимныя бесѣды имѣли всегда тотъ общій характеръ, что развивали, разъясняли, опредѣляли то величіе, на которомъ стоитъ князь. Гордый, славолюбивый, честолюбивый князь очень любилъ погружаться въ этотъ предметъ. Мое сочувствіе къ князю, мое благоговѣніе предъ нимъ дѣлали изъ меня весьма хорошаго и пріятнаго сотрудника по этой части. Сила, слава, почетъ которые окружали князя, плѣняли насъ обоихъ, и мы усердно разглядывали всѣ малѣйшіе закоулки въ этой веселой области. Область

эта ушла отъ насъ, и за нами остались только какіе-то бѣдные осколки прежняго величія, какія-то бѣдныя воспоминанія о немъ и рѣшительно ничего прочнаго, ничего существеннаго по этой части у насъ уже не было. Князь не только самъ видѣлъ и сознавалъ все это, но зналъ, что я тоже вижу и сознаю. О чемъ же мы стали бы бесѣдовать въ этомъ незавидномъ положеніи? О томъ, какъ было хорошо прежде и какъ скверно теперь? Не такой человѣкъ князь Александръ Ивановичъ! И мнѣ, и другимъ онъ хотѣлъ показать, что затменіе его славы и силы только временное и что все это возгорится скоро въ новыхъ и болѣе блестящихъ лучахъ.

И, дѣйствительно, вслѣдъ за пріѣздомъ князя, въ Петербургѣ стали носиться самые разнородные слухи насчетъ назначенія, которое ему предстоитъ. Можно было, по разнороднымъ признакамъ, заключить, что самъ князь исполненъ былъ нѣкоторыхъ ожиданій по этой части. Такъ, напр., онъ спросилъ меня однажды: „Что вы теперь дѣлаете?“ Я отвѣчалъ: „Рѣшительно ничего не дѣлаю!“ Князь съ какимъ-то испугомъ вскричалъ: „Ахъ, Боже мой! да вы этакъ облѣнитесь!“ и вмѣстѣ съ тѣмъ задумался, какъ-будто отъ тревожнаго сознанія, что инструментъ, который былъ такъ полезенъ ему въ прошедшемъ и такъ необходимъ въ будущемъ, можетъ испортиться. Проводя каждое утро въ Царскомъ Селѣ, въ помѣщеніи князя, мы съ Харитоновымъ видѣли, что или государь пріѣзжалъ къ князю, или князь ѣхалъ къ государю. Эти взаимныя посѣщенія были едва-ли не ежедневны, и намъ казалось, что царь и князь затѣмъ только и разъѣзжаютъ другъ къ другу, чтобъ лучше устроить будущее положеніе князя. Увы! И эти ожиданія тоже не оправдались. Князь не получилъ никакого назначенія; но все-таки не хотѣлъ оставить этотъ фактъ предъ нашими глазами во всей его непріятной наготѣ. Принявъ насъ съ Харитоновымъ въ день своего отъѣзда, князь усадилъ насъ, выразилъ намъ глубокое сожалѣніе, что не могъ удѣлить намъ столько времени, сколько бы ему хотѣлось. „Вы сами видите,—сказалъ онъ,—какая это каторжная петербургская жизнь! Минуты нѣтъ свободной. Но я знаю, что вы не будете сѣтовать на меня, и надѣюсь, что, когда я сдѣлаю вамъ предложеніе, вы не откажете мнѣ служить опять вмѣстѣ со мною...“

Трудно передать впечатлѣніе, произведенное на насъ послѣдними словами князя. Прежде всего, они поселили въ насъ полнѣйшую увѣренность, что князь, дѣйствительно, получаетъ какое-то назначеніе, что всѣ переговоры и соглашенія его съ государемъ по этой части кончены и что объявленіе объ этомъ назначеніи, задерживаемое, вѣроятно, какими-нибудь особыми причинами, во всякомъ случаѣ, должно послѣдовать въ непродолжительномъ времени. Харитоновъ

самодовольно плавалъ въ морѣ разныхъ обольстительныхъ по этой части соображеній и предположеній, на которыя онъ вообще былъ большой мастеръ. Мы трудились только надъ тѣмъ, чтобъ отгадать, какое, именно, назначеніе получаетъ князь, а что онъ непремѣнно получаетъ назначеніе, въ томъ не оставалось уже для насъ ни малѣйшаго сомнѣнія, послѣ приведенныхъ словъ князя. Иначе, для чего онъ сталъ бы говорить намъ о совмѣстной съ нимъ службѣ, если бы не зналъ и не видѣлъ уже поприща, на которое онъ насъ призывалъ. Всю дорогу изъ Царскаго Села въ Петербургъ мы только и толковали объ ожидающихъ насъ судьбахъ. Замѣчательное дѣло! Женщина оказалась опять гораздо прозорливѣе такихъ мудрецовъ какъ мы съ Харитоновымъ. Когда я возвратился домой, разумѣется, я поспѣшилъ сообщить слова князя, наши предположенія и наши ожиданія женѣ моей. Къ непріятному удивленію моему она не только не признала правильными нашихъ увлеченій, но старалась доказать, что слова князя, на которыхъ они построены, служатъ, напротивъ, доказательствомъ, что князь не получилъ и не получитъ никакого назначенія. Какъ ни дикимъ казалось мнѣ такое толкованіе, время разъяснило, что правда была на ея сторонѣ. Князь и доселѣ, когда пишу эти строки, дѣйствительно, не получилъ никакого назначенія!

Что сказать о княгинѣ, женѣ князя? Видно было, что князь употреблялъ всевозможныя усилія выдвинуть ее впередъ и поставить ее на твердую ногу въ той высшей сферѣ, въ которой она очутилась. Нѣтъ сомнѣнія, что въ частномъ, домашнемъ, такъ сказать, быту, она не могла не производить выгоднаго впечатлѣнія своею добротою и симпатичностью; но тамъ, гдѣ требовалась красота, блистательная внѣшность, она положительно теряла. Въ этотъ періодъ было много празднествъ при дворѣ, и я живо помню утренній выходъ въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ впервые должны были показаться князь и княгиня. Князь, какимъ-то старикомъ, опираясь на палку, проковылялъ въ общемъ шествіи, рядомъ съ Бергомъ, какъ бы провидя уже въ немъ будущаго второго фельдмаршала. Эффекта не произошло никакого. Княгиня, напротивъ, довольно эффектно введена была въ залу гофмаршаломъ Мусинымъ-Пушкинымъ и поставлена на мѣсто, въ ряду другихъ дамъ. Но весь эффектъ тутъ и кончился. Костюмъ ея былъ богатъ и изященъ и пахнулъ изящнымъ Парижемъ; но маленькая, смуглая, желтоватая—она совершенно стушевалась среди петербургскихъ дебѣлыхъ и бѣлогрудыхъ матронъ. Когда торжественное шествіе двора миновало залу, эти дебѣлыя барыни сгруппировались около маленькой и невзрачной Лизы и довольно нахально, въ лорнетку, разсматривали, какъ вещь, ея непредставительную фигуру.

Безошибочно можно было заключить, что это величавое положеніе, куда князь ее вознесъ, было стѣснительно для нея въ высшей степени. Самыя покровительницы ея, жена князя Владиміра и жена князя Анатолія, женщины видныя, красивыя, прошедшія, какъ говорится, огонь и воду, и мѣдныя трубы въ придворномъ мірѣ, скорѣе вредили ей, чѣмъ приносили пользу своимъ покровительствомъ, ибо бѣдность и смущенность ея фигуры рельефнѣе выставлялись при сравненіи съ этими блестящими и самоувѣренными женщинами. Вообще, мнѣ кажется, объ этихъ минутахъ она едва-ли можетъ вспомнить съ удовольствіемъ, и я не думаю, чтобъ она желала повторенія ихъ.

Послѣ этого выхода самъ князь уже больше не показывался на придворныхъ празднествахъ подъ предлогомъ болѣзни, которая, дѣйствительно, давала ему прекрасный предлогъ уклоняться отъ появленія тамъ, гдѣ ему было непріятно, и вообще составляла важный инструментъ въ его политическихъ комбинаціяхъ. А что ему не могло быть особенно пріятно присутствовать на этихъ празднествахъ, лишенному прежняго блеска и не привлекающему уже общаго сосредоточеннаго вниманія, въ томъ не предстояло, по крайней мѣрѣ, для меня, ни малѣйшаго сомнѣнія. Князь, по натурѣ своей, былъ человѣкъ, рѣшительно неспособный выносить второстепенныхъ ролей. Жену свою онъ продолжалъ высылать на эти празднества, и по моему мнѣнію совершенно напрасно. Я видѣлъ ее на блестящемъ придворномъ балу, въ прекрасномъ зеленомъ какомъ-то платьѣ парижскаго издѣлія, но по-прежнему непредставительною и по-прежнему подъ прикрытіемъ двухъ другихъ Барятинскихъ, которыя съ какимъ-то азартомъ исполняли эту покровительственную миссію, безъ сомнѣнія, находя обильное вознагражденіе своихъ трудовъ въ томъ уже, что бѣдная фигура Лизы эффектнѣе выставляла ихъ собственныя великолѣпныя фигуры.

Говоря объ этихъ празднествахъ, не могу не сказать, что самою эффектною, если не блестящею, личностью на нихъ былъ—избранникъ Провидѣнія—Коммисаровъ-Костромской. Вначалѣ можно было думать, что, спасши жизнь нашего государя, онъ самъ неминуемо погибнетъ въ морѣ обѣдовъ, вечеровъ, спектаклей и другихъ безчисленныхъ затѣй, по которымъ его таскали съ утра до вечера. Я самъ присутствовалъ на многихъ изъ этихъ обѣдовъ и своими глазами видѣлъ, какъ бѣдный, на видъ чахоточный, молодой парень изъ мужиковъ, въ синемъ чепанѣ съ прямыми бѣлокурыми волосами, подстриженными въ скобку, сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ и усталый, обливаясь безпрерывно потомъ, болѣзненно и какъ-то безсмысленно выслушивалъ безконечные спичи и стихотворенія, произносившіеся въ его пользу. Случалось, что онъ не досиживалъ до конца и спа-

сался бѣгствомъ. Случалось, что онъ самъ заявлялъ, что ему дурно, какъ, напр., въ театрѣ, гдѣ однажды вздумали вызывать его безконечное число разъ. Общее мнѣніе тогда утверждало, что въ немъ сидитъ чахотка и что вообще онъ недолговѣченъ. Какіе успѣхи дѣлаетъ чахотка—неизвѣстно, но успѣхи его внѣшняго преобразованія были истинно поразительны. Крестьянскій парень, въ долгополомъ синемъ кафтанѣ, съ волосами въ кружокъ, быстро исчезъ. На этихъ придворныхъ празднествахъ Коммисаровъ расхаживалъ по царскимъ заламъ въ бѣлыхъ штанахъ, въ мундирѣ, со шляпою подмышкой и уже съ какимъ-то нѣмецкимъ орденомъ на груди. Подобно Лизѣ, состоя подъ прикрытіемъ Тотлебена и еще какого-то офицера, Коммисаровъ имѣлъ и видъ приличный и держалъ себя весьма прилично. Само собою разумѣется, что онъ привлекалъ къ себѣ всѣ взоры.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо Александра Ивановича Тургенева къ императору Николаю.

Всемилостивѣйшій Государь!

Первое движеніе души—благодарность къ вашему императорскому величеству за позволеніе хотя письменно изъяснить вамъ, всемилостивѣйшій государь, все, что въ смущеніи духа могъ бы сказать вамъ сбивчиво и неясно, но, можетъ быть, понятно для сердца, которое въ самой винѣ отыскиваетъ и самый слабый поводъ къ оправданію—возможность къ помилованію. Примите сіи строки, какъ вопль сердца, измученнаго жестокою моральною казнію, постигшею и невинныхъ, и обвиняемаго. Мы—три страдальца за одного заблудшаго. Государь! Онъ не ослушникъ, онъ жертва болѣзни тяжкой и стеченія нещастныхъ обстоятельствъ.—Если князь Горчаковъ [1]) не нашелъ его дома, когда въ первый разъ пришелъ къ нему, то сего нельзя относить къ мнимому выздоровленію. Часто онъ и часть ночи проводитъ въ движеніи, ибо сидѣть и лежать не можетъ. Одна наружность его убѣдитъ всякаго въ его страданіи. Если же онъ не прислалъ свидѣтельства о болѣзни, то въ смущеніи духа могъ ли о семъ думать? Впрочемъ, и самый отпускъ его за границу былъ слѣдствіемъ болѣзни. Но я не дерзаю его оправдывать передъ монархомъ; я могу только сердцу вашему объяснить ошибку нещастнаго. Онъ не зналъ васъ, государь, не зналъ, съ какою милостію и правосудіемъ доставите вы обвиняемымъ всякую возможность къ оправданію; съ какимъ стараніемъ производимый надъ ними судъ будетъ облеченъ во всѣ спасительныя формы. Онъ думалъ, можетъ-быть, что его ожидаетъ здѣсь слѣдствіе, облеченное непроницаемою тайною, и продолжительное заключеніе до приговора. Онъ слышалъ отъ князя Горчакова, что за одну неявку къ суду его объявятъ государственнымъ преступникомъ и измѣнникомъ, и заключилъ, что участь его уже рѣшена преждевременно. Такъ разсуждалъ онъ, ибо иначе явился бы сюда и полумертвый! Такъ долженъ онъ былъ разсуждать, читая письма

[1]) Александръ Михайловичъ, тогда секретарь русскаго посольства въ Лондонѣ.

мои, въ коихъ, повѣривъ городскимъ слухамъ, я увѣдомлялъ его, что все производство дѣла начнется и кончится въ двѣнадцать дней, и что ему должно спѣшить присылкою сюда своего оправданія. Письма нещастныя, если они остановили пріѣздъ моего брата и за неявку подвергли его суду наравнѣ съ цареубійцами.

Еще разъ повторяю вашему величеству: не смѣю предъ вами оправдывать брата, но смѣю, омывая слезами руки ваши, испрашивать помилованія заблужденію ума его, и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствовать о чистотѣ его сердца. Нѣтъ, онъ не былъ, не могъ быть злодѣемъ! Пусть нѣкоторые изъ виновныхъ называютъ его своимъ сообщникомъ: правосудіе и прозорливость ваша увидитъ до какой степени можно довѣрять ихъ обвиненіямъ, одно другому противорѣчащимъ, сбивчивымъ и даже ими самими измѣняемымъ. Изъ нихъ же Комаровъ и Семеновъ должны были признаться, что братъ мой *показывалъ себя весьма умѣреннымъ* и не изъявлялъ *злодѣйственныхъ намѣреній противъ императорской фамиліи*.—Злодѣйственныхъ намѣреній! Ахъ! если бы онъ былъ здѣсь въ тотъ день, когда недостойные сыны Россіи дерзнули поднять противъ васъ, въ столицѣ вашей, знамя бунта, онъ пролилъ бы кровь свою за священную особу вашу и за цѣлость августѣйшаго вашего дома!

Еще въ началѣ 1823 года братъ мой, чувствуя уже себя больнымъ и, можетъ быть, желая разорвать связи, кои тягчили душу его, просилъ государя императора объ опредѣленіи консуломъ въ Англію, но государь велѣлъ сказать ему, что онъ ему нуженъ по дѣламъ Государственнаго Совѣта. Въ самомъ началѣ 1824 года, когда доктора объявили ему, что только одинъ Карлсбадъ можетъ спасти жизнь его, онъ отпущенъ до излѣченія, и при семъ случаѣ графъ Аракчеевъ, именемъ государя императора, объявилъ ему, что его величество совѣтуетъ ему, какъ христіанинъ, оставить всѣ либеральности. Братъ далъ слово исполнить совѣтъ, какъ высочайшее повелѣніе, и сдержалъ свое слово свято, прервалъ всѣ связи и, уѣхавъ въ началѣ апрѣля 1824 года, ни словесныхъ, ни письменныхъ сношеній ни съ кѣмъ не имѣлъ и почиталъ себя не принадлежащимъ ни къ какому обществу. Смѣю полагать, что и покойный государь, столь великодушно простившій ему прежнія неосторожности, былъ увѣренъ въ сей перемѣнѣ; ибо черезъ годъ велѣлъ министру финансовъ предложить ему новое мѣсто и предъ самымъ отъѣздомъ въ Таганрогъ еще думалъ скоро употребить его на дѣло государственное. Да будетъ сіе прощеніе, если не словами, то самымъ дѣломъ изъявленное, спасеніемъ брату; да покроетъ оно вину его забытою ангельскою добротою государя, добротою, оправданною свято сохраненнымъ обѣтомъ, никогда не нарушеннымъ.

Еще одно сомнѣніе тревожитъ душу мою:—ваше величество чрезъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа дали мнѣ знать, что въ письмѣ своемъ ко мнѣ братъ жалѣетъ, что я въ Россіи. Таковое чувство чуждо душѣ его, пламенно любящей отечество. Можетъ быть, онъ не ясно выразилъ мысль свою, но онъ хотѣлъ сказать только то, что насъ болѣе нежели самого себя оплакиваетъ. Братское сердце его, и въ ужасномъ его положеніи, старалось во всякомъ письмѣ насъ успокаивать. Для того не говоритъ онъ ни слова ни о болѣзни своей, ни о страданіяхъ: одного только предчувствіе о другомъ братѣ онъ не въ силахъ былъ скрыть отъ насъ...

Отъѣзжая нынѣ, съ дозволенія вашего величества, къ другому брату, больному и, подобно мнѣ, убитому горестью, я не имѣю другой надежды, кромѣ надежды на милосердіе ваше. Вы, государь, отличили уже неосторожныхъ отъ злодѣевъ: да не будетъ причтенъ къ послѣднимъ и заблуждавшійся. Да смягчится строгость суда благостію вашего сердца! Да совершится вами надъ нещастнымъ обвиняемымъ дѣло милости и спасенія, начатое незабвеннымъ Александромъ.

Вашего императорскаго величества вѣрнѣйшій подданный Александръ Тургеневъ.

Іюля 11-го дня 1826 г.
С.-Петербургъ.

Изъ бумагъ графа М. И. Корфа, хранящихся въ собственной его величества библіотекѣ въ Зимнемъ дворцѣ. Въ дѣлѣ о тайныхъ обществахъ. Печатается съ подлинника.

Сообщилъ **В. И. Саитовъ.**

Скорбный путь.

(Изъ воспоминаній стараго туркестанца) [1]).

Только въ пятидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія наше наступательное движеніе въ Средней Азіи получило нѣсколько опредѣленный характеръ.

Передовые отряды русскихъ войскъ, занявъ послѣдовательно нѣкоторые степные пункты по Эмбѣ, построивъ въ степи форты Карабутакъ, Иргизъ (Уральское укрѣпленіе), пройдя сыпучіе пески Каракумы, появились, наконецъ, на берегахъ Сыръ-Дарьи, основавъ близъ ея устья сначала крѣпостцу и поселокъ Раимъ, а затѣмъ—городокъ Казалинскъ, нѣсколько выше по теченію, гдѣ и задержались, но не надолго.

Задержали наше наступленіе приказы изъ Петербурга, гдѣ встревожились не на шутку запросами со стороны англійскаго посольства, такъ какъ, по мнѣнію англійской дипломатіи, скромный Казалинскъ могъ сыграть роль „ключа къ Индіи“.

Въ Петербургѣ были плохо освѣдомлены о настоящемъ положеніи дѣлъ, не знали истинныхъ особенностей и условій, не понимали по-

[1]) Въ концѣ (27 ноября) истекшаго года исполнилось тридцатипятилѣтіе дѣятельности Николая Николаевича Каразина, популярнаго художника-этнографа и писателя,—автора печатаемыхъ ниже воспоминаній.

Молодость свою (род. 1842 г.) Н. Н. провелъ въ Туркестанѣ, участвуя во всѣхъ почти дѣлахъ русскихъ войскъ при средне-азіатскихъ завоеваніяхъ и въ ученой экспедиціи на Аму-Дарью, что дало ему богатый этнографическій и художественный матеріалъ для будущихъ работъ. Выйдя въ 1871 г. въ отставку, посвятилъ себя литературной и художественной дѣятельности. За 80-ые годы имя Н. Н. К., какъ талантливаго иллюстратора и бытописателя средне-азіатской жизни, пріобрѣло широкую извѣстность; его романы и повѣсти „Двуногій волкъ“, „Въ пороховомъ дыму“, „Въ камышахъ“, „На далекихъ окраинахъ“, открывая дотолѣ неизвѣстный міръ, пользовались такимъ же постояннымъ

ложеній, въ которыхъ находились средне-азіатскія ханства, относительно насъ, пришельцевъ съ далекаго сѣвера.

Сношенія нашихъ передовыхъ постовъ на Сырѣ съ Петербургомъ были крайне затруднительны и медленны;—не было ни правильно организованной почты, ни телеграфа. Письма и посылки туда и оттуда ходили по полугоду, уже никакъ не менѣе четырехъ мѣсяцевъ, а случалось, что и вовсе не доходили по назначенію. Часто выходило, что когда въ петербургскихъ штабахъ и канцеляріяхъ приходили, наконецъ, къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію, то новыя извѣстія съ передовыхъ линій дѣлали эти рѣшенія запоздалыми и несоотвѣтствующими новому положенію событій. Приходитъ, напримѣръ, строгій приказъ основаться въ Казалинскѣ и не трогаться съ мѣста, а тутъ узнаютъ отъ запоздалыхъ курьеровъ, что давно уже заняты Кармакчи, приказываютъ остановиться хоть въ Кармакчахъ, а изъ англійскаго посольства упрекаютъ: „А вы зачѣмъ Акъ-мечеть заняли, да еще переименовали эту кокандскую крѣпость въ фортъ Перовскаго?“ и такъ далѣе, все выше да выше по теченію Сыръ-Дарьи, этой первой, великой жизненной артеріи средне-азіатскаго, почти никому невѣдомаго міра.

Часъ отъ часу не легче!

Пока развивалось это своевольное наступательное движеніе изъ Оренбурга, расширяя предѣлы этого и безъ того обширнаго генералъ-губернаторства, изъ Западной Сибири приходятъ грозныя вѣсти о тоже наступательномъ движеніи и все туда же, только съ другой стороны, почти подъ прямымъ угломъ къ Сыръ-Дарьинской базѣ.

Оттуда съ сѣвера тоже движется на югъ что-то и кто-то, и тоже

успѣхомъ, какъ и характерные рисунки азіатской пустыни съ караванами верблюдовъ. Въ 1877 г. Каразинъ вмѣстѣ съ Вас. Ив. Немировичемъ-Данченко В. В. Верещагинымъ выдвинулся въ качествѣ талантливаго и добросовѣстнаго военнаго корреспондента.

Изъ позднѣйшихъ его работъ обращаютъ на себя вниманіе иллюстраціи къ изданію путешествія Государя Императора Николая Александровича въ бытность Наслѣдникомъ на Востокъ.

Каразинъ извѣстенъ также и своими акварелями, онъ одинъ изъ основателей общества русскихъ акварелистовъ, и каждый годъ на этихъ выставкахъ появлялись его вещи.

Дѣятельность Н. Н. весьма плодотворна: имъ напечатано болѣе двадцати пяти томовъ романовъ, повѣстей и разсказовъ, иллюстраціи же его въ теченіе многихъ лѣтъ появлялись въ наиболѣе распространенныхъ еженедѣльныхъ журналахъ, и имя Н. Каразина всегда встрѣчалось читателемъ, какъ одно изъ хорошо знакомыхъ и самыхъ симпатичныхъ.

Редакція „Русской Старины“, помѣщая эту статью уважаемаго автора, привѣтствуетъ талантливаго Н. Н. Каразина по случаю исполнившагося юбилея и желаетъ ему продолженія полезной творческой дѣятельности на долгіе годы.

энергично наступаетъ, повинуясь не приказамъ изъ Петербурга, а неизбѣжной логикѣ событій, ибо „на мѣстѣ виднѣе“.

Какой-то полковникъ Черняевъ изъ Омска находитъ необходимымъ перешагнуть за Кастекскій перевалъ и занять Токмакъ, тоже ключъ къ одной изъ безчисленныхъ дверей въ Индію.

Пока собираются въ Петербургѣ послать энергичному полковнику приказъ стоять въ Токмакѣ недвижно, западно-сибирскій генералъ-губернаторъ доноситъ изъ Омска, что полковникъ Черняевъ давно уже ушелъ впередъ, что уже давно заняты и Мерке, и Аум-ата, а въ настоящую минуту онъ осадилъ и беретъ штурмомъ городъ Чимкентъ, непосредственно входящій въ составъ кокандскаго ханства.

Въ Петербургѣ—я отлично помню это время,—совсѣмъ растерялись: кто съ трепетомъ въ душѣ косится на флагъ, гордо развѣвающійся на домѣ англійскаго посольства, кто негодуетъ на непростительный авантюризмъ своевольнаго, легкомысленнаго полковника, кто, захлебываясь отъ восторга, апплодируетъ нашимъ побѣдоноснымъ батальонамъ, этимъ пресловутымъ „девятистамъ штыковъ“, составляющихъ всю главную силу наступающаго отряда съ сѣвера.

Оренбуржцы, узнавъ, что сибиряки такъ много продвинулись впередъ, двинулись тоже, вопреки запрета. Сначала генералъ Веревкинъ подошелъ къ Джулеку, затѣмъ къ Азрету, городу уже не съ кочевымъ, а настоящимъ, осѣдлымъ таджикскимъ населеніемъ—и тутъ-то пришла вѣсть, поразившая всѣхъ какъ громомъ: Черняевъ, послѣ вторичнаго кровопролитнаго штурма, первый былъ отбитъ съ большимъ для насъ урономъ, взялъ Ташкентъ со стотысячнымъ населеніемъ, съ сильною крѣпостью и первокласснымъ базаромъ, главный торговый узловой пунктъ всего Сыръ-Дарьинскаго бассейна.

Тутъ между западно-сибирскимъ и оренбургскими округами разгорѣлся ревнивый споръ, кому должны принадлежать обширныя, вновь завоеванныя страны?

Самъ Крыжановскій покинулъ свою сатрапію на берегу Урала и прилетѣлъ на передовую линію. Чуть было не возникъ серьезный конфликтъ, но судьба свыше устроила все иначе и именно такъ, какъ никто не ожидалъ. Черняевъ, получившій Георгія, былъ произведенъ въ генералы и отозванъ въ Петербургъ, всѣ вожди, герои наступательнаго движенія, получивъ разныя болѣе или менѣе почетныя назначенія и награды, отозваны тоже. Завоеванныя территоріи не были присоединены ни къ Оренбургскому, ни къ Западно-Сибирскому округамъ, а повелѣно было сформировать новый, совершенно независимый туркестанскій военный округъ и генералъ-губернаторство съ назначеніемъ главою всего этого сложнаго организаторскаго дѣла—генералъ-адъютанта Константина Петровича Кауфмана. Это случи-

лось въ 1867 году, менѣе чѣмъ черезъ два года послѣ паденія Ташкента, два года, не прошедшихъ праздно для дѣла безусловно уже необходимыхъ расширеній и округленій границъ новаго генералъ-губернаторства. Округлили—Ходжентъ, Ура-Тюбе, Джюзакъ, Яны-курганъ... Но уже отнюдь ни шагу далѣе!

Приступили къ благоустроенію.

Штаты новаго округа, занимающаго пространство болѣе всей Западной Европы, съ массою населенныхъ пунктовъ, съ многомилліоннымъ земледѣльческимъ, промышленнымъ и торговымъ населеніемъ, потребовались громадные. Приглашены были тысячи чиновниковъ разныхъ ранговъ и наименованій. Предпочтеніе отдавалось людямъ семейнымъ, въ виду успѣховъ колонизаціи. Усиленные оклады жалованья, двойныя подъемныя и прогонныя, всѣ эти блага усиливали охоту къ переселенію. Кадры всякихъ учрежденій, управленій и разныхъ канцелярій укомплектовались, надо было только уложиться и ѣхать въ новые далекіе края, на новое дѣло—и тутъ только вспомнили о путяхъ сообщенія.

Отъ Оренбурга только до Орска шла благоустроенная почтовая дорога, за Орскомъ же разстилались безконечныя киргизскія степи, съ рѣдкимъ кочевымъ населеніемъ; по этимъ степямъ, вплоть до Сыръ-Дарьи, пролегалъ едва намѣченный караванный путь, съ ничтожными признаками колесныхъ слѣдовъ, проложенныхъ малочисленными экипажами путешественниковъ и военными обозами.

На этомъ пути, носившемъ громкое названіе Орско-Казалинскаго тракта, кое-гдѣ были намѣчены почтовыя станціи для смѣны лошадей,—но что это были за станціи?! Жалкія землянки, глинобитные загончики, а чаще всего, истлѣвшія отъ непогоды, закопченыя войлочныя юломейки, для жизни совершенно неприспособленныя. Повозокъ на такихъ станціяхъ не было никакихъ, изрѣдка только попадались обломки экипажей, брошенныхъ за полною непригодностью злополучными проѣзжающими. Хомутовъ и прочей сбруи—никакихъ признаковъ, всѣ эти приспособленія путешественники должны были везти съ собою... Лошадей полагалось имѣть на каждой станціи по четыре тройки, но въ станціонныхъ загонахъ рѣдко можно было найти по двѣ клячи, совершенно изнуренныхъ, негодныхъ къ работѣ... Ямщики-киргизы, распуганные жестокостью озлобленныхъ казенныхъ путниковъ, разбѣгались по сосѣднимъ ауламъ, верстъ за двадцать, а то и болѣе, разбросаннымъ отъ почтовой дороги.

Пока еще дорога эта пролегала сѣверною частью степей, такъ называемыхъ зелеными или ковыльными степями,—кочевья номадовъ встрѣчались чаще, но дальше шли солончаковыя пустыни, страшныя своею ѣдкою пылью—въ жару и непролазною грязью—въ дождливое

время. По этимъ степямъ путникъ могъ проѣхать сотни верстъ, не встрѣтивъ живой души, не найдя пріюта отъ непогоды.

Пройдя Иргизъ, начинались сыпучіе, барханистые пески, такіе же безлюдные... Колеса въ этихъ пескахъ вязли выше ступицы, лошади были не въ силахъ тащить тяжелые тарантасы; на этихъ участкахъ полагалось имѣть на станціяхъ верблюдовъ, положеніе это не всегда исполнялось на дѣлѣ.

Питаться въ дорогѣ путешественники должны были своими запасами, такъ какъ на станціяхъ ничего нельзя было добыть съѣстного. Запасы эти пополнялись въ фортахъ и населенныхъ поселкахъ, да и то не во всѣхъ. Путешественники, менѣе опытные и незапасливые, терпѣли не мало горя, даже страданій на этой жалкой линіи, тянущейся, однако, на двѣ тысячи верстъ. Частные проѣзжающіе, особенно торговые люди, предпочитали лучше проходить эти безконечныя пространства медленно, по двадцать верстъ въ сутки, караваннымъ путемъ, чѣмъ рисковать довѣряться почтовому тракту и застрять на пути на долгое время, въ безпомощномъ положеніи.

И вотъ, по такому жалкому, неблагоустроенному тракту, въ теченіе осени 1867 года, должны были прослѣдовать тысячи чиновниковъ съ ихъ семьями, съ чадами и домочадцами на новыя мѣста—новаго служебнаго назначенія.

Настоящее колесное путешествіе начиналось съ Самары, гдѣ приходилось покидать комфортабельные волжскіе пароходы и запасаться экипажами для дальнѣйшаго путешествія. Всѣ уже были предупреждены, чтобы на такъ называемыя перекладныя повозки не разсчитывали. Предвидя усиленный спросъ на тарантасы, знаменитые казанскіе каретники открыли въ Самарѣ свои филіальныя отдѣленія. Хорошій тарантасъ можно было пріобрѣсти отъ 200 до 500 рублей съ фордекомъ. Всѣ дворы самарскихъ гостиницъ были заставлены экипажами, приспособленными къ далекому путешествію, подвязывались запасныя колеса и оглобли, цѣпями приковывались сзади, на дрожипахъ, тяжеловѣсные сундуки и чемоданы, запасалась дорожная провизія.

Изъ Самары до Оренбурга ѣхали вольно, безъ росписанія, по очередямъ, но въ Оренбургѣ всѣ обязаны были явиться въ особый комитетъ, блюдущій порядокъ дальнѣйшаго движенія. Распорядкомъ этимъ завѣдывалъ штатскій генералъ Шульманъ. Разсчетъ былъ таковъ, что въ виду ограниченнаго числа троекъ на степномъ трактѣ, выпускать изъ Оренбурга не болѣе четырехъ тарантасовъ въ день, два утромъ и два вечеромъ. Такимъ образомъ, предполагалось избѣжать „заторовъ“ и задержки движенія; забыли только, что это двигались не желѣзнодорожные поѣзда, а живые люди, на живыхъ ло-

шадяхъ... Выѣзжали-то всѣ аккуратно, по срокамъ, обозначеннымъ въ билетахъ, но система эта разстраивалась въ первый же день. Кто ѣхалъ шибче, не жалѣя ямщичьихъ „на водку“, кто тише; иные катили и день, и ночь, большинство, особенно семейныхъ съ дѣтьми, останавливались ночевать, и даже днемъ для варки обѣда; начались неизбѣжныя поломки экипажей, и опять задержки для починокъ; начались споры и пререканія на станціяхъ съ смотрителями, жалобныя шнуровыя книги исписывались сплошь—и всѣ эти непріятности разыгрались еще до перваго степного этапа въ Орскѣ, на участкѣ сибирской дороги, сравнительно хорошо облаженной. Что же можно было ожидать дальше, когда вся эта пестрая лавина начнетъ втягиваться въ дикія, безконечныя пустыни киргизскихъ степей, что начинались сейчасъ же за Орскомъ.

Въ виду усиленія подвижныхъ средствъ, посланы были распоряженія и праказы кочевымъ біямъ и старшинамъ сгонять аулы поближе къ почтовому тракту, удвоить, даже утроить, если понадобится, количество лошадей на станціяхъ, обѣщаны были кочевникамъ денежныя субсидіи, кромѣ права взимать прогоны съ самихъ проѣзжающихъ, разосланы даже правила о почтовой гоньбѣ, для развѣски по станціямъ, но всѣ эти распоряженія частью запоздали, частью были не достаточно толково разъяснены киргизамъ, а потому и плохо приведены въ исполненіе.

Полудикіе степные кони оказались не выѣзженными и злобно, недовѣрчиво косились на невиданныя чудовища на колесахъ, ямщики не опытные, не умѣющіе справляться со сложною экипажною запряжкою, и ко всему этому полное непониманіе другъ друга... Между киргизами не было знающихъ говорить по-русски, проѣзжающіе не говорили по-татарски. Маленькій запасъ знанія киргизскихъ словъ, большею частью бранныхъ словъ, не помогалъ дѣлу взаимнаго пониманія; пантомима же, да еще съ помощью ногаекъ и трясенія за воротъ, распугивала наивныхъ дикарей-номадовъ... Ямщики разбѣгались. Лошади калѣчились въ непривычной работѣ сами и калѣчили дорожные экипажи.

Случайные, болѣе опытные проѣзжающіе изъ бывалыхъ уже въ этихъ краяхъ являлись якоремъ спасенія, но эти бывалые исчезали скоро, оставляя за собою отчаяніе и полную безпомощность.

Но эти проѣзжающіе разносили по фортамъ вѣсти о томъ, что творилось на трактѣ, вѣсти эти доходили и до главныхъ конечныхъ пунктовъ, но доходили медленно,—вѣдь, телеграфа тогда не существовало.

Самъ новый генералъ-губернаторъ, всѣ главныя власти давно уже прибыли на мѣсто; для ихъ провоза были по всей линіи организо-

ваны казачьи подставы съ надежными, выѣзженными лошадьми, но эту роскошь нельзя было распространить на двѣ слишкомъ тысячи верстъ, на всю массу переселенцевъ; казаковъ бы не хватило, да и была вначалѣ еще полная надежда на успѣшность наскоро устроенной степной почты. Думали, что путешествіе будетъ трудновато, но все-таки не до такой крайней степени.

А дѣло шло къ глубокой осени, начались ночные холода съ заморозками, ждали даже скораго снѣга, періода страшныхъ степныхъ бурановъ. Присталые на пути кони, выбившіеся изъ силъ, выпрягались и пускались въ степь на отдыхъ и покормку, ямщики покидали экипажи и уходили тоже, якобы за розыскомъ новыхъ коней. Путешественники оставались около своихъ тарантасовъ, сбирали жалкіе остатки степной растительности и сухой пометъ съ дороги и раскладывали костры, чтобы согрѣться и сварить себѣ чаю... Короткіе дни смѣнялись темными, безконечными ночами, а съ наступленіемъ тьмы наступали и томительныя мученія страха и сознанія своей безпомощности... Взятая съ собою провизія, не бережливо расходуемая сначала, приходила къ концу, а сравнительно короткіе перегоны между фортами тянулись недѣлями, а то и больше.

Между проѣзжающими, особенно между дѣтьми, начались болѣзни, что еще болѣе усилило безотрадность тяжелаго путешествія, были даже смертные случаи.

Кочевники относились къ пришельцамъ очень недовѣрчиво, да еще вдобавокъ прослышали, что все это ѣдутъ будущее начальство, все чиновники; недовѣріе и даже недружелюбіе, вслѣдствіе такихъ слуховъ, усилилось. Аулы, несмотря на предписанія держаться поближе къ тракту, откочевали подальше, въ глубину степей, а съ аулами отогнали и стада овецъ. Возобновлять запасъ провизіи на пути стало невозможно. Проѣзжающіе, конечно, дѣлились между собою чѣмъ можно, но скоро и дѣлиться было нечѣмъ... Вернуться нельзя, сзади за спиною, уже залегли громадныя пространства прослѣдованнаго тяжелаго пути, а впереди еще безъ конца тянулась скорбная дорога, и приходящимъ въ отчаяніе путникамъ казалось, что и конца не будетъ этому проклятому пути, конца не будетъ ихъ страданіямъ.

Когда въ Ташкентѣ получены были точныя свѣдѣнія о томъ, что творится на дорогѣ, сейчасъ же приняты были мѣры къ прекращенію этихъ бѣдствій, или хоть къ возможному ихъ ослабленію.

Изъ Ташкента, изъ форта Перовскаго и Казалинска были двинуты отряды съ помощью. Командированы были офицеры, съ запасами вина, сухой провизіи, чаю и сахару, хлѣба и всякихъ консервовъ, поѣхали и нѣсколько докторовъ съ медикаментами и перевязочными средствами. Этимъ „спасителямъ“ разрѣшено было пользоваться по

фортамъ казачьими и казенными обозными лошадьми, даже артиллерійскими лошадьми, если бы въ нихъ оказалась надобность.

Каждый отрядъ, состоящій изъ трехъ-четырехъ троекъ, долженъ былъ прослѣдовать опредѣленный участокъ дороги, снабжать голодающихъ путниковъ провизіей, облегчать всѣми мѣрами возможность, хотя и медленнаго, дальнѣйшаго слѣдованія...

На пунктахъ, долженствующихъ изображать станціи, обязали киргизовъ выставить болѣе удобныя кибитки и юломейки, заготовлять запасы топлива, назначили даже казаковъ-урядниковъ во временныя должности станціонныхъ смотрителей; это была одна изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ, потому что казаки—уральцы и оренбуржцы—всѣ хорошо понимали и говорили по-киргизски, и служили для путешественниковъ надежными переводчиками.

На скорбномъ трактѣ повеселѣло.

Н. Каразинъ.

Къ исторіи масонства въ Россіи.

Въ архивѣ канцеляріи военнаго министерства хранятся дѣла, полученныя изъ грузинской библіотеки графа Аракчеева. Среди нихъ имѣется документъ, относящійся къ закрытію литовскихъ массонскихъ ложъ. Это—записка управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Ланского, писанная въ 1823 году. Она представляетъ не что иное, какъ всеподданнѣйшій докладъ о закрытіи ложъ, и перечисляетъ всѣ заслуживающіе вниманія масонскіе бумаги и документы. Безъ сомнѣнія, всѣ перечисленные въ ней документы могутъ пролить массу свѣта и открыть цѣнный источникъ для историческихъ изысканій о масонахъ вообще и, въ частности, о литовскихъ масонскихъ ложахъ, но, къ сожалѣнію, при запискѣ приложенъ только одинъ изъ документовъ — рѣчь великаго 1-го надзирателя, произнесенная имъ при торжественномъ празднованіи дня учрежденія великой ложи Казимира Великаго. Записку Ланского государь императоръ передалъ своему любимцу графу Аракчееву, который былъ въ то время на столько могущественнымъ, что рѣшалъ всѣ государственные вопросы. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что записка министра внутреннихъ дѣлъ попала въ грузинскую библіотеку всесильнаго временщика. На ней имѣется собственноручная надпись графа Аракчеева: „Получено отъ государя 14-го декабря 1823 года“.

З. Н.

О литовскихъ бывшихъ масонскихъ ложахъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1822 года литовскій военный губернаторъ извѣщалъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1821 года шляхтичъ Станиславъ Мацканевскій, въ

поданномъ во 2-й департаментъ виленскаго главнаго суда прошеніи, протестовалъ противъ находящейся въ Вильнѣ масонской ложи, утверждая, что дѣянія ея противны религіи и народу, и просилъ о взысканіи съ оной внесенныхъ имъ въ складку 75 руб. серебромъ, присовокупляя, что онъ принадлежалъ къ ложѣ около 3-хъ лѣтъ и выписался изъ оной въ 1820 г.

Главный судъ препроводилъ прошеніе сіе, какъ принадлежащее до полицейской части, въ губернское правленіе, отъ коего представлено оное къ нему на разсмотрѣніе, и въ то же время подана ему самимъ Мицканевскимъ просьба такого же содержанія.

Между тѣмъ тайный совѣтникъ Новосильцовъ увѣдомилъ литовскаго военнаго губернатора, что по случаю вышедшей въ варшавской верховной ложѣ новой конституціи, намѣстникъ царства Польскаго приказалъ закрыть тамъ ложи; обстоятельство сіе было сообщено потому болѣе, что въ Вильнѣ находились ложи, принадлежавшія къ варшавскимъ, которыя еще до полученія сего извѣстія были уже закрыты. Хотя по разсмотрѣніи находившихся въ виленскихъ ложахъ разныхъ экземпляровъ и постановленій, не найдено ничего противнаго правительству и религіи, однакожъ дано строгое предписаніе наблюдать, дабы впредь никакія секретныя собранія дозволяемы не были.

По причинѣ протеста Мицканевскаго, коимъ онъ утверждалъ, что дѣйствія масонскихъ ложъ противны религіи и народу, потребованы были отъ него на то доказательства, вслѣдствіе чего онъ объяснилъ: что главная тайна масонства состоитъ въ томъ, чтобы распространить между всѣми состояніями людей вольность и равенство, истребить деспотизмъ или самодержавное правленіе; все сіе очевидно угрожаетъ народамъ потрясеніемъ или революціею, подобною тѣмъ, какія были во Франціи, Испаніи, Португаліи, Неаполѣ и Туринѣ. Масоны намѣрены уничтожить вѣру христіанскую—а ввести общую, отринувъ всѣ истинные обряды Спасителя нашего Іисуса Христа, не признавая его Богомъ, они мечтаютъ о нѣкоемъ великомъ строителѣ міра, называемомъ по-еврейски Егова.

Сверхъ того, Мицканевскій въ поданной просьбѣ объяснилъ, что когда онъ пришелъ въ главный судъ для подачи прошенія, то регентъ того суда Володко, вышедъ изъ присутствія и прочитавъ ту просьбу, на высочайшее имя написанную, бросилъ подъ ноги и симъ поступкомъ оскорбилъ высочайшую особу. Изъ объясненія же означеннаго регента Володко видно, что онъ, дѣйствительно, выходилъ изъ присутствія и когда Мицканевскій объявилъ, что имѣетъ для подачи прошеніе, то Володко хотѣлъ посмотрѣть, по формѣ ли оно написано, но по причинѣ оспариванія Мицканевскаго, что онъ не

вправѣ дѣлать объ немъ никакого заключенія, не входя въ дальнѣйшіе разговоры, отошелъ и заперъ присутствіе.

Литовскій военный губернаторъ присовокуплялъ къ тому, что шляхтичъ Мицканевскій былъ прежде членомъ виленской квартирной комиссіи и за разныя злоупотребленія, вмѣстѣ съ другими членами, находится подъ судомъ.

По докладѣ о семъ государю императору послѣдовало высочайшее повелѣніе предписать литовскому военному губернатору:

1) Чтобъ онъ приказалъ взять всѣ бумаги масонской ложи, о коей доноситель показываетъ.

2) Чтобъ бумаги сіи были потомъ разобраны вице-губернаторомъ Горномъ и прикомандированнымъ къ нему чиновникомъ.

3) Чтобъ по разборѣ сего тѣ изъ нихъ, кои по важности своей или какимъ-либо другимъ соображеніямъ могутъ заслужить вниманіе, доставлены были сюда запечатанныя при особомъ регистрѣ съ краткимъ изъясненіемъ содержанія оныхъ.

Во исполненіе сей высочайшей воли, тогда же литовскому военному губернатору сообщенной, по разсмотрѣніи масонскихъ бумагъ доставлены имъ въ мартѣ мѣсяцѣ сего года обратившія вниманіе, слѣдующія бумаги:

Переписка литовской ложи съ петербургскою.

1) Черновое письмо отъ 18-го числа 6-го мѣсяца 5817 года, въ коемъ сообщаются свѣдѣнія о началѣ существованія масонства въ Литвѣ и о положеніи онаго.

2) Отзывъ с.-петербургской ложи Астреи отъ 5-го числа 2-го мѣсяца 5818 года, предлагавшій литовской ложѣ вступить въ ея зависимость.

3) Отпускъ съ отвѣта литовской ложи 3-го мѣсяца того же года, объясняющій причины, по коимъ она не можетъ принять сдѣланнаго ей предложенія.

4) Таковой же отпускъ 4-го мѣсяца 5818 года и по тому же предмету.

5) Черновая инструкція, данная члену литовской ложи, отставному капитану Миллеру, который былъ посланъ въ С.-Петербургъ, съ письмами къ разнымъ лицамъ, для отклоненія непріятныхъ послѣдствій по случаю напечатанной въ Вильнѣ книги: „Лисабонскій Раввинъ“, издателемъ коей былъ ксендзъ Длускій, начальникъ литовской провинціальной ложи. Въ наставленіи, данномъ Миллеру, возложена на него обязанность словесно объяснить существо дѣла предъ

лицами, къ коимъ былъ адресованъ; но въ переговорахъ съ с.-петербургскими масонами наблюдать осторожность, дабы не обнаружить снисхожденія и желанія быть въ зависимости тамошняго востока; если же бы сдѣлано было о томъ предложеніе, то сослаться на присягу, учиненную польскому востоку, которую нарушить невозможно.

6) Отпускъ съ письма къ с.-петербургской ложѣ Астреѣ отъ 23-го числа 7-го мѣсяца 5817 года, въ коемъ изложены причины, побудившія издать упомянутое въ инструкціи Миллера сочиненіе, и присовокуплена просьба принять участіе въ семъ дѣлѣ.

7) Отпускъ съ письма къ министру статсъ-секретарю царства Польскаго, коимъ просятъ его ходатайства, дабы не были подвержены отвѣтственности сочинитель, цензоръ и типографщикъ за изданіе вышеупомянутой книги.

О ТОМЪ ЖЕ:

8) Къ митрополиту римскихъ церквей Сестренцевичу.

9) Къ генералъ-майору Жеребцову.

10) Отвѣтъ с.-петербургской ложи 19-го числа 8-го мѣсяца 5817 года, коимъ извѣщаетъ, что, при всѣхъ стараніяхъ членовъ ея, не открыто ничего на счетъ производства дѣла о извѣстной книгѣ, и сіе самое заставляетъ думать, что никакихъ вредныхъ послѣдствій отъ того быть не можетъ.

11) Отзывъ варшавской ложи отъ 14-го числа 9-го мѣсяца 5818 года, коимъ обнадеживаетъ литовскую ложу о благорасположеніи с.-петербургской и одобряетъ твердую рѣшимость оной остаться въ союзѣ съ варшавскимъ востокомъ, не вступая въ зависимость с.-петербургскаго.

12) Списокъ съ отношенія варшавской ложи къ с.-петербургской по тому же предмету.

Переписка литовской ложи съ варшавскою о вновь изданной конституціи:

1) Отношеніе изъ Варшавы отъ 25-го числа 4-го мѣсяца 5820 г. уполномоченнаго отъ литовской провинціальной ложи Любовицкаго, который описываетъ случившіяся въ главной ложѣ происшествія, при введеніи новой конституціи.

2) Отношеніе литовской ложи по сему же предмету къ виленскимъ символическимъ, коимъ осуждается новая конституція, какъ вредная, клонящаяся къ уничтоженію братства и ниспроверженію свободы и равенства, кои служатъ девизомъ ихъ союза.

3) Два отзыва минской символической ложи отъ 5-го и 10-го мѣсяцевъ 5820 года, съ извѣщеніемъ, что уполномоченный ея въ

Варшавѣ подписалъ согласіе свое на принятіе конституціи, и потому она не имѣетъ права отступить отъ оной.

4) Черновой проектъ къ протоколу засѣданія виленской ложи, подъ названіемъ школа Сократеса, въ коемъ изложенъ протестъ противъ конституціи; изъ проекта сего также видно, что виленскія ложи, прервавъ соотношенія свои съ главною варшавскою ложею, продолжали дѣйствія свои, будучи въ зависимости литовской провинціальной.

5) Отзывъ волынской провинціальной ложи, существовавшей въ Дубно, отъ 16-го числа 8-го мѣсяца 5820 года, съ препровожденіемъ списка съ рѣчи, произнесенной начальникомъ оной Густавомъ Оливаромъ противъ конституціи; ложа сія, подобно литовской, разорвавъ союзъ свой съ варшавскимъ востокомъ, рѣшилась дѣйствовать независимо.

Уставъ вновь заведенной въ Вильнѣ ложи, подъ названіемъ реформатовъ и переписка членовъ:

1) Уставъ сей написанъ въ 1818 году докторомъ Шимкевичемъ, подъ названіемъ „Для блага усерднаго литвина и всего ордена свободныхъ каменьщиковъ“; въ немъ исчислены всѣ ложи и члены масонства въ литовскихъ губерніяхъ, также денежныя суммы, до того времени собранныя; кратко изложено о началѣ таинствъ въ Греціи; о появленіи союза Тампліеровъ въ Европѣ; преслѣдованіе ихъ во Франціи; побѣгъ и поселеніе въ Шотландіи, введеніе масонства въ Англіи. Въ уставѣ семъ доказывается несовершенство масонскихъ правилъ тѣмъ: 1) Что тайна масоновъ есть ничто иное, какъ притворство. 2) Что они подвергаются внѣшнему безславію. 3) Что нужны весьма большія издержки, и 4) что союзъ братства можетъ существовать и на другихъ постановленіяхъ. Въ уваженіе такового мнѣнія 30 членовъ реформатовъ составили временныя правила и образовали особую ложу.

2) Черновой проектъ, писанный ксендзомъ Длускимъ, противъ предположенія реформатовъ, коихъ онъ полагалъ исключить изъ братства, возвратя и поступившія отъ нихъ деньги; о чемъ было заготовлено представленіе въ главную варшавскую ложу, но, за несогласіемъ одного члена, оное не отправлено.

3) Отпускъ съ письма литовской провинціальной ложи къ профессору Мяновскому, управляющему ложею реформатовъ; въ письмѣ семъ изъяснено сожалѣніе главной варшавской ложи о несогласіи братства, случившемся въ то время, когда во всей Польшѣ просвѣщенные люди стараются распространить масонство, когда Литва, Волынь и Подолія съ одинакимъ стремленіемъ и отчасу съ большимъ усердіемъ принимаются за труды свободныхъ каменьщиковъ, подъ

предводительствомъ великаго отечественнаго востока. Судя по событіямъ свѣта въ настоящее время, благо и счастіе народное не иначе можетъ быть обезпечено, какъ утвержденіемъ отечественности (Narodowosa), что сіе великое начало содѣлывается, съ одной стороны, натуральнымъ оплотомъ насиліямъ и неправдѣ, а съ другой служитъ священною причиною къ распространенію между людьми всѣхъ состояній тѣхъ совершенствъ, которыя бы могли облагородить существо человѣка; вотъ предметъ масонства; а потому намъ, польскимъ масонамъ, должно соединяться и сообразовать желанія и намѣренія наши, не ослабляя отнюдь узла существующаго, не нарушая и не истребляя единства, на снисхожденіи законнаго правительства основаннаго.

4) Проектъ воззванія къ реформатамъ отъ имени всѣхъ членовъ литовской ложи, которая убѣждаетъ ихъ соединиться съ нею попрежнему.

5) Письмо профессора Мяновскаго къ Ромеру, коимъ онъ отвѣтствуетъ на означенное воззваніе, утверждая правильность реформы и противополагая ей неизвѣстность высокихъ и отдаленныхъ масонскихъ видовъ, кои для низшихъ степеней совершенно закрыты, и что, по мнѣнію его, цѣль масонства состоитъ въ томъ, чтобы усовершенствовать понятія и сердце.

6) Онаго же Мяновскаго отзывъ въ литовскую провинціальную ложу 3-го мѣсяца 5819 года, по тому же предмету, съ представленіемъ списка членовъ реформы, дѣйствительныхъ и почетныхъ.

7) Отпускъ съ отношенія литовской ложи въ главную варшавскую, которую увѣдомляетъ первая, что реформаты остаются въ заблужденіи своемъ непреклонными; также проситъ о назначеніи въ Литву великаго намѣстника изъ числа кандидатовъ: Игнатія Соболевскаго, Адама Чарторыжскаго и Людвика Платера, и изъявляетъ желаніе о скорѣйшемъ изданіи новой конституціи.

8) Реформатской ложи воззваніе къ братьямъ масонамъ, по случаю изданнаго постановленія королемъ португальскимъ и бразильскимъ. Въ воззваніи семъ изъявляется соболѣзнованіе о масонахъ, живущихъ какъ въ семъ королевствѣ, такъ равно въ Италіи и Испаніи. Реформаты, ссылаясь на уставъ свой, утверждаютъ, что орденъ масоновъ, по намѣреніямъ своимъ, пребудетъ священнымъ, и что люди, составляющіе оный, не заслуживаютъ презрѣнія и ненависти, а напротивъ— благодарность и любовь народовъ должны сопровождать ихъ. Реформаты предполагали напечатать уставъ свой на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ; но изъ бумагъ ихъ не видно, чтобы предположеніе сіе было исполнено.

Соотношеніе польскихъ и литовскихъ ложъ къ заграничнымъ:

1) Отзывъ брата Наркиза Олизара отъ 14-го мая 1819 года къ литовской провинціальной ложѣ, коимъ увѣдомляетъ о принятіи обратно пожертвованной имъ было суммы въ распоряженіе масоновъ (пожертвованіе сіе составляло 5000 червонцевъ) и что о таковомъ благородномъ поступкѣ онъ донесетъ великимъ заграничнымъ востокамъ, съ коими имѣетъ связи.

2) Печатный листъ варшавскаго востока 13 октября 1819 года, въ коемъ изложенъ годовой отчетъ занятіямъ онаго, бывшая командировка въ Вильну брата намѣстника Платера для убѣжденія реформатовъ обратиться къ своимъ обязанностямъ; тутъ же упоминается о непрерывномъ сношеніи съ властями заграничныхъ востоковъ и о портретѣ государя императора, постановленномъ въ одной изъ варшавскихъ ложъ.

3) Отзывъ великаго магистра Игнатія Потоцкаго, изъ коего видно бывшее сношеніе варшавскаго востока съ ложами Голландіи и Батавіи.

О дѣйствіи масоновъ по случаю увольненія изъ союза ихъ одного члена:

1) Отношеніе минской ложи къ литовской провинціальной отъ 1-го числа 8-го мѣсяца 5817 года съ приложеніемъ письма Костровицкаго, писаннаго къ брату Сулиставскому, бывшему минскимъ губернаторомъ, съ особою запискою, коею Костровицкій доказываетъ, что почитаетъ за грѣхъ быть масономъ и отрекается отъ сего имени; минская ложа, исключивъ его изъ братства,—обрекла вѣчному презрѣнію и просила литовскую ложу учинить съ своей стороны соотвѣтственное поступку виновнаго наказаніе.

2) Печатный экземпляръ рѣчи, произнесенной къ варшавской ложѣ: Казиміръ великій. Содержаніе оной заслуживаетъ вниманія, по необузданному распространенію понятія о равенствѣ и по нѣкоторымъ выраженіямъ не осторожнымъ, кои легко показаться могутъ буйными.

Бумаги, въ коихъ упоминается высочайшее имя государя императора:

1) Отзывъ варшавскаго великаго востока къ литовской провинціальной ложѣ 12-го числа 10-го мѣсяца 5818 года, по случаю представленія послѣдней, что с.-петербургская ложа не желаетъ входить съ нею въ братскія сношенія, варшавская ложа обнадеживаетъ ее въ покровительствѣ государя императора, яко сочлена.

2) Извѣщеніе варшавской ложи: братья соединенныхъ поляковъ въ виленскую: „Славянскій орелъ“, отъ 24-го числа 6-го мѣсяца 5819 года о портретѣ государя императора, поставленномъ въ оной.

3) Изъ той же ложи въ виленскую, подъ названіемъ „Добрый

пастырь", препровожденъ печатаный экземпляръ пѣсни, сочиненной по тому же случаю.

Переводъ рѣчи, произнесенной въ варшавской ложѣ великаго Казиміра, у сего прилагается. Подписалъ С. Ланской.

РѢЧЬ,

переводъ съ польскаго,

говоренная братомъ, великимъ 1-мъ надзирателемъ, при торжественномъ празднованіи дня учрежденія великой ложи Казиміра великаго.

„Высокопочетные, почтенные и любезные братья.

Удѣлять часть времени, посвящаемаго нами безмятежнымъ трудамъ нашимъ, изслѣдованію какого-либо правила, какой-либо мысли королевскаго искусства, есть обыкновеніе похвальное, полезное и издавна въ мастерскихъ нашихъ принятое. Позвольте же, братья, чтобы, соображаясь съ онымъ, избралъ я при сегодняшнемъ празднествѣ предметомъ моего и вашего вниманія одно изъ первѣйшихъ и существеннѣйшихъ началъ нашего общества, служащее основаніемъ всему зданію, о коемъ великая ложа ежедневно слышитъ и которое выражается во всѣхъ обрядахъ нашихъ; позвольте мнѣ вамъ сказать нѣсколько словъ о равенствѣ.

Нѣтъ, безъ сомнѣнія, ни одного искренняго и прямодушнаго каменьщика, котораго бы, при входѣ въ сіе святилище, мысль сія не преисполняла сильнѣйшимъ чувствомъ, что не взирая на различіе званій, достоинствъ и отличій, прагъ сей переступаетъ онъ токмо, какъ человѣкъ, сотворенный на подобіе единаго Бога и стремящійся къ единому предназначенію. Мысль сія во всемъ пространствѣ своемъ уподобляется совершеннѣйшимъ подвигамъ нравственности и дѣйствуетъ на умъ человѣческій съ такою же силою, какъ и мысль о смерти.

Подобно тому, какъ гробы суть колыбели безсмертія, какъ въ тихой мрачности ихъ вечеръ протекшаго дня сливается съ разсвѣтомъ будущаго утра, уставы равенства, сей благотворной искры, сохраненной нами отъ вѣковъ прошедшихъ въ сокровенности нашей, процвѣтутъ нѣкогда, по истеченіи другихъ столѣтій, и по наступленіи опредѣленнаго часа возсіяютъ въ возрожденіи своемъ и возвратятъ намъ первобытную невинность, добродѣтель и счастіе. Возвратятъ, конечно. Но чтобы достигнуть до того, братья каменьщики, общество наше требуетъ отъ васъ единодушнаго, постояннаго и неутомимаго усилія; дабы бытъ въ состояніи слѣдовать къ высокой цѣли сей, вспомнимъ, братья, что намъ нужны двѣ вещи — ясное и основательное понятіе

о равенствѣ и безпрерывное примѣненіе онаго какъ въ ложѣ, такъ и внѣ ея.

Все подтверждаетъ намъ, что свободные каменьщики суть и были всегда между собою равны; какимъ образомъ равенство сіе сохраняется между нами, тому научаютъ всѣ работы наши. Священнымъ и умильнымъ именемъ брата называемъ мы мастера ложи и служителя оной. При ударѣ молотка, умолкаютъ у насъ и ученики первой степени и высшія свѣтила и предъ престоломъ высокопочтеннѣйшаго преклоняютъ колѣна сынъ и братъ королевскій, равно какъ и ремесленникъ, питающій себя трудами рукъ своихъ. Мы не признаемъ другого властелина, кромѣ закона; ему каждый изъ насъ безъ изъятія слѣпо долженъ повиноваться, ему каждый долженъ быть покорнымъ. Сіе-то истинное равенство, равенство передъ лицомъ закона, введено и сохраняется между нами вѣками. Изъ сего однакожъ не слѣдуетъ, чтобы всѣ управляли, всѣ всѣмъ распоряжались, чтобы не было раздѣленія трудамъ и занятіямъ, чтобы не было возмездія за заслуги и должнаго уваженія къ справедливымъ наградамъ. Все сіе согласшается съ благоразумнымъ равенствомъ свободныхъ каменьщиковъ. Если бы свѣтъ, слѣдующій безъ намѣренія и не вѣдая о томъ тайному направленію нашему, ограничилъ себя въ предѣлахъ сего масонскаго равенства, то лѣтописи послѣднихъ двадцати годовъ не были бы обагрены кровью и запятнаны стыдомъ и безславіемъ, а народъ тотъ, который первый предъ другими народами торжественно огласилъ тайные уставы наши своими, не посрамилъ бы вольность, не помрачилъ бы священное дѣло, для котораго подвизался, не испыталъ бы, наконецъ, толикихъ бѣдствій и несчастій, кои, не взирая на чудеса храбрости, на неслыханныя побѣды, принуждаютъ его бороться вновь съ силами, противопоставленными ему духомъ тьмы. Но, подобно тому, какъ при міротвореніи всѣ смѣшанныя между собою стихіи дѣйствуютъ однѣ на другихъ, во взаимномъ бореніи мятутся, сталкиваются и потрясаются, доколѣ безсмертная сила однимъ творческимъ словомъ не воззоветъ устройства изъ среды хаоса и новаго свѣта, изъ среды мрака, устраивая и укрѣпляя всѣ уставы природы и распространяя тишину и порядокъ тамъ, гдѣ свирѣпствовали мраки и безпорядки,—такъ видимъ и мы, что послѣ необычайныхъ потрясеній нравственнаго міра, несмотря на запальчивую необузданность во время смятенія и на противныя усилія послѣ успокоенія, упрочились однакожъ отчасти основанія истиннаго равенства. Они укоренятся совершенно. Въ счастливыхъ пріемникахъ и луфтонахъ (такъ называются дѣти масоновъ) достигнемъ и мы, братія, достигнетъ священное общество наше современемъ высокой своей цѣли. Видѣть или предвидѣть сіе для свободнаго каменьщика—пріятнѣйшее удоволь-

ствіе. Вся жизнь его посвящена быть должна сей мысли, сему стремленію. А потому, братья, станемъ дѣйствовать въ семъ направленіи неутомимо, непрерывно и повсемѣстно. Такъ, братья, повсемѣстно Да обратится вниманіе ваше на предметъ сей и на приспособленіе онаго. Не довольно того, чтобы чтить равенство въ святилищѣ, чтобы видѣть брата въ каждомъ свободномъ каменьщикѣ; нужно еще, чтобы уваженіемъ къ священному сему завѣту сердце наше было столько имъ проникнуто, душа наша столько имъ преисполнена, естество наше столько съ нимъ соединено, чтобы мы видѣли и почитали человѣка намъ равнаго не одними словами, не поверхностью только, но въ самомъ существѣ, чтобы мы во всѣхъ людяхъ почитали наравнѣ человѣка: человѣка въ багряницѣ или рубищѣ, за плугомъ, съ перомъ, съ орудіемъ, съ пилою, со скипетромъ или съ аршиномъ въ рукахъ; ибо онъ вездѣ есть одно и то же существо, имѣетъ одинакое начало, одинаковое право на земное счастіе и одинаковое предназначеніе за гробомъ. Каждый изъ насъ, здѣсь присутствующихъ, каждый изъ внимающихъ мнѣ имѣетъ дѣла (какъ говорятъ въ свѣтскомъ быту) съ высшими и низшими себя. Въ сношеніяхъ съ первыми должны чтить достоинство человѣка въ самомъ себѣ; въ сношеніяхъ съ послѣдними должно уважать достоинство сіе въ нихъ. Не должно обольщать первыхъ подлостью, пресмыканіемъ, уничиженіемъ и отреченіемъ отъ мнѣнія своего, дабы не подвергнуться отвѣтственности передъ Богомъ и совѣсти за чинимыя ими преступленія. Не должно гордостію, надменностію и властолюбіемъ отнимать у низшаго свободу мыслить; но должно просвѣщать его, защищать и нравственно возвышать и усовершать благоразумнымъ поведеніемъ и примѣромъ. Всякъ изъ насъ имѣетъ своего слугу; многіе, проходя военное или гражданское поприще, имѣютъ подчиненныхъ; многіе также владѣютъ землями, трудолюбивыми крестьянами населенными. Свободный каменьщикъ не долженъ забывать, что частный его слуга, что воинъ, подобно ему, но съ большою заслугою отечеству служащій, ибо безъ всякаго славолюбія жертвуетъ отечеству жизнію, что земледѣлецъ, тяжкими трудами котораго онъ пользуется,—суть люди ему подобные, совершенно ему равные. Небо для того допустило васъ быть свободными каменьщиками, чтобы вы съ рачительностію пеклись о благосостояніи существъ, вашему попеченію ввѣренныхъ. Трудитесь же въ просвѣщеніе ума въ благородствованіи сердецъ ихъ, поступайте съ ними ласково; если же необходимо употребить строгость, то умѣряйте оную кротостію и справедливостію. Помните всегда, что въ ту самую минуту, когда вы увлекаетесь неприличнымъ человѣческому достоинству гнѣвомъ, вы нарушаете обѣты и присягу и престаете быть масонами. Ибо человѣкъ, свирѣпствующій надъ человѣкомъ, учинив-

шись извергомъ, можетъ ли быть масономъ, витяземъ добродѣтели, жрецомъ въ святилищѣ человѣколюбія? О, братья мои, да проникнутъ слова сіи сердца ваши, да воспламенятъ вновь священныя искры сіи, обществомъ свободныхъ каменьщиковъ при основаніи своемъ въ нихъ зароненныя. Будемъ трудиться для человѣчества, будемъ трудиться единодушно и повсемѣстно. Будемъ уважать всѣхъ людей безъ изъятія, будемъ служить имъ безъ различія, изъ одного уваженія къ человѣчеству и равенству. Развращать порядокъ общественный, производить насильственно перемѣны въ ономъ не есть намѣреніе наше, не есть обязанность наша. Общество наше, подобно природѣ, дѣйствуетъ сокровенно, постоянно и единообразно; оно дѣйствуетъ силою чувствъ, силою убѣжденій, оно дѣйствуетъ посредствомъ вольныхъ каменьщиковъ на тѣхъ, кои къ намъ не принадлежатъ. — Въ семъ заключаются правила общества. Соображаясь съ оными, будемъ дѣйствовать, сколько силы наши позволятъ, сколько отъ насъ зависитъ. Мы должны пользоваться всякою благопріятною минутою, всякимъ удобнымъ случаемъ и ежели крайняя необходимость заставитъ насъ быть орудіемъ такого дѣла, котораго свободный каменьщикъ ужасается, то доколѣ будетъ существовать сія необходимость, доколѣ оную отвратить не будетъ въ силахъ нашихъ, дотолѣ должны мы стараться, чтобы масонская совѣсть не могла упрекнуть насъ въ какомъ-либо произвольномъ преступленіи. Дѣйствуя такимъ образомъ, братья, въ скромномъ уединеніи, безъ тщеславія и повинуясь отношеніямъ внѣшнимъ, станемъ противоборствовать происканъ тьмы, услаждать жребій страждущихъ, умножать число защитниковъ, уменьшать число утѣснителей; распространимъ царствіе равенства и, преобразивъ, такимъ образомъ, угнетателей въ человѣковъ, а всѣхъ людей—въ братьевъ, превратимъ вселенную въ единое неколебимое святилище добродѣтели и человѣколюбія“.

Сообщилъ З. Н.

Запрещеніе употребленія слова „предлагаю“ въ предписаніяхъ военныхъ начальниковъ.

(Циркулярное отношеніе начальника штаба отдѣльнаго гвардейскаго корпуса отъ 16-го октября 1839 г.).

Его императорское высочество командиръ корпуса [1]), замѣтивъ, что при перепискѣ по службѣ между разными лицами отдѣльнаго гвардейскаго корпуса многіе старшіе въ чинахъ начальники въ бумагахъ къ младшимъ себѣ лицамъ употребляютъ выраженіе „предлагаю“, тогда какъ старшій можетъ и обязанъ только приказывать младшему, а не предлагать ему, почему его высочеству угодно, чтобы въ форменныхъ бумагахъ выраженіе „предлагаю“ впредь употребляемо не было, а вмѣсто онаго писать „предписываю“ и пр.

Всякому военно-служащему извѣстно, что терминъ „предлагаю“ до сихъ поръ сохранился въ штилѣ канцелярской переписки.

Сообщ. **Мих. Соколовскій.**

---

[1]) Т. е. великій князь Михаилъ Павловичъ.

Какъ генералы при податной реформѣ Петра Великаго едѣлались «перепичиками» [1]).

Петръ I, постоянно нуждаясь въ финансахъ, изыскивалъ разные способы, которыми возможно было бы пополнить государственную казну. Наиболѣе крупной мѣрой, направленной къ пополненію казны, была подушная перепись 1719—1727 года, благодаря которой правительству удалось встать ближе къ населенію и получать съ него значительно больше прежняго. Цѣль переписи была та, чтобы: 1) увеличить число плательщиковъ, заставить всякаго человѣка нести извѣстныя обязанности въ пользу государства, 2) болѣе равномѣрно распредѣлить между населеніемъ податное бремя. Дѣло переписи было поручено тогдашней администраціи,—губернаторамъ, воеводамъ и ландратамъ. Однако, во время хода самой переписи выяснилось, что во многихъ мѣстахъ произошли „утайка“ и „прописка“ душъ: въ однихъ случаяхъ помѣщики или само населеніе старалось уменьшить наличное количество мужского пола душъ, ради „легкости“ въ податяхъ, въ другихъ случаяхъ регистрація происходила небрежно, пропускали души „невѣдѣніемъ“, ошибкой.

Выяснилась необходимость—обревизовать данныя переписи, произвести ихъ строгую провѣрку. Первоначально провѣрка была поручена той же администраціи,—губернатарамъ и воеводамъ [2]) и, можетъ быть, она въ значительной мѣрѣ не дала бы тѣхъ результатовъ, какіе оказались налицо позднѣе. Но благодаря разнымъ обстоятельствамъ,

[1]) Свѣдѣнія для этой замѣтки взяты преимущественно изъ матеріаловъ, хранящихся въ Москов. архивѣ м. ю. (дѣла Сената, № 659 и др.).

[2]) Указъ отъ 11 мая 1721 г. (П. С. З., № 3782).

о которыхъ частью будетъ сказано ниже, дѣло ревизіи перешло въ другія руки,—къ военнымъ, генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, которые стали производить ревизію съ большой строгостью и неослабнымъ вниманіемъ. Ревизія въ общемъ продолжалась болѣе 6 лѣтъ и дала поразительные результаты: до ревизіи общее число переписанныхъ душъ во всемъ государствѣ доходило до 4.035.630, а послѣ нея—до 5.794.928,—въ общемъ пропущено было свыше 30% наличнаго количества душъ, въ отдѣльныхъ же провинціяхъ (напр., бахмутской) пропускъ превышалъ 50%, такъ что здѣсь въ перепись вначалѣ попадала меньшая половина населенія [1]).

Какимъ же образомъ случилось, что генераламъ, людямъ военнымъ, занятымъ своими чисто военными дѣлами, вдругъ поручено было дѣло не ихъ спеціальности, а именно: „свидѣтельствованіе м. п. душъ", чѣмъ до того времени были заняты административные чиновники.

Для объясненія этого нужно вспомнить, что податная реформа въ своемъ происхожденіи была тѣсно связана съ вопросомъ о содержаніи арміи. Къ концу 20-хъ годовъ Сѣверная война прекращалась. Возникалъ вопросъ о томъ, какъ устроить армію, когда она вся вернется въ Россію, откуда брать средства на ея содержаніе. Отвѣтомъ былъ проектъ о подушномъ обложеніи, по которому предполагалось распредѣлить полки по отдѣльнымъ губерніямъ и возложить ихъ содержаніе на мѣстное населеніе, при чемъ подати должны падать на каждое лицо мужскаго пола, отъ мала до велика, въ одинаковомъ размѣрѣ, а въ общей сложности должны давать сумму, достаточную для содержанія всей арміи. Когда проектъ сталъ приводиться въ исполненіе, то передъ правительствомъ встали двѣ крупныя работы: 1) нужно было исчислить населеніе, произвести поголовную перепись лицамъ мужскаго пола, на которыхъ падалъ налогъ, 2) нужно было расположить полки по этимъ душамъ, т. е. выдѣлить особые округа съ опредѣленнымъ количествомъ душъ, расквартировать въ нихъ полки, и устроить порядокъ обложенія и сбора такъ, чтобы подушная подать съ извѣстнаго округа шла на опредѣленный полкъ.

Первоначально эти двѣ работы выполнялись разными лицами; переписью занимались административные чиновники, расквартированіемъ полковъ—военные. Что касается послѣдняго, то дѣло происходило такъ. Еще не закончилась перепись населенія, какъ Петръ I, торопившійся съ устройствомъ арміи, 27-го января 1721 года послалъ въ Новгородскую провинцію генералъ-майора Волкова для примѣр-

---

[1]) См. Милюкова П. Н., Государственное хозяйство Россіи, 2 изд., П., 1905 г. стр. 474; Богословскаго М. М., Областная реформа Петра Великаго, М., 1902 г., стр. 345.

наго расквартированія въ ней двухъ полковъ: пѣхотнаго и драгунскаго, чтобы, пользуясь этимъ опытомъ, позднѣе расквартировать всю армію повсемѣстно. Волкову дана была инструкція [1]), изъ которой видно, что онъ долженъ былъ заниматься только однимъ дѣломъ,— расквартированіемъ полковъ и распредѣленіемъ ихъ на наличное количество душъ.

Какъ только Волковъ получилъ инструкцію, онъ обратился въ канцелярію бригадира Зотова (при Сенатѣ), которая вѣдала всѣмъ переписнымъ дѣломъ въ имперіи, съ требованіемъ, чтобы ему были выданы копіи ревизскихъ сказокъ, по которымъ онъ могъ бы распредѣлить полки на души. Но у Зотова ревизскія сказки оказались въ одномъ экземплярѣ, онѣ необходимы были ему самому для подведенія общихъ итоговъ переписи. Можно было бы списать копіи, но это дѣло требовало много времени и значительнаго количества рукъ, а у Зотова въ канцеляріи подьячихъ всегда была нехватка, и отвлекать ихъ сторонней работой не представлялось возможнымъ, тогда какъ Волковъ, будучи весьма исполнительнымъ человѣкомъ, торопился выѣхать въ Новгородъ какъ можно скорѣе. Въ это время случайно въ Петербургъ пріѣхалъ новгородскій воевода, князь Хилковъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ сообщилъ, что у него въ канцеляріи имѣются копіи ревизскихъ сказокъ и что онъ можетъ доставить ихъ въ самомъ скоромъ времени въ Петербургъ. Зотовъ и Волковъ этому были очень рады: предложеніе Хилкова выводило благополучно изъ затрудненій обоихъ. Черезъ нѣкоторое время нарочный привезъ сказки (въ копіяхъ); онѣ были свѣрены съ тѣми, которыя хранились въ канцеляріи Зотова, и одинъ изъ экземпляровъ, а именно, подлинныя ревизскія сказки были вручены Волкову. Послѣдній немедля отправился на мѣсто своего назначенія и энергично взялся за исполненіе порученнаго дѣла.

Между тѣмъ, въ собранномъ Зотовымъ переписномъ матеріалѣ по свѣркамъ и справкамъ оказались „многія неисправы“ и весьма значительная „утайка“ душъ мужскаго пола. Сенатъ сначала поручилъ произвести повѣрку этой переписи отдѣльнымъ лицамъ и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, но потомъ пришелъ къ выводу, что подобную повѣрку слѣдуетъ устроить повсемѣстно. 11-го мая 1721 г. былъ изданъ указъ: людей дворцовыхъ и государевыхъ, въ селахъ и деревняхъ всякаго званія людей, а также въ городахъ и уѣздахъ однодворцевъ и прочихъ разночинцевъ „освидѣтельствовать по сказкамъ самимъ губернаторамъ и воеводамъ. А ежели самимъ за подлинною болѣзнью ѣхать будетъ не можно, то для того выбрать и послать

[1]) П. С. З., № 3720.

вѣрныхъ людей, за кого бы они могли отвѣтъ дать и велѣть по поданнымъ первымъ и пополнительнымъ сказкамъ, каковы въ тѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ остались (не взирая на оныя), въ городахъ и уѣздахъ освидѣтельствовать, въ каждомъ городѣ, селѣ и деревнѣ оныхъ всякаго званія людей, правдою-ль тѣ сказки поданы, и нѣтъ ли гдѣ утаенныхъ и прописныхъ, и ежели явятся таковыхъ переписки вновь только тѣхъ, кто былъ въ утайкѣ и прописке, а вновь переписи всѣмъ не чинить [1]).

Когда этотъ указъ пришелъ въ Новгородъ, то воевода князь Хилковъ былъ поставленъ въ большое затрудненіе: сказокъ, по которымъ можно было бы произвести повѣрку, у него на рукахъ не было. Однако, Хилковъ вышелъ изъ затрудненія весьма удачно,—онъ рѣшилъ отбояриться отъ хлопотливой работы. Вскорѣ же, 24-го мая, онъ писалъ въ Сенатъ: „вышеупомянутаго свидѣтельства чинить ему не почему, понеже сказокъ оставшіе копіи по указу изъ Сената взяты въ канцелярію бригадира Зотова, а подлинныя сказки отданы для расположенія полковъ генералъ-майору Волкову", который къ тому же и новгородскихъ подьячихъ забралъ. А потому кн. Хилковъ просилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы провѣрка переписи была съ него снята и поручена г.-м. Волкову.

Это дѣло Сенатъ 2-го іюня обсудилъ, было рѣшено ходатайство новгородскаго воеводы удовлетворить и свидѣтельствованіе душъ возложить на Волкова. Въ Новгородъ былъ посланъ указъ, которымъ повелѣвалось: „оное свидѣтельство учинить генералъ-майору Волкову, понеже для расположенія полковъ посланъ въ ту провинцію онъ Волковъ и подлинныя сказки отданы ему, а копіи, которыя съ тѣхъ сказокъ оставлены были въ Новгородѣ, взяты къ бригадиру Зотову". Однако, Волковъ былъ недоволенъ тѣмъ, что ему поручалось дѣло, которое не имѣло прямого отношенія къ его ближайшей задачѣ—устройству и расквартированію полковъ; онъ хотѣлъ было, несмотря на категорическій смыслъ сенатскаго указа, отклонить отъ себя новое сложное порученіе. Ему далеко не улыбалась перспектива заняться канцелярской работой по повѣркѣ переписи. 7-го іюля Волковъ шлетъ въ Сенатъ доношеніе, въ которомъ онъ писалъ, что „во оное свидѣтельство про утаенныхъ и прописныхъ въ сказкахъ безымяннаго указу, оставя настоящее, порученное ему отъ Его Величества дѣло, вступить онъ не смѣетъ, понеже отъ того въ расположеніи полковъ, которое они нынѣ отправляютъ, учинится остановка; а что воевода князь Хилковъ отговаривается, что того свидѣтельства чинить ему непочему... то (по требованію воеводы)... подлинныя сказки отправлены къ нему бу-

[1]) См. П. С. З., № 3782.

дутъ въ немедленномъ времени, для того, что съ тѣхъ сказокъ сдѣланы у нихъ къ свидѣтельству м. п. душъ именные списки, также и подьячіе, которые отъ него взяты были на время, и изъ нихъ больше половины паки къ нему отосланы".

Видимо, Волковъ хотѣлъ использовать все, чтобы только не ему заниматься повѣркой переписи: онъ ссылался на волю самого царя, обѣщалъ подлинныя сказки передать Хилкову и часть подъячихъ уже отпустилъ обратно въ воеводскую канцелярію. Но отписка Волкова успѣха не имѣла. 14-го августа Сенатъ, слушавъ это дѣло, „приговорилъ": „а то свидѣтельство ему, г.-м. Волкову, чинить по прежнему его великаго государя указу и ихъ сенатскому приговору іюня 2-го дня с. г., понеже онъ въ ту провинцію посланъ для расположенія полковъ по именному е. в. государя указу и при томъ расположеніи свидѣтельствовать ему удобнѣе и подлинныя сказки отданы ему".

Вскорѣ же, 16-го августа, Волкову былъ посланъ соотвѣтствующій указъ. Волкову ничего не оставалось дѣлать, какъ приняться за свидѣтельствованіе душъ. Но какъ пунктуальный исполнитель и дѣлецъ, онъ принялся за это дѣло съ большой энергіей. Въ случаяхъ сомнительныхъ, когда онъ не зналъ, какъ поступить, онъ обращался въ Сенатъ, а иногда прямо къ самому царю съ ходатайствомъ указать, какихъ правилъ держаться при ревизіи. Отвѣтомъ на такія доношенія нерѣдко были указы, которые потомъ пріобрѣтали общее значеніе въ качествѣ руководящихъ нормъ для всѣхъ „переписчиковъ"-ревизоровъ [1]).

Когда свидѣтельствованіе душъ и расположеніе полковъ пошло у Волкова очень успѣшно, то правительствомъ рѣшено было, по примѣру новгородской провинціи, разослать повсюду по губерніямъ „знатныхъ людей" изъ генералитета и штабъ-офицеровъ, которымъ и поручить расположеніе полковъ и свидѣтельствованіе душъ [2]). Имъ дана была обширная инструкція, въ которой, кромѣ правилъ о расположеніи полковъ, сообщалось подробно, какъ они должны были свидѣтельствовать души и съ кого взыскивать за утайку, при чемъ они не должны были останавливаться даже передъ тѣмъ, чтобы „тѣхъ селъ и деревень (гдѣ произошли утайки) прикащиковъ и старостъ разспрашивать и розыскивать и пытать, оную утайку чего для чинили". Съ этого времени посланныя лица (большинство изъ нихъ были генеральскаго чина) стали называться „переписчиками", а также „генералитетомъ и штабъ-офицерами, которые посылаются въ губерніи и провинціи для свидѣтельствованія душъ и расположе-

[1]) См. П. С. З., №№ 3802, 3857 и др.
[2]) Тамъ же, №№ 3871, 3901.

нія полковъ", а ихъ дѣло повѣрки переписи—„ревизіей". Губернаторы же и воеводы были отстранены отъ свидѣтельствованія душъ,—они должны были только помогать переписчикамъ.

Когда генералы-переписчики разъѣхались по губерніямъ, то каждый открылъ у себя особую канцелярію, которая оффиціально называлась „канцелярія свидѣтельствованія м. п. душъ и расположенія полковъ" или „канцелярія вѣдѣнія такого-то (напр., г.-м. Чернышева). У каждаго изъ „переписчиковъ" былъ значительный штатъ подчиненныхъ лицъ, состоящій изъ штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ тѣхъ полковъ, которые предстояло расквартировать въ назначенной мѣстности; они были его ближайшими помощниками и исполнителями его приказаній. Величина военныхъ отрядовъ, находившихся подъ началомъ у генерала-переписчика, была довольно значительна. Такъ, въ небольшой Нижегородской губерніи у г.-м. Салтыкова въ распоряженіи было нѣсколько сотъ человѣкъ. Если взять во вниманіе „реестръ штабъ и оберъ-офицерамъ, которые посланы въ разныя провинціи Нижегородской г. (для свидѣтельствованія душъ) и при нихъ подьячіе" 1722 г., то тамъ поименно названо 77 человѣкъ; къ этому нужно еще присоединить значительный контингентъ простыхъ нижнихъ чиновъ. Вообще говоря, личный составъ команды г.-м. Салтыкова колебался отъ 132 человѣкъ до 306, чаще же всего онъ былъ около 200. Въ другихъ же губерніяхъ, болѣе обширныхъ команды переписчиковъ были гораздо больше. Съ теченіемъ времени ревизія отвлекла къ себѣ такое число офицеровъ, что въ полкахъ чувствовался недостатокъ командировъ, и военное вѣдомство было серьезно обезпокоено этимъ.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ ревизія душъ обратилась въ сложную работу. Ревизія стала „не простой статистической регистраціей податнаго населенія", а сложной перестройкой общественныхъ группъ, при которой отъ переписчика требовалось, кромѣ энергіи и исполнительности, еще знаніе мѣстныхъ особенностей, знаніе юридической природы отдѣльныхъ группъ населенія и умѣнье разбираться въ нестройномъ, запутанномъ составѣ общественныхъ классовъ [1]). Повидимому, переписчики въ общемъ довольно удачно выполнили возложенное на нихъ порученіе. Если даже взять чисто количественную сторону переписи, то успѣхъ ихъ выразился въ внушительной цифрѣ: они сумѣли отыскать сверхъ поданныхъ сказокъ почти два милліона новыхъ душъ. Это зависѣло, главнымъ образомъ, отъ той строгости, съ которой они, какъ люди военные, производили ревизію переписи [2]).

М. Клочковъ.

---

[1]) Ср. Богословскаго, Областная реформа, стр. 353.

[2]) См. Милюкова, Государственное хозяйство, 478.

Воспоминанія изъ жизни на Амурѣ.

Къ пятидесятилѣтію Амурскаго Края.

I.

Миръ заключенъ. Кончилась русско-японская война, но воспоминаніе объ ея ужасахъ никогда не изгладится изъ памяти русскаго народа. И неужели же это несчастіе должно было неминуемо случиться? Нѣтъ, мнѣ кажется, что этого могло бы и не быть, если бы мы своевременно обратили вниманіе на Приамурскій край. Въ моемъ воображеніи рисуется такая картина. Полвѣка тому назадъ, по занятіи русскими Приамурскаго края, его стали заселять не сынками, т. е. штрафованными солдатами изъ гарнизоновъ Европейской Россіи, а свободнымъ, трудящимся людомъ, и теперь край густо заселенъ. По Амуру и Уссури многолюдные города съ церквами, школами, больницами, библіотеками, словомъ, со всѣмъ тѣмъ, что должно быть въ культурныхъ странахъ. Хитанъ прорѣзанъ тупелями, желѣзная дорога соединяетъ Срѣтенскъ съ Николаевскомъ и Хабаровскъ съ Владивостокомъ. Мѣста, годныя для земледѣлія, обработаны. Сѣютъ рожь, пшеницу, ярицу, овесъ, ячмень, ленъ, коноплю, гречиху. (Уже извѣстно, что все это можетъ произрастать въ Приамурскомъ краѣ и сѣется; но какъ и въ какомъ количествѣ!). Край не только питается собственнымъ хлѣбомъ, но въ случаѣ надобности въ состояніи прокормить какую угодно армію. На низкихъ, подверженныхъ наводненіямъ, мѣстахъ устроены дамбы. Всюду покосы, стада гуляютъ на необозримыхъ пастбищахъ.

Въ долинахъ Суйфуна, Лефу, Даубихе не манзы, а русскіе охотятся на пушнаго звѣря, преимущественно соболя и оленя, панты

(молодые рога) котораго иногда стоютъ до 400 рублей, ищутъ дорогой женъ-шенъ и золото. Лѣса не выжигаются зря на десятки верстъ, а берутся, и наиболѣе дорогіе породы, какъ-то: бархатное дерево, пробковое, кленъ, груша даже вывозятся за границу. Пчеловодство и плодоводство процвѣтаетъ въ Хабаровскѣ и въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, а прекрасная рыба кэта (родъ семги) и сахалинская селедка наводнили всѣ европейскіе рынки. Каменный уголь добываютъ на Сахалинѣ, въ заливѣ Посіета, на Муравьевѣ-Амурскомъ, на Сучанѣ. Въ заливѣ Ольги — желѣзные рудники, въ бухтѣ Побережья — „серебро свинцовое“; по Амуру и его притокамъ—золотые пріиски. А морская капуста, краббы, креветы, устрицы, трепанги! А котиковые и китовые промыслы чего стоятъ! Вѣдь, океанскій китъ даетъ до 15.000 руб. Много богатства въ благодатномъ Приамурскомъ краѣ, и всѣ эти богатства не расхищаются, а эксплоатируются съ толкомъ.

Владивостокъ—военный и коммерческій портъ, красуется надъ бухтой Золотой Рогъ, одной изъ лучшихъ въ мірѣ бухтъ по красотѣ и морскимъ качествамъ. Не легко было укрѣпить этотъ оплотъ богатой окраины, но денегъ не пожалѣли. Арсеналы Владивостока полны новѣйшихъ оружій; склады ломятся отъ количества запасовъ и снарядовъ, а грозныя батареи устрашаютъ врага. Русскимъ судамъ нѣтъ надобности заходить послѣ аварій въ японскіе доки: у нихъ свой прекрасный докъ, которымъ пользуются и иностранцы. Россіи нечего бояться врага; да онъ и не посмѣетъ...

Такъ было бы, владѣй Приамурскимъ краемъ не мы, а какая-нибудь другая культурная нація. У насъ не то; тяжело и больно это сознавать!

Тутъ изъ области фантазіи мысли мои переносятся къ пережитой дѣйствительности, за тридцать лѣтъ назадъ, и живо припоминается, какимъ былъ Приамурскій край тогда, 20 лѣтъ спустя послѣ его занятія.

Въ 1872 году мужъ мой получилъ назначеніе на Амуръ, въ село Хабаровку. Ему было тридцать лѣтъ, мнѣ девятнадцать, нашему ребенку полгода. Родные находили безуміемъ съ нашей стороны пускаться въ странствованіе въ неизвѣстный, далекій край, но мы ничего не боялись: молодость любитъ неизвѣданное. Я недавно окончила институтъ; въ моихъ ушахъ еще звучали напутственныя слова воспитательницъ: „propagez la science, mes enfants“. И вотъ я мечтала заняться этимъ дѣломъ въ новомъ краѣ, о которомъ ничего не знала кромѣ того, что онъ новый, и что каждый обязанъ по мѣрѣ силъ трудиться на его пользу. Мужъ, вѣроятно, думалъ приблизительно то же: вѣдь, люди шестидесятыхъ годовъ были вообще склонны къ фантазіямъ и иллюзіямъ.

Въ концѣ апрѣля мы выѣхали изъ О. съ ребенкомъ, но безъ няни, потому что на такую роскошь не имѣли средствъ. На дорогу мужъ купилъ только ружье, шубу да сѣдло, а думать о туалетѣ намъ и въ голову не приходило.

Отъ О. до Москвы, а отъ Москвы до Нижняго мы проѣхали по желѣзной дорогѣ въ третьемъ классѣ; отъ Нижняго до Перми на пароходѣ. Въ Перми мы узнали, что первый пароходъ, ушедшій изъ Тюмени, попалъ въ ледоходъ. Пришлось бы ждать нѣсколько дней въ Тюмени до отхода второго, а потому мы купили тарантасы и рѣшили ѣхать на лошадяхъ. Нѣсколько станцій ѣхали на почтовыхъ, а затѣмъ—на „дрожкахъ“, такъ какъ это было и дешевле, и скорѣе. Въ тѣ времена крестьяне Западной Сибири жили довольно богато, держали много лошадей и охотно везли пассажировъ на своихъ лошадяхъ до самаго Томска. Поѣздка на „дрожкахъ“ устраивалась такимъ образомъ: какой-нибудь богатый крестьянинъ обязывался доставить путешественника до любого мѣста дешевле, чѣмъ стоило прежде на почтовыхъ. Первыя 40 или 50 верстъ крестьянинъ везъ проѣзжаго на собственныхъ лошадяхъ, затѣмъ передавалъ его въ какомъ-нибудь большомъ селѣ своему знакомому „дружку“, этотъ слѣдующему и т. д. Дороги были невозможныя; тѣмъ не менѣе, мы ѣхали день и ночь и только изрѣдка, когда очень утомлялись, останавливались ночевать у какого-нибудь „дружка“. Крестьянскіе дома содержались чисто. Какъ теперь вижу: бѣлые, вымытые полы и стѣны, въ углу образа, на стѣнѣ зеркало съ бѣлоснѣжнымъ, прибраннымъ полотенцемъ; герани и фуксіи на окнахъ; на столѣ блестящій, большой самоваръ; во второй горницѣ—огромная, деревянная кровать съ пуховиками и подушками чуть не до потолка. Упитанная, любезная хозяйка, жена „дружка“, предлагаетъ густыхъ сливокъ къ чаю, кринку молока, щей или жареную куру и свою кровать на ночь для меня съ ребенкомъ. Послѣднимъ предложеніемъ я никогда не пользовалась, а предпочитала спать въ тарантасѣ, во дворѣ. Многимъ теперь такое путешествіе покажется сплошнымъ мученіемъ, но мы этого не чувствовали. Правда, первое время ѣзда на лошадяхъ очень утомляла, голова кружилась, ощущалась разбитость во всемъ тѣлѣ; спать мы не могли, но кто-то посовѣтовалъ намъ не сидѣть въ тарантасѣ, а лежать, и, дѣйствительно, это оказалось гораздо удобнѣе, толчки на ухабахъ переносились легче, такъ что мы прекрасно спали ночи и просыпались только тогда, какъ подъѣзжали къ станціи или какой-нибудь большой рѣкѣ. Тутъ тарантасъ останавливался, и ямщикъ кричалъ перевозчикамъ: „Эй, вы, подавай карбазъ!“ Иногда карбазъ оказывался за рѣкой, и приходилось ждать его полчаса и больше. Затѣмъ, не выпрягая лошадей, экипажъ съ

сѣдоками ставили на карбазъ и гребли на другой берегъ. Случалось, что тутъ же перевозили и какого-нибудь крестьянина съ телѣгой, тогда на карбазѣ становилось тѣсно, и казалось: вотъ, вотъ, лошади подадутся впередъ, и мы улетимъ въ рѣку; но привычныя животныя стояли какъ вкопанныя, и мы благополучно переправлялись на другой берегъ.

Въ то время ѣзда по Западной Сибири была не совсѣмъ безопасна: нерѣдко случалось, что у пріѣзжихъ отрѣзали привязанные сзади экипажей чемоданы, но мы путешествовали благополучно. Подъѣзжая къ Томску, мужъ попросилъ „дружка“ завезти насъ не на почтовую станцію, а въ какую-нибудь скромную гостиницу, гдѣ бы можно было спокойно переночевать. Хозяинъ гостиницы намъ не понравился; проѣзжихъ, кромѣ насъ, въ ней не было ни души, что показалось намъ подозрительнымъ; тѣмъ не менѣе, мы рѣшили остановиться, потому что очень утомились. Заказали самоваръ, внесли въ комнату вещи, и мужъ пошелъ въ городъ купить какой-нибудь провизіи. Не прошло часа, какъ онъ вернулся встревоженный и объявилъ, что сейчасъ уѣзжаетъ, и уже ведутъ почтовыхъ лошадей. Ему сказали въ булочной, что гостиница, въ которую завезъ насъ „дружокъ“ — разбойничій притонъ, гдѣ обворовываютъ или убиваютъ. Это былъ единственный, непріятный инцидентъ до самаго Иркутска. Въ Восточной Сибири по почтовому тракту грабежей и убійствъ почти не случалось. То и дѣло встрѣчались проѣзжіе, тянулись безконечные обозы; тащились переселенцы, попадались бѣглые каторжники. Послѣдніе, не скрываясь, подходили къ экипажу и просили „подать несчастненькому“; мы подавали, и они шли дальше. Намъ говорили, что въ деревняхъ для этихъ челдоновъ (такъ называли въ Сибири бѣглыхъ каторжныхъ) хозяйки выставляли на ночь за ворота кринки съ молокомъ и ковриги хлѣба. Бѣглые принимали даръ и уходили, не причинивъ никому вреда.

Переселенцы представляли собою жалкую картину: исхудалые, оборванные, они еле плелись или ѣхали на телѣгахъ съ ребятами и разнымъ скарбомъ; тутъ же гнали иногда коровъ и телятъ. Случалось, что до мѣста своего переселенія несчастные путешествовали года полтора, терпѣли страшную нужду, болѣли, умирали; въ особенности — дѣти.

Иногда мы обгоняли партіи каторжныхъ; угрюмыя лица, злобные взгляды, которыми они провожали экипажъ; телѣги съ отсталыми и больными; конвой съ ружьями; побрякиваніе цѣпей, — все, вмѣстѣ взятое, оставляло чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе.

Въ Иркутскѣ мы отдыхали дней пять. Величественный Байкалъ, въ прозрачной водѣ котораго на саженной глубинѣ виденъ каждый

камень, былъ гладокъ, какъ зеркало. Сидя на палубѣ, мы любовались видомъ озера и его живописныхъ, крутыхъ береговъ и не замѣтили, какъ нашъ жалкій пароходишко, пыхтя и треща, подошелъ къ Посольску. Часть пути отъ Посольска до Верхнеудинска приходилось ѣхать по высокому берегу рѣки Селенги. Почтовая дорога, шириной саженей въ пять, проходила мѣстами по скаламъ и защищалась отъ пропасти деревянными перилами, зачастую подгнившими и покосившимися. Съ одной стороны экипажа—огромная скала; съ другой—обрывъ въ рѣку. Кругомъ природа величественная, грозная и суровая дѣйствовала подавляюще. Становилось жутко: фантазія рисовала мрачныя картины: вотъ оторвется кусокъ скалы, свалится колесо, порвется возжа, лошади понесутъ, и тогда конецъ земному странствію... Такъ люди ѣздили десятки лѣтъ и катастрофъ не случалось, только благодаря привычкѣ лошадей и опытности ямщиковъ.

За Верхнеудинскомъ начинается Бурятская степь. Какъ только тарантасъ нашъ подъѣзжалъ къ станціи, его мигомъ окружала толпа бурятъ всѣхъ возрастовъ и обоего пола. Приземистые, съ узкими, косыми глазами, всѣ „въ малахаяхъ“ (мѣховыя шапки) и „въ турлукахъ“ (длинная мѣховая рубашка), они удивительно походили другъ на друга. Только серебряныя кольца въ ушахъ и у богатыхъ маржаны (нитки коралловъ) на шеяхъ отличали женщинъ отъ мужчинъ. Прежде всего, собравшіеся начинали что-то кричать, повидимому, спорили, кому ловить лошадей, и затѣмъ нѣсколько человѣкъ убѣгало. Ловля лошадей производилась такимъ образомъ: буряты садились на коней, брали укрюки (длинный шестъ съ веревочной петлей на концѣ), въѣзжали въ табунъ и гнались за тѣми лошадьми, которыхъ нужно было поймать. Накинувъ на шею коня петлю, затягивали ее и треножили коней, то есть связывали каждому три ноги кожанными ремнями; затѣмъ приводили его на станцію и запрягали, не снимая треногъ. Когда вся тройка была уже запряжена, ямщикъ сидѣлъ на козлахъ и мы были уже въ тарантасѣ, трое бурятъ брали лошадей подъ уздцы, а трое другихъ снимали съ нихъ треноги; при словѣ „готово“, державшіе быстро отскакивали, а лошади неслись во весь духъ версты двѣ, но потомъ успокаивались и шли ровнымъ аллюромъ верстъ десять, двѣнадцать въ часъ. Иногда на козлахъ вмѣсто ямщика оказывалась „бацаганъ“ — бурятская дѣвушка, лѣтъ пятнадцати.

Удивительно, что въ Бурятской степи всѣ русскіе бойко болтали по-монгольски, а буряты плохо говорили по-русски. Русскіе и наружностью походили на бурятъ: узкоглазые, скуластые, только лицомъ немного бѣлѣе. Какъ видно, при смѣшеніи монгольская раса побѣждала кавказскую.

Въ Читѣ мы узнали, что въ Нерчинскомъ округѣ и въ верховьяхъ Амура — наводненіе, и нѣтъ проѣзда между Нерчинскомъ и Срѣтенскомъ. Я съ ребенкомъ осталась въ Читѣ у родственниковъ, а мужъ на перекладныхъ отправился дальше.

Чита стоитъ точно въ ямѣ. По серединѣ города проходилъ глубокій оврагъ (быть можетъ, теперь его уже засыпали), по которому ранней весной несся съ горъ шумный потокъ и уносилъ въ Ингоду всѣ, накопившіяся за зиму въ оврагѣ, нечистоты: навозъ, который сваливали въ него обыватели съ разрѣшенія полиціи, трупы кошекъ, собакъ, крысъ и проч. Оврагъ этотъ назывался рѣчкой Кайдаловкой и въ жару совершенно высыхалъ, заражая трупнымъ запахомъ весь городъ. Каждое лѣто здѣсь свирѣпствовали эпидеміи желудочныхъ болѣзней и дезинтеріи, отъ которыхъ умирало множество дѣтей. Я очень боялась за ребенка, но приходилось сидѣть и ждать, пока спадетъ вода и возстановится почтовое сообщеніе. Наступилъ августъ; отъ мужа съ дороги получила письмо съ изображеніемъ печальной картины, какую представляли собою затопленныя мѣста. Цѣлыя селенья стояли подъ водой. По Шилкѣ и Амуру уносились теченіемъ стада овецъ, лошадей и рогатаго скота, бревна и имущество несчастныхъ жителей. Даже въ Благовѣщенскѣ, главномъ городѣ Амурской области, по улицамъ плавали лодки, спасая женщинъ и дѣтей.

Я положительно не знала, что мнѣ дѣлать: знакомые совѣтывали дожидаться саннаго пути, а мужъ просилъ выѣхать при первой возможности.

Однажды, въ серединѣ августа, я пошла съ офицеромъ Е. посмотрѣть на разливъ рѣки Читы. Проходя мимо дома областного почтмейстера, мой знакомый увидѣлъ, что во дворѣ смазываютъ тарантасъ.

„Куда это можетъ ѣхать почтмейстеръ въ такое время“?—сказалъ офицеръ,—пойду спрошу и, не долго думая, вошелъ во дворъ.—„Вотъ вамъ и хорошій попутчикъ,—заявилъ Е., вернувшись ко мнѣ.—Почтмейстеръ ѣдетъ въ Нерчинскъ; просите его взять васъ съ собой. Изъ Нерчинска уже какъ-нибудь доберетесь до Срѣтенска, въ крайнемъ случаѣ проживете у Б. до саннаго пути“.

Я тотчасъ же пошла къ почтмейстеру, который оказался очень обязательнымъ, пожилымъ человѣкомъ и охотно согласился проводить меня до Нерчинска.

На другой день мы выѣхали изъ Читы въ двухъ экипажахъ: въ одномъ почтмейстеръ съ человѣкомъ; въ другомъ я съ ребенкомъ и няней, дѣвочкой лѣтъ четырнадцати изъ читинскаго пріюта. До Нерчинска доѣхали прекрасно. На станціяхъ мой спутникъ занималъ ребенка, пока мы съ няней ѣли, пили и стирали пеленки, которыя потомъ сушили на ѣздѣ, подвѣшивая къ козламъ.

Между Нерчинскомъ и Срѣтенскомъ еще не было возстановлено почтоваго сообщенія; почта отправлялась съ почталіономъ до того пункта, до котораго возможно было проѣхать и куда долженъ былъ придти за почтой пароходъ изъ Срѣтенска. Я упросила почтмейстера разрѣшить мнѣ ѣхать съ почталіономъ. Онъ, конечно, позволилъ, но предупредилъ, что почта можетъ прибыть къ мѣсту раньше, чѣмъ подойдетъ пароходъ, и мнѣ придется ночевать на берегу, а то и прождать цѣлыя сутки.

На утро мы съ почталіономъ выѣхали изъ Нерчинска. На мое счастіе дождя не было, а ожидать парохода пришлось часа два на берегу Шилки. Къ вечеру мы благополучно добрались до Срѣтенска. Переночевавъ на почтовой станціи, я на другой день уже сѣла на пароходъ, уходившій въ Николаевскъ.

На всемъ пути отъ Срѣтенска до Покровки, гдѣ Шилка, сливаясь съ Аргунью, образуетъ Амуръ, не было почти никакихъ поселеній, кромѣ станцій, между которыми дороги не существовало; сообщались онѣ лѣтомъ водой, зимою по льду, а осенью и весной по горнымъ лѣснымъ тропинкамъ вьюкомъ, съ опасностью жизни, почему, вѣроятно, и станціи эти носили странное названіе „Семь смертныхъ грѣховъ“.

За Албазиномъ уже чаще встрѣчались станицы, но все же Амуръ производилъ впечатлѣніе огромной пустыни.

Вода въ Шилкѣ и Амурѣ была еще высока: на мель мы не садились, брали у пристаней дрова и, не останавливаясь, шли дальше.

Въ то время пароходное сообщеніе въ Приамурскомъ краѣ находилось въ рукахъ „Товарищества Амурскаго пароходства“, которому были переданы ходившіе ранѣе по Амуру казенные пароходы; за провозъ почты и казенныхъ грузовъ „Товарищество“ ежегодно получало отъ казны 350.000 рублей.

II.

30-го августа подъ вечеръ мы подошли къ Хабаровкѣ. На пристани или, вѣрнѣе, на какой-то старой баржѣ стоялъ мой мужъ. Увидѣвъ его цѣлымъ и невредимымъ, я забыла всѣ пережитыя тревоги.

Онъ повелъ насъ въ нанятую уже у одного купца квартиру, т. е. избу — изъ одной комнаты съ перегородкой и кухни съ огромной русской печью. „Ужъ извини, лучшаго ничего нѣтъ; почти всѣ здѣсь помѣщаются также“, — сказалъ мнѣ мужъ въ утѣшеніе.

Обстановка квартиры состояла: изъ трехъ деревянныхъ кроватей, трехъ стульевъ и стола; въ кухнѣ—соотвѣтственное богатство посуды,

хозяйственный инвентарь: лошадь, корова, бочка соленой кэты, бочка солонины; прислуга: денщикъ Семенъ—умный добродушный малый изъ Красноярска и кухарка Пелагея изъ каторжныхъ.

Въ тѣ времена, когда партіи каторжныхъ проходили черезъ Хабаровку, служащимъ позволялось выбирать изъ нихъ женскую прислугу. Сахалина боялись, и потому желавшихъ остаться въ Хабаровкѣ было много; выбирай—кого хочешь. Выбирали обыкновенно по физіономіи и зачастую удачно. Между каторжными женщинами попадались хорошіе люди, особенно изъ тѣхъ, которыя ссылались за убійства. Такихъ и предпочитали выбирать, принимая въ соображеніе, что убить способенъ и порядочный человѣкъ, а воръ, особенно рецидивистъ,—уже навѣрно дрянь. Моя Пелагея была сослана за убійство мужа и впослѣдствіи разсказывала мнѣ, что ее сослали по оговору; это весьма вѣроятно, такъ какъ она оказалась очень порядочнымъ человѣкомъ и прожила у меня года два.

Въ первую же ночь мы испытали всѣ прелести нашей квартиры: дождь буквально заливалъ комнату, крысы прыгали къ намъ на кровати, а утромъ солнце одинаково свѣтило сквозь закрытые ставни и щели потолка.

Встали мы рано и пошли осматривать свое новое мѣсто жительства.

Хабаровка расположена на высокомъ берегу при сліяніи Амура и Уссури, на трехъ холмахъ. По среднему холму, параллельно рѣкѣ, шли три улицы, застроенныя маленькими, деревянными домиками.

На главной улицѣ—три лавки со всевозможнымъ товаромъ: ситцы, шерстяныя, бумажныя матеріи, обувь, крупа, мука, макароны, чай, сахаръ, вина собственнаго приготовленія и проч.

На берегу стоялъ старый, вросшій въ землю домъ постового командира, другой такой же, гдѣ жилъ инженеръ К., и мастерскія „Товарищества Амурскаго пароходства“.

Перпендикулярно рѣкѣ была еще одна улица, мало застроенная, въ концѣ ея, уже почти въ лѣсу, находилась телеграфная станція и противъ нея—домъ начальника станціи, лучшій изъ частныхъ домовъ во всемъ селѣ.

На правомъ холму стояла полуразвалившаяся хижина ссыльнаго поляка, столяра; на лѣвомъ холмѣ, на высокомъ берегу—постовой лазаретъ, казенная аптека; ниже—маленькая деревянная церковь, окруженная могилами.

Холмы раздѣлялись одинъ отъ другого глубокими оврагами, въ которыхъ журчали рѣчки или вѣрнѣе ручейки: „Плюснинка“ и „Чердымовка“. Переѣзжали по нимъ въ бродъ, а для пѣшеходовъ были перекинуты сходни.

Пока мы гуляли, мужъ разсказалъ мнѣ, что жителей въ Хабаровкѣ, считая и солдатъ постовой команды, человѣкъ 500. Общество служащихъ: одинъ военный инженеръ, начальникъ телеграфной станціи, три телеграфиста, распорядитель „Товарищества Амурскаго пароходства“ (больной чахоткой), пароходный механикъ, помощникъ исправника, дѣлопроизводитель постовой команды; это все люди семейные; кромѣ того, докторъ и постовой командиръ. Послѣдній въ общество не показывался, а пилъ и спаивалъ доктора. Обыватели: три купца (владѣтели вышеупомянутыхъ лавокъ), ихъ приказчики, нѣсколько крестьянъ, рабочіе и до 50 человѣкъ каторжныхъ, оставленныхъ въ Хабаровкѣ съ разрѣшенія начальства для работъ въ порту „Товарищества Амурскаго пароходства“.

Въ первый же день пріѣзда мы пошли къ инженеру Карпову, который былъ женатъ на Любѣ Ч., моей подругѣ по институту. Мы всегда любили другъ друга, а потому встрѣтились, какъ родныя.

Черезъ день мужъ уѣхалъ во Владивостокъ.

Спустя недѣлю, ко мнѣ явился единственный въ то время въ Хабаровкѣ еврей Якубовичъ и попросилъ очистить квартиру, такъ какъ домъ этотъ онъ купилъ. „Если не выѣдете, сударыня,—прибавилъ еврей,—то я начну ломать стѣну, потому что тороплюсь въ этомъ домѣ открыть лавочку“.

Во всемъ селѣ не было не только никакой квартиры, но даже и свободной, простой избы. Карповы, доброту которыхъ я никогда не забуду, предложили мнѣ переселиться къ нимъ въ пустую комнату, служившую кладовой, потому что въ ней не было печи. Раздумывать не приходилось. Денщикъ уложилъ на телѣгу наше жалкое имущество; кухарка повела корову; я съ ребенкомъ и нянеей отправилась къ Карповымъ. Комнату очистили отъ хранившагося въ ней хлама, и я рада была, что имѣла хоть какой-нибудь кровъ.

Карповы жили въ домикѣ, состоявшемъ изъ трехъ комнатъ: въ средней, изъ которой былъ выходъ на улицу, помѣщалась кухня; направо отъ нея была кладовая, гдѣ устроились мы; налѣво—апартаменты Карповыхъ, состоящіе изъ одной комнаты, раздѣленной перегородками на три клѣтушки: въ одной изъ нихъ была спальня супруговъ, въ другой жилъ отецъ Любы, а третья служила гостиной и столовой. Прислуги у Карповыхъ было двое: денщикъ и старуха, которую называли „горбуньей“, потому что она не могла держаться прямо, а ходила и стояла, согнувшись буквально вдвое. Она была нянькой ребенка Карповыхъ, умершаго мѣсяца за два до нашего пріѣзда. Они очень горевали о потерѣ своего первенца и рады были разнообразію, которое мы внесли въ ихъ жизнь.

Карповъ былъ высокій, худощавый, здоровый брюнетъ, лѣтъ трид-

пати, прямой, честный, добрый спартанецъ. Жена его миленькая, женственная, нѣжная, съ чудной душой и кроткимъ характеромъ. Отецъ моей подруги былъ престранный старикъ. Мы называли его „отбоинымъ“, потому что онъ все дѣлалъ не во время: утромъ, когда мы пили чай, онъ спалъ; въ 3 часа, когда мы обѣдали, онъ вставалъ; вечеромъ, часовъ въ одиннадцать, когда мы ложились спать, онъ уходилъ гулять; вернувшись съ прогулки часа черезъ два, онъ приказывалъ денщику топить у себя печку и ставить самоваръ, затѣмъ начиналъ чѣмъ-то заниматься. Карповы относились къ нему идеально, я онъ, старый эгоистъ, даже не понималъ, что, бодрствуя за перегородкой цѣлыя ночи, нарушаетъ покой дочери и зятя, да напрасно сжигаетъ дорогой въ то время керосинъ. Мы рѣшили столоваться вмѣстѣ; Люба вела хозяйство, заказывала обѣды и ужины, вѣрнѣе, все готовила сама, предоставляя мнѣ заниматься ребенкомъ. Разносоловъ у насъ не было: ѣли свѣжую рыбу, которой всегда изобиліе на Амурѣ, кэту, солонину; изрѣдка, когда въ постовой командѣ убивали быка, то Карповы, къ которымъ постовой командиръ относился благосклонно, получали свѣжее мясо. Жили мы душа въ душу, читали, играли на піанино; Карповъ очень любилъ пѣть изъ оперъ, и я аккомпанировала ему, какъ умѣла. Прислуга наша не уживалась и устраивала намъ настоящій адъ; дня не проходило, чтобы они не ссорились и не жаловались другъ на друга. „Горбунья“ заѣдала всѣхъ безъ исключенія, пила и, какъ потомъ оказалось, выпила весь годовой запасъ нашего общаго пива и вина. Денщики чуть не дрались; приходилось разбирать ихъ ссоры и укрощать. Обѣ мы были очень молоды, и постоянное несогласіе людей угнетало насъ до того, что мы готовы были плакать. Жаловаться мужу Люба не хотѣла, потому что Карповъ, при всей своей добротѣ, былъ очень вспыльчивъ.

Люба познакомила меня со всѣмъ хабаровскимъ обществомъ.

Чаще всего мы заходили къ старикамъ Б. (дѣлопроизводитель постовой команды). Старушку мы очень любили. Умная, добрая нѣмка, она учила насъ варить варенье изъ клюквы, дѣлать квасъ, печь булки и пироги. Сама она научилась всей этой премудрости уже на старости лѣтъ. Они жили богато въ Западномъ краѣ въ своемъ имѣніи до повстанія. Б. былъ полякъ, повстанцы потребовали у него денегъ и за отказъ „грозили пустить краснаго пѣтуха“. Б. не далъ денегъ, и осенью, когда всѣ амбары были полны зерна, повстанцы подожги усадьбу. Сгорѣло все дотла, и разоренные старики уѣхали сначала въ Западную Сибирь, а оттуда на Амуръ, въ Хабаровку, гдѣ Б. получилъ мѣсто дѣлопроизводителя постовой команды. Всю свою жизнь Б. жилъ бариномъ, нужды не зналъ, работать не

умѣлъ, да и образованія не получилъ. Писалъ онъ по-старинкѣ, какими-то крючками, а считалъ совсѣмъ плохо. Помню, какъ Люба однажды умоляла его: „Голубчикъ, запомните, что въ пудѣ 40 фунтовъ, въ фунтѣ 32 лота, въ лотѣ 3 золотника".

— Гдѣ мнѣ, старому, помнить это,—отвѣчалъ Б. Что въ пудѣ 40 фун., это я прекрасно знаю, что въ фунтѣ 32 лота, еще запомню, а дальше и помнить не хочу. Никогда въ былое время мы не считали золотниками, а теперь ужъ и жить-то осталось немного.

Жаль намъ было добраго, честнаго старика, у котораго часто бывали непріятности изъ-за неумѣнія писать бумаги и считать.

Довольно часто заходили мы съ Любой къ купчихѣ П. Она была умная, простая женщина, очень трудолюбивая, постоянно занятая хозяйствомъ. Домъ у П. былъ хорошій, хозяйство большое. П. вставала съ зарей, когда доили коровъ, надѣвала затрапезную, ситцевую блузу и оставалась въ ней до тѣхъ поръ, пока къ ней не приходила какая-нибудь гостья.

Если это была купчиха или жена молодца изъ лавки, П. сверхъ старой блузы надѣвала новую ситцевую; если же вслѣдъ затѣмъ приходилъ кто-нибудь изъ такъ называемой интеллигенціи, какъ, напримѣръ, мы съ Любой, П. сверхъ новой ситцевой блузы надѣвала шерстяную юбку и большую ковровую шаль и выходила къ гостямъ. Помимо этой маленькой странности, П. была очень интересная женщина. Я всегда любила простого, умнаго русскаго человѣка и съ удовольствіемъ слушала разсказы П.

Они съ мужемъ пріѣхали изъ Забайкалья на Амуръ, въ первые годы занятія его русскими и начали торговлю съ одной бочки спирта, а въ то время, какъ я познакомилась съ П., у нихъ было капиталу тысячъ за сто. Сначала П. вымѣняли спиртъ на соболей, соболей продали, купили краснаго товару, выгодно продали его новоселамъ и инородцамъ, потомъ завели лавочку, а тамъ и лавку. Работали безъ устали, ловили кэту, солили ее, продавали; и потихоньку да помаленьку съ Божьей помощью наживали добро. Быстрымъ обогащеніемъ обязаны они были, главнымъ образомъ, соболю, который пріобрѣтался ни за что: иногда офицерскую пуговицу можно было промѣнять на соболя, а за нитку стеклянныхъ бусъ инородцы давали по 3 и 4 шкурки. Вообще, при занятіи Амура пушной товаръ покупался очень дешево: медвѣжья шкура стоила рублей 5; большая тигровая—отъ 15 до 20 р., барсовая — отъ 3 до 6. За лодку кэты платили рубль или бутылку водки.

Отъ П. я наслушалась всевозможныхъ страстей, узнала, что идти въ лѣсъ дальше какъ за версту отъ Хабаровки нельзя потому, что тамъ начинается уже непроходимая чаща, гдѣ водятся и медвѣди и

тигры. Не далѣе какъ въ прошлую осень тигръ забрался въ баню П. Кто-то изъ работниковъ видѣлъ это и, подойдя къ двери, заперъ ее на засовъ. Позвали солдатъ, которые, выбивъ стекло въ маленькомъ окошечкѣ, застрѣлили звѣря. Оказалось, что, увидя себя въ засадѣ, тигръ до того растерялся, что даже не тронулъ лежавшую въ предбанникѣ собаченку. Въ Южно-Уссурійскомъ краѣ случалось, что тигры ночью вытаскивали за голову манзъ изъ открытыхъ оконъ фанзы.

— Еще прошлой зимой,—разсказывала П.,—ѣхали мы со старикомъ изъ Казакевичевой (40 верстъ отъ Хабаровки) въ Корсаковку (20 вер. отъ Хабаровки). И говорили намъ ямщики, что тигры ходятъ, да мы не послушали. Ночь была лунная. Проѣхали верстъ 10, видимъ: онъ лежитъ у дороги. Лошади понеслись, а звѣрь прыгнулъ, да неудачно—только оторвалъ у пристяжной постромку; прыгнулъ еще разъ и отсталъ. Онъ всегда конфузится отъ неудачи и не преслѣдуетъ. А ужъ и напугались же мы. Да самой Корсаковки дрожали, какъ въ лихорадкѣ.

П. говорила правду. Я сама въ первую же осень своего пребыванія въ Хабаровкѣ видѣла, какъ среди бѣлаго дня по Уссури мирно плыли три штуки медвѣдей, и какъ солдаты въ нихъ стрѣляли, но неудачно.

П. разсказывала намъ, какъ нужно разводить огородъ и цвѣты, какъ дѣлать запасы на зиму и какъ ихъ сохранять. Ея совѣтами я воспользовалась впослѣдствіи, при устройствѣ своего хозяйства. Необразованная и даже, кажется, безграмотная, П. прекрасно знала людей, здраво разсуждала о житейскихъ дѣлахъ и совершенно правильно охарактеризовала мнѣ все тогдашнее хабаровское общество.

До половины октября стояла прекрасная погода, а затѣмъ ночи стали холоднѣе. Въ концѣ мѣсяца начался ледоходъ.

Не получая отъ мужа никакихъ извѣстій, я рѣшила, что съ нимъ случилось какое-нибудь несчастіе, и не знала, что дѣлать. Къ тому же въ моей кладовой по ночамъ становилось такъ холодно, что я накрывалась всѣмъ, что только было у меня теплаго, и зябла, а главное, боялась простудить ребенка. Карповы успокаивали меня, какъ могли.

Наконецъ, числа 28-го октября, получилась отъ мужа изъ Казакевичевой телеграмма: „Здоровъ, ѣду верхомъ“, а на слѣдующій день онъ уже пріѣхалъ въ Хабаровку; я встрѣтила его и разрыдалась до истерики.

Р. Ф.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній князя Хлодвига Гогенлоэ [1]).

Разговоры дипломатовъ передъ войной Россіи съ Турціей въ 1877 г.—Описаніе берлинскаго конгресса.—Разговоръ съ Тургеневымъ о внутреннемъ положеніи Россіи послѣ войны 1877—78 гг.—Слова императора Вельгельма II о пребываніи его въ Россіи въ 1888 г.—Пріѣздъ князя Гогенлоэ въ Петербургъ.—Аудіенція у императора Александра III.—Перемѣна политики императора Вильгельма II относительно Россіи.—Отставка Бисмарка.—Причина отставки Бисмарка по словамъ императора Вильгельма II.

„Я встрѣтилъ сегодня у Деказа князя Орлова,—записалъ Гогенлоэ 11-го апрѣля 1877 г.,—онъ былъ въ крайне угнетенномъ состояніи духа и сказалъ мнѣ, что онъ не видитъ для Россіи иного исхода, кромѣ войны. Деказъ былъ того же мнѣнія. Послѣ ухода Орлова мы еще долго бесѣдовали о положеніи дѣлъ. Деказъ не думаетъ, чтобы война принесла Россіи какую-либо выгоду. Россіи необходимо имѣть свободный выходъ въ Средиземное море, а единственными результатами войны будетъ то, что Англія займетъ Дарданеллы. То же неоднократно высказывалъ и Тьеръ. Въ заключеніе Деказъ сказалъ, что если война будетъ объявлена, то обязанность Германіи и Франціи будетъ состоять въ томъ, чтобы поддержать общими силами европейскій миръ и локализовать войну.

„Tous les conseils que vous me donnerez à ce sujet, je les accepterai avec la plus grande confiance et je m' empresserai de m' y conformer [2]), прибавилъ онъ.

Изъ Вѣны только-что вернулся Альфонсъ Родшильдъ, гдѣ онъ велъ переговоры съ Андраши о займѣ. „Объявитъ ли Россія войну

---

[1]) См. „Русская Старина“, февраль 1907 г.

[2]) Всѣ совѣты, какіе вы мнѣ дадите по этому поводу, будутъ мною приняты съ величайшимъ довѣріемъ и я поспѣшу сообразоваться съ ними.

или нѣтъ, вступятъ ли русскія войска въ Боснію или нѣтъ, Австрія не шевельнетъ пальцемъ: „nous ne bougerons pas“, сказалъ ему Андраши. Деказъ считаетъ невѣроятнымъ, чтобы Австрія ввела свои войска въ Боснію, ибо въ такомъ случаѣ ей пришлось бы принять участіе въ войнѣ“.

Наканунѣ объявленія войны, Турція еще надѣялась на мирный исходъ переговоровъ. 25-го апрѣля, въ 3 часа, былъ пріемъ у турецкаго посла въ Парижѣ. „Какъ только я вошелъ,—говоритъ Гогенлоэ—онъ взялъ меня подъ руку и сказалъ, что у него есть хорошія вѣсти“. Была получена циркулярная депеша, „въ которой Турція, ссылаясь на 8 ст. парижскаго договора, требовала посредничества державъ. Я замѣтилъ Хадиль-Пашѣ, что это нѣсколько поздно, хоть помѣшать дѣлу не можетъ“.

Циркулярная депеша, о которой идетъ рѣчь, была помѣчена 23-мъ апрѣля, а 25-го апрѣля, въ тотъ самый день, когда происходилъ вышеприведенный разговоръ, Россіей объявлена война, окончившаяся Санъ-Стефанскимъ договоромъ, который вызвалъ протестъ Англіи и неудовольствіе Австріи.

13-го іюня 1878 г. послѣдовало, во дворцѣ имперскаго канцлера въ Берлинѣ, открытіе конгресса представителей шести великихъ державъ и Турціи для разсмотрѣнія условій этого мирнаго договора.

Наканунѣ этого дня пріѣхалъ въ Берлинъ князь Гогенлоэ, назначенный однимъ изъ оффиціальныхъ представителей Германіи на конгрессѣ.

„Изъ разговоровъ съ разными лицами въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ для меня выяснилось,—говорится въ его дневникѣ,—что между Россіей и Англіей состоялось соглашеніе, хотя и не полное, но всѣ надѣются, что дѣло уладится“. Какъ извѣстно, Англія изъявила согласіе участвовать въ конгрессѣ только послѣ того, какъ между ней и Россіей были устранены самыя существенныя недоразумѣнія. „Требованія, предъявленныя Биконсфильдомъ, весьма умѣренны. Имперскій канцлеръ хочетъ завтра же предложить на обсужденіе болгарскій вопросъ. Но Австрія не довольна. Андраши, которому проходится лавировать между желаніями двора и военной партіи и антипатіями и желаніями Венгріи, упустилъ удобный моментъ сдѣлать въ восточномъ вопросѣ рѣшительный шагъ и хочетъ теперь, чтобы конгрессъ заставилъ его ввести войска въ Боснію. Мы же, при всемъ доброжелательствѣ къ Австріи, не имѣемъ ни малѣйшаго желанія ссориться съ Англіей и Россіей для того, чтобы вывести Андраши изъ затруднительнаго положенія. Андраши, съ которымъ я встрѣтился у Биконсфильда, разъѣзжаетъ по городу и умоляетъ членовъ конгресса повременить нѣсколько дней и не приступать

немедленно къ дѣлу по существу, ибо иначе можно зайти въ такія дебри, изъ которыхъ не будетъ выхода".

„13-го іюня (день открытія конгресса)" я отправился, въ половинѣ второго, во дворецъ Бисмарка, бывшій дворецъ Радзивилловъ. Въ большомъ, бывшемъ бальномъ залѣ, былъ поставленъ накрытый зеленымъ сукномъ столъ, въ видѣ подковы. Посреди стояло кресло предсѣдателя, по лѣвую сторону отъ него—кресло представителя Франціи, по правую—Австріи. Подлѣ Австріи—Англія, подлѣ Франціи Италія. Далѣе, по правую руку—Россія, по лѣвую—Турція. Напротивъ Бисмарка сидитъ Радовицъ, на котораго возложено составленіе протокола, слѣва отъ него—я, справа—Бюловъ.

Вскорѣ появились статсъ-секретарь Бюловъ и имперскій канцлеръ. Мы прошли въ смежную комнату, гдѣ былъ сервированъ открытый буфетъ, выпили портфейна и закусили печеньемъ. Мало-по-малу съѣхались уполномоченные. Представитель Италіи, графъ Корти, небольшого роста, некрасивый, похожій на японца; турки: Каратеодори—невзрачный молодой человѣкъ и Могаммедъ-Али, который производитъ впечатлѣніе человѣка умнаго, но не внушаетъ довѣрія; графъ Шуваловъ—вѣчно улыбающійся, беззаботный царедворецъ; старикъ Горчаковъ; наконецъ, англичане, французы. Ваддингтонъ былъ въ расшитомъ мундирѣ. Первая встрѣча Биконсфильда съ Горчаковымъ была интересна, какъ историческій моментъ. Когда всѣ собрались, мы перешли въ зало засѣданій. Бисмаркъ произнесъ привѣтственную рѣчь и предложилъ избрать бюро. По предварительному соглашенію съ уполномоченными Андраши предложилъ избрать предсѣдателемъ Бисмарка, затѣмъ были названы секретарь и лицо, назначенное для веденія переговоровъ, на избраніе которыхъ всѣ изъявили согласіе, послѣ чего я ввелъ этихъ господъ.

Имперскій канцлеръ предложилъ заняться, прежде всего, обсужденіемъ наиболѣе важныхъ вопросовъ, а именно: начать съ Болгаріи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, посовѣтывалъ, какъ того желалъ Андраши, повременить нѣсколько дней и назначить слѣдующее засѣданіе въ понедѣльникъ.

Лордъ Биконсфильдъ произнесъ длинную рѣчь на англійскомъ языкѣ, говорилъ ясно, опредѣленно. По его мнѣнію, пока засѣдаетъ конгрессъ, непріятельскія арміи не должны стоять въ близкомъ разстояніи одна отъ другой. Онъ считаетъ это опаснымъ и не соотвѣтствующимъ достоинству конгресса. Имперскій канцлеръ спросилъ, желаютъ ли русскіе уполномоченные высказаться по этому поводу. Горчаковъ сказалъ нѣсколько словъ, не шедшихъ къ дѣлу, между прочимъ, о необходимости оградить интересы христіанъ въ Турціи. Шуваловъ отвѣчалъ по существу и не соглашался съ лордомъ Биконсфильдомъ.

Бисмаркъ поспѣшно предложилъ отложить обсужденіе этого вопроса до другого раза. Салисбюри поднялъ вопросъ о грекахъ и выразилъ желаніе, чтобы они были допущены на совѣщаніе, на что Горчаковъ возразилъ, что въ такомъ случаѣ прочія національности предъявятъ подобныя же требованія.

Это первое засѣданіе конгресса оставило довольно смутное впечатлѣніе. Биконсфильдъ, видимо, намѣренъ использовать во что бы то стало всѣ преимущества того положенія, въ какомъ находится Англія. Русскіе уполномоченные казались озабоченными. Имперскій канцлеръ старался, насколько возможно, примирить мнѣнія и очень искусно руководилъ преніями". Но въ общемъ, по замѣчанію Гогенлоэ, онъ былъ очень нервенъ и спѣшилъ окончить переговоры какъ можно скорѣй.

„Лордъ Биконсфильдъ очень самонадѣянъ и недовѣрчивъ. Если кто-либо, желая снискать его расположеніе, съ нимъ любезенъ или хотя бы только вѣжливъ, онъ тотчасъ дѣлается насторожѣ, думая „qu'on veut le mettre dedans" [1]). Если съ нимъ не вѣжливы, онъ обижается. Турецкій уполномоченный Каратеодори очень моложавъ и, кажется, хитеръ. Могаммедъ-Али производитъ впечатлѣніе человѣка умнаго, но не внушаетъ довѣрія.

„Бисмаркъ недоволенъ турецкими уполномоченными; онъ сказалъ имъ откровенно, что Турція ошибается, полагая, что ей будетъ выгодно, если конгрессъ окончится ничѣмъ. Война будетъ имѣть послѣдствіемъ то, что, по окончаніи ея, державы вознаградятъ себя за счетъ Турціи. Когда однажды большой песъ Бисмарка заворчалъ на одного изъ посланниковъ, канцлеръ сказалъ: „моя собака еще не вполнѣ дрессирована. Она не знаетъ, кого слѣдуетъ кусать. Если бы она это знала, то она бы укусила турка". Посылку на конгрессъ Могаммеда-Али Бисмаркъ считалъ безтактностью.

„У Салисбюри, отмѣтилъ Гогенлоэ послѣ засѣданія, удивительныя черты лица, длинные волосы, борода и при этомъ нѣсколько удрученное выраженіе лица".

„15-го іюня я былъ, въ 9 часовъ вечера, у кронпринца. Мы говорили объ открытіи конгресса и о томъ, какого отъ него можно ожидать результата. Я замѣтилъ, что опасность заключается въ томъ, что требованія Англіи слишкомъ велики, и Россія предпочтетъ, быть можетъ, въ концѣ концовъ, воевать.

„Во время преній о будущемъ Сербіи зашла рѣчь объ евреяхъ; Горчаковъ говорилъ противъ нихъ и пояснилъ, что онъ дѣлаетъ различіе „entre juifs et israélites" [2]). Первые, по его словамъ,—язва,

---

[1]) что его хотятъ провести.

[2]) между евреями и израильтянами.

тогда какъ послѣдніе могутъ быть прекрасными людьми, какъ это доказываетъ примѣръ Берлина и Лондона. Въ общемъ, его рѣчь была слаба".

„Сегодня, 19-го іюня, былъ у меня Бловицъ; его начинаетъ тревожить исходъ конгресса. Австрія высказывается рѣшительнѣе и настойчивѣе, чѣмъ можно было ожидать. Она не допускаетъ мысли, чтобы Черногорія получила Антивари и чтобы Сербія, Боснія и Черногорія были объявлены независимыми государствами. Поэтому можетъ случиться, что Австрія откажется отъ дальнѣйшаго участія въ засѣданіяхъ конгресса. Не желая быть въ одиночествѣ, она зондировала почву насчетъ того, не намѣрена ли и Англія оставить конгрессъ, если ей не будутъ сдѣланы необходимыя уступки въ Болгаріи".

По словамъ князя Гогенлоэ, Бловицъ, корреспондентъ Times'a, былъ тайнымъ руководителемъ берлинскаго конгресса и наперсникомъ всѣхъ уполномоченныхъ, которые съ нимъ совѣтывались. „Бловицъ велъ переговоры съ англійскими уполномоченными и увѣрялъ, что они готовы уступить Россіи Батумъ, если онъ будетъ объявленъ порто-франко и если Россія обяжется не укрѣплять его. Онъ совѣтывалъ, чтобы Россія сдѣлала эту уступку съ самаго начала, какъ только вопросъ будетъ поставленъ на обсужденіе, дабы общее настроеніе не было испорчено какими-нибудь язвительными замѣчаніями съ той и съ другой стороны.

„На другой день обсуждался параграфъ, касающійся азіатской границы, и я былъ пріятно изумленъ, когда Горчаковъ началъ съ заявленія, что онъ обязуется сдѣлать Батумъ порто-франко. Биконсфильдъ произнесъ патетическую рѣчь и уступилъ Батумъ Россіи". Такимъ образомъ, главный вопросъ былъ благополучно разрѣшенъ, и мирный исходъ конгресса этимъ обезпеченъ".

„Вопросъ объ азіатской границѣ вызвалъ разногласіе между Биконсфильдомъ и Горчаковымъ и поэтому былъ переданъ на обсужденіе разграничительной комиссіи. Послѣ долгихъ поисковъ мы нашли маленькую полоску земли, нѣсколько горныхъ цѣпей, которыя можно было отнять у Россіи; изъ нихъ была образована такъ называемая „ligue de conciliation", которая и была принята. Удобная ли это была граница,—никто изъ насъ не зналъ. Карты этой мѣстности Арменіи такъ не точны и противорѣчивы, что очень трудно, сидя здѣсь, устанавливать границу".

„Предложеніе Горчакова о включеніи въ трактатъ торжественнаго, вычурнаго заключительнаго параграфа было отклонено. Горчаковъ очень разсердился. Ваддингтонъ замѣтилъ по этому поводу, съ присущимъ ему здравымъ смысломъ, „что либо это будутъ однѣ фра-

зы,—въ такомъ случаѣ эта статья безполезна, либо она будетъ имѣть значеніе и тогда она опасна".

Этими незначительными замѣтками—формальнымъ описаніемъ засѣданій—исчерпывается та часть дневника, которая велась княземъ Гогенлоэ, во время берлинскаго конгресса, и такимъ образомъ она не проливаетъ новаго свѣта на эту любопытную страницу исторіи международныхъ отношеній.

Почти годъ спустя, по возвращеніи съ конгресса, 12-го апрѣля 1879 г. Гогенлоэ имѣлъ въ Парижѣ крайне интересный разговоръ съ И. С. Тургеневымъ, только-что пріѣхавшимъ изъ Россіи послѣ сдѣланныхъ ему передовой частью русскаго общества восторженныхъ овацій.

„Я видѣлъ его вчера,—записалъ Гогенлоэ,—еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитаго. Онъ очень удивляется тому, что его такъ чествовали, хотя онъ никогда ни занимался политикой; онъ объясняетъ это потребностью русскаго общества имѣть предлогъ высказать свои либеральные взгляды. Онъ много говорилъ о положеніи дѣлъ въ Россіи. Правительство не понимаетъ начавшагося движенія. По мнѣнію Тургенева, оно поступаетъ необдуманно, преслѣдуя одинаково нигилистовъ и либераловъ. Тайныя общества съ радикальнымъ образомъ мыслей, несомнѣнно, существуютъ. Тургеневъ бесѣдовалъ съ нѣкоторыми радикалами: у нихъ нѣтъ опредѣленной программы, они говорятъ только, что старый развалившійся домъ слѣдуетъ поджечь со всѣхъ четырехъ угловъ и построить на его мѣсто новый. Вся интеллигенція, ученые, писатели, служащіе, проникнутые убѣжденіемъ, что Россіи необходима конституція, не въ современномъ духѣ, а выборные отъ земства для контроля надъ финансами и для упорядоченія системы управленія. Движеніе охватило весь народъ. „Le peuple russe est frémissant",—сказалъ онъ. Сдѣлавъ небольшія уступки, императору было бы не трудно снискать любовь народа и вызвать огромный энтузіазмъ. Настоящій моментъ, какъ нельзя болѣе, для этого благопріятенъ. Императоръ сталъ ко всему равнодушенъ; онъ видитъ только небольшой кружокъ лицъ, которыя побуждаютъ его противодѣйствовать какъ либеральному, такъ и радикальному движенію. Это озлобляетъ даже умѣренныхъ людей. Самые благомыслящіе молодые люди говорили ему, Тургеневу, что они съ ужасомъ чувствуютъ, что они не могутъ осуждать въ душѣ убійствъ, противъ которыхъ они выносятъ приговоры.

„Въ Россіи, по словамъ Тургенева, все вниманіе сосредоточено теперь на внутренней политикѣ. Внѣшней политикой никто не интересуется. Поэтому славянофилы потеряли изъ-подъ ногъ почву. У него былъ Аксаковъ и горько жаловался на это. Войну, стоившую

много денегъ и людей и не принесшую Россіи никакихъ выгодъ, всѣ рѣшительно осуждаютъ, и впредь никто ни о какой войнѣ и слышать не хочетъ.

„О министрахъ онъ отозвался съ величайшимъ презрѣніемъ. Марковъ—не уменъ, Грейгъ—полнѣйшая бездарность. Послѣ нѣсколькихъ докладовъ, сдѣланныхъ послѣднимъ, императоръ сказалъ ему:

„Я думалъ до сихъ поръ, что въ Россіи нѣтъ человѣка, который бы такъ мало смыслилъ въ финансахъ, какъ я, но теперь я вижу, что я ошибался и что ты понимаешь въ нихъ меньше моего". И, однако, онъ сохраняетъ свой постъ. Было бы ошибочно думать, что въ Россіи нѣтъ людей, которые могли бы руководить дѣлами. Тургеневъ назвалъ нѣсколько именъ. Если этотъ моментъ, когда еще можно спасти Россію, будетъ упущенъ, то все придетъ въ упадокъ. Въ революцію Тургеневъ не вѣритъ. Правительство достаточно сильно, чтобы поддержать спокойствіе и свою власть. Одинъ бывшій министръ, консерваторъ, на вопросъ Тургенева, что нужно сдѣлать, чтобы улучшить положеніе, отвѣтилъ только: „Vis medicatrix naturae". Русскіе возлагаютъ теперь надежду на наслѣдника. Тургеневъ не думаетъ, чтобы жизни императора могла угрожать опасность отъ покушенія нигилистовъ. „Въ своихъ убійствахъ они исходятъ изъ опредѣленной теоріи,—говорилъ онъ: они стремятся только запугать бюрократовъ, дѣйствующихъ беззаконно. Противъ императора они ничегоне замышляютъ".

Это было сказано ровно за два года до событія 1-го марта 1881 г.

„Тургеневъ пишетъ политическую брошюру, въ которой онъ хочетъ изложить мысли, вызванныя въ немъ пребываніемъ въ Россіи.

Само собою понятно, что его присутствіе было не особенно пріятно правительству. На границѣ жандармскій офицеръ сказалъ ему при проѣздѣ: „Мы поджидаемъ васъ уже пять дней".

Братъ княгини Гогенлоэ, князь Петръ Сайнъ-Витгенштейнъ-Брелебургъ, владѣвшій огромными помѣстьями въ Западномъ краѣ, скончался въ 1887 г., и князь Хлодвигъ съ супругою должны были по дѣламъ наслѣдства ѣхать въ Россію.

Наканунѣ отъѣзда изъ Берлина, 9-го августа 1888 г., князь Гогенлоэ былъ принятъ въ аудіенціи императоромъ (Вильгельмомъ II), незадолго передъ тѣмъ вступившимъ на престолъ. „Императоръ принялъ меня окруженный придворными и адъютантами; мы пошли къ завтраку, послѣ котораго императоръ долго разговаривалъ со мною на террасѣ. Онъ разсказывалъ о своемъ пребываніи въ Петергофѣ [1])

[1]) Съ 19-го по 24-ое іюля 1888 г.

и видимо остался очень доволенъ пріемомъ. Вначалѣ, по словамъ императора, къ нему отнеслись нѣсколько недовѣрчиво, опасаясь, вѣроятно, что онъ заведетъ рѣчь о какихъ-нибудь непріятныхъ вещахъ,—объ отозваніи войскъ и т. п. Но когда императоръ Александръ III убѣдился въ томъ, что это посѣщеніе было лишь простымъ актомъ вѣжливости, то онъ сталъ день-ото-дня любезнѣе и довѣрчивѣе, вслѣдствіе чего пребываніе въ Петергофѣ было очень пріятно. Относительно моихъ собственныхъ дѣлъ онъ пожелалъ мнѣ всего хорошаго и сказалъ: „Я за васъ замолвлю слово“.

Прощаясь, онъ поручилъ мнѣ еще разъ выразить русскому императору его благодарность за любезный пріемъ и передать ему, что онъ сохранилъ о своемъ пребываніи въ Россіи самое пріятное воспоминаніе.

11-го числа, въ 8 часовъ вечера я былъ въ Петербургѣ.

Я былъ у г-жи Мальцевой въ Царскомъ Селѣ; она разсказывала многое о дворѣ и въ особенности о томъ, что всѣ очарованы императоромъ Вильгельмомъ, но не особенно восхищены его свитой, которая держала себя „raide“ (натянуто). Когда я сказалъ ей, что я учился вмѣстѣ съ отцомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, то она замѣтила, что это очень благопріятное обстоятельство, что имъ слѣдуетъ воспользоваться.

Министръ финансовъ Вышнеградскій принялъ меня весьма любезно. Я объяснилъ ему цѣль моего пріѣзда и просилъ его принять участіе въ нашемъ дѣлѣ и, между прочимъ, упомянулъ о томъ, что въ нѣмецкихъ финансовыхъ кругахъ этимъ дѣломъ очень интересуются. Онъ сказалъ, что не можетъ имѣть никакого вліянія на это дѣло, но просилъ располагать имъ. Что касается указа [1]), то, по его мнѣнію, у меня явилась мысль объ очень удачной комбинаціи (heureuse combinaison), а именно, чтобы одинъ изъ моихъ сыновей принялъ русское подданство. На что я возразилъ, что я еще не могу остановиться на этомъ, такъ какъ мнѣ необходимо знать раньше, останется ли что-нибудь отъ наслѣдства.

— Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія,—возразилъ онъ,—и результатъ, навѣрно, будетъ для васъ благополучный.

Будучи приглашенъ на обѣдъ къ Швейницу, я встрѣтилъ у него Гирса. Онъ сказалъ, что императоръ сожалѣетъ о томъ, что еще не могъ принять насъ, но что намъ будетъ дана аудіенція въ среду или въ пятницу. На мой вопросъ, въ какой слѣдуетъ быть формѣ, онъ сказалъ, что слѣдуетъ быть въ мундирѣ и эполетахъ и что въ

---

[1]) Этимъ указомъ иностраннымъ подданнымъ воспрещалось владѣть въ Россіи недвижимымъ имуществомъ.

Петергофѣ будетъ время переодѣться. Онъ былъ очень предупредителенъ, но я не сталъ говорить съ нимъ о дѣлахъ, такъ какъ это его не касается.

Министръ внутреннихъ дѣлъ понимаетъ, что невозможно продать имѣніе въ три года и что намъ должно быть сдѣлано исключеніе. Но безъ дозволенія императора ничего нельзя рѣшить. Прощаясь, онъ спросилъ: „Donc votre Altesse n'a pas d'ordres à donner au ministère avant d'avoir vu l'Empereur?“ [1]).

Въ понедѣльникъ я обѣдалъ у графини Клейнмихель. У нея былъ оберъ-гофмейстеръ императрицы, князь Голицынъ. Графиня Клейнмихель говорила за столомъ о Гербертѣ Бисмаркѣ, котораго она часто видѣла въ свою бытность здѣсь секретаремъ посольства. По ея словамъ, онъ „грубъ“ и старается это показать. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ сказалъ господамъ своей свиты, чтобы они не были особенно вѣжливы съ русскими. Это слышали два русскихъ генерала.

13/25 августа, какъ мнѣ обѣщалъ Гирсъ, мы были приглашены во дворецъ. Облачившись въ полную парадную форму, мы отправились въ 10 часовъ утра въ Петергофъ и изъ дворца поѣхали черезъ паркъ въ Александрію, гдѣ живетъ императоръ. Это маленькій уютный домикъ, но не подходящій для царской резиденціи. Насъ встрѣтилъ обергофмейстеръ императрицы, князь Голицынъ, который долженъ былъ вести насъ къ ея величеству, но такъ какъ у нея были въ это время египетскіе принцы, то насъ провели сперва къ государю.

Я былъ принятъ первымъ. Филиппъ Эрнстъ ждалъ въ пріемной. Меня провели черезъ переднюю, гдѣ стоялъ рядъ полураспакованныхъ сундуковъ, къ маленькой лѣстницѣ, по которой я поднялся въ уборную государя, и оттуда прошелъ въ его рабочій кабинетъ. Императоръ Александръ принялъ меня весьма любезно, припомнилъ, что онъ уже видѣлъ меня въ Парижѣ и, поговоривъ о моемъ служебномъ положеніи въ Страсбургѣ, спросилъ, въ первый ли разъ я въ Петербургѣ. Я отвѣчалъ, что я былъ тутъ лѣтъ около тридцати тому назадъ; упомянувъ о моей первой поѣздкѣ, я легко могъ перейти къ тому, что вынудило меня пріѣхать этотъ разъ, т. е. къ вопросу о наслѣдствѣ. Я разсказалъ императору откровенно, въ какомъ оно находилось положеніи и что мы сильно сомнѣвались, принимать ли наслѣдство, такъ какъ оно обременено долгами, но рѣшились на это только для того, чтобы не подвергать нареканіямъ памяти князя Петра и заплатить долги. Императоръ одобрилъ это и высказалъ свое сожалѣніе по поводу того, что обстоятельства сложились такъ

[1]) И такъ, ваше сіятельство не имѣете ничего приказать до аудіенціи у императора?

неблагопріятно. Я присовокупилъ, что мы постараемся привести дѣла въ порядокъ, но что на это нужно время, и просилъ его величество позволенія препроводить ему письмо моей жены, въ которомъ изложены всѣ ея просьбы и желанія, на что́ его величество изъявилъ свое согласіе. Закончивъ аудіенцію, онъ сказалъ весьма любезно: „Nous tâcherons de vous aider dans ces difficultés“ [1]). Послѣ меня былъ принятъ Филиппъ Эрнстъ.

Я забылъ сказать, что когда я передалъ императору порученіе императора Вильгельма, то государь, такъ же точно, какъ и вслѣдъ за тѣмъ государыня, выразилъ свое удовольствіе по поводу посѣщенія императора Вильгельма и замѣтилъ, что онъ измѣнился къ лучшему“.

Мы подошли теперь къ тому мѣсту въ запискахъ князя Хлодвига Гогенлоэ, которое придало имъ не только исключительный интересъ, но и политическое значеніе и заставило отозваться на нихъ всю европейскую печать; оно касается отношеній Германіи къ Россіи въ 1890 году и того рѣшительнаго поворота въ международной политикѣ Вильгельма II, послѣдствія котораго имѣли огромное значеніе для Россіи.

Въ 1890 г. истекалъ срокъ знаменитаго тайнаго договора о перестраховкѣ (Rückversicherungsvertrag), который былъ заключенъ Бисмаркомъ въ 1884 г. съ цѣлью эксплоатировать въ пользу Германіи опасенія Россіи на счетъ наступленія Австріи, поддерживаемой Англіей, и обезпечить этимъ Германіи русскій нейтралитетъ на случай аггресивныхъ дѣйствій Франціи.

Этотъ договоръ, обязывавшій къ нейтралитету Россію, въ случаѣ наступленія Франціи, и Германію, въ случаѣ наступленія Австріи, понимался германскимъ правительствомъ въ смыслѣ предоставленія Россіи свободныхъ рукъ въ Болгаріи и Константинополѣ, но такъ какъ мысль о предоставленіи Россіи вліянія на Ближнемъ Востокѣ не согласовалась съ собственными замыслами Вильгельма II, только-что совершившаго въ 1889 г. свое первое политическое путешествіе въ Константинополь, которое открыло новую эру сближенія Германіи съ мусульманскимъ міромъ,—то онъ былъ противъ этого договора [2]). На этой почвѣ между императоромъ и Бисмаркомъ возникло разногласіе по русскому вопросу. Бисмаркъ, замѣтивъ охлажденіе Россіи, наступившее послѣ бердинскаго конгресса, и опасаясь, что это поведетъ къ ея сближенію съ Франціей, стремился сдѣлать все возможное,

---

[1]) Мы постараемся помочь вамъ въ этихъ затрудненіяхъ.

[2]) Вслѣдствіе такого именно толкованія этого договора, онъ и не былъ возобновленъ пріемникомъ Бисмарка—Каприви.

чтобы возстановить старинную дружбу между Берлиномъ и Петербургомъ, а императоръ Вильгельмъ II отдалъ рѣшительное предпочтеніе Австріи передъ Россіей и пожелалъ внести въ свои отношенія къ первой болѣе искренности и лояльности. Разставшись съ канцлеромъ въ 1890 г., онъ началъ ту политику, которая привела Германію къ ея нынѣшнему одиночеству и заставила Россію, какъ того опасался Бисмаркъ, заключить союзъ съ Франціей.

Разумѣется, разногласія по русскому вопросу были не единственной причиной отставки желѣзнаго канцлера, извѣстны многія другія подробности событій, связанныхъ съ его отставкой; властный, самоувѣренный и пылкій темпераментъ молодого императора не могъ долго мириться съ деспотическимъ характеромъ человѣка, создавшаго себѣ своими заслугами Германіи совершенно исключительное положеніе и претендовавшаго поэтому на исключительное вліяніе; Вильгельмъ пожелалъ стряхнуть съ себя тяжелую опеку стараго канцлера, который пользовался столько лѣтъ безграничнымъ вліяніемъ на его дѣда и не могъ, въ свою очередь, сдѣлаться простымъ исполнителемъ чужихъ предначертаній.

Разногласія, возникшія между императоромъ и канцлеромъ на первыхъ же порахъ по рабочему и другимъ вопросамъ, не составляли въ Германіи ни для кого тайны; разрывъ между ними долженъ былъ послѣдовать неизбѣжно, но онъ послѣдовалъ скорѣе, чѣмъ кто-либо ожидалъ.

20-го марта 1890 г. весь міръ былъ оповѣщенъ о томъ, что отставка Бисмарка принята Вильгельмомъ II.

По словамъ великаго герцога Баденскаго, съ которымъ князь Гогенлоэ говорилъ объ этомъ событіи нѣсколько дней спустя (25-го марта), „причиною разрыва между императоромъ и Бисмаркомъ былъ вопросъ о томъ, на чьей сторонѣ будетъ власть“; всѣ прочія разногласія во мнѣніяхъ относительно закона объ охранѣ рабочихъ, о соціалистахъ и т. п., были по увѣренію герцога дѣломъ второстепеннымъ. „Главнымъ поводомъ несогласія былъ вопросъ о кабинетскомъ указѣ 1852 г., который Бисмаркъ подтвердилъ министрамъ безъ вѣдома императора, отнявъ у нихъ, такимъ образомъ, право доклада у императора. Вильгельмъ II хотѣлъ отмѣнить этотъ указъ, но канцлеръ возсталъ противъ этого; при обсужденіи этого вопроса, Бисмаркъ до того вышелъ изъ себя, что, какъ разсказывалъ впослѣдствіи императоръ, онъ только-только не пустилъ въ него чернильницей“.

„Къ этому присоединилось недовѣріе императора къ внѣшней политикѣ князя. Императоръ подозрѣвалъ, что Бисмаркъ руководитъ политикой согласно своему собственному, императору неизвѣстному, плану, который клонился къ тому, чтобы разорвать съ Австріей и

тройственнымъ союзомъ и войти въ соглашеніе съ Россіей [1]), тогда какъ императоръ этого не желаетъ и былъ намѣренъ строго придерживаться союза. „По словамъ Мюнстера,—продолжалъ великій герцогъ,—въ Вѣнѣ относятся весьма недовѣрчиво, также и къ Герберту Бисмарку. Это могло повести къ разрыву. Я не могъ узнать, правда ли то, что императоръ написалъ безъ вѣдома канцлера письмо королевѣ Викторіи, которое потомъ стало извѣстно въ Берлинѣ, но объ этомъ всѣ говорятъ".

Самъ Бисмаркъ, при свиданіи съ княземъ Гогенлоэ, высказалъ, что отставка была для него неожиданной и что не далѣе, какъ три недѣли назадъ, онъ не имѣлъ и въ мысляхъ, что это могло случиться. „Впрочемъ,—присовокупилъ онъ,—я долженъ былъ ожидать этого, такъ какъ императоръ хочетъ царствовать одинъ". На замѣчаніе Гогенлоэ, „что рано или поздно Вильгельмъ попроситъ его вернуться, бывшій канцлеръ сказалъ, что онъ на это не согласится, такъ какъ не хотѣлъ бы вновь пережить подобныя три недѣли и что Гогенлоэ не увидитъ его болѣе тутъ; если же онъ вздумаетъ посѣтить его въ Варцинѣ или въ Фридрихсруэ, то онъ будетъ желаннымъ гостемъ".

„31-го марта 1890 г. былъ у меня Гейдукъ (Heuduck),—записалъ Гогенлоэ,—и разсказывалъ, что императоръ, въ разговорѣ съ командующими генералами, объяснилъ причины отставки князя Бисмарка. Вопросъ о кабинетскомъ указѣ и его несдержанное обращеніе съ императоромъ не допускали возможности дальнѣйшей совмѣстной работы съ княземъ. Лучше, сказалъ императоръ, что мы разстались теперь, когда это могло совершиться миролюбиво и дѣло не дошло до серьезнаго конфликта. Затѣмъ императоръ сказалъ генераламъ, что Россія хочетъ занять Болгарію своими войсками, обезпечивъ себѣ при этомъ нейтралитетъ Германіи, но онъ обѣщалъ австрійскому императору быть его вѣрнымъ союзникомъ и сдержитъ свое слово. Оккупація Болгаріи русскими войсками была бы поводомъ къ войнѣ съ Австріей, а онъ не можетъ не поддержать послѣднюю. Все болѣе и болѣе выясняется, что поводомъ къ разрыву было разногласіе между императоромъ и Австріей по вопросу о русской политикѣ. Бисмаркъ хотѣлъ отказаться отъ союза съ Австріей, а императоръ хотѣлъ сохранить съ ней союзныя отношенія, хотя бы это угрожало опасностью войны на два фронта: съ Россіей и Франціей. Теперь мнѣ стали понятны слова Бисмарка, который сказалъ, что императоръ ведетъ

---

[1]) Бисмаркъ зналъ, что его обвиняли въ намѣреніи измѣнить Австріи, и, съ цѣлью разсѣять эти подозрѣнія, онъ при своей поѣздкѣ въ Вѣну на бракосочетаніе своего сына Герберта испросилъ аудіенцію у императора Франца-Іосифа и очень жалѣлъ, что она не состоялась.

такую же политику, какъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Это грозитъ опасностью въ будущемъ".

Наконецъ, подъ датой 26-го апрѣля 1890 г., записанъ княземъ Гогенлоэ разговоръ, который онъ имѣлъ лично съ императоромъ Вильгельмомъ по поводу отставки имперскаго канцлера.

„23-го апрѣля, въ 9 часовъ вечера, я отправился съ Таденомъ и Морицомъ. въ Гагенау, куда долженъ былъ пріѣхать императоръ Вильгельмъ. Ровно въ часъ ночи прибылъ императоръ. Со станціи я ѣхалъ вмѣстѣ съ его величествомъ въ охотничій домъ близъ Суффленгейма. Мы ѣхали около часа, и въ это время императоръ говорилъ непрерывно, разсказавъ мнѣ всю исторію своего разрыва съ Бисмаркомъ. По его словамъ, разногласіе возникло еще въ декабрѣ. Императоръ тогда уже выразилъ желаніе сдѣлать что-нибудь въ области рабочаго вопроса. Канцлеръ былъ противъ этого. Императоръ исходилъ изъ того, что если правительство не возьметъ на себя иниціативу, то это дѣло возьметъ въ свои руки рейхстагъ, т. е. соціалисты, центръ и прогрессисты, и тогда правительству придется идти въ хвостѣ. Канцлеръ хотѣлъ внести во вновь избранный рейхстагъ законъ о соціалистахъ и, въ случаѣ непринятія его, распустить палату, а если бы это вызвало народное возстаніе, энергично подавить его. Императоръ былъ противъ этого и говорилъ, что ежели его дѣдъ, послѣ долгаго и славнаго царствованія, былъ бы вынужденъ подавить возстаніе, то его никто не осудилъ бы за это. Совсѣмъ иное дѣло онъ, ничѣмъ еще себя не заявившій. Ему будетъ поставлено въ упрекъ, что онъ начинаетъ царствованіе, разстрѣливая своихъ подданныхъ". „Отношенія обострились изъ-за кабинетнаго указа. Бисмаркъ часто совѣтовалъ императору приглашать къ себѣ министровъ. Но когда они часто стали появляться во дворцѣ, Бисмарку это не понравилось, его обуяла зависть, и онъ вытащилъ изъ-подъ спуда указъ 1852 г., чтобы лишить министровъ права личнаго доклада". Послѣднія три недѣли между императоромъ и Бисмаркомъ то и дѣло происходили крупныя столкновенія. „Дѣло шло о томъ,—присовокупилъ императоръ,—царствовать ли династіи Гогенцоллерновъ или династіи Бисмарка".

„Что касается внѣшней политики, то императоръ полагаетъ, что Бисмаркъ дѣйствовалъ по своему собственному усмотрѣнію и скрывалъ отъ него многое изъ того, что дѣлалъ. Между прочимъ, Бисмаркъ велѣлъ сказать въ Петербургѣ, что императоръ хочетъ вести анти-русскую политику, хотя у него нѣтъ никакихъ къ тому доказательствъ,—присовокупилъ Вильгельмъ".

Обнародованіе именно этого конфиденціальнаго разговора и вызвало гнѣвъ германскаго императора, выразившійся въ приведенной

нами выше телеграммѣ къ князю Филиппу Гогенлоэ и въ томъ, что братъ послѣдняго, Александръ Гогенлоэ, который оказался прикосновеннымъ къ опубликованію мемуаровъ, долженъ былъ немедленно оставить государственную службу.

Послѣ появленія этихъ разоблаченій съ оффиціозной германской стороны сдѣлано было нѣсколько попытокъ ослабить неблагопріятное впечатлѣніе, которое они должны были произвести въ Россіи. Указывалось, между прочимъ, на то, будто Гогенлоэ сообщаетъ свои свѣдѣнія большею частью изъ вторыхъ рукъ, по чужимъ разсказамъ. Но въ вопросѣ объ отношеніяхъ къ Россіи эта отговорка совершенно несостоятельна, и такъ какъ разговоръ князя Гогенлоэ съ Вильгельмомъ II послѣднимъ не былъ опровергнутъ, то рѣшительное предпочтеніе, оказанное тогда германскимъ императоромъ Австріи передъ Россіей, является фактомъ твердо установленнымъ.

В. Т.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Диктаторъ Польши Лянгевичъ о возстаніи 1863 года.

(Relacye o kampanii własnej).

Г. Б. Мервинъ напечаталъ въ Kwartalnik'ѣ Historyczn'омъ, органъ львовскаго историческаго общества (т. XIX), письма бывшаго диктатора Польши Маріана Лянгевича къ одному изъ друзей (Л. Булевскому) объ участіи автора писемъ въ подготовленіи возстанія 1863 г. и въ самомъ возстаніи [1]). Лянгевичъ, личность въ настоящее время почти забытая, игралъ одну изъ первыхъ ролей въ польскомъ возстаніи 1863 года. Маріанъ Лянгевичъ родился въ 1827 году въ Кротошинѣ (в. кн. Познанское). Учился въ нѣмецкой гимназіи въ Тжемешнѣ, посѣщалъ университеты въ Бреславлѣ и Берлинѣ. Поступилъ затѣмъ однолѣтнимъ вольноопредѣляющимся въ прусскую гвардейскую артиллерію, послѣ чего долго скитался по Франціи и Италіи. Въ Италіи онъ принималъ участіе въ походахъ Гарибальди. Познакомился съ Людвикомъ Мирославскимъ, съ которымъ и сталъ усердно заниматься проектомъ новаго возстанія въ Польшѣ. Для образованія ядра хорошо обученныхъ инсургентовъ, въ городѣ Кунео, въ Піемонтѣ, учреждено было польское военное училище. Душою училища и главнымъ въ немъ преподавателемъ былъ именно М. Лянгевичъ. Изъ Кунео дѣятельно велась „польская интрига", въ которой принималъ горячее участіе съ одной стороны Наполеонъ III, сулившій большія субсидіи и сформированіе французско-польскаго легіона, съ другой Гарибальди, обѣщавшій содѣйствіе гарибальдійцевъ. Въ 1862 г. училище было закрыто, по требованію Россіи и Пруссіи, итальянскимъ правительствомъ, тогда Лянгевичъ, вмѣстѣ съ Чверцякевичемъ, занялся покупкою оружія для русской Польши. Въ половинѣ декабря 1862 г. русская полиція увѣдомила

[1]) Письма эти теперь вышли отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ Maryan Langewicz. Relacye o kampanii własnej 1863 r. Lwów.

французскую, что уполномоченные Центральнаго Комитета Годлевскій и Милевичъ везутъ письмо къ знаменитому революціонеру Mazzini. Парижская полиція арестовала Годлевскаго, Милевича, а также Чверцякевича съ Игн. Хмѣленьскимъ. Годлевскій былъ „сибирякъ", Чверцякевичъ—второразрядный журналистъ и чиновникъ, Хмѣленьскій—заядлый революціонеръ, иниціаторъ покушенія на жизнь в. кн. Константина Николаевича и маркиза Велепольскаго. У арестованныхъ отобрали важные документы и 70.000 фр., предназначенныхъ для уплаты за оружіе. Лянгевичъ поспѣшилъ въ Польшу. 9-го января 1863 г. онъ былъ уже въ Варшавѣ. Здѣсь пришлось ему впервые столкнуться съ Центральнымъ Комитетомъ. Послѣдній составляли: Сигизмундъ Падлевскій—предсѣдательствующій и директоръ военнаго отдѣла, кс. Карлъ Микошевскій (Sikstus), каноникъ, настоятель костела Богоматери на Новомъ Мѣстѣ въ Варшавѣ, Оскаръ Авейда—директоръ отдѣла внутреннихъ дѣлъ, Янъ Майковскій—директоръ финансоваго отдѣла, Агатонъ Гиллеръ, Іосифъ Яновскій и Стефанъ Бобровскій. Авейда вручилъ Лянгевичу приказъ о назначеніи его военнымъ начальникомъ Сандомирскаго воеводства и 600 фр. на дорогу, на личныя надобности; за инструкціями отослалъ его къ Падлевскому. Вотъ отзывъ Лянгевича о Падлевскомъ. Это—патріотъ, смѣлый и даже дерзкій, человѣкъ понятливый, но непостоянный, творящій постоянно новые проекты, чрезвычайно самолюбивый, но ищущій славы только въ добромъ предпріятіи. Сдѣлаться польскимъ Вашингтономъ—его единственная цѣль, и ради нея онъ готовъ на всякія жертвы, но только на нѣсколько недѣль. Хотѣлъ командовать арміями, а самъ не создалъ бы и роты. Лянгевичъ не можетъ скрыть удивленія, что дирекція военныхъ дѣлъ попала въ руки С. Падлевскаго. На вопросъ о планѣ дѣйствій Лянгевичъ получилъ отъ Падлевскаго такой отвѣтъ: „Я въ Варшавской губерніи наберу корпусъ и сконцентрирую его подъ Варшавой, въ Плоцкой губерніи поставлю корпусъ подъ Модлиномъ, а ты въ губерніяхъ Люблинской и Радомской соберешь корпусъ и поведешь его на Русь". Большихъ усилій стоило мнѣ, чтобы не расхохотаться. Подавивъ смѣхъ, я замѣтилъ, что напередъ надо вытѣснить русскихъ (moskali) изъ тѣхъ губерній, гдѣ я буду сформировывать корпусъ, и что мнѣ необходимо ознакомиться съ силами, при помощи которыхъ стану освобождать ввѣренное мнѣ воеводство. На это директоръ сказалъ: „на первыхъ порахъ мы будемъ имѣть оружіе изъ-за границы, потомъ получимъ его изъ арсеналовъ Модлина, который въ первую же ночь послѣ начала возстанія попадетъ въ мои руки, наконецъ, сейчасъ же по возстаніи, въ Петербургѣ вспыхнетъ революція, армія придетъ въ разстройство и ея значительная часть выступитъ изъ Польши". Съ грустью оставилъ

Лянгевичъ Варшаву 12-го января. Онъ убѣдился, что для вооруженнаго возстанія совершенно ничего не приготовлено. На слѣдующій день онъ былъ уже въ Радомѣ. Въ Радомѣ стояли 1.200 чел. русскаго гарнизона и полевая батарея; въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ губерніи съ населеніемъ до 3.000 душъ—тоже расположены гарнизоны, по 400—600 ч. Между тѣмъ силы повстанцевъ въ цѣломъ сандомірскомъ воеводствѣ едва достигали 2.500 чел. „Не было ни солдатъ, ни офицеровъ, ни инструкторовъ, ни оружія, ни военныхъ запасовъ". Было только 250 штукъ охотничьихъ ружей. Центральный Комитетъ обѣщанныхъ ружей не прислалъ, а покупать ихъ самимъ начальникамъ не разрѣшилъ. Налицо было нѣсколько фунтовъ пороху и нѣсколько сотъ, пригодныхъ для боя, косъ. Ощущался недостатокъ обуви, плащей, рубахъ, вообще теплой одежды, манерокъ, торбъ для хлѣба, подковъ и даже шестовъ для косъ и копій. Инструкцій никто никакихъ не имѣлъ. 18-го января, вечеромъ, полученъ приказъ Центральнаго Комитета начать возстаніе 22-го числа въ 12 час. ночи. „Указывали мнѣ, что это невозможно, домогались, чтобы я ѣхалъ въ Варшаву и просилъ отложить. Я самъ убѣжденъ былъ въ безуміи нашего предпріятія, но, какъ солдатъ, долженъ былъ слушаться и требовать послушанія. Объяснялъ, что новое распоряженіе отложить возстаніе можетъ не успѣть дойти во всѣ концы края, что тогда можетъ вспыхнуть частичное только возстаніе, что̀ вызоветъ лишь замѣшательство и деморализацію. Разъяснялъ, что оружіе на первыхъ порахъ не особенно необходимо, достаточно и косъ, нападеніе будетъ сдѣлано темною ночью, неожиданно, на улицахъ и въ домахъ, а потомъ, для дальнѣйшаго боя, у насъ будетъ оружіе: мы добудемъ его у русскихъ". Лянгевичъ отдалъ приказъ напасть одновременно на восемь небольшихъ гарнизоновъ, расквартированныхъ въ губерніи, самъ же присоединился къ отряду, который долженъ былъ атаковать м. Шидловецъ. Послѣдній былъ взятъ. Потери русскихъ, по русскимъ источникамъ („Журналъ военныхъ дѣйствій", № 1-й), 4 убитыхъ, 10 раненыхъ и 10 пропавшихъ безъ вѣсти. Повстанцы захватили не болѣе дюжины винтовокъ. Подкрѣпленія, между тѣмъ, не приходили. При такихъ условіяхъ Лянгевичъ не могъ удержаться въ Шидловцѣ. Онъ облюбовалъ себѣ мѣсто въ гористой мѣстности, въ Вонхоцкѣ. Здѣсь Лянгевича атаковали правительственныя войска, и онъ долженъ былъ очистить Вонхоцкъ. Лянгевичъ занялъ позиціи въ Свенто-Кржискихъ лѣсахъ. Не столько военныя неудачи, сколько голодъ и холодъ преслѣдовали повстанцевъ. „Признаюсь—пишетъ Лянгевичъ,—что въ первыя двѣ недѣли возстанія я что-день ожидалъ прекращенія его, по крайней мѣрѣ, въ моемъ воеводствѣ и только ради послушанія своему начальству и

ради собственнаго самолюбія удержался на своемъ посту". 4-го марта уже совсѣмъ не имѣли военныхъ снарядовъ. Лянгевичъ рѣшилъ пододвинуться къ самой австрійской границѣ. Остановился въ Гощѣ,— въ разстояніи одного часа пути отъ границы. Тутъ онъ узналъ, что у повстанцевъ, кромѣ „москалей" и матерьяльныхъ недостатковъ, есть еще враги—едва-ли не болѣе опасные—враги внутренніе. Краковъ и Галиція кишѣли разными „генералами", офицерами, дипломатами, дезертирами, которые пили, ѣли, пріятно проводили время въ болтовнѣ въ домахъ „патріотовъ", получали содержаніе, будучи приписаны къ разнымъ отрядамъ войскъ инсургентовъ. Нѣкоторые ухитрились быть приписанными къ нѣсколькимъ отрядамъ. Такіе господа не останавливались ни передъ шпіонствомъ, ни передъ интригами. 22-го февраля Лянгевичъ убѣдился, что Езеранскій, военный начальникъ Опочинскаго уѣзда, состоявшій подъ его командою, образовалъ свою, довольно сильную партію и хочетъ дѣйствовать самостоятельно. Послѣ оказалось, что какой-то родственникъ этого Езеранскаго служилъ у одного магната секретаремъ. По ходатайству этого родственника, магнатъ поддерживалъ Езеранскаго деньгами и желалъ видѣть его диктаторомъ. Помянутый магнатъ скупилъ въ Краковѣ все оружіе и военные снаряды. Постарался откупить транспортъ ружей, назначенныхъ для Лянгевича, распустивъ слухъ, что онъ покупаетъ оружіе для Езеранскаго, который черезъ нѣсколько дней будетъ главнокомандующимъ. Еще болѣе досаждалъ Лянгевичу своими происками бывшій его пріятель Мирославскій. Послѣдній, по словамъ Лянгевича, пылалъ къ нему ненавистью. Подсылалъ убійцу, хотѣлъ взбунтовать его отрядъ, перекупалъ пріобрѣтенное для отряда оружіе, сообщалъ австрійской полиціи о мѣстонахожденіи тайныхъ складовъ военныхъ снарядовъ. Словомъ, не останавливался ни передъ какими средствами. И все это дѣлалъ зависти ради. Временное правительство (Rząd tymczasowy) знало и цѣнило прежнюю дѣятельность Мирославскаго, потому вошло съ нимъ въ сношеніе [1]). Мирославскій сформировалъ свой отрядъ, но счастіе ему измѣнило—онъ былъ

---

[1]) Людвикъ Мирославскій, сынъ полковника французской службы, перешедшаго потомъ на службу въ Польшу, и француженки Камили Homme, род. въ 1818 г. въ Нэмурѣ. Учился въ школѣ кадетовъ въ Калишѣ. Участвовалъ въ революціи 1830 г. Затѣмъ уѣхалъ во Францію и занялся литературою. Написалъ повѣсти (по-польски) „Bitwa Grochowska" (Парижъ) 1835 г. „Szuja", „Pugaczew", „Zelazna Maryna" (Парижъ, 1836 г.), издалъ (по-французски) „Aperçue rapide sur l' histoire universelle". (Paris, 1836) и „Histoire de la révolution de Pologne" (3 тома Paris, 1837). Въ 1840 г. вступилъ, въ качествѣ члена, въ центральный комитетъ польскаго демократическаго общества. Участвовалъ въ подготовкѣ возстанія въ Познани. 5-го сентября 1847 г. при-

двукратно побитъ: подъ Крживосончемъ (22-го февраля 1863 г.) и подъ Новой Весью 25-го февраля того же г.) и бѣжалъ за границу. Rząd предложилъ Мирославскому возвратиться на территорію Польши къ 8-му марта, угрожая въ противномъ случаѣ прекратить съ нимъ сношенія. Мирославскій не вернулся къ назначенному сроку „на театръ войны". Тѣмъ временемъ „маленькій корпусъ" (korpusik) Лянгевича увеличивался людьми, оружіемъ и провіантомъ изъ смежной Галиціи. До сихъ поръ историки предполагали, что у Лянгевича, передъ провозглашеніемъ имъ диктатуры, было приблизительно 9.000 человѣкъ инсургентовъ. Лянгевичъ опредѣляетъ число охотниковъ въ 20.000 чел. и количество оружія въ 30.000 шт. Нечего удивляться такимъ цифрамъ: „бдительность" австрійскаго правительства, по его словамъ, была слишкомъ умѣренна. Несмотря на обиліе „московскихъ шпіоновъ", „транспорты охотниковъ и оружія шли главнымъ трактомъ къ границѣ, переправлялись паромомъ черезъ Вислу на глазахъ австрійскихъ пограничныхъ чиновниковъ и солдатъ, отворачивавшихся, чтобы не видѣть транспортовъ". Вообще „Краковъ и Галиція, съ согласія австрійскаго правительства, были военнымъ и административнымъ базисомъ" для повстанцевъ. „Центральное правительство (Rząd centralny)—сѣтуетъ Лянгевичъ—или не хотѣло, или не умѣло воспользоваться" этимъ. Лянгевичъ клеймитъ Rząd народный словомъ неспособный. „Власть тогда заслуживаетъ уваженія, когда она полезна и сильна". Между тѣмъ, „Ржондъ народовый" своею снисходительностію поощрялъ проявленіе непослушанія и даже открытый мятежъ. 10-го марта Лянгевичъ провозгласилъ себя диктаторомъ возставшей Польши. Вотъ взглядъ Лянгевича на значеніе диктатуры. „Въ диктатурѣ я вижу одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ для спасенія народнаго дѣла. Римская республика, такъ внимательно контролировавшая своихъ чиновниковъ и слѣдившая за исполненіемъ законовъ, во времена великой опасности всю власть отдавала въ руки диктатора. Гарибальди, столь хладнокровный къ власти, принялъ диктаторскую власть. Всюду, гдѣ бы только ни вво-

---

говоренъ въ Берлинѣ къ смертной казни. Революція 1848 г. возвратила ему свободу, и онъ сталъ руководить возстаніемъ въ Познанскомъ княжествѣ. Одержалъ побѣды подъ Ксенжемъ и подъ Милославомъ. Окруженный пруссаками у Вржесни, долженъ быть сложить оружіе и спасаться бѣгствомъ за границу. Въ 1849 г. Мирославскій предводительствовалъ бандами повстанцевъ на Сициліи въ Баденскомъ герцогствѣ. Потомъ поселился на нѣкоторое время въ Версалѣ и тамъ издалъ „Powstanie Poznańskie (Парижъ 1853). Въ 1861 г., состоя въ сношеніяхъ съ Гарибальди и Кошутомъ, сформировалъ въ Женевѣ славянскій легіонъ, состоявшій по большей части изъ поляковъ, и руководилъ военной школой въ Кунео. Съ 1862 г. начинается его дѣятельность въ русской Польшѣ. *Г. В.*

дили диктатуру, она вездѣ оказывалась полезною, коль скоро была на самомъ дѣлѣ необходима и когда пѣстунъ ея обладалъ надлежащими качествами". Лянгевичъ утверждаетъ, будто „въ минуту врученія ему диктатуры" онъ не могъ дать себѣ отчета, „необходима ли она теперь". Вѣрнѣе всего, Лянгевичъ поспѣшилъ объявить себя диктаторомъ, чтобы предупредить замыслы Мирославскаго сдѣлать то же самое. Присяга на вѣрность диктатору принесена при весьма торжественной обстановкѣ. На зрѣлищѣ присутствовали почти всѣ, проживающіе въ Краковѣ, вельможные паны, пріѣхавшіе спокойно на русскую территорію въ роскошныхъ экипажахъ глядѣть на парадъ. Диктаторствовать Лянгевичу пришлось не долго. Послѣ попытки перейти въ наступленіе былъ разбитъ кн. Шаховскимъ, который, оперируя съ фронта и фланговъ, сталъ энергично и безостановочно тѣснить его къ австрійской границѣ. Въ ночь съ 18-го на 19-е марта, послѣ новаго и серьезнаго пораженія, Лянгевичъ рѣшился распустить свой отрядъ. Утромъ 19-го марта Лянгевичъ находился уже на австрійской территоріи. Его узнали и арестовали въ Тарновѣ. По приказанію изъ Вѣны, водворили на жительство въ Тышніовцахъ [1]). Здѣсь держали Лянгевича строго. Не взирая на это, онъ, при помощи своей поклонницы, m-lle Генрики Пустовойтовой, пытался неоднократно бѣжать [2]). За это былъ переведенъ въ крѣпость Іозефштадтъ въ Богеміи и содержался подъ крѣпкимъ карауломъ [3]). Въ февралѣ 1865 г., по настояніямъ правительства Швейцаріи, гражданиномъ которой Лянгевичъ состоялъ, онъ былъ освобожденъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ проживалъ въ Скутари, затѣмъ поселился въ Константинополѣ, гдѣ и умеръ въ 1887 году, всѣми забытый. За послѣднее время онъ торговалъ лошадьми и имѣлъ собственный небольшой заводъ, но ему не особенно везло.

Г. А. Воробьевъ.

---

[1]) Въ Моравіи.

[2]) Первая попытка къ бѣгству едва не увѣнчалась успѣхомъ: Лянгевичъ уже спустился изъ окна 2-го этажа на гуттаперчевомъ поясѣ, но былъ замѣченъ жандармами, которые и доставили его въ Брно. Во второй разъ Лянгевичъ предложилъ тюремному стражнику 300 флориновъ за побѣгъ. Стражникъ деньги взялъ и... передалъ своему начальству.—„Отношенія" Пустовойтовой къ М. Лянгевичу заслуживаютъ особеннаго вниманія историковъ; это не обыкновенный романъ, но нѣчто болѣе серьезное. Между тѣмъ въ нашей литературѣ въ этомъ отношеніи полный пробѣлъ, если не считать слабой исторической повѣсти А. Лемана—„Анна (?) Пустовойтова" („Историческій Вѣстникъ". 1903 г., кн., VIII). *Г. В.*

[3]) Кн. Горчаковъ выражалъ надежду, что Лянгевича „будутъ хорошо стеречь, въ безопасномъ мѣстѣ, до конца возстанія". *Г. В.*

Война за независимость славянъ

въ 1877 — 1878 гг.

Посмертныя записки генерала-отъ-инфантеріи П. Д. Зотова.

VIII [1]).

Объѣздъ румынской арміи. — Неудачная атака румынами турецкаго редута. — Крыловъ. — Нападеніе на турецкій транспортъ. — Ловча. — Недостатокъ пищи и одежды. — Необходимость телеграфа. — Принцъ Карлъ. — Шамшевъ.

4-го сентября. Сегодня объѣзжали съ великимъ княземъ румынскую армію. Видъ людей довольно воинственный, особенно доробанцевъ; а одѣты линейные лучше доробанцевъ. Но какіе слабенькіе батальоны, человѣкъ по 400, а есть и менѣе. Знамя у нихъ не въ головѣ, а въ срединѣ колонны, такъ что они буквально сгруппированы около знамени. Большіе они охотники копаться въ землѣ; вездѣ, даже около бивуака резерва, устроены ровики для стрѣлковъ и эполементы, и работы весьма тщательныя; они сейчасъ же приняли къ исполненію приказаніе великаго князя вести подступы къ турецкой позиціи; просили уступить имъ въ полное владѣніе взятый нашими войсками редутъ; базируясь на немъ, они хотятъ вести подступы для овладѣнія слѣдующимъ редутомъ, лежащимъ къ сѣверо-западу въ разстояніи съ небольшимъ 150 саженъ. Руководить подступомъ будетъ Лигницъ. Около бивуаковъ такая же нечистота и вонь, какъ и у насъ, даже требуха скотины не зарыта.

Послѣ объѣзда завтракъ у принца Карла; онъ получилъ за 30-е число Георгія 3-го класса и поднесъ государю первую степень учрежденной имъ „Румынской звѣзды“. Чернатъ тоже украшенъ 4 степени Георгіемъ. „Для поощренія“, какъ выразился великій князь.

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1997 г.

Утромъ съ Рейтлингеромъ окончательно порѣшилъ постройку укрѣпленій на лѣвомъ флангѣ; ранѣе недѣли не кончатъ; инструмента мало, шанцевый частью поломанъ, частью утраченъ — во 2-й дивизіи и въ 1-й бригадѣ 16-й дивизіи, а въ отдѣленіи осаднаго парка было всего около 2.500 штукъ инструмента. У великаго князя въ этомъ отношеніи большія предположенія, кромѣ оборонительныхъ построекъ въ 1-й линіи, онъ самъ указалъ постройку нѣсколькихъ редутовъ въ тылу.

5-го сентября. Укрѣпленіе позиціи продолжается; орудійная стрѣльба рѣдкая; по ночамъ раза по два у румынъ открывается сильный огонь; увѣряютъ, что турки дѣлаютъ нападенія, но врядъ-ли это такъ. Согласно просьбѣ румынъ имъ отданъ взятый у турокъ Гривицкій редутъ, они туда ввели два батальона и назначили своего коменданта, но сегодня уже Чернатъ обратился съ просьбою поставить въ редутъ двѣ русскихъ роты, — приказано Криднеру это исполнить.

Крыловъ, вызвавшись командовать кавалеріею на лѣвомъ берегу Вида, требуетъ свою дивизію и бригады Тутолмина и Чернозубова, вслѣдствіе этого дѣлается chasée croisée; кавалерія по очереди переходитъ съ Ловчинскаго шоссе на Софійское и обратно, смѣна производится чрезъ слѣдованіе на Д. Дубнякъ. Кавалерійскій корпусъ Крылова будетъ состоять изъ 12 полковъ и 4-хъ конныхъ батарей. 3 полка 4 кавалерійской дивизіи, Астраханскій драгунскій, бригада Тутолмина и Чернозубова и 4 полка румынъ—всего 52 эскадрона и сотни и 24 орудія. Съ энергіею и рѣшимостью можно порядочно напакостить съ этими силами Осману, преграждая къ нему подвозъ всякаго рода припасовъ. У Лошкарева на Ловчинскомъ шоссе остается 4 полка 9 кавалерійской дивизіи и двѣ конныя батареи. Замѣчательно, что оба начальника кавалеріи просятъ объ уменьшеніи при нихъ конныхъ орудій, они ихъ, повидимому, стѣсняютъ, разыгрывая роль совѣсти кавалеріи. Артиллерію нужно прикрывать и слѣдовательно держаться на мѣстѣ, когда хотѣлъ бы улизнуть.

6-го сентября. Румыны, подъ руководствомъ Лигница, быстро вынесли параллель и сообщеніе, на 200 метровъ къ турецкому редуту № 2 и сегодня въ 2 часа намѣрены произвести атаку. Мы съ принцемъ поѣхали смотрѣть съ сѣверной стороны оврага, опускающагося отъ Врбицы къ Буковой Лапѣ; но редута не видно отсюда. Для содѣйствія румынской атакѣ, приказано 1-й бригадѣ 31 дивизіи демонстрировать съ южной стороны редута. Съ утра производилась по редуту № 2 усиленная канонада, какъ съ румынскихъ, такъ и съ нашихъ батарей 9 корпуса. Въ 2 часа послышалась со стороны редута страшная ружейная трескотня, продолжавшаяся около получаса. При-

скакиваетъ ординарецъ съ донесеніемъ, что штурмъ отбитъ, но готовятся ко второму; дѣйствительно, мы видимъ движеніе резервовъ впередъ. Въ 3 часа снова начинается минутъ на 20 усиленная ружейная трескотня и опять донесеніе, что и второй штурмъ отбитъ. Около 4-хъ часовъ новая попытка и новая неудача. Прискакиваетъ Пилодъ и говоритъ, что до 860 человѣкъ потери, что войска рвутся на новую атаку, но Чернатъ рѣшилъ произвести ее ночью. Мы уѣзжаемъ.

Депъ, Рейтлингеръ и другіе наши, смотрѣвшіе на картину съ высоты Гривицкой, увѣряютъ, что собственно штурма никакого не было, румыны перебѣгали изъ заднихъ траншей въ переднія, открывали изъ нихъ огонь по турецкимъ траншеямъ и убѣгали назадъ. Вся потеря, въ сущности, на половину противъ показанной, произошла во время этихъ перебѣжекъ и въ резервахъ, которые поражались турецкими гранатами. Наша демонстрировавшая бригада Бѣлокопытова потеряла около 70 человѣкъ.

Приказано Новоингерманландскій полкъ съ батареями 3-й артиллерійской бригады отправить въ Ловчу, гдѣ сосредоточивается вся 3-я дивизія.

Такъ какъ принцъ живетъ въ Порадимѣ, а я въ Сталинцахъ, то отдалъ приказъ, что, въ случаѣ нападенія турокъ на нашу позицію, до прибытія принца или его начальника штаба, командованіе войсками на позиціи поручается г. Кридперу.

Передвиженіе кавалеріи кончается завтра и Крыловъ вступаетъ въ командованіе завидскою кавалеріею, я снабдилъ его инструкціею, гдѣ въ общихъ чертахъ указана цѣль его партизанскихъ дѣйствій въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. За начальника штаба по болѣзни Лауница онъ взялъ къ себѣ Квитницкаго—кажется, человѣкъ энергическій, по крайней мѣрѣ таковымъ заявилъ себя въ извѣстной исторіи.

7-го сентября. Румыны ночью редута не атаковали; хотятъ продолжать подступы, чтобы болѣе сблизиться.

Сегодня прибыли Донской № 4-й полкъ и 4-й саперный батальонъ, имѣющій въ строю 420 и больныхъ 430 человѣкъ. Въ послѣдніе дни подошло нѣсколько партій изъ запасныхъ баталіоновъ на укомплектованіе.

Получилъ телеграмму великаго князя поторопиться укрѣпленіемъ позиціи и представить соображеніе о веденіи подступовъ къ плевненскому укрѣпленному лагерю. Отвѣчаю, что укрѣпленіе позиціи окончится къ 11-му или 12 числу, а на счетъ постепенной атаки представлю соображеніе вслѣдъ за симъ. Такъ какъ великій князь не хочетъ отказаться отъ идеи осады, то думаю собрать нѣчто въ родѣ совѣта, чтобы опереться на мнѣніе большинства, которое, вѣроятно,

выскажется противъ неосновательности плана великаго князя. Нужны войска, чтобы сдѣлать полное обложеніе и мѣсяца черезъ полтора, а самое большое черезъ два. Османъ, сдѣлавъ безуспѣшную попытку прорваться, долженъ будетъ сдаться. Зачѣмъ тутъ штурмъ или осада; все равно, вѣдь безъ полнаго обложенія осада не будетъ имѣть смысла. Завтра собираю корпусныхъ командировъ, начальниковъ штабовъ, начальника инженеровъ и командировъ саперныхъ батальоновъ.

8-го сентября. Вторые сутки льетъ осенній дождь,—почва страшно распустилась, ночи холодныя; болѣзненность усиливается и 32.500 наличныхъ штыковъ. Заболѣваетъ ежедневно около 200 человѣкъ; въ двухъ саперныхъ батальонахъ было больныхъ 808 человѣкъ, а въ послѣдніе два дня заболѣло 110 человѣкъ. Въ добавокъ прекратилось движеніе транспортовъ и нѣтъ возможности произвести эвакуацію. Въ дивизіонныхъ лазаретахъ накопилось отъ 200 до 300 больныхъ, а въ болгаренскомъ подвижномъ лазаретѣ болѣе 2.000; лежатъ на голой землѣ, и туда изъ отряда больныхъ не принимаютъ. Скотъ также падаетъ во множествѣ, не успѣваютъ зарывать. Войска нуждаются въ водкѣ, дровахъ, соломѣ, сапогахъ, фуфайкахъ — ничего нѣтъ; интендантство и товарищество всѣми проклинаются.

Какъ я и ожидалъ, рѣшеніе совѣта было почти единогласное противъ веденія осады, одинъ только Криднеръ далъ уклончивое мнѣніе, допуская возможность веденія подступовъ вдоль сѣвернаго фронта турецкаго лагеря отъ Гривицкаго редута, съ тѣмъ, однако, чтобы работали румыны, а наши войска прикрывали и защищали работы. Протоколъ засѣданія совѣта представляю великому князю, съ оговоркою, что я собралъ совѣтъ въ видахъ обсужденія мѣръ, для лучшаго приведенія въ исполненіе предположенія е. выс — ва. По крайней мѣрѣ свалилъ съ себя исполненіе несообразности; пусть этимъ займется Тотлебенъ, ему и книги въ руки.

Криднеръ странно понялъ приказъ принца, для всѣхъ вполнѣ ясный. Онъ отъ себя отдалъ приказъ, что, по случаю отъѣзда принца и начальника штаба, онъ вступаетъ въ командованіе войсками западнаго отряда. Приходится перебраться на позицію для избѣжанія недоразумѣній. Имеретинскій разсказываетъ, что онъ вчера, въ Тученицѣ, посѣтилъ Крылова передъ отъѣздомъ и засталъ его въ полномъ отчаяніи. Крыловъ выразился такъ: „я ежеминутно представляю себѣ картину, что въ одно прекрасное утро я проснусь окруженный турками и меня съ моею дурацкою кавалеріею будутъ разстрѣливать“. Плохая надежда на такого начальника кавалеріи, который падаетъ духомъ, не начавъ еще дѣйствовать,—успѣха ожидать положительно нельзя,—а вѣдь самъ просился: „я вѣкъ служу въ кавалеріи, люблю

эту лихую службу и рѣшительно не чувствую въ себѣ ни призванія, ни способности командовать пѣхотнымъ корпусомъ". И откуда можетъ придти въ голову Крылова такая блажь. Мѣстность между Видомъ и Искеромъ, отъ Софійскаго шоссе до Дуная, на протяженіи около 60 верстъ, съ юга и съ сѣвера представляетъ открытую волнообразную равнину, всюду удобную для дѣйствія кавалеріи. Въ случаѣ дѣйствительной опасности, всегда можно уйти за Видъ, который въ обыкновенное время переходимъ въ бродъ повсюду и на которомъ двѣ переправы въ Рыбинѣ и въ Гавринѣ заняты румынскою пѣхотою. Да и какая опасность, кавалеріи у турокъ очень мало, да и та плохая, а пѣхота вѣдь не можетъ Крылову отрѣзать отступленія.

9-го сентября. Пріѣзжаетъ Кава Михайловъ съ извѣстіемъ, что противъ Крылова изъ Телиша наступаетъ 25 таборовъ,—затѣмъ получаются двѣ записки Крылова; въ первой объясняя свое опасное положеніе, проситъ оставить Д. Дубнякъ и отступить къ Трестенику; во второй доноситъ, что отошелъ къ Трестенику, не выждавъ разрѣшенія. Посылаю телеграмму Непокойчицкому о наступленіи турокъ изъ Телиша къ Плевно. Вслѣдъ затѣмъ получаю чрезъ лазутчиковъ свѣдѣніе, что въ Телишѣ дѣйствительно собрано до 5 таборовъ, и что завтра оттуда идетъ въ Плевно большой транспортъ въ 2.000 подводъ съ продовольственными и военными запасами. Вслѣдствіе этого предписываю Крылову, оставивъ часть кавалеріи для наблюденія за Плевно съ западной стороны и маскированія своего движенія, съ остальными силами немедленно направиться къ Телишу и дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ идущаго въ Плевно транспорта; въ распоряженіе Крылова посылаю и Лошкарева чрезъ Медованъ съ 4-мя полками; такимъ образомъ, для нападенія на транспортъ можетъ быть сосредоточено 12 полковъ съ 4-мя или 5-ю конными батареями. Предпріятіе обѣщаетъ успѣхъ; 2.000 повозокъ займутъ въ глубину по дорогѣ около 20 верстъ, слѣдовательно, прикрывающіе ихъ 5 таборовъ будутъ разбросаны и не могутъ оказать сильнаго сопротивленія; поражая артиллеріею во флангъ, кавалерія можетъ обскакать съ тыла; можно разсчитывать, что при внезапномъ и энергичномъ нападеніи безпорядокъ неминуемъ, погонщики болгары разбѣгутся.

Вечеромъ получилъ телеграмму Непокойчицкаго, изъ которой видно, что и великій князь пораженъ неожиданнымъ появленіемъ непріятеля въ такихъ силахъ, противъ массы нашей кавалеріи.

10-го сентября, бивуакъ. Новую обузу возложили на меня, подчинивъ мнѣ Ловчу. Вотъ отзывъ Непокойчицкаго отъ 9-го сентября № 1155: „е. и. выс—во главнокомандующій, принимая во вниманіе важное значеніе полной связности въ дѣйствіяхъ западнаго отряда съ отрядомъ ген.-лейт. Карцева, приказалъ подчинить этотъ послѣд-

ній в. пр—ву въ высшемъ командномъ отношеніи. Это подчиненіе, являясь необходимымъ слѣдствіемъ того значенія, которое имѣетъ для дѣйствія западнаго отряда обезпеченіемъ его со стороны Ловчи, даетъ в. пр—ву возможность управлять обстановкою значительно большаго района вокругъ Плевны и вмѣстѣ съ тѣмъ избавляетъ васъ отъ усложненія занятій мелочными вопросами, вызываемыми непосредственнымъ и полнымъ подчиненіемъ отряда". Сколько ни ломаю своей головы, никакъ не могу понять, изъ темныхъ выраженій отзыва, необходимости подчинить мнѣ пунктъ, лежащій отъ меня въ 30 верстахъ и даже не имѣющій со мной телеграфной связи. Только лишняя переписка, необходимость устроить летучую почту, а въ случаѣ чего-нибудь неблагопріятнаго новая отвѣтственность.

Принцъ Карлъ все опасается за Никополь и свой мостъ; увѣряетъ, что, по достовѣрнымъ имъ полученнымъ свѣдѣніямъ, турки направляютъ къ Никополю 5.000 изъ Видина, чрезъ Рахово и 10.000 изъ Софіи; по приближеніи этихъ колоннъ, вѣроятно, и Османъ сдѣлаетъ наступленіе къ Никополю. Опасенія эти, кажется, неосновательны; турки, вѣроятно, очень хорошо понимаютъ, что важно для нихъ не занять Никополь, а разбить нашу армію, и потомъ они очень хорошо знаютъ, что въ дѣлѣ наступленія на Никополь ихъ ожидаетъ полная неудача.

П. Д. Зотовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма Александра Николаевича Сѣрова къ Владиміру Васильевичу Стасову.

Еще въ 1875 г. Влад. Вас. Стасовъ помѣстилъ на страницахъ „Русск. Старины“ цѣлый рядъ писемъ къ нему Алекс. Ник. Сѣрова, въ предисловіи къ которымъ разсказалъ о дружбѣ своей съ Сѣровымъ, начавшейся еще въ Правовѣдѣніи; о тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ писались эти письма, касавшіяся почти исключительно вопросовъ искусства и, конечно, главнымъ образомъ, музыки; о трехъ періодахъ въ музыкальныхъ вкусахъ и взглядахъ Сѣрова, отразившихся въ этой перепискѣ, и наконецъ давалъ краткія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ *Юдиѳи*. Владиміръ Васильевичъ справедливо находилъ, что эти письма представляютъ собою документы величайшей важности для біографіи композитора и для выясненія его взглядовъ, стремленій и художнической личности, и потому такъ и озаглавилъ первый отдѣлъ этихъ писемъ, появившійся въ августовской книжкѣ „Русск. Старины“ 1875 г. и заключавшій письма 1840 года: *„Александръ Николаевичъ Сѣровъ. Матеріалы для его біографіи“*.

Въ 1876 и 1877 годахъ были напечатаны и позднѣйшія письма Сѣрова — съ 1841 по 1859 годъ. Всѣ они относились, во-первыхъ ко времени, когда оба молодые друга, будущій композиторъ и будущій писатель,—одинъ только-что кончившій Прововѣдѣніе, а другой еще не оставлявшій школьной скамьи,—переписывались, живя оба въ Петербургѣ, если почему-либо имъ нельзя было побесѣдовать устно, а во-вторыхъ ко времени жизни Сѣрова въ Симферополѣ. Печатаемыя нами нынѣ письма, точно также самимъ Влад. Вас. переданныя редакціи „Русск. Старины“ и снабженныя имъ собственноручными примѣчаніями, писались Сѣровымъ въ тѣ три года—съ 1851 по 1854,—которые Влад. Вас. провелъ за границей, сначала путешествуя по Германіи, Англіи, Франціи и Швейцаріи, а потомъ живя въ теченіе двухъ лѣтъ во Флоренціи и Римѣ. Только-что скончавшійся нынѣ критикъ исключилъ какъ изъ ранѣе помѣщенныхъ имъ, такъ и изъ теперь печатаемыхъ писемъ, лишь нѣкоторыя подробности, касавшіяся разныхъ интимныхъ семейныхъ отношеній, или лично до него относившихся, а потому, по его мнѣнію, неинтересныхъ для читателя, вопросовъ. Оригиналы были всѣ тогда же подарены имъ въ Императорскую Публичную Библіотеку. Не желая повторять теперь разныхъ объясненій и указаній, помѣщенныхъ Влад. Васильевичемъ въ примѣчаніяхъ къ напечатан-

нымъ ранѣе письмамъ, мы отсылаемъ всѣхъ интересующихся разными подробностями біографіи Сѣрова читателей къ книжкамъ „Русск. Старины“ за 1876 и 1877 годы [1]). Но мы не можемъ не обратить вниманія читателя на то, что печатаемыя нами теперь письма, какъ и всѣ прежнія, такъ же важны для характеристики получавшаго ихъ, какъ и того, кто ихъ писалъ. Личность друга Сѣрова ясно и живо рисуется въ нихъ, а какое значеніе его сужденія и индивидуальность имѣли для страстно въ тѣ годы искавшаго своей художественной дороги музыканта можно лучше всего видѣть изъ словъ одного изъ этихъ писемъ: „Тебя нѣтъ въ Петербургѣ,—съ кѣмъ же, скажи мнѣ я могу бесѣдовать о самомъ важномъ для меня—о всемъ, что всего меня наполняетъ?..„

В. К.

— — —

С.-Петербургъ, 12-го іюня 1851 г. Вторникъ.

Въ моей рабочей комнатѣ у васъ.

...Я все еще вижу тебя, какъ ты неподвижно стоишь на бортѣ своего „Прусскаго Орла“ (пароходъ въ Кронштадтъ), и глазами прощаешься со всѣми нами! Долго, долго смотрѣли мы, уплывающіе (назадъ въ Петербургъ) на твой пароходъ, хотя тебя давно уже не было видно—смотрѣли молча и грустно; наконецъ, и пароходъ вашъ исчезъ изъ глазъ, а разговоръ не начинался, всѣ сидѣли по уголкамъ и смотрѣли, кто на море, кто на палубу, кто никуда. Я и до сихъ поръ все еще полонъ этими минутами прощанья, и еще ни за что путемъ не могу приняться... Какъ странно сталкиваются обстоятельства моей жизни! Почему именно тогда получаю отъ М. П. прощальное письмо, когда и ты только что разлучился со мною. Почему непремѣнно нужно было, чтобъ мы и наше Тріо [2]) исполняли на трехъ разныхъ концахъ Европы, почему именно на это время распалась возможность и для другого нашего Тріо [3]). Странныя бываютъ совпаденія!.. Хотя я для тебя теперь и не на первомъ планѣ по кор-

---

[1]) См. „Русск. Старина“ *1875*, августъ: *Ал. Ник. Сѣровъ, Очеркъ его жизни и письма*“, октябрь: *„Ал. Ник. Сѣровъ, его замѣтки и письма о музыкѣ 1841—1842“*; ноябрь: *„А. Н. Сѣровъ, очерки и замѣтки о музыкѣ 1841—1842 г.“*.

1876—январь: *„А. Н. Сѣровъ, очерки и замѣтки о музыкѣ, 1842“*. февраль: *тоже—„1841 г.“* апрѣль, май, декабрь: *„Ал. Ник. Сѣровъ, бесѣды съ М. И. Глинкою объ его операхъ 1842—43 г.“*.

1877—январь: *„Очерки, замѣтки о музыкѣ Ал. Н. Сѣрова“*; февраль — тоже; мартъ: *„Ал. Ник. Сѣровъ, его очерки и замѣтки, 1846“*, апрѣль—*тоже* съ *1846—47*; май:—*тоже*, съ 1847—48; октябрь *тоже*, съ 1852—55; ноябрь *тоже*, съ 1853—59 г. Въ этой книжкѣ помѣщены письма Сѣрова къ *Д. В.* Стасову 1853—54 г., къ *В. В.* Стасову 1857 г. и къ М. П. Анастасьевой 1859 г, сообщенныя и снабженныя примѣчаніями Влад. Вас., какъ и всѣ предыдущія.

[2]) Т. е. Сѣровъ, В. В. Стасовъ и М. П. Анастасьева.

[3]) А. Н. Сѣровъ, его сестра Софья Николаевна и я. *В. С.*

респонденціи и по многому другому, но все же и второй планъ мѣсто довольно важное, и я разсчитываю на большія наслажденія по случаю заграничной почты...

С.-Петербургъ. 28-го іюня (12-го іюля) 1851 г.

...Теперь, когда ты уже уѣхалъ и я пишу тебѣ—во Флоренцію—мое переселеніе къ тебѣ—кажется мнѣ какимъ-то рѣшительно неисполнимымъ воздушнымъ замкомъ. Мнѣ никогда (въ такого рода дѣлахъ) ничто не удается такъ легко и по моему, какъ тебѣ—оттого я почти увѣренъ, что еслибъ и случилась какая-нибудь хорошая оказія, „une grosse occasion", мнѣ не придется ею воспользоваться — по усамъ потечетъ, а въ ротъ не попадетъ!

Между тѣмъ — вѣдь это наконецъ смѣшно! Малому 31 годъ, малый не безъ способности—а что сдѣлалъ—и NB.—могъ ли что-нибудь сдѣлать при такой дурацкой обстановкѣ всей жизни... Еслибъ ты могъ на одну секунду войти въ меня, ты удивился бы, какъ сильна во мнѣ жажда дѣлать и дѣлать,—но не для портфеля только, а чтобъ была работа и потомъ исполнялась бы какъ слѣдуетъ, а то иначе—безъ всякаго учета, безъ всякой отвѣтственности—все будетъ только довольно пустыми аматерскими попытками или, пожалуй, и полезными, но чисто кабинетными упражненіями. А мнѣ не то бы теперь нужно. Такъ какъ съ Сухотинымъ [1]) разстроилось (да и предпріятіе-то само по себѣ слишкомъ трудное—на Александринскомъ театрѣ никогда не дадутъ сколько-нибудь путныхъ хоровъ, а тутъ все дѣло въ нихъ)—я придумалъ (съ отчаянія) кое-что другое—чтобы пустить на сцену непремѣнно прежде „Майской ночи" [2]) (для которой рѣшительно нѣтъ пѣвицы)... Ну, я думаю, я тебѣ порядочно надоѣлъ этими дѣлами—которыя теперь для тебя такъ далеки... Гдѣ-то ты теперь (когда я пишу это)? — въ Парижѣ вѣрно. Сколько ты уже видѣлъ и слышалъ—чего мнѣ, быть можетъ, долго, а быть можетъ и никогда не придется слышать и видѣть!—Ты меня жестоко разлакомилъ, въ берлинскомъ письмѣ—описаніемъ Зоологическаго сада; ты знаешь, какъ я люблю эти вещи!—сколько разъ я тебѣ поручалъ за меня полюбоваться Jardin des Plantes (по свойственной тебѣ иногда замашкѣ, ты, пожалуй, не припомнишь этого порученія, и скажешь, что это я избрѣлъ для случая—но это было и именно не разъ). Очень бы хотѣлось мнѣ, чтобы ты вздумалъ написать ко мнѣ

---

[1]) Либреттистъ Сѣрова. *В. С.*

[2]) Въ концѣ 40-хъ годовъ А. Н. Сѣровъ оставилъ писаніе „Мельничиха въ Марли" и принялся за сочиненіе оперы „Майская ночь", на сюжетъ Гоголя *В. С.*

именно изъ Парижа.—Твое берлинское письмо имѣло для меня чрезвычайную важность. Видѣть чужіе края твоими глазами—для меня совершенно то же, что я бы и самъ видѣлъ, а въ немногихъ строчкахъ съумѣлъ дать лучше понятіе о многомъ, чѣмъ всѣ печатныя письма туристовъ, въ которыхъ вѣчно говорится обо всемъ на свѣтѣ, только кромѣ того, что именно нужно сказать.—Я надѣюсь, что при случаѣ ты исполнишь свое обѣщаніе, пришлешь мнѣ, кромѣ письма, что-нибудь и для печати. Это было бы очень недурно—а черезъ меня пошло бы непремѣнно въ ходъ. Я теперь въ большихъ ладахъ съ редакціями „Библіотеки“ и „Современника“. Для „Библіотеки“ накаталъ большую статью о Спонтини и то еще не дошелъ до разбора его оперъ. 2-я статья будетъ вся въ этомъ разборѣ. Но чтобъ его чортъ побралъ съ его дурацкими операми! Ты и представить себѣ не можешь, до какой степени онъ плохъ! А между тѣмъ его величали „princeps tragoediae lyricae“ и когда же?—послѣ Глюка!!!—Надняхъ повидаюсь съ Сенковскимъ, чтобъ абонировать себѣ мѣсто въ „Наукахъ и Художествахъ“ „Библіотеки“ на всѣ осенніе и зимніе мѣсяцы этого года для статей о фортепіанной музыкѣ (до-Бетховенской, Бетховенской и Листа). Сенковскій, какъ тебѣ извѣстно, страстный почитатель Листа и собралъ о немъ много очень интересныхъ данностей, не говоря уже о томъ, что у жены его есть все написанное Листомъ (Свѣдѣнія эти мнѣ сообщилъ, конечно, не кто иной, какъ ищейка, который недавно написалъ преплохую статейку о „Пропилеяхъ“). *А. С.*

С.-Петербургъ, 16 августа (28 августа) 1851 г.

...Прочти (если еще не читалъ) статью Берліоза о „Zauberflöte“ въ „Débats“, 12 августа. Онъ тутъ, по обыкновенію, много вретъ (напр., что въ партіи Тамино всего только: одна арія, одинъ дуэтъ (?) и одинъ квинтетъ,—а куда-жъ дѣвался другой квинтетъ (g), терцетъ (B) и порядочная доза участія въ интродукціи и обоихъ финалахъ?)—Есть и другіе промахи,—но общій выводъ статьи почти совсѣмъ согласенъ съ твоимъ результатомъ — видно, что Берліозъ только по личнымъ отношеніямъ не ругаетъ Маріо и Гризи. О музыкѣ „Zauberflöte“ Берліозъ говоритъ въ этомъ фельетонѣ лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь говорилъ о Моцартѣ. Музыкальный характеръ Зарастра вызвалъ въ немъ чудесныя строчки (не хуже тѣхъ, которыя иногда удавались ему по случаю Глюка или Бетховена). Потомъ онъ дѣлаетъ много куріозныхъ замѣтокъ и презабавно трунитъ надъ Шиканедеромъ [1]) и надъ Костою.—Итакъ, вопросъ, который мы столько тысячъ

[1]) Либретистъ „Волшебной флейты“.

разъ задавали себѣ, вопросъ о сценичности музыки „Zauberflöte“ вообще и ея оркестровкѣ въ особенности, теперь для насъ рѣшенъ и идеаломъ оперной музыки остается одна „Zauberflöte“ (потому что ея стиль настолько отличенъ отъ стиля „Фигаро“ или „Донъ-Жуана“, что если одно совсѣмъ хорошо, то другое, при всей красотѣ, при всей безподобности, все еще не высшее). Я очень доволенъ, что именно къ этому времени, когда я получилъ твои замѣчанія объ оркестрѣ „Zauberflöte“, пріѣхала и партитура ея изъ Крыма. Ее привезъ мнѣ (также и 2-ю мессу Бетховена) самъ Бакунинъ[1]). Все это время я долженъ былъ бывать съ нимъ въ разныхъ мѣстахъ (напр. два дня назадъ мы были въ музеѣ Эрмитажа, за день до того въ Царскомъ, у твоихъ и т. д.). Отъ того я не собрался такъ скоро отвѣтить тебѣ, какъ бы мнѣ хотѣлось.—Музеемъ я страшно недоволенъ, и нахожу, что ты еще мало ругалъ его. Кромѣ всего прочаго, вообрази, что „Помпею“ Брюлова поставили такъ, что ее ни откуда видѣть нельзя! Я просто до сихъ поръ не могу въ себя прійти отъ досады, когда подумаю о такомъ вандальствѣ. О чемъ же они думали, сооружая пестрыя великолѣпія!—Бакунинъ въ пластическомъ искусствѣ почти ничего не понимаетъ и, конечно, всѣмъ доволенъ.

Угощалъ я его и музыкой. Вотъ тутъ (какъ ты уже знаешь) онъ кое-что смыслитъ и судитъ дѣльно, только до пониманія „второй мессы“ и послѣднихъ квартетовъ Бетховена еще не поднялся. А отъ увертюры (op. 124), фантазіи съ хоромъ и 9 симфоніи (все это ему игралось въ 4 руки) онъ чуть съ ума не сошелъ. — Отчего жъ тѣхъ-то вещей онъ не раскусываетъ—вѣдь кажется 9-я симфонія въ близкомъ родствѣ съ тѣми формами?—Недавно мнѣ случилось читать одну рецензію въ Cäcilia (журналъ Gotfried'a Weber'a), гдѣ кто-то довольно по-нашему смотритъ на 2-ю мессу и 9-ю симфонію. При разборѣ мессы встрѣтились даже выраженія наши: напр., что передъ фугой „Et in vitam“ отворяются врата царства небеснаго, что послѣ прелюдіи „Benedictus“ ангелъ спускается и т. д. Это мнѣ было очень пріятно встрѣтить. Чтобъ закончить чѣмъ-нибудь особенно утѣшительнымъ для меня самого (если не для тебя), скажу тебѣ, что къ „Майской ночи“ (если ты еще помнишь о ней) прибавился одинъ дуэтъ (при тебѣ чуть-чуть начатый, B-moll) и я имъ совсѣмъ доволенъ, что со мною теперь встрѣчается рѣже и рѣже. Бакунинъ нашелъ, что этотъ дуэтъ нисколько не уступаетъ ни „балладѣ“, ни „молитвѣ“ и нашелъ во мнѣ большіе успѣхи.

---

[1]) Алексѣй Александровичъ—братъ Михаила Александровича.

С.-Петербургъ. Берега Литовки, 31 августа (12 сентября) 1851 г.

Пишу къ тебѣ въ самомъ противномъ расположеніи духа, которое началось еще вчера въ день моихъ именинъ, быть можетъ вслѣдствіе отвратительной петербургской погоды! На тебя климатъ не имѣетъ такого сильнаго вліянія... Мнѣ надобно быть очень сильно заинтересовану чѣмъ-нибудь, чтобъ не быть подъ вліяніемъ этого кислаго неба, сонливаго воздуха, а такъ какъ сегодня именно, и вообще нынче, къ несчастію, довольно часто, я въ самомъ безцвѣтномъ состояніи, поэтому принужденъ ждать толчковъ и вліяній извнѣ и бѣшусь на климатъ, который только усиливаетъ во мнѣ и безъ того кислое настроеніе... Ты знаешь, какъ мнѣ нужно одобреніе и поощреніе со стороны самыхъ близкихъ мнѣ людей (въ разумѣніи и толкѣ которыхъ я увѣренъ)—теперь, за отсутствіемъ тебя и М. П., у меня нѣтъ никого такихъ—и оттого, еслибъ не маленькая надежда, которую мнѣ М. П. подала въ послѣднихъ письмахъ, что, быть можетъ, пріѣдетъ въ Петербургъ этой зимой, я крѣпко бы отчаялся и за „Майскую ночь“ и за себя вообще. Повѣришь ли ты, что въ Симферополѣ я былъ съ нѣкоторой стороны несравненно лучше поставленъ, чѣмъ теперь въ Петербургѣ! Тамъ, кромѣ М. П., у меня былъ судъ Бакунина (если не столько строгій—вѣрный, какъ твои приговоры, однако гораздо построже и поглубже суда напр., Х., который, конечно, хорошо вбираетъ въ себя все, что я ему даю, и оттого весьма мнѣ пріятенъ, но не можетъ дать мнѣ никакого новаго толчка)—и кромѣ Бакунина у меня подъ рукою былъ музыкантъ нѣмецъ, вродѣ Гунке[1]) (меньше, впрочемъ, знающій теоретическую часть) онъ же весьма хорошій скрипачъ. Не весело сочинять, когда не знаешь, когда и какъ это будетъ исполнено, а сочинять для себя только, для одного ф. п.—тоже не хочется, потому что этого, при теперешнемъ моемъ развитіи, какъ-то мало мнѣ кажется (я очень хорошо знаю, что ты можешь на это сказать—напр. Бетховенскія сонаты для одного ф. п.,—но онъ и самъ прежде всего писалъ не для одного ф. п. а и разные тріо и т. п.—ужъ если позволено (между нами) съ какой-нибудь стороны подмѣтить параллель съ такимъ!). Наконецъ, à part tout cela, вѣдь нельзя же всю жизнь, все время проводить въ одной музыкѣ, а мнѣ кромѣ нея, чтенія и разговоровъ семейныхъ, да писемъ, ничего не осталось на все это время! Играешь, играешь, читаешь, читаешь, пишешь, пишешь,—наконецъ вѣдь тоска возьметъ, это все-таки во многомъ похоже на жизнь монастырскую или арестантскую!

---

[1]) Музыкантъ и преподаватель теоріи музыки. *В. С.*

Не знаю, что будетъ изъ твоей заграничной жизни теперь, когда ты уже на мѣстѣ, и—не въ Парижѣ, — а въ довольно отсталой во многомъ Италіи, только до сихъ поръ ты знатно пользовался своимъ вояжемъ, и я, признаюсь, крѣпко тебѣ завидовалъ. Ты согласишься, что все хорошее, безподобное, тобою уже видѣнное и слышанное, не менѣе бы сильно дѣйствовало и на меня: значитъ, въ моей жизни теперь уже очень много минусовъ—противъ твоихъ плюсовъ, и, пожалуй, что мнѣ не придется догнать тебя! Вотъ отчего я и завидовалъ! Хотя я и говорю другимъ, и въ самомъ дѣлѣ такъ считаю, что мои глаза и уши теперь за границей (изъ этого ты можешь судить какую важность имѣютъ для меня твои письма всѣ—каждыя строчки, и какъ я ихъ впиваю въ себя)—тѣмъ не менѣе, хотѣлось бы самому вездѣ побывать. Особенно въ Парижѣ, въ Швейцаріи и Италіи!

Твои „путевыя замѣтки“ дороже для меня всякихъ на свѣтѣ книгъ о чужихъ краяхъ, изъ которыхъ, по большей части, и сотой доли всего ихъ содержанія не найдешь для себя интереснымъ, да и то, что интересно, все передано навыворотъ,—а какъ и ты безпрестанно замѣчаешь, о милліонахъ самыхъ интересныхъ и „назидательныхъ“ вещей никто ни словомъ не упомянетъ. — Твоя мысль о растительности швейцарской природы вѣрна до крайности,—и для меня была тѣмъ поразительнѣе и вмѣстѣ пріятнѣе, что я самъ точно то же думалъ по случаю лѣсовъ на крымскихъ горахъ,—которыя, впрочемъ, какъ ты знаешь, и въ сравненіи съ Альпами идти не должны. А что касается до огромныхъ рѣкъ между горами, то ихъ, я думаю, нигдѣ не надо искать иначе, какъ въ Америкѣ (гдѣ ты, можетъ быть, ихъ и увидишь со временемъ; путешествіе то тебѣ полюбится). Вообще ты о Швейцаріи, хотя немного (вѣроятно, на первый разъ), но славно написалъ, а о Парижѣ еще черезчуръ мало, такъ что только разлакомилъ на дальнѣйшее. Съ большимъ нетерпѣніемъ жду обѣщаннаго (въ письмѣ къ мамѣ) большого посланія себѣ, вѣроятно, съ многими строчками о Rachel и Sonntag.—Я положилъ было себѣ за правило: не предаваться мученіямъ бабьей какой-то ревности по случаю твоихъ писемъ, но не могу здѣсь, при случаѣ, не высказать, что мнѣ довольно больно было, что кто-то на столько сдвинулъ меня съ первыхъ плановъ въ отношеніи тебя, что тебѣ даже ни разу не пришло въ голову пожалѣть, что меня не было около тебя, когда ты наслаждался Рашелью, Зонтагъ или „Волшебной флейтой“!! Не пришло въ голову, именно, меня пожелать себѣ сосѣдомъ, когда тебѣ хотѣлось крѣпко ругнуть „подлеца Мейербера и его подлое порожденіе“.—Тебѣ, вообще, какъ я вижу изъ всѣхъ твоихъ писемъ, я еще ни разу не понадобился, по выѣздѣ твоемъ изъ Россіи, да и писать-то ты ко мнѣ вздумалъ

изъ Лондона больше всего потому, что хотѣлось черезъ меня отправить письмецо къ извѣстной особѣ... Ce sont des mesquineries presqu' indignes de nos relations—все это я знаю,—но... тѣмъ не менѣе досадно и больно...

На-дняхъ мнѣ попались въ руки варіаціи Бетховена (33 Veränderungen") на вальсъ Діабелли,—которыя я прежде никогда не видалъ. Это op. 120, слѣд., изъ самаго послѣдняго времени, и какъ во всѣхъ той эпохи его вещахъ смѣлость и новизна формы „уму непостижимая"—богатство мысли изумительное—и какъ будто совсѣмъ новый, одному Бетховену вполнѣ доступный музыкальный языкъ. Чего только нѣтъ въ этихъ ф.-піанныхъ варіаціяхъ на простенькую (но красивую и богатую) тему! И маршъ, и fughetta и большая фуга, и—alla „Notte e giorno faticar" [1])—и безчисленные миноры—иные точно Adagio или Andante изъ послѣднихъ квартетовъ, и Largo и Menuetto grazioso—весь въ фіоритурахъ и мелизмахъ, и бездна вещей, которымъ и названія нѣтъ! Постарайся достать себѣ эти варіаціи. Есть что поиграть (хотя иное черезчуръ трудно).

По случаю слышанной тобой „Zauberflöte" [2]) мнѣ хотѣлось бы узнать отъ тебя были ли въ оркестрѣ Косты „corni di bassetto", или вмѣсто нихъ простые кларнеты (что, впрочемъ совсѣмъ противъ намѣренія Моцарта, который не даромъ же написалъ тутъ бассетгорны, т. е. альты кларнетовъ и при томъ voilés)—въ 1-мъ финалѣ съ того мѣста, гдѣ Памина преклоняетъ колѣна предъ Зарастромъ и до конца. Во 2-мъ актѣ, въ маршѣ жрецовъ и аріи Зарастра съ хоромъ.—Zauberflöte у меня теперь подъ рукой (Бакунинъ привезъ ее), и я съ новой точки зрѣнія просмотрѣлъ чудеса этой партитуры. Слышанныя мною въ нынѣшнемъ году вещи въ оркестрѣ чрезвычайно подвинули мое пониманіе оркестра, такъ что многое въ Мессѣ 2-й и въ 9-й симфоніи мнѣ уже по первому взгляду партитуры совсѣмъ иначе противъ прежняго представляется. Послѣднее время я довольно пристально трудился надъ своей оперой, и если Бакунинъ (въ Москвѣ) согласится кое-что поправить и придѣлать въ текстѣ, какъ можно скорѣй,—то надѣюсь къ концу года покончить все съ партитурою („Майской ночи") [3]). А теперь, говорятъ, дирекція наша очень расположена принять русскія оперы, лишь бы постановка не требовала большихъ расходовъ (Рубинштейну, именно по этому отказали).

---

[1]) Такъ и заглавіе этой варіаціи самимъ Б. написано. Т. е. на подобіе аріи Лепорелло, въ самомъ началѣ оперы Моцарта „Д. Жуанъ". *В. С.*

[2]) Въ Лондонѣ.

[3]) Опера „Майская ночь" никогда не была кончена, и первая опера Сѣрова появилась на свѣтъ лишь спустя 12 лѣтъ послѣ настоящаго письма, въ 1863 г. Это была „Юдиѳь". *В. С.*

Всякій разъ, когда я пишу тебѣ о своихъ трудахъ (а это не рѣдко случается), мнѣ приходитъ въ голову, что, быть можетъ, и тебя—теперь все это мало интересуетъ.

С.-Петербургъ, 6 сентября (18 сентября) 1851 г.

Сейчасъ только получилъ я дорогое твое письмо (2-е изъ чужихъ краевъ) изъ Флоренціи, и хочу тотчасъ же отвѣчать на него хоть нѣсколькими строчками. До сихъ поръ я все считалъ тебя виноватымъ передъ собою, а выходитъ, что виноватъ-то я! Ты имѣешь полное право упрекать меня въ нѣкоторой „кисловатости“ моихъ писемъ къ тебѣ за границу,—и не будь въ нихъ довольно ясно выражена моя „ревность“ по случаю твоихъ писемъ къ другимъ (что, конечно, чрезвычайно глупо съ моей стороны, особенно по случаю „Сандши“... но, въ аффектѣ, человѣку разсуждать трудновато), я думаю, что эти письма мои не могли доставить тебѣ почти никакого особеннаго удовольствія—что читалъ, что не читалъ!—даже досадно, что я ихъ отправилъ къ тебѣ! — Не такъ было со мной по случаю твоего нынѣшняго письма! Два раза оно вызывало во мнѣ даже слезы что, конечно, я отчасти долженъ приписать и постоянно напряженному, постоянно раздраженному моему нынѣшнему состоянію, — все благодаря моему совершенному сиротству. На этотъ разъ тебѣ не нужно дѣлать никакого втягиванія меня въ чувство досады и боли по случаю твоего отсутствія! Эта боль — мое почти нормальное состояніе. Ты слишкомъ хорошо знаешь всѣхъ, кто меня окружаетъ, и мои отношенія къ каждому изъ этихъ лицъ — и между тѣмъ еще ты спрашиваешь, вспоминаю ли я о тебѣ?—Чувствую ли твое отсутствіе?? и вѣрно это случается со мною не только по случаю неиграніа въ 4 руки!! Мало ли въ чемъ я осиротѣлъ безъ тебя!

Тебя нѣтъ въ Петербургѣ,—съ кѣмъ же, скажи мнѣ, я могу бесѣдовать о самомъ важномъ для меня—о всемъ, что всего меня наполняетъ? Конечно, я большую часть своего времени занятъ своимъ любимымъ дѣломъ (къ которому пристращаюсь болѣе и болѣе чуть не съ каждымъ днемъ)—конечно, нѣмецкая или полу-нѣмецкая натурка моя и не требуетъ такъ настоятельно всего, что для тебя, напримѣръ, было бы первѣйшею необходимостью,—конечно, за работой я почти ни о чемъ и ни о комъ не думаю; но вѣдь нельзя же все время работать — а при первой свободной отъ работы минутѣ явится желаніе сообщительности, требованіе живой, теплой, умной бесѣды о самыхъ близкихъ, животрепещущихъ предметахъ, — а не тутъ-то было! Объ этомъ обо всемъ рѣшительно не съ кѣмъ слова перемолвить — точь-въ-точь какъ и тебѣ—въ твоей провинціальной жизни! [1]) — Иногда

[1]) Во Флоренціи. *В. С.*

это всегдашнее уединеніе, всегдашнее сосредоточеніе въ себѣ наводитъ на меня какое-то уныніе, о которомъ я прежде и понятія не имѣлъ, и я буду всѣми мѣрами стараться, чтобъ хоть внѣшнимъ образомъ разсѣиваться, буду искать знакомствъ, хотя мнѣ это страшно тяжело, потому что съ этимъ такъ много соединено всякой всячины, къ которой я никогда не привыкну, и гдѣ на каждомъ шагу мнѣ нужно будетъ бороться съ своею лѣнью — но я уже рѣшился не упускать никакого случая видаться и болтать хоть съ полу—хоть съ $^1/_4$ понимающими людьми. Двое изъ такихъ ищутъ сами сближенія со мной: Даргомыжскій и Ленцъ. — Все это — такъ мало интересное для тебя—я тебѣ сообщаю единственно для того, чтобъ ты видѣлъ за какія соломинки я долженъ безъ тебя хвататься! Это вродѣ твоего игранія въ 4 руки съ Делеромъ, пріятныхъ часовъ, проводимыхъ за музыкою—Верди!!—Нѣтъ, теперь бы меня не заманили на житье-бытье въ Крымъ или какую-нибудь другую глушь!—Здѣсь, въ Петербургѣ, мнѣ предстоитъ, по крайней мѣрѣ, смѣна самыхъ разнородныхъ впечатлѣній (не говоря уже о томъ, что я слышу многія вещи въ самомъ лучшемъ ихъ видѣ), что хоть нѣсколько спасетъ меня отъ этого унынія, которое очень легко можетъ превратиться въ апатію ко всѣмъ и ко всему. Еще разъ благословляю судьбу, что поселила во мнѣ такую сильную любовь, такое непреодолимое влеченіе къ искусству, что я за нимъ забываю все на свѣтѣ, иначе, мнѣ кажется, я могъ бы съ ума сойти отъ этой проклятой апатіи!

Ты не повѣришь, какъ мнѣ было отрадно читать все, что ты написалъ мнѣ по случаю „Молитвы“ моей, отысканной тобою. Какъ мнѣ пріятно теперь написать тебѣ, что эта „Молитва“ не чудомъ и не случайно залетѣла въ Италію—а нарочно, мною самимъ положена въ твои ноты, наканунѣ твоего отъѣзда. Я очень доволенъ, что эффектъ вышелъ еще лучше, чѣмъ я разсчитывалъ!—А какъ въ самомъ дѣлѣ сильно въ музыкѣ это ея чудное свойство,—какъ запахъ прошедшаго, разомъ вызывать въ душѣ при первыхъ звукахъ—все прожитое нами въ то время, какъ мы въ первый разъ или особенно часто слушали эти звуки! Какой, между прочимъ, это рессурсъ для драматическаго композитора эти „воспоминанія“, кстати употребленныя (напримѣръ, въ операѣ „Cosi fan tutte“ Моцарта, при развязкѣ, въ IX симфоніи въ финалѣ). Если ты, кромѣ ближайшихъ, самыхъ интересныхъ своихъ дѣлъ, вспоминалъ и обо всѣхъ нашихъ тогдашнихъ разговорахъ, во дни репетицій концерта, ты не забылъ вѣрно, какъ часто у насъ тогда была рѣчь о твоемъ „будущемъ“ житьѣ въ Италіи и о „красныхъ корсетахъ“. Теперь это будущее для тебя настоящее, и что жъ? ты ругаешь итальянокъ напропалую?! Вотъ этого бы я никакъ не ожидалъ отъ Флоренціи! Неужели только въ

Римѣ итальянки настоящія, брюловскія, байроновскія итальянки, да и то еще только съ пластической стороны! Значитъ, для женщины лучше нѣтъ житья, какъ въ Парижѣ.

Когда еще разъ побываешь тамъ, да въ самый разгаръ парижской жизни! Надо тебѣ сказать, что ты пишешь изъ-за границы лихо, и, какъ я уже тебѣ сообщалъ, мнѣ каждая твоя строчка все равно въ общихъ или частныхъ ко мнѣ письмахъ, дороже цѣлыхъ длинныхъ статей какого-нибудь описанія того или другого города, или картины природы, такъ я себѣ, по твоимъ словамъ, живо представляю все, о чемъ ты говоришь; одного только я не могу себѣ живо представить, это—чада, опьяненія парижской уличной жизни; не могу себѣ представить себя среди такой жизни и, какъ бы на меня подѣйствовало это опьяненіе, потому что въ этомъ случаѣ между нами двумя огромная разница: во мнѣ и сотой доли нѣтъ твоей воспламеняемости и этой вѣчной жажды женскаго присутствія, женскаго общества. Отъ этого, вѣроятно, на меня бы парижская бульварная жизнь далеко не имѣла бы того опьяняющаго дѣйствія, какъ на тебя, и мнѣ многое бы совсѣмъ иначе представилось.

Понедѣльникъ, 10 сентября (22 сентября) 1851 г.

На счетъ подробностей твоего путешествія я еще очень, очень много жду отъ тебя. Напримѣръ, ты вѣдь напишешь же мнѣ, какое впечатлѣніе произвелъ на тебя парижскій „Jardin des Plantes“, напишешь мнѣ много о Rachel и Sonntag, по обѣщанію; быть можетъ, напишешь еще хоть немного о Рейнѣ и Швейцаріи, не говоря уже о музыкальныхъ замѣткахъ, которыя ты нарочно припасъ для меня по случаю Fidelio, Figaro, Zauberflöte... Такъ какъ ты любишь всякія мельчайшія подробности, то скажу тебѣ, что въ шкафу, съ зеленой тафтой, въ моей комнатѣ (дома) около моей кушетки хранится теперь только три партитуры „Zauberflöte“, „2-я месса“ и „9-ая симфонія“, т. е. nec plus ultra всей существующей музыки. И, Боже мой, что за чудеса я тамъ открываю съ каждымъ разомъ, какъ разверну diese Zauberbücher!.. На этомъ, впрочемъ, почти учиться нельзя, такъ недосягаемо высоко это стоитъ. Это уже все конечные результаты всей артистической дѣятельности Моцарта и Бетховена, сколько прошло въ ихъ головѣ прежде этого, сколько было предварительной работы покамѣстъ выработались такія формы. Но стремиться къ нимъ все-таки обязанность каждаго, кто чувствуетъ въ себѣ сколько-нибудь истинныхъ творческихъ силъ. Думаю, что не совсѣмъ не интересно для тебя будетъ и слѣдующее, собственно до моихъ дѣлъ касающееся. Въ субботу вечеромъ былъ у меня старикъ Гунке (по моему приглаше-

нію) и прослушалъ много изъ того, что я сдѣлалъ (не забудь, что онъ и блаженной памяти Zauberinn и F-dur—ной фуги, ничего моего не видалъ). Въ Сонатѣ онъ особенно похвалилъ 1-ю часть и менуэтъ, въ финалѣ „слишкомъ много добра“ (его выраженіе), въ Andante (во 2-й части) einige grelle Modulationen schaden der Vollkommenheit des Ganzen (то же вѣдь и ты замѣчалъ), отъ всѣхъ номеровъ оперы, которые я ему игралъ, онъ въ восхищеніи (сколько онъ можетъ восхищаться), и желаетъ мнѣ только добрыхъ исполнителей, тогда успѣхъ будетъ „несомнѣнный“. Случилось такъ, что сегодня утромъ я былъ у Даргомыжскаго и, по желанію его, приносилъ къ нему кое-что изъ оперы (Я у него былъ въ субботу утромъ безъ нотъ, такъ, просто поболтать, и онъ условился со мною на понедѣльникъ), а именно: „Серенаду“ (новую, гораздо лучше той, что была при тебѣ), новый „Дуэтъ“ (B moll), котораго начало ты слышалъ, арію „Головы“, пѣсню „Хлопцевъ“ и „Молитву“. Кромѣ того, познакомилъ его предварительно съ текстомъ оперы. Вотъ его сужденіе: Vous êtes sur une excellente route; il ne vous manque qu'un peu d'expérience et personne ne peut vous guider—работайте, работайте и очень скоро освободитесь отъ нѣкоторыхъ юношескихъ преувеличеній въ контрапунктической разработкѣ и модуляціяхъ“ (знаешь мои вѣчные десы и гесы, отъ которыхъ мнѣ и до сихъ поръ трудно освободиться при обработкѣ мысли), „въ васъ много школы; сейчасъ видно, сколько вы сидѣли надъ „стариками“, теперь, по моему мнѣнію, вамъ надо больше всего заботиться о мелодической сторонѣ, а никакъ не о гармонической, въ которой преизбытокъ нѣмцевъ, пока отложите въ сторону“.—Нельзя не замѣтить, что въ этомъ сужденіи много правды, вѣдь это почти все то же, о чемъ мы съ тобой послѣднее время говорили (особенно по случаю Тріо и мн. др.). Въ заключеніе Даргомыжскій сказалъ мнѣ, что, какъ ему кажется, изъ всѣхъ, кто въ Петербургѣ пишетъ оперы (не исключая его самого и Рубинштейна) я одинъ могу сдѣлать что-нибудь совсѣмъ путное и даже имѣть успѣхъ. Такой откровенности въ судѣ я никакъ не ожидалъ отъ Даргомыжсааго, который, какъ мнѣ казалось, такъ много о себѣ думаетъ. Во всякомъ случаѣ, все это не можетъ быть мнѣ непріятно. Понравилась Даргомыжскому всего больше, какъ ты думаешь, что? Новая серенада, быть можетъ, потому, что нѣсколько романсообразна.

Сообщилъ **В. В. Стасовъ**.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

ОЧЕРКИ ЖИЗНИ и СЛУЖБЫ.

I.

Деревенскіе церковные приходы.

Въ 1870-мъ году, пріобрѣтя покупкой одно изъ заброшенныхъ дворянскихъ гнѣздъ, въ южной части московскаго промышленнаго района, я жилъ въ Москвѣ и могъ наѣзжать въ купленную усадьбу только лѣтомъ и при томъ на короткое время. О деревенской жизни я имѣлъ очень смутное представленіе; но очень интересовался ею и потому, пріѣхавъ въ деревню на іюнь 1871 года, съ большимъ любопытствомъ всматривался во все окружающее, (мое небольшое имѣніе) охотно бесѣдовалъ съ крестьянами, бывшими крѣпостными людьми прежняго владѣльца имѣнія, и разспрашивалъ ихъ о прежней ихъ жизни и о томъ, какъ живется послѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Первое впечатлѣніе было очень не благопріятное. Меня поразило убожество обстановки моихъ сосѣдей, бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, поголовно безграмотныхъ и дурно устроенныхъ въ земельномъ отношеніи. Другіе сосѣди, бывшіе государственные крестьяне села Дашкова, были устроены въ земельномъ отношеніи получше, но и тамъ царила безграмотность и мракъ невѣжества.

— Гдѣ же наша приходская церковь?—спросилъ я старика сосѣда крестьянина.

— А село Лабаново!

— Гдѣ же это?

— Верстъ восемь отъ насъ. Вотъ Дашковская церковь, всего двѣ версты отъ насъ, а чужая. Къ обѣднѣ въ Дашково ходимъ; а попа съ святыней изъ Лабанова принимаемъ.

Отъ того же старика я узналъ, что въ нашемъ Лабановскомъ приходѣ много помѣщиковъ; но уже нѣкоторые изъ нихъ продали свои имѣнія нѣмцамъ; или опустошили, продавъ лѣса на вырубъ, а усадебныя постройки на сносъ.

Все это представляло поразительную противоположность съ тѣмъ, что я видѣлъ въ 1866—1869 годахъ, въ Сѣверо-западномъ краѣ, въ бытность тамъ мировымъ посредникомъ. Тамъ помѣщики (не обязанные продать свои имѣнія въ двухъ годичный срокъ за участіе въ мятежѣ) крѣпко держались за землю, не взирая на всѣ тягости. Тягости эти, парализовавшія помѣщичье хозяйство, были слѣдующія: 1) прекращеніе всякихъ отношеній между помѣщиками и ихъ бывшими крѣпостными людьми съ 1-го мая 1863 г. [1]). 2) Сервитуты пастбищные 3) ужасная черезполосность владѣній; 4) контрибуція за мятежъ; 5) плохое чиновничье управленіе пришлыхъ людей совершенно незнакомыхъ съ краемъ и его нуждами; 6) слишкомъ поспѣшныя и потому вредныя для помѣщиковъ дѣйствія повѣрочныхъ комиссій, провѣрявшихъ панскія уставныя грамоты и не щадившихъ помѣщичьихъ земель при надѣленіи землею крестьянъ безземельныхъ.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ я купилъ имѣніе, конечно, ничего подобнаго не было; а между тѣмъ многіе помѣщики россіяне не удержались на землѣ...

Изъ разспросовъ бывшихъ помѣщичьихъ и бывшихъ государственныхъ крестьянъ выяснилось, что въ числѣ сельскихъ служащихъ, т. е. должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія, значатся церковные старосты, просвирни, и по два сторожа на каждую церковь, и что всѣ эти лица получаютъ жалованіе изъ сельскихъ мірскихъ сборовъ, а помѣщики не участвуютъ въ этихъ расходахъ.

Въ 1883-мъ году я перебрался въ деревню на постоянное жительство и познакомился съ нашимъ приходскимъ священникомъ, многосемейнымъ отцомъ Петромъ. Оказалось, что дьякона онъ не имѣетъ, потому что доходовъ съ прихода едва хватаетъ для содержанія его семьи и семьи псаломщика.

На мой вопросъ, бываютъ ли церковно-приходскія сходки, отецъ Петръ какъ-то странно вытаращилъ глаза и сказалъ:

— Кого же приглашать-то на эти сходки? Мужское населеніе крестьянское большую часть года проживаетъ на сторонѣ, въ заработкахъ. А изъ господъ помѣщиковъ—кои побросали свои усадьбы и уѣхали; кои продали имѣнія нѣмцамъ.

[1]) По распоряженію М. Н. Муравьева съ 1-го мая 1863 г. всѣ помѣщичьи крестьяне были переведены на оброкъ, и деньги вносились въ казначейства непосредственно.

— Что же эти иновѣрцы жертвуютъ что-нибудь на церковь?

— Какъ же! — засмѣялся отецъ Петръ — бывшій здѣшній предводитель, вотъ что губернаторомъ посаженъ въ Е—ую губернію, получивъ вторую звѣзду, перерѣзалъ пополамъ ленту отъ первой звѣзды, Станиславскую, и прислалъ половину мнѣ и половину отцу Матвѣю. Вотъ вамъ и пожертвованія!

— Что же это значитъ?

— Его имѣніе въ нашихъ приходахъ.

— Ну такъ что же?

— Приказалъ въ евангелія вложить.

— Да вѣдь онъ лютеранинъ?

— Лютеранинъ!

— Что же вы сдѣлали?

— Я вымылъ ее, освятилъ и вложилъ въ евангеліе.

— Для чего же это?

— Нельзя ослушаться. Они люди властные и нашего брата всегда могутъ притѣснить.

— Ну, знаете ли, батюшка, я слышалъ, что этотъ бывшій предводитель, Эдуардъ Францевичъ, большой охотникъ до парадныхъ обѣдовъ съ знатными господами, съ орденами, лентами орденскими и съ возліяніями. Вы говорите: вымыли полученную отъ этого нѣмца ленту, значитъ, позасалилась во время пиршествъ... Ну, а сосѣдъ вашъ отецъ Матвѣй?

— Онъ въ запасное евангеліе вложилъ.

Въ 1895-мъ году, по указу консисторіи, усадьба моя, по моей просьбѣ, была перечислена въ дашковскій приходъ. Не задолго передъ тѣмъ въ селѣ Дашковѣ была выстроена и торжественно освящена великолѣпная каменная церковь съ красивою каменною оградой, съ желѣзными рѣшетками и воротами. Эта великолѣпная постройка была сооружена (и украшена) въ замѣнъ прежней деревянной церкви, на средства разбогатѣвшихъ крестьянъ дашковскаго прихода, московскихъ домовладѣльцевъ.

Ѣдучи на станцію желѣзной дороги, я встрѣтилъ въ полѣ за селомъ Дашковымъ новаго священника, отца Сергѣя, только-что назначеннаго по случаю смерти прежняго. Я вышелъ изъ экипажа, познакомился съ моимъ новымъ приходскимъ батюшкой, поздравившимъ меня съ перечисленіемъ въ дашковскій приходъ, и мы разговорились.

— Откровенно скажу вамъ, отецъ Сергѣй, что считаю совершенно безсмысленнымъ ограничиваться хожденіемъ въ церковь, ничего не дѣлая по благотворительной и просвѣтительной части—сказалъ я.—

Я знаю, что въ дашковскомъ приходѣ, какъ и въ лабановскомъ, безпомощные старики и старухи нерѣдко замерзаютъ зимой, собирая по деревнямъ куски хлѣба для своего пропитанія; а крестьянскіе малолѣтніе сироты нерѣдко бываютъ брошены на произволъ судьбы. При церквахъ нѣтъ ни школъ, ни пріютовъ для инвалидовъ труда. А вѣдь есть богатые прихожане, живущіе въ своихъ домахъ и въ заведеніяхъ въ столицѣ. Внутри вашего храма я еще не былъ; но слышалъ, что его внутренняя отдѣлка роскошная, и все это достигнуто путемъ добровольныхъ приношеній и пожертвованій прихожанъ.

— Такъ и я слышалъ.

— Значитъ, нужно обратиться только къ этимъ жертвователямъ, и въ Дашковѣ явится школа для дѣтей, пріютъ для безпомощныхъ стариковъ.

— Начнемъ дѣйствовать,—сказалъ отецъ Сергѣй. Можно церковно-приходское попечительство учредить.

— Не лучше ли церковно-приходское братство?

— Да вѣдь это все равно.

— Нѣтъ, не все равно. Попечительства, сколько мнѣ извѣстно, ставятъ первымъ параграфомъ своихъ уставовъ заботу о храмѣ и о его причтѣ; а братства прежде всего имѣютъ въ виду удовлетвореніе самыхъ вопіющихъ нуждъ прихожанъ. Въ здѣшнихъ приходахъ требуется благотворительная и просвѣтительная дѣятельность.

Отецъ Сергѣй задумался, помолчалъ, а потомъ сказалъ:

— Ну что же, можно и братство учредить. Но вѣдь нужно уставъ написать.

— Уставъ у меня выработанъ. Если позволите, я принесу, и прочитаемъ.

— Очень радъ. Не пожалуете ли завтра? У насъ будетъ заказная обѣдня и выборъ церковнаго старосты. Всѣхъ сельскихъ старостъ я оповѣстилъ уже.

Я сказалъ, что непремѣнно буду, и мы разстались.

На слѣдующій день я пришелъ утромъ въ дашковскую церковь, имѣя въ карманѣ уставъ братства. Я былъ пораженъ роскошью внутренней отдѣлки и украшеніями этой церкви, сооруженной усердіемъ крестьянъ бывшихъ государственныхъ: роскошная позолота красивой рѣзьбы иконостасовъ лѣтняго отдѣленія церкви и двухъ придѣловъ зимняго отдѣленія; чудесные полы изъ разноцвѣтныхъ каменныхъ плитокъ; хорошая стѣнная живопись и бронзированныя, а можетъ быть и бронзовыя, красиваго рисунка паникадила, все это пріятно поражало.

Церковь была почти пуста и служба еще не начиналась. У свѣчной продажи праздно стоялъ какой-то толстый бородастый человѣкъ. Я познакомился съ нимъ и узналъ, что онъ церковный староста, Емельянъ Васильевъ, крестьянинъ ближайшей къ селу Дашкову деревни. Онъ поздравилъ меня съ перечисленіемъ въ дашковскій приходъ и охотно согласился показать мнѣ достопримѣчательности церкви.

— Отъ чего это церковь пуста?—спросилъ я

— Да вѣдь самый разгаръ навозницы теперь—сказалъ староста.—Чай, знаете пословицу: „навозъ вози, не лѣнись; хоть Богу не молись“. Не знаю, что это вздумалось батюшкѣ выборы и учетъ церковнаго старосты сегодня назначить.

Я попросилъ показать достопримѣчательности храма.

Едва успѣлъ староста показать мнѣ образъ Богоматери троеручицы, на которомъ св. дѣва Марія изображена съ тремя руками, изъ коихъ третья протянута пониже локтя лѣвой руки съ боку, какъ явилось духовенство и началась служба.

— Какая же это третья рука?—спросилъ я старосту.

— Матушка Царица небесная троеручица—отвѣчалъ онъ и поспѣшно отошелъ къ свѣчной продажѣ, у которой ожидала его какая-то сгорбленная старушка.

Выдавъ старушкѣ двухкопѣечную свѣчку, Емельянъ Васильевичъ сказалъ мнѣ:

— Вы, вотъ, сударь, любуетесь нашимъ храмомъ, а стройка наша самая гнилая. Вы не смотрите, что она красивая.

— Какъ гнилая? Что вы говорите?

— Мѣсто сырое. Надо бы осушить и дренажи положить, а потомъ выложить фундаментъ на портландскомъ цементѣ. Этого не было дѣлано, и потому сырость уже взобралась по стѣнамъ до верху. Теперь только готовь денежки на поправленіе позолоты и стѣнной живописи.

По окончаніи обѣдни учетъ старосты и выборы не могли состояться, потому что церковь была почти пуста; а изъ старостъ было только трое.

Послѣ пирога и чаепитія у отца Сергѣя, я прочиталъ уставъ. Онъ одобрилъ уставъ и ничего не имѣлъ противъ моей поѣздки съ уставомъ къ архіерею.

Архіерей отнесся сочувственно къ задуманному нами дѣлу и сказалъ:

„Не обѣщаю очень скоро просмотрѣть вашъ уставъ, потому что митрополитъ боленъ, и я исправляю его обязанности. Навѣдайтесь

черезъ мѣсяцъ. Если понадобится, я сдѣлаю замѣтки на поляхъ рукописи".

Я поблагодарилъ и уѣхалъ.

Недѣли черезъ три послѣ моей поѣздки къ архіерею, я былъ у обѣдни, а затѣмъ на учетѣ и выборахъ церковнаго старосты. Въ церкви опять было, если и не пусто, такъ очень не многолюдно, и при томъ были преимущественно женщины съ грудными дѣтьми.

Выйдя изъ алтаря, священникъ сказалъ:

— Срокъ службы Емельяна Васильевича окончился. Выбирайте; онъ не отказывается.

— Стало быть опять его,—сказалъ кто-то.

— Церковный капиталъ, тысяча рублей, сданъ въ сберегательную кассу; а наличныхъ денегъ сто рублей,—сказалъ Емельянъ Васильевичъ.

— За это благодаримъ,—сказалъ одинъ изъ явившихся въ церковь сельскихъ старостъ.

— Надо бы церковную сторожку выстроить,—замѣтилъ какой-то старичекъ; но на его слова не обратили вниманія и стали расходиться, поздравивъ Емельяна Васильевича.

Батюшка пригласилъ меня и Емельяна Васильевича на пирогъ, и мы пошли всѣ вмѣстѣ.

Домъ священника очень близко отъ церкви, и потому разговоры на этомъ короткомъ пути были небольшіе.

— Съ какимъ сборомъ вы во второй разъ сегодня ходили по церкви?—спросилъ я Емельяна Васильевича.

— На распространеніе язычниковъ.

— Какъ на распространеніе язычниковъ?—засмѣялся я.

На этотъ второй вопросъ староста не успѣлъ отвѣтить; мы уже вошли въ крохотную прихожую священникова дома и тѣснились въ уголъ, чтобы дать дорогу молодой матушкѣ, несшей на подносѣ огромную кулебяку.

За пирогомъ и чаемъ отецъ Сергѣй сказалъ:

— Вчера я былъ у архіерея. Онъ вполнѣ одобрилъ уставъ и приказалъ отнести его въ консисторію.

— Ну, Слава Богу!—воскликнулъ я.

— Но только въ консисторіи заминка произошла.

— Что же такое?

— Секретарь прочиталъ первый параграфъ да и говоритъ: „вмѣсто просвѣтительной и благотворительной дѣятельности поставьте: заботы о храмѣ и о его причтѣ, и мы вамъ утвердимъ уставъ въ два дня.

— А вы сказали этому секретарю, что архіерей одобрилъ уставъ?

— Говорилъ; а онъ все свое твердитъ.

— Что же вы сдѣлали?

— Привезъ уставъ обратно.

— Могу я его получить?

— Извольте. А можетъ быть вы, Василій Иванычъ, согласитесь измѣнить первый параграфъ?

— Я, отецъ Сергѣй, того мнѣнія, что сужденія секретаря совершенно неумѣстны и не разумны, а тѣмъ болѣе послѣ одобренія архіерея.

Я раскланялся съ батюшкой и возвратился домой съ провалившимся уставомъ въ карманѣ.

Священникъ отецъ Сергѣй очевидно не сочувствуетъ учрежденію братства,—разсуждалъ я, возвращаясь домой,—и это понятно. Онъ предпочитаетъ попечительство, потому что оно улучшило бы матеріальное положеніе его, да и всего причта. На долю священника приходится, изъ доходовъ всего дашковскаго причта, не болѣе восьми сотъ рублей въ годъ. Не угодно ли на это жить съ огромной семьей, да еще помогать бѣднымъ родственникамъ! Нельзя осуждать отца Сергѣя и за то, что онъ не высказалъ мнѣ этихъ соображеній, когда я предложилъ братство вмѣсто желательнаго ему попечительства. Для такой откровенности мы съ нимъ были мало знакомы, и онъ могъ думать, что я сторонникъ того мнѣнія, довольно распространеннаго въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ, что православное духовенство слишкомъ алчно. Когда я подходилъ къ своей усадьбѣ, было у меня тоскливое чувство и припоминалось многое нерадостное: нѣмецъ, предсѣдатель нашего административнаго съѣзда, богачъ предводитель, громко назвалъ алчнымъ попишкой многосемейнаго священника, домогавшагося законоучительства въ двухъ земскихъ школахъ, и эта дерзость прошла нѣмцу безнаказанно. Брату этого нѣмца, за 12 лѣтъ губернаторства, назначена огромная пенсія, а старику отцу Петру, за 50 лѣтъ священнической службы,—300 рублей въ годъ...

Кроховскій приходъ даетъ хорошіе доходы священнику; а богатый, вліятельный въ Петербургѣ и въ Москвѣ, помѣщикъ его прихода оказалъ сильную протекцію, и теперь на Кроховскій причтъ выдается казеннаго пособія по 300 рублей въ годъ. Дашковскій причтъ получаетъ съ прихода гораздо меньше, а казеннаго пособія не даютъ.

Еще печальнѣе стало у меня на душѣ послѣ всѣхъ этихъ соображеній и воспоминаній.

Витих—ъ.

Набатный колоколъ.

Чтобъ земнороднымъ ни послала
Судьба, свершая свой законъ,
Про все звучитъ вѣнецъ металла,—
И поучителенъ имъ звонъ!..
(*„Пѣснь о колоколѣ“*).

Начало царствованія Александра I ознаменовалось либеральными вѣяніями. Что ранѣе признавалось законнымъ и естественнымъ, теперь уничтожается, какъ позорное и безславное: упраздняется тайная канцелярія, отмѣняются пытки и повелѣвается, чтобъ самое названіе ихъ, „стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной“; запрещается въ судебныхъ приговорахъ относительно наказанія употреблять слово „нещадно“ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ истребляются и вещественные памятники отжившаго прошлаго: уничтожаются висѣлицы, разламываются застѣнки, нѣкоторыя тюрьмы...

Среди памятниковъ московской старины неблагосклонное вниманіе властей, стремившихся не отстать отъ современныхъ вѣяній, обратилъ на себя кремлевскій набатный колоколъ.

За этимъ колоколомъ было также свое прошлое...

Онъ висѣлъ на кремлевской башнѣ противъ церкви Василія Блаженнаго [1]), рядомъ съ Спасской башней. Надпись на немъ свидѣтельствовала: „1714 года іюля въ 30-й день вылитъ сей набатный колоколъ изъ стараго набатнаго колокола, который разбился, кремля города ко Спасскимъ воротамъ. Вѣсу въ немъ ри пудъ. Лилъ сей колоколъ мастеръ Иванъ Маторинъ“.

Можетъ быть, имѣя въ виду матеріалъ, изъ котораго колоколъ былъ вылитъ, его называли старинным „вѣчевымъ“, „осаднымъ“,

[1]) Башня эта, или вѣрнѣе полубашенка, въ старину называлась царской, сторожевой, набатной и всполошной. Россійскіе государи восходили сюда, послѣ своего коронованія, показаться народу, собиравшемуся на Красной площади.

„всполошнымъ“,—считали въ нѣкоторомъ родѣ свидѣтелемъ и участникомъ стрѣлецкихъ бунтовъ и затѣмъ, конечно, народныхъ волненій во время чумы.

Въ началѣ девятнадцатаго вѣка набатный колоколъ висѣлъ попрежнему на кремлевской башнѣ, но безмолвный, лишенный языка за свои дѣянія.

Поводомъ, почему колоколъ былъ признанъ и въ своемъ молчаніи неблагонадежнымъ,—было слѣдующее обстоятельство.

Экспедиція кремлевскаго строенія, „изъ уваженія крайней ветхости, усмотрѣнной въ стѣнахъ и на одной изъ башенъ,—какъ въ облегченіи тягости, такъ и по назначенію исправленія оной“, предписала снять съ нея колоколъ и принять его на храненіе въ одну изъ кремлевскихъ кладовыхъ.

Командированный чиновникъ по снятію колокола донесъ экспедиціи, что отъ московскаго коменданта Гессе послѣдовало приказаніе „того колокола никуда и никому не отпускать, оставя оный на публичной площади, гдѣ множество прохожихъ“.

Экспедиція кремлевскаго строенія 30-го апрѣля 1803 г. писала коменданту:

„Видя, къ крайнему удивленію, оставленной колоколъ на публичной площади и со стороны вашего высокопревосходительства воспрещеніе принять экспедиціи оной до исправленія башни въ свое охраненіе, предваряя васъ, что главноначальствующій, имѣя полное управленіе надъ экспедиціей, отвѣтствуетъ за все ему препорученное во всей силѣ,—для лучшаго удостовѣренія экспедиція считаетъ нужнымъ препроводить у сего копіи съ штата и инструкціи главноначальствующаго, изъ коихъ вы усмотрите достаточныя ея права и власть; и потому обязывается экспедиція просить васъ, не изволите ли вы имѣть какого-либо высочайшаго повелѣнія послѣ утвержденія штата и инструкціи, коимъ вы, руководствуясь по своей должности, пріемлете на себя право входить въ распоряженіе вещей, въ башняхъ находящихся,—и ежели есть таковое, не оставьте сообщить оное экспедиціи, дабы она, по полученіи отъ васъ такового свѣдѣнія, могла немедленно взять свои мѣры должнымъ, куда слѣдуетъ, представленіемъ, поелику, узнавъ изъ такового, ей до сего времени неизвѣстнаго повелѣнія, что буде отданы въ вѣдѣніе ваше колокола, въ правахъ оная предполагать, что и прочіе колокола, въ башняхъ Спасской и Троицкой, въ прошедшемъ году исправленныхъ, уже болѣе не принадлежатъ до ея обязанности. А ежели нѣтъ такового повелѣнія, то благоволите по вашей командѣ приказать отпустить оной колоколъ въ вѣдомство экспедиціи коллежскому ассесору Ягодину“.

Въ отвѣтъ на отношеніе экспедиціи послѣдовало на имя ея

главноначальствующаго П. С. Валуева письмо отъ московскаго военнаго губернатора, графа Салтыкова.

„Милостивый государь мой, Петръ Степановичъ!—писалъ Салтыковъ.—Здѣшній комендантъ господинъ генералъ-маіоръ Гессе, представляя мнѣ о словесномъ требованіи отъ него со стороны кремлевской экспедиціи, чрезъ чиновника ея, объ отдачѣ ему висящаго на кремлевской башнѣ по россійской исторіи достопамятнаго, такъ называемаго вѣчевого колокола, со стоящимъ у Спасскихъ воротъ карауломъ, во уваженіе къ древности охраняемаго,—жалуется мнѣ, что экспедиція сія на отзывъ его, что сего безъ позволенія начальства своего сдѣлать не можетъ, прислала къ нему письменное отношеніе съ обидными на счетъ званія и личности его выраженіями и проситъ моей защиты.

„Вникнувъ въ подробность сего обстоятельства и въ содержаніе оной бумаги, я не нахожу съ его стороны ничего, кромѣ точнаго исполненія возложенной на него должности, сохраняя которую съ свойственною воинской дисциплинѣ аккуратностью и въ самомалѣйшихъ вещахъ строго наблюдаемою, не могъ онъ въ семъ случаѣ иначе поступить,—и для того, покорнѣйше ваше превосходительство прошу въ подобныхъ случаяхъ относиться ко мнѣ и содержать сего чиновника въ томъ вниманіи, какого онъ достоинъ не по одному званію своему, но по отличному усердію и исправности, въ толиколѣтнемъ прохожденіи важнаго служенія своего оказаннымъ“.

Въ виду существовавшихъ и ранѣе несогласій между главнокомандующимъ и комендантомъ съ одной стороны, и между главнокомандующимъ экспедиціи съ другой—дѣлу о колоколѣ не суждено было разрѣшиться обычной канцелярской перепиской: Салтыковъ разрѣшеніе вопроса представилъ на усмотрѣніе государя, а Валуевъ съ просьбой о содѣйствіи прибѣгъ къ статсъ-секретарю Д. П. Трощинскому, подробно описывая „встрѣтившуюся ему непріятность отъ здѣшняго коменданта и главнокомандующаго, душащихъ его, Валуева, еженедѣльно поперемѣнно пустыми отношеніями“.

„Вамъ извѣстно,—писалъ Валуевъ,—что по понятію моему о пользѣ казны и о славѣ моихъ государей истребилъ я безъ огласки прошедшимъ лѣтомъ два застѣнка, яко памятники временъ жестокихъ и безчеловѣчныхъ, употребя изъ оныхъ матеріалы на исправленіе древностей, заслуживающихъ быть сберегаемыми въ позднѣйшія времена, и что этимъ оправдалъ я ваше покровительство, снискалъ всеобщую жителей московскихъ естиму и заслужилъ монаршее благоволѣніе. Руководствуясь таковымъ же подвигомъ, спрятанъ у меня давно языкъ извѣстнаго колокола, служащаго возвѣстителемъ всѣхъ возмущеній стрѣлецкихъ и возмущенія во время чумы въ царство-

ваніе Екатерины премудрой, о чемъ имѣлъ я честь вамъ словесно доносить въ бытность мою въ Петербургѣ".

Излагая далѣе исторію снятія колокола, Валуевъ писалъ:

„Господинъ комендантъ по снятіи колокола, оставя оной на публичной площади, гдѣ прохожіе, можетъ быть, дѣлаютъ о немъ разные толки и заключенія, отдалъ приказъ онаго никому не отдавать. Экспедиція, узнавъ о таковомъ его воспрещеніи, послала чиновника просить объ отдачѣ онаго для сохраненія до исправленія башни. Его превосходительство отвѣтствовалъ, чтобъ отнестись къ нему о томъ письменно, на что и онъ письменно отвѣтствовать будетъ. Экспедиція послала по желанію его отношеніе. Комендантъ вмѣсто отвѣта, по незнанію его россійскаго языка, почитая сію бумагу для себя оскорбительною, пожаловался главнокомандующему, донеся ему между прочими фальшивость и то, что яко бы колоколъ у Спасскихъ воротъ охраняемъ часовымъ, чего никогда не бывало".

Упомянувъ о письмѣ, полученномъ отъ Салтыкова, Валуевъ продолжаетъ, что это письмо „оставилъ я безъ отвѣта, какъ для избѣжанія дальнѣйшихъ исторій, такъ и потому, что, отвѣтствуя ему, обязанъ бы я былъ объяснить его сіятельству: первое, что колоколъ, имъ уважаемой, есть памятникъ золъ россійскихъ, заслуживающій быть забытъ всѣми благомыслящими отечества сынами,—памятникъ безславія покойнаго его отца, который, будучи главнокомандующимъ, отъ чумы и возмущенія укрылся въ подмосковную деревню, за что, по праведному суду Екатерины Великой, и былъ отставленъ противъ желанія и дана пріемнику его инструкція, въ которой упомянуто о его лобѣгѣ; второе, что комендантъ никогда не говаривалъ, что онъ безъ начальства своего колокола отдать не можетъ и что ни у какихъ башенъ въ Кремлѣ, ни часовъ, ни карауловъ не имѣется, кромѣ тѣхъ, гдѣ есть ворота и калитка для проѣзжающихъ и проходящихъ, какъ-то: Спасской, Никольской, Троицкой, Боровицкой и Тайницкой, которыхъ ворота и двери мною исправлены и отъ замковъ ключи всѣ отданы коменданту,—за что какъ онъ, такъ и главнокомандующій, выхваляя меня, неоднократно благодарили; третье, что буде колокола принадлежатъ къ военной дисциплинѣ и аккуратности, то почему не воспрещали они мнѣ прошедшимъ лѣтомъ разбирать колокола на башняхъ Спасской и Троицкой,—и наконецъ, четвертое, обязанъ я былъ ему объяснить и то, что, въ моемъ чинѣ служа непорочно пятьдесятъ лѣтъ, разумѣть я долженъ и безъ наставленія, кому какія дѣлать уваженія, не погрѣшая никогда противъ коменданта, о которомъ онъ самъ мнѣ отзывался, что онъ пьяница и знаетъ только службу капральскую,—въ котораго воинскія дѣла я никогда не дерзаю мѣшаться. Я увѣренъ, что въ отношеніи экспе-

диціи къ коменданту не найдете вы ни единаго выраженія, каковыми наполняетъ онъ свои, которыя, приписывая незнанію его россійскаго языка, считая неприличнымъ обременять жалобами о томъ государя, обремененнаго заботами о благосостояніи своихъ вѣрноподданныхъ, предаю я молчанію. Злоба коменданта происходитъ оттого, что не удовлетворяются его пустыя и смѣшныя требованія, какъ напримѣръ: о снабженіи его дома неимовѣрнымъ числомъ дворцовыми мебелями, о набитіи льдомъ его погребовъ и прочихъ сему подобныхъ, о чемъ прежде ни одинъ комендантъ не относился, понеже домъ его не состоитъ и никогда не состоялъ въ вѣдомствѣ экспедиціи; а злоба главнокомандующаго—отъ неблагорасположенныхъ ко мнѣ окружающихъ его зятя Уварова и Карпова, правителя канцеляріи, кои такъ имъ овладѣли, что ничто не можетъ его принудить оставить сіе мѣсто, толь нужное для ихъ выгодъ и интересовъ".

Въ post-scriptum'ѣ Валуевъ присовокупляетъ:

„Поспѣшаю я васъ обременить симъ донесеніемъ, опасаясь, что главнокомандующій представитъ о томъ своимъ манеромъ, понеже это все зависитъ отъ его окружающихъ. Извините, что забылъ вамъ для смѣху сообщить, что комендантъ, по особой его приверженности къ отношеніямъ, формою службы требовалъ настоятельно у директора благороднаго общества визитерскаго билета для полковника, ему подчиненнаго".

Въ маѣ мѣсяцѣ состоялось высочайшее повелѣніе, чтобы „извѣстный по исторіи набатный колоколъ сохранить навсегда на своемъ мѣстѣ и чтобъ при случаѣ починки башни, на которой висѣлъ, былъ онъ осторожно снятъ и положенъ въ надежное мѣсто, по исправленіи опять былъ бы повѣшенъ на ней по-прежнему съ сохраненіемъ караула, каковой доселѣ тамъ находился".

Неудовлетворенный исходомъ дѣла, Валуевъ въ іюнѣ вновь пишетъ Трощинскому. Заявивъ, что „носится молва по Москвѣ о благоволеніи коменданту за удержаніе колокола, котораго у него никто не отнималъ", онъ продолжаетъ:

„Исторія о колоколѣ на башнѣ, которую слѣдуетъ исправить, будучи по существу своему въ числѣ ежедневно текущихъ дѣлъ въ экспедиціи, не касалась ни до меня, ни до Салтыкова и потому ни по чему не заслуживала донесенія о томъ государю. Имѣя право заключать, что сдѣлано и тѣмъ и другимъ фальшивое донесеніе, могущее повредить мнѣ въ мысляхъ монаршихъ,—пораженіе самое тяжкое для человѣка, дослужившагося въ теченіе безпорочнаго пятидесятилѣтняго служенія до знатнаго государственнаго чина, въ которомъ имѣю я счастье находиться,—нахожусь я принужденнымъ принесть слѣдующее мое оправданіе. Первое, полагая, что даны ко-

локолу древность и достопамятность, оному не принадлежащія, во изобличеніе сей клеветы препровождаю у сего онаго надпись, извѣщая при томъ, что древнѣе сего времени колокола снималъ и опять потомъ вѣшалъ въ прошломъ году на Спасской и Троицкой башнѣ безъ всякой исторіи и отношенія безпрепятственно,—такъ, какъ то дѣлаетъ и нынѣ митрополитъ изъ церквей и колоколенъ въ Кремлѣ безъ всякаго отношенія о томъ съ комендантомъ. Второе, изъ артикула въ отношеніи „оставить у башни тотъ же караулъ“ усматривая, что донесено, повидимому, якобы я или экспедиція настояли о уничтоженіи у той башни караула, котораго нѣтъ и никогда не бывало,—увѣряю васъ, милостивый государь, что ни я, ни экспедиція ни въ какое военное дѣло не мѣшается и не мѣшалась, а у какихъ башенъ состоятъ караулы и часовые, о томъ уже имѣлъ я честь доносить вашему высокопревосходительству“.

Въ заключеніе своего письма Валуевъ распространяется, вообще, о недостаточномъ попеченіи по службѣ какъ главнокомандующаго и коменданта, такъ и своихъ предмѣстниковъ.

„Всѣ стѣны и башни въ Кремлѣ ветхи отъ дурной въ Кремлѣ полиціи, зависящей отъ коменданта и главнокомандующаго. Трещины на всѣхъ сводахъ Спасской и Троицкой башенъ отъ того, что на одной прогноилъ ихъ живущій въ оной часовой мастеръ, занимающій три этажа, а въ другой съ позволенія коменданта живущій дьяконъ Успенскаго собора, которой разводилъ на стѣнѣ капусту и подсолнечники,—которыхъ съ превеликимъ трудомъ я насилу выжилъ въ прошедшемъ годѣ. Провалилась стѣна на набережной отъ того, что Измайловъ отрылъ отъ стѣны мусоръ, щебень и землю, служащіе оной контрфорсомъ. Стѣна, что возлѣ арсенала на Моховую, угрожаетъ близкимъ своимъ паденіемъ оттого, что подъ начальствомъ Салтыкова Герардъ очистилъ то-жъ до глубины рва мусоръ, щебень и землю, служащіе оной подкрѣпленіемъ. И потому вмѣсто того, чтобъ коменданту, ходя прилежно дозорами, осматривать городовыя стѣны и башни и мнѣ о ветхости оныхъ сообщать, относится онъ еженедѣльно о исправленіи карауленъ, не состоящихъ въ моемъ вѣдѣніи, на содержаніе которыхъ отпускается ему ежегодно слишкомъ 7.000 рублей. Объясня всѣ мои оправданія государю, которому я имѣлъ счастіе доносить въ кабинетъ, что поелику я обязуюсь служить единому ему, будетъ у мемя по ввѣренной мнѣ должности много злодѣевъ и будутъ на меня жалобы, въ которыхъ и обѣщалъ онъ мнѣ свою защиту, успокойте вашимъ милостивымъ отвѣтомъ востревоженный духъ того, которой дѣятельностью своею оправдывая милость монаршую и ваше покровительство, заслужилъ отъ жителей московскихъ всеобщую похвалу и естиму“.

„Извините, говоритъ Валуевъ въ post-scriptum'ѣ, что много письма, старинною пословицею, что „пуганая ворона и куста боится“; извините и въ томъ, что въ правописаніи много ошибокъ—тожъ дѣдовъ нашихъ пословицею—„тому не до жиру, кому хочется только быть живу“.

Желаніе Валуева убрать съ башни набатный колоколъ отчасти исполнилось—въ настоящее время колоколъ хранится въ Московской Оружейной палатѣ. Изъ описей палаты видно, что колоколъ этотъ поступилъ сюда изъ московскаго арсенала подъ конецъ царствованія Александра I-го, а именно въ 1821 году.

Д. Успенскій.

Изъ прошлаго.

(Эпизодъ изъ перваго года царствованія императора Александра III).

Кровавое событіе 1-го марта потрясло всю Россію. Петербургъ волновался. Спорили, судили, рядили, искали корня всѣхъ бѣдъ, въ особенности же виновниковъ этихъ бѣдъ, предлагали разныя панацеи, но въ результатѣ, по большей части, занимались словоизверженіемъ, проводя время въ осужденіи и хуленіи „нашихъ порядковъ“. А народъ, по мѣткому выраженію И. С. Аксакова,—„недоумѣвалъ“ [1]).

Переѣздъ новаго государя на жительство въ Гатчину и памятный всѣмъ манифестъ отъ 29-го апрѣля 1881 г. возбудили новые толки и новые пересуды. На лицахъ нѣкоторыхъ появилось не то смущеніе, не то разочарованіе; на другихъ же читались бодрость и успокоеніе, что, наконецъ, „власть вернулась“. Газеты были наполнены статьями, посвященными „современному положенію“, при чемъ онѣ, въ зависимости отъ направленія, были, или сдержанны, отдѣлываясь общими фразами, или же метали громы на тотъ развалъ, который царилъ въ обществѣ. Шаблонной фразой газетъ, проповѣдывавшихъ твердые устои, была фраза: „само общество должно придти на помощь...“

[1]) Изъ рѣчи И. С. Аксакова въ экстренномъ собраніи славянскаго благотворительнаго общества, 22-го марта 1881 г., въ С.-Петербургѣ.

„Нечего себя обманывать. Мы подошли къ самому краю бездны. Еще шагъ въ томъ направленіи, въ которомъ съ такимъ преступнымъ легкомысліемъ мы двигались до сихъ поръ—и кровавый хаосъ! Это не слова, не преувеличеніе... Сохрани васъ Боже отъ мысли, что это преувеличеніе! Не обольщайтесь тѣмъ, что великій народъ нашъ безмолвствуетъ. Онъ *недоумѣваетъ*. А понимаете ли, что значитъ недоумѣніе многомилліоннаго народа? Точно океанъ вздымается теперь его грудь, удрученная мрачнымъ раздумьемъ“.

Въ это тяжелое и смутное время, я, вернувшись изъ Болгаріи, послѣ не совсѣмъ удачно кончившагося, лично для меня, министерствованія, проживалъ въ Петербургѣ, состоя на службѣ, но находясь „не у дѣлъ“. Обширное знакомство давало мнѣ возможность бывать въ разныхъ собраніяхъ, публичныхъ и частныхъ, участвуя, конечно, въ преніяхъ „на злобу дня“. Излюбленная газетами, да и ихъ читателями фраза: „Само общество должно придти на помощь...“ приводила меня въ негодованіе. „Помилуйте“,—говорилъ я,—„ну вотъ я „общество“, членъ его.—Я молодъ, здоровъ, жажду быть полезнымъ; хотя и не великій дѣятель, а все же генералъ; но что я могу подѣлать?—Ровно ничего! Писать статьи въ газеты,—это не такъ-то легко; у меня нѣтъ литературнаго имени, да и попасть въ газету трудно; а кромѣ того, я состою на дѣйствительной военной службѣ что не вполнѣ совмѣстимо съ публицистикой... Произносить рѣчи въ „публичныхъ“ собраніяхъ—тѣ же причины препятствуютъ, къ тому же, въ то время, по весьма естественнымъ причинамъ, „публичныя“ собранія были частью запрещены, а разрѣшенныя весьма стѣснены. Всѣ мы видѣли, какъ на собраніи славянскаго благотворительнаго общества. 22-го марта, самому Ивану Сергѣевичу Аксакову, гремѣвшему съ каѳедры противъ „духа лестча“, подали какую-то записочку, заставившую его умѣрить пылъ своихъ рѣчей... [1]). Гдѣ же тутъ говорить мнѣ... А между тѣмъ, я до того преисполненъ жаждою „дѣланія“, что если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ: „ходите нѣсколько разъ въ недѣлю, ночью, отъ 3-хъ до 5-ти ч. утра, по панели мимо Аничкина дворца [2]), патрулируя, и вы этимъ обережете государя, принесете пользу ему и Россіи“,—да я бы съ радостью пошелъ на это и, навѣрное, вернувшись домой, спалъ бы лучше обыкновеннаго, въ сознаніи исполненнаго долга и принесенной пользы... Но вѣдь это же фантазія... Тѣмъ разговоры и кончались. „Участіе общества“ кончалось обмѣномъ мыслей, а чаще всего, просто словопреніемъ...

Наступило лѣто. Несвязанный службой я поселился въ Гатчинѣ, наслаждался благорастворе ніемъ воздуховъ, но скучалъ отъ бездѣйствія, смѣнившаго кипучую дѣятельность въ Болгаріи, бездѣйствія, получившаго уже къ тому времени характеръ хроническаго недуга. Тяготило меня и то, что покинуть Болгарію я долженъ былъ отчасти, (и даже весьма), по взведенному на меня тамъ обвиненію въ либера-

---

[1]) Записка была отъ графа Лорисъ-Меликова, просившаго Ивана Сергѣевича, чтобы онъ „ужъ не очень...“

[2]) Это было еще до переѣзда государя въ Гатчину.

лизмѣ, радикализмѣ, оппозиціонныхъ тенденціяхъ, направленныхъ противъ существовавшей тамъ власти, въ связяхъ съ оппозиціонной, либеральной или даже радикальной партіей, въ которой я, будто бы, былъ чуть ли не въ числѣ запѣвалъ. Это я-то, собиравшійся патрулировать по тротуару у Аничкина дворца!..

Странныя бываютъ иногда недоразумѣнія...

Подъ гнетомъ такого недоразумѣнія, тогда еще не разъясненнаго, я и жилъ.

Лѣто подходило къ концу. Получаю телеграмму отъ моего большого пріятеля, генерала Оттона Егоровича Рауха [1]), находившагося съ командуемой имъ 22 пѣхотной дивизіей въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ. Хотя телеграмма была спѣшная, вызывавшая меня немедленно, но я никакого значенія ей не придалъ, будучи увѣренъ, что Рауху просто стало „скучно“ [2]) и онъ вызываетъ меня поболтать.

Рауха я нашелъ въ его баракѣ, въ авангардномъ лагерѣ. Предположенія мои о пустяшной причинѣ вызова меня совершенно не оправдались, такъ какъ Раухъ, съ мѣста, задалъ мнѣ вопросъ: „Помните ли вы, П. Д., ваши слова о готовности дежурить по ночамъ на тротуарѣ?..“—„Конечно помню“.—„Что же, теперь, остались ли вы при вашемъ тогдашнемъ мнѣніи?“—„Не только остался, но, вспоминая наши собранія, еще болѣе въ немъ утвердился, хотя, до сихъ поръ, не вижу еще приложенія этихъ взглядовъ“.—„Вы свободны?“—„Вполнѣ“.—„Ну такъ вотъ и „приложеніе...“ Можете вы ѣхать немедленно въ Москву?..“ Я опѣшилъ.—„Зачѣмъ въ Москву?“—„Ну зачѣмъ, этого я вамъ не скажу, а вы отвѣчайте мнѣ ясно и кратко: можете или не можете?“ Зная, что Раухъ упрямъ и, что если онъ не захочетъ, то изъ него ничего не выжмешь, я не настаивалъ на вопросѣ „зачѣмъ“; насчетъ же „Москвы“, отвѣтилъ опредѣленно: „могу“, а когда Раухъ пожелалъ узнать могу ли ѣхать „завтра“, отвѣтилъ, что „могу завтра“.—Покончивъ этотъ, главный, вопросъ, Раухъ спросилъ меня, не найду ли я среди моихъ знакомыхъ, мнѣ близкихъ, двухъ лицъ, раздѣляющихъ мои взгляды и могущихъ тоже ѣхать „завтра“.—Подумавши, я назвалъ двухъ, въ которыхъ я былъ увѣренъ: флигель-адъютанта К., моего бывшаго ученика, а потомъ сослуживца на войнѣ и моего пріятеля, дальняго родственника, камергера графа Николая Ѳедоровича Литке [3]); оба они были, насколько я зналъ, свободны и, конечно, не отказались бы ѣхать со мной. Раухъ, зная ихъ обоихъ, одобрилъ мой выборъ, просилъ меня

[1]) Умершій.

[2]) Это бывалъ обычный отвѣтъ О. Е. Раухъ, на вопросъ: „Какъ живете, что подѣлываете“?

[3]) Умершій.

съ ними сговориться, дать ему знать о результатахъ, а мнѣ самому, во всякомъ случаѣ, выѣхать на другой день.—Относительно цѣли поѣздки Раухъ сказалъ мнѣ, что, по пріѣздѣ въ Москву, я долженъ отыскать штабъ-ротмистра Б., отъ котораго и получу дальнѣйшія указанія; на повторенный же мною вопросъ „зачѣмъ“, отвѣтилъ: „могу сказать одно, но и то подъ секретомъ и только для вашего успокоенія: въ Москву ѣдетъ государь; больше ничего не скажу“.

На томъ и покончили.

Графъ Литке оказался въ своей деревнѣ, Эстляндской губерніи, и на него разсчитывать было нельзя, а К. былъ въ Петербургѣ, свободенъ, на поѣздку согласился, и мы на другой день покатили въ первопрестольную.

Пріѣхали днемъ, довольно рано; остановились въ Славянскомъ Базарѣ и направились къ Б. Отъ него ничего новаго не узнали; справился, гдѣ мы остановились и просилъ сидѣть вечеромъ дома, такъ какъ къ намъ пріѣдетъ графъ П. Шуваловъ [1]), которому онъ сообщитъ о нашемъ пріѣздѣ и отъ котораго мы получимъ всѣ нужныя намъ указанія.

Въ 6 часовъ вечера пріѣхалъ графъ и посвятилъ насъ во всѣ подробности. Государь императоръ Александръ Александровичъ и императрица Марія Ѳеодоровна предприняли небольшое путешествіе до коронаціи и рѣшили посѣтить Москву, Нижній и Ярославль. Въ каждомъ изъ этихъ городовъ предположено было провести по нѣсколько дней; въ Москвѣ, конечно, больше чѣмъ въ другихъ. Московская полиція, хотя и усиленная лицами, командированными изъ Петербурга, все-таки была слаба численно и не могла бы поспѣвать всюду, а потому рѣшено было усилить ее добровольной охраной изъ мѣстныхъ жителей. Въ эту охрану включено было большое число старообрядцевъ. Организація этого дѣла, въ общихъ чертахъ, была сдѣлана еще до нашего пріѣзда и я не знаю, кто былъ ея иниціаторомъ и главнымъ устроителемъ; спросить объ этомъ было неудобно, да и времени не было, такъ какъ пріѣзда государя ожидали черезъ день, а нужно было много поработать. Всѣ добровольные охранники по Москвѣ были раздѣлены на сотни, при чемъ старообрядцы формировали свои, отдѣльныя сотни, безъ участія другихъ горожанъ [2]).

---

[1]) Умершій.

[2]) Только въ одной старообрядческой сотнѣ, Рогожской, руководимой К., былъ принятъ горожанинъ, мѣщанинъ, не старообрядецъ, усиленно просившійся. Знавшіе его старообрядцы за него поручились; однако, потомъ, какъ увидимъ ниже, жалѣли, что приняли.

Во главѣ каждой такой сотни поставлены были лица, подобно мнѣ и К., вызванныя изъ Петербурга, по особому выбору, а въ помощь каждому сотенному начальнику приданъ былъ одинъ изъ мѣстныхъ жителей, знакомый съ столицей. Намъ предложили тянуть жребій, кому какая достанется сотня; я получилъ старообрядческій районъ на Тверской-Ямской, въ приходѣ Василія Кесарійскаго, а К.—Рогожское кладбище. Изъ дальнѣйшихъ объясненій мы узнали, что сотни еще не организованы, что жители только предупреждены объ этомъ и находятся въ ожиданіи распоряженій; что какихъ бы то ни было инструкцій для дѣйствія—не существуетъ и дано не будетъ, а что каждый изъ насъ будетъ только получать своевременно, черезъ графа Шувалова, указанія, когда и гдѣ стать и какой районъ, или какую улицу занять и охранять въ виду ожидаемаго проѣзда государя.—Московскій оберъ-полицеймейстеръ Александръ Александровичъ Козловъ [1]) посвященъ во всѣ подробности этого дѣла, но остальная полиція ознакомлена съ нимъ только поверхностно, а какъ оказалось потомъ, на дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, мѣстами,—совсѣмъ не была въ него посвящена. Козловъ относился къ организаціи добровольной охраны сочувственно; можно думать, что и всѣ дѣла были устроены при его содѣйствіи, но нѣкоторые члены полиціи отнеслись къ ней несочувственно и даже враждебно, какъ вторженіе въ область ихъ вѣдѣнія. Намъ сообщили, что, находясь на улицѣ, при проѣздѣ государя, мы должны быть въ сюртукахъ или пальто и, по возможности, не выставлять себя на-показъ.—Намъ рекомендовали имѣть всегда при себѣ достаточное число мелкихъ денегъ, такъ какъ можетъ случиться надобность быстраго переѣзда на другое мѣсто, въ случаѣ перемѣны маршрута поѣздокъ государя. Относительно возможности какихъ-нибудь покушеній намъ сказали, что получены свѣдѣнія о прибытіи въ Москву (или только еще въ Россію изъ-за границы,—хорошо не помню), нѣсколькихъ извѣстныхъ анархистовъ съ бомбами, небольшой круглой формы, величиной и видомъ апельсина, что эти анархисты будутъ въ цилиндрахъ и, привѣтствуя государя при проѣздѣ, будутъ снимать цилиндры, подобно остальной публикѣ, для поклона, а вмѣстѣ съ тѣмъ метать, спрятанныя въ ихъ двойномъ днѣ, бомбы.

Большаго ничего намъ сказать не могли, и мы отправились на свои пункты. Помощникомъ мнѣ назначенъ былъ волоколамскій уѣздный предводитель дворянства Сипягинъ, впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ, но такъ какъ онъ еще не пріѣхалъ, то я отправился на Тверскую-Ямскую одинъ.

[1]) Козловъ былъ одновременно со мной въ Пажескомъ корпусѣ, но гораздо старше меня. Отношенія наши были очень дружескія.

Ѣдучи на Тверскую-Ямскую, я раздумывалъ обо всемъ, мнѣ предстоявшемъ, и, признаюсь, считалъ мое положеніе довольно-таки затруднительнымъ и очень неяснымъ. Начать съ того, что я даже не зналъ, куда мнѣ именно ѣхать, и къ кому обратиться для начала. Тверская-Ямская улица длинная, приходъ Василія Кесарійскаго, понятно, занимаетъ извѣстный районъ, большой или малый—не знаю, но все же это не пунктъ, въ который я долженъ прибыть и все найти, а цѣлое населенное пространство... Далѣе, меня очень смущала предстоящая мнѣ дѣятельность, несомнѣнно весьма отвѣтственная; меня смущалъ вопросъ: чему же я буду учить мою сотню?—Хотя я и побывалъ уже на войнѣ, даже на двухъ—одной большой и одной маленькой, бывалъ въ развѣдкахъ, засадахъ, охранахъ, обучалъ людей военному искусству и военнымъ снаровкамъ,—но это же не то... Размышленія мои были прерваны словами извозчика: „вотъ и Тверская-Ямская".—Пріѣхали мы на какую-то площадь, скорѣе площадку; слѣва въ нее вливалась улица—Садовая (кажется, Кудринская), а сама Тверская-Ямская уходила въ даль.—Оглядѣвшись, я, на правомъ углу улицы и площадки, увидѣлъ большую лавку съ выставленными на-показъ, стариннаго покроя фуражками—картузами, которые прежде носило купечество, не слѣдовавшее еще тогда западной модѣ и не признававшее ни котелка, ни цилиндра. На вывѣскѣ значилось, что лавка принадлежитъ Григорію Поликарповичу Поликарпову, а домъ—Большакова. Зайдя въ лавку, я увидѣлъ цѣлые ряды картузовъ, лежавшихъ на полкахъ, и нѣсколько прикащиковъ, самаго великорусскаго типа. Обстановка эта почему-то меня пріободрила и поселила надежду, что я тутъ попаду на вѣрный путь. На просьбу мою повидать хозяина, прикащикъ съ большой готовностью послалъ за нимъ мальчика, и ко мнѣ очень скоро вышелъ пріятнѣйшей внѣшности, небольшого роста, круглымъ лицомъ и маленькой русой бородкой клиномъ—молодой, голубоглазый купецъ. Назвавъ мою фамилію и поздоровавшись „за руку", я сообщилъ, что имѣю къ нему дѣло, по которому желалъ бы поговорить—отдѣльно, вслѣдствіе чего сейчасъ же былъ приглашенъ и проведенъ имъ въ его квартиру, непосредственно примыкавшую къ магазину, за прилавкомъ. По образамъ и лампадамъ я понялъ, что я у человѣка, живущаго „по старой вѣрѣ"; наружность же его и вся манера обращаться и говорить совсѣмъ меня подкупили. Я прямо заявилъ, что пріѣхалъ изъ Петербурга, что я „посланъ" по особому дѣлу, по которому желалъ бы переговорить съ ихъ „стариками"; спросилъ, есть ли у нихъ свой „храмъ" и нельзя ли видѣть „батюшку". Былъ ли Григорій Поликарповичъ посвященъ въ предстоящую дѣятельность, я не знаю, но онъ съ большимъ радушіемъ и предупредительностью сказалъ, что

и „храмъ“ есть, и что онъ „вотъ тутъ сейчасъ“, а что за батюшкой онъ тоже „сейчасъ“ пошлетъ; меня же повелъ къ церкви. Церковь была во дворѣ, въ обыкновенномъ домѣ, снаружи себя не „оказывала“, внутри же была очень хорошо устроена и содержана въ замѣчательной чистотѣ. Понятно, что образа, лампады, хоругви,—все было „старое“. Скоро пришелъ батюшка, среднихъ лѣтъ, вполнѣ благообразный, въ чистой, хотя и простой, черной расѣ. Будучи съ дѣтства пріученъ къ соблюденію церковной обрядности и уваженію къ ней, я подошелъ подъ благословеніе и, хотя и „никоніянецъ“, но все же получилъ его, при чемъ батюшка благословилъ не по теперешнему, по модному, маленькимъ крестомъ въ протянутую ладошку, а осѣнилъ большимъ, размашистымъ крестомъ, начавъ съ темени. Вслѣдъ за батюшкой въ церковь начали входить весьма почтенные старики, въ длинныхъ кафтанахъ и чуйкахъ, очевидно уже освѣдомившіеся о прибытіи „генерала изъ Питера“, „по особому дѣлу“, а священникъ предложилъ мнѣ пойти съ ними въ находившуюся тутъ же, возлѣ церкви, комнату, гдѣ у насъ и началось засѣданіе—стоя. Батюшка сталъ передо мной, остальные прихожане, число коихъ все увеличивалось,—становились кругомъ, при чемъ наиболѣе почтенные продвигались впередъ, ближе ко мнѣ.—Съ первыхъ же словъ я узналъ, что меня ждутъ, т. е. конечно, не меня лично, а посланнаго изъ Питера, который станетъ во главѣ ихъ для охраны государя и „всему научитъ“.

Выше я упомянулъ, въ какое сомнѣніе приводила меня мысль о томъ, чему буду я ихъ учить; во время знакомства и бесѣды съ Григоріемъ Поликарповичемъ и батюшкой, занятый встрѣчей и разговорами съ новыми лицами, мысль эта нѣсколько затушевалась, но когда я услышалъ это „всему научитъ“,—вновь вернулись всѣ сомнѣнія, и я, какъ преступникъ, старающійся отдалить страшную минуту возмездія,—тоже старался отдалить ту минуту, когда я долженъ буду приступить къ ученью.

Начали съ того, чтобы составить сотню. Принесли бумаги, чернилъ, и я записывалъ всѣхъ, которыхъ мнѣ, присутствовавшіе тутъ, называли. Когда списокъ былъ конченъ, я попросилъ послать за отсутствовавшими, записанными со словъ другихъ, чтобы начать мое „ученье“ съ возможно большимъ числомъ участниковъ.—Потомъ раздѣлилъ сотню на десятки, назначивъ десятскихъ по выбору, а затѣмъ, соединивъ десятки по-полусотенно, назначилъ, тоже выбранныхъ, полусотенныхъ командировъ. Вся эта работа, очень всѣхъ интересовавшая, показала мнѣ, что обойтись безъ помощника мнѣ нельзя. Рѣшено бы то же „выбрать“ помощника, но для этого дѣла „старики“ просили моего позволенія удалиться, объясняя мнѣ, что такъ какъ я

никого изъ нихъ не знаю, то имъ нужно предварительно, между собой, посовѣтоваться. Вернувшись, мнѣ объявили, что помощникомъ мнѣ избранъ, уже полюбившійся мнѣ, Григорій Поликарповичъ Поликарповъ, „человѣкъ хотя еще и молодой, но надежный".

Началось „ученье", конечно, теоретическое. Старался я ужасно, разсказывалъ, казалось мнѣ, обстоятельно и понятно, слушали меня очень внимательно, съ напряженіемъ, но я видѣлъ, или скорѣе, чувствовалъ, что все это—не то. Слушали меня до поту, да и самъ я вспотѣлъ, удовлетворенія же не испытывалъ. На счастье мое вспомнилъ я учителя многихъ изъ насъ, Михаила Ивановича Драгомирова [1]) и его наставленіе, учить „показомъ", а не „разсказомъ"—и сразу почувствовалъ облегченіе, даже осѣненіе какое-то.

Комната, въ которой мы занимались, была очень большая, но все же нельзя было вытянуть всю сотню, на нѣсколько шаговъ дистанціи, другъ отъ друга, а потому я сначала построилъ одинъ десятокъ, шаговъ на пять человѣкъ отъ человѣка, самъ же сталъ въ концѣ длинной комнаты и, собравшись съ духомъ, сказалъ: „Ну, почтенные, смотрите: я теперь коляска, а въ колискѣ—государь"... и поѣхалъ, т. е. пошелъ по комнатѣ; затѣмъ, пройдя нѣсколько разъ кругомъ, вдругъ остановился, присѣлъ и закричалъ: „колесо сломалось, коляска остановилась, народъ сбѣгается... тѣснятъ... Что дѣлать?" и видя, что мои слушатели недоумѣваютъ, продолжалъ: „окружай кольцомъ... плотнѣй, чтобы кто лишній къ колискѣ не пробрался"... „Показъ", произвелъ чудо; мои молодцы живо, обрадовавшись, исполнили все, какъ по писанному, а кто-то изъ нихъ закричалъ: „нельзя ли всѣмъ сразу, пожалуйте на дворъ. У насъ дворъ большой, тихій, никто и не увидитъ". Пошли на „тихій" дворъ, который былъ дѣйствительно глухой и на столько большой, что хотя и не вся сотня сразу, но половина могла стать кругомъ, на порядочныхъ дистанціяхъ, а другая $^1/_2$ сотня смотрѣла. Тутъ мы продѣлали всевозможныя эволюціи,

---

[1]) Къ слову сказать, косточки котораго теперь усердно перемываютъ, и по моему скромному мнѣнію, не всегда надлежаще. Я совсѣмъ не возстаю противъ оспариванія нѣкоторыхъ выводовъ и положеній Михаила Ивановича, который, будучи человѣкомъ, склоненъ былъ ошибаться,—но нельзя же видѣть въ немъ чуть ли не преступника передъ арміей, какъ дѣлаютъ это очень рьяные, но не всегда хорошо освѣдомленные, писатели. Нельзя намъ забывать, что Драгомировъ, первый у насъ, указалъ въ солдатѣ человѣка, а не машину и въ половинѣ 60-хъ годовъ, не будучи еще на высотѣ служебной іерархіи, съ истиннымъ гражданскимъ мужествомъ выступилъ на бой съ устарѣвшими взглядами на обученіе солдата и несеніе имъ службы, возставая противъ мертвой формы и выдвигая на первый планъ—духъ. Уже это одно настолько велико, что имя Драгомирова должно быть почтено, а не унижено.—Ошибки же его: errare humanum est.

которыя приходили мнѣ въ голову: коляска на поворотѣ въ узкую улицу замедляла ходъ; коляска, по приказанію государя, останавливалась, и онъ подзывалъ кого-нибудь для разговора; или подъѣзжали къ подъѣзду и государь съ императрицей выходили и т. п. Продѣлалъ я это и съ другой $^1/_2$ сотней и работали чуть ли не до ночи; огни уже зажгли въ домахъ.

Люди мои были веселы, сами придумывали разныя положенія, и, увлекаясь, дошли до того, что спрашивали: „ а если государь съ нами заговоритъ, такъ какъ бы ему получше отвѣчать? Какъ мы себя должны передъ нимъ называть..?“ и т. п.

Провожаемый самыми лучшими пожеланіями, я, вполнѣ удовлетворенный, поѣхалъ домой, счастливый, что нашелъ выходъ изъ положенія, которое казалось мнѣ безвыходнымъ.

„Показъ“ выручилъ.

Ѣдучи домой, я вспомнилъ еще одного учителя, тоже учившаго меня, и товарищей моихъ пажей, „показомъ“. Это былъ знаменитый, въ свое время, ротный командиръ Пажескаго корпуса, полковникъ Карлъ Карловичъ Жирардотъ. Много мы его бранили, во время его ученья, но потомъ, сдѣлавшись зрѣлыми, много и тепло его благодарили, по крайней мѣрѣ большинство изъ насъ. Посвятивъ жизнь свою воспитанію пажей, Жирардотъ приходилъ въ корпусъ во время нашего вставанія и потомъ, весь день, за исключеніемъ классныхъ уроковъ, былъ съ нами. Много времени и труда посвящалъ онъ обученію пажей благовоспитанности и манерамъ, примѣняя „показъ“. Онъ училъ насъ прилично ходить, сидѣть, кланяться и, безъ преувеличенія можно сказать, что пажи, временъ Жирардота, отличались благовоспитанностью и приличными манерами. Особенное вниманіе обращалъ Жирардотъ на камеръ-пажей, несшихъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, придворную службу. Дѣлались репетиціи разныхъ церемоніаловъ, какъ напримѣръ: камеръ-пажи, на выходахъ во дворцѣ, назначались служить при высочайшихъ особахъ и тѣ изъ нихъ, которые служили у дамъ, должны были, участвуя въ шествіи, нести длинные, часто тяжелые, шлейфы придворнаго костюма. Чтобы все было въ порядкѣ, необходимы были снаровки, и вотъ этимъ-то снаровкамъ и училъ Жирардотъ на примѣрахъ. На одного изъ пажей надѣвали длинный чахолъ съ кровати, конецъ котораго, волочась по полу, изображалъ шлейфъ, другіе же, по очереди, должны были нести этотъ импровизированный шлейфъ. Ходили по разнымъ комнатамъ, проходили двери, воображали, что владѣтельница шлейфа останавливается, поворачивается, садится, и продѣлывали все необходимое въ такихъ случаяхъ, чтобы дама не запуталась въ шлейфѣ, или не зацѣпила имъ чего-нибудь. Надо было соображаться съ тѣмъ,

что шествіе не останавливается, и слѣдовательно, приходилось дѣлать все на ходу, чтобы не отстать отъ переднихъ и не задержать сзади идущихъ. Дѣлались репетиціи цѣлованія руки императрицы (baise-mains); Жирардотъ становился въ позу, а по бокамъ его становились свободные пажи, которые должны были изображать государя, великихъ князей и княгинь, присутствовавшихъ при церемоніи. Жирардотъ отлично говорилъ по-русски, но не могъ справиться съ нѣкоторыми гласными, а потому, въ данномъ случаѣ, ставъ на мѣсто, обыкновенно говорилъ: „начинайте; я эмпературица“,—и мы начинали подходить въ затылокъ другъ другу. При цѣлованіи руки надо было отнюдь не поднимать до себя руки императрицы, а самому до нея наклоняться и затѣмъ отходить плавно, постепенно, не задерживая слѣдующихъ сзади, не поворачиваясь спиной ни къ императрицѣ, ни къ присутствовавшимъ высочайшимъ лицамъ. Эти и много еще другихъ церемоній требовали практики; объяснить всю снаровку словами не было никакой возможности, а потому и Жирардотъ, какъ практикъ, объяснивъ и разсказавъ, продѣлывалъ все сначала самъ, въ примѣръ другимъ. Я сказалъ выше, что мы много его бранили во время ученья, смѣялись надъ нимъ, называли „барабанщикомъ великой французской арміи“, но сколько разъ потомъ въ жизни пришлось воспользоваться его уроками и сердечно поблагодарить этого „барабанщика“ de la grande armée“.

Примѣромъ же его доброты и гражданскаго мужества приведу слѣдующее:

Въ 1848 году въ старшій камеръ-пажескій классъ переходилъ пажъ Рылѣевъ, блистательно выдержавшій экзаменъ, и слѣдовательно, заслужившій назначенія въ камеръ-пажи, но кто-то въ конференціи заявилъ, что Рылѣева, уже по одной фамиліи (онъ былъ племянникъ декабриста), нельзя удостаивать придворной должности и возможности быть въ высочайшемъ дворѣ.—Конференція готова была съ этимъ согласиться; одинъ Жирардотъ протестовалъ, говоря, что „дѣти не отвѣтствуютъ за своихъ отцовъ“, а когда конференція не вняла этому внушенію, то Жирардотъ всталъ и ушелъ изъ засѣданія, объявивъ, что онъ не вернется и выходитъ въ отставку, если его требованіе не будетъ уважено. Такъ какъ Жирардотомъ очень дорожили и вмѣстѣ съ тѣмъ знали твердость его характера, то конференція сдалась, и Рылѣевъ былъ назначенъ.

Сойдясь въ нашемъ номерѣ гостиницы съ К., мы подѣлились впечатлѣніями. И у него дѣло налаживалось хорошо; и онъ, смекнувъ въ чемъ дѣло, показывалъ все „на примѣръ“. Обсуждая эти

благополучные результаты нашей работы и совпаденіе избранныхъ нами способовъ обученія, мы не могли не обратить вниманіе на то, что во многихъ случаяхъ, когда нужно „распорядиться“, да при томъ еще „немедленно“, военные имѣютъ много шансовъ на успѣхъ. Во всѣхъ насъ, еще съ корпусной скамьи, развиваютъ привычку къ дисциплинѣ, сперва въ видѣ повиновенія и послушанія, а затѣмъ и командованія; развиваютъ привычку „рѣшаться“, когда обстановка этого требуетъ. Кромѣ того, служащіе въ войскахъ, имѣя постоянно дѣло съ солдатомъ, стоятъ гораздо ближе къ народу и болѣе знакомы съ его нуждами и его воззрѣніями, чѣмъ чиновникъ канцеляріи, можетъ быть болѣе ученый, чѣмъ мы.

Утро другого дня мы были опять въ нашихъ сотняхъ. Пришлось разрѣшить нѣкоторые вопросы, которые возникли у дружинниковъ, чрезвычайно заинтересовавшихся предстоявшимъ дѣломъ. Болѣе всего затруднялъ всѣхъ насъ вопросъ о „подозрительныхъ лицахъ“, наблюденіе за которыми входило въ кругъ нашихъ обязанностей. Какъ ихъ отличить; почему считать „подозрительными“ и почему „неподозрительными“? Такъ какъ въ этомъ дѣлѣ ни у кого изъ насъ практики не было, то порѣшили, чтобы во всякомъ случаѣ „подозрительности“, замѣтившій таковую, сообщалъ бы мнѣ, а я уже какъ-нибудь разберусь.—Безпокоило еще моихъ сотрудниковъ отношеніе къ намъ наружной полиціи, будетъ ли она насъ вездѣ пускать, при несеніи нами службы, не будутъ ли прогонять съ улицы и тротуаровъ? Не имѣя самъ на это опредѣленныхъ указаній, я все же считалъ нужнымъ ихъ успокоить, а на всякій случай далъ каждому члену сотни мою визитную карточку, на которой было напечатано, что я „генералъ“ и состою въ распоряженіи его императорскаго высочества главнокомандующаго петербургскаго военнаго округа. Авось это выручитъ.

Поздно вечеромъ получили мы распоряженіе на другой день. Указанъ былъ часъ пріѣзда государя и сотнямъ моей и К. приказано было занять Никольскую улицу, ставъ вдоль улицы по обѣ ея стороны. Оповѣстивъ съ вечера людей, мы, на другой день, задолго еще до назначеннаго часа, вышли на улицу, вымѣрили ее шагами и подѣлили ее пополамъ, разсчитавъ, сколько шаговъ приходится на человѣка и въ какомъ примѣрномъ разстояніи люди должны становиться другъ отъ друга. Сотни наши пришли принарядившись, какъ на праздникъ, и весьма толково исполняли всѣ наши указанія. Не обошлось, конечно, безъ приключеній. Я прохаживался по своему участку, центромъ котораго былъ тротуаръ противъ подъѣзда Славянскаго Базара, какъ вдругъ услышалъ какіе-то крики со стороны площади; ускореннымъ шагомъ придя туда, увидѣлъ одного изъ мо-

ихъ почтеннѣйшихъ стариковъ, который держалъ за руку простую бабу, уже не молодую, съ узелкомъ въ рукѣ. Слышались крики: „Пусти, озорникъ, чортъ старый“... „Не пущу; развязывай узелокъ, что у тебя въ немъ спрятано“... „Чего я тебѣ, чтобъ тебѣ пусто было, буду узелокъ развязывать“... Очевидно старуха, съ узелкомъ показалась моему ретивому старику—„подозрительной“. Подойдя въ это время, я очень скоро водворилъ порядокъ по отношенію къ моему подчиненному, но старуху трудно было урезонить; такъ расходилась, что бѣда.

Наконецъ показался государь съ императрицей, не очень скоро ѣхавшіе, въ открытой коляскѣ, и хотя люди мои уже порядочно были намуштрованы, но при видѣ царя—не выдержали: всѣ сошли съ тротуара на улицу, кланялись въ поясъ, махая картузами чуть не у самой коляски. Они выдѣлялись довольно рѣзко, отчасти по костюму (длиннополые сюртуки, по большей части совершенно одинаваго фасона), отчасти же потому, что остальную публику, разношерстную, полиція удерживала на тротуарахъ, не позволяя сходить на мостовую. Когда государь проѣхалъ, я собралъ своихъ людей во дворѣ одного сосѣдняго дома и сильно ихъ пожурилъ за то, что не удержались и сошли съ тротуара. Внушеніе мое было принято разумно и съ покорностью, отчасти, я думаю, потому, что всѣ они просто утопали въ блаженствѣ, что такъ хорошо и близко видѣли государя и императрицу. Они наперерывъ, перебивая другъ друга, передавали свои впечатлѣнія, при чемъ нѣкоторые, съ особымъ удовольствіемъ, не лишеннымъ хвастливости, говорили мнѣ: „а полиція-то, батюшко, ничего; не препятствовала“... То обстоятельство, что полиція „не препятствовала“ и что это моими людьми было отмѣчено, послужило мнѣ очень на пользу, такъ какъ подняло мой авторитетъ во мнѣніи сотни на большую высоту, гораздо выше самой „полиціи“, которая вообще, въ глазахъ старобрядцевъ, стояла очень высоко.

Такъ какъ въ данную минуту роль наша была кончена, то я разрѣшилъ людямъ отправляться въ „трактирчики“, чайку попить, „на радостяхъ“, но такъ какъ они пошли не въ одинъ трактиръ, а въ нѣсколько ближайшихъ, то я оставилъ при себѣ столько человѣкъ, „гонцевъ“, сколько было намѣчено трактировъ, чтобы въ случаѣ нужды, послать сразу во всѣ мѣста, дать знать о предстоящемъ.

Не успѣли мои люди разойтись, какъ къ подъѣзду Славянскаго Базара подъѣхалъ М. Д. Скобелевъ, какъ всегда, бодрый, красивый, нарядный, съ тремя Георгіями. Увидѣвъ меня, онъ быстро перешелъ улицу, подошелъ ко мнѣ и расцѣловался, а затѣмъ, узнавъ, что я, въ данную минуту, свободенъ, пригласилъ идти въ Славянскій Базаръ завтракать, вмѣстѣ съ М. Г. Черняевымъ. Я съ турецкой войны не видѣлъ

Михаила Дмитріевича и былъ очень радъ этой неожиданной встрѣчѣ; радъ былъ видѣть и Черняева, котораго хорошо зналъ и тоже давно не видалъ. Этотъ случайный эпизодъ, въ свою очередь, послужилъ мнѣ очень на пользу, такъ какъ демонстративное цѣлованіе съ „бѣлымъ генераломъ", на улицѣ, среди массы народа, произвело большое впечатлѣніе на моихъ стариковъ. Во время завтрака дали знать, что государь ѣдетъ въ храмъ Спасителя, и что нашимъ сотнямъ надо стать кругомъ собора. Благодаря присутствію „гонцовъ", сотня, на извощикахъ, быстро поспѣла къ собору, но государя видѣть не удалось, такъ какъ его величество подъѣхалъ съ другой стороны и люди мои были недовольны, говоря, что „не съ той стороны стали". Очень ужъ разохотились.

На слѣдующій день государь ѣздилъ въ Троицкую Лавру. Мнѣ назначено было стать въ переулкѣ недалеко отъ петербургскаго вокзала, при чемъ сообщили конфиденціально, что государь можетъ быть и не проѣдетъ по этому переулку, а только пересѣчетъ его, но что занять его надо. Зная, какъ сотня дорожитъ возможностью видѣть государя, я, не желая заблаговременно разочаровывать людей, не сообщилъ имъ, полученнаго мною, конфиденціальнаго указанія, но по проѣздѣ государя, пришлось выслушать жалобы, что я ихъ опять дурно поставилъ.

Возвращеніе государя ожидалось въ 5 часовъ; сотнѣ К. назначено было стать на площади противъ ярославскаго вокзала, а мнѣ, рядомъ, противъ петербургскаго. Москва знала, что государь поѣхалъ въ Лавру и что долженъ вернуться въ тотъ же день, а потому толпы народа, цѣлый день, стояли противъ этихъ двухъ вокзаловъ. Наряды полиціи были усилены и нашихъ сотенъ на площади было сосредоточено много, такъ что людей поставили довольно густо, по бокамъ проѣзда, очищеннаго отъ публики. — Самъ я взобрался на верхнюю ступень крыльца петербургскаго вокзала, откуда хорошо было видно всю площадь, моихъ людей и сосѣдей. — Я видѣлъ буквально море головъ и почувствовалъ ужасъ. Ну что тутъ подѣлаютъ 5, 6, 7 сотенъ добровольной охраны и наряды полиціи съ жандармами, хотя бы и усиленные, когда площадь запружена десятками тысячъ народа! Толпа вела себя въ высшей степени чинно, степенно, спокойно выжидая; не слышно было даже гула толпы, но все же, думалось мнѣ: вѣдь это стихія; никакія плотины не удержатъ потока, если онъ напретъ...

Въ 5 часовъ коляска съ государемъ и императрицей съѣхала съ подъѣзда ярославскаго вокзала на площадь и двинулась по оставленному проѣзду. Неописуемое, прямо неистовое „ура!" стояло въ воздухѣ. Всѣ наряды полиціи, охраны... были прорваны; коляска ѣхала шагомъ.

Съ высокаго крыльца, на которомъ я стоялъ, видно было какъ люди снимаютъ шапки и шляпы у самыхъ колесъ, а женщины, изъ простыхъ, протягиваютъ въ коляску дѣтей, на рукахъ... Я видѣлъ отлично, какъ рука государя, нѣсколько разъ, опускалась на подаваемыхъ ему дѣтей... Нарисовать этой картины нельзя; нельзя изобразить этого неимовѣрнаго движенія,—этой „жизни“ толпы; да и звуковъ на картинѣ изобразить нельзя; а тѣмъ болѣе нельзя описать. Я былъ совершенно подавленъ и только крестился: „пронеси, Боже!“... И дѣйствительно, тутъ сильнѣе толпы былъ только Богъ; а что могли подѣлать мы, несчастные песчинки, соломинки, хотя бы и всѣ вмѣстѣ взятые!..

Вернулся я домой усталый, изнуренный и совершенно удрученный, въ ясномъ и полномъ сознаніи своего ничтожества.

Кажется на другой день послѣ посѣщенія Лавры, назначенъ былъ смотръ войскамъ на Ходынскомъ полѣ. Нормальный путь ѣзды на поле шелъ по Тверской и далѣе по Тверской-Ямской, пересѣкая площадку у соединенія этихъ улицъ, а я получилъ приказаніе занять Садовую улицу, отъ угла Тверской-Ямской, что давало поводъ думать, что государь поѣдетъ не по Тверской, а по Садовой и по ней выѣдетъ на Тверскую-Ямскую. Рано утромъ поставилъ я моихъ людей по Садовой до угла той площадки, которую пересѣкаетъ Тверская, и на углу которой находится домъ Большакова, мѣсто жительства моего подручнаго, Григорія Поликарповича Поликарпова. Къ удивленію моему, Садовая была пуста, никакихъ приготовленій не было: ни полиціи, ни флаговъ, ни публики; Тверская же и продолженіе ея—Тверская-Ямская были полны народу, полиціи и увѣшаны флагами. Я былъ въ недоумѣніи, а люди мои совсѣмъ волновались. „Куда ты насъ, батюшко, ставишь? Видишь вѣдь, Садовая то—пустыня, а вонъ, по Тверской, весь народъ и полиція“. Дѣйствительно, все указывало на то, что царскій проѣздъ состоится вдоль обѣихъ Тверскихъ, что и по топографіи мѣстности казалось совсѣмъ нормальнымъ. Скоро пріѣхалъ одинъ изъ важныхъ московскихъ полицейскихъ чиновъ, тогда полковникъ, Огаревъ, и я рѣшился къ нему обратиться съ вопросомъ, гдѣ поѣдетъ государь. Огаревъ, осмотрѣвъ меня внимательно и вѣроятно убѣдившись въ несомнѣнности моего генеральства, отвѣтилъ, что по Тверскимъ и указалъ на всѣ приготовленія, по этимъ улицамъ дѣлаемыя. Въ это время я получилъ записку, кажется отъ Козлова, чтобы я обратилъ вниманіе на трактиръ, находившійся тоже на углу Тверской, но съ другой стороны, такъ какъ этотъ трактиръ служилъ сборищемъ разнаго темнаго люда. Изъ того краткаго топографическаго описанія мѣстности, которое я сдѣладъ,

видно, что уголъ улицъ Садовой и обѣихъ Тверскихъ, а также и указанный трактиръ лежатъ какъ разъ въ приходѣ Василія Кесарійскаго, населеннаго людьми моей сотни, или имъ близкими, и хорошо имъ всѣмъ извѣстнаго, вслѣдствіе чего я распорядился, черезъ Григорія Поликарповича, послать къ трактиру особый нарядъ, не изъ числа людей сотни, которыхъ оставилъ на мѣстахъ. Когда я распорядился по вопросу о трактирѣ, къ великому моему ужасу, Огаревъ приказалъ протянуть канатъ, загораживая имъ въѣздъ съ Садовой въ Тверскія улицы; городовые усерднѣйшимъ образомъ натягивали толстѣйшій канатъ, на 1/2 высотѣ человѣческаго роста и закручивали его за фонарные столбы; такимъ образомъ въѣздъ съ Садовой былъ окончательно закрытъ.

Положеніе мое стало поистинѣ трагическимъ; въ карманѣ записка съ категорическимъ указаніемъ: „стать вдоль Садовой, отъ угла Тверской-Ямской“, а на яву—толстѣйшій канатъ, указаніе тоже категорическое; къ тому же городовые такъ усердно замотали концы каната за фонарные столбы, что развязать узлы требовало времени.—Сотня моя волновалась ужасно и даже обнаружила нѣкоторое буйство: „батюшко, воля твоя, а мы уйдемъ. Что же это, точно на смѣхъ насъ сюда ставишь. Видишь—канатъ...“ Пришлось пойти на окрикъ: „маршъ по мѣстамъ. Это что за бунтъ! Брались за дѣло—обѣщались слушать. Я дѣйствую по приказу, а не изъ своей головы“ и, вынувъ записку, показывалъ ее ближайшимъ. Весьма неохотно, но все же отошли и стали по мѣстамъ. Успокоивъ ихъ, я самъ былъ очень безпокоенъ и пошелъ еще разъ къ Огареву, самымъ вѣжливымъ и любезнымъ образомъ спрашивая его, не можетъ ли случиться, что государь поѣдетъ по Садовой? На это Огаревъ довольно презрительно оглядѣлъ меня и видимо недовольный тѣмъ, что я мѣшаю ему, отвѣтилъ: „помилуйте-съ; кому же и знать, какъ не намъ. У меня маршрутъ слѣдованія его величества“. Я не отставалъ: „а нельзя ли канатъ снять?“—Послѣдовалъ рѣзкій отвѣтъ: „нельзя-съ...“ Я вполнѣ входилъ въ его положеніе; онъ—главный распорядитель и при томъ, конечно, главный отвѣтчикъ; у него „маршрутъ“,—а тутъ какой-то генералъ, просто глазѣющій, а не участвующій, такъ какъ я былъ не въ мундирѣ, а въ сюртукѣ и пальто — суется... мѣшаетъ. Но и мое то-положеніе было критическое; у меня въ карманѣ тоже „маршрутъ“—записка!

Но какъ часто бываетъ въ трудныя минуты, когда нужно „рѣшиться“ и при томъ „немедленно“, счастливая мысль озарила меня. Подозвавъ Поликарпыча, я велѣлъ ему сейчасъ же добыть два острѣйшихъ ножа; далъ ему денегъ, приказавъ купить и не скупиться, но съ условіемъ, чтобы они были острѣйшіе и небольшіе, удобные для кармана. — Поликарпычъ побѣжалъ и очень скоро принесъ мнѣ два

сапожныхъ ножа, широкихъ, плоскихъ, въ плоской деревянной оправѣ и неимовѣрно остро отточенныхъ. Поликарпычъ хвастался: „даромъ досталъ; при мнѣ и подточили". Запасшись ножами, одинъ изъ нихъ далъ я Поликарпычу, приказавъ ему стать у фонаря, на углу Тверской-Ямской и не спускать съ меня глазъ, при чемъ, какъ только я махну платкомъ—рѣзать канатъ; самъ же вышелъ на середину Садовой, откуда мнѣ была видна улица на большое протяженіе, въ то время совершенно пустынная, съ понуро стоявшими, по бокамъ ея, моими охранниками. Только-что я всталъ и осмотрѣлся, какъ увидѣлъ вдали мчавшійся экипажъ, дрожки, запряженныя парой въ пристяжку, а за нимъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, ѣхавшую нѣсколько тише, коляску, тройкой. Я, забывъ про платокъ, неистово закричалъ: „Поликарпычъ, рѣжь..." и самъ бросился туда же съ ножемъ. Отъ волненія ли, или ножъ былъ хуже, но Поликарпычъ, который былъ конечно гораздо сильнѣе меня, не могъ справиться: ножъ скользилъ по новому, туго скрученному канату, который только благодаря нашимъ совмѣстнымъ усиліямъ оборвался, упалъ концомъ на мостовую, какъ разъ въ то время, когда, стлавшаяся по землѣ, вороная пристяжная перваго экипажа, чуть-чуть не задѣла меня мордой по плечу. Приподнявшись, я увидѣлъ Козлова, привставшаго въ дрожкахъ и вѣроятно издали еще видѣвшаго канатъ и насъ двухъ, копошившихся у фонаря. „Поспѣлъ..." крикнулъ онъ мнѣ, видимо довольный, улыбаясь, и промчался далѣе на Тверскую-Ямскую; вслѣдъ за нимъ, ровной рысью всей тройки, проѣхалъ государь съ императрицей.

Долженъ сознаться, что когда все кончилось, я вздохнулъ свободно. Стоитъ только подумать, что было бы, если бы я не догадался запастись ножами? Мы пробовали потомъ развязать узелъ каната, на фонарѣ; работа заняла столько времени, что если бы мы вздумали дѣлать это въ минуту проѣзда, то несомнѣнно и Козлову, и государю пришлось бы остановиться, покуда мы путались.—Срамъ-то какой былъ бы; приставили генерала, да еще боевого, къ пустяшному дѣлу—канатъ снять; а онъ и этого не сумѣлъ сдѣлать... Я воспользовался моимъ успѣхомъ, чтобы пожурить и подтянуть моихъ Ѳомъ-невѣрныхъ, моихъ стариковъ. Но они были до того сконфужены и до того радостные, говоря: „вышло по-нашему", что я преклонилъ гнѣвъ на милость, взявъ съ нихъ только торжественное, круговое обѣщаніе—слушать меня безпрекословно и никогда не ворчать. Восторгъ этихъ милыхъ людей былъ прямо трогательный; они уже какъ-то, точно мимоходомъ, говорили, что видѣли хорошо государя съ императрицей, а стояли особенно на томъ, что „государь *насъ* видѣлъ и всѣмъ намъ кланялся; каждому оба поклонились..."

Насталъ и послѣдній день пребыванія государя въ Москвѣ. Отъѣздъ былъ назначенъ въ Нижній, днемъ. Въ то время нижегородскій вокзалъ былъ деревянный, маленькій, стоявшій немножко отступя отъ большой улицы, ведшей изъ Москвы, такъ что, ѣдучи, изъ города, надо было завернуть налѣво въ небольшой проѣздъ упиравшійся въ вокзалъ.

Мнѣ велѣно было занять какъ разъ этотъ коротенькій проѣздъ, при чемъ указано вокзала не занимать, такъ какъ онъ будетъ, начиная съ подъѣзда, охраняться полиціей и жандармами.—Лѣвѣе меня, уже по большой улицѣ, долженъ былъ стать К. Люди мои были уже опытны и разстановка не требовала хлопотъ; отъ внимательности ихъ не ускользало ничто, и скоро ко мнѣ подошелъ Поликарпычъ, шепотомъ говоря: „батюшка, наши указываютъ, что какой-то „подозрительный“ ходитъ; вонъ въ рыжемъ пиджачкѣ, въ очкахъ. Все на насъ косится“. Оказался полицейскій агентъ.

Когда государь съ императрицей подъѣхали къ вокзалу, толпа народа, уже не сдерживаемая, хлынула въ дворикъ передъ подъѣздомъ. Помня приказаніе не очень показываться, я нѣсколько отсталъ, остановился за толпой и, вслѣдствіе малаго роста, видѣлъ только, какъ государь приподнялся въ коляскѣ, передъ тѣмъ чтобы выходить изъ нея, затѣмъ встала государыня; потомъ они, ступивъ на землю, естественно скрыты были отъ меня, и, наконецъ, я увидѣлъ ихъ уже на верхней площадкѣ подъѣзда, гдѣ произошла какая-то остановка; потомъ всѣ скрылись за стеклянными дверьми вокзала. Я не придалъ никакого значенія происшедшей остановкѣ, резонно, казалось мнѣ, разсуждая, что государь, вѣроятно, бесѣдовалъ съ провожавшими его лицами, но вотъ черезъ толпу пробирается очень маленькаго роста, офицеръ, брюнетъ, въ формѣ уланъ Его Величества (Варшавскихъ) въ сюртукѣ и лядункѣ [1]). Подойдя ко мнѣ и справившись о моей фамиліи, онъ сказалъ, что меня зоветъ поскорѣй генералъ Козловъ. Войдя внутрь вокзала, я увидѣлъ Козлова, который, торопливо идя мнѣ навстрѣчу, сказалъ: „Какъ это случилось?..“—„Что такое?..“—„Да развѣ ты ничего не видѣлъ?..“ и когда я отвѣтилъ, что ничего не знаю, онъ мнѣ сказалъ: „Ну теперь некогда разсказывать; ступай на платформу къ князю Долгорукову [2]); онъ тебя ждетъ и тебѣ скажетъ“. Предчувствуя что-то недоброе, вышелъ я на платформу. Поѣздъ былъ готовъ къ отправленію, окна закрыты; кромѣ рѣдкихъ жандармовъ, на платформѣ—ни души, и только маленькій, толстенькій князь Долгорукій, мѣрными шагами, медленно ходилъ взадъ и впе-

[1]) Кажется, Чебышевъ.

[2]) Московскій генералъ-губернаторъ князь Владиміръ Андреевичъ.

редъ. Подойдя къ нему и назвавъ себя, я услышалъ отъ него слѣдующее: „Разберите, какъ это случилось. Кто онъ? Я серьезнаго значенія не придаю, но вы все-таки разберите и взыщите". Въ это время паровозъ свистнулъ, поѣздъ тронулся; князь и я, по привычкѣ, приложили руку къ козырьку, а затѣмъ князь исчезъ.

Что же случилось?

Происшествіе было, можно сказать, чрезвычайное.

Я сказалъ уже выше, что въ сотню рогожскихъ старообрядцевъ, находившуюся въ завѣдываніи К., принятъ былъ одинъ горожанинъ, не старообрядецъ, очень приличный съ виду, скромный молодой человѣкъ. Онъ, въ составѣ сотни, стоялъ на улицѣ при проѣздѣ государя на Нижегородскій вокзалъ и когда коляска миновала ихъ, считая свою службу конченною, бросился съ толпой къ подъѣзду. Здѣсь, желая поближе видѣть государя и государыню, онъ, какими-то судьбами, пробился на верхнюю площадку, а затѣмъ, увидѣвъ царя и царицу въ такой близости, не вытерпѣлъ, растолкалъ всѣхъ окружавшихъ и бросился передъ императрицей на колѣни. Можно себѣ представить, какой это вызвало переполохъ и испугъ: неизвѣстный человѣкъ въ сѣромъ пиджачкѣ, блѣдный отъ волненія, у самыхъ ногъ государыни—и молчитъ... Присутствовавшіе при этомъ говорили мнѣ, что государыня, шедшая впереди, отступила нѣсколько назадъ; тогда этотъ молодой человѣкъ, рыдая, протянулъ къ ней руки и, сквозь слезы, проговорилъ: „Матушка, не бойся; я изъ твоей охраны..." Императрица сейчасъ же оправилась отъ перваго впечатлѣнія, подошла къ нему и протянула ему свою руку, которую тотъ, обливаясь слезами, поцѣловалъ.—Это и была та остановка, которую я примѣтилъ, стоя внизу, за толпой.—Такъ какъ этотъ господинъ находился въ вѣдѣніи К., то я конечно, прежде всего, отыскалъ сего послѣдняго и мы сообща обсуждали дѣло.—Князь Долгорукій разрѣшилъ передать молодца въ наши руки, на нашу расправу, чему мы были конечно очень рады, такъ какъ, хотя онъ и совершилъ нѣчто весьма не похвальное, но все же подкладка его выходки и чувства, руководившія имъ, были сердечны и искренни. Созвали мы стариковъ и предложили имъ самимъ разсудить дѣло, тѣмъ болѣе, что онъ былъ принятъ на службу по согласію всей сотни и за ихъ порукою; отъ взысканія же съ своей стороны—отказались, считая, что онъ достаточно уже наказанъ тѣмъ страхомъ и безпокойствомъ, которое онъ испытываетъ съ той минуты, какъ его схватили на площадкѣ и до рѣшенія, которое постановитъ сотня. Кончивъ обсужденіе, старики явились къ намъ и заявили о своемъ рѣшеніи. „Такъ какъ онъ человѣкъ еще молодой и съ собой не совладалъ, а дурного у него на умѣ ничего не было, то отъ наказанія освободить; но за глупость

и неразуміе, а также и за то, что обманулъ довѣріе людей его, въ свою среду, принявшихъ—поучить".—Да какъ же вы поучите?—спросили мы.—Старики помялись и наконецъ отвѣтили: „Соберемся всѣ у себя, да и выпоремъ". Мы однако рѣшили заступиться за виновнаго и просили, въ одолженіе намъ, порки не производить. Намъ сперва возражали, говоря, что „это ничего", и что даже онъ самъ, чувствуя свою вину, на это согласенъ; но потомъ уступили, помирившись на томъ, что онъ, передъ всей сотней, принесетъ повинную и покаянную; а сотня его проститъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

На другой день всѣхъ насъ, начальствовавшихъ надъ охраною лицъ, созвали въ одну изъ комнатъ Славянскаго Базара; пришелъ генералъ Д., который, какъ говорили, занималъ высокій постъ во всей организаціи охраны. Генералъ передалъ намъ благодарность за службу и предложилъ представить ему списки всѣхъ лицъ, числившихся въ сотняхъ, съ отмѣткой о наиболѣе потрудившихся, или бывшихъ въ какихъ-нибудь распорядительныхъ должностяхъ. Дѣлалось это для того, чтобы впослѣдствіи всѣмъ имъ раздать подарки, на память. Я, въ своемъ спискѣ, выдвинулъ болѣе другихъ Григорія Поликарповича Поликарпова, моего ревностнаго помощника.

Дѣло наше было кончено; можно было ѣхать домой, но надо было проститься съ моими сподвижниками, о чемъ и они настоятельно просили.

Пріѣхавъ въ назначенное время, я засталъ всѣхъ ихъ, собравшихся въ церкви; были и посторонніе, конечно изъ старообрядцевъ; были и семьи ихъ.—Пожелали, всѣмъ міромъ, отслужить благодарственный молебенъ, при чемъ меня поставили впереди, на виду у всѣхъ, а сами всѣ встали поодаль. Я, помня мое никоніанство, хотя и всталъ впереди, но на солею взойти не рѣшился. Батюшка служилъ очень хорошо; пѣли прихожане довольно складно, но, по старинѣ, пѣли въ носъ, гнусаво, что, для непривычнаго уха, было нѣсколько странно.—По окончаніи молебна батюшка вынесъ изъ алтаря крестъ и подошелъ ко мнѣ одному; я облобызалъ крестъ и поцѣловалъ руку священника. И самъ не ожидалъ, что это послѣднее произведетъ такое впечатлѣніе на моихъ кратковременныхъ друзей. Дѣло въ томъ, что этотъ старый и хорошій обычай, цѣловать руку у священника, пастыря, совсѣмъ почти выведенъ изъ употребленія и замѣненъ или просто поклономъ, или пожатіемъ руки. Нѣкоторые винятъ въ этомъ „батюшекъ", а я виню насъ, общество, интеллигенцію, и при этомъ

всегда вспоминаю весьма, по моему мнѣнію, поучительный эпизодъ, разсказанный Н. Лѣсковымъ въ одномъ изъ лучшихъ его произведеній: „Соборяне“.—Одно изъ главныхъ, если не самое главное лицо повѣсти, симпатичнѣйшій соборный протопопъ, Савелій Туберозовъ, славился своей праведной жизнью и умными проповѣдями не только въ Старгородѣ, но и въ окрестностяхъ. Прослышала про него сосѣдняя помѣщица, боярыня Марѳа Андреевна Плодомасова, особа, отличавшаяся умомъ и прямотою твердаго характера. Она пригласила его къ себѣ, и вотъ какъ разсказываетъ эту встрѣчу самъ о. Савелій, въ сказаніи Н. Лѣскова.

„— Здравствуй,—сказала она мнѣ, головы ни мало не наклоняя, и добавила:—я тебя рада видѣть.

Я въ отвѣтъ на это ей поклонился и, кажется, даже съ изрядною неловкостью поклонился.

— Поди же, благослови меня,—сказала она.

Я подошелъ и благословилъ ее, а она взяла и поцѣловала мою руку, чего я всячески намѣренъ былъ уклониться.

— Не дергай руки,—сказала она, сіе замѣтивъ.—Это не твою руку я цѣлую, а твоего сана“.

Вотъ это „твоего сана“ и врѣзалось мнѣ въ память, осмысливъ то, что я привыкъ дѣлать съ дѣтства—не осмысленно.—Упомянулъ же я объ томъ, что поцѣловалъ руку у священника, вотъ почему. По окончаніи молебна распрощался я съ моими сослуживцами по охранѣ и уходилъ отъ нихъ, провожаемый самыми сердечными, трогательными пожеланіями и словами. Постоянно слышалось „благодарствуйте...“ и за то, и за это, и вдругъ слышу: „Благодарствуйте за то, что нашего батюшку ублаготворили“.—Я сразу и не понялъ въ чемъ дѣло; спросилъ и получилъ отвѣтъ: „а какъ же; почтили, руку поцѣловали...“

Не лишнимъ нахожу отмѣтить здѣсь, что почтенный, старинный обычай цѣловать руку благословляющаго священника, цѣловать „руку сана“, въ теперешнее, полное „уничтоженія предразсудковъ“, время, незыблемо сохранился у насъ только на двухъ крайнихъ полюсахъ: въ народѣ, называемомъ „простымъ“, и то преимущественно у стариковъ,—да въ царской семьѣ [1])...

Проводить меня на вокзалъ собрались старѣйшіе изъ сотни и въ томъ числѣ Григорій Поликарповичъ. Много лѣтъ послѣ этого, со-

---

[1]) Оговорюсь: крайніе полюсы—только по житейскому, мірскому толкованію. *П. П.*

стоялъ я съ нимъ въ перепискѣ, а бывая случайно въ Москвѣ, заѣзжалъ въ домъ Большакова, прихода Василія Кесарійскаго, при отъѣздѣ всегда провожаемый милѣйшимъ Григоріемъ Поликарповичемъ и его семьей.

Съ тѣхъ поръ прошло четверть вѣка, и описанный мною эпизодъ можетъ уже получить мѣсто въ ряду моихъ воспоминаній „Изъ Прошлаго“.—Читая теперь въ газетахъ отчеты о „Прѣснѣ“, „Прохоровской мануфактурѣ“, „Домѣ Фидлера“ и друг.—вспоминаю о тѣхъ временахъ, „нѣсколько иныхъ“, и невольно напрашивается вопросъ: да куда же дѣвались эти „крѣпкіе“ люди?..

Такъ осуществилась, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, моя фантазія о „патрулированіи на тротуарѣ“ и „обереженіи государя“.—Какъ члену общества, мнѣ тоже удалось „придти на помощь...“ Конечно въ маломъ... По поводу этой малости, вспоминаю поговорку о корабляхъ и ихъ плаваніи: которому—большое, а которому и малое.

П. Паренсовъ.

Двадцать пятая масонская ложа союза Астреи.

Академикъ Пыпинъ считалъ въ союзѣ Астреи двадцать четыре масонскихъ ложи. Такое же число масонскихъ ложъ указано въ спискѣ членовъ союза Астреи на 1820—1821 г. (Tableau de la grande loge Astrée pour l'an 1820/21). Между тѣмъ, какъ сообщилъ мнѣ Н. Лернеръ, А. С. Пушкинъ принадлежалъ къ кишиневской масонской ложѣ № 25. Н. Лернеръ къ этому вопросу подходилъ съ точки зрѣнія причастности къ масонству Пушкина. Мнѣ же, съ точки зрѣнія исторіи масонства въ Россіи, крайне важно также и то, что кишиневская ложа была занумерована подъ нумеромъ 25-мъ. Это означаетъ, что *масонская ложа въ Кишиневѣ примкнула къ союзу Астреи, принявъ въ немъ 25-й нумеръ, при чемъ самое присоединеніе къ союзу произошло почти наканунѣ оффиціальнаго закрытія масонства*, такъ какъ иначе ложа была бы упомянута въ спискѣ на 1820/21 г.

Тира Соколовская.

Голштинскій вопросъ и политика Россіи на Балтійскомъ морѣ въ первую половину XVIII столѣтія [1]).

II.

Извѣстія, сообщаемыя М. Бестужевымъ со времени его прибытія въ Стокгольмъ, были утѣшительнаго свойства и позволяли надѣяться на болѣе или менѣе успѣшное выполненіе задуманной программы. Судя по этимъ извѣстіямъ, общественное мнѣніе въ Швеціи совершенно иначе относилось въ это время къ идеѣ сближенія съ Россіей, чѣмъ правительственныя сферы Даніи. Сочувственное отношеніе къ подобной идеѣ обусловливалось, впрочемъ, не столько искреннимъ желаніемъ поддержать герцога голштинскаго въ его притязаніяхъ, сколько недовѣріемъ къ затаеннымъ происканъ короля Фридриха.

Нелюбимый въ народѣ и располагавшій крайне незначительною партіею въ Сенатѣ—къ серединѣ 1722 г. на его сторонѣ были только двое сенаторовъ: Таубе и Эккеблатъ—бездѣтный король упорно старался упрочить шведскій престолъ за своимъ братомъ, находя въ этомъ поддержку какъ со стороны своего отца, стараго ландграфа гессенъ-кассельскаго, такъ и со стороны своей супруги, отказавшейся 1720 г. отъ престола королевы Ульрики-Элеоноры [2]). Онъ все недовѣрчивѣе и недовѣрчивѣе начинаетъ поэтому относиться съ этого

[1]) См. „Русская Старина“, январь 1907 г.

[2]) Инструкція М. Бестужеву 20-го нояб. 1721 г. и „добавка“ къ ней 6 дек. г. г.—Дѣла шведскія 1721, № 11.

времени къ русскому царю, взявшему на себя роль защитника гольштинскихъ интересовъ, и все рѣшительнѣе склоняется къ сближенію съ Англіей и ея королемъ Георгомъ.

Склонное объяснять крайне тяжелый для Швеціи исходъ Сѣверной войны недостаточно энергичною поддержкою со стороны Англіи, шведское общество, съ своей стороны, довольно сдержанно относилось къ мысли о сближеніи съ Англіей, усматривая въ подобномъ сближеніи все тѣ же династическіе происки. Эти происки возбуждали къ себѣ несочувствіе какъ со стороны приверженцевъ герцога гольштинскаго, такъ и со стороны искреннихъ защитниковъ statu quo новаго шведскаго государственнаго устройства. Король Фридрихъ стоялъ, такимъ образомъ, лицомъ къ лицу съ коалиціей двухъ партій, противоположность политическихъ программъ которыхъ заслонялась до поры до времени общностью ихъ ближайшихъ интересовъ, и которыя, въ противоположность политики короля, выдвигали идею сближенія Швеціи съ Россіей. Тогда же, однако, М. Бестужевъ успѣлъ подмѣтить, что большинство этой коалиціи составляли искренніе „республиканты“, тогда какъ сторонники герцога лишь скрывали до поры до времени свои настоящія стремленія, маскируя ихъ оппозиціей династической политикѣ короля и защитою существующаго режима. Главной республиканской фракціи въ этой коалиціи являлся гр. Арведъ Бернгардъ Горнъ; гольштинскія стремленія находили себѣ твердую опору въ лицѣ Іосіи Цедергельма, Даніила-Никласа Гецкена, гр. Морица Велинга, Тессина, Дикера и Делагарди.

Заботясь объ упроченіи добрыхъ отношеній между Россіей и Швеціей и стремясь парализовать въ Швеціи англійское вліяніе, русская дипломатія могла, такимъ образомъ, разсчитывать, до извѣстной степени, на благопріятную почву въ Стокгольмѣ. Въ силу сложившихся къ данному моменту обстоятельствъ, ей приходилось, однако, строить свои разсчеты не столько на симпатіяхъ „республиканцевъ“, чья программа, по существу, скорѣе соотвѣтствовала русскимъ интересамъ, сколько на небезкорыстномъ расположеніи къ Россіи гольштинской партіи, вовлекавшей ее на скользкій путь политики приключеній.

Къ первымъ предложеніямъ М. Бестужева о герцогѣ король отнесся, повидимому, съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ и сдѣлалъ, съ своей стороны, попытку отдѣлить русскія требованія отъ гольштинскихъ и, удовлетворивъ въ скромныхъ размѣрахъ тѣ и другія, добиться удаленія герцога изъ Петербурга. Слухи о готовности Россіи заступиться за герцога, сдѣлавшіеся къ этому времени модною темою свѣтскихъ разговоровъ въ Стокгольмѣ, а быть можетъ, и извѣстія о новыхъ вооруженіяхъ царя на Балтійскомъ морѣ, цѣль кото-

рыхъ еще недостаточно выяснилась, вынудили, однако, его пойти на уступки [1]). Черезъ гессенъ-кассельскаго министра въ Швеціи Дитмара М. Бестужеву было сообщено о готовности короля примириться съ герцогомъ, разъ послѣдній пришлетъ въ Швецію своего представителя и загладитъ свои прежніе поступки. Это не должно было, однако, предрѣшать вопроса о признаніи за герцогомъ королевскаго титула, равно какъ и другого—о времени прибытія въ Швецію голштинскаго уполномоченнаго—до или послѣ предполагавшагося на 1723 г. сейма.

Что касается перваго изъ этихъ вопросовъ, то король, повидимому, готовъ былъ сослаться на невозможность рѣшить этотъ вопросъ помимо сейма. Настаивая, съ другой стороны, вначалѣ на немедленномъ прибытіи уполномоченнаго отъ герцога, онъ, быть можетъ, въ виду того оживленія, какое стало замѣчаться среди голштинской партіи, вскорѣ началъ находить неудобнымъ его появленіе въ Стокгольмѣ въ горячее время собранія народныхъ представителей. Въ такомъ духѣ онъ высказался въ ноябрѣ мѣсяцѣ передъ М. Бестужевымъ, когда у нихъ зашелъ разговоръ о голштинскихъ притязаніяхъ. Подобное разрѣшеніе вопроса не соотвѣтствовало, однако, видамъ русскаго правительства. Политическая жизнь въ Швеціи періодически оживлялась во время сеймовъ, и голштинскій уполномоченный именно въ данный моментъ могъ быть особенно полезенъ М. Бестужеву. Что касается сейма 1723 г., то онъ обѣщалъ быть въ этомъ отношеніи особенно интереснымъ. Можно было ожидать, что во время его сессіи выяснятся болѣе опредѣленно абсолютистическія стремленія самого короля. Тотъ оборотъ, какой приняли бы дѣла на сеймѣ, могъ такъ или иначе отразиться и на русскихъ интересахъ, и на вопросѣ о признаніи за герцогомъ королевскаго титула. Медлить не приходилось. Когда въ Стокгольмѣ король выражалъ М. Бестужеву свое нежеланіе видѣть голштинскаго уполномоченнаго ранѣе окончанія сессіи, въ Петербургѣ этотъ вопросъ былъ уже разрѣшенъ въ противоположномъ смыслѣ. Письмомъ отъ 17-го ноября Петръ Великій распорядился предписать М. Бестужеву содѣйствовать ѣдущему въ Швецію гр. Бассевицу въ его переговорахъ со шведскимъ правительствомъ. Сеймъ въ Стокгольмѣ собрался въ на-

[1]) Первое предложеніе было сдѣлано М. Бестужевымъ однимъ только Горну, Гилленборгу и Гепкену. На другой день, однако, оно стало извѣстно всему городу „черезъ ихъ женъ, понеже дамы здѣшнія всѣ до единой партіи герцоговой“ (реляц. 21-го и 28-го марта 1722 г.). Съ своей стороны, король черезъ Кампредона выражалъ свое согласіе признать за Петромъ императорскій титулъ, разъ съ русской стороны будетъ дано обѣщаніе не вступать ни въ какія обязательства съ герцогомъ, и послѣдній оставитъ Петербургъ. Эти предложенія были отвергнуты.—Рескриптъ М. Бестужеву 22-го іюня 1722 г.

чалѣ января 1723 г.; одновременно съ этимъ гр. Бассевицъ покинулъ Петербургъ.

Согласившись на поѣздку гр. Бассевица въ Стокгольмъ, русское правительство, тѣмъ самымъ, окончательно связывало свою политику съ политикою сторонниковъ герцога, и въ своихъ интересахъ шло на ускореніе разрѣшенія голштинскаго вопроса въ Швеціи. Самая мысль о посылкѣ представителя герцога въ Стокгольмъ исходила, однако, не изъ русскихъ, но изъ голштинскихъ сферъ и прежде всего отъ самого Бассевица. Эта мысль стояла въ связи съ его планами, далеко выходившими за тѣ предѣлы, въ какихъ русское правительство соглашалось бы поддерживать герцога, разъ оно не хотѣло само стать орудіемъ въ рукахъ голштинской дипломатіи.

Архивныя данныя и современныя научныя изслѣдованія позволяютъ въ настоящее время придать нѣсколько иное освѣщеніе голштинской политикѣ 1722 и нач. 1723 гг. сравнительно съ тѣмъ, какое придаетъ ей самъ ея вдохновитель гр. Бассевицъ, умалчивающій объ истинныхъ мотивахъ, руководившихъ имъ во время его пребыванія въ Стокгольмѣ, и усиленно подчеркивающій лойальность и корректность герцога въ его отношеніяхъ къ шведской націи и королю Фридриху [1]). Въ общеевропейскихъ дипломатическихъ комбинаціяхъ кроется, какъ извѣстно, объясненіе, почему гр. Бассевицъ пытался на первыхъ порахъ придать своимъ замысламъ довольно безобидную форму примиренія своего государя съ правившимъ въ Швеціи королевскимъ домомъ.

Видимо старавшаяся возродить свое былое значеніе въ Европѣ, Франція въ 1723 г. дѣлала вполнѣ опредѣленныя попытки привлечь на свою сторону Россію. Миссіей Кампредона, перенесшаго съ конца 1721 г. свою дѣятельность изъ Стокгольма въ Петербургъ, на ряду съ

---

[1]) „Eclaircissemens“... 353—373. Наше собственное изложеніе основывается, главнымъ образомъ, на реляціи датскаго резидента въ Петербургѣ Вестфалена отъ 18 (29) сент. 1723 г. (Государств. архивъ въ Копенгагенѣ), заключающей въ себѣ обстоятельный разсказъ о голштинскихъ происках за данное время въ Петербургѣ. Достовѣрность сообщаемыхъ Вестфаленомъ свѣдѣній подтверждается оффиціальными документами М. А. М. И. Д. Говоря исключительно о голштинскихъ интригахъ въ Швеціи, Вестфаленъ, какъ это ни странно, ни словомъ не обмолвливается о томъ, какъ въ эти интриги входилъ и шлезвигскій вопросъ, намеки на что находятся, какъ у самого Бассевица, такъ и въ другихъ источникахъ — главнымъ образомъ, въ реляціяхъ М. Бестужева. Связь происковъ Бассевица съ политикою другихъ европейскихъ державъ, прежде всего Франціи, даетъ Malmström (op. cit. 354—358). Для характеристики общеевропейскаго международнаго положенія въ данный моментъ—Droysen Geschichte d. preus. Politik, IV, 2; 335, 336 и Recueil des instructions aux ambassadeurs de France, VIII, 1; 233—263.

заботами о заключеніи союза между обѣими державами, было точно также стараніе упрочить добрыя отношенія между Россіей, взявшей подъ свое покровительство герцога голштинскаго, и старою союзницею Франціи, Швеціею. Продолжая свои прежнія домогательства, Бассевицъ задумалъ теперь воспользоваться, какъ орудіемъ, французскою дипломатіею и въ концѣ 1721 г. предложилъ Кампредону быть посредникомъ въ примиреніи герцога съ королемъ Фридрихомъ, что должно было, въ свою очередь, содѣйствовать установленію согласія между Россіей и Швеціей, и что на первыхъ порахъ встрѣтило сочувствіе не только со стороны самого короля, но и его отца, стараго ландграфа гессенъ-кассельскаго, близко принимавшаго къ сердцу интересы въ Швеціи своей династіи. Къ іюлю 1722 г. на этой почвѣ, при посредствѣ Кампредона, состоялось формальное предварительное соглашеніе, и дальнѣйшія старанія Бассевица съ этого момента направились на то, чтобы устроить свою собственную поѣздку въ Стокгольмъ и добиться на это оффиціальной санкціи русскаго правительства. Эти старанія, какъ мы сейчасъ видѣли, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Очень скоро, однако, замыслы Бассевица приняли болѣе рискованный характеръ съ точки зрѣнія шведскихъ, да пожалуй и общеевропейскихъ интересовъ.

Династическій, а въ связи съ нимъ, быть можетъ, и политическій переворотъ въ Швеціи въ ближайшемъ будущемъ, безъ сомнѣнія, входилъ въ данный моментъ въ эти замыслы. Требованіе для герцога королевскаго титула и признаніе за нимъ его наслѣдственныхъ правъ на шведскую корону, о чемъ Бассевицъ велъ рѣчь съ Кампредономъ и что онъ выставлялъ цѣлью своей миссіи въ Стокгольмѣ, должно было, въ дѣйствительности, послужить, въ зависимости отъ обстоятельствъ, или предлогомъ, или первымъ шагомъ къ подобному перевороту, который Вестфаленъ сравниваетъ съ переворотомъ 1568 г., передавшимъ корону изъ рукъ Эрика XIV въ руки Іоанна III. Нерасположеніе, сильное въ шведскомъ обществѣ къ королю и еще болѣе къ королевѣ, представительницѣ младшей линіи цвейбрюкенскаго дома, должно было способствовать осуществленію подобнаго замысла, а обострившіяся къ этому времени отношенія между сословіями создавали, казалось, въ свою очередь, благопріятный для этого моментъ. Идея династической уніи, промелькнувшая было въ проектѣ Штамбке, получила теперь нѣсколько иную постановку. Продолжая хлопотать о бракѣ герцога съ одною изъ дочерей царя и настаивая на открытомъ обѣщаніи Россіи поддерживать антикоролевскую партію въ Швеціи, Бассевицъ, раздѣляя въ принципѣ вполнѣ идею русско-шведскаго союза, готовъ былъ въ данный моментъ идти даже на разрывъ между обѣими державами, разъ подобный исходъ дѣла могъ бы содѣйствовать въ будущемъ болѣе

тѣсному между ними соглашенію. Заботясь, съ другой стороны, о русско-шведскомъ соглашеніи, Бассевицъ не упускалъ изъ виду и притязаній герцога на Шлезвигъ, о чемъ и заводилъ не разъ рѣчь во время своихъ разговоровъ со шведскими сенаторами.

Пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, гр. Бассевицъ съ неустанною энергіею создавалъ одинъ за другимъ планы территоріальнаго удовлетворенія герцога, прямое продолженіе его плановъ 1715—1720 гг. Направленные, прежде всего, противъ Даніи, всѣ эти планы затрогивали въ то же время интересы остальныхъ сѣверныхъ державъ и, переплетаясь съ другими вопросами русской политики, придавали самому шлезвигскому вопросу нежелательную съ русской точки зрѣнія постановку. То герцогъ долженъ былъ получить удовлетвореніе изъ мекленбургскихъ владѣній, взамѣнъ за что герцогу мекленбургскому должна была быть отдана Курляндія; то эквивалентомъ за Шлезвигъ—и этотъ проектъ особенно развивался въ гольштинскихъ сферахъ—должны были послужить германскія владѣнія англійскаго короля, Бременъ и Верденъ, взамѣнъ за которыя этому послѣднему Данія должна была уступить графства Ольденбургъ и Дальмонгорстъ.

Въ то время, какъ въ Стокгольмѣ агитировалъ въ такомъ духѣ Бассевицъ, въ Петербургѣ съ русскимъ правительствомъ велъ переговоры Штамбке. Сообщая объ успѣхахъ гольштинской партіи въ Швеціи и о надеждѣ друзей герцога добиться для него въ теченіе этой же сессіи сейма признанія его наслѣдственныхъ правъ, онъ подалъ 13-го апрѣля промеморію, въ которой настаивалъ на необходимости тотчасъ же провозгласить герцога женихомъ одной изъ дочерей царя, двинуться съ флотомъ къ шведскимъ берегамъ, энергично настаивать на удовлетвореніи герцогскихъ претензій и теперь же войти въ соглашеніе со Швеціей по поводу Шлезвига [1]).

Всѣ эти происки, при наличности сочувствія къ нимъ со стороны отдѣльныхъ представителей петербургскаго кабинета, могли бы значительно осложнить дѣло русской политики на Балтійскомъ морѣ. Это случилось, однако, нѣсколько позднѣе. Въ данный моментъ обстоятельства складывались для гольштинской дипломатіи не особенно благопріятно. Сторонниковъ у гр. Бассевица въ Петербургѣ, правда, было немало; лишь немногіе изъ нихъ, однако, имѣли какое-либо рѣшающее вліяніе на русскую политику. Въ большинствѣ случаевъ это были тѣ

---

[1]) Дѣла Гольштинскія 1723 г. Эта послѣдняя мысль—о давленіи на Швецію путемъ военной угрозы — въ это время все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ укрѣпляться въ гольштинскихъ дипломатическихъ кругахъ. Проектъ морской экспедиціи, предполагавшейся, дѣйствительно, на лѣто 1723 г., стоялъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ связи со всѣми этими происками.

же иностранцы—норвежцы, шведы, англичане и шотландцы,—не примирившіеся съ порядками, установившимися на ихъ родинѣ, и нашедшіе себѣ пріютъ на русской службѣ. Болѣе солидную поддержку встрѣчалъ гр. Бассевицъ со стороны царицы и нѣкоторыхъ русскихъ сановниковъ, какъ, напр., Толстого, отчасти Ягужинскаго, но главнымъ образомъ Шафирова, хотя сочувствіе послѣдняго гольштинскимъ интересамъ зиждилось и не на особенно прочныхъ основахъ.

Характеристика дипломатической программы Шафирова во всемъ ея объемѣ не входитъ въ задачу настоящей работы. Здѣсь надо лишь отмѣтить, что восточный вопросъ, обострившійся съ новою силою послѣ Ништадскаго мира, занималъ въ это время центральное мѣсто въ программѣ Шафирова и тѣмъ самымъ отвлекалъ до извѣстной степени его вниманіе отъ того, что происходило одновременно съ этимъ на Балтійскомъ морѣ. Являясь сторонникомъ скорѣе аггрессивной политики въ Турціи, Шафировъ очередную задачу Россіи видѣлъ, прежде всего, въ гарантіи совершенныхъ уже завоеваній и пріобрѣтеній. Предупредить возможность какого бы то ни было новаго столкновенія, которое такъ или иначе грозило бы поставить на очередь вопросъ о новыхъ русскихъ пріобрѣтеніяхъ на Балтійскомъ морѣ, представлялось поэтому для него особенно необходимымъ. Общими дипломатическими соображеніями обусловливалось отношеніе Шафирова и къ гольштинскому вопросу. Этотъ вопросъ былъ для него, главнымъ образомъ, вопросъ о достоинствѣ Россіи, какъ новой европейской державы: русское правительство должно, прежде всего, съ честью выйти изъ взятыхъ на себя обязательствъ передъ герцогомъ. Меньше значенія придавалъ Шафировъ гольштинскому вопросу, какъ оружію въ очередныхъ вопросахъ балтійской политики. Ушедшій въ сложныя дипломатическія комбинаціи, принимая во вниманіе и новое положеніе Россіи въ Европѣ и ея интересы на Востокѣ, Шафировъ отодвигалъ на второй планъ задачи балтійской политики и былъ готовъ порою и на бо́льшую уступчивость передъ Даніей въ зундскомъ вопросѣ и большее участіе къ герцогу гольштинскому, разъ это могло содѣйствовать осуществленію его политической программы во всемъ ея объемѣ. Какъ бы то ни было, паденіе Шафирова (февраль 1723 г.) должно было причинить не мало огорченія друзьямъ герцога гольштинскаго; мѣсто его занялъ болѣе осторожный и менѣе сговорчивый и склонный на какія-либо уступки Остерманъ.

Съ 1723 года это имя все чаще и чаще начинаетъ упоминаться въ донесеніяхъ иностранныхъ посланниковъ изъ Петербурга. Большинство отзывовъ о личномъ характерѣ Остермана вполнѣ согласны между собою. Всегда необходимый для дѣла, Остерманъ, повидимому, мало кѣмъ былъ искренно любимъ внѣ своего узкаго семейнаго круга. Крайняя замкнутость въ частной жизни и двуличіе въ дѣловыхъ

отношеніяхъ были, какъ кажется, главными тому причинами [1]). Остерманъ всегда оставался чужимъ среди высшей русской знати, чему отчасти способствовала врожденная ему скупость, черта характера, зачастую отмѣчаемая въ немъ современниками. Стоявшій особнякомъ среди сотрудниковъ Петра, онъ вѣрно служилъ дѣлу этого послѣдняго. Будучи скупъ, онъ отличался крайнею неподкупностью, и современники затруднялись назвать ту или другую державу, интересамъ которой Остерманъ сознательно и по корыстнымъ соображеніямъ приносилъ бы въ жертву интересы Россіи. Врядъ-ли вообще способный на искреннее національное чувство, онъ, конечно, смотрѣлъ на свою государственную дѣятельность, въ значительной степени, какъ на извѣстную взятую имъ на себя обязанность, добросовѣстно выполнить которую его заставляли, прежде всего, его собственные интересы. Приблизившись къ Петру Великому и втянутый въ его работу, онъ, какъ европеецъ, однако, искренно былъ увлеченъ дѣломъ этого послѣдняго. Петровская программа въ области внѣшней политики, къ которой Остерманъ близко стоялъ еще въ послѣдніе годы сѣверной войны, сознательно имъ теперь воспринимается и постепенно дѣлается какъ бы его собственною программою. Умъ ясный и отчетливый, Остерманъ не столько отличался творческими способностями, сколько умѣніемъ всегда вѣрно понять положеніе даннаго момента и, взвѣсивъ и оцѣнивъ всѣ находящіяся въ его распоряженіи средства, поставить себѣ вполнѣ опредѣленныя и вполнѣ достижимыя цѣли. Къ идеѣ русско-шведскаго сближенія Остерманъ относился сочувственно уже давно—если не со времени Полтавской побѣды, то, во всякомъ случаѣ, со времени Аландскаго конгресса; подобное сближеніе далеко не отождествлялось, однако, въ его представленіи съ принесеніемъ русской политики въ жертву голштинскимъ притязаніямъ и фантазіямъ гр. Бассевица [2]). Сдержанность Остермана должна была въ данномъ случаѣ особенно огорчать голштинскаго дипломата; эта сдер-

---

[1]) „Es ist in dergleichen Dingen auf gnd. hr. Ostermann's Discurse nicht viel zu bauen, sondern viel-mehr das Gegentheil von dem zu glauben, was er deshalb sagt".—Королевскій рескр. бар. Мардефельду 17-го февраля 1723 г. по поводу увѣренія Остермана, что Россія не ведетъ никакихъ переговоровъ о союзѣ съ Франціей (Берлинъ, Государств. Архивъ, Russland, 1721 г., № 26).

[2]) Опредѣлить характеръ личныхъ симпатій, какъ и выдѣлить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ степень личнаго вліянія Остермана, вообще, не легко. Тѣмъ цѣннѣе поэтому становятся отдѣльные намеки, проливающіе свѣтъ на эти симпатіи. По подобнымъ намекамъ можно предполагать, что и къ голштинскимъ проектамъ Остерманъ въ 1723 г. относился довольно сдержанно: Бассевицъ въ письмѣ къ нему отъ 1 (12) іюля этого года жалуется, что онъ въ перепискѣ съ нимъ „nicht über Affaires sich entlässet".—Дѣла голштинскія 1723 г.

жанность не только являлась вѣрнымъ показателемъ, но и сама, въ значительной степени, опредѣляла отношеніе къ голштинскимъ замысламъ самого русскаго правительства [1]).

Есть, впрочемъ, извѣстіе, что еще до паденія Шафирова рознь въ самихъ голштинскихъ правительственныхъ сферахъ и недовѣріе нѣкоторыхъ изъ совѣтниковъ герцога къ Бассевицу и его политикѣ приключеній оказались, въ данномъ случаѣ, на руку русскому правительству. Передъ отъѣздомъ Бассевица въ Стокгольмъ, по настоянію его главнаго соперника, Геспена, между русскими и голштинскими министрами состоялась еще одна конференція. На этой конференціи удалось добиться съ голштинской стороны признанія, что герцогу безразлично, будетъ ли онъ впослѣдствіи избранъ на шведскій престолъ, или за нимъ теперь же будетъ признано наслѣдственное право на шведскую корону, и что онъ рѣшился не подымать этого вопроса во время ближайшаго шведскаго сейма. Съ русской стороны, въ свою очередь, категорически было заявлено, что царь, вѣроятно, не откажется отъ своего обѣщанія выдать за герцога одну изъ своихъ дочерей, но что рѣшить этотъ вопросъ окончательно до его возвращенія трудно; что же касается Шлезвига, то Россія не обязывалась добиваться возвращенія этой области герцогу или выдачи ему за нее эквивалента, но только согласилась поддерживать подобнаго рода тре-

---

[1]) Ученикъ во многихъ отношеніяхъ Петра Великаго, благодаря отчетливости своего ума, Остерманъ уже въ это время нерѣдко являлся активнымъ помощникомъ русскаго правительства, формулируя въ ясныхъ положеніяхъ то, что чувствовалось самимъ царемъ, и даже, быть можетъ, подсказывая порою этому послѣднему тѣ выводы, на которыхъ онъ еще не остановился. Самъ съ своими взглядами Остерманъ оставался, однако, всегда на заднемъ планѣ, предпочитая занимать это мѣсто какъ при жизни Петра Великаго, такъ и послѣ его смерти. При Екатеринѣ I, Петрѣ II и Аннѣ остермановскія „мнѣнія не въ указъ“ получаютъ значеніе правительственныхъ резолюцій; изъ его помѣтокъ на поляхъ польскихъ реляцій—зачастую даже безъ редакціонныхъ измѣненій—слагаются рескрипты и инструкціи, опредѣляющіе всю внѣшнюю политику Россіи. Самого Остермана не видно. Въ своихъ мнѣніяхъ онъ обыкновенно не столько предлагаетъ готовое рѣшеніе, сколько старается навести на него, давъ исчерпывающее и, повидимому—но только повидимому—безпристрастное изложеніе даннаго вопроса. Въ своихъ письмахъ-инструкціяхъ къ русскимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ, онъ какъ-будто предоставляетъ послѣднимъ много самостоятельности и въ то же самое время незамѣтно увлекаетъ ихъ въ свою собственную политическую систему. Такой же тактики, и не безъ успѣха, держался онъ уже съ самаго начала своей самостоятельной дипломатической карьеры. Могучая натура великаго царя наложила, конечно, свой индивидуальный отпечатокъ на внѣшнюю политику Россіи, какъ вообще на всю правительственную дѣятельность того времени. Но и въ это время Остерманъ не былъ уже простымъ исполнителемъ чужой воли и чужихъ стремленій.

бованія, разъ таковыя будутъ кѣмъ-либо предъявлены, чего, однако, до настоящаго времени не случилось [1]).

Къ январю 1723 г., когда въ Стокгольмѣ началась сессія шведскаго сейма, вопросъ о поддержкѣ въ Швеціи голштинскихъ притязаній, какъ средствѣ установить болѣе тѣсное соглашеніе между обѣими державами, въ Петербургѣ былъ рѣшенъ, такимъ образомъ, окончательно въ положительномъ смыслѣ. Какъ само русское правительство, такъ и его представитель въ Швеціи, М. Бестужевъ къ краснорѣчивымъ увѣреніямъ гр. Бассевица о популярности имени герцога среди шведскаго населенія и къ тому аггрессивному характеру, какой принимала въ мечтаніяхъ названнаго министра голштинская программа на 1723 годъ [2]), продолжали, однако, первое время относиться довольно сдержанно. И только, когда на сеймѣ выяснились отношенія между отдѣльными шведскими политическими партіями и короною, русское правительство укрѣпилось въ мысли избрать тотъ путь, какой въ своихъ собственныхъ цѣляхъ рекомендовали ему и шведскіе приверженцы герцога, и его дипломаты — путь вооруженной угрозы, предпринимаемой якобы въ защиту шведской вольности отъ абсолютистическихъ и династическихъ происковъ при-

---

[1]) Объ этой конференціи сообщаетъ Вестфаленъ въ своей реляціи отъ 16-го (27-го) ноября 1722 г. Она состоялась между Шафировымъ, Остерманомъ, Бассевицемъ и Геспеномъ. Называя послѣдняго ея иниціаторомъ, Вестфаленъ добавляетъ: „le dessein de Hespen... etant sans doute d'ouvrir a Son Majesté les yeux sur le veritable etat, dans leque mr. Bassevitz lui laisse ici les affaires". На основаніи находящихся въ нашемъ распоряженіи документовъ не представляется возможности отчетливо выяснить, какова была причина и сущность розни среди приближенныхъ герцога голштинскаго. Судя по нѣкоторымъ замѣчаніямъ Вестфалена (его реляц. 9-го дек. 1722 г.), главными соперниками гр. Бассевица были Геспенъ, ванъ-деръ-Наттъ и Армфельдъ. Всѣ эти лица не могли простить гр. Бассевицу прошлаго—интригъ противъ Герца, и старались очернить его въ глазахъ герцога, выставляя его якобы недостаточно внимательное отношеніе къ вопросу о Шлезвигѣ. Состоявшаяся по иниціативѣ Геспена конференція 16-го ноября 1722 г., быть можетъ, также стояла въ какой-либо связи со всѣми этими счетами. Быть можетъ, съ другой стороны, навстрѣчу стараніямъ Геспена шла активная поддежка со стороны Остермана, всегда бывшаго нѣсколько насторожѣ противъ излишней горячности и требовательности Бассевица (срав. реляц. Кампредона 13-го ноября 1722 г. Сб. XLIX, 257).

[2]) Мысль о переворотѣ создалась у Бассевица еще до его пріѣзда въ Стокгольмъ, независимо отъ болѣе близкаго знакомства съ положеніемъ дѣлъ въ Швеціи и взаимными отношеніями отдѣльныхъ политическихъ партій. Она зародилась въ его головѣ еще въ Россіи, и съ нею онъ отправился въ путь, скоро позабывъ о тѣхъ обѣщаніяхъ, какими связалъ себя на послѣдней конференціи съ Шафировымъ и Остерманомъ. Уже въ своихъ путевыхъ письмахъ изъ Финляндіи къ Геспену и Штамбке, предупредительно сообщаемыхъ этими послѣдними русскому правительству, онъ краснорѣчиво описывалъ недовольство

дворной партіи. Этотъ маневръ, поколебавъ въ Швеціи шансы самого герцога и заронивъ зерно недовѣрія къ его приверженцамъ со стороны болѣе послѣдовательныхъ представителей такъ называемой республиканской партіи, содѣйствовалъ, тѣмъ не менѣе, заключенію въ февралѣ 1724 года между Россіей и Швеціей оборонительнаго союзнаго договора. Перипетіи предварительныхъ переговоровъ и та окончательная редакція, въ какую этотъ договоръ отлился, стоятъ, опять-таки, въ тѣсной связи съ русско-голштинскими отношеніями.

Въ спеціальной инструкціи М. Бестужеву отъ 7-го декабря 1722 г. и нѣкоторыхъ дополняющихъ ее рескриптахъ обстоятельно развита руководящая точка зрѣнія русскаго правительства. Сохраняя прежнюю сдержанность къ голштинскимъ претензіямъ, петербургскій кабинетъ постоянно выдвигаетъ здѣсь, какъ самостоятельную цѣль, „наивящее упроченіе“ дружбы и согласія между Швеціей и Россіей. Выражая принципіальное сочувствіе признанію за герцогомъ его наслѣдственныхъ правъ на шведскую корону, русское правительство рекомендуетъ, однако, своему уполномоченному соблюдать въ данномъ случаѣ особую осторожность, поддерживать оффиціально лишь притязанія герцога на королевскій титулъ и предпочитаетъ не только вовсе не вмѣшиваться въ вопросъ о его наслѣдственныхъ правахъ, „ежели ни съ которой, а особливо съ королевской стороны на сеймѣ о наслѣдіи домогательства учинено не будетъ“, но даже удерживать въ подобномъ случаѣ отъ какихъ бы то ни было рѣшительныхъ поступковъ самого Бассевица. Сохраненіе въ Швеціи существующей формы правленія, нарушеніе которой грозило бы усиленіемъ нежелательнаго съ русской точки зрѣнія по своимъ германскимъ и прежде всего ганноверскимъ отношеніямъ гессенъ-кассельскаго вліянія, рисовалось для русскаго правительства болѣе очередною задачею, чѣмъ поддержка во что бы то ни стало голштинскихъ требованій. Въ про-

---

финскаго населенія существующимъ режимомъ, его симпатіи къ герцогу, мѣропріятія шведскаго правительства, наносящія матеріальный ущербъ мѣстнымъ жителямъ и вредно отражающіяся на экономическихъ интересахъ Россіи. Предусматривая необходимость держаться въ ближайшемъ будущемъ болѣе рѣшительной политики въ Стокгольмѣ, голштинскіе дипломаты не упускали, такимъ образомъ, случая открыть передъ русскимъ правительствомъ соблазнительную перспективу дальнѣйшихъ завоеваній на счетъ сѣверо-западнаго сосѣда. (Соотвѣтствующія письма гр. Бассевица — въ Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ; Дѣла голштинскія 1723 г.; на нѣкоторыхъ изъ нихъ рукою Остермана помѣчено: „Вѣдомости изъ Швеціи, сообщенныя отъ голштинскихъ министровъ Геспена и Стамбкена 1723 г., о нихъ на словахъ Его Императорскому Величеству донесено въ домѣ канцлера“).

тивовѣсъ королевскимъ стремленіямъ вступить въ болѣе тѣсное соглашеніе съ Англіей и Даніей, М. Бестужеву предписывалось обнадежить шведское министерство въ искреннемъ желаніи Россіи „имѣющуюся дружбу... не токмо впредь всегда содержать, но оную и вяще умножить"; а въ виду возможныхъ попытокъ—опять-таки со стороны короля—нарушить существующую форму правленія ему предлагалось „трудиться изъ чиновъ королевства шведскаго собрать партію изъ доброжелательныхъ отечеству своему патріотовъ, которые желаютъ видѣть оную форму правительства ненарушиму и склонить оныхъ, чтобъ они короля до такого вредительнаго всему ихъ королевству намѣренія достигнуть не допускали". И Бестужевъ уполномачивался обнадежить „доброжелательныхъ патріотовъ" оффиціальнымъ увѣреніемъ въ томъ, что Россія „по силѣ вѣчнаго трактата ихъ въ нотребномъ случаѣ сильнымъ своимъ вспоможеніемъ не оставитъ, дабы форма ихъ правительства по тому мирному трактату въ своей силѣ ненарушима осталась [1]).

Основная точка зрѣнія на голштинскій вопросъ самого М. Бестужева, въ общемъ, была вполнѣ солидарна съ указанною точкою зрѣнія русскаго правительства. Хорошо освѣдомленный во взаимныхъ отношеніяхъ шведскихъ политическихъ партій, онъ не ожидалъ, однако, на первыхъ порахъ какого-либо активнаго вмѣшательства въ дѣла внутренней и внѣшней политики со стороны королевской партіи и, признавая голштинскія притязанія пригоднымъ средствомъ для русской политики, не предвидѣлъ, поэтому, возможности воспользоваться этимъ средствомъ въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ [2]). Не довѣряя вообще проектамъ Бассевица, Бестужевъ въ еще большей степени, чѣмъ петербургскій кабинетъ, обнаруживалъ крайне недовѣрчивое отношеніе къ политической дѣятельности и личному поведенію голштинскаго министра въ Стокгольмѣ. Подъ предлогомъ содѣйствія онъ зачастую старался связать ему руки и предупредить какое-либо активное или преждевременное вмѣшательство съ его стороны въ дѣла внутренней шведской политики.

---

[1]) То же пожеланіе дружбы и тѣснѣйшаго сближенія со Швеціей подчеркивается во всѣхъ грамотахъ Петра Великаго къ шведскому королю за это время (Дѣла Шведскія 1723 г. № 1). Вообще, никакую другую державу не старались въ это время такъ ревниво удержать отъ сближенія съ кѣмъ бы то ни было, какъ Швецію, и ни передъ кѣмъ не были такъ щедры на обѣщанія, какъ передъ стокгольмскимъ дворомъ, когда начались уже формальные переговоры о союзѣ. Изучая эти переговоры, по тону рескриптовъ М. Бестужеву и его отвѣтныхъ реляцій, невольно чувствуешь, что здѣсь—основной узелъ балтійской политики Петра Великаго послѣднихъ лѣтъ его царствованія, завязанный не случайно и, конечно, уже не руками голштинскихъ дипломатовъ.

[2]) Реляц. 18 февр. и 13 мая 1723 г.

Игнорируя гольштинскіе интересы, поскольку они не могли быть пущены въ ходъ, какъ орудіе въ рукахъ русской дипломатіи, Бестужевъ обнаруживалъ, съ другой стороны, ясное пониманіе политическихъ задачъ Россіи на Балтійскомъ морѣ, во многомъ тождественное съ пониманіемъ этихъ задачъ его братомъ Алексѣемъ. Видимо не случайно, но въ полномъ согласіи съ послѣднимъ, дѣйствуетъ онъ, возвращаясь нѣсколько разъ въ своихъ реляціяхъ къ зундскому вопросу, поскольку этотъ вопросъ могъ быть затронутъ имъ въ предѣлахъ его собственной задачи. Мысль о совмѣстной политической дѣятельности братьевъ Бестужевыхъ напрашивается сама собою при сопоставленіи реляцій за это время того и другого изъ Копенгагена и Стокгольма [1]).

Мнѣніе о пассивномъ характерѣ личной политики короля на открывшемся сеймѣ очень скоро оказалось черезчуръ оптимистичнымъ, и разыгравшіяся событія поставили и М. Бестужева, и само русское правительство въ необходимость тѣснѣе, чѣмъ это входило въ ихъ первоначальные разсчеты, связать свою собственную политику съ политикою всѣхъ противниковъ гессенъ-кассельскихъ династическихъ притязаній, а въ томъ числѣ и съ политикою послѣдовательныхъ сторонниковъ герцога.

Съ самаго начала сеймовой сессіи 1723 года королевская партія понесла, какъ извѣстно, цѣлый рядъ ощутительныхъ пораженій. Ея кандидатъ въ маршалы, Штремфельдъ, былъ забаллотированъ, и послѣ того, какъ кандидатъ слишкомъ опредѣленной окраски, гр. Горнъ отказался баллотироваться, маршаломъ былъ избранъ расположенный

---

[1]) „Истина есть, что герцогъ великую партію здѣсь имѣетъ, и несумнѣваюся о полученіи герцогу титула Королевскаго Высочества. Можетъ быть, что черезъ сіе и сукцессію на семъ сеймѣ получить можетъ, только зѣло надобно Басовичю искусно себя здѣсь содержать, дабы нималого подозрѣнія доброжелательнымъ герцогу не подать. Я весьма вѣрю, что дворъ и партія дворовая всякими мѣрами будетъ стараться, дабы Басовича какъ возможно у партіи гольштинской въ подозрѣніе привесть того ради надлежитъ, какъ мы съ нимъ и согласились, объявить, что онъ ни въ какія ихъ дѣла вмѣшиваться не будетъ, и что онъ только сюда прибылъ для примиренія его королевскаго высочества съ своимъ государемъ, а остальное все отдаетъ въ диспозицію чинамъ государственнымъ. Такожде я ему совѣтовалъ, дабы онъ безвременно протекціею В. И. Вел—а къ герцогу не очень хвалился, дабы отъ того партія королевская не приняла какого омбраж^, и удержать бы оную отъ наибольшихъ противностей, дабы доброе начало герцоговымъ дѣламъ вяще не испортить. Я явно объявилъ и объявлю партіи дворовой, что В. И. Вел—о 7-му пункту въ постановленномъ мирномъ трактатѣ полное удовольствіе учинить изволите и въ партикулярныя герцоговы дѣла вступиться не изволите“. (Реляц. М. Бестужева 4 февраля 1723 г.).

къ герцогу кандидатъ республиканской партіи Лагербергъ [1]). Столь же неблагопріятными оказались для королевской партіи и выборы въ секретную комиссію, въ которой на предстоящемъ сеймѣ должны были сосредоточиваться всѣ дѣла внѣшней политики, и въ составъ которой вошли почти исключительно противники короля и его партіи. Въ началѣ марта мѣсяца секретная комиссія запретила шведскимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ принимать отъ короля какія-либо распоряженія, не контрасигнированныя однимъ изъ государственныхъ секретарей, и потребовала отъ него опроверженія слуховъ о предполагаемомъ будто бы союзѣ между Швеціей, Англіей и Даніей [2]). Всѣ эти неудачи не остановили короля Фридриха. Найдя энергичную поддержку въ своей супругѣ, королевѣ Ульрикѣ-Элеонорѣ и значительное содѣйствіе у гессенъ-кассельскаго посланника, Дитмара, король попытался, съ помощью крестьянскаго сословія, поставить на сеймѣ на очередь вопросъ о формѣ правленія, но и тутъ встрѣтилъ рѣшительную оппозицію со стороны дворянства и горожанъ. Такую же неудачу потерпѣла и его попытка свести на нѣтъ обсужденіе требованій и предложеній герцога голштинскаго. Задержать до окончанія сейма въ Финляндіи Бассевица не удалось. Въ январѣ послѣдній былъ уже въ Стокгольмѣ и тотчасъ же началъ энергично вести свою агитацію.

Изъ секретной комиссіи для предварительнаго обсужденія вопросовъ была выдѣлена особая „малая секретная депутація“, составъ которой, съ точки зрѣнія Бассевица, не оставлялъ желать ничего лучшаго; въ нее вошли статсъ-секретарь Іосія Цедергельмъ, канцеляріи совѣтникъ Іоганъ-Генрихъ фонъ-Кохенъ, республиканецъ, расположенный къ герцогу, и, какъ докладчикъ, начинающій свою политическую карьеру молодой графъ Карлъ-Густавъ Тессинъ [3]). Къ апрѣлю сейму удалось сломить упорство короля и заставить его дать Бассевицу аудіенцію. Послѣдній на аудіенціи, ссылаясь на болѣе раннія обѣщанія короля, сдѣланныя черезъ Дитмара и Кампредона, тотчасъ потребовалъ для своего государя королевскаго титула. Вмѣстѣ съ вопросомъ о признаніи за русскимъ царемъ императорскаго титула

---

[1]) Рел. М. Бестужева 14 января 1723 г. Послѣдующія событія разсказаны у Соловьева (IV, 734—738) и Malmström'a (I, cap. 7).

[2]) Рел. М. Бестужева 4 марта 1723 г.

[3]) Графъ Карлъ-Густавъ Тессинъ, сынъ и внукъ извѣстныхъ шведскихъ художниковъ-архитекторовъ, отличался своимъ научнымъ и художественнымъ образованіемъ. Онъ оставилъ послѣ себя значительную коллекцію рисунковъ. Его мнѣнія по политическимъ вопросамъ также пользовались обыкновенно большимъ авторитетомъ. „Gr. Tessin, devoué à ce prince (hertz. de Holst.) passe pour un homme droit et qui par sa fermeté dans ses avis fait souvent prevaloir ses sentimens“.—Инструкція Бранкасу 6 іюня 1725 г. (Recueil... II, 316).

этотъ вопросъ былъ переданъ сеймомъ въ секретную комиссію и тѣмъ самымъ окончательно вырванъ изъ сферы вѣдѣнія придворныхъ круговъ и личныхъ королевскихъ совѣтниковъ. Раздраженный проявленнымъ со стороны короля упорствомъ и обезпокоенный его попытками привлечь на свою сторону крестьянское сословіе, сеймъ въ удовлетвореніи гольштинскаго требованія о титулѣ видѣлъ очередное средство поставить преграду гессенъ-кассельской династической политикѣ. Къ 1-му іюня секретная комиссія выработала постановленіе о признаніи императорскаго титула за царемъ и королевскаго за герцогомъ, и это постановленіе, несмотря на новые протесты короля и еще болѣе рѣшительные со стороны королевы, прошло въ полномъ собраніи сейма. И тотчасъ же вслѣдъ за этимъ обнаружилась новая попытка короля противопоставить успѣхамъ герцога и шедшей до этого время за послѣднимъ республиканской партіи свою личную политику. Секретная комиссія провѣдала о переговорахъ, которые будто бы велъ король чрезъ находившагося на прусской службѣ своего брата Георга съ Пруссіей объ уступкѣ послѣдней шведской Помераніи за поддержаніе дѣла кассельской сукцессіи [1]). Новая опасность, грозившая со стороны короля, заставила теперь и республиканскую, и гольштинскую партію нѣсколько иначе отнестись къ предложеніямъ русскаго царя выступить на защиту шведской политической свободы, предложеніямъ, принимаемымъ до этого времени крайне недовѣрчиво. Правильнѣе сказать, пользуясь тревогою республиканской партіи, приверженцы герцога гольштинскаго могли теперь болѣе смѣло заговорить о необходимости прибѣгнуть къ иноземной помощи и попытались примѣнить тактическій пріемъ, выходившій за предѣлы той программы, на которой съ ними объединились республиканцы. „Изъ знатныхъ персонъ и кредитный человѣкъ,—пишетъ Бестужевъ въ своей реляціи отъ 17 іюня, въ которой нѣсколько выше онъ заявилъ, что Швеція находится наканунѣ революціи,—здѣсь имѣлъ со мною разговоръ такой, что онъ за благо находитъ ради нынѣшнихъ конъюнктуръ, дабы флотъ В. И. Вел—ва близко къ шерамъ шведскимъ пришолъ, и чтобъ Е. Выс—во герцогъ на ономъ флотѣ былъ. Сей поступокъ не малое дѣйствіе учинитъ въ пользу герцогову. Такожде онъ разсуждалъ, что когда герцогъ къ Швеціи приближится, можетъ Е. Выс—во по обыкновенію между государями кавалера отъ себя къ королю и королевѣ съ комплиментомъ отправить и о здоровьѣ ихъ спросить, и ежели королю и коро-

[1]) Реляція М. Бестужева 17 іюля 1723 г. Еще въ мартѣ т. г. съ прусской стороны была сдѣлана попытка (неувѣнчавшаяся успѣхомъ) добиться отъ Швеціи уступки Помераніи за денежное вознагражденіе. — Реляціи А. Головкина изъ Берлина 19 марта 1723 г.

лѣвѣ угодно будетъ, то герцогъ и персонально не оставитъ должность свою учинить. Министръ гольштинскій того же мнѣнія, яко же и я по состоянію нынѣ здѣсь дѣлъ за благо обрѣтаю". Это предложеніе, нашедшее, повидимому, и у самого Бестужева сочувствіе, шло какъ нельзя болѣе навстрѣчу видамъ русскаго правительства, помышлявшаго о морской демонстраціи еще задолго до того времени, когда выяснилось положеніе дѣлъ въ Стокгольмѣ.

Еще въ февралѣ 1723 г. адмиралтействъ-коллегіи было предложено озаботиться о ремонтѣ всѣхъ линейныхъ кораблей, которые должны были быть приведены въ исправность къ маю мѣсяцу; тѣмъ же указомъ вице-адмиралу Змаевичу предписывалось приготовить къ тому же сроку 60 лучшихъ галеръ. Къ марту мѣсяцу должны были быть вызваны на службу всѣ находившіеся въ отпуску морскіе чины [1]). Какъ и рѣшеніе поддерживать наслѣдственныя права герцога гольштинскаго на шведскую корону, настоящій планъ держался, однако, лишь въ запасѣ, и въ теченіе всего мая мѣсяца балтійская эскадра не покидала котлинскаго и ревельскаго рейдовъ. По мѣрѣ того, какъ въ Стокгольмѣ все болѣе и болѣе опредѣлялся вѣроятный исходъ партійной борьбы, русское правительство само выходило за предѣлы тѣхъ условій, какими ему удалось связать Бассевица на конференціи въ ноябрѣ 1722 г. Бестужеву все настойчивѣе и настойчивѣе предписывалось стараться о томъ, чтобы шведскіе государственные чины не ограничились признаніемъ за герцогомъ королевскаго титула и провозгласили бы его единственнымъ наслѣдникомъ шведской короны. Каждая новая попытка короля проводить свою личную политику вызывала и новое предложеніе Петра Великаго поддерживать неприкосновенность шведскаго государственнаго строя не только простымъ подтвержденіемъ соотвѣтствующаго пункта ништадтскаго трактата, но и спеціальною гарантіею, „которая намъ еще пріятнѣе и угоднѣе будетъ" [2]). Возвращаясь къ вопросу о союзномъ соглашеніи, царь выражалъ опредѣленное пожеланіе, „чтобы Швеція инде награжденіе получила", и даже обѣщалъ въ этомъ свою помощь, „когда Швеція того пожелаетъ, и время и конъюнктуры допустятъ" [3]).

Тактическіе пріемы русской политики дѣлались все болѣе и болѣе агрессивными; наступалъ моментъ воспользоваться и морскою демонстраціею. Сообщеніе М. Бестужева о его разговорѣ со знатною персоною должно было прійтись по душѣ петербургскому кабинету. 2-го іюля котлинская эскадра, подъ флагомъ генералъ-адмирала на „Гангутѣ", вышла къ Ревелю и, соединившись здѣсь съ ревельскою

[1]) Очеркъ русской морской исторіи. Спб. 1875 г. ч. I стр. 391.
[2]) Рескр. М. Бестужеву 10 мая 1723 года.
[3]) Рескр. ему же 27 іюня 1723 года.

эскадрою въ количествѣ 24 кораблей и 5 фрегатовъ, имѣя 1.730 орудій и 12.500 чел. экипажа, пошла 12-го іюля къ Рогервику [1]). Предложеніе приверженцевъ герцога голштинскаго давало предлогъ подойти къ шведскимъ берегамъ. Рескриптомъ отъ 5-го іюля М. Бестужеву сообщалось о выходѣ въ море эскадры и о томъ, что нѣсколько кораблей отправлены для крейсированія къ Гангуду, и предписывалось „о семъ немедленно доброжелательнымъ сообщить и по прежнему нашему указу отъ нихъ требовать, дабы они прямо объявили, куда и какимъ берегамъ шведскимъ съ флотомъ нашимъ приближатся, что мы по желанію ихъ исполнить готовы". Идти къ Швеціи, однако, не пришлось, и все предпріятіе закончилось скорѣе, чѣмъ это можно было бы предполагать, судя по его началу.

Донесенія иностранныхъ пословъ изъ Петербурга за іюль 1723 г. въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ о томъ повышенномъ настроеніи, какое господствовало въ эти дни въ новой столицѣ. Всѣ очередныя дѣла остановились. Идутъ спѣшныя приготовленія къ чему-то, повидимому, очень серьезному. Флотъ вышелъ въ море. На немъ самъ царь, взявшій съ собою на этотъ разъ Остермана. Изъ Берлина вызванъ Ал. Головкинъ, изъ Копенгагена пріѣхалъ Алексѣй Бестужевъ; оба они — также въ свитѣ царя. Почти всѣ войска, расквартированныя въ Эстляндіи и Лифляндіи, посажены на суда; въ Нарвѣ остался одинъ только полкъ. Дивизія Рѣпнина двигается къ Ревелю. Очевидно, что-то замышляется—можетъ быть, противъ Швеціи, можетъ быть, противъ Даніи, а можетъ быть, имѣется въ виду и новое вторженіе въ Германію для защиты интересовъ герцога мекленбургскаго. Исходъ новаго предпріятія, во всякомъ случаѣ, долженъ такъ или иначе отразиться на многихъ очередныхъ вопросахъ. Одновременно съ этимъ при дворѣ наблюдается много любопытнаго. Кредитъ герцога голштинскаго возрастаетъ, и его шансы на бракъ съ одною изъ царскихъ дочерей, до этого времени крайне незначительные, увеличиваются. Протекція царицы возымѣла свою силу, и герцогъ послѣднее время имѣетъ возможность чаще видѣться съ принцессами. А тѣмъ временемъ Бассевицъ шлетъ радостныя извѣстія о растущей и крѣпнущей въ шведскомъ обществѣ симпатіи къ герцогу, единственному законному претенденту на шведскую корону. Затѣянное предпріятіе — въ значительной степени дѣло рукъ голштинской дипломатіи [2]). Къ августу мѣсяцу тѣ же донесенія рисуютъ намъ уже совершенно иную картину. Въ Ревелѣ царь совершенно неожиданно оставилъ флотъ, а на немъ герцога и своихъ министровъ и вернулся

[1]) Очеркъ русской морской исторіи, ч. I. стр. 392.

[2]) Реляц. Г. Мардефельда 2, 5 и 15 іюля 1723 г.; реляц. Кампредона 5 іюля 1723 г. (Сб. XLIX).

въ Петербургъ въ крайне дурномъ расположеніи духа. Онъ недоволенъ герцогомъ и по возвращеніи домой хорошо проучилъ свою супругу („s'est bien chamaillé avec son epouse"). Выходъ флота въ море стараются объяснить желаніемъ царя произвести морскіе маневры, которые, вѣроятно, и будутъ имѣть мѣсто около Бьорке, а чтобъ загладить непріятное впечатлѣніе, въ Петергофѣ предполагаютъ празднества, на которыя приглашены и представители иностранныхъ державъ. Голштинская игра проиграна; дѣла вошли въ свою обычную колею [1]).

Подобное освѣщеніе событій въ общемъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, хотя и страдаетъ нѣкоторою односторонностью. Мы не знаемъ опредѣленно, кто былъ та „знатная персона и кредитный человѣкъ", на мнѣніи котораго основывался М. Бестужевъ въ своей реляціи отъ 17-го іюня. Съ значительною долею достовѣрности въ этой „персонѣ" можно предполагать гр. Веллинга, развившаго уже незадолго до этого планъ „остентаціи" русскаго оружія, когда рѣчь заходила о Шлезвигѣ, рѣшительнѣе другихъ заявлявшаго себя противникомъ короля и пользовавшагося въ это время особымъ вниманіемъ русскаго правительства [2]). Какъ бы то ни было, отношеніе къ приведенному теперь въ исполненіе плану морской демонстраціи

---

[1]) Рел. Кампредона 13 авг. 1723 г. (ibid.); реляц. Вестфалена 18 (29) сент. 1723 г.

[2]) Отношенія гр. Веллинга къ Россіи всегда отличались крайнею доброжелательностью Въ 1723 г. русское правительство, со своей стороны, старалось удержать его на своей сторонѣ и сообщало ему, частнымъ образомъ, многое такое, о чемъ не рѣшалось прямо говорить со шведскимъ сенатомъ и сеймомъ, какъ, напримѣръ, о своей готовности содѣйствовать Швеціи въ полученіи „инде награжденія". Съ другой стороны, и М. Бестужевъ узналъ отъ гр. Веллинга многія интересныя свѣдѣнія. Послѣдній велъ въ это время переписку и съ самимъ герцогомъ голштинскимъ Въ февралѣ 1723 г. Веллингъ набросалъ „Pensées sur les moyens de faire retablir Sa Serenité de Holstein dans son souverain Duchée de Sleswic par la seule ostentation armes du Czaar". Подчеркивая, насколько для ганноверскаго правительства было бы нежелательно появленіе въ нижнесаксонскомъ округѣ русскихъ войскъ, которыя научили уже себя уважать („se sont rendues respectables)", онъ совѣтуетъ русскому правительству поставить передъ кабинетами Вѣны, Парижа, Берлина и Лондона дилемму: „ou de s'unir pour obliger le roi de Danemark à une prompte restitution du duchée de Sleswic cum omni causa suivant les traités d' Altona et de Travendahl ou de ne pas trouver mauvais, que le czaar l'y contreignit en vertu de sa garantie par la force de ses armes, Sa dite M-té, ne souhaitant pas mieux que de s'en pouvoir dispencer et de n'etre a charge qui que ce soit, ce qui serait cependant inevitable, si Elle se voyait obligée de recourir malgrée Elleàdes voyes de fait". Можно думать, что, говоря въ маѣ мѣсяцѣ объ одной персонѣ, которая находила возможнымъ получить удовлетвореніе зундской претензіи „черезъ одну остентацію оружія", М. Бестужевъ имѣлъ въ виду того же гр. Веллинга (его реляц. 13-го мая 1723 г.).

должно было быть далеко неодинаково у отдѣльныхъ противниковъ королевской политики въ Швеціи, да и тѣ надежды, которыя возлагались на успѣшный исходъ этого предпріятія сторонниками герцога гольштинскаго, и прежде всего самимъ Бассевицемъ, шли гораздо дальше тѣхъ разсчетовъ, какими руководилось въ данномъ случаѣ русское правительство. Для Петра Великаго это было новое выраженіе готовности поддержать statum quo шведскаго государственнаго строя, приближавшее его къ осуществленію завѣтной мечты о союзѣ съ Швеціей; для Бассевица—первый шагъ къ такому coup d'état, попытка привести въ исполненіе которое должна была въ глазахъ шведскаго народа и сильно уронить престижъ герцога, и дискредитировать дружественныя увѣренія Россіи.

Уже въ половинѣ іюля М. Бестужевъ различалъ среди приверженцевъ герцога двѣ фракціи, изъ которыхъ одна въ своей программѣ не шла дальше согласія на титулъ и была противъ провозглашенія герцога наслѣдникомъ престола [1]). Гольштинская партія была, очевидно, до поры до времени сильна только своею коалиціей съ республиканцами, объединившимися съ нею для отпора королевской политикѣ; въ самой секретной комиссіи, ставшей главнымъ опорнымъ пунктомъ для гольштинской дипломатіи, большинство составляли точно такъ же не принципіальные сторонники герцога, но его временные союзники, отстаивавшіе прежде всего неприкосновенность существующаго режима. По мнѣнію нѣкоторыхъ, быть можетъ, нѣсколько одностороннему, выходъ въ море русскаго флота вдесятеро уменьшилъ въ Швеціи число приверженцевъ герцога [2]). Когда же король рѣшился пойти на уступку и согласился признать постановленія сейма о титулѣ, даже наиболѣе крайніе изъ приверженцевъ герцога, какъ Веллингъ и Цедергельмъ, не нашли возможнымъ продолжать прежнюю тактику и, не надѣясь добиться въ теченіе настоящей сессіи сейма признанія наслѣдственныхъ правъ герцога, признавали излишними какія-либо рѣшительныя мѣропріятія со стороны Россіи. Это не исключало, впрочемъ, по ихъ мнѣнію, желательности тотчасъ же вступить съ нею въ болѣе тѣсныя обязательства. 5-го іюля Бестужевъ сообщилъ объ этомъ своему правительству, и уже 5-го августа котлинская эскадра, не заходя въ Ревель, вернулась на кронштадтскій рейдъ [3]). Съ точки зрѣнія интересовъ герцога гольштинскаго, примѣненное средство оказалось, такимъ образомъ, рискованнымъ и не принесло ожидаемыхъ результатовъ. Неудача, постигшая замыслы Бассевица, не отразилась, однако, на разрѣшеніи тѣхъ задачъ,

[1]) По реляц. 14-го іюня 1723 г.
[2]) Лефортъ Флеммингу 8-го окт. 1723 г.
[3]) Очеркъ морской исторіи, ч. I, стр. 392.

которыя намѣчала себѣ въ Швеціи русская политика, и даже не заставила ее измѣнить избранный образъ дѣйствія.

Подчеркивая, съ своей стороны, что имъ было исполнено все, что отъ него потребовали, русское правительство въ рескриптѣ М. Бестужеву отъ 27-го іюля выразило ex officio сожалѣніе, что „доброжелательные такъ скоро себя во мнѣніяхъ своихъ отмѣнили“, и что не удалось „не токмо совершенный покой и тишину внутри государства возстановить, всѣмъ интригамъ дорогу вовсе отсѣчь, но и къ благополучію королевства шведскаго вѣчную дружбу между обоими государствами и народами утвердить“. Тутъ же намѣчались, однако, и желательныя основанія будущаго союза, въ частности нѣсколько отличныя теперь, сообразно измѣнившимся условіямъ, отъ тѣхъ, которыя были указаны въ болѣе раннихъ инструкціяхъ М. Бестужеву. Россія обѣщала „гарантировать не только вольность и нынѣшнюю форму правительства въ Швеціи, но и все то, что чины государственные еще вяще для содержанія своихъ прерогативъ и вольностей иногда постановятъ“. Взамѣнъ за это отъ Швеціи, по-прежнему, требовалось въ той или другой формѣ обнадеживаніе въ томъ, что „кромѣ герцога, когда случай состоится, иного никого въ короли не выберутъ“. Примиряясь съ тѣмъ, что наслѣдственное право герцога не можетъ быть открыто провозглашено на текущей сессіи сейма, русское правительство выражало пожеланіе, чтобъ въ заключаемый союзъ все-таки былъ внесенъ соотвѣтствующій пунктъ, и въ виду этого принципіально соглашалось на бракъ герцога съ одною изъ дочерей царя, разъ это послѣднее условіе, по мнѣнію сейма, могло облегчить признаніе герцога „сукцессоромъ“ [1]).

Получивъ настоящій рескриптъ, М. Бестужевъ предполагалъ немедленно вступить въ переговоры о союзѣ, но „доброжелательные“, какъ онъ называетъ обыкновенно сторонниковъ Россіи и герцога голштинскаго, совѣтовали ему повременить съ формальнымъ предложеніемъ до тѣхъ поръ, пока въ секретной комиссіи не будетъ принятъ общій планъ, опредѣляющій руководящія начала шведской политики, который вырабатывался въ это время Цедергельмомъ. Только къ 26-му августа Бестужевъ подалъ въ Сенатъ формальное предложеніе о союзѣ, которое, будучи принято и одобрено королемъ, было препровождено въ секретную комиссію [2]). Прежде чѣмъ начались оффиціальные переговоры, частныя совѣщанія между Бестужевымъ и „доброжелательными“ зашли, однако, уже гораздо дальше общихъ пожеланій. Къ началу сентября въ Петербургъ прибылъ изъ Швеціи гр. Бонде и привезъ съ собою готовый проектъ союза, выработанный при со-

[1]) Реляц. М. Бестужева 8-го авг. 1723 г.

[2]) Реляц. 26-го авг. 1723 г.

дѣйствіи Бестужева „доброжелательными"—прежде всего Цедергельмомъ и Гепкеномъ. „Доброжелательные" хотѣли, чтобы этотъ проектъ былъ представленъ какъ бы отъ имени русскаго правительства. Послѣднее выразило на это согласіе и отослало проектъ назадъ къ Бестужеву, внеся, однако, въ него довольно существенныя поправки и значительныя дополненія [1]). Получивъ этотъ проектъ, М. Бестужевъ 30-го сентября подалъ промеморію о назначеніи особой комиссіи для веденія переговоровъ, въ которую и вошли: президентъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ гр. Горнъ, государственные совѣтники Цедергельмъ и Гилленборгъ, статсъ-секретарь Гепкенъ и гофканцлеръ Дибенъ. Участіе въ подобной комиссіи самого президента коллегіи иностранныхъ дѣлъ не соотвѣтствовало обычнымъ пріемамъ шведскаго государственнаго дѣлопроизводства и объяснялось въ данномъ случаѣ личнымъ желаніемъ самого гр. Горна [2]). „Республиканецъ", склонявшійся на сторону сближенія съ Россіей, но осторожно относившійся къ голштинскимъ притязаніямъ, гр. Горнъ видимо озаботился взять въ свои руки веденіе предварительныхъ переговоровъ въ виду довольно односторонняго состава комиссіи. 2-го октября начались засѣданія комиссіи и продолжались вплоть до середины февраля 1724 г. Гр. Горнъ принималъ въ нихъ дѣятельное участіе. Представители голштинской партіи за все это время, помимо засѣданій комиссіи, имѣли частные переговоры съ Бестужевымъ, главнымъ образомъ, по голшинскому вопросу; съ другой стороны, ими были внесены и проведены нѣкоторыя предложенія, не вполнѣ соотвѣтствовавшія видамъ русскаго правительства и принятыя послѣднимъ довольно неохотно [3]). Къ концу ноября Бестужеву былъ врученъ со шведской стороны окончательный контръ-проектъ договора, значительно отличавшійся отъ обѣихъ предшествующихъ редакцій, съ заявленіемъ, что Швеція не можетъ согласиться ни на какія дальнѣйшія уступки и измѣненія [4]). Кое-какія поправки по существу русскому правительству удалось, однако, внести и въ этотъ новый контръ-проектъ;

---

[1]) Рескр. М. Бестужеву 9-го сент. 1723 г.; при немъ—проектъ Бонде и отвѣтный русскій контръ-проектъ. Реляц. 26-го авг. Роль Цедергельма и Гепкена при заключеніи настоящаго союза была, повидимому, очень значительна. Не ограничиваясь переговорами съ Бестужевымъ, они вели за это время и переписку съ самимъ Остерманомъ, главнымъ образомъ, по вопросу о голштинскихъ притязаніяхъ и о примиреніи Россіи съ Англіей, о чемъ придется еще говорить ниже. Ихъ письма—въ Дѣлахъ Шведскихъ 1723 г. № 19.

[2]) Реляц. М. Бестужева 30-го сент. 1723 г.

[3]) Протоколы конференцій М. Бестужева со шведскими уполномоченными—при его реляціяхъ за вторую половину 1713 г. въ Дѣлахъ Шведскихъ 1723 г. № 6.

[4]) Реляц. 25-го ноября 1723 г.

съ такими поправками онъ и былъ отосланъ къ Бестужеву при рескриптѣ 23-го декабря. Еще въ октябрѣ, передъ закрытіемъ сессіи, сеймъ уполномочилъ Сенатъ на заключеніе съ Россіей договора, что́ и послѣдовало 11-го (22) февраля 1724 года [1]). На окончательной редакціи этого договора отразились, такимъ образомъ, на-ряду съ оффиціальными переговорами Бестужева со шведскими уполномоченными, его частныя совѣщанія съ представителями голштинской партіи, въ чемъ принималъ порою участіе и гр. Бассевицъ. Не излагая всего хода этихъ переговоровъ и не останавливаясь на анализѣ окончательной редакціи договора во всемъ ея объемѣ, мы отмѣтимъ лишь, какую постановку получилъ въ этомъ договорѣ вопросъ о голштинскихъ претензіяхъ.

Союзное соглашеніе со Швеціей, какъ мы уже знаемъ, входило въ программу русскаго правительства, прежде всего, въ виду цѣлаго ряда тѣхъ задачъ, которыя оно ставило себѣ послѣ Ништадтскаго мира на Балтійскомъ морѣ, которыя объединялись въ вопросѣ о зундской пошлинѣ, и средствомъ для разрѣшенія которыхъ въ значительной степени должно было послужить поддержаніе неудовлетворенныхъ претензій герцога голштинскаго.

Послѣ заключенія русско-шведскаго союзнаго договора частное недоразумѣніе между Россіей и Даніей, зундскій вопросъ легче могъ быть введенъ въ общую сѣть дипломатическихъ переговоровъ; одновременно съ этимъ получалъ болѣе широкую постановку и вопросъ о голштинскихъ претензіяхъ. Первая опредѣленная попытка дать такую постановку этому послѣднему вопросу со стороны русскаго правительства и была сдѣлана во время переговоровъ со Швеціей объ условіяхъ будущаго союза На-ряду съ вопросомъ о наслѣдственныхъ правахъ герцога на шведскую корону былъ выдвинутъ теперь и вопросъ о его суверенныхъ правахъ на занятый Даніею Шлезвигъ. По-прежнему, однако, съ точки зрѣнія русскаго правительства, во главу угла должно было быть поставлено первое изъ этихъ требованій, и лишь за его удовлетвореніемъ предполагалось выработать болѣе опредѣленное соглашеніе по шлезвигскому вопросу [2]).

Еще до начала оффиціальныхъ переговоровъ Бестужевымъ были

---

[1]) Рескр. отъ того же числа. Съ русской стороны этотъ договоръ былъ ратифицированъ 25-го апрѣля, со шведской—18-го мая (Бантышъ-Каменскій. Обзоръ... IV, 224). Текстъ договора (безъ секретныхъ пунктовъ и не вполнѣ исправный—цифру вспомогательныхъ войскъ, обѣщанныхъ со стороны Россіи слѣдуетъ читать 12.000, вмѣсто 20.000)—въ П. С. З. № 4465. Содержаніе договора (правильное) и почти дословный текстъ секретныхъ пунктовъ—у Соловьева, IV, 747—38.

[2]) Срав. „Eclaircissemens“... 357: „Le prudent Empereur... voulait avant tout assurer le trone de Suède à son gendre futur et reservait Slesvic ou com-

предложены Цедергельму и Гепкену для внесенія въ проектъ будущаго договора готовыя редакціи двухъ секретныхъ пунктовъ. Первый изъ этихъ пунктовъ касался Шлезвига и былъ составленъ въ выраженіяхъ, опредѣленно говорившихъ о Даніи; второй заключалъ въ себѣ предложеніе новой гарантіи съ русской стороны шведскаго государственнаго устройства, для вящаго упроченія котораго рекомендовалось признать наслѣдственныя права герцога на шведскую корону [1]). „Доброжелательные“ къ этому времени не питали уже никакой надежды на признаніе за герцогомъ его наслѣдственныхъ правъ, и въ проектъ, привезенный въ С.-Петербургъ гр. Бонде, былъ внесенъ только первый изъ предложенныхъ Бестужевымъ пунктовъ. Попытка самого русскаго правительства пополнить проектъ невнесеннымъ пунктомъ, хотя и нашла нѣкоторое сочувствіе въ комиссіи для переговоровъ о союзѣ, отославшей свое заключеніе по этому вопросу въ секретную сеймовую комиссію, въ конечномъ результатѣ успѣха опять-таки не имѣла, и въ сообщенныхъ Бестужеву 23-го ноября послѣднихъ условіяхъ, на которыя соглашалась Швеція, пунктъ о голштинскомъ наслѣдованіи не нашелъ себѣ мѣста [2]). Пунктъ о Шлезвигѣ точно также былъ подвергнутъ русскимъ правительствомъ нѣкоторому измѣненію. Смягчивъ нѣсколько тѣ выраженія, которыя могли черезъчуръ задѣвать Данію, „дабы прежде времени не такъ явно съ обѣихъ сторонъ себя объявить и тѣмъ только сіе дѣло труднѣе учинить“, русское правительство предложило замѣнить взаимное обѣщаніе содѣйствовать мирнымъ путемъ удовлетворенію шлезвигскихъ притязаній герцога обязательствомъ „черезъ добрыя оффиціи такъ при датскомъ дворѣ, какъ и при иныхъ дворахъ сіе дѣло общимъ совѣтомъ сильнѣйшимъ образомъ производить“, и условіемъ войти, въ крайнемъ случаѣ, между собою въ ближайшее формальное соглашеніе „для исходатайствованія его королевскому высочеству въ семъ дѣлѣ соотвѣтственной сатисфакціи“. Со шведской стороны въ это предложеніе была внесена только поправка, придававшая послѣднему соглашенію характеръ соглашенія договаривающихся сторонъ „не только между собою, но и съ другими державами, а особливо съ римскимъ цесаремъ“, что́ не встрѣтило въ Петербургѣ, повидимому, никакого препятствія [3]). Въ такой редакціи это условіе и вошло въ текстъ договора въ видѣ секретнаго пункта.

me une acquisition facile, lorsqu'il y serait affermi ou comme une heureuse ressource, pour obliger de Dannemark de concourir à l'y faire monter en faveur d'une cession de son patrimonie“.

[1]) Реляц. М. Бестужева 26 авг. 1723 г.

[2]) Реляція М. Бестужева 25 ноября 1723 г.

[3]) Отдѣльные проекты договора, приложенные къ рескриптамъ М. Бестужеву 9 сент. и 23 дек. и къ его реляціи 25 ноября 1723 г. Русское правитель-

Союзъ 1724 г. со Швеціей имѣлъ большое принципіальное значеніе какъ въ исторіи русской балтійской политики, такъ и въ исторіи развитія русско-гольштинскихъ отношеній. Очередныя задачи балтійской политики получали съ этого момента болѣе широкую постановку. Гольштинской дипломатіи не удалось вовлечь русское правительство въ свою политику приключеній. Та постановка, которую получалъ теперь шлезвигскій вопросъ, легко могла, однако, на время заслонить отъ вниманія русскаго правительства его прямыя цѣли на Балтійскомъ морѣ.

Заключая союзъ со Швеціей, Россія одерживала крупную дипломатическую побѣду надъ англійскимъ вліяніемъ въ Стокгольмѣ, побѣду, создававшую внушительный противовѣсъ тому положенію, какое удалось Англіи занять въ это время въ Копенгагенѣ. Русская политика на Балтійскомъ морѣ и отношенія къ Россіи самой Англіи вступали съ этого момента въ новый фазисъ развитія. Лишній поводъ къ тревогѣ, новый союзъ заставлялъ Англію съ новою силою хлопотать въ возстановленіи съ Россіей правильныхъ дипломатическихъ сношеній. Еще во время предварительныхъ переговоровъ о союзѣ, шведское правительство, слѣдуя, очевидно, въ данномъ случаѣ, настояніямъ изъ Лондона, зондировало почву о примиреніи царя съ королемъ Георгомъ, о чемъ не разъ уже заводили рѣчь Франція и Пруссія, и было даже не прочь отъ прямого включенія Англіи въ будущій русско-шведскій союзъ. Представители гольштинской партіи, съ другой стороны, желая придать притязаніямъ герцога на Шлезвигъ значеніе, прежде всего, имперскаго вопроса, особенно настаивали на болѣе тѣсномъ соглашеніи между Россіей и германскимъ императоромъ. Русское правительство охотно шло навстрѣчу всѣмъ этимъ предложеніямъ. Отдѣляя вопросъ о примиреніи съ Англіей отъ вопроса о союзѣ, оно выражало полную готовность, по заключеніи послѣдняго, начать новые самостоятельные переговоры, избравъ для этого путь шведскаго посредничества. Ничего не имѣли въ Петербургѣ и противъ того, чтобы къ союзу, послѣ его заключенія, примкнули какъ

ство соглашалось даже вовсе не вносить пункта о Шлезвигѣ, „дабы прежде времени не подать поводъ и причину другимъ противъ того свои мѣры предвоспріять и въ лучшее состояніе себя привести намъ къ тому дѣлу противиться“. Въ послѣднемъ случаѣ, однако, оно опять-таки предлагало „потомъ оное дѣло концертовать и между собою тайно и подъ рукою обстоятельныя мѣры взять“. (Рескр. Бестужеву 18 окт. 1723 г.). Съ другой стороны, по тѣмъ же соображеніямъ русское правительство не соглашалось и на прямое включеніе въ союзъ герцога, чего добивался Бассевицъ, находя, что подобное включеніе „не только не потребно, но и весьма герцоговымъ собственнымъ интересамъ вредительно“ (Рескр. Бестужеву 27 дек. 1723 г. и его реляціи 27 янв. 1724 г.).

король Георгъ, гарантировавшій Даніи владѣніе Шлезвигомъ, такъ и императоръ германскій, признавшій по Травендальскому миру суверенныя права на названную область за герцогомъ гольштинскимъ. Черезъ гольштинскія притязанія на Шлезвигъ вопросы, составлявшіе содержаніе балтійской политики Россіи, начинали входить, такимъ образомъ, постепенно въ кругъ ея общеевропейскихъ отношеній, а борьба съ англійскимъ вліяніемъ, общая руководящая идея политики Петра Великаго послѣ Ништадтскаго мира, дѣлается съ этого момента очередною задачею и его политики на Балтійскомъ морѣ. Оружіе въ рукахъ русскаго правительства, гольштинскія притязанія не были оставлены имъ и послѣ заключенія русско-шведскаго союза. Отношеніе къ этому оружію въ русскихъ правительственныхъ сферахъ въ послѣдній годъ петровскаго царствованія, однако, измѣнилось. До этого времени только средство, эти притязанія получаютъ теперь значеніе почти самодовлѣющей цѣли, передъ которою порою отступаетъ на задній планъ даже вопросъ о зундской политикѣ.

М. Поліевктовъ.

Записки графа Ѳ. Г. Головкина.

Русскій дворъ въ царствованіе Павла I.

(Окончаніе) [1]).

Положеніе дипломатическаго корпуса становилось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ не только потому, что приходилось каждый день слышать необычайные вещи, относительно которыхъ дипломаты терялись, не имѣя возможности опереться ни на инструкціи, ни на традиціи, но главнымъ образомъ потому, что никто не зналъ, къ кому обращаться за разъясненіями и съ жалобами.

6-го апрѣля скончался канцлеръ князь Безбородко, и завѣдываніе дѣлами коллегіи иностранныхъ дѣлъ перешло въ руки графа Ростопчина, въ званіи кабинетъ-министра по иностраннымъ дѣламъ; это былъ человѣкъ очень умный, но крайне невѣжественный, смѣлый выскочка съ очень дурнымъ характеромъ; вице-канцлеромъ былъ графъ Панинъ, образованный молодой человѣкъ, но совершенно не знавшій человѣческое сердце, свѣтъ и дворъ, вслѣдствіе чего его умъ былъ безполезенъ и опасенъ. Императоръ работалъ только съ кабинетъ-министромъ, а дипломатическій корпусъ могъ сноситься только съ вице-канцлеромъ, который, въ свою очередь, не имѣлъ доклада у государя; такимъ образомъ всѣ дѣла шли черезъ Ростопчина, онъ являлся, слѣдовательно, хозяиномъ положенія, могъ передавать императору только то, что ему заблагоразсудится, а его слова могъ передавать, какъ ему было желательно. Можно себѣ представить, какія это порождало проволочки и осложненія, крайне вредныя въ такое время, когда событія шли съ изумительной быстротою и до какой степени лица, стоявшія во главѣ управленія, были безотвѣтственны. Для посланниковъ оставался еще одинъ путь,—видѣться съ сановниками въ обществѣ, но ни Ростопчинъ, ни Панинъ не дѣлали пріемовъ. У графа Ростопчина рѣдко можно было получить аудіенцію, у графа Панина надобно было предварительно испросить часъ, чтобы быть принятымъ; ни тотъ, ни другой не бывали въ обществѣ. Вслѣдствіе этого, дѣла шли крайне медленно, во всемъ царствовалъ невыносимый произволъ, между обоими министрами происходили непріятныя сцены; наконецъ, графъ Панинъ былъ уволенъ, а вслѣдъ за тѣмъ палъ самъ Ростопчинъ".

На этомъ обрывается рукопись графа Головкина. Самъ ли онъ прервалъ на этомъ свои записки, или же конецъ рукописи былъ похищенъ въ то время, когда ящикъ съ бумагами графа былъ вскрытъ и обысканъ въ Бернѣ неизвѣстными людьми, о чемъ говоритъ въ примѣчаніи нынѣшній владѣтель бумагъ графа Ѳедора Гавриловича, неизвѣстно. Въ біографическомъ очеркѣ графа Ѳедора Головкина, изданномъ Николаемъ Шателэномъ въ 1861 г. въ Revue Suisse помѣщены отрывки изъ его воспоминаній о царствованіи Павла I. Эти разсказы, сообщенные имъ своему другу Шателэну, относятся очевидно къ послѣднимъ днямъ проведеннымъ Головкинымъ при дворѣ Павла передъ своей ссылкой. Возможно, что именно эти, помѣщаемые нами вслѣдъ за симъ отрывки, и составляли содержаніе недостающихъ страницъ рукописи.

В. Т.

---

[1]) См. „Русскую Старину", февраль 1907 г.

Изъ воспоминаній графа Ѳ. Г. Головкина,

и нѣсколько имъ набросанныхъ характеристикъ.

I.

„Однажды, когда у графа Х. было большое собраніе, на которомъ присутствовалъ и я“, разсказывалъ мнѣ Головкинъ, двери распахнулись вдругъ настежь и было доложено о пріѣздѣ императора. Мнѣ не было возможности скрыться, и что бы то ни было, я почувствовалъ, что надобно было скрыть свое смущеніе. Императоръ вскорѣ замѣтилъ меня и подошелъ прямо ко мнѣ съ самымъ гнѣвнымъ выраженіемъ и, говоря по обыкновенію иносказательно, произнесъ: „Не правда ли, ваше сіятельство, когда человѣкъ разсчитывалъ получить удовольствіе, очень досадно и обидно получить отказъ и трудно простить человѣку, который постарался бы унизить васъ въ награду за милость, которой вы бы у него просили“? Не понимая хорошенько, что онъ хотѣлъ этимъ сказать, не умѣя разобраться въ этомъ длинномъ предисловіи, которое показалось мнѣ весьма темнымъ, я отвѣчалъ: „Безъ сомнѣнія это такъ, какъ ваше величество говорите, но я не вполнѣ понимаю васъ“.

— Я хочу сказать, ваше сіятельство, продолжалъ онъ менѣе злобнымъ тономъ, что если бы я просилъ васъ сдѣлать мнѣ удовольствіе отужинать со мною, то очевидно вы бы отказали мнѣ въ этомъ. И я долженъ остеречься отъ подобной просьбы. Къ тому же я знаю, что есть люди счастливѣе меня, которые имѣютъ обыкновенно счастье пользоваться вашимъ обществомъ, было бы крайне несправедливо лишать ихъ долѣе вашего присутствія. Произнося эти слова императоръ слегка склонилъ голову. Я отвѣчалъ глубокимъ поклономъ, такъ какъ придворные разступились, чтобы пропустить меня, то я воспользовался этимъ, съ такою поспѣшностью, какъ только поз-

волялъ церемоніалъ. Я отступилъ къ дверямъ, дѣлая положенные три реверанса. Какъ сладокъ показался мнѣ воздухъ въ корридорахъ и на лѣстницѣ, я вдыхалъ его полной грудью"!

II.

Непримиримый врагъ Франціи со времени революціи, графъ Головкинъ не могъ допустить мысли, чтобы Павелъ сталъ на защиту Бонапарта, чтобы самодержецъ всея Россіи велъ переговоры какъ равный съ равнымъ съ авантюристомъ; онъ находилъ это тѣмъ болѣе предосудительнымъ, что самъ Павелъ былъ вначалѣ также враждебно настроенъ къ революціи, какъ того требовало достоинство его короны. Когда этотъ отзывъ графа Головкина дошелъ до слуха императора, онъ былъ крайне разгнѣванъ и сказалъ, что если онъ встрѣтитъ его гдѣ-нибудь, то прикажетъ выбросить его въ окно. Эти слова были въ свою очередь переданы графу.

Разсказавъ о гнѣвной сценѣ съ Павломъ, графъ продолжалъ: „Вы не можете себѣ, представить, что значитъ чувствовать на лицѣ дыханіе человѣка, который далъ себѣ слово выбросить васъ въ окно. Павелъ былъ способенъ сдержать слово, а среди придворныхъ были люди на столько ко мнѣ расположенные, что они съ удовольствіемъ исполнили бы волю государя. Выйдя изъ дворца, я почувствовалъ себя какъ иволга, вырвавшаяся изъ когтей коршуна".

Разумовскій.

Разумовскіе по происхожденію малороссы. Одинъ изъ братьевъ Разумовскій, Алексѣй, бывшій пѣвчій придворной капеллы, приглянулся за обѣдней императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Это рѣшило участь всей семьи. Онъ сталъ ея фаворитомъ и былъ со временемъ пожалованъ графомъ и назначенъ оберъ-егейместеромъ. Его младшій братъ, Кириллъ, пасъ свиней въ окрестностяхъ Батурина; онъ самъ сообщилъ мнѣ слѣдующія подробности. Свиньи, которыхъ онъ пасъ, принадлежали не ему, а ихъ родственнику крестьянину Будлянскому, который былъ богаче ихъ. Когда Алексѣй увидѣлъ, что судьба его устроилась, онъ вспомнилъ о Кириллѣ и послалъ одного офицера, чтобы привезти его съ почетомъ; Кириллъ, который уже былъ взрослымъ, увидалъ офицера, подумалъ, что его хотѣли взять въ солдаты, бросилъ своихъ свиней и влѣзъ на дерево, откуда его удалось выжить только голодомъ. Когда онъ пріѣхалъ въ столицу, его пообчистили,

пріодѣли и одному женевцу, котораго звали, кажется, Саладинъ, поручили обучить его манерамъ и придать ему нѣкоторый лоскъ. Въ то время, когда этотъ воспитатель ходилъ въ церковь, его воспитанникъ предавался невиннымъ дѣтскимъ забавамъ.

Въ числѣ подарковъ, присланныхъ Фридрихомъ II русскому двору, находилась роскошная табакерка, осыпанная бриліантами, присланная для брата фаворита. Въ одинъ воскресный день Кириллъ, оставшись одинъ, досталъ табакерку изъ шкапа, куда спряталъ ее воспитатель, и послѣдній, вернувшись домой, увидѣлъ съ изумленіемъ, что онъ вытащилъ изъ оправы всѣ алмазы каменными щипцами. Можно себѣ представить, въ какомъ видѣ оказалась табакерка! Когда фельдмаршалъ Разумовскій замѣчалъ, что его сыновья начинали важничать, онъ всегда разсказывалъ какую-нибудь подобную продѣлку своей молодости, объясняя ее своимъ простонароднымъ происхожденіемъ. Было любопытно видѣть, какъ люди взрослые, занимавшіе видныя мѣста, разукрашенные золотымъ шитьемъ и увѣшанные орденами, были вынуждены опустить глаза передъ присутствующими, передъ которыми они обыкновенно высоко держали свое знамя.

Ихъ отецъ былъ огромнаго роста, болѣе шести футъ вышины и прекрасно сложенъ; лицо его было не особенно красиво, но очень выразительно. Въ его манерѣ и осанкѣ было что-то дикое, восточное, но въ общемъ его фигура была очень своеобразна и величественна. Такъ какъ его воспитаніе началось только въ восемнадцать лѣтъ, то оно не могло извратить его чувствъ и свойственную ему правдивость характера; хотя онъ былъ очень невѣжественъ, но благодаря врожденному здравому смыслу, часто одерживалъ верхъ въ совѣтѣ надъ своими болѣе умными и способными коллегами. Онъ пріобрѣлъ благодаря случаю огромное состояніе, которое тратилъ щедро. Его богатству соотвѣтствовали его дворецъ, огромный штатъ прислуги и его гостепріимство. Благодаря протекціи брата, онъ былъ избранъ атаманомъ украинскихъ казаковъ, но такъ какъ это званіе, черезъ чуръ напоминавшее времена Мазепы, не соотвѣтствовало принципамъ Екатерины II, то онъ отказался отъ него по ея настоянію, за что получилъ фельдмаршальскій жезлъ и большую пенсію съ правомъ пользованія своей резиденціей—Батуринскимъ дворцомъ и принадлежащими ему землями. Онъ удалялся иногда въ эти помѣстья, когда, послѣ продолжительнаго пребыванія въ Петербургѣ, ему надобно было соблюсти нѣкоторую экономію. Подъ конецъ жизни онъ поселился въ Москвѣ, гдѣ жилъ по-царски.

Разумовскій путешествовалъ по Европѣ. Когда онъ пріѣхалъ въ Парижъ, Шуазель объяснилъ Людовику XV, что ему слѣдовало оказать особое вниманіе столь знатному иностранцу; король обѣщалъ

*

сдѣлать это. Поэтому Разумовскій былъ приглашенъ въ Версаль, гдѣ онъ долженъ былъ представляться королю отдѣльно отъ другихъ лицъ, съ которыми король по существовавшему обычаю ничего не говорилъ. Король, спѣшившій на охоту на кабана, позабылъ все, что ему было внушено и, когда ему назвали фельдмаршала, прошелъ мимо него, не сказавъ ни слова, произнеся только ничего не значащее a!

— Очевидно, король принимаетъ меня за кабана,—сказалъ Разумовскій герцогу Шуазелю, смущенному разсѣянностью короля. Онъ хотѣлъ исправить этотъ промахъ самымъ лестнымъ для Разумовскаго образомъ, но фельдмаршалъ не пожелалъ болѣе явиться ко двору; Парижъ восхищался сказанной имъ остротою и тѣмъ, какъ онъ держалъ себя послѣ этого случая.

Кобенцель.

Семейство Кобенцель достигло весьма блестящаго положенія. Два двоюродныхъ брата, графы Филиппъ и Людовикъ Кобенцель, занимали видныя мѣста въ австрійской монархіи. Въ то время не было дѣла, въ которомъ они не играли бы какой-нибудь роли; сестра послѣдняго, графиня Румбекъ, своими странностями и подборомъ людей, коими она умѣла окружить себя, не мало способствовала тому, что на нихъ были обращены взоры всего общества въ Вѣнѣ и за границей. Внѣшній обликъ этихъ господъ заставлялъ радоваться тому, что у нихъ не было дѣтей. Филиппъ былъ небольшого роста, худощавый, желтый и походилъ на ростовщика итальянца. Людовикъ былъ толстъ, рыжъ, подслѣповатъ и нечистоплотенъ; таковымъ онъ казался въ самой парадной одеждѣ, а его жена, рожденная la Rovère de Montelabatte, при всемъ своемъ умѣ, была одною изъ непріятнѣйшихъ женщинъ и до того нечистоплотна, что давила за столомъ вшей. Не только благоволеніе Маріи-Терезіи, которая была очень расположена къ графу Людовику, но въ значительной степени наружность этихъ господъ способствовала той блестящей карьерѣ, которую они сдѣлали при своихъ врожденныхъ способностяхъ и знаніяхъ. Благодаря невзрачной наружности, они не внушали опасеній своимъ соперникамъ и достигли такимъ образомъ блестящаго положенія въ министерствѣ и при посольствахъ.

Графъ Людовикъ Кобенцель не только страстно любилъ свѣтскую жизнь, но онъ былъ до того подвиженъ, что трудно было представить себѣ, когда онъ работаетъ. Онъ питалъ въ особенности необузданную страсть къ французской комедіи и къ несчастью для своей профессіи, требующей того, чтобы дипломатъ держалъ себя съ достоин-

ствомъ, онъ игралъ безподобно и когда не могъ участвовать въ спектаклѣ, то вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ, онъ только и говорилъ о театрѣ. Это подавало иногда поводъ къ крайне непріятнымъ для него сценамъ. Однажды, вечеромъ, когда онъ исполнялъ роль Pandolph'a въ комедіи „Serva Padrona", для каковой роли онъ накрасился и одѣлся настоящимъ пугаломъ, у него вдругъ страшно разболѣлись зубы и онъ бросился на постель и заснулъ. Ему прислуживали два лакея; тотъ, который подавалъ ему одѣваться утромъ, не видѣлъ его по вечерамъ, когда онъ ложился спать. На другое утро, проснувшись, онъ позвонилъ; вошелъ лакей и, увидя это страшное лицо, убѣжалъ, крича благимъ матомъ на весь домъ, что въ кровать его превосходительства забрался чортъ. Можно себѣ представить, какой переполохъ произошелъ въ домѣ; посланникъ былъ взбѣшенъ, а въ Петербургѣ долго обсуждали это происшествіе на всѣ лады. Другой разъ, когда ему доложили о пріѣздѣ изъ Вѣны курьера съ весьма важными депешами, онъ приказалъ ввести его, забывъ, что онъ репетировалъ въ это время въ костюмѣ роль еврея съ приставной бородой и пластыремъ на глазу. Увидавъ его, курьеръ отступилъ на нѣсколько шаговъ и отказался отдать ему депеши. Напрасно объясняли ему, въ чемъ дѣло, онъ стоялъ на своемъ; пришлось вызвать тосканскаго посланника, барона Седелера, знавшаго курьера лично, который и подтвердилъ ему, что это именно и есть посланникъ ея апостольскаго и императорскаго величества.

Я былъ уже нѣсколько дней передъ тѣмъ назначенъ посланникомъ въ Неаполь, какъ однажды императрица, недовольная чѣмъ-то графомъ Кобенцелемъ, который пріѣхалъ по ея повелѣнію въ Царское Село, сказала мнѣ черезъ столъ: „Постарайтесь понравиться тамъ и быть довольнымъ; я даю вамъ къ тому всѣ средства и запрещаю вамъ только одно,—играть на сценѣ. Являясь моимъ представителемъ, человѣкъ долженъ отказаться играть какую бы то ни было иную роль". Ударъ былъ жестокій, но заслуженный; Кобенцеля обвиняли, въ свое время, въ томъ, что онъ игралъ на сценѣ, имѣя въ карманѣ извѣстіе о кончинѣ Маріи-Антуанеты, но я этому не вѣрю. Онъ былъ способенъ сдѣлать низость, чтобы добиться успѣха, но не могъ сдѣлать подобной низости совершенно безцѣльно. Г-жа Румбекъ, очень несдержанная на слова, позволявшая себѣ неумѣстныя шутки и стремившаяся единственно къ тому, чтобы забавлять брата, могла бы очень повредить ему, если бы счастье и удача не преслѣдовали Кобенцеля подобно неумолимому року. Во время его перваго посольства въ Россію г-жа Румбекъ, къ великому неудовольствію Кобенцеля, была выслана изъ Петербурга.

Впослѣдствіи, будучи назначенъ, во времена консульства въ На-

рижъ, онъ являлся каждый день послѣ обѣда къ г-жѣ Б., чтобы участвовать въ тріо (?). Его заставляли ждать, нерѣдко совсѣмъ не принимали, но онъ являлся неизмѣнно въ одинъ и тотъ же часъ. Правда, ему удавалось обыкновенно добиться того, что онъ хотѣлъ, но когда дѣло идетъ не о спасеніи отечества, то можно ли кичиться подобными успѣхами? и долженъ ли порядочный человѣкъ приносить подобныя жертвы хотя бы во имя отечества?

Людовикъ Кобенцель преждевременно состарился отъ безсонныхъ ночей и слишкомъ роскошнаго стола; хотя онъ былъ большой Донъ-Жуанъ, но едва-ли онъ умеръ бы отъ этого пятидесяти лѣтъ отъ рода. Оставленное имъ небольшое состояніе, такъ же, какъ и болѣе значительное состояніе графа Филиппа перешло вмѣстѣ съ ихъ фамиліей къ графу Коронини, уроженцу Штиріи или Карніоліи.

Красавица Фанаріотка

(Госпожа Виттъ).

Кто не слыхалъ послѣднія тридцать лѣтъ объ этой красавицѣ гречанкѣ? Кто не видалъ ее, разъѣзжавшую по всей Европѣ? Я видѣлъ ее въ Берлинѣ въ 1781 г. Она разносила воду въ Сералѣ, откуда была похищена польскимъ дипломатическимъ агентомъ въ Константинополѣ, Боскампомъ, который уступилъ ее впослѣдствіи человѣку неизвѣстнаго происхожденія по имени де-Виттъ; послѣдній развозилъ ее по всѣмъ большимъ городамъ Европы. Во время русско-турецкой войны она отправилась въ главную квартиру въ Яссы и прельстила князя Потемкина до того, что его племянницы были не на шутку этимъ встревожены. По ея словамъ, она была въ Яссахъ въ качествѣ друга, хотѣла только цивилизовать князя, и она дѣлала это съ большой граціей и хитростью; она управляла имъ какъ хотѣла; племянницы Потемкина заботились гораздо болѣе о сохраненіи своего вліянія, нежели о томъ, чтобы не потерять любви своего любезнаго дядюшки, но всѣ ихъ старанія и маленькія хитрости не повели ни къ чему. Г-жа Виттъ послѣдовала за княземъ въ Петербургъ (1791 г.), гдѣ у нея появился великолѣпный домъ, роскошныя лошади и туалеты и, наконецъ, дипломъ на званіе графини священной римской имперіи. Вопреки правиламъ строгаго этикета, Потемкинъ самъ представилъ ее императрицѣ, которая пожаловала ей на другой же день драгоцѣнный подарокъ. Весь дворъ былъ у ея ногъ; низость нѣкоторыхъ лицъ доходила до того, что въ то время, какъ ея величество давала аудіенцію дипломатическому корпусу, австрійскій посланникъ, графъ Кобенцель каталъ г-жу Виттъ въ кабріолетѣ подъ

окномъ императорскаго дворца. По смерти своего новаго друга она удалилась въ помѣстья, полученныя ею благодаря Потемкину и объ ней нѣкоторое время забыли.

Въ этомъ-то помѣстьѣ, смежномъ съ знаменитымъ Тульчинскимъ имѣніемъ Потемкина, познакомился съ нею графъ Потоцкій. Его сердце, которое давно уже было свободно, отдалось ей безраздѣльно; подъ вліяніемъ своей любви къ г-жѣ Виттъ Потоцкій дѣлалъ самыя безразсудные и неделикатные поступки, тѣмъ болѣе, что его соперникомъ явился его старшій сынъ.

Вскорѣ Потоцкій рѣшилъ развестись съ женою, которая должна была согласиться на это. Злой языкъ графини Потоцкой создалъ ей не мало враговъ, а безумныя траты были причиною крупныхъ долговъ, и мы съ Шуазель-Гуфье, оставшись ей преданными, не знали какъ помочь ей и что посовѣтовать. Однажды, когда у нея спросили, какъ идетъ ея дѣло.

— Плохо, сказала она,—графъ Потоцкій упорно настаиваетъ на томъ, что его дѣти незаконнорожденныя. Это несправедливость и клевета, которыя еще болѣе усугубляютъ прискорбный фактъ ихъ законнаго происхожденія.

Павелъ I не любилъ Потоцкую и боялся ее, поэтому онъ за нее не заступился; разводъ состоялся, и при дворѣ появилась новая графиня Потоцкая. Насколько она была хороша и граціозна въ греческомъ костюмѣ, настолько она казалась смѣшною въ обыкновенномъ нарядѣ, когда она принимала видъ великосвѣтской дамы. Настоящая графиня Потоцкая утѣшалась и мстила, отпуская остроты, вслѣдствіе чего ей пришлось, въ концѣ-концовъ, удалиться отъ двора и изъ столицы.

Графъ Шуазель-Гуфье.

Вторая фамилія была присоединена къ имени графа Шуазеля, когда онъ вступилъ въ бракъ съ послѣдней представительницей рода Бонниве, дочерью адмирала Бонниве, любимца короля Франциска I.

Графъ Шуазель былъ во время революціи французскимъ посланникомъ въ Турціи. Еще раньше онъ путешествовалъ въ Турціи и, какъ результатъ этого путешествія и его дипломатической миссіи, явилось всѣмъ извѣстное прекрасное сочиненіе „Живописное путешествіе по Греціи“. Въ Константинополѣ онъ прославился своими интригами противъ Россіи, но, когда началась война, онъ дѣятельно сталъ покровительствовать русскимъ плѣннымъ и простеръ свою заботливость объ нихъ до того, что для нихъ былъ построенъ, по его иниціативѣ, посреди арсенала деревянный госпиталь, гдѣ съ ними обращались замѣчательно хорошо.

По окончаніи революціи Шуазель удержался нѣкоторое время на своемъ посту, несмотря на всѣ происки восточныхъ якобинцевъ, наконецъ, былъ вынужденъ просить убѣжища у повѣреннаго въ дѣлахъ Россіи; послѣдній, не зная, какъ взглянетъ на это его дворъ, отвѣтилъ уклончиво, но, когда бывшій посланникъ получилъ весьма любезное приглашеніе въ Петербургъ, то повѣренный въ дѣлахъ понялъ, нѣсколько поздно, что къ нему слѣдовало отнестись болѣе предупредительно.

Никогда еще ни чей пріѣздъ не возбуждалъ столько толковъ; никого не ждали съ такимъ нетерпѣніемъ. Какъ сейчасъ помню, это было въ Царскомъ Селѣ; императрица спускалась отъ колоннады по маленькой лѣстницѣ въ сопровожденіи принца Нассаускаго; завидѣвъ меня, она крикнула издали: „Угадайте, кто пріѣдетъ сюда черезъ полтора мѣсяца“.

Я не могъ угадать этого, такъ какъ я никогда не думалъ объ этой личности иначе, какъ перелистывая его книгу.

— Графъ Шуазель,—сказала императрица.—Мнѣ пишутъ, что онъ пріѣдетъ быть можетъ еще скорѣй, что онъ уже находится въ Россіи.

Это было сказано съ такимъ радостнымъ оживленіемъ, что я объяснилъ это лишь извѣстностью Шуазеля, какъ писателя, которымъ увлекался вѣроятно фаворитъ Зубовъ, и тѣмъ, что императрица всегда благоволила ко всѣмъ французамъ-вольнодумцамъ.

Это чудо, котораго ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ, пріѣхалъ черезъ мѣсяцъ и съ перваго же взгляда было рѣшено, что Шуазель далеко не оправдалъ ожиданій. При дворѣ, особенно при петербургскомъ, быстро произносятъ свое сужденіе о человѣкѣ: достаточно сутокъ, чтобы съ нимъ познакомиться, превознести его или осудить.

Шуазель былъ небольшого роста, приземистый, держалъ руки округленно; его лобъ, съ огромными торчащими черными бровями походилъ на продранный матрасъ; черезъ-чуръ маленькій носъ придавалъ ему сходство съ попугаемъ; въ его взглядѣ было что-то принужденное, цвѣтъ лица былъ очень красный, выраженіе лица скорѣе хитрое, нежели умное; свою врожденную робость Шуазель старался скрыть подъ самыми обыденными манерами; у него не было ни одной медали, ни одного ордена кромѣ маленькаго крестика св. Людовика, болтавшагося въ петлицѣ; всего этого было достаточно, чтобы объ немъ сразу было произнесено сужденіе и при томъ неблагопріятное для него. Такъ какъ онъ уже нѣсколько лѣтъ не былъ во Франціи, которая составляла въ то время излюбленную тему разговора, то его бесѣда не казалась никому интересной. Онъ разсказалъ, что епископъ Отенскій, Талейранъ, его закадычный другъ, отказывался возвратить дан-

ныя ему на храненіе 400 тысячъ франковъ; разсказъ показался пикантнымъ; но когда онъ повторилъ его на слѣдующій день, то это уже показалось пошло... Въ обществѣ онъ имѣлъ также мало успѣха, какъ и при дворѣ; его окончательно уронило въ общемъ мнѣніи смѣшное увлеченіе одной кокоткой высшаго полета. Ея величество, обѣщавшая ему въ началѣ назначить его президентомъ академіи послѣ выхода въ отставку Дашковой, уклонилась отъ исполненія этого обѣщанія, и съ этой цѣлью не приняла отставки княгини Дашковой и ограничилась тѣмъ, что повелѣла пріобрѣсти его серебряный сервизъ, стоившій очень дорого. Наконецъ графъ Эстергази, посланникъ принцевъ-эмигрантовъ, имѣвшій большое вліяніе при русскомъ дворѣ, пользуясь имъ только для того, чтобы вредить французамъ, которые не внушали ему почему-либо довѣрія, не нашелъ Шуазеля достойнымъ своихъ заботъ и окончательно погубилъ его въ мнѣніи императрицы. Вотъ тому доказательство: однажды вечеромъ, на мое замѣчаніе, что трудно говорить болѣе интересно и содержательно объ искусствѣ, нежели Шуазель, что было совершенно справедливо, императрица возразила мнѣ довольно рѣзко и посовѣтовала не говорить о томъ, чего я не понимаю.

Нѣкоторыя лица, изъ чувства справедливости или изъ разсчета, старались возстановить репутацію Шуазеля; о томъ же старался графъ Марковъ, по просьбѣ своей любовницы, г-жи Гюсъ, пользуясь моментами, когда императрица оказывала ему благоволеніе, но все было напрасно, Шуазелю разрѣшено было появляться при дворѣ только въ дни большихъ пріемовъ. Онъ дѣлалъ видъ, что очень огорченъ этой опалой; но, благодаря этому, при перемѣнѣ царствованія онъ былъ, весьма естественно, причисленъ къ числу достойныхъ жертвъ предыдущаго режима. Павелъ I допустилъ его въ свой интимный кругъ, назначилъ президентомъ академіи художествъ, завѣдующимъ знаменитой варшавской библіотекой, а что еще лучше, пожаловалъ ему въ Самогитіи землю, приносившую пять тысячъ луидоровъ годоваго дохода, такъ что онъ сталъ гораздо богаче, нежели былъ во Франціи. Но его слабость къ женскому полу, доходившая до того, что онъ подпадалъ подъ вліяніе первой встрѣчной женщины, которая, не смотря на его безобразіе, позволяла ему ухаживать за собой, и нѣсколько темныхъ дѣлъ, въ которыхъ было замѣшано его имя, какъ лихоимца, а главное безумная ненависть, съ какою новое правительство относилось къ эмигрантамъ, были причиною того, что его положеніе сдѣлалось хуже, нежели оно было въ моментъ кончины Екатерины II. О Шуазелѣ вспомнили въ то время, когда возникла мысль поставить памятникъ Суворову, онъ былъ приглашенъ ко двору, съ нимъ совѣщались относительно проекта, и онъ уже на-

дѣялся, что императоръ вернетъ ему прежнее благоволеніе, какъ вдругъ, 21-го января 1800 г. онъ былъ сосланъ за то, что онъ обѣдалъ у австрійскаго посланника Кобенцеля, которому былъ запрещенъ въ то время пріѣздъ ко двору, и разговаривалъ съ Дюмурье, относительно котораго Павелъ еще не рѣшилъ, какъ поступить.

На другой день я самъ былъ сосланъ и встрѣтился съ нимъ въ маленькой харчевнѣ, въ двухъ верстахъ отъ столицы, гдѣ онъ ожидалъ, вмѣстѣ съ многими другими лицами, своихъ экипажей.

Насъ было тутъ восемьдесятъ человѣкъ, отправлявшихся одновременно въ ссылку; между прочимъ старикъ маркизъ Ламбертъ и г-жа Жеребцова, сестра Зубова. Бѣдный Шуазель грустилъ о разлукѣ съ своей женою, не обладавшей впрочемъ никакими выдающимися качествами, но которую онъ любилъ, по его словамъ, до безумія, и о томъ, что ему приходилось разстаться съ частной квартирой своей любовницы, гдѣ мы обѣдали у него въ интимной кампаніи, въ шестеромъ и очень пріятно проводили время.

Я уже говорилъ, что Шуазеля было очень пріятно слушать, когда онъ говорилъ объ искусствѣ. Дѣйствительно, даже когда онъ объяснялъ какое-нибудь производство, онъ говорилъ очень ясно и поучительно. Помимо этого его бесѣда не представляла ничего интереснаго. Рѣдко можно было встрѣтить художника, который такъ хорошо рисовалъ бы карандашемъ, какъ онъ. Немудрено, что, увлекшись рисованіемъ, онъ забывалъ самыя серьезныя дѣла. Что касается его нравственнаго облика, то многіе находили, что я изображалъ его совершенно вѣрно, говоря, что если бы Талейранъ былъ посланникомъ при турецкомъ дворѣ, а Шуазель епископомъ Отенскимъ, то мы увидѣли бы перваго въ Петербургѣ, а второго министромъ иностранныхъ дѣлъ при національномъ конвентѣ, Директоріи и Бонапартѣ; вся разница была бы только въ ихъ наружности и талантахъ.

Я встрѣтился съ Шуазелемъ въ Парижѣ во времена имперіи и вращался вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько лѣтъ въ одномъ обществѣ. Онъ дневалъ и ночевалъ у того самаго друга, про котораго онъ разсказывалъ въ Россіи, будто тотъ утаилъ у него четыреста тысячъ франковъ; Шаузель ухаживалъ за нимъ, чтобы добиться мѣста префекта, чина статскаго совѣтника и званія сенатора, а по вечерамъ разсказывалъ мнѣ объ немъ всякія гадости. Всеобщія насмѣшки возбуждала въ то время его связь съ княгиней Еленой де-Бофремонъ, другомъ г-жи Жанлисъ, и большой умницей. Мы прозвали ихъ „маленькіе ученые“, потому что они вѣчно спорили и что-нибудь обсуждали. Шуазель велъ эту интригу на глазахъ у своей жены, женщины вполнѣ достойной, и своихъ пятерыхъ замужнихъ дочерей. Когда его жена скончалась, онъ женился на своей Еленѣ, но она скоро похоронила

его, и послѣ его смерти дѣти его отъ перваго брака не оказывали ей никакого уваженія.

Во времена Реставраціи не было болѣе яраго роялиста, какъ Шуазель-Гуфье; въ награду за это онъ получилъ пенсію и званіе пэра, сдѣлался снова членомъ французской академіи, окончилъ свое „Живописное путешествіе по Греціи“, но, по недостатку средствъ, не могъ достроить великолѣпный Идалійскій павильонъ, сооруженный имъ въ Нельи (avenu de Neuilly), въ которомъ все было устроено по моделямъ, привезеннымъ изъ Аѳинъ, и выполнено съ рѣдкимъ совершенствомъ. Послѣ его смерти это очаровательное мѣстечко, къ стыду парижанъ, было превращено въ увеселительное заведеніе подъ названіемъ „Садъ Марбефъ“.

Любомірскій [1]).

Одинъ изъ самыхъ выдающихся процессовъ, веденныхъ въ царствованіе Екатерины II, былъ процессъ этого поляка съ наслѣдниками князя Потемкина; дѣло это было выдающееся по своей грандіозности и по тѣмъ лицамъ, которыя въ немъ были замѣшаны. Говорю это не потому, что я игралъ въ немъ нѣкоторую роль; но оно служитъ дѣйствительно яркой иллюстраціей того, какъ велись тяжебныя дѣла въ Россіи даже въ то царствованіе, когда законъ соблюдался очень строго; къ тому же оно рисуетъ съ такой любопытной стороны характеръ этой великой монархини, что я считаю интереснымъ сказать о немъ подробнѣе. Князь Потемкинъ, достигнувъ всего, что случай могъ дать ему въ его отечествѣ, перенесъ свои вожделѣнія за границу Россіи. Корона Польши, герцогство Курляндское, верховныя права надъ Молдавіей и Валахіей съ королевскимъ титуломъ—таковы были погремушки, которыми воображеніе тѣшило этого великаго честолюбца. Ему не удалось склонить Екатерину II раздѣлить съ нимъ россійскій престолъ, но онъ не терялъ надежды на то, что она воздвигнетъ ему престолъ въ иномъ мѣстѣ.

Дѣло, о которомъ я говорю, относится къ тому времени, когда предметомъ его вожделѣній была Польша; какъ знать, быть можетъ было бы благоразумнѣе и даже нравственнѣе отдать эту страну По-

---

[1]) Князь Фердинандъ-Ксаверій Любомірскій, генералъ-лейтенантъ русской службы, былъ дальнимъ родственникомъ графа Ѳ. Г. Головкина; онъ былъ женатъ третьимъ бракомъ на Маріѣ Львовнѣ Нарышкиной, сестрѣ Екатерины Львовны Головкиной, рожденной Нарышкиной. Мужъ Екатерины Львовны, Юрій Головкинъ былъ двоюродный братъ Ѳ. Головкина.

темкину, нежели совершить ея раздѣлъ. Какъ бы то ни было, онъ сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы достигнуть этой цѣли, для чего нужно было пріобрѣсть права польскаго гражданства, а для этого нужно было владѣть въ Польшѣ помѣстьемъ; потому онъ и пріобрѣлъ у князя Любомірскаго, за шесть милліоновъ, мѣстечко Смѣла, и сдѣлался такимъ путемъ польскимъ магнатомъ. Но, слишкомъ занятый имперскими дѣлами, онъ позабылъ покончить дѣло и не позаботился ни уплатить сдѣланный такимъ образомъ огромный долгъ, ни дать Любомірскому какое-либо обезпеченіе въ уплатѣ этого долга. Расположившись въ своей главной квартирѣ, въ Яссахъ, снѣдаемый честолюбіемъ и поглощенный дѣлами, недоступный ни для кого кромѣ своихъ племянницъ и нѣсколькихъ приближенныхъ, Потемкинъ едва-ли зналъ о томъ, что князь Любомірскій находился въ его арміи, гдѣ вполнѣ законный личный интересъ заставлялъ его неусыпно слѣдить за княземъ день и ночь. Поступокъ Потемкина нельзя объяснить недобросовѣстностью или затруднительными денежными обстоятельствами; онъ поступалъ, какъ всесильный визирь и человѣкъ въ высокой степени безпечный. Если бы кто-нибудь рѣшился сказать ему, какъ его поступокъ былъ некрасивъ съ нравственной стороны, то гордость заставила бы его удовлетворить своего кредитора, но изъ окружающихъ одни трепетали при мысли навлечь на себя его неудовольствіе, другіе считали смѣшнымъ хлопотать за магната, который не умѣлъ самъ устроить своихъ дѣлъ и какъ будто выпрашивалъ милостыню, тогда какъ онъ могъ требовать. Наконецъ Любомірскій, видя, что ему не удастся даже добиться аудіенціи, вызвалъ въ главную квартиру свою жену, рожденную графиню Ржевусскую, которая была дурна собой и глупа, но какъ женщина и полька могла добиться всего и въ случаѣ надобности пролѣзть сквозь игольное ушко. Она добилась того, что Потемкинъ увидѣлъ ее, выслушалъ, нашелъ ея требованіе вполнѣ справедливымъ и взамѣнъ Смѣлы передалъ въ ея владѣніе Дубровское, оцѣненное въ два милліона, а на остальные четыре милліона обѣщалъ выдать ей обезпеченіе.

Благополучное начало дѣла подало княгинѣ надежду довести его успѣшно до конца. Она поселилась въ передней своего должника, слѣдовала за нимъ по пятамъ всюду, куда бы онъ ни ѣхалъ по дѣламъ службы или по своей личной надобности, сдѣлалась какъ бы членомъ главной квартиры и, не смущаясь высокомѣрнымъ тономъ племянницъ Потемкина, язвительными насмѣшками его любимчиковъ, отсутствіемъ квартиры, а подъ часъ и пищи, она не покидала своего поста. Не знаю, увѣнчалась ли бы успѣхомъ такая настойчивость, но Потемкинъ скончался. Когда Любомірскіе обратились къ наслѣдни-

камъ, то они потребовали, чтобы имъ были предъявлены документы, а такъ какъ все дѣло велось на честное слово, то они отказались отъ уплаты долга. Къ несчастью для Любомірскихъ эти наслѣдники были не простые смертные, которыхъ легко притянуть въ судъ; это были: графиня Браницкая, супруга польскаго генерала, статсъ-дама императрицы и кавалерственная дама, графиня Скавронская, статсъ-дама, пользовавшаяся особымъ расположеніемъ своего дядюшки, княгиня Голицына, мужъ которой былъ всѣми уважаемъ за его честность и за услуги, оказанныя государству, двѣ другія племянницы Потемкина Шепелева и Юсупова, графъ Самойловъ, Андреевскій кавалеръ и генералъ-прокуроръ и нѣсколько другихъ лицъ, которые могли постоять за себя. Надобно было, чтобы всѣ эти лица съѣхались, заявили о своемъ отказѣ уплатить долгъ, надобно было доказать, что они отказываются отъ уплаты; все это вмѣстѣ взятое, а также искренное или притворное горе императрицы воздвигали, повидимому, около этихъ четырехъ милліоновъ непреодолимую преграду.

Князь Любомірскій не былъ уменъ, не пользовался особеннымъ уваженіемъ и не имѣлъ хорошихъ совѣтниковъ; княгиня отстала отъ своего круга, но у нихъ были дѣти, это заставило нѣкоторыхъ лицъ принять участіе въ ихъ дѣлѣ. Имъ посовѣтовали, за отсутствіемъ доказательствъ, обратиться къ такъ называемому третейскому суду или суду совѣсти, установленному императрицей подъ непосредственнымъ надзоромъ правительства, и къ счастью для нихъ, они послѣдовали этому совѣту.

Императрица Елизавета

(супруга Александра I).

Хотя принцеса еще не достигла полной зрѣлости, тѣмъ не менѣе было рѣшено, что бракосочетаніе состоится въ октябрѣ.

На другой же день началось обученіе ея русскому языку и православной вѣрѣ; одновременно начались огромныя приготовленія къ торжеству. Прежде всего начали отдѣлывать тѣ комнаты Зимняго дворца, которыя выходятъ на уголъ Невы и Адмиралтейства. Онѣ были обиты драгоцѣнными обоями и уставлены зеркалами. Спальня была отдѣлана съ необычайнымъ изяществомъ и роскошью. Стѣны были обтянуты бѣлой шелковой матеріей, полученной изъ Ліона съ вышитымъ по ней бортомъ изъ крупныхъ розъ; колонны алькова, двери и стеклянныя, розоватаго цвѣта, украшенія были оправлены вызолоченной бронзой и украшены барельефами изъ бѣлыхъ камей, которыя, будучи наложены на прозрачное стекло, какъ бы расплы-

вались въ неясныхъ очертаніяхъ воздуха. Кромѣ ея величества, Зубова, генерала Турчанинова, кабинетъ-секретаря и меня, никто не видѣлъ этого волшебства до самаго дня свадьбы.

Крестины принцессы и обрученіе состоялись 20 и 21 мая (н. с.) 1793 г. Принцесса, стоя посреди дворцовой церкви, громко прочла символъ вѣры. Она была хороша, какъ ангелъ. На ней былъ розовый тюникъ, вышитый крупными бѣлыми розами, и бѣлая юбка, вышитая такими же розовыми розами; и ни одного брилліанта: ея прекрасные бѣлокурые волосы были распущены; настоящая Психея! Великій князь, которому измѣнили его дѣтскую прическу, былъ въ парчевомъ шитомъ серебромъ кафтанѣ. Принцесса была названа Елизаветой, въ память императрицы, избравшей Екатерину II, и ей былъ данъ титулъ великой княгини.

Великолѣпно было зрѣлище, когда великая монархиня взошла на амвонъ съ молодой четой, которую она посвящала служенію Богу и народу. Я не могъ удержаться отъ слезъ. Какъ только новая великая княгиня возвратилась въ свои апартаменты, ея величество послала ей въ подарокъ великолѣпные брилліанты. Тутъ было между прочимъ ожерелье изъ семи солитеровъ, взятыхъ изъ знаменитыхъ эполетъ князя Потемкина, изъ коихъ всѣ алмазы были возвращены въ казну; новая великая княгиня была такъ утомлена этой длинной церемоніей, что она едва могла встать съ постели,—на которую она бросилась, вернувшись въ свои апартаменты,—чтобы принять этотъ подарокъ.

Впрочемъ, брилліанты и наряды интересовали ее меньше всего.

Окончательное развитіе принцессы все еще не наступало; природа какъ будто насмѣхалась надъ нетерпѣніемъ императрицы, которая спѣшила со всѣми приготовленіями. Эти многочисленные хлопоты только и могли отвлечь ея мысли отъ этой досадной непріятности, и ея воображеніе такъ разыгрались, что она представляла себѣ, что будущіе супруги въ восторгѣ другъ отъ друга. Ея ежедневные разговоры на эту тему были для меня настоящей пыткой, такъ какъ я не хотѣлъ ни обманывать, ни разочаровывать ее, и мое хладнокровіе казалось ей то недостаткомъ расположенія, то безучастіемъ... Дѣло въ томъ, что эти дѣти совершенно не подходили другъ къ другу. Великій князь, который былъ старше на годъ, не созрѣлъ еще ни умомъ, ни характеромъ; его манеры въ обычной жизни не отличались ни граціей, ни достоинствомъ: онъ былъ только очень хорошъ собою и прекрасно образованъ. Великая княгиня, на свое несчастіе, выросла при маленькомъ дворѣ, при которомъ достоинство манеръ являлось выраженіемъ душевнаго благородства; воспитанная любящей, весьма образованной матерью, она была развита не по лѣтамъ, и подъ

вліяніемъ французскихъ эмигрантовъ въ ней развилась любовь ко всему изящному и утонченному, что составляетъ прелесть и украшеніе семейной жизни. Поэтому великій князь чувствовалъ къ ней только уваженіе и былъ нѣсколько обиженъ ея превосходствомъ, тогда какъ великая княгиня была нѣсколько смущена, видя себя связанной съ ребенкомъ, хотя она собственно ни въ чемъ не могла упрекнуть его.

Наконецъ, давно ожидаемый моментъ сочетать ихъ бракомъ насталъ, и императрица воспользовалась имъ съ такой неосторожной поспѣшностью, вслѣдствіе которой ея самымъ сокровеннымъ надеждамъ не суждено было сбыться. Великаго князя поручили на нѣсколько часовъ Торсуковой, женѣ одного изъ его дядекъ и племянницъ Перекусихиной, горничной ея величества, и бракосочетаніе совершилось 9-го октября (н. ст.) 1793 г. Признаюсь, это было для меня большой радостью. Ничто не можетъ быть тягостнѣе, какъ если человѣкъ придаетъ преувеличенное значеніе тому, что его не имѣетъ, когда онъ стремится удовлетворить честолюбіе, не поставивъ себѣ никакой опредѣленной цѣли, и когда онъ теряетъ время на занятія, которыя кажутся ему, по существу, унизительными.

Въ настоящее время мнѣ представляется, что въ томъ возрастѣ я ни на что иное не былъ способенъ, и что мнѣ слѣдовало радоваться тому, что и такъ или иначе былъ приближенъ ко двору; но въ то время я былъ иного мнѣнія и считалъ себя въ правѣ претендовать на всякое мѣсто, какъ бы высоко оно ни было. Вскорѣ послѣ бракосочетанія великаго князя, я былъ назначенъ посланникомъ въ Неаполь, такъ что я потерялъ изъ вида молодой дворъ и могъ бы говорить объ немъ только со словъ другихъ, чего я не переношу. Однако, все то, что происходило при этомъ дворѣ, во время моего отсутствія, настолько любопытно, что я долженъ хотя вкратцѣ повторить то, что мнѣ разсказывали.

Въ то время говорили, будто императрица, потерявъ надежду на то, что у великаго князя Александра Павловича будутъ дѣти, поручила князю Зубову, съ которымъ уже остались въ то время одни дѣловыя отношенія, помочь этому горю. Эта странная мысль была внушена ей сознаніемъ государственной необходимости; въ этомъ планѣ приняла участіе г-жа Шувалова, и счастливый фаворитъ позволилъ себѣ выказать великой княгинѣ такое вниманіе, которое показалось оскорбительнымъ ей и всей царской фамиліи. Не знаю, правда ли это, и даже не вѣрю этому, такъ какъ ничто не даетъ повода предположить, что Екатерина утратила чувство мѣры, коимъ были отмѣчены всѣ ея дѣйствія, и избрала такое недостойное и смѣшное средство, какого вовсе не требовали обстоятельства. Я знаю одно, что

когда я вернулся въ Россію, то ихъ императорскія высочества не могли терпѣть ни Шувалову, ни Зубова, и императоръ Павелъ I отзывался о первой изъ нихъ съ величайшимъ презрѣніемъ. Но при дворѣ это еще ничего не доказываетъ. При томъ мнѣ кажется, что, хорошо зная характеръ великой княгини, которая никогда не спорила и не возражала, но дѣлала всегда по-своему, императрица не могла рѣшиться на столь неслыханный планъ, тѣмъ болѣе, что она терпѣла не разъ неудачи въ самыхъ пустяшныхъ дѣлахъ.

Приведу тому одинъ примѣръ. Великая княгиня терпѣть не могла румянъ, а императрица, какъ она говорила шутя Шуваловой, не выносила, чтобы молодая женщина являлась въ общество безъ румянъ и чтобы по ея лицу можно было судить о состояніи ея здоровья. Такъ какъ великая княгиня не обращала никакого вниманія на тысячу замѣчаній, сдѣланныхъ ей по этому поводу, то ея величество понимала, что Шуваловой не хватало твердости, поручила гофмаршалу графу Солтыкову передать ей желаніе государыни. Солтыковъ велѣлъ доложить великой княгинѣ, что онъ проситъ, по порученію императрицы, позволенія видѣть ее, когда ея туалетъ будетъ оконченъ.

Подозрѣвая, въ чемъ дѣло, великая княгиня позвала его въ тотъ моментъ, когда она уже была готова идти къ государынѣ. Выйдя къ нему со свѣчей въ рукѣ, она сказала:

— Взгляните на меня хорошенько, графъ, какъ вы меня находите? Говорите безъ комплиментовъ.

— Но... вы очень красивы!

— Слышите, сказала великая княгиня, обращаясь къ своимъ камерфрейлинамъ, графъ доволенъ; слѣдовательно, ничего добавлять не нужно.

И, оставивъ его изумленнымъ, она ушла такъ поспѣшно, что онъ не могъ нагнать ее. Императрица была вначалѣ нѣсколько удивлена, но затѣмъ посмѣялась надъ гофмаршаломъ, который жаловался ей на то, какъ ловко его провели:

„Она права, она прелестна, сказала императрица; не говорите ей болѣе объ этомъ“.

Въ царствованіе Павла великая княгиня, какъ и всѣ остальные, пережила много непріятныхъ минутъ. Императоръ питалъ къ ней болѣе чѣмъ отеческія чувства, увѣрялъ, что она напоминала ему его первую супругу, и въ минуты гнѣва противъ своего сына говорилъ довольно прозрачно, что его высочество недостоинъ жены, обладавшей такими совершенствами. Впрочемъ, въ это время великокняжеская чета жила очень дружно; скука, всякаго рода стѣсненія и угрожавшая имъ обоимъ опасность сближали ихъ, такъ какъ они не могли никому довѣрять.

Во время бракосочетанія короля шведскаго, который, вмѣсто того, чтобы вступить въ бракъ съ сестрою великаго князя, женился на сестрѣ ея высочества, великой княгинѣ пришлось испытать не мало непріятностей со стороны императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая увѣряла, что Елисавета Алексѣевна давно уже устроила это дѣло, и убѣждала императора, что принцесса Фредерика Баденская обязана своей сестрѣ тѣмъ, что ей оказано предпочтеніе передъ великой княжною Александрой Павловной, какъ будто было мало препятствій политическаго и религіознаго свойства, чтобы устранить всякое подозрѣніе

Король шведскій, сознавая всѣ выгоды тѣснаго союза съ Россіей и не имѣя возможности породниться съ Павломъ Петровичемъ черезъ его сестру, достигнулъ этого черезъ Баденскій великогерцогскій дворъ. Все это было вполнѣ естественно, но недоразумѣнія, возникшія вслѣдъ за тѣмъ между императоромъ и великимъ княземъ, поставили великую княгиню въ чрезвычайно затруднительное и щекотливое положеніе. Графъ Головинъ, завѣдывавшій главной квартирой великаго князя и бывшій другомъ любимца Павла, графа Ростопчина, вообразилъ, что онъ сдѣлаетъ карьеру, ставъ во враждебныя отношенія къ Александру Павловичу, при которомъ онъ состоялъ.

Начались самыя гнусныя интриги. Головинъ старался найти въ интимной жизни малаго двора такіе факты, которыя могли сдѣлать его преступнымъ и смѣшнымъ въ глазахъ большого двора.

Какъ только были пущены въ ходъ всякіе навѣты, враги ихъ высочествъ возложили свои дальнѣйшія надежды на подозрительный характеръ императора, не щадившаго ни своего авторитета, ни достоинства своего дома. Онъ приказалъ своей невѣстѣ посылать ежедневно къ его фавориткѣ Лопухиной, спрашивать, какой ей надѣть туалетъ, и когда она не повиновалась, то къ дверямъ ея апартаментовъ были приставлены часовые.

Шувалова и князь Чарторыйскій были удалены отъ двора; по просьбѣ великаго князя послѣдній былъ назначенъ посланникомъ въ Туринъ; та же участь угрожала княгинѣ Шаховской, статсъ-дамѣ и другу великой княгини; только ничѣмъ невозмутимое хладнокровіе, съ какимъ великая княгиня отнеслась къ этимъ оскорбленіямъ, и слезы его высочества смягчили гнѣвъ императора. Люди хорошо освѣдомленные увѣряли меня,—я держался какъ можно дальше отъ всѣхъ этихъ интригъ,—что императоръ, поддавшись всецѣло вліянію своихъ слугъ, возведенныхъ на министерскія должности, и отказавшись отъ чистоты нравовъ, коими отличалась до сихъ поръ его жизнь, былъ не прочь отыскать въ своей семьѣ факты, которые могли если не оправдать, то по крайней мѣрѣ извинить его собственныя уклоненія, и что это именно обстоятельство заставляло его терпѣть поведеніе

великаго князя Константина Павловича, отъ котораго такъ много страдала его супруга, и даже бросить тѣнь подозрѣнія на добродѣтель императрицы, которая была въ этомъ отношеніи самой строгой и безукоризненной женщиной въ мірѣ.

В. Т.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Прошеніе грузинскаго царевича о разводѣ его съ женою.

Всемилостивѣйшій государь! Подданные ваши и чужеземцы, находящіеся въ Россіи, провождаютъ спокойную жизнь подъ кровомъ вашихъ милостей. Симъ руководствуясь, я—въ бѣдствіяхъ моихъ—прибѣгнулъ къ вашему величеству. Предъ симъ за четыре года, вступя въ бракъ съ моей женою, полагалъ я найти счастіе въ ономъ, но вмѣсто сего въ первый день почелъ себя огорченнымъ, такъ что я принужденъ былъ въ ту же минуту ее оставить, о чемъ тогда же донесъ родителю моему царю Георгію, желавшему сей бракъ разрушить. Но скорая кончина его лишила меня того благополучія. Но какъ между нами пресѣклось дружество, кромѣ политическихъ въ случаѣ—разговоровъ, то она изготовила для меня отраву, на что я имѣю доказательство. Сія отрава, принесенная ко мнѣ, хранилась въ моемъ кабинетѣ, но по отбытіи моемъ изъ Грузіи взята моею женою, и наказаны приставленные къ сему люди. Таковой поступокъ ея доказывается присланною отъ тѣхъ людей жалобою. Оставляю дѣйствія зла жены моей, противъ меня учиненныя, оставляю оныя для того, что не желаю симъ безпокоить ваше величество. Жалоба моя на жену по грузинскимъ правамъ слѣдовала быть въ уголовномъ судѣ, который силою закона опредѣляетъ таковымъ преступницамъ, какова жена моя, наказаніе. Но не желая отяготить тѣмъ судьбу жены моей, просилъ я католикоса, чтобы разлучить меня съ нею. Сіе отношеніе доставилъ я къ нему для того, что я почиталъ себя тогда грузиномъ и помышлялъ о возвращеніи въ отечество, обѣщанное мнѣ вашимъ величествомъ посредствомъ графа Кочубея. Но ежели бы я зналъ, что я навсегда останусь здѣсь, въ такомъ случаѣ не имѣлъ бы я нужды къ нему, какъ не дѣйствующему въ Россіи, но отнесся бы къ вашему величеству. Къ уличенію жены моей сообщилъ я католикосу вѣроятныя доказательства, которыя обратилъ онъ въ про-

тивную сторону по постановленію свидѣтелями родственниковъ ея. Изъ сего долженъ я заключить, что по дѣлу моему было или пристрастное его сужденіе, или (онъ) не хотѣлъ разсмотрѣть представленныхъ мною доказательствъ, или изъ угожденія другимъ сдѣлалъ онъ на меня негодованіе, каковое и братья его имѣли, когда родитель мой за произведенный ими 1800 года въ Карталіи бунтъ поступилъ съ ними посредствомъ меня, какъ съ мятежниками. По кончинѣ родителя моего, вознамѣрились они противостать россійскимъ войскамъ, но я, какъ начальникъ и всепреданнѣйшій Россіи, отвратилъ ихъ покушенія, о чемъ извѣстенъ бывшій тамъ главнокомандующимъ генералъ-лейтенантъ Кноррингъ.—Великій монархъ! Ежели бы ни одна изъ показанныхъ мною причинъ не дѣйствовала умомъ и сердцемъ католикоса, то не сдѣлалъ бы онъ по дѣлу моему такого сужденія; ибо грузинскими законами не только по доказательству, какое я имѣю, но по малѣйшему таковому сомнѣнію, мужъ разлучается съ женою. Онъ, можетъ быть, предполагалъ, что смертію, похитившею у меня родителя, извѣщеннаго какъ о порокѣ жены моей, такъ и о томъ, что я вѣнчанъ съ нею не въ церкви, лишенъ я доказательства на то, о чемъ я доносилъ моему родителю. Ежели бы и всѣ представляемыя доказательства мною къ уличенію жены оставилъ я, то одна истина, представляемая вашему величеству, доказываетъ право мое тѣмъ, что по совершеніи брака—въ ту же минуту я жену оставилъ и послѣ не жилъ съ нею. Слѣдуя благости сердца вашего величества, всеподданнѣйше прошу защитить честь предковъ моихъ царей и мою и избавить меня союза съ женою, съ которой жить мнѣ всегда сомнительно. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій царевичъ грузинскій Давыдъ, мая 27-го дня 1805 года.

Сообщилъ **Александръ Успенскій.**

Переписка Пушкина.

Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Переписка, подъ редакціей и съ примѣчаніями *В. И. Саитова.* Т. I. Спб. 1906 г.

Для того чтобы оцѣнить по достоинству новое изданіе переписки Пушкина, нужно взять одно изъ прежнихъ изданій и сравнить съ новымъ въ любыхъ нѣсколькихъ мѣстахъ. Варварское отношеніе прежнихъ издателей къ пушкинскому тексту, спутанная и сбивчивая хронологія, смѣшеніе въ одно отдѣльныхъ частей разныхъ писемъ, неполнота—такова физіономія всѣхъ прежнихъ изданій переписки Пушкина, которыми пользоваться приходилось поневолѣ. Новое изданіе, вполнѣ достойное имени Пушкина, окончательно вытѣсняетъ старыя. Появленіе его—событіе не изъ послѣднихъ въ нашей литературѣ, и на немъ нельзя не остановиться, тѣмъ болѣе, что все касающееся Пушкина вызываетъ къ себѣ интересъ, и что на достоинства этого изданія необходимо обратить вниманіе широкой публики, которая по причинамъ, такъ сказать, научно-техническаго свойства не сможетъ оцѣнить его такъ, какъ оно заслуживаетъ.

Пушкинская переписка наиболѣе полное отраженіе духа Пушкина и, богатый матеріалъ для его біографіи и для исторіи его времени, вмѣстѣ съ тѣмъ является одною изъ лучшихъ русскихъ книгъ для чтенія. Въ ней Пушкинъ является попеременно поэтомъ, критикомъ, другомъ, собутыльникомъ, острякомъ, политикомъ, на каждомъ шагу мѣняясь съ быстротою Протея, но вездѣ и всегда являя неизмѣнную сущность генія. Какъ подъ руками сказочнаго чудодѣя все обращалось въ драгоцѣнный металлъ, такъ изъ-подъ пера нашего волшебника слова летѣли золотыя брызги. Поэтому не приходится много говорить о важности полнаго академическаго изданія его переписки. Это было сознано уже давно, письма поэта стали появляться въ

печати уже вскорѣ послѣ его смерти. „Много алмазныхъ искръ Пушкина“—писалъ когда-то Даль—„разсыпались тутъ и тамъ въ потемкахъ; иныя уже угасли, и едва-ли не навсегда; много подробностей жизни его извѣстно на разныхъ концахъ Россіи: ихъ надо бы снести въ одно мѣсто“. А. П. Брюлловъ сказалъ однажды, говоря о Пушкинѣ: „Читая Пушкина, кажется, видишь, какъ онъ жжетъ молніемъ выжигу изъ обносковъ: въ одинъ ударъ тряпье въ золу, и блеститъ чистый слитокъ золота“.

Изданіе В. И. Саитова,—истинная драгоцѣнность, груда слитковъ золотого русскаго слова, сложенная бережно и любовно. Въ немногихъ строкахъ редакторъ опредѣляетъ основные пріемы, примѣненные имъ къ своей работѣ. „Преслѣдуя“—говоритъ онъ—„правильность пушкинскаго текста, я провѣрилъ письма его, бывшія уже въ печати, по подлинникамъ или по фотографическимъ копіямъ съ нихъ, если только представлялась какая-либо возможность получить то или другое. Издаваемая переписка Пушкина расположена въ строго-хронологическомъ порядкѣ. Она отличается отъ предшествовавшихъ изданій, кромѣ введенія пушкинской орѳографіи, своею сравнительною полнотой, которая выражается въ обнародованіи новыхъ писемъ Пушкина, въ дополненіи старыхъ, а также въ приведеніи полностью черновыхъ редакцій на-ряду съ бѣловыми. Кромѣ того, въ настоящее изданіе включены письма корреспондентовъ Пушкина, печатаемыя для наглядности болѣе мелкимъ шрифтомъ и также свѣренныя, по возможности, съ подлинниками“. Состоящая при академіи пушкинская коммиссія, разсматривая планъ изданія, установила вполнѣ раціональное правило, принятое г. Саитовымъ,—что въ академическомъ изданіи „текстъ долженъ представлять собою по возможности авторскую редакцію, безъ издательскихъ измѣненій“. Замѣтимъ также, что прежніе издатели относились къ пушкинскимъ черновикамъ весьма небрежно, печатая лишь нѣкоторые изъ нихъ, сообразно своему вкусу, управлявшемуся преимущественно личными эстетическими взглядами; письма корреспондентовъ поэта никогда не печатались вмѣстѣ съ его письмами и были разбросаны въ различныхъ изданіяхъ. Слѣдовало бы г. Саитову расширить свою задачу введеніемъ оффиціальной переписки Пушкина; такъ, напрасно исключилъ онъ прошеніе Пушкина на имя императора Николая Павловича, относящееся къ маю 1826 г. Въ перепискѣ должны быть всѣ дѣловыя бумаги и прошенія, вышедшія изъ-подъ пера Пушкина.

Въ разбираемомъ собраніи находится цѣлый рядъ писемъ Пушкина и къ Пушкину. Впервые напечатанныя письма Пушкина носятъ у г. Саитова номера—85, 145, 157, 208 (первая половина), 251, 275 и 279. Въ письмѣ № 85, 5-го іюля 1824 г., изъ Одессы, ново и

интересно мнѣніе Пушкина о Вольтерѣ. „Французы ничуть не ниже англичанъ въ исторіи.—Если первенство чего-нибудь да стоитъ, то вспомните, что Вольтеръ первый пошелъ по новой дорогѣ и внесъ свѣтильникъ философіи въ темные архивы исторіи. Робертсонъ сказалъ, что если бы Вольтеръ потрудился указать на источники своихъ сказаній, то бы онъ, Робертсонъ, никогда не написалъ своей исторіи".

Къ числу особенно интересныхъ мѣстъ въ книгѣ принадлежитъ письмо поэта къ князю П. А. Вяземскому, изъ с. Михайловскаго, 13-го сентября 1825 г. Начинается оно литературнымъ замѣчаніемъ вродѣ тѣхъ, какими полна вся его переписка съ Вяземскимъ: „Самъ съѣшь!—замѣтилъ ли ты, что всѣ наши журнальныя анти-критики основаны на самъ съѣшь". Булгаринъ говоритъ Федорову: „ты лжешь", Фед. говоритъ Булг—у: „самъ ты лжешь". Пинскій говоритъ Полевому: „ты невѣжда", Пол. возражаетъ Пинскому: „ты самъ невѣжда". Одинъ кричитъ: „ты крадешь!", другой „самъ ты крадешь!"—и всѣ правы... Очень естественно, что милость Царская огорчила меня, ибо новой милости не смѣю надѣяться, — а Псковъ для меня хуже деревни, гдѣ по крайней мѣрѣ я не подъ присмотромъ полиціи. Вамъ легко на досугѣ укорять меня въ неблагодарности, а были бы вы (чего Боже упаси) на моемъ мѣстѣ, такъ, можетъ быть, пуще моего взбѣленились. Друзья обо мнѣ хлопочутъ, а мнѣ хуже, да хуже. Сгоряча ихъ проклинаю; одумаюсь, благодарю за намѣреніе, какъ іезуитъ, но все же мнѣ не легче. Аневризмомъ своимъ дорожилъ я пять лѣтъ, какъ послѣднимъ предлогомъ къ избавленію, ultima ratio libertatis— и вдругъ послѣдняя моя надежда разрушена проклятымъ дозволеніемъ ѣхать лѣчиться въ ссылку! Душа моя, поневолѣ голова кругомъ пойдетъ. Они заботятся о жизни моей; благодарю—но чортъ ли въ эдакой жизни! Гораздо ужъ лучше отъ не-лѣченія умереть въ Михайловскомъ. По крайней мѣрѣ, могила моя будетъ живымъ упрекомъ, и ты бы могъ написать на ней пріятную и полезную эпитафію. Нѣтъ, дружба входитъ въ заговоръ съ тиранствомъ, сама берется оправдать его, отвратить негодованіе; выписываютъ мнѣ Мойера, который, конечно, можетъ совершить операцію и въ сибирскомъ рудникѣ; лишаютъ меня права жаловаться (не въ стихахъ, а въ прозѣ, дьявольская разница!), а тамъ не велятъ и бѣситься. Какъ не такъ! Я знаю, что право жаловаться ничтожно, какъ и всѣ прочія, но оно есть въ природѣ вещей. Погоди. Не демонствуй, Асмодей: мысли твои объ общемъ мнѣніи, о суетѣ гоненія и страдальчества (положимъ) справедливы,—но помилуй... Это моя религія; я уже не фанатикъ, но все еще набоженъ. Не отнимай у схимника надежду рая и страхъ ада. Зачѣмъ не хочу согласиться на пріѣздъ ко мнѣ Мойера?—Я не довольно богатъ, чтобы выписывать себѣ славныхъ докторовъ и

платить имъ за свое лѣченіе. Мойеръ другъ Жуков-у, но не Ж.— Благодѣяній отъ него не хочу.—Вотъ и все...—Благодарю отъ души Карамзина за Желѣзный Колпакъ, что онъ мнѣ присылаетъ; въ замѣну отошлю ему по почтѣ свой цвѣтной, который полно мнѣ таскать. Въ самомъ дѣлѣ, не пойти-ли въ юродивые, авось буду блаженнѣе! Сегодня кончилъ я 2-ую часть моей Трагедіи—всѣхъ, думаю, будетъ 4. Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова! знаешь ее? Не говори, однакожъ, этого никому. Благодарю тебя и за замѣчаніе Кар(амзина) о характерѣ Бориса. Оно мнѣ очень пригодилось. Я смотрѣлъ на его съ политической точки, не замѣчая поэтической его стороны; я его засажу за Евангеліе, заставлю читать повѣсть объ Иродѣ и тому подобное. Ты хочешь плана? возьми конецъ X и весь одиннадцатой томъ, вотъ тебѣ и планъ. Ахъ, мой милый, вотъ тебѣ каламбуръ на мой аневризмъ: друзья хлопочутъ о моей жилѣ, а я—объ жильѣ. Каково?"

Въ критическихъ замѣткахъ Пушкина находимъ разсужденіе о „самъ съѣшь", какъ о „главной пружинѣ нашей журнальной полемики". Извѣстно, что Пушкинъ отказался лѣчиться въ Псковѣ и къ Мойеру не поѣхалъ. Карамзинъ очень интересовался „Борисомъ Годуновымъ" и кое-что присовѣтовалъ для него Пушкину; трагедія, вышедшая нѣсколько лѣтъ спустя, посвящена Пушкинымъ памяти знаменитаго историка. Сравненіе Марины Мнишекъ съ Е. Н. Орловой Пушкинъ повторилъ черезъ нѣкоторое время въ слѣдующемъ своемъ письмѣ къ Вяземскому.

Очень любопытно по своему тону и содержанію впервые опубликованное г. Саитовымъ письмо поэта къ Вяземскому, изъ Михайловскаго, отъ начала мая 1826 г.: „Милый мой Вяземской, ты молчишь и я молчу; и хорошо дѣлаемъ—потолкуемъ когда-нибудь на досугѣ. Покамѣстъ дѣло не о томъ. Письмо это тебѣ вручитъ очень милая и добрая дѣвушка, которую одинъ изъ твоихъ друзей неосторожно обрюхатилъ. Полагаюсь на твое человѣколюбіе и дружбу. Пріюти ее въ Москвѣ и дай ей денегъ, сколько ей понадобится,—а потомъ отправь въ Болдино (въ мою вотчину, гдѣ водятся курицы, пѣтухи и медвѣди). Ты видишь, что тутъ есть о чемъ написать цѣлое посланіе во вкусѣ Жуковскаго о попѣ; но потомству не нужно знать о нашихъ человѣколюбивыхъ подвигахъ. При семъ съ отеческою нѣжностью прошу тебя позаботиться о будущемъ малюткѣ, если то будетъ мальчикъ. Отсылать его въ Воспитательный домъ мнѣ не хочется,—а нельзя ли его покамѣстъ отдать въ какую-нибудь деревню,—хоть въ Остафьево. Милый мой, мнѣ совѣстно ей Богу,—но тутъ уже не до совѣсти. Прощай, мой ангелъ; боленъ ли ты или нѣтъ, мы всѣ больны—кто чѣмъ. Отвѣчай же подробно". Письмо это приводитъ на память стихи

изъ „Евгенія Онѣгина“, въ которыхъ поэтъ описываетъ деревенскую жизнь своего героя: „порой бѣлянки черноокой младой и свѣжій поцѣлуй“. Хотя поэтъ и говорилъ: „всегда я радъ замѣтить разность между Онѣгинымъ и мной“, и „какъ-будто намъ ужъ невозможно писать поэмы о другомъ, какъ только о себѣ самомъ?“, тѣмъ не менѣе въ приведенномъ двустишіи о поцѣлуѣ черноокой бѣлянки нельзя не видѣть, особенно въ связи съ цитированнымъ письмомъ, черты автобіографической. „Сейчасъ получилъ я твое письмо—отвѣчалъ другу Вяземскій, —но живой чреватой грамоты твоей не видалъ“; Вяземскій совѣтовалъ другу поручить бѣдную дѣвушку ея отцу, напомнивъ письмомъ, „что нѣкогда, волею Божіею, ты будешь его бариномъ и тогда сочтешься съ нимъ въ хорошемъ или худомъ исполненіи твоего порученія“. Въ слѣдующихъ письмахъ поэтъ спрашивалъ Вяземскаго: „Видѣлъ ли ты мою Эду?“ (намекъ на извѣстную поэму Баратынскаго объ обольщенной молодой финлядкѣ). „Вручила ли она тебѣ мое письмо? Не правда ли, что она очень мила?“ Совѣтъ Вяземскаго Пушкинъ принялъ и писалъ ему: „Ты правъ, любимецъ музъ,—воспользуюсь правомъ блуднаго зятя и грядущаго барина и письмомъ улажу все дѣло“.

Не лишено значенія для исторіи душевной жизни Пушкина его французское письмо, 3-го ноября 1826 г., изъ Торжка, съ пути изъ Москвы въ Михайловское, къ женѣ своего друга, княгинѣ Вѣрѣ Ѳеодоровнѣ Вяземской. „Что сказать вамъ о моемъ путешествіи? Оно продолжается при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ, несмотря на отвратительную дорогу и невыносимыхъ ямщиковъ. Толчки, удары локтями и проч. очень безпокоятъ двухъ моихъ попутчиковъ,—извиняюсь передъ ними за излишнюю свободу, но, путешествуя вмѣстѣ, приходится кое съ чѣмъ примириться. С. П. мой добрый ангелъ, но другая мой демонъ...“ Къ иниціаламъ „С. П.“ сдѣлано шутливое подстрочное примѣчаніе: „Это, разумѣется, не Сергѣй Пушк.“. С. П.— Софія Ѳеодоровна Пушкина, въ которую поэтъ былъ тогда влюбленъ, и которая на сдѣланное ей Пушкинымъ предложеніе отвѣтила отказомъ. (Исторія ея отношеній къ Пушкину разработана А. Ѳ. Кони въ „Журналѣ для всѣхъ“ 1905 г., № 1, и Б. Л. Модзалевскимъ въ „Пушк. и его современ.“, вып. IV).

„Другая (l'autre)“ дала княгинѣ Вяземской поводъ сказать: „Вы такъ часто мѣняете *предметы*, что ужъ и не знаю, кто *другая*“. Какъ можно догадаться по даннымъ, представляемымъ новымъ изданіемъ переписки Пушкина, это—Анна Николаевна Вульфъ, дочь сосѣдки Пушкина по имѣнію П. А. Осиповой. Ей Пушкинъ написалъ въ 1825 г. пьесу: „Хотя стишки на именины...“ „Съ Annette бранюсь, надоѣла“,—писалъ о ней Пушкинъ брату въ 1824 г.; „Annette

очень смѣшна", писалъ онъ ему же о ней вскорѣ. „Письмо Аннѣ Николаевнѣ отдалъ не прочитавъ", пишетъ онъ ему въ 1825 г., — „и сжегъ его тотчасъ (изъ опасенія или изъ ревности, какъ хочешь)". Въ одномъ письмѣ къ Кернъ Пушкинъ полушутя говоритъ, что, перечитавъ свои строки, онъ самъ устыдился ихъ чувствительнаго тона: „Что скажетъ Анна Николаевна?" Въ маѣ 1826 г. поэтъ писалъ брату Анны Николаевны, Алексѣю Николаевичу Вульфу, что „помирился" съ Анной Николаевной; надо думать, что между ними была размолвка. Изъ писемъ поэта къ ней дошло до насъ пока только одно. Переписка между ними велась по-французски; на этомъ языкѣ Пушкинъ охотнѣе всего переписывался съ дамами. Какъ можно судить по впервые опубликованнымъ г. Саитовымъ письмамъ, между Пушкинымъ и Анной Николаевной было то, что впослѣдствіи получило названіе флирта. Изъ перваго письма видно, что между ними дѣйствительно была ссора. „Я долго колебалась, писать ли вамъ до полученія вашего письма, но такъ какъ размышленіе меня никогда ни къ чему не приводитъ, то я, въ концѣ концовъ, поддалась желанію писать вамъ... Знаете ли вы, что я пишу вамъ и плачу? Чувствую, что это роняетъ меня, но это свыше моихъ силъ, я не могу совладать съ собою..." Далѣе Анна Николаевна поддразниваетъ ревность Пушкина: „Здѣсь у меня нашелся очаровательный двоюродный братъ, который страстно меня любитъ и очень хотѣлъ бы мнѣ это доказать такъ же, какъ и вы, стоитъ мнѣ только пожелать. Это не какой-нибудь уланъ, какъ вы, можетъ быть, воображаете, а гвардейскій офицеръ, очаровательный молодой человѣкъ, и, къ тому же, ни ради кого мнѣ не измѣняетъ, слышите вы?" — говоритъ Анна Николаевна, думая, вѣроятно, объ А. П. Кернъ, къ которой поэтъ былъ тогда неравнодушенъ.

„...Я говорю о васъ какъ можно меньше, но я грущу и плачу. И безумная же я,—я увѣрена, что вы думаете обо мнѣ уже совсѣмъ равнодушно и, можетъ быть, говорите обо мнѣ ужасныя вещи, тогда какъ я!.. Боже! Если бы получить письмо отъ васъ, какъ я была бы довольна; не обманывайте меня, ради Неба, скажите, что вы меня вовсе не любите; можетъ быть, тогда я буду спокойнѣе..." „Если вы получили мое письмо"—начинаетъ Анна Николаевна другое свое посланіе,— „ради Неба, разорвите его. Я стыжусь своего безумства; если мы увидимся, я никогда не осмѣлюсь посмотрѣть вамъ въ глаза... Какое волшебное обаяніе свело меня съ ума! Какъ ловко вы умѣете притворяться. Я согласна съ моими кузинами, что вы опаснѣйшій человѣкъ, но я постараюсь образумиться..." Черезъ мѣсяцъ она пишетъ ему: „Боже! Что я перечувствовала, читая ваше письмо, и какъ была бы я счастлива, если бы письмо сестры не подбавило горечи къ моей

радости. Я была бы довольна вашимъ письмомъ, если бы не вспомнила, что вы при мнѣ писали такія самыя письма, и даже еще нѣжнѣе, А. К., а также Нетти“ (А. П. Кернъ и Аннѣ Ив. Вульфъ). „Ахъ, Пушкинъ, вы не стоите любви; вижу, что я была бы счастливѣе, если бы оставила Тригорское раньше, и если бы послѣднее время, проведенное мною съ вами, стерлось изъ моей памяти... Какъ вы не поняли, почему я не хотѣла получить отъ васъ письма вродѣ рижскаго?“ (Рѣчь идетъ, должно быть, объ давно извѣстномъ письмѣ Пушкина отъ 21-го іюля 1825 года). „Стиль, который тогда лишь оскорблялъ мое самолюбіе, теперь растерзалъ бы мнѣ сердце; тогдашній П. былъ для меня не тотъ, которому я пишу теперь. Вы не чувствуете этой разницы? Это было бы очень унизительно для меня, но боюсь, что вы не любите меня такъ, какъ должны были бы любить; вы терзаете и оскорбляете сердце, цѣны которому не знаете; какъ я была бы счастлива, если бы была такъ холодна, какъ вы полагаете!“ И Анна Николаевна снова пытается возбудить ревность Пушкина, разсказывая ему о какомъ-то своемъ новомъ ухаживателѣ. „Вы говорите, что ваше письмо плоско, потому что вы меня любите: что за вздоръ! особенно со стороны поэта; чувство-то и придаетъ краснорѣчія... Прощайте! Дѣлаю вамъ гримасу, вѣдь вы ихъ любите. Когда мы увидимся? Мнѣ до тѣхъ поръ и жизни не будетъ!“ Шутилъ ли поэтъ, или его ревность была серьезно задѣта, но въ слѣдующемъ письмѣ Анны Николаевны мы читаемъ: „Все, что вы мнѣ говорите объ Анрепѣ“ (такъ звали другого ухаживателя), „мнѣ безусловно не нравится и оскорбляетъ меня съ двухъ сторонъ; прежде всего оскорбляетъ меня ваше предположеніе, что онъ не только цѣловалъ мою руку, а еще болѣе того слова „это все равно“: они меня оскорбляютъ и огорчаютъ въ другомъ смыслѣ. Надѣюсь, вы сами хорошо понимаете, что хотите этимъ сказать, что вамъ безразлично, въ какихъ мы съ нимъ отношеніяхъ. Это, кажется, не совсѣмъ нѣжно. Вовсе не по его поведенію со мною замѣтила я, что онъ превосходитъ васъ въ смѣлости и безразсудствѣ, а по его манерѣ держаться со всѣми и, главнымъ образомъ, по его разговорамъ... Богъ вѣсть, когда еще я васъ увижу! Это ужасно и очень печалитъ меня. Adieu, *ti* mando un baccio, mio amore, mio delizie“. 11-го сентября 1826 г. Анна Николаевна, поздравляя Пушкина съ освобожденіемъ изъ ссылки, съ грустью говоритъ: „Пусть Небо хранитъ васъ! Вообразите, что придется мнѣ испытать по пріѣздѣ въ Тригорское. Какое мученіе! Все будетъ напоминать мнѣ о васъ. Не съ такимъ чувствомъ думала я пріѣхать туда. Какъ Тригорское было мнѣ мило! Я надѣялась ожить тамъ; какъ я рвалась туда, а теперь найду тамъ только горестное воспоминаніе. „Черезъ пять дней Анна Николаевна написала Пушкину

свое послѣднее письмо: „Скажите пожалуйста, почему вы перестали мнѣ писать: отъ равнодушія это, или забыли? Гадкій вы! вы не стоите любви, мнѣ надо свести съ вами счеты, но отъ печали, что больше не увижу васъ, я все забываю... Прощай, моя минувшая радость! Никогда никто не заставитъ меня испытать и почувствовать то, что я пережила близъ васъ..." Поэтъ тогда уже былъ занятъ другой— С. Ѳ. Пушкиной. Чувство его къ Аннѣ Николаевнѣ, бывшее простымъ флиртомъ, лишь поверхностно разогрѣвающимъ кровь, давно остыло. Въ „донжуанскомъ" спискѣ Пушкина, находящемся въ альбомѣ Е. Н. Ушаковой, находимъ нѣсколькихъ Аннъ: въ числѣ ихъ, конечно, Анна Николаевна Вульфъ. Анна Николаевна, которой тогда было 26 лѣтъ (род. 10-го декабря 1799 г.), надолго пережила Пушкина; она умерла 2-го сентября 1857 г. — Изъ писемъ другихъ лицъ къ Пушкину нужно отмѣтить письма князя П. А. Вяземскаго (№№ 12, 15, 263, 284).

Тщательное изслѣдованіе хронологическихъ данныхъ, количественная полнота матеріаловъ, благоговѣйное соблюденіе неприкосновенности пушкинскаго текста—все это отводитъ новому собранію писемъ Пушкина видное мѣсто въ русской литературѣ. Пожелаемъ ея талантливому и трудолюбивому редактору поскорѣе завершить свой трудъ, за которымъ внимательно слѣдитъ русское общество, и снабдить его богатымъ аппаратомъ тѣхъ историко-біографическихъ примѣчаній, которыя заслуженно доставили В. И. Саитову репутацію превосходнаго комментатора русскихъ писателей.

Н. Лернеръ.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1907 г.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и воспоминанія.

		стран.
I.	Война за независимость славянъ (посмертныя записки генерала-отъ-инфантеріи П. Д. Зотова)	5—27, 309—319, 589—594
II.	Записки В. А. Инсарскаго	29—83, 487—527
III.	Воспоминанія В. Н. Никитина	87—106, 289—307
IV.	Изъ автобіографическихъ воспоминаній гр. Льва Николаевича Толстого. В. Т.	107—130, 229—257, 461—476
V.	Изъ моихъ воспоминаній: въ кадетскомъ корпусѣ. А. Ф. Петрушевскаго	131—170
VI.	Записки гр. Ѳ. Г. Головкина. В. Т.	179—184, 347—372, 668
VII.	Изъ записокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля. А. Ѳ. Кони	259—287
VIII.	Изъ воспоминаній князя Хлодвига Гогенлоэ. В. Т.	373—388, 569—582
IX.	Къ 175-лѣтней годовщинѣ Перваго кадетскаго корпуса. А. Антонова	435—450
X.	Скорбный путь. (Изъ воспоминаній стараго туркестанца). Н. Каразина	531—538
XI.	Воспоминанія изъ жизни на Амурѣ. Р. Ф.	557—568
XII.	Изъ прошлаго. П. Паренсова	621—641
XIII.	Изъ воспоминаній Ѳ. Г. Головкина. В. Т.	669—686

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы. — Матеріалы и замѣтки.

		стран.
I.	Письмо М. Д. Скобелева П. Д. Зотову	28
II.	Письмо цесаревича Константина Павловича къ барону Сакену	84
III.	Изъ неизданныхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина. Сообщилъ Н. Лернеръ	85—86, 453—457
IV.	Семья Головкиныхъ. В. Т.	171—178

стран.

V. На поворотѣ. А. И. Лотоцкаго. . 185—198, 411—433
VI. Голштинскій вопросъ и политика Россіи на Балтійскомъ морѣ въ первую половину XVIII стол. М. Поліевктова. . . . 199—218, 643—667
VII. Къ біографіи цесаревича Константина. М. Соколовскаго. . . . . 219—225
VIII. Блазнительный камень въ Бѣлозерскѣ въ 1673 году. Сообщ. А. Е. Мерцаловъ. . . 258
IX. Письмо цесаревича Константина къ графу Ф. В. Сакену о невыгодности имѣть войну съ Турціей. Сообщ. М. Соколовскій. 288
X. Происшествіе, вѣроятіе превосходящее. Сообщ. Д. У. 308
XI. Грамота чердынцамъ царя Василія Ив. Шуйскаго (1606 года). Сообщ. Н. Санинъ. . . 320
XII. Бой „Варяга“ у Чемульпо. В. Руднева. . . 321—343
XIII. Изъ матеріаловъ по исторіи масонства. Сообщ. Тира Соколовская. . . . . 344—346
XIV. Источникъ комедіи Императрицы Екатерины: „О время!“ А. Чебышева. . . . . 389—409
XV. Разбойническое нападеніе на Волгѣ въ 1800 году. Сообщ. Д. У. 410
XVI. Императоръ Николай I членъ клуба черноголовыхъ. Сообщ. М. Соколовскій. 434
XVII. Письмо царевны Маѳы Алексѣевны къ кн. Ѳедору Ромодановскому. Сообщ. А. И. Савельевъ. 451—452
XVIII. Изъ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи. Сообщ. С. Мельгуновъ. . . . . 477—486
XIX. Письмо Александра Ивановича Тургенева къ императору Николаю. Сообщ. В. И. Саитовъ 528—530
XX. Къ исторіи масонства въ Россіи. Сообщ. З. Н. . . . . 539—549
XXI. Запрещеніе употребленія слова „предлагаю“ въ предписаніяхъ военныхъ начальниковъ. Сообщ. М. Соколовскій. 550
XXII. Какъ генералы при податной реформѣ Петра Великаго сдѣлались переписчиками. Сообщ. М. Клочковъ. . . . . , 551—556
XXIII. Диктаторъ Польши Лангевичъ о возстаніи 1863 г. Сообщ. Г. А. Воробьевъ. . . . . 583—588

стран.

XXIV. Письма Александра Николаевича Сѣрова къ Владиміру Васильевичу Стасову. Сообщ. В. В. Стасовъ . . . . . 595—606
XXV. Изъ деревни. Очерки жизни и службы. Сообщ. Витих—ъ. . . . . 607—613
XXVI. Набатный колоколъ. Сообщ. Д. Успенскій. . 614—620
XXVII. 25-ая масонская ложа. Сообщ. Тира Соколовская 642
XXVIII. Переписка Пушкина. Н. Лернера. . . . 689—696
XXIX. Прошеніе грузинскаго царевича о разводѣ его съ женою. Сообщ. А. Успенскій. . . . 687—688

Библіографическій листокъ.

1. Второе отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи 1826—1882. Историческій очеркъ П. М. Майкова. Спб. 1906.—Вас. Я. (на оберткѣ февр. книги).
2. Великій князь Николай Михайловичъ. Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ пословъ императоровъ Александра и Наполеона. 1808—1812. Томъ V. Спб. 1907 Н. Л. (на оберткѣ март. книги).
3. Г. И. Бобриковъ. Государственность въ современности. Спб. 1907.—В. П. (на оберткѣ март. книги).

Портреты.

Портретъ Александра Ѳомича Петрушевскаго. (При 1-ой книгѣ).
Портретъ Анатолія Ѳедоровича Кони. (При 2-ой книгѣ).
Портретъ Всевол. Ѳедоровича Руднева. (При 2-ой книгѣ).
Портретъ Николая Николаевича Каразина. (При 3-ей книгѣ).

Приложенія.

Факсимиле почерка А. Ф. Петрушевскаго. (При 1-ой книгѣ).
Факсимиле почерка П. Д. Зотова. (При 2-ой книгѣ).

Русское Дѣло

вступая въ СЕДЬМОЙ годъ изданія, остается попрежнему свободнымъ и независимымъ органомъ, брезгливо чуждающимся партійной узости и нетерпимости и съ глубокимъ отвращеніемъ смотрящимъ на то, какъ революціонная бюрократія въ мундирахъ и съ циркулярами ведетъ кровавую борьбу съ революціоннымъ пролетаріатомъ въ блузахъ и съ бомбами, терзая и насилуя, каждый посвоему, нашу несчастную, опозоренную и униженную Родину. Заглушаемый криками безумной ненависти, нашъ слабый голосъ попрежнему зоветъ Русскихъ людей къ *истинной свободѣ*, къ *Славянскому братству*, къ разумѣнію и служенію кореннымъ Русскимъ и Христіанскимъ началамъ *правды, мира и любви*, забытымъ и пренебреженнымъ при старомъ строѣ и окончательно растоптаннымъ въ угарѣ новѣйшей политической вакханаліи. Мы страстно ищемъ вѣрнаго историческаго и національнаго выхода изъ того болота, куда насъ завело двухсотлѣтнее рабство у чуждыхъ народному духу началъ, мы вѣримъ въ конечное торжество *Русскаго здраваго смысла*, вѣримъ въ возрожденіе Россіи, какъ великой Славянской державы, мы зовемъ на дружную творческую работу надъ излѣченіемъ духовнымъ, политическимъ и экономическимъ нашей Родины, надъ возрожденіемъ Русской Церкви, Русской деревни, Русской земщины, Русской исторической Верховной Власти. Вотъ, задачи и программа „Русскаго Дѣла".

Открываемъ подписку на 1907 годъ.

На прежнихъ основаніяхъ: годъ—8 руб., 9 мѣсяцевъ—6 руб., $^1/_2$ года—4 руб., 3 мѣсяца—2 руб., съ доставкой и пересылкой. Духовенству, военнослужащимъ, учащимъ и учащимся 6 руб. въ годъ, 3 руб. за полгода. Контора редакціи въ Москвѣ, Петровка, 2-й Знаменскій пер., домъ Брилліантовой.

Редакторъ-издатель **Сергѣй Шараповъ.**

1—3

хотя наружно онъ не вмѣшивается ни во что, кромѣ административныхъ распоряженій и ввѣреннаго ему особаго управленія Финляндіей. Это человѣкъ очень достойный и образованный, но немножко нѣмецкій философъ. Графъ Разумовскій (министръ народнаго просвѣщенія) любитъ искусства, науки, но больше занимается своими любовницами и многочисленными незаконными дѣтьми, чѣмъ своимъ министерствомъ. Говорятъ, что онъ честный человѣкъ, не интриганъ: впрочемъ, для этого онъ слишкомъ лѣнивъ. Относительно министра юстиціи, г. Дмитріева, установилось у всѣхъ одно мнѣніе. Это самый честный, самый просвѣщенный и самый способный человѣкъ, котораго имѣла Россія въ этомъ министерствѣ, гдѣ все нужно преобразовать". По совершенно справедливому мнѣнію издателя матеріаловъ, „Коленкуръ, настаивая на томъ, чтобы его отозвали, какъ бы хочетъ оправдать передъ Наполеономъ плодотворность своей дѣятельности, какъ посла, и снять съ себя отвѣтственность за возможность скораго разрыва со стороны Россіи, о которомъ онъ назойливо предупреждаетъ". Предвидя войну, Коленкуръ усердно слѣдилъ за передвиженіями русскихъ войскъ, за военными приготовленіями Россіи; когда новый министръ иностранныхъ дѣлъ упрекнулъ его въ скудости сообщеній объ этомъ предметѣ, посолъ самодовольно посовѣтовалъ министру прочитать его письма къ Шампаньи. Судя по этимъ отчетамъ, представитель Франціи, запечатлѣвшій въ нихъ много любопытнѣйшихъ бесѣдъ съ Александромъ I, былъ вліятельнѣйшимъ иностраннымъ дипломатомъ при тогдашнемъ русскомъ дворѣ. Разговоры Александра съ нимъ подтверждаютъ давно, впрочемъ, извѣстную истину, что русскій царь не желалъ войны и, готовясь къ ней, все-же старался избѣгнуть ея. „Сообщите императору", — говорилъ Александръ послу Наполеона въ началѣ 1811 г.,—„что не русскіе желаютъ войны, не они стремятся къ Парижу; не они вѣдь вышли изъ своихъ границъ. Мы здѣсь хотимъ только мира и спокойствія для всѣхъ, и, если императоръ, какъ онъ увѣряетъ, не двинется на насъ, онъ можетъ надѣяться, что всеобщій миръ не будетъ нарушенъ, потому что я не выйду изъ моей страны и до послѣдней минуты буду вѣренъ договорамъ". Черезъ нѣсколько дней посолъ доносилъ: „Разговоры императора съ приближенными проникнуты не меньшимъ миролюбіемъ, чѣмъ со мною. По поводу своихъ приготовленій онъ говоритъ, что ему приходится принимать больше предосторожностей, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ; что его уже давно обвиняютъ, что онъ обманутъ и ослѣпленъ на счетъ плановъ и видовъ Франціи". Въ мартѣ 1811 г. посолъ писалъ своему правительству о настроеніи московскаго общества. И тогда уже Москва считалась городомъ, склоннымъ къ протесту. „Тамъ" — говоритъ Коленкуръ—„система, усвоенная императоромъ, и дѣйствія министерства служатъ предметомъ самыхъ горькихъ и подчасъ самыхъ рѣзкихъ сужденій. Такъ какъ завоеванія и возвышеніе Франціи всегда являются подходящимъ поводомъ къ этимъ сужденіямъ, ненависть къ имени французовъ стала въ Москвѣ всеобщей и, въ случаѣ войны, можетъ принять въ народѣ характеръ ярости". Далѣе, разсказывая о внутреннемъ положеніи Россіи, объ испорченности и продажности русской администраціи, Коленкуръ находитъ, что, „если нѣкоторые русскіе люди осуждаютъ правительство, только потому, что ихъ народная гордость оскорблена видомъ ихъ родины, принужденной подчиняться преобладающему вліянію Франціи, то большая часть населенія не дошла даже до столь простыхъ соображеній".

Обнародованные великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ матеріалы, еще не законченные покуда, будутъ очень полезны не только историку 12-го года но и изслѣдователямъ русской общественности, которые отъ души поблагодарятъ за нихъ издателя. *Н. Л.*

Г. И. Бобриковъ. Государственность въ современности. Спб. 1907.

Этотъ крайне поучительный въ настоящее время трудъ разсматриваетъ слѣдующіе отдѣлы: I) политическая смута, II) Дальній Востокъ, III) государственная оборона, IV) со страницъ исторіи, V) съ тѣхъ же страницъ, VI) источники силы. Разбирая эти вопросы съ ясностью, логичностью и безпристрастіемъ, авторъ ставитъ на первый планъ значеніе во всѣхъ описываемыхъ имъ событіяхъ основъ государственности. Особенно талантливо изложены отдѣлы „государственная оборона" и „со страницъ исторіи" недавняго прошлаго. Въ заключеніи намѣчается рядъ вопросовъ, который долженъ быть использованъ для проведенія въ жизнь истинныхъ началъ государственности. Надо пожелать, чтобы этотъ прекрасный трудъ получилъ самое широкое распространеніе.

В. П.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1907 г.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**", Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи „**Русскую Старину**" за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1906 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

«МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ»,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

БИБЛІОТЕКА
ИСТОРИЧЕСКАГО КУРСА.
Общій № Шкафъ

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVIII-й. АПРѢЛЬ. 1907 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Изъ автобіографическихъ воспоминаній графа Льва Николаевича Толстого . 4—10
II. Марина Мнишекъ и второй самозванецъ . . . 11—27
III. Ардаганскій отрядъ. К. В. Комарова . . . . . 28—48
IV. Австрія и Россія послѣ Крымской войны. С. Горянинова . . . . . 49—59
V. Портъ-Артурская эскадра наканунѣ гибели. А. Бѣломора (съ планомъ). . 61—80
VI. Изъ деревни. В. Т—ва. 81—88
VII. Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ, митрополитъ казанскій. Г. А. Воробьева. 89—106
VIII. Изъ воспоминаній графа Ѳ. Г. Головкина . . . . 107—122
IX. Царство Польское наканунѣ конституціи 1815 г. 123—141
X. По поводу одного портрета. Сообщилъ баронъ Врангель . . . . 143—144
XI. Воспоминанія изъ жизни на Амурѣ. Р. Ф. . . . . 145—160
XII. Изъ исторіи раскола. Сообщилъ Д. Успенскій. . 161—166
XIII. Изъ моихъ воспоминаній въ кадетскомъ корпусѣ. А. Ф. Петрушевскаго. 167—171
XIV. В. В. Стасовъ. В а с. Я. . 173—176
XV. Письма Александра Николаевича Сѣрова къ Владиміру Васильевичу Стасову. Сообщ. В. В. Стасовъ. . . . . 177—188
XVI. Изъ неизданныхъ стихотвореній Н. Ѳ. Щербины. Сообщ. Н. Лернеръ. . . 189—208
XVII. Къ исторіи масонства въ Россіи. II. . . . . 209—224
XVIII. Изъ записной книжки „Русской Старины“:
а) Введеніе русскаго языка въ Остзейскихъ губерніяхъ. Сообщилъ П. Майковъ. 60
б) Грамота, данная вогуличамъ. Сообщ. И. Санинъ. 142
в) Изнасилованіе 64 лѣтней „дѣвки“ Сообщилъ Н. Соколовскій. . . 172
г) „Шалости“ въ Измайловскомъ полку. Сообщ. Н. Соколовскій. . . 172
XIX. Библіографическій листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) Портретъ Владиміра Васильевича Стасова.
2) Планъ атаки брандеровъ 19—20 апрѣля 1904 года у Портъ-Артура.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1907 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія „Надежда“, Морская, 65.
1907.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1907 года.

Библіографическій листокъ.

Библіотека великихъ писателей, подъ редакціею С. А. Венгерова. Пушкинъ. Томъ I-й, выпускъ 1-й. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона. Спб., 1907.

Глубокій и живой общественный интересъ къ Пушкину въ наши тяжелые дни—одно изъ самыхъ свѣтлыхъ явленій русской дѣйствительности. Имя величайшаго русскаго поэта утвердилось прочно въ родномъ народѣ, который научился любить и цѣнить его. Послѣдніе годы ознаменованы появленіемъ нѣсколькихъ крупныхъ собраній произведеній Пушкина. Книгопродавцы убѣдились, что „на Пушкинѣ не потеряешь“, что эта книга необходима въ каждомъ русскомъ домѣ,—настолько необходима, что истрепанный или утерянный экземпляръ бываетъ нужно немедленно замѣнить новымъ, и изданія сочиненій Пушкина идутъ все глубже и глубже въ народъ. Раскупаются не только дешевыя, неряшливыя изданія, на дрянной бумагѣ, но появилась потребность въ болѣе дорогихъ и изящныхъ изданіяхъ любимаго поэта. Въ послѣдніе 3—4 года появились крупныя и недешевыя собранія П. О. Морозова и П. А. Ефремова, медленными шагами подвигается крупнѣйшее академическое изданіе. Нынѣ стала выпускать монументальное собраніе твореній великаго поэта фирма Брокгаузъ-Ефронъ, извѣстная своими прекрасными изданіями перваго полнаго русскаго словаря, Шиллера, Байрона, Шекспира. Собраніе сочиненій Пушкина редактируетъ С. А. Венгеровъ. Начало его работы недавно вышло въ свѣтъ: первый выпускъ, занимающій 10 печатныхъ листовъ и составляющій четвертую часть тома (всѣхъ томовъ будетъ шесть), уже своею внѣшностью производитъ подкупающее впечатлѣніе. Форматъ in-quarto, печать въ два столбца, шрифтъ пушкинскихъ временъ, стильная орнаментовка, состоящая изъ разнообразныхъ виньетокъ, концовокъ и заставокъ, и цѣлый рядъ иллюстрацій, превосходно исполненныхъ, могутъ угодить самому прихотливому вкусу. Это настоящая édition de luxe, изъ тѣхъ, къ какимъ еще не пріучили нашу публику экономные русскіе издатели. Между тѣмъ, внѣшняя сторона венгеровскаго изданія, превосходящаго изяществомъ даже выпущенныя той же фирмою собранія иностранныхъ писателей, заслуживаетъ особаго вниманія. Въ разсматриваемомъ выпускѣ—цѣлый рядъ прекрасныхъ иллюстрацій: тутъ и рисунки, и факсимиле самого Пушкина, и карикатуры, и портреты. Особенно украшаютъ книгу три великолѣпныя литографіи, впервые воспроизводящія въ краскахъ портреты отца, матери и сестры поэта; глядя на нихъ, убѣждаешься, какъ далеки были отъ истины прежнія, неряшливыя изображенія. Нужно замѣтить, что портретъ сестры Пушкина, а также ея собственноручный рисунокъ и снимокъ съ той страницы церковной метрической книги, гдѣ записаны рожденіе и крещеніе поэта, появляются вообще въ первый разъ. Историко-генеалогическая статья о родѣ Пушкина украшена заставками въ русскомъ стилѣ; проникнутые вліяніемъ французскихъ эротиковъ стихи украшены подходящими иллюстраціями въ шаловливомъ, легкомъ стилѣ Людовика XVI; вообще, къ достиженію стильности было приложено немало заботы. Кромѣ отличнаго портрета двѣнадцатилѣтняго Пушкина, находимъ изображенія писателей, имена которыхъ выдѣляются въ его творчествѣ, виды мѣстностей и т. д.

Внутренняя сторона изданія еще внушительнѣе внѣшней. Судя по началу дѣла, редактору вполнѣ удастся его намѣреніе дать русской публикѣ не только богатое, но и научное изданіе произведеній нашего національнаго поэта. Планъ изданія задуманъ широко: въ него войдутъ отдѣльные этюды о различныхъ періодахъ жизни Пушкина, біографическіе очерки, посвященные людямъ, съ которыми онъ былъ лично близокъ либо такъ или иначе связанъ

Историческая библіотека.

Историческій журналъ **Русская Старина** донынѣ, при существовавшихъ цензурныхъ условіяхъ, давалъ своимъ подписчикамъ статьи только въ тѣсныхъ рамкахъ русской исторіи и русскихъ бытовыхъ очерковъ. Если на страницахъ журнала и появлялись иногда кое-какія статьи объ историческихъ фактахъ или отзывы объ историческихъ сочиненіяхъ, во множествѣ являвшихся въ западной Европѣ, то это были краткія извлеченія; самые же серьезные и капитальные историческіе труды, полные ученыхъ достоинствъ, по многимъ причинамъ были донынѣ недоступны для русской публики, частью по бывшей невозможности перевода ихъ на русскій языкъ, частью по незнанію иностранныхъ языковъ.

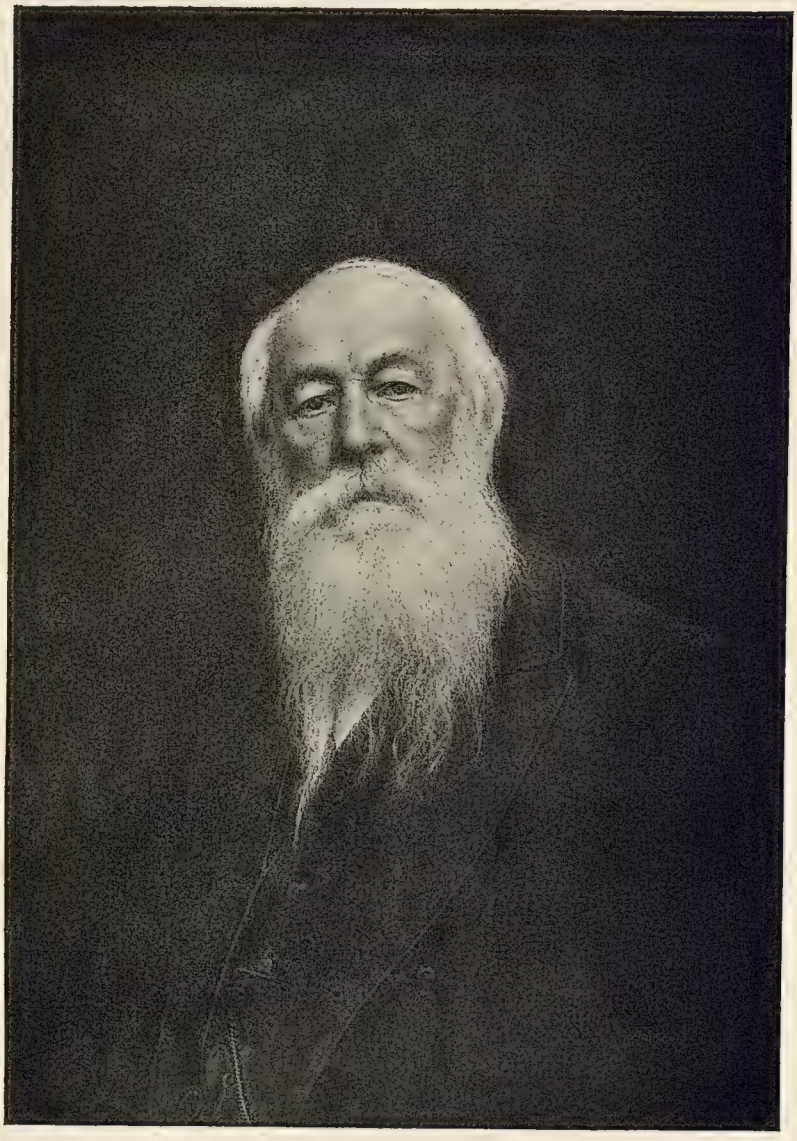
Нынѣ редакція, оставляя прежнюю программу и направленіе, будетъ издавать, подъ заглавіемъ *„Историческая библіотека“* переводы замѣчательныхъ авторовъ по части исторіи, какъ старыхъ, такъ и новѣйшихъ, въ полномъ ихъ объемѣ и безъ всякихъ пропусковъ. Для начала избраны сочиненія *Л. Блана.* Исторія французской революціи; *Дебидуръ.* Дипломатическая исторія Европы отъ Вѣнскаго конгресса 1814 по 1878 Берлинскаго, *Альбертъ-Сорель*—Европа и французская революція и др. сочиненія.

Первое сочиненіе начнетъ выходить съ іюля мѣсяца и окончится въ срединѣ будущаго года. Объемъ каждаго тома будетъ не менѣе 30 листовъ; цѣна каждаго тома въ отдѣльной продажѣ 3 р. пересылка 30 к.

Лица, желающіе подписаться на изданія Исторической Библіотеки благоволятъ выслать 6 рублей, а подписчики на *Русскую Старину* 5 р. Затѣмъ они уплачиваютъ 2 р. 50 за каждый томъ по выходѣ его въ свѣтъ, а послѣдній томъ получатъ безплатно.

Подписка принимается въ конторѣ журнала Русская Старина. Фонтанка 145.

Архивный фонд
Московской обл. библиотеки



Владиміръ Васильевичъ

Стасовъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1907.

АПРѢЛЬ.—МАЙ.—ІЮНЬ.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1907.

Московский город
Московской обл. библиотеки

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1907 годъ.

Если исторія народа описывается на основаніи государственныхъ документовъ, хранящихся въ пыли архивовъ, то это далеко не есть еще исторія народа и его жизни. Архивныя свѣдѣнія, на сколько они доступны для частнаго человѣка, конечно, имѣютъ свою цѣну. Но эти свѣдѣнія рисуютъ только одну сторону,—оффиціальную,—поясняютъ, такъ сказать, внѣшнюю, показную жизнь народа въ извѣстную эпоху. И если бы пришлось ограничиваться только этою стороною, то мы были бы очень далеки отъ задачи полнаго историческаго описанія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ въ разное время.

Вотъ почему дополненіемъ къ исторіи и служатъ бытовыя описанія внутренней жизни народа, а матеріалъ для этого заключается въ историческихъ воспоминаніяхъ, историческихъ изслѣдованіяхъ, мемуарахъ и запискахъ частныхъ лицъ, въ дневникахъ, въ описаніяхъ бытовой жизни въ разныя эпохи. Нерѣдко дневникъ простого обывателя своими правдивыми разсказами лучше всякаго оффиціальнаго документа нарисуетъ бытовой характеръ русской старины и въ яркомъ свѣтѣ изобразитъ умственный и нравственный строй народа въ извѣстную эпоху.

Поэтому журналъ „РУССКАЯ СТАРИНА“, имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) историческія изслѣдованія; 2) записки, воспоминанія и дневники разныхъ лицъ; 3) очерки и разсказы; 4) жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи и вообще западной исторической бытовой старины; 9) народную словесность; 10) архивные документы.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, вступая въ 1907 году на тридцать восьмой годъ своего существованія, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду измѣнившіяся условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала. Сохраняя своихъ прежнихъ, многочисленныхъ, сотрудниковъ, редакція получила согласіе на помѣщеніе въ журналѣ трудовъ слѣдующихъ лицъ: П. Я. Дашкова, П. А. Ефремова, А. Ѳ. Кони, С. Ф. Платонова, М. А. Полѣвктова, В. И. Саитова и С. М. Середонина.

Въ 1907 году будутъ напечатаны: изъ автобіографическихъ воспоминаній графа Л. Н. Толстого, записки генерала Зотова, записки основателя „Русской Старины“ М. И. Семевскаго, де Санглена, Тургенева, Петрушевскаго, Инсарскаго, Никитина, Золотарева, графа Головкина, Каразина и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка, по **30** к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

*

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

за 1897—1902 г.г.

Цѣна съ пересылкою для подписчиковъ „Русской Старины“ 1 рубль, а для всѣхъ остальныхъ 1 рубль 50 коп.

Изъ автобіографическихъ воспоминаній графа Льва Николаевича Толстого [1]).

Поселясь въ деревнѣ, Левъ Николаевичъ дѣятельно занялся устройствомъ школъ въ Ясной Полянѣ и во всемъ Крапивенскомъ уѣздѣ. Увлекшись вопросомъ о народномъ образованіи, онъ рѣшилъ побывать вторично за границею, этотъ разъ со спеціальной цѣлью познакомиться съ тѣмъ, что сдѣлано въ Европѣ по этой части, и осмотрѣть учрежденія, имѣвшія цѣлью поднять уровень рабочаго населенія.

Его отъѣздъ ускорился вслѣдствіе болѣзни его старшаго брата, который лечился отъ грудной болѣзни сначала въ Соденѣ, а затѣмъ на югѣ Франціи, гдѣ онъ скончался на рукахъ Льва Николаевича.

20 сентября 1860 г. Толстой писалъ Ергольской: „Дорогая тетушка, черная печать скажетъ вамъ все. То, что я ожидалъ со дня на день послѣднія двѣ недѣли, случилось вчера вечеромъ въ девять часовъ. Только вчера онъ позволилъ мнѣ помочь ему раздѣться, легъ окончательно въ постель и попросилъ сидѣлку. Онъ былъ до конца въ полномъ сознаніи. За четверть часа до смерти онъ выпилъ молока и сказалъ, что чувствуетъ себя хорошо. Въ самый день смерти онъ шутилъ и интересовался моими педагогическими дѣлами. Только въ самый моментъ кончины онъ прошепталъ нѣсколько разъ: „Боже мой, Боже мой!“ Мнѣ кажется, онъ понималъ свое положеніе и старался обмануть себя и насъ. Маша разсталась съ нимъ за че-

[1]) См. „Русская Старина“, мартъ 1907 г.

тыре часа передъ тѣмъ, уѣхала за четыре версты отъ Hyères, гдѣ она живетъ. Она не ожидала, что онъ такъ скоро умретъ. Я закрылъ ему глаза. Теперь я скоро буду съ вами и все разскажу вамъ лично. Я не могу перевезти его тѣло. Всѣ хлопоты по похоронамъ взяла на себя княгиня Голицына. До свиданія, дорогая тетушка, я не могу ничего сказать вамъ въ утѣшеніе. Это воля Божія,— вотъ и все! Пока я не пишу Сережѣ. Онъ вѣроятно на охотѣ; вамъ конечно извѣстно, гдѣ онъ, поэтому напишите ему или перешлите ему это письмо"[1]).

На другой день послѣ похоронъ Л. Н. писалъ брату Сергѣю Николаевичу:

„Я полагаю, что ты уже получилъ извѣстіе о смерти Николеньки. Я сожалѣю ради тебя, что ты не былъ при этомъ. Какъ это ни было ужасно, я счастливъ, что все произошло въ моемъ присутствіи и подѣйствовало на меня, какъ должно. Это не то, что смерть Мишеньки, о которой я узналъ въ то время, когда я вовсе не думалъ о немъ. Впрочемъ, это совсѣмъ другое дѣло. Съ Мишенькой насъ связывали воспоминанія дѣтства и родственныя чувства—вотъ и все. Онъ же былъ для тебя и для меня человѣкомъ, котораго мы любили и уважали болѣе всего въ мірѣ. Тебѣ извѣстно эгоистическое чувство, которое мы испытывали послѣднее время: „чѣмъ скорѣе кончится, тѣмъ лучше"; а теперь ужасно писать объ этомъ и вспоминать, что мы это думали.

Благодаря присущимъ ему силѣ воли и характера, онъ до послѣдняго дня дѣлалъ все возможное, чтобы не быть въ тягость. Въ день смерти онъ всталъ и одѣлся самъ; по утру я засталъ его совсѣмъ одѣтымъ въ креслѣ. Только въ девять часовъ, передъ кончиной онъ поддался болѣзни и попросилъ раздѣть его. Первый разъ это случилось въ кабинетѣ уединенія. Спускаясь съ лѣстницы, я услыхалъ, что его дверь отворилась. Я вернулся; его нигдѣ не было. Сначала я побоялся вернуться, онъ этого не любилъ, но этотъ разъ онъ самъ сказалъ мнѣ: „помоги мнѣ". И въ тотъ день онъ былъ совсѣмъ другой: кроткій, добрый, онъ не жаловался, ни о комъ не говорилъ, хвалилъ всѣхъ и говорилъ мнѣ: „спасибо, другъ мой".

Понимаешь ли ты, что это означало при нашихъ отношеніяхъ? Я сказалъ ему, что я слышалъ, какъ онъ капплялъ по утру, но не вошелъ къ нему изъ ложнаго стыда. „Напрасно, отвѣчалъ онъ, это было бы мнѣ утѣшеніемъ".

Что касается страданій, — онъ страдалъ, но онъ сказалъ мнѣ только одинъ разъ, за два дня до смерти, какъ ужасны были его

[1]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

безсонныя ночи: „Утромъ меня душитъ кашель, и это тянется мѣсяцъ! А какіе бываютъ сны! Одному Богу извѣстно! Еще двѣ такія ночи; это ужасно“!

Онъ ни разу не сказалъ мнѣ совершенно ясно, что онъ чувствовалъ приближеніе смерти. Онъ не только не говорилъ этого, но въ день смерти онъ заказалъ себѣ халатъ; когда я сказалъ ему, что если ему не будетъ лучше, то мы съ Машей не поѣдемъ въ Швейцарію, то онъ сказалъ: „Развѣ ты думаешь, что мнѣ будетъ лучше?“ Это было сказано такимъ тономъ, что чувствовалось, что онъ знаетъ правду, но не говоритъ ее ради меня, также какъ я не говорилъ объ этомъ ради него. Однако я съ утра зналъ все и не оставлялъ его. Онъ умеръ безъ страданій, видимыхъ по крайней мѣрѣ. На другой день я сошелъ въ его комнату; мнѣ страшно было открыть его лицо; мнѣ казалось, что оно должно быть еще болѣе страдальческимъ, еще болѣе страшнымъ, чѣмъ во время его болѣзни, но ты не можешь себѣ представить, какое у него было прекрасное лицо и какое доброе, веселое, спокойное выраженіе.

Вчера его похоронили здѣсь. Былъ моментъ, когда я сильно подумывалъ перевезти его тѣло, но, обдумавъ это хорошенько, я измѣнилъ намѣреніе. Не слѣдуетъ растравлять раны. Мнѣ жаль, что ты получилъ это извѣстіе на охотѣ, въ то время, какъ ты развлекаешься, и что оно не потрясетъ тебя такъ, какъ меня. Я чувствую теперь то, что я слышалъ нерѣдко: какъ только лишишься человѣка, такого, какимъ онъ былъ для насъ, становится гораздо легче думать о смерти.

Твое письмо пришло въ то время, когда по немъ служили панихиду. Да, ты не будешь болѣе охотиться съ нимъ.

За два дня до смерти онъ читалъ мнѣ свои замѣтки объ охотѣ и говорилъ много о тебѣ. Онъ сказалъ, что Господь далъ тебѣ счастье, но что ты самъ мучаешь себя.

На другой день смерти я велѣлъ снять съ него портретъ и маску; въ портретѣ не схвачено его выраженіе, но маска вышла весьма удачной“.

По поводу смерти брата, произведшей на него потрясающее впечатлѣніе, Л. Н. записалъ въ дневникѣ:

„13 октября 1860 г. Скоро мѣсяцъ, какъ умеръ Николенька. Это событіе какъ-то оторвало меня отъ жизни. Снова является вопросъ: зачѣмъ? Уже недалеко до отхода туда. Куда?.. Я стараюсь писать, дѣлаю усиліе, но дѣло не идетъ на ладъ, такъ какъ я не могу придать работѣ того значенія, которое необходимо для того, чтобы имѣть силу и терпѣніе работать. Во время похоронъ мнѣ пришла мысль написать матеріалистическое евангеліе. Матеріальную жизнь Христа“.

Мѣсяцъ спустя, по поводу другой смерти онъ писалъ:

„Тринадцатилѣтній мальчикъ умеръ отъ чахотки въ ужасныхъ страданіяхъ. За что? Единственное объясненіе даетъ вѣра въ будущую награду. Если нѣтъ будущей жизни, нѣтъ справедливости; и ея не нужно, да и самая потребность въ справедливости—предразсудокъ... Справедливость есть самая насущная потребность человѣка по отношенію къ другому человѣку. Человѣкъ старается установить подобное же отношеніе къ вселенной. Безъ будущей жизни нѣтъ справедливости. Цѣлесообразность и польза—единственный неизмѣнный законъ природы, скажутъ натуралисты. Ихъ нѣтъ въ любви къ поэзіи, въ лучшихъ проявленіяхъ человѣческой души. Все это существуетъ и часто исчезаетъ, не проявивъ себя ничѣмъ.

Если польза есть единственный законъ природы, въ такомъ случаѣ природа переступила свою цѣль, давъ человѣку потребность въ поэзіи и любви“.

Двадцать семь лѣтъ спустя онъ писалъ: „Жизнь человѣка—есть стремленіе къ добру. Ему дано то, къ чему онъ стремится—жизнь, которая не можетъ кончиться смертью, и добро, которое не можетъ быть зломъ“.

По смерти брата Л. Н. провелъ всю зиму въ путешествіи по Германіи, гдѣ онъ осматривалъ учебныя заведенія и знакомился съ методами преподаванія. Въ апрѣлѣ онъ былъ въ Дрезденѣ, откуда писалъ Т. А.

„Я здоровъ и горю нетерпѣніемъ вернуться въ Россію. Но разъ я попалъ въ Европу и не знаю, когда удастся побывать тутъ еще, вы поймете, что мнѣ хотѣлось воспользоваться своимъ путешествіемъ, какъ слѣдуетъ.

Кажется, это мнѣ удалось. Я получилъ такую массу впечатлѣній, сдѣлалъ столько знакомствъ, что придется еще долго поработать, прежде чѣмъ все это уляжется въ головѣ.

Я предполагаю пробыть въ Дрезденѣ до 10/22, а къ Пасхѣ, во всякомъ случаѣ, надѣюсь быть въ Ясной. Если къ 25-му навигація не откроется, я поѣду черезъ Варшаву въ Петербургъ, гдѣ мнѣ необходимо быть, чтобы получить разрѣшеніе на журналъ, который я предполагаю издавать при Ясно-Полянской школѣ.

Я везу съ собою нѣмца съ университетскимъ образованіемъ. Это будетъ учитель и управляющій. Онъ человѣкъ очаровательный и весьма образованный, но еще очень юный и мало практичный“ [1]).

23 апрѣля 1861 г., пробывъ за границей девять мѣсяцевъ, Л. Н. вернулся въ Россію, въ самый разгаръ того необычайнаго подъема, который охватилъ русское общество послѣ освобожденія крестьянъ.

---

[1]) Оригиналъ письма писанъ по-французски.

„Что касается того, какъ я смотрю на возбужденіе, охватившее тогдашнее общество, сказалъ Толстой, отвѣчая на вопросъ своего друга, Бирюкова, „то я долженъ вамъ сказать (и это черта моего характера, хороша она или дурна, но она всегда была мнѣ присуща), я всегда невольно старался не поддаваться эпидемическимъ внѣшнимъ вліяніямъ, и если я въ то время самъ былъ возбужденъ и веселъ, то этому были особыя личныя причины, тѣ самыя, которыя побудили меня заняться школами и сблизиться съ народомъ.

Вообще, даже теперь, я нахожу въ себѣ то же чувство отвращенія къ тогдашнему общественному движенію, которое проявлялось впрочемъ въ очень робкой формѣ".

Кипучая дѣятельность, которой предался Толстой по возвращеніи въ Россію, состоя мировымъ посредникомъ и дѣятельно занимаясь устройствомъ школъ въ Крапивенскомъ уѣздѣ и въ Ясной Полянѣ, гдѣ онъ самъ велъ занятія при помощи нѣсколькихъ учителей, повліяла на его здоровье; весною 1862 г. онъ чувствовалъ себя больнымъ, боялся даже, что у него развивается чахотка; это побудило его отправиться въ маѣ мѣсяцѣ на кумысное леченіе въ Самарскую губернію, куда онъ поѣхалъ въ сопровожденіи своего слуги Алексѣя и двухъ своихъ учениковъ.

Пріѣхавъ въ Самару, онъ писалъ Т. А. Ергольской 27 мая 1862 г.:

„Сегодня я уѣзжаю изъ Самары за сто тридцать верстъ отсюда, въ Каралыкъ Николаевскаго уѣзда. Мой адресъ: Самара. Юрію Ѳедоровичу Самарину для передачи Л. Н. Толстому.

Я совершилъ превосходное путешествіе; мѣстность тутъ мнѣ очень нравится. Я чувствую себя гораздо лучше, т. е. меньше кашляю. Алексѣй и дѣти живы и здоровы; можете передать это ихъ родителямъ. Пожалуйста, напишите, что съ Сережей, или попросите его написать мнѣ. Кланяюсь всѣмъ моимъ дорогимъ товарищамъ и прошу ихъ написать мнѣ, что дѣлается у нихъ. В. И. Ушковъ еще здоровъ и бодръ. Какъ только пріѣду на мѣсто, напишу подробнѣе.

Цѣлую ваши ручки".

Пріѣхавъ на мѣсто, онъ писалъ:

„28 іюня 1862 г.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я не имѣлъ извѣстій отъ васъ и изъ дома. Прошу васъ, напишите обо всѣхъ: 1, о родныхъ; 2, объ ученикахъ и т. д. Мы съ Алексѣемъ пополнѣли, онъ въ особенности; кашляемъ мало, онъ въ особенности. Живемъ въ кибиткѣ. Погода прекрасная. Я разыскалъ моего друга Столыпина, онъ командуетъ уральскими казаками. Я былъ у него и привезъ оттуда переписчика, но диктую и пишу мало. Когда пьешь кумысъ, овладѣваетъ лѣнь.

Я предполагаю уѣхать отсюда недѣли черезъ двѣ и надѣюсь быть дома въ Ильинъ день. Въ этой трущобѣ меня мучаетъ неизвѣстность, а равно мысль о томъ, что я страшно запоздаю съ изданіемъ моего журнала. Цѣлую ваши ручки. Прошу васъ, напишите мнѣ обстоятельно о Сережѣ, Машѣ и ученикахъ, коимъ я кланяюсь. Прилагаю письмо дѣтей къ ихъ родителямъ".

(Продолженіе слѣдуетъ).

Марина Мнишекъ и второй самозванецъ.

Марина Мнишекъ, жена перваго самозванца, героиня многочисленныхъ повѣстей, романовъ и драматическихъ произведеній, извѣстная въ памяти русскаго народа подъ именемъ „Маринки безбожницы“, „еретицы“ и „колдуньи“—составляетъ предметъ новаго изслѣдованія Александра Гиршберга, вышедшаго на польскомъ языкѣ, въ Львовѣ [1]). Ея исторія конечно тѣсно связана съ жизнью самозванца, и въ этомъ отношеніи трудъ А. Гиршберга является какъ бы дополненіемъ изслѣдованія того же автора о Димитріи Самозванцѣ, съ которымъ читатели „Русской Старины“ уже знакомы [2]).

Матеріаломъ для исторіи девятнадцатилѣтней бурной, полной приключеній, карьеры Марины послужили автору, кромѣ печатныхъ русскихъ и польскихъ сочиненій, многочисленныя польскія рукописи и письма, разсѣянныя въ частныхъ архивахъ и библіотекахъ.

Первое мѣсто среди этихъ источниковъ принадлежитъ дневнику Яна-Петра Сапѣги (1611—1659), извѣстнаго своимъ участіемъ въ смутахъ эпохи самозванцевъ, который поддерживалъ Тушинскаго вора, велъ осаду Троицкаго монастыря, переходилъ то отъ Тушинскаго вора къ королю, то обратно. Этотъ дневникъ вели секретари Сапѣги, записывая въ него изо дня въ день не только все, что происходило въ его обозѣ, но и всѣ вѣсти, доходившія до него съ разныхъ сторонъ. До послѣдняго времени дневникъ былъ извѣстенъ въ самомъ сокращенномъ видѣ,—лучше сказать, въ крайне произвольной передѣлкѣ, а не въ извлеченіи.

[1]) Aleksander Hirschberg. Maryna Mniszchówna we Lwowie, 1906.

[2]) Подробное извлеченіе изъ этого труда помѣщено въ „Русской Старинѣ“

Другимъ важнымъ источникомъ служилъ автору дневникъ Вацлава Діаментовскаго, изъ котораго обширные отрывки были обнародованы Тургеневымъ; но тѣ мѣста дневника, которыя до послѣдняго времени лежали подъ спудомъ, заключаютъ еще много любопытныхъ подробностей о пребываніи семейства Мнишекъ въ Ярославлѣ, когда сендомірскій воевода не только состоялъ въ тайной перепискѣ съ врагами Василія Шуйскаго, но посылалъ пространныя меморіи и Сигизмунду, который совѣтовалъ ему помочь второму самозванцу.

Гиршбергъ воспользовался наконецъ еще однимъ весьма важнымъ и до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ источникомъ, который ему посчастливилось найти въ собраніи рукописей графовъ Браге, хранящихся въ ихъ архивѣ въ Стокгольмѣ. Это дневникъ московскаго посольства, отправленнаго въ исходѣ 1611 г. въ Варшаву.

Пользуясь этими матеріалами, которые бросаютъ на событія смутнаго времени новый свѣтъ, Гиршбергъ рисуетъ біографію Марины Мнишекъ на фонѣ историческихъ событій, выясняетъ между прочимъ тѣсную связь, существовавшую между замыслами самозванцевъ и дѣйствіями недовольныхъ поляковъ, изображаетъ въ правдивомъ свѣтѣ происки Льва и Яна-Петра Сапѣги и ту роль, которую они играли въ событіяхъ того времени, и наконецъ старается выяснить истинную причину, заставившую Владислава отказаться отъ кандидатуры на московскій престолъ.

Развѣнчивая легенду о красотѣ Марины, Гиршбергъ не соглашается и съ тѣмъ, что безгранично честолюбивая и жаждавшая власти дочь сендомірскаго воеводы была игрушкою судьбы и жертвою алчности и тщеславія своего отца, какою ее изображаютъ историки, и говоритъ, что она была скорѣе жертвою своего собственнаго ненасытнаго честолюбія и безграничной жажды власти, ради чего она, воспитанная въ строгихъ правилахъ католицизма, не задумалась перемѣнить вѣру и готова была поплатиться всѣмъ, даже своей честью, признавъ Тушинскаго вора, несмотря на его отталкивающую грубость, а потомъ перешла къ дикарю Заруцкому.

Этой основной чертой характера Марины, которая руководила всѣми ея поступками, легко объясняется ея рѣшимость: соединить своею судьбу съ судьбою самозванца: эти два умныя, безгранично честолюбивыя существа, встрѣтясь, сразу поняли другъ друга и рѣшили идти рука объ руку.

Въ виду несомнѣннаго интереса, который представляетъ изложеніе событій смутнаго времени въ томъ освѣщеніи, какое даетъ имъ А. Гиршбергъ, мы познакомимъ съ ними читателей въ возможно полномъ извлеченіи.

В. Т.

I.

Дѣтскія впечатлѣнія Марины Мнишекъ.—Тогдашнее положеніе Московскаго государства.—Димитрій Самозванецъ.—Была ли Марина красива собою.—Какія побужденія руководили Мариной и ея отцомъ отдать ея руку Самозванцу?—Успѣхи Димитрія.—Обрученіе Марины въ Краковѣ и ея бракосочетаніе въ Москвѣ.—Бунтъ 27 (17)-го мая 1606 г.

Марина Мнишекъ, четвертая дочь сендомірскаго воеводы Юрія Мнишека, родилась въ роскошномъ отцовскомъ замкѣ, въ Самборѣ, у подножія Карпатъ, въ 1588 или 1589 году; точный годъ ея рожденія неизвѣстенъ. О томъ, какъ протекали первые годы ея жизни, чему и какъ она училась, также не сохранилось свѣдѣній. Извѣстно только, что она умѣла читать и писать и по всей вѣроятности обучалась начаткамъ католической вѣры. Наставниками ея были конечно бернардинскіе монахи, которые издавна проживали въ Самборѣ, состояли въ дружескихъ отношеніяхъ съ семействомъ Мнишекъ и пользовались впослѣдствіи особымъ довѣріемъ Марины; несомнѣнно, что она часто слышала въ дѣтствѣ разсказы о знатности своего рода и о доблестныхъ подвигахъ предковъ пана воеводы, которые оказали въ былое время не мало услугъ нѣмецкимъ императорамъ. Эти разсказы, а также блестящая партія, сдѣланная ея старшей сестрою, Урсулой, которая была обвѣнчана въ 1603 г. въ Самборѣ съ Константиномъ Вишневецкимъ, должны были произвести сильное впечатлѣніе на молодую дѣвушку и пробудить въ ея душѣ честолюбивыя мечты.

Въ то время, какъ Марина подростала въ Самборѣ, въ сосѣднемъ Московскомъ государствѣ готовились важныя событія.

По смерти Ѳедора Іоанновича, послѣдняго Мономаха, вступилъ на престолъ Борисъ Годуновъ. У него, какъ извѣстно, было много завистниковъ, которые были не прочь погубить его. Эти люди рѣшили воспользоваться исконной любовью народа къ угасшей династіи, распустили слухъ, будто истинный наслѣдникъ престола, царевичъ Димитрій, спасся отъ руки убійцы, подосланнаго Годуновымъ, и благодаря ихъ стараніямъ имъ удалось найти человѣка, который взялся разыграть роль убитаго царевича.

Этотъ таинственный юноша появился впервые въ Кіевѣ въ 1601 г.; жилъ сначала подъ видомъ чернеца въ Печерской Лаврѣ, затѣмъ у кіевскаго воеводы князя Острожскаго и послѣ разныхъ скитаній появился въ 1602 г. въ домѣ князя Адама Вишневецкаго, гдѣ въ слѣдующемъ году онъ выступилъ уже открыто претендентомъ на московскій престолъ [1]).

---

[1]) Главныя событія изъ жизни перваго самозванца съ момента его появленія на исторической сценѣ и до его кончины, равно какъ и связанный съ

Стараніями Вишневецкаго и другихъ лицъ, въ числѣ коихъ былъ и великій канцлеръ литовскій, Левъ Сапѣга, въ январѣ мѣсяцѣ 1604 г. въ Лубнахъ было собрано большое войско, во главѣ котораго самозванецъ предполагалъ въ мартѣ того же года вступить въ предѣлы Московскаго государства, чтобы отвоевать „престолъ предковъ", узурпированный Годуновымъ. Его задержалъ Сигизмундъ III, вначалѣ отнесшійся къ этимъ замысламъ несочувственно, но затѣмъ пригласившій его къ своему двору.

Вмѣстѣ съ Димитріемъ отправился въ Краковъ князь Константинъ Вишневецкій, который по пути заѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ къ своему тестю въ Самборъ, гдѣ послѣ продолжительныхъ обсужденій было рѣшено, что впредь главнымъ совѣтникомъ и покровителемъ самозванца будетъ Юрій Мнишекъ.

Во время пребыванія въ Самборѣ Димитрій познакомился съ Мариной. Не подлежитъ сомнѣнію, что дочь воеводы произвела на него большое впечатлѣніе, ибо онъ тогда же просилъ ея руки.

Была ли Марина хороша собою? почти всѣ современные и позднѣйшіе писатели говорятъ, что она была очень привлекательна и превозносятъ ея нравственныя качества.

До насъ дошло два портрета Марины, изъ коихъ одинъ находится въ Эрмитажѣ, въ Петербургѣ, а другой хранился до послѣдняго времени въ Вишневецѣ, откуда онъ перевезенъ въ московскій историческій музей, гдѣ и находится нынѣ. На обоихъ портретахъ Марина изображена въ богатомъ платьѣ, отдѣланномъ золотымъ позументомъ, съ діадемой на головѣ и по тогдашней модѣ въ большомъ испанскомъ воротникѣ съ брыжами; хотя на обоихъ портретахъ нарядъ Марины изображенъ не вполнѣ тождественно, но черты ея лица сходны: высокій, немного выпуклый лобъ, длинный вытянутый носъ, маленькій плотно сжатый ротъ, выступающій подбородокъ; овалъ лица неправильный, значительно шире въ нижней части по сравненію съ верхней, рѣдкіе черные волосы; въ общемъ, выраженіе упорства, настойчивости и хитрости, которое производитъ скорѣе непріятное выраженіе. При томъ, она была такъ мала ростомъ, что когда заговорщики ворвались въ ея комнаты въ Кремль, то она спряталась подъ юбку своей воспитательницы, Казановской. Вся прелесть Марины заключалась въ большихъ глазахъ, сверкавшихъ умомъ, которые и придавали пріятность ея лицу.

Родители Марины, удивленные нѣсколько предложеніемъ Димит-

нимъ періодъ жизни Марины Мнишекъ, передаются лишь въ общихъ чертахъ, такъ какъ они изложены со всѣми подробностями въ упомянутой статьѣ о Димитріи Самозванцѣ („Р. Ст." 1896 г.).

рія, не отклонили его, но отложили окончательное рѣшеніе вопроса до тѣхъ поръ, пока ему удастся осуществить свои замыслы. Марина отвѣчала на его предложеніе согласіемъ. Чѣмъ руководствовалась она при рѣшеніи столь важнаго вопроса?

Нѣкоторые историки, судя по выраженію ея лица, которое свидѣтельствуетъ о хитрости и настойчивости, приходятъ къ заключенію, что ея лицо говоритъ скорѣй о холодномъ разсчетѣ, нежели о способности къ искреннему, горячему или страстному чувству. Весьма возможно, что въ этомъ случаѣ главную роль играло дѣйствительно честолюбіе, тѣмъ болѣе, что наружность Димитрія была далеко не привлекательная.

По описанію лицъ, хорошо его знавшихъ (Масса, Маржеретъ, Нѣмоевскій, Рангони), онъ былъ ростомъ ниже средняго, широкоплечъ и коренастъ. Лицо имѣлъ круглое, смугловатое, черты лица неправильныя, заурядныя, волоса рыжеватые. Вдобавокъ его безобразили двѣ бородавки—одна большая подъ носомъ, а другая, поменьше, у праваго глаза и полное отсутствіе на лицѣ растительности. Но бѣлыя красивыя руки говорили объ аристократическомъ происхожденіи. Судя по портрету Димитрія, находящемуся въ московскомъ историческомъ музеѣ, у него были очень умные, осмысленные глаза, которые придавали ему особенное выраженіе.

Его личныя качества могли располагать въ его пользу. Онъ отличался умомъ, былъ краснорѣчивъ, обходителенъ и обладалъ способностью располагать къ себѣ людей, былъ очень храбръ и на охотѣ—излюбленномъ въ то время препровожденіи времени, обращалъ на себя вниманіе, какъ ловкій наѣздникъ и силачъ. Всѣ эти качества, а главное обаяніе царственнаго происхожденія, которыя такъ сильно дѣйствовали въ то время на умы, конечно, могли расположить въ его пользу сердце молодой дѣвушки.

Къ сожалѣнію, источники не даютъ на этотъ вопросъ категорическаго отвѣта, и нельзя, не вдаваясь въ область предположеній, сказать, отдала ли Марина свою руку Димитрію, повинуясь только голосу сердца, или же ею руководило одно честолюбіе и надежда на блистательную будущность; можно сказать одно, что такъ какъ на наши поступки вліяютъ обыкновенно самые разнообразные стимулы, то и въ данномъ случаѣ дѣйствовали скорѣе всего обѣ указанныя причины: спокойный, холодный разсчетъ и чувство искренней, хотя быть можетъ и не особенно глубокой симпатіи.

Гораздо легче понять побужденія, руководившія ея отцомъ.

Расточительный образъ жизни, который вели Мнишеки, требовалъ большихъ средствъ, и воевода былъ всегда кругомъ въ долгахъ; его дѣла были такъ запутаны, что ему могло помочь только какое-нибудь

чрезвычайное обстоятельство или услуга, оказанная человѣку, который могъ бы щедро вознаградить его. Такимъ человѣкомъ былъ для него претендентъ на московскій престолъ, неожиданно появившійся въ его домѣ въ началѣ 1604 г.

Въ исходѣ февраля воевода отправился съ нимъ въ Краковъ, гдѣ, благодаря стараніямъ Мнишека, самозванецъ вскорѣ обратилъ на себя общее вниманіе. Они дѣйствовали оба такъ искусно, что не только успѣли расположить къ себѣ Сигизмунда и нѣсколькихъ польскихъ магнатовъ, но имъ удалось даже заручиться поддержкою папскаго нунція и іезуитовъ, которые имѣли въ то время огромное вліяніе на дѣла.

Возвратившись въ Самборъ, воевода, при помощи родныхъ и друзей, сталъ подготовлять выступленіе Димитрія въ походъ, позаботившись въ то же время обезпечить себѣ и своей дочери блестящее будущее.

По его настоянію, самозванецъ далъ 25-го мая письменное обязательство жениться на Маринѣ и дать ей изъ царской казны много „серебра и драгоцѣнныхъ камней“, а отцу ея—милліонъ польскихъ злотыхъ на уплату долговъ и на путевые расходы Марины. По вступленіи на престолъ, Димитрій обѣщалъ тотчасъ прислать королю посольство просить руки Марины и обязался дать ей въ приданое Псковъ и Великій Новгородъ.

Въ половинѣ сентября „царевичъ“ выступилъ въ походъ; войско его росло не по днямъ, а по часамъ, и къ моменту вступленія въ Кіевъ въ немъ насчитывали до 20.000 человѣкъ. Вначалѣ военныя дѣйствія шли успѣшно; цѣлый рядъ укрѣпленныхъ мѣстъ и городовъ (Моравскъ, Черниговъ, Путивль, Курскъ, Рыльскъ, Кромы) добровольно сдались самозванцу; первая битва подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ была крупнымъ пораженіемъ Годунова.

Но въ концѣ января 1605 г. счастье измѣнило Димитрію, понесшему большое пораженіе подъ Добрыничами; его войско было совершенно разбито, и ему едва удалось спастись; онъ бѣжалъ сначала въ Рыльскъ, а затѣмъ въ Путивль, откуда послалъ гонцовъ къ Мнишеку и другимъ покровителямъ, прося о помощи.

Благодаря тому, что въ войскѣ Годунова и въ самой Москвѣ у „царевича“ было много сторонниковъ, русскіе не воспользовались одержанной побѣдой, и счастье снова стало благопріятствовать Димитрію; когда же, 23-го апрѣля, неожиданно скончался Годуновъ, то въ его войскѣ, осаждавшемъ Кромы, вспыхнулъ мятежъ.

Извѣстіе о кончинѣ Годунова, о переходѣ войска на сторону Димитрія и о его побѣдоносномъ шествіи на Москву ободрило обитателей Самборскаго замка; еще болѣе порадовало ихъ письмо самого

Димитрія, коимъ онъ приглашалъ воеводу „поспѣшить въ Москву, чтобы отпраздновать его свадьбу". „Все нами вмѣстѣ условленное,"— такъ заканчивалъ „царевичъ" свое посланіе,—„мы намѣрены вскорѣ исполнить, и какъ только Господь Богъ приведетъ насъ въ столицу блаженной памяти предковъ нашихъ, мы не замедлимъ послать о томъ вашей свѣтлости увѣдомленіе".

Дальнѣйшія событія были для Димитрія рядомъ тріумфовъ. 30-го іюня онъ совершилъ торжественный въѣздъ въ Москву, мѣсяцъ спустя настоящая мать царевича признала его всенародно своимъ сыномъ, и московскій патріархъ увѣнчалъ главу его царской короной.

Самозванецъ не прерывалъ въ это время своихъ сношеній съ семействомъ Мнишекъ, велъ съ воеводою частую переписку и посылалъ ему такъ много денегъ, что тотъ вскорѣ уплатилъ весь свой долгъ казнѣ.

Спѣша выполнить и прочія обѣщанія, данныя имъ Маринѣ и ея отцу, Димитрій отправилъ въ началѣ ноября въ Краковъ торжественное посольство, во главѣ коего стоялъ дьякъ Аѳанасій Власьевъ, которому поручено было просить у короля отъ имени Димитрія руки Марины. 22-го ноября состоялось заочно ея обрученіе съ Димитріемъ, замѣстителемъ котораго былъ Власьевъ. Это торжество сопровождалось столь пышными празднествами, и подарки, присланные царемъ своей невѣстѣ, ея отцу и Сигизмунду, были такъ роскошны, что объ этомъ говорила вся Европа.

Празднества, происходившія въ Краковѣ, были нѣсколько омрачены для Юрія Мнишека прибытіемъ царскаго гонца Ивана Безобразова, который сильно жаловался на Димитрія и подъ рукою распускалъ слухъ, что бояре рѣшили свергнуть его съ престола и даже предложить корону Владиславу.

Мнишекъ узналъ объ этихъ слухахъ и поэтому, хотя онъ обѣщалъ Маринѣ два дня послѣ свадьбы отправиться съ нею въ Москву, но онъ медлилъ отъѣздомъ, въ надеждѣ, что тѣмъ временемъ дѣло выяснится.

Марина, со своей стороны, не спѣшила въ Москву, но по другой причинѣ: до нея тоже дошли оттуда тревожныя вѣсти о веселой жизни, которую велъ Димитрій, и объ особомъ вниманіи, какое онъ оказывалъ несчастной дочери Бориса Годунова, Ксеніи, долгое время жившей въ царскомъ дворцѣ. Марина такъ была оскорблена этимъ, что не отвѣчала даже на письма Димитрія. Но въ концѣ концовъ воеводѣ пришлось уступить настойчивымъ просьбамъ Димитрія, и въ началѣ марта онъ выѣхалъ изъ Кракова вмѣстѣ съ дочерью и огромной свитой. Это путешествіе было для Марины рядомъ тріумфовъ: ее встрѣчали вездѣ какъ московскую царицу. Ея въѣздъ въ Москву совершился также весьма торжественно.

Нѣсколько дней спустя совершилось ея коронованіе и бракосочетаніе съ Димитріемъ.

Во время коронаціи Марина приняла причастіе изъ рукъ московскаго патріарха, не получивъ на то никакого разрѣшенія отъ папскаго престола. Такъ передъ честолюбивымъ желаніемъ быть московской царицей не устояла даже ея преданность католической вѣрѣ, въ которой ее воспитали іезуиты.

Въ самый разгаръ свадебныхъ пиршествъ, 27-го мая 1606 г. [1]), вспыхнулъ въ Москвѣ бунтъ, подготовленный Шуйскими; довольные тѣмъ, что они отдѣлались отъ Бориса, они вовсе не думали уступить власть въ руки пришлаго авантюриста, а хотѣли захватить ее въ свои руки.

Марина, предупрежденная Димитріемъ объ опасности, ей угрожавшей, бѣжала изъ своихъ покоевъ въ избу, гдѣ спали ея служанки. Но заговорщики кинулись и туда и, найдя двери запертыми, выломали ихъ.

Ужасъ Марины не поддается описанію; она была совершенно беззащитна. Только ея спальникъ, Янъ Осмольскій, ставъ въ дверяхъ, сдерживалъ довольно долго натискъ злодѣевъ, пока не палъ въ неравной борьбѣ. Тогда чернь бросилась на него и растерзала его въ клочки, и, ворвавшись въ избу, принялась съ остервененіемъ все бить въ ней и истреблять.

Осыпая перепуганныхъ служанокъ площадной бранью, заговорщики кричали:

— Гдѣ вашъ царь, гдѣ ваша царица?

На что воспитательница Марины, Казановская, отвѣчала:

— Мы отвезли ея величество сегодня рано утромъ къ ея отцу, пану воеводѣ, а гдѣ царь, о томъ вамъ лучше знать.

Къ счастью Марины въ это время подоспѣло нѣсколько бояръ, которые разогнали чернь и дали, для ея личной охраны, стражу, но вмѣстѣ съ тѣмъ они приказали опечатать всѣ вещи, принадлежавшія ей и ея служанкамъ, которыя остались буквально въ однѣхъ рубашкахъ.

Между тѣмъ во дворцѣ былъ убитъ Димитрій, и въ слободѣ, гдѣ жили поляки, началась страшная рѣзня, ихъ погибло въ тотъ день до 500 человѣкъ.

Со смертью Димитрія окончились для Марины дни ея блестящихъ тріумфовъ; и началась жизнь полная тревогъ и тяжкихъ испытаній, закончившаяся трагической смертью.

---

[1]) Всѣ даты приводятся какъ въ оригиналѣ по новому стилю.

II.

Происки враговъ Василія Шуйскаго.—Его старанія упрочить свою власть.—Участь поляковъ въ Москвѣ.—Шуйскій разсылаетъ ихъ по отдаленнымъ городамъ.—Тяжелыя условія жизни заключенныхъ поляковъ въ Бѣлозерскѣ.—Пребываніе семейства Мнишекъ въ Ярославлѣ.—Интриги Юрія Мнишека.

Два дня спустя послѣ вышеописанныхъ событій вступилъ на престолъ, избранный боярами, Василій Шуйскій. Небольшого роста, лысый, тучный, съ хитрымъ выраженіемъ лица, этотъ честолюбивый старикъ не могъ, своею внѣшностью, никого расположить къ себѣ. Неглупый, но крайне подозрительный и недовѣрчивый, онъ окружилъ себя толпою льстецовъ и наушниковъ и руководствовался во всемъ ихъ мнѣніемъ. Его положеніе было въ высшей степени затруднительно, потому что на его сторонѣ были только представители знатныхъ боярскихъ родовъ и часть московскихъ мѣщанъ, коихъ удалось привлечь разными обѣщаніями, но большинство бояръ, не принадлежавшихъ къ этой высшей московской аристократіи, относились къ нему не сочувственно, или, по меньшей мѣрѣ, равнодушно; представители же той партіи, которая выдвинула самозванца, а равно и всѣ близкіе къ нему люди, относились къ Шуйскому враждебно, и онъ спѣшилъ избавиться отъ нихъ, заточивъ однихъ въ монастырь,ославъ другихъ въ болѣе или менѣе отдаленные города; такъ, князь Рубецъ-Масальскій былъ сосланъ въ Корелы, Салтыковъ въ Ивангородъ, Бѣльскій въ Казань, Власьевъ въ Уфу; но ему не удалось этимъ отдѣлаться отъ ихъ происковъ.

Уже нѣсколько дней спустя послѣ смерти Димитрія былъ пущенъ слухъ, что онъ остался живъ, а вмѣсто него убитъ походившій на него сынъ одного нѣмца, а по другой версіи поляка, находившагося въ его спальнѣ въ тотъ моментъ, когда убійцы ворвались въ Кремль. Говорили, будто у трупа, выставленнаго на-показъ народу, была густая борода,—хотя она была обрита, но все же это было замѣтно,—а у самозванца, какъ извѣстно, не было на лицѣ никакой растительности. Иные утверждали, что Димитрій уѣхалъ изъ Москвы за нѣсколько дней до мятежа, вмѣстѣ съ своимъ любимцемъ Молчановымъ, и что это было сдѣлано имъ съ цѣлью удостовѣриться въ томъ, кто изъ его подданныхъ былъ истинно преданъ ему.

Нашлись лица, видѣвшія самозванца на почтовыхъ станціяхъ, гдѣ онъ мѣнялъ лошадей, и утверждавшія, будто владѣлецъ дома, въ которомъ Димитрій останавливался до отъѣзда изъ столицы, самъ разговаривалъ съ нимъ и даже доставилъ въ Москву отъ него собственноручное письмо, въ которомъ Димитрій жаловался на своихъ поддан-

ныхъ, не съумѣвшихъ оцѣнить его благоволенія и его благодѣяній; въ заключеніе онъ обѣщалъ скоро быть въ Москву и строго наказать ихъ.

Появилось множество подобныхъ, яко бы собственноручныхъ его писемъ, возвѣщавшихъ о его спасеніи; они разбрасывались на улицахъ, на площадяхъ, прибивались къ воротамъ боярскихъ домовъ.

Подобныя же вѣсти распространялъ, по словамъ Буссова, князь Юрій Шаховской, назначенный Шуйскимъ воеводою въ Путивль. По дорогѣ въ Путивль, переправляясь съ двумя товарищами черезъ Оку, онъ далъ перевозчику шесть польскихъ злотыхъ и спросилъ его, знаетъ ли онъ съ кѣмъ онъ говоритъ?

Перевозчикъ отвѣтилъ:

— Не знаю, сударь, ни одного изъ васъ, на что Шаховской возразилъ:

— Не говори никому, но знай, что ты перевозилъ Димитрія, царя всея Руси!—при этомъ онъ указалъ на одного изъ своихъ спутниковъ.

— Вотъ доблестный юноша, котораго хотѣли погубить жители столицы! Благодаря Бога ему удалось спастись. Мы ѣдемъ въ Польшу, чтобы привезти оттуда вооруженную рать, и ежели Господь снова поможетъ намъ, то государь нашъ щедро вознаградитъ тебя.

Подобный же разговоръ Шаховской велъ и въ Серпуховѣ съ одной нѣмкой, у которой онъ останавливался. Пообѣдавъ, онъ далъ ей пригоршню денегъ и сказалъ:

— Пока довольствуйся этимъ. Приготовь хорошаго меда и водки; если Господь сподобитъ, мы скоро вернемся сюда съ большимъ войскомъ; но вамъ, нѣмцамъ, нечего бояться.

Удивленная этими словами женщина спросила:

— Что вы за люди, коли вы говорите такія дивныя вещи?

— Я только князь московскій,—отвѣчалъ Шаховской,—но я открою тебѣ, что у тебя ѣлъ и пилъ царь Димитрій, противъ котораго взбунтовались жители Москвы и хотѣли убить его. Благодаря Бога ему удалось спастись, онъ оставилъ на своемъ мѣстѣ другого, котораго убили. Мы скоро снова будемъ къ вамъ.

Подобныя же рѣчи слышали отъ Шаховского многія лица, у которыхъ онъ останавливался по пути въ Путивль. Изъ мести къ Шуйскому эти слухи распространялись и поляками.

Маржеретъ приводилъ разсказъ француза повара, служившаго у сендомірскаго воеводы, который говорилъ, будто Марина увѣрена въ томъ, что ея мужу удалось спастись, и съ тѣхъ поръ, какъ она о томъ узнала достовѣрно, она стала гораздо веселѣе.

Шуйскій, со своей стороны, всячески старался убѣдить своихъ

подданныхъ въ томъ, что Димитрій убитъ; и что онъ былъ не только обманщикъ, но и человѣкъ очень опасный и вредный, и поэтому хорошо, что его убили.

Нѣсколько дней спустя по вступленіи на престолъ, Шуйскій разослалъ всюду граматы, какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени бояръ и царицы Маѳы, въ которыхъ, оповѣщая народъ о своемъ избраніи, онъ дѣлалъ всевозможные извѣты на самозванца, писалъ, что онъ не сынъ Іоанна Грознаго, а Гришка Отрепьевъ, еретикъ и чернокнижникъ, что онъ собирался уничтожить въ Московскомъ государствѣ православную вѣру и ввести латинскую и вошелъ съ этой цѣлью въ тайныя сношенія съ Польшей и съ папой и, наконецъ, хотѣлъ даже подѣлить все царство и отдать одну часть Мнишекамъ, а Смоленское и Сѣверское княжества—королю польскому.

Кромѣ этихъ, болѣе или менѣе справедливыхъ обвиненій, Шуйскій распространялъ о Димитріи не мало вымысловъ, между прочимъ, утверждалъ, будто онъ намѣревался избить знатнѣйшихъ бояръ, относился къ нимъ пренебрежительно, любилъ веселую, разгульную жизнь, позволилъ себѣ святотатства относительно православной церкви и т. п.

Но всѣ эти разсказы, хотя они и были подтверждены боярами, не производили на народъ никакого впечатлѣнія,—онъ имъ не вѣрилъ. Также точно не произвело на народъ ожидаемаго впечатлѣнія торжественное открытіе мощей убитаго царевича Димитрія и перенесеніе ихъ изъ Углича въ Архангельскій соборъ, такъ какъ враги Шуйскаго и иностранцы, главнымъ образомъ протестанты, не вѣрившіе въ подобныя чудеса, говорили, что въ Москву привезли не мощи царевича, а тѣло нѣкоего Ромушки, стрѣлецкаго сына, убитаго нѣсколько дней передъ тѣмъ, и который еще не успѣлъ разложиться.

Послѣ кроваваго дня 27-го мая, поляки, бывшіе въ Москвѣ, въ томъ числѣ польскіе послы: Николай Олесницкій и Александръ Госѣвскій, пріѣхавшіе на свадьбу самозванца въ качествѣ представителей Сигизмунда III, содержались подъ строгимъ карауломъ въ такъ называемомъ Посольскомъ дворѣ; Марина со своими служанками жила также подъ строгимъ надзоромъ, во дворцѣ, построенномъ Димитріемъ, а Юрій Мнишекъ—въ домѣ, принадлежавшемъ Борису Годунову въ Кремлѣ. Всѣ знатные поляки были задержаны въ Москвѣ, только часть польскихъ солдатъ и прислуга были отпущены въ Польшу.

Шуйскій особенно преслѣдовалъ Марину и ея отца и, хотя 2-го іюня ей было разрѣшено переѣхать къ воеводѣ, но въ то же время у нихъ было приказано отобрать все, что они получили отъ самозванца.

„Отъ пана воеводы сендомірскаго,—пишетъ Нѣмоевскій,—было

отобрано 70.000 злотыхъ, которые онъ могъ бы нѣсколько дней передъ тѣмъ отослать въ Польшу для уплаты послѣднихъ долговъ", сверхъ того у него взяли „оправленную золотомъ конскую сбрую, присланную ему Димитріемъ передъ его въѣздомъ въ Москву. У Марины отобрали не только всѣ вещи, подаренныя ей царемъ къ свадьбѣ, но и всѣ подарки, сдѣланные ей королемъ польскимъ и другими лицами, и все, лично ей принадлежавшее; ей оставили только одно платье, да нѣсколько рубахъ".

„Но Марина этимъ не особенно огорчалась, и какъ бы не вполнѣ понимая по молодости лѣтъ постигшаго ее несчастія, она не придавала большого значенія тому, что имѣла, и говорила:

— Я бы отдала всѣ драгоцѣнности и бездѣлушки, а ихъ было у меня не мало, если бы мнѣ только оставили моего арапченка.

Недѣлю спустя бояре вызвали воеводу въ Кремль. Тутъ, осыпая его бранью, они старались выпытать у него, каковы были истинныя намѣренія его и самозванца. Допросъ продолжался болѣе часа. Мнишекъ отвѣчалъ подробно на всѣ вопросы, стараясь конечно выгородить себя.

Отпуская его, бояре наобѣщали, что его роднымъ и друзьямъ будетъ дозволено возвратиться въ Польшу, какъ только между Польшей и Москвой будетъ заключенъ миръ.

На вопросы польскихъ пословъ о томъ, когда ихъ отпустятъ, бояре отвѣчали однѣми обѣщаніями и во всѣхъ приключившихся бѣдствіяхъ винили поляковъ. Въ сущности, Василій Шуйскій и въ мысляхъ не имѣлъ отпустить поляковъ и поэтому, когда волненія, вспыхнувшія въ Сѣверскомъ княжествѣ, стали разростаться, опасаясь, чтобы поляки не вошли въ сношенія съ его врагами въ Москвѣ, онъ рѣшилъ отправить ихъ въ болѣе отдаленныя мѣста.

8 августа князь Константинъ Вишневецкій былъ высланъ въ Кострому, недѣлю спустя Стадницкій, Станиславъ Нѣмоевскій и нѣкоторыя другія лица были отправлены сперва въ Ростовъ, а затѣмъ на Бѣлое озеро; позднѣе Тарловъ былъ отправленъ въ Тверь и наконецъ 26 августа Марина, ея отецъ и родные были отправлены въ Ярославль, гдѣ имъ предстояла тяжелая жизнь.

Объ ихъ пребываніи въ Ярославлѣ, которое продолжалось два года, сохранилось два дневника, подробно описывающіе ихъ жизнь въ этомъ городѣ, а равно участь тѣхъ плѣнныхъ, которые были высланы въ Бѣлозерскъ.

Бѣлозерскъ представляетъ въ настоящее время изъ себя небольшой городокъ, расположенный на южномъ берегу Бѣлаго озера; въ 17-мъ вѣкѣ это была только рыбацкая деревушка, въ которой насчитывали не болѣе трехсотъ „жалкихъ и убогихъ хижинъ". „Во всей деревнѣ, пишетъ Немоевскій, не найдется ни одной свѣтлицы".

На берегу самаго озера возвышалось укрѣпленіе, обнесенное валомъ. „На углахъ его находились башни. Въ укрѣпленіе вело двое воротъ; ограда на валу сгнила, крыши на башняхъ и оградѣ развалились“. Внутри крѣпостной стѣны находилось „всего нѣсколько избъ для арестантовъ, которые ссылались туда на продолжительное время или на вѣчное жительство“.

Окрестная мѣстность производила удручающее впечатлѣніе; всюду виднѣлись одни болота и непроходимый лѣсъ.

Свою жизнь въ Бѣлозерскѣ Нѣмоевскій описываетъ такъ:

„Когда мы прибыли въ эту „отрадную“ резиденцію“, насъ развели по разнымъ дворамъ и помѣстили въ черныхъ избахъ. Насъ постоянно караулили день и ночь три стрѣльца, пріѣхавшіе вмѣстѣ съ нами; имъ даны были въ подмогу посадскіе люди“. Былъ отданъ строгій приказъ, „чтобы съ нами никто не говорилъ, кромѣ смотрителя и карауливших насъ стрѣльцовъ. Ни одного изъ нашихъ служителей не пускали на рынокъ, за покупками, иначе какъ въ сопровожденіи смотрителя, слѣдившаго за тѣмъ, чтобы они ни съ кѣмъ не разговаривали, и торопившаго ихъ обратно“.

„На всѣ бѣдствія и угнетенія, которыя намъ приходилось сносить все время, мы смотрѣли, какъ на Божью кару, тѣмъ болѣе, что по пріѣздѣ въ это унылое мѣсто мы узнали, что тутъ живутъ лишь тѣ, которые ссылаются сюда на продолжительное или на вѣчное заточеніе. До границы Польши было двѣсти миль; мы ни откуда не могли ожидать помощи, не пользовались никакими развлеченіями и не получали ни откуда вѣстей; добиться разрѣшенія отправить письмо на родину было не возможно; въ довершеніе всего мы хворали, не имѣли ни священника, ни доктора и ни откуда помощи“.

Томительно тянулась жизнь въ неволѣ; „наступила зима, а у насъ не было шубъ, такъ какъ насъ, несчастныхъ, занесло въ этотъ край въ лѣтнее время. Наша челядь, которой намъ нечѣмъ было платить жалованіе, была вынуждена распродать свои пожитки за безцѣнокъ рыбакамъ, чтобы купить ѣду и пріобрѣсти теплую одежду и обувь и облачиться въ сермяги. Также и намъ, старшимъ, пришлось все распродать, чтобы имѣть деньги на ѣду и одежду, ибо въ началѣ, пока у насъ еще было кое-какое имущество, мы не хотѣли ѣсть невкусную пищу, которую намъ давали отъ казны, въ надеждѣ, что мы скоро уѣдемъ, когда насъ пріѣдетъ избавить посланный отъ короля польскаго. Но мы не дождались его, и нужда заставила насъ ѣсть то, что намъ предлагали, намъ, старшимъ, давали на день бѣлаго и чернаго хлѣба на два гроша, тощую курицу, крупы на полъгроша, соли на четверть гроша, меду питьеваго три кварты, пива двѣ кварты, водки на грошъ,—а на нашу челядь отпускалось во-

ловьяго мяса по два куска, хлѣба на полъ-гроша, кварту пива и на полъ-гроша водки.

Разумѣется, этой порціи было совершенно недостаточно для людей состоятельныхъ, привыкшихъ жить въ довольствѣ; они стали жаловаться еще больше, когда, въ половинѣ марта 1607 г., у нихъ отняли третью часть и этого пайка. Всѣ жаловались также на притѣсненія со стороны смотрителей, все чаще и чаще писали челобитныя царю, прося его отпустить ихъ на свободу либо, по крайней мѣрѣ, дать имъ лучшее помѣщеніе и перевести ихъ въ другой городъ, гдѣ бы имъ легче жилось. Они просили также прислать имъ одного изъ ксендзовъ, высланныхъ въ Ярославль одновременно съ сендомірскимъ воеводою, но всѣ просьбы и заявленія оставались безъ результата.

Въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ находилось семейство Мнишекъ въ Ярославлѣ.

„26 августа“, пишетъ Діаментовскій, одинъ изъ домашнихъ воеводы, „предъ нашимъ отъѣздомъ насъ провѣрили по списку, включили въ него еще 58 человѣкъ шляхты и купцовъ, взятыхъ послѣ погрома на такъ называемый Глинный дворъ; въ числѣ ихъ были Запорскій и Дворжицкій. Всѣхъ насъ, считая со служанками царицы, было 375 человѣкъ. Давъ намъ охрану изъ 300 стрѣльцовъ, насъ отправили въ путь“.

Ѣхали не спѣша, не болѣе нѣсколькихъ миль въ день; и на девятый день по выѣздѣ изъ столицы прибыли въ Ярославль.

„Ярославль довольно большой, но бѣдный городъ. Кромѣ монастыря въ немъ нѣтъ ни одного каменнаго зданія. Обнесенная стѣною, развалившаяся крѣпость стоитъ на косѣ, при сліяніи двухъ рѣкъ: Которосли, черезъ которую мы переѣзжали, и Волги. Городъ отдѣленъ отъ предмѣстья насыпью, которая тянется отъ одного берега до другого; мы жили за этой насыпью. Намъ отвели четыре дома, въ которыхъ должны были помѣститься паны. Въ одномъ изъ нихъ поселился панъ воевода со своими слугами, въ другомъ, рядомъ, царица со своими служанками. Въ третьемъ домѣ—напротивъ, племянникъ воеводы и староста саноцкій Станиславъ Мнишекъ, сынъ Юрія; въ четвертомъ, стоявшемъ поодаль—староста Красноставскій, Янъ Мнишекъ, братъ Юрія, и вся остальная челядь; для другихъ было отведено помѣщеніе поближе, смотря по надобности“.

Впослѣдствіи для поляковъ былъ выстроенъ одинъ большой домъ, въ которомъ они могли помѣститься чуть не всѣ вмѣстѣ. У нихъ было отобрано оружіе; этому пришлось подчиниться также и польскимъ солдатамъ, отосланнымъ на границу, а равно и всѣмъ сосланнымъ на Бѣлое озеро. Но семейство Мнишекъ, несмотря ни на какія

просьбы и угрозы, не согласилось отдать бывшее у нихъ оружіе. Ихъ рѣшительный отказъ подчиниться этому требованію имѣлъ самое благодѣтельное вліяніе на ихъ дальнѣйшую участь: когда Шуйскому доложили объ этомъ, то онъ приказалъ обращаться съ ними мягче и снисходительнѣе.

По его приказанію, 12 января 1607 г. явились къ воеводѣ сендомірскому смотрителя и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Государь жалуетъ тебя; онъ приказалъ не отбирать отъ тебя оружія, но у тебя должно храниться все оружіе, принадлежащее полякамъ, и если кто-либо изъ нихъ набѣдокуритъ, то ты отвѣтишь за это царю.

Сообщивъ о нѣкоторыхъ другихъ царскихъ „милостяхъ“, смотритель присовокупилъ:

— Государь приказалъ не отсылать тебя дальше, а если ты захочешь послать за женой, то государь милостиво разрѣшилъ тебѣ это. И о прочихъ твоихъ надобностяхъ государь приказалъ тебѣ писать прямо къ нему“.

Шуйскій все время оказывалъ Мнишеку такое же благоволеніе: то предлагалъ ему прислать лекарства, то облегчалъ его сношенія съ родными, бывшими въ Польшѣ, то обнадеживалъ его, что онъ получитъ вскорѣ возможность вернуться на родину. Видимо, онъ не хотѣлъ возстановлять противъ себя Мнишека, а главное, онъ оказывалъ этимъ уваженіе Маринѣ, которая хотя и вышла за самозванца, но все же была коронованной московской царицей.

Благоволеніе царя повліяло, разумѣется, и на смотрителей, которые стали обращаться съ Мнишеками гораздо снисходительнѣе прежняго. Воевода, со своей стороны, всячески старался расположить ихъ въ свою пользу, часто дѣлалъ имъ подарки, приглашалъ къ себѣ и угощалъ ихъ.

Онъ старался и внѣшнимъ видомъ болѣе походить на русскихъ; съ этой цѣлью началъ носить одежду русскаго покроя, отпустилъ длинную бороду и волосы, ниспадавшіе до плечъ. Въ такомъ нарядѣ онъ явился даже въ Варшаву на сеймъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1609 г., „въ кафтанѣ и красныхъ сапогахъ, совсѣмъ, какъ настоящій московскій человѣкъ“.

Мнишекъ умѣлъ ладить не съ одними смотрителями, онъ съумѣлъ расположить къ себѣ и стрѣльцовъ, приставленныхъ къ нимъ для охраны, и такимъ образомъ стража, стоявшая во дворѣ его дома, несла свои обязанности только для вида и Мнишекъ черезъ тѣхъ же стрѣльцовъ пересылалъ обширную корреспонденцію и получалъ нужныя ему извѣстія.

Такъ продолжалось во все время его пребыванія въ Ярославлѣ,

несмотря на то, что стрѣльцы не разъ присягали въ томъ, что они не будутъ передавать заключеннымъ никакихъ извѣстій. При ихъ же посредствѣ поляки запаслись военными снарядами, поэтому есть основаніе вѣрить слуху, передаваемому Массой, будто стрѣльцы замышляли бунтъ и хотѣли вмѣстѣ съ польскими плѣнными присоединиться къ непріятелямъ Шуйскаго.

Впрочемъ, Діаментовскій жалуется и на нихъ въ своемъ дневникѣ, говоря, что они пугали поляковъ своими угрозами, хотя по его словамъ выходитъ, что поляки сами вынуждали ихъ къ этому: они имъ всячески досаждали, ругали ихъ и причиняли много непріятностей.

Въ общемъ, хотя жизнь въ Ярославлѣ, какъ жизнь подневольная, была для Мнишекъ очень непріятна, но все-таки имъ жилось не такъ тяжело, какъ прочимъ плѣннымъ полякамъ; случалось даже, что они проводили время очень весело.

Благодаря вышеописаннымъ обстоятельствамъ Мнишекъ не только могъ поддерживать дѣятельныя сношенія съ врагами Шуйскаго, но даже имѣлъ возможность принимать участіе въ ихъ происках. Онъ старался главнымъ образомъ о томъ, чтобы въ Польшѣ и въ Москвѣ повѣрили, что Димитрій не былъ убитъ, что онъ скрывался до поры до времени и только ждалъ удобнаго момента, чтобы вступить въ борьбу съ врагами.

Съ этой цѣлью одинъ изъ приближенныхъ самозванца, Михаилъ Молчановъ, вскорѣ послѣ его убійства, отправился въ Самборъ, гдѣ въ присутствіи людей, не знавшихъ Димитрія въ лицо, онъ разыгрывалъ его роль.

Изъ Москвы къ нему то и дѣло пріѣзжали гонцы въ пограничный городъ Фастовъ, гдѣ ихъ задерживали, а привезенныя ими граматы отсылали въ Самборъ. Жена сендомірскаго воеводы, также принимавшая участіе въ этихъ происках, поручала сказать гонцамъ, чтобы они ободряли Москву, ибо столица вскорѣ увидитъ царя въ добромъ здоровьи. Такимъ образомъ уже въ августѣ 1606 г. усиленно распространялись слухи о спасеніи самозванца. Они дошли до Рима и возбудили въ Ватиканѣ надежду, что Димитрію удастся вернуть свой престолъ. Папа Павелъ V хотѣлъ и этотъ разъ заручиться для него поддержкою Сигизмунда.

Одному изъ довѣренныхъ лицъ Мнишека, нѣкоему Яну Бильчинскому, было поручено увѣрять всѣхъ и каждаго въ томъ, что Димитрію дѣйствительно удалось спастись; Бильчинскій, переодѣвшись въ мужицкое платье, успѣлъ выбраться изъ Ярославля, онъ прибылъ въ началѣ января 1607 г. въ Львовъ, гдѣ разсказалъ кн. Андрею Лавицкому и вѣроятно многимъ другимъ, что самозванецъ уѣхалъ изъ

Москвы до начала бунта; онъ утверждалъ, какъ очевидецъ, что трупъ, выставленный на лобномъ мѣстѣ, не имѣлъ съ нимъ ни малѣйшаго сходства. Бильчинскій говорилъ также, что по пути въ Польшу онъ останавливался въ Путивлѣ и видѣлъ тамъ лошадей, на которыхъ Димитрій уѣхалъ изъ столицы вмѣстѣ со своимъ любимцемъ Молчановымъ; наконецъ, онъ открылся Лавицкому въ томъ, что Марина приказала ему розыскать своего мужа и даже дала ему тайное къ нему порученіе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ардаганскій отрядъ.

Воспоминанія о войнѣ 1877—1878 годовъ.

Мнѣ поневолѣ придется часто говорить о себѣ самомъ, но надѣюсь, что читатели не усмотрятъ въ этомъ самовосхваленія, а только необходимость, такъ какъ писать воспоминанія и не говорить о себѣ вполнѣ невозможно.

Замѣтки мои, во время кампаніи 1877—78 годовъ, сохранились въ видѣ отдѣльныхъ листовъ. Дневника же по недостатку времени и большой ежедневной усталости я тогда не велъ. Нынѣ, приступая къ составленію моихъ воспоминаній о томъ времени и ясно сознавая важность этого дѣла, я съ математическою точностью озабочусь воспроизвесть ту обстановку, при которой дѣло дѣлалось, не стѣсняясь результатами, къ которымъ оно приводило.

Въ 1876-мъ году я уже 10-й годъ командовалъ 152-мъ Владикавказскимъ полкомъ (38-й пѣхотной дивизіи), располагавшимся въ станицѣ Невинномысской, Баталташинскаго уѣзда, на р. Кубани. Кромѣ этой станицы, гдѣ былъ расположенъ только лишь штабъ полка, полкъ занималъ еще нѣсколько другихъ станицъ, въ числѣ коихъ были: Николаевская и Баталташинская.

Стоянка была вполнѣ тягостная, по бѣдности помѣщеній. Я лично, съ семействомъ изъ 4-хъ душъ, занималъ лучшій домъ, который имѣлъ 14 аршинъ длины и 9 ширины, раздѣленный на 4 комнаты-конуры. У всѣхъ прочихъ офицеровъ квартиры были много хуже, у нѣкоторыхъ съ глино-битными полами. Нижніе чины располагались вмѣстѣ съ жителями еще въ болѣе худшихъ помѣщеніяхъ. Зимою царствовалъ во всѣхъ помѣщеніяхъ холодъ, такъ какъ дома были выстроены или изъ саманнаго кирпича (смѣсь соломы, глины, навоза), или же изъ тонкаго дерева и хвороста подъ общимъ названіемъ турлукъ. Лѣтомъ зной доходилъ нерѣдко до 30 градусовъ по Реомюру. Вес-

ною и осенью стояла столь невылазная грязь, что изъ полковой канцеляріи, отстоявшей отъ меня на 200 саженей, бумаги привозились иногда на волахъ. Выходъ полка въ лагерь былъ истиннымъ праздникомъ.—Полковые цейхгаузы, обозъ, кузница, ружейная мастерская, гауптвахта помѣщались въ строеніяхъ, наскоро выстроенныхъ полкомъ тоже изъ саманнаго кирпича, подъ соломенными крышами. Окарауливаніе и охраненіе зданій отъ пожара требовали большаго наряда людей. Снабженіе нижнихъ чиновъ новою мундирною одеждою всегда производилось въ штабѣ полка. Существовалъ такой порядокъ: батальоны по очереди, въ полномъ составѣ ротъ, требовались въ штабъ полка; здѣсь имъ, прямо съ похода, производилось ученье, смотръ, повѣрка занятій, снабженіе всѣмъ необходимымъ и въ тотъ же день отправка домой, что составляло въ оба пути, для ближайшихъ батальоновъ, до 45 верстъ. Дальніе же батальоны, изъ Баталташинска и ст. Николаевской, путь, въ оба конца въ 84 версты, дѣлали въ 4 сутокъ. Втянутость людей была поразительная: никто не находилъ этого хожденія обременительнымъ, и побывать въ штабѣ полка многіе считали за большое удовольствіе. Въ лагерь полкъ выходилъ въ гор. Пятигорскъ и разстояніе въ 100 верстъ обыкновенно проходилъ въ 2 перехода; обусловливалось это тѣмъ, что вода была олько на половинномъ разстояніи въ ст. Суворовской, а ночевать езъ воды не стоило. Можно было, съ увеличеніемъ переходовъ, ходить и другимъ маршрутомъ, но отъ этого увеличивалось разстояніе, а потому всѣ находили, что это не по-солдатски. Конечно, бывали и исключенія, но рѣдко: лишь въ очень дурную погоду и невылазную грязь.

Въ 1876 году всѣ были заинтересованы событіями въ Сербіи и, несмотря на то, что въ газетахъ только и говорилось, что миръ нарушенъ не будетъ, всѣ были увѣрены, что война, такъ сказать, на носу.

Въ началѣ октября, лично мнѣ, было предписано устроить экстренно продовольствіе на желѣзнодорожной станціи „Невинно-мыская“ для нижнихъ чиновъ, слѣдующихъ изъ Ростова въ Закавказье, въ числѣ до 50 т. человѣкъ. Это былъ первый сигналъ, что надобно быть готовымъ, хотя о моемъ полку ничего не говорилось. Весь октябрь и ноябрь шла вышесказанная перевозка запасныхъ нижнихъ чиновъ. Трудъ кормить людей былъ невѣроятный, такъ какъ ничего не было заранѣе приготовлено. Около маленькой желѣзнодорожней станціи Невинно-мысской наскоро устроились кухни, столы, но люди кормились подъ открытымъ небомъ во всякую погоду; ненастья же было больше, чѣмъ хорошихъ дней. Особенное затрудненіе дѣлали ложки, простыя деревянныя ложки, ихъ и достать было не откуда, и часто

онѣ увозились „на память“. Приходилось ихъ выписывать изъ Ростова-на-Дону, большими партіями, такъ какъ въ станицахъ ихъ не дѣлаютъ. Къ чести нашихъ призывныхъ надобно отнесть, что ѣхали они на войну съ большимъ спокойствіемъ и никакихъ безпорядковъ не дѣлали. Было два, три случая ослушанія, но не важныхъ. Хорошо шли. Сколько помню, отсталыхъ или заблудившихъ совсѣмъ не было.

Напряженное состояніе духа въ командуемомъ мною полку переливало черезъ край: всѣ задавались вопросами: отчего нѣтъ приказанія мобилизовать полкъ? будетъ ли война? Потребуютъ ли полкъ на войну?..

1-го декабря, по случаю прихода въ штабъ полка одного батальона, у меня обѣдало нѣсколько штабъ-офицеровъ, когда въ 3 часа по полудни была получена отъ главнокомандующаго арміею, — великаго князя Михаила Николаевича,—депеша слѣдующаго содержанія: „во сколько времени полкъ будетъ готовъ къ походу?“ Послѣ короткаго совѣщанія съ завѣдывающимъ хозяйствомъ, я отвѣтилъ коротко: „въ 24 часа“.

2-го декабря вновь была получена депеша: „полкъ 6-го декабря выступаетъ въ Тифлисъ двумя эшелонами, по Владикавказской желѣзной дорогѣ“.

Четыре дня полкъ готовился къ походу и сосредоточивался въ ст. Невинно-мысской, 6-го полкъ двинулся, 8-го былъ уже во Владикавказѣ. Предстоялъ трудный зимній походъ по военно-грузинской дорогѣ, трудный потому, что, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, на этапахъ не было вовсе сѣна, было мало дровъ, а ночлеги въ выставленныхъ киргизскихъ кибиткахъ, обратившихся формально въ клоповники, представляли изъ себя нѣчто ужасное.

Дабы сократить всѣ эти бѣдствія до minimum'а, я рѣшилъ дѣлать по два перехода въ сутки и выиграть время, для 3-хъ дневокъ въ Ананурѣ, маленькомъ городѣ, въ которомъ все имѣлось въ относительномъ изобиліи. Впереди меня идущихъ войскъ не было, слѣдовательно, я никого и не обгонялъ. Первый мой эшелонъ прошелъ благополучно, но 2-й застрялъ на ст. Млеты, вслѣдствіе того, что снѣжный завалъ, слетѣвшій съ Ламійской горы, похоронилъ подъ собою всю эту станцію и уничтожилъ конюшню, въ которой было около 60 почтовыхъ лошадей. Дорога была тоже завалена снѣгомъ на нѣсколько верстъ въ длину и на нѣсколько аршинъ въ высоту. По приходѣ въ Млеты мнѣ была подана депеша оставаться въ Млетахъ и приступить къ разработкѣ дороги. Дѣлать нечего, пришлось покориться судьбѣ.

Оба батальона принялись за работу съ большимъ усердіемъ; черезъ 4 дня было откопано станціонное зданіе, и оказалось, что оно

мало пострадало отъ снѣжнаго завала; въ этомъ зданіи удобно размѣстились штабъ полка и почти всѣ строевые офицеры. Нижніе чины заняли всѣ уголки въ сосѣдней осетинской деревушкѣ, въ коей дома построены изъ одного камня, безъ извести и безъ печей, съ простыми каминами. Расквартированіе людей, по истинѣ, было бѣдственное. Обозъ и лошади оставались подъ открытымъ небомъ. Цѣны на всѣ продукты поднялись донельзя. За пудъ сѣна платили 1 руб. и 1 руб. 20 коп. За сажень дровъ 85 руб. За 1 фунтъ баранины 15 к. и столько же за мясо. За фунтъ сахара 80 копѣекъ. Нижнимъ чинамъ было добавлено на приварокъ по 5 коп. на человѣка въ сутки, и это было достаточно, но офицеры формально бѣдствовали.

Въ этомъ положеніи названные баталіоны простояли почти 3 недѣли и только, по окончаніи работъ съ открытіемъ пути, двинулись въ Тифлисъ. Какъ командиръ полка, я былъ въ отчаяніи: лошади исхудали, матерьяльная часть разстроилась значительно, въ письмоводствѣ и отчетности завелись упущенія; и это передъ началомъ кампаніи, когда все должно быть прочно, крѣпко и не только полностью, но и съ излишкомъ. Въ Тифлисъ полкъ собрался въ первыхъ числахъ марта и расположился на обывательскихъ квартирахъ. 12-го марта главнокомандующій сдѣлалъ ему смотръ и остался вполнѣ доволенъ, понятно, принимая во вниманіе только-что перенесенные труды и тяжелую продолжительную стоянку въ горахъ, при бѣдственныхъ условіяхъ.

Въ Тифлисѣ царило въ ту пору полное спокойствіе: всѣ говорили о близости войны, и никто въ нее не вѣрилъ. Тѣхъ же, кто понималъ, что война неизбѣжна, считали чуть чуть что не вольнодумцами. Городъ получалъ и почерпалъ свои свѣдѣнія отъ глубоко всѣми уважаемаго, генерала-отъ-инфантеріи и генералъ-адъютанта Григорія Дмитріевича Орбеліани, который бывалъ часто у намѣстника во дворцѣ и понятно могъ имѣть точное представленіе о томъ, чего должно ожидать. Словомъ, мирная дѣятельность не только Тифлиса, но и всего края не прерывалась ни на одну минуту. Консулы: турецкій и персидскій и тѣ были убѣждены, что войны не будетъ. Нельзя было однако же сомнѣваться, по тѣмъ распоряженіямъ, которыя дѣлались и въ окружномъ штабѣ и въ интендантствѣ, въ противномъ, но тамъ не промолвливался ни однимъ словомъ никто изъ служащихъ. Да и могли ли они что-нибудь знать, когда сама высшая власть сообщеніями изъ Петербурга держалась въ недоумѣніи и ежели готовилась къ войнѣ, то такъ себѣ, на всякій случай.

Группировка войскъ въ Закавказьи выражалась въ это время, около 20 чиселъ марта, въ такомъ видѣ:

Въ гор. Эривани и окрестностяхъ—отрядъ генералъ-лейтенанта Тергукасова.

Въ кр. Александрополѣ—отрядъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова.

Въ городѣ Ахалцыхѣ—отрядъ генералъ-лейтенанта Девеля.

Въ гор. Озургетахъ и окрестностяхъ—отрядъ генералъ-лейтенанта Оклобжіо. Остальныя войска, разбросанныя по всему Кавказу, были частью уже мобилизованы, частью оставались въ неопредѣленномъ положеніи. Во всѣхъ уголкахъ Кавказа было совершенно спокойно.

Съ 20-го марта въ русскихъ газетахъ забили тревогу, но отъ властей предержащихъ все еще на всѣ лады повторялось, что миръ нарушенъ не будетъ. Къ этому времени въ Тифлисъ собрались всѣ начальники отрядовъ, стоящихъ на границѣ, для полученія инструкцій. Въ скромной должности командира полка, не считая себя призваннымъ ни къ какому командованію большими отрядами, я просто изъ любви къ боевому дѣлу приступилъ къ изученію нашихъ границъ, разумѣется по картамъ, имѣвшимся въ нашемъ топографическомъ отдѣлѣ, общая же карта Кавказа всегда имѣлась у меня передъ глазами и висѣла въ той комнаткѣ, которую я занималъ по отводу. Въ одной же со мною квартирѣ помѣщались: мой родной братъ, начальникъ кавказской гренадерской дивизіи, генералъ-лейтенантъ Д. В. Комаровъ, и командиръ 2 бригады 19 пѣх. дивизіи генералъ-майоръ Я. Х. Алхазовъ.

Каждое утро шли у насъ бесѣды о способахъ, какъ скорѣе и лучше разбить турокъ. Генералъ Алхазовъ былъ всегда хладнокровенъ, а братъ мой горячъ до невозможности и, обладая даромъ слова и многими свѣдѣніями, не давалъ намъ, что называется, ступить одного шага. Его теорія захватывала все, но свойства нашихъ войскъ онъ зналъ не основательно и всегда забывалъ враговъ внутреннихъ, называющихся: госпиталями и продовольствіемъ. Въ одно такое утро, когда мы горячо спорили, стоя около карты, къ намъ пріѣхалъ „отдать визитъ“ генералъ-лейтенантъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ. Онъ вошелъ тихо и добрыхъ полчаса уже слушалъ нашъ споръ, прежде чѣмъ мы его замѣтили. Смущеніе наше было полное: было жарко, и мы всѣ трое были раздѣты; по-просту сказать, какъ завели споръ, только-что поднявшись рано утромъ съ походныхъ кроватей, такъ и не одѣвались.

— Во многомъ, господа, я съ вами не согласенъ,—сказалъ Лорисъ-Меликовъ,—я вамъ объясню, какъ я понимаю дѣло, и прошу васъ не стѣсняться вашими опроверженіями. Разговоръ послѣ этого оживился чрезвычайно, и мы проговорили почти до 3-хъ часовъ по полудни. Были затронуты всѣ вопросы, но вся суть сводилась къ тому, что прежде всего нужно брать Карсъ и затѣмъ дѣйствовать на Эрзрумъ; въ виду же возможныхъ возстаній въ Чечнѣ и Дагестанѣ

дѣйствовать крайне осторожно, т. е. медленно, навѣрняка. Вечеръ я проводилъ не дома и возвратился лишь въ 12 часовъ ночи. На порогѣ своей квартиры я засталъ курьера Лорисъ-Меликова, который мнѣ подалъ записку слѣдующаго содержанія: „Какъ бы поздно ни было, пожалуйте ко мнѣ, буду васъ ожидать".

Былъ часъ или два часа ночи, когда я явился къ Лорисъ-Меликову; онъ жилъ въ двухъ небольшихъ комнатахъ у князя Ираклія Грузинскаго. Очевидно онъ меня ожидалъ. Поблагодаривъ за то, что я къ нему явился, онъ началъ рѣчь такъ:

„Все, что я сегодня отъ васъ слышалъ, могло бы принесть большую пользу, при наступленіи въ Турцію. Завтра въ 2 часа дня назначено совѣщаніе у великаго князя. Я настоялъ, чтобы васъ туда позвали. Дайте мнѣ честное слово, что вы все, вами сегодня сказанное, повторите безъ всякихъ измѣненій и колебаній".

Я долго отказывался отъ этого предложенія, опираясь на то, что въ своихъ комбинаціяхъ я и самъ не увѣренъ, что всѣ мои предложенія—догадки, что точныхъ свѣдѣній имѣть я и не могъ, и что, наконецъ, чтобы опровергать какой-нибудь планъ, надо быть предварительно съ нимъ знакомымъ.

„Совсѣмъ этого ничего не нужно,—сказалъ Лорисъ-Меликовъ,—„возьмите темою", какъ бы вы предполагали дѣйствовать, а затѣмъ, встрѣчными репликами вопросъ выяснится самъ собою. Я же вамъ гарантирую, что никакихъ дурныхъ послѣдствій отъ этого для васъ не будетъ. Въ этомъ лежитъ общая польза и къ этому васъ обязываетъ ваша присяга",—добавилъ Лорисъ-Меликовъ. Послѣ этого я согласился.

На слѣдующій день въ 2 часа дня я былъ, вмѣстѣ съ другими, въ большомъ зеленомъ кабинетѣ у его высочества, главнокомандующаго кавказскою арміею; тутъ же собрались: командиръ корпуса, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, помощникъ главнокомандующаго, князь Дмитрій Ивановичъ Мирскій, генералъ-лейтенанты: начальникъ Эриванскаго отряда Арзасъ Артемьевичъ Тергукасовъ, начальникъ 30 пѣхотной дивизіи Ѳедоръ Даниловичъ Девель, инспекторъ госпиталей, генералъ-маіоръ Павелъ Васильевичъ Кузьминскій, командиръ Лейбъ-Эриванскаго полка, флигель-адъютантъ, полковникъ Гурчинъ и начальникъ окружного штаба, генералъ-маіоръ Павловъ.

Его императорское высочество открылъ засѣданіе весьма тепло сказанными словами о возможности войны, о необходимости быть готовыми и имѣть готовый для этого планъ, что, въ этомъ засѣданіи, онъ убѣждаетъ говорить не стѣсняясь ни въ чемъ, въ своихъ мнѣніяхъ. „Вамъ первое слово, вы здѣсь младшій",—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—„Здѣсь младшій полковникъ Гурчинъ",—отвѣтилъ я.—

„Ничего, говорите вы!“ Въ голосѣ послышался приказъ, соединенный съ легкимъ неудовольствіемъ. Генералъ Павловъ, по моей просьбѣ, перечислилъ количество войскъ, находившихся уже на границѣ, въ составѣ главныхъ 4-хъ отрядовъ, образующихъ Кавказскій корпусъ на кавказско-турецкой границѣ. Послѣ чего я приступилъ къ изложенію своихъ взглядовъ на предстоящую кампанію. Суть моихъ выводовъ сводилась къ слѣдующему: а) наступленіе на Батумъ весьма трудно по мѣстнымъ условіямъ; обладаніе имъ не принесетъ никакой пользы; вся операція выражается отвлеченіемъ нашихъ силъ отъ главнаго направленія на Карсъ и Эрзрумъ.

б) Присутствіе большого количества войскъ въ Ахалцыхѣ безполезно; оттуда наступать въ предѣлы Турціи, съ колеснымъ обозомъ и полевою артиллеріею, невозможно.

в) Разстояніе между Ахалцыхомъ и Александрополемъ весьма велико, чтобы оставить его безъ значительнаго числа войскъ и, такъ сказать, обнажить Тифлисъ.

г) Александропольскій отрядъ не достаточно силенъ, чтобы могъ немедленно приступить къ осадѣ Карса; въ особенности же слаба и не подготовлена осадная артиллерія.

е) Эриванскій отрядъ, въ свою очередь, весьма слабъ, чтобы достигнуть рѣшительныхъ результатовъ; прикрыть же Эриванскую губ. отъ вторженія турокъ вполнѣ способенъ.

На основаніи этихъ соображеній, я доказывалъ полную необходимость сосредоточить главныя силы къ Александрополю и оттуда дѣйствовать по обстоятельствамъ, задаваясь задачею обойти Карсъ и брать Эрзрумъ вмѣстѣ съ Эриванскимъ отрядомъ.

Это послѣднее предложеніе было принято въ собранномъ комитетѣ молчаливо и неодобрительно. Этого не ожидалъ и Лорисъ-Меликовъ и тутъ же сдѣлалъ нѣсколько возраженій.

Князь Дмитрій Ивановичъ Мирскій посмотрѣлъ на часы и замѣтилъ, что уже скоро 6 часовъ по полудни, часъ обѣда великаго князя, сказалъ:

„Кажется, высказали уже все, слѣдуетъ отобрать мнѣнія“. Къ чему тотчасъ же и приступили. Мой сосѣдъ генералъ-маіоръ Кузьминскій не подалъ никакого мнѣнія и послѣ нѣсколькихъ фразъ заявилъ: что лучшій способъ дѣйствій будетъ тотъ, который изойдетъ отъ самого главнокомандующаго. Генералъ-лейтенантъ Девель послѣдовалъ его мудрому примѣру. Я началъ приходить въ смущеніе и досадовалъ уже на себя и на свою опрометчивую смѣлость идти противъ теченія. Меня поддержалъ генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ, сказавъ, что онъ со мною во всемъ согласенъ и проситъ на это обратить вниманіе. Князь С. Мирскій замѣтилъ, что во взглядахъ

моихъ очень многое не ясно и, что онъ желаетъ сегодня же вечеромъ переговорить со мною болѣе подробно и потомъ доложить его императорскому высочеству свое окончательное мнѣніе. Генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ сказалъ, что онъ остается при особомъ мнѣніи и подастъ о томъ записку. Генералъ-маіоръ Павловъ окончательнаго отзыва не далъ.

Засѣданіе было закрыто. Изъ внутреннихъ комнатъ вышла великая княгиня Ольга Ѳедоровна. Повидимому, всѣ члены засѣданія удалились изъ дворца въ большомъ напряженіи. Я больше всѣхъ чувствовалъ себя не по себѣ, понимая, что я никого не убѣдилъ ни въ чемъ и что сразу окинуть весь Кавказъ съ его вооруженными силами, въ короткомъ разговорѣ, задача вполнѣ превосходящая мои способности. Мой товарищъ по академіи и по службѣ, генералъ-маіоръ Кузьминскій, по дорогѣ, сдѣлалъ мнѣ нѣсколько замѣчаній, отзывавшихся укоромъ за мою дерзость, которую я предъявилъ въ этомъ засѣданіи.

Вечеромъ, въ этотъ же день, около 9-ти часовъ, я былъ у князя Мирскаго. Погода была дивная. Мы вышли на балконъ и вновь приступили къ разбору тѣхъ же темъ, о которыхъ говорили въ засѣданіи. Милое обхожденіе князя Дмитрія Ивановича развязало мой языкъ вполнѣ; здѣсь, уже не стѣсняясь, я резонировалъ и pro, и contra и ушелъ далеко послѣ полуночи съ тѣмъ впечатлѣніемъ, что движенію на Батумъ онъ придаетъ самое главное значеніе, а центръ нашъ не важенъ и свойство его второстепенное. Мысль же обойти Карсъ и дѣйствовать на Эрзрумъ просто абсурдъ.

Возвратился я домой разбитый и физически и морально, давая себѣ честное слово впредь не соваться ни въ какія разсужденія выше своего скромнаго служебнаго положенія.

На слѣдующій день я получилъ предписаніе экстренно отправить два батальона въ Новые Закаталы, для подавленія тамъ бунта, содѣяннаго тамъ мѣстными жителями. Вечеромъ послѣдовала отмѣна. Оказалось, что нѣсколько туземцевъ сдѣлали неповиновеніе уѣздному начальнику, а этотъ послѣдній оробѣлъ и, желая себя гарантировать отъ отвѣтственности, донесъ, что у него бунтъ. Все ограничилось тѣмъ, что буяновъ арестовали, а уѣздную полицію на всякій случай усилили.

Въ концѣ марта, кажется 28-го, изъ Тифлиса въ Озургеты былъ экстренно отправленъ 1-й кавказскій стрѣлковый батальонъ. Я имѣлъ счастье командовать этимъ боевымъ и славнымъ батальономъ, съ 1863—1866 годъ и потому пошелъ его проводить. Отправленіе его изъ Тифлиса было высокоторжественное. Послѣ молебствія съ водосвятіемъ и окропленіемъ, батальонъ размѣстился по вагонамъ За-

кавказской желѣзной дороги и съ криками „ура“ выѣхалъ изъ Тифлиса.

Главнокомандующій съ августѣйшею супругою и нѣсколько тысячъ тифлисскихъ жителей провожали батальонъ съ теплыми чувствами и пожеланіями успѣха.

Не туда направляются войска, куда нужно, опять мелькнуло у меня въ головѣ и въ то же время стало ясно, что набѣгъ на Батумъ рѣшенъ безповоротно.

31-го марта я получилъ предписаніе выступить съ полкомъ изъ Тифлиса и слѣдовать въ Ахалцыхъ, въ составъ отряда генералъ-лейтенанта Девеля. Полкъ все еще не былъ пополненъ, а оставался въ составѣ мирнаго времени. Хозяйство его было разрознено: часть находилась въ Тифлисѣ, а часть оставалась по-прежнему, за 600 верстъ, по ту сторону главнаго хребта въ ст. Невинно-Мысской. Для полкового командира подобное положеніе было истиннымъ несчастіемъ: громадная отвѣтственность за большое хозяйство, безъ возможности его видѣть и охранять, съ упованіемъ, что разумъ и честность подчиненныхъ все выполнитъ исправно и благополучно. 2-го апрѣля я выѣхалъ съ полкомъ изъ Тифлиса по желѣзной дорогѣ на ст. Михайлово и на слѣдующій день оттуда выступилъ въ Ахалцыхъ.

5-го апрѣля въ Ахалцыхѣ я являлся къ Лорисъ-Меликову и къ Девелю.

„Васъ-то мнѣ и нужно,—сказалъ Михаилъ Таріеловичъ,—черезъ часъ я уѣзжаю въ Александрополь. Генералъ Девель съ 39-ю пѣхотною дивизіею завтра переходитъ въ Ахалкалаки. Вы будете охранять линію отъ Ахалцыха до Абасъ-Тумана. Въ вашемъ распоряженіи два пѣхотныхъ полка, да ахалцыхскій крѣпостной батальонъ, двѣ сотни ахалцыхскаго коннаго дивизіона. При горной батареѣ этого довольно. Инструкцію получите отъ генерала-лейтенанта Девеля. Прощайте, вполнѣ на васъ надѣюсь“.

И дѣйствительно, черезъ часъ Лорисъ-Меликовъ уѣхалъ.

Отъ генералъ-лейтенанта Девеля я не получилъ никакихъ письменныхъ приказаній. На словахъ же онъ мнѣ указывалъ держаться оборонительно и ждать мобилизаціи обоихъ полковъ, ранѣе чего никакія предпріятія невозможны. 6-го апрѣля генералъ Девель уѣхалъ въ Ахалкалаки къ своему большому отряду.

Такою обстановкою я былъ просто ошеломленъ. Надо было что-то дѣлать, а что? я недоумѣвалъ.

Первый, кто мнѣ сдѣлалъ визитъ, былъ престарѣлый комендантъ ахалцыхской крѣпости полковникъ Чеченскій. Это былъ тогда уже старый воинъ, прослужившій около 50-ти лѣтъ, нѣсколько мнѣ знакомый по службѣ моей въ 1857—1859 годахъ на Лезгинской линіи,

гдѣ онъ въ Тифлисскомъ гренадерскомъ полку командовалъ батальономъ, дослужившись до этого званія изъ вольноопредѣляющагося. Докладъ свой полковникъ Чеченскій началъ съ того, что крѣпость города не защищаетъ, а затѣмъ, что онъ заваленъ складомъ выбывшихъ изъ употребленія пистонныхъ ружей, съ патронами въ огромномъ количествѣ и имѣетъ госпиталь, въ которомъ можетъ лѣчиться не болѣе 100 человѣкъ. О своихъ сосѣдяхъ туркахъ мой собесѣдникъ ничего не зналъ и на рядъ многихъ вопросовъ отвѣчалъ:

„Это все у насъ знаетъ отставной юнкеръ милиціи Михаилъ Меписовъ, онъ вамъ будетъ очень полезенъ, пошлите за нимъ".

За симъ у меня перебывали всѣ власти г. Ахалцыха, и оказалось, что они знаютъ не болѣе стараго коменданта. Пришлось посылать за Михаиломъ Меписовымъ, про котораго, отъ чиновника таможеннаго вѣдомства, я узналъ, что это человѣкъ опасный, заподозрѣнный въ водвореніи контрабанды, въ тайныхъ сношеніяхъ съ турками вообще, а съ Шерифъ-Бекомъ Аджарскимъ въ особенности.

Вечеромъ я долго бесѣдовалъ съ Меписовымъ и дополнялъ на картѣ то, чего она не говорила. Дѣйствительно, этотъ человѣкъ зналъ всю окрестность, и свою и турецкую, вполнѣ точно; зналъ всю обстановку и оцѣнивалъ препятствія и преграды съ знаніемъ стараго воина. Я зачислилъ его въ тотъ же вечеръ къ себѣ въ переводчики.

Безъ колебаній я тогда же принялъ нѣсколько рѣшеній:

1) Испросить разрѣшеніе завесть для своего отряда вьюки, такъ какъ съ полковымъ обозомъ нельзя было сдѣлать и одного шага. На посланную мною телеграмму, по этому поводу, получился утвердительный отвѣтъ.

2) Сформировать изъ горожанъ нѣсколько дружинъ для охраны города и его окрестностей, вооруживъ ихъ пистонными ружьями изъ складовъ крѣпости,

и 3) усилить нашу пограничную линію, идущую по Кобліанъ-Чаю командами изъ туземцевъ татаръ, подъ главенствомъ Маматъ-Али-Бека Кобліанскаго, штабсъ-капитана милиціи, проживавшаго въ Ахалцыхѣ, но имѣвшаго на Кобліанъ-Чаѣ свои земли, которыя ему дорого было сохранить отъ разгромленія. Изъ нашихъ войскъ на означенной линіи находилось всего двѣ казачьихъ сотни и подкрѣпить ихъ немобилизованными ротами, то есть разбрасывать свои небольшія силы, мнѣ вполнѣ было нежелательно.

Въ два дня все это было исполнено, при чемъ вьюки я получилъ отъ Караванъ-Баши, персидскаго подданнаго, безъ особыхъ затрудненій, разумѣется за деньги.

9-го апрѣля генералъ-лейтенантъ Девель вызвалъ меня въ Ахалкалаки за полученіемъ инструкцій и денегъ. Путь въ 87 верстъ я сдѣлалъ въ 5 часовъ, на курьерскихъ.

Въ Ахалцыхѣ было жарко, въ Ахалкалакахъ холодно; кое-гдѣ на окрестныхъ высотахъ лежалъ еще снѣгъ. Понятно, Ахалкалаки выше Ахалцыха почти на 2.000 футовъ.

Отрядъ генералъ-лейтенанта Девель выступалъ въ это утро, по направленію къ Ардагану, въ нашу пограничную деревню Зурзуку. Я засталъ всѣхъ уже готовыми къ выступленію. Инструкцію мнѣ писалъ полковникъ генеральнаго штаба Макѣевъ. Инструкція гласитъ: выжидать мобилизаціи и строго держаться оборонительно. Я проглядѣлъ инструкцію, остался ею недоволенъ и просилъ генералъ-лейтенанта Девеля по крайней мѣрѣ разрѣшить мнѣ дѣйствовать согласно обстоятельствамъ и обстановкѣ.

„Разрѣшаю, но инструкцію не перемѣню. Отвѣчать за васъ не намѣренъ: ваша задача строгая оборона“.

Денегъ на экстра-ординарные расходы мнѣ дали довольно. Черезъ часъ я уже ворочался въ Ахалцыхъ. Стояла снѣжная буря, уѣздный начальникъ, князь Тумановъ, весьма любезно снабдилъ меня шубою. Вечеромъ въ тотъ же день я вернулся въ Ахалцыхъ совершенно больной, вслѣдствіе того, что промокъ въ затонѣ, по которому пришлось проѣхать, такъ какъ разливомъ оборвало и унесло на нѣсколько саженъ шоссе, идущее все время берегомъ рѣки Куры. Нѣсколько рюмокъ водки во внутрь и учащенное растираніе, какъ наружное, за одну ночь возстановили мое здоровье.

10-го. Послѣ смотра городской милиціи, я обошелъ всѣ базары, посѣтилъ многихъ почетныхъ купцовъ и лично бесѣдовалъ со многими турками и аджарцами. Отъ всѣхъ слышалъ одинъ отвѣтъ:

„Какой война, зачѣмъ война, у насъ война не хотятъ и война не будетъ“.

Этотъ общій отзывъ ясно показывалъ, что въ сосѣднемъ Посховскомъ санджакѣ никакихъ приготовленій еще не дѣлалось, и все оставалось на мирномъ положеніи. Всего же тамъ было турецкихъ войскъ около 3-хъ таборовъ пѣхоты и 3 сотни кавалеріи. Помѣшать турецкой мобилизаціи представлялось мнѣ самою заманчивою задачею.

11-ое число прошло вполнѣ спокойно. Войска мои были совершенно готовы. Около 8 часовъ вечера я получилъ отъ главнокомандующаго депешу слѣдующаго содержанія: „война объявлена, да благословитъ васъ Господь Богъ!“

Немедленно я собралъ всѣхъ отдѣльныхъ начальниковъ и, не объявляя имъ депеши, приказалъ, чтобы завтра въ 4 часа утра войска были бы готовы къ выступленію для рекогносцировки турецкой границы. Мнѣ важно было сохранить секретъ хотя бы до утра, такъ какъ турецкая пограничная стража стояла отъ насъ всего въ 4 верстахъ.

12-го въ 4 часа утра, войска мои были готовы. Отслужили молебенъ. Я прочиталъ депешу объ объявленіи войны. Раздалось дружное „ура“. Въ 5 часовъ утра мы уже переходили черезъ нашу границу, а въ 6-ть окружили турецкій таможенный карантинъ, обнесенный маленькими земляными валами.

Послѣ нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ (наши не стрѣляли) карантинъ и 40 человѣкъ команды сдались; у насъ было 4-ре легко раненыхъ.

Пройдя 25 верстъ, я заночевалъ въ дер. Бадели, а на слѣдующій день занялъ главный пунктъ Посховскаго санджака, дер. Дгвиръ. Турецкія войска отступили частью въ Ардаганъ, частью въ Аджарію, двумя противоположными путями.

Набѣгъ этотъ сразу далъ блистательные результаты: 1) Вся линія наша успокоилась 2) у непріятеля отнята всякая возможность къ мобилизаціи въ этой мѣстности. 3) Взяты: арсеналъ съ 3.000 ружей, боевые запасы, 3 т. четвертей провіанта, которыя я приказалъ перевозить въ Ахалцыхъ для поддержанія нашего магазина. Конфисковалъ я только турецкое казенное добро; все же частное оставалось неприкосновеннымъ; жители насъ встрѣчали вполнѣ дружелюбно и покорно. Порядокъ въ странѣ былъ образцовый, я даже не стѣснялъ и каймакамовъ (турецкихъ старшинъ въ обществахъ). Мусульманское духовенство въ приходѣ нашемъ увидѣло волю Божію и покорилось безропотно.

Съ 16-го по 26-ое апрѣля я сдѣлалъ рекогносцировки по всѣмъ направленіямъ, и долженъ былъ убѣдиться, что за большими снѣгами на окружающихъ горахъ изъ Посховскаго ущелья нельзя сдѣлать и одного шага; пришлось бездѣйствовать и ждать приказаній. Въ особенности меня мутило ожиданіе, что нѣтъ извѣстія о взятіи Батума. Отъ своего прямого начальника генералъ-лейтенанта Девеля я получилъ всего двѣ записки: одну, что онъ сталъ, въ 7 верстахъ отъ Ардагана, на р. Ольсекъ, и другую, что онъ строитъ черезъ Куру мостъ, чтобы владѣть обоими берегами рѣки и войти со мною въ сообщеніе кратчайшимъ путемъ.

Увѣрившись, что изъ Аджаріи никакихъ серьезныхъ покушеній безпокоить нашу границу не будетъ, я обратилъ, тѣмъ не менѣе, вниманіе на Годерскій перевалъ, какъ ближайшій къ Абасъ-Туману, и устроилъ здѣсь сильный кордонъ, изъ казаковъ и милиціи; этотъ же кордонъ охранялъ и пути, ведущіе горами прямо къ Боржому. Перевалъ же изъ дер. Бабо въ Дгвиръ наблюдался слабо: этимъ путемъ противникъ пользоваться не могъ, онъ приводилъ его подъ стѣны Ахалцыха, слѣдовательно, ставилъ его самого въ тяжкое положеніе. Обстановка была для меня благопріятная, я донесъ объ этомъ гене-

ралъ-лейтенанту Девелю и 2-го мая двинулся прямою дорогою на соединеніе съ Ардаганскимъ отрядомъ къ р. Уръ.

Подъемъ на гору Цурумаль, мѣстами по снѣгу, былъ очень затруднителенъ, не только для моей горной батареи, но и для пѣхоты. Ночевалъ отрядъ на высотѣ 6.000 футовъ, безъ палатокъ. Люди и лошади были, послѣ стоянки въ Посховскомъ санджакѣ, здоровы, бодры, веселы.

3-го ночевали въ зажиточномъ аулѣ Диканъ; здѣсь была настоящая сѣверная весна, съ массою уже разцвѣтшихъ желтыхъ цвѣтовъ, точь въ точь какъ въ Новгородской губерніи.

4-го отрядъ двинулся въ дер. Уръ. На переходѣ я узналъ, что генералъ Девель находится на рекогносцировкѣ подступовъ къ Ардагану, на лѣвомъ берегу рѣки Куры и, оставивъ свои войска слѣдовать по назначенію, самъ лично поѣхалъ къ нему, дабы представиться и, въ то же время, и познакомиться съ мѣстностью. На самомъ же дѣлѣ это была не рекогносцировка, а выполненіе плана штурма Ардагана. По приказанію Лорисъ-Меликова колонна, подъ командою генералъ-лейтенанта Геймана, пришедшая съ юго-востока отъ Карса, должна была штурмовать Ардаганъ, на правомъ берегу Куры, а колонна генералъ-лейтенанта Девеля на лѣвомъ. Штурмъ былъ назначенъ въ 3 часа по полудни. Сигналъ: „3 ракеты и залпъ изъ всѣхъ орудій“.

Ардаганъ былъ виденъ какъ на ладони. Долина Куры обстрѣливалась великолѣпно съ двухъ укрѣпленій: Рамазанъ-Табія, Истикямъ и Кая-Баши. Задача была трудная, почти невозможная, предвидѣть успѣха было нельзя, напротивъ того были всѣ шансы понесть большія потери и цѣли не достигнуть. Оглядѣвъ мѣстность и кой-кого разспросивъ, я воочію удостовѣрился, что хребетъ горъ огибаетъ Ардаганъ съ запада и подводитъ къ Рамазанъ-Табіи, на весьма близкое разстояніе, почти на ближній ружейный выстрѣлъ, постоянно командуя этимъ укрѣпленіемъ, въ такой степени, что ни одинъ непріятельскій выстрѣлъ тутъ не дѣйствителенъ. Я сообщилъ свое мнѣніе генералъ-лейтенанту Девелю и просилъ его разрѣшенія двинуть сейчасъ свой отрядъ въ этомъ направленіи, доказывая, что эта демонстрація будетъ для дѣла весьма полезна.

„Точно, этотъ вашъ взглядъ я одобряю“, отвѣчалъ Ѳедоръ Даниловичъ: „но теперь уже 4 часа и, значитъ, штурмъ отложенъ до завтра. Ваши устали и пусть отдохнутъ на этомъ берегу рѣки. Пожалуйте со мною въ лагерь; тамъ послѣ сношенія моего съ Лорисъ-Меликовымъ, я вамъ отдамъ окончательное приказаніе“.

До лагеря генерала Девеля на Ольсекѣ было всего 4 версты. Войска получили приказаніе идти въ лагерь. Мы поѣхали рысью.

По дорогѣ я отдалъ своей колоннѣ приказаніе стать близъ д. Уръ бивакомъ и палатокъ не разбивать. Мнѣ ясно представлялось, что тутъ есть какое-то недоразумѣніе и что что-то дѣлается не такъ, какъ бы слѣдовало: надо было ожидать тревоги и всевозможныхъ сюрпризовъ.

Въ лагерѣ, начальникъ штаба Ардаганскаго отряда, полковникъ генеральнаго штаба Макѣевъ, познакомилъ меня подробно со всею обстановкою и съ крайнимъ негодованіемъ выразился, что съ той минуты, какъ прибылъ отрядъ изъ Карса и расположился у Аладжи, у нихъ идетъ сумбуръ и никто не знаетъ, что дѣлать. Послѣ взятія, 1-го мая, отдѣльнаго форта Гелля-верды, говорилъ онъ, Ардаганъ совсѣмъ ослабѣлъ и Гейманъ хочетъ, безъ участія Девеля, одинъ воспользоваться легкою побѣдой. Правда, Гелля-верды полковникъ Амираджибовъ взялъ личною волею, въ то время, когда ему было уже послано приказаніе отступить, но разъ это ему удалось, слѣдовало развить успѣхъ немедленно и не давать непріятелю опомниться. Было уже 7 часовъ вечера, какъ со стороны Ардагана послышались частые пушечные выстрѣлы.

„Гейманъ беретъ Ардаганъ!“ воскликнулъ Макѣевъ и поблѣднѣлъ, какъ полотно. „Будутъ большія потери, когда можно было ихъ избѣжать. Я говорилъ Девелю, что онъ не то дѣлаетъ; вотъ и вышло по моему“.

Въ $8^1/_2$ часовъ выстрѣлы замолкли. Что произошло подъ Ардаганомъ, еще извѣстно не было, генералъ Девель былъ взволнованъ до крайности. Сѣли ужинать. Разговоръ не клеился. Въ $9^1/_2$ часовъ пришло извѣстіе, что всѣ укрѣпленія праваго берега взяты, и турки бѣгутъ на лѣвый берегъ.

Въ $10^1/_2$ часовъ Девель мнѣ отдалъ приказаніе идти къ Ардагану, направляясь на Рамазанъ-Табію, по теченію р. Куры, а ежели возможно, такъ и горами; выступить по усмотрѣнію. Въ 12 часовъ я пробилъ въ Урѣ тревогу своему отряду и пошелъ горами; былъ 1 часъ утра.

Въ 5 часовъ утра, трудными горными тропами, я дошелъ до Рамазанъ-Табія и очутился надъ самою головою этого укрѣпленія, въ разстояніи до 200 саженей; вызвалъ четыре горныя орудія и пустилъ въ укрѣпленіе нѣсколько выстрѣловъ. Отвѣта не было. Въ глазахъ нашихъ, незначительный гарнизонъ укрѣпленія началъ выходить изъ него и направляться прямо на югъ. Будь дороги, — его можно бы было преслѣдовать, но спускъ въ этомъ мѣстѣ представлялъ сплошной обрывъ и надо было искать способовъ съ него спуститься. Приходилось дѣлать обходъ въ нѣсколько верстъ. Одновременно съ моимъ отрядомъ прибыло двѣ сотни казаковъ, подъ командою полковника

Панина. Казаки пробовали спуститься, но безъ успѣха; пошли въ обходъ. Спустились только команды охотниковъ и затѣмъ безъ труда влѣзли въ укрѣпленіе. Я прибылъ туда же минутъ черезъ 20-ть. Въ укрѣпленіи не было уже ни одного турка. Въ большихъ котлахъ варился рисъ. Порядокъ и благоустройство форта были образцовые; фортъ былъ законченъ и отлично вооруженъ. Взять эту твердыню штурмомъ, или осадою, было бы невозможно. Надо было брать голодомъ. Единственный недостатокъ этой твердыни, ея Ахиллесова пята, это командующая высота съ западной стороны, о которой я сказалъ выше и которая уничтожала все достоинство этого сооруженія.

Изъ Рамазанъ-Табія все отступленіе турокъ было видно, какъ на ладони, но пѣхотою догнать ихъ было уже невозможно, а кавалеріи было весьма мало, да она мнѣ и не подчинялась.

Оставивъ двѣ роты въ Рамазанъ-Табіи, съ остальнымъ отрядомъ, около 6-ти батальоновъ, я вступилъ въ Ардаганъ съ западной стороны и занялъ его безъ выстрѣла.

Отъ восточнаго отряда генерала Геймана тамъ еще не было войскъ, а случайно перешедшіе молодцы шарили, гдѣ могли, и тащили, что попало. На улицахъ и въ особенности близъ моста валялись раненые и убитые. Около полудня я явился къ Лорисъ-Меликову. Онъ тутъ же приказалъ мнѣ быть комендантомъ Ардагана и возстановить порядокъ.

Къ вечеру 5-го мая все успокоилось; все разобралось по палаткамъ и по квартирамъ. Началась кой-какая торговля, преимущественно живностью, сначала у нашихъ маркитантовъ, а потомъ у жителей. Страдали лишь брошенные турецкіе казенные склады, въ нихъ фуражировали — кто хотѣлъ и кто могъ; матерьяла впрочемъ не портили.

6-го я осмотрѣлъ всѣ турецкія укрѣпленія и установилъ тамъ караулы. При этомъ осмотрѣ я удостовѣрился, что мы избрали самый трудный способъ для овладѣнія ими и понесли много лишнихъ потерь. Въ сущности это была не крѣпость, а основательно укрѣпленная позиція, расположенная въ обширной ямѣ. Ежели прибавить къ этому, что съ южной стороны она была совсѣмъ открыта и оборонена лишь наскоро выкопанною траншеею, то станетъ ясно, что мы дѣйствовали торопливо и слабо воспользовались громаднымъ перевѣсомъ въ силахъ. Послѣдствіемъ этой торопливости было то, что весь гарнизонъ крѣпости ушелъ на югъ безнаказанно, тогда какъ при другомъ образѣ дѣйствій онъ былъ бы поставленъ въ необходимость сдаться на капитуляцію безъ всякихъ условій.

7-го мая оба отряда, генералъ-лейтенанта Геймана и генералъ-

лейтенанта Девеля, направлены къ Карсу. Я былъ назначенъ начальникомъ Ардаганскаго отряда и оставленъ въ Ардаганѣ, чтобы отсюда прикрывать всѣ пути, ведущіе въ наши предѣлы между Карсомъ и Абасъ-Туманомъ. Ардаганъ мнѣ приказано разоружить и взорвать, а трофеи отправить въ Ахалкалаки.

Передъ выступленіемъ изъ Ардагана Лорисъ-Меликовъ далъ завтракъ на 10 человѣкъ, къ которому пригласилъ отдѣльныхъ начальниковъ. Бесѣда была невеселая. Инстинктивно, какъ-то вдругъ всѣ поняли, что за успѣхъ мы заплатили очень дорого (около 400 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ) и что торопливость, съ которою атаковала одна лишь колонна генерала Геймана, безъ участія отряда генерала Девеля, ничѣмъ оправдана быть не можетъ.

Въ 3 часа по полудни Лорисъ-Меликовъ уѣхалъ, дабы догнать войска наши, еще рано утромъ выступившія къ Карсу.

Оставшись въ Ардаганѣ и выставивъ по всѣмъ путямъ, идущимъ на югъ, наблюдательные посты, я приступилъ къ разоруженію Ардагана. Изъ 98 орудій, здѣсь бывшихъ, около 30 оказались большихъ калибровъ, новыхъ, дальнобойныхъ; остальныя были старыхъ образцовъ, съ плохими лафетами и сгнившими деревянными частями. Крѣпостныхъ передковъ было мало. Приготовить всѣ эти орудія къ отправкѣ былъ трудъ немаловажный. Всю эту работу исполнялъ полковникъ артиллеріи Макаровъ. Въ 20-хъ числахъ мая транспортъ уже былъ доставленъ въ Ахалкалаки. Въ то же время были взорваны и приведены въ негодность всѣ каменныя постройки въ укрѣпленіяхъ Ардагана. Жаль было ихъ взрывать, но никто не предвидѣлъ, что война будетъ побѣдоносна и что всѣ эти мѣста отойдутъ въ составъ нашихъ владѣній въ Малой Азіи.

Большую заботу и опасность представлялъ турецкій госпиталь, расположенный въ низинѣ, близъ моста черезъ Куру. Я посѣтилъ его 8-го мая и былъ пораженъ ужасомъ. Грязь, вонь, дурнал пища, отсутствіе прислуги, медикаментовъ, бѣлья, посуды. Масса больныхъ и раненыхъ (болѣе 650); необычная скученность. Единственный докторъ, грекъ Θистосъ, со своимъ фельдшеромъ, представляли медицинскій персоналъ. Настояло принять самыя энергическія мѣры, столько же изъ великодушія, сколько изъ опасенія заразы.

Обезпечивъ больныхъ, частью изъ взятыхъ нами турецкихъ запасовъ, частью изъ экстраординарныхъ суммъ, бывшихъ въ моемъ распоряженіи, я объявилъ всѣмъ окрестнымъ жителямъ, что они могутъ брать больныхъ на излеченіе къ себѣ и что таковые военноплѣнными считаться не будутъ. Послѣдняя мѣра оказалась дѣйствительною; госпиталь началъ освобождаться и черезъ двѣ недѣли въ немъ оставалось уже, на хорошемъ содержаніи, не болѣе 70 чело-

вѣкъ. Несмотря на всѣ мѣры, появился сыпной тифъ. Борьба съ нимъ была довольно успѣшна. Въ ту пору на наши военно-походные госпитали онъ не распространился. Наши больные жили въ палаткахъ.

Замѣчательное добродушіе было, въ это время, проявлено турчанками. Онѣ являлись, съ провожатыми мужчинами, по ночамъ, и на арбахъ вывозили къ себѣ больныхъ на излеченіе „для спасенія души".

Весьма неблагодарнымъ и дурнымъ человѣкомъ оказался докторъ Ѳистосъ. Онъ получалъ содержаніе наравнѣ съ нашими медиками, а по возвращеніи въ Турцію напечаталъ въ газетахъ статью, въ которой описывалъ лишь наши варварство и жестокость, въ отношеніи больныхъ и раненыхъ.

Окрестное населеніе не только вело себя тихо, но и крайне дружелюбно. Поставленный мною, съ согласія и утвержденія въ должности генераломъ Лорисъ-Меликовымъ, уѣзднымъ начальникомъ Меписовъ, распоряжался ими дѣятельно, справедливо; квартирная и подводная повинности исполнялись точно. Словомъ, спокойствіе водворилось настолько прочно, что я имѣлъ возможность отправить на вьюкахъ до 3-хъ тысячъ четвертей зерна изъ Ардагана въ Ахалцыхъ, при самомъ незначительномъ конвоѣ изъ милиціонеровъ. Эта отправка зерна ясно свидѣтельствуетъ, что въ ту пору въ планы наши не входило соображеніе долго оставаться не только въ Ардаганѣ, но и вообще въ предѣлахъ турецкихъ владѣній.

Торопливость, съ которой вершились всѣ дѣла въ первые же дни войны, обнаружила, что благонадежныхъ и знающихъ исполнителей мало. Перевозимый въ Ахалцыхъ провіантъ доходилъ туда не полностью. Подводчики уходили съ дороги партіями, съ довѣренною имъ посылкою. Штабъ мой, какъ начальника отряда, состоялъ всего изъ 2-хъ молодыхъ неопытныхъ офицеровъ, выхваченныхъ изъ отряда, и одного юнкера. Не только важныя депеши, но и мелочную переписку мнѣ приходилось вести самому собственноручно. Я былъ каждый день утомленъ до чрезвычайной степени. Сознаніе, что въ дѣлопроизводствѣ нѣтъ точности, безпокоило меня и лишало хорошаго расположенія духа. Одинъ разборъ шифрованныхъ депешъ отымалъ много времени.

Свѣдѣнія о непріятелѣ доходили неясныя; отыскать умныхъ и понимающихъ дѣло рекогносцеровъ было почти невозможно, да и за тѣ данныя, которыя приходили секретнымъ путемъ, приходилось платить огромныя суммы.

Изъ этихъ свѣдѣній, около 14 мая, опредѣлилось, что турецкихъ войскъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Ардагана нѣтъ, но что фор-

мируются въ городахъ: Ольты, Арануччи и Кеда (въ Аджаріи) сильные отряды, которымъ дается назначеніе выбить насъ изъ Ардагана и поднять возстаніе не только между турецкими подданными, но и между нашимъ татарскимъ населеніемъ на пространствѣ отъ Ахалкалаки до Тифлиса, то есть въ тылу нашихъ войскъ.

Рѣшивъ бить противника по частямъ, я донесъ о своемъ планѣ генералу Лорисъ-Меликову и испрашивалъ его утвержденія на приведеніе его въ исполненіе. Донесеніе мое, за отсутствіемъ Лорисъ-Меликова, было прочитано въ главномъ штабѣ кавказской арміи, и я тотчасъ же получилъ отвѣтъ, что его императорское высочество главнокомандующій соображеніе это одобряетъ.

17-го мая я выступилъ изъ Ардагана съ 6-ю батальонами въ Ольты и, сдѣлавъ два усиленныхъ перехода, болѣе чѣмъ по 30 верстъ въ сутки, черезъ перевалъ *Пэнджере* спустился въ долину Ольты-Чай. По полученнымъ здѣсь точнымъ свѣдѣніямъ часть турецкихъ войскъ находилась въ г. Пенякѣ, а наибольшій отрядъ стоялъ въ г. Ольты.

Прикрывъ свой флангъ отъ покушеній противника изъ Пеняки, я 20-го мая атаковалъ турокъ, расположенныхъ у Ольты. Бой былъ очень короткій. Турки бросили Ольты и начали отступать черезъ Мухуртабъ къ Эрзруму. Потеря моя въ людяхъ была ничтожна, всего до 30 человѣкъ. Въ Ольты захваченъ нами большой арсеналъ съ 3 тысячами ружей, склады боевыхъ запасовъ и провіанта. 21-го мая все это было уничтожено. Въ тотъ же день я получилъ отъ генерала Лорисъ-Меликова записку: „предписываю немедленно отступить къ Ардагану“. Тогда я не ясно понялъ необходимость такого категорическаго приказанія и только впослѣдствіи узналъ, что до Лорисъ-Меликова дошло извѣстіе изъ Эрзрума, что оттуда сдѣлали распоряженіе направить на мои сообщенія значительные отряды изъ Пеняки, Арануча и изъ Кеды (Аджаріи). И дѣйствительно, разсуждая теоретически, я могъ быть поставленъ въ критическое положеніе. Практически же эта затѣя турокъ, по свойству мѣстности и отсутствію дорогъ, была не выполнима, и я узналъ, что рискую мало. Приказу пришлось повиноваться, я отступилъ въ Ардаганъ въ тотъ же день вечеромъ. Намѣреніе мое разстроить тылъ турокъ въ Пенякѣ осталось безъ исполненія, хотя отчасти и тамъ имъ были нанесены незначительные убытки милиціонерами Ахалцыкскаго конно-иррегулярнаго полка.

По возвращеніи въ Ардаганъ, отрядъ мой простоялъ на широкихъ квартирахъ до 12-го іюня. Въ это время я получилъ точныя данныя, которыя удостовѣряли, что у города Арануча организовался значительный турецкій отрядъ, который ожидаетъ только вьючныхъ средствъ

дабы двинуться оттуда на Ардаганъ. Содѣйствовать ему должна была Аджарская милиція тѣмъ, чтобы перейти Годерскій перевалъ и направиться на Абасъ-Туманъ и Боржомъ. Послѣднее предположеніе опровергалось однако моими довѣренными лицами, жившими въ Аджаріи и хорошо знавшими тамъ всѣ дѣла.

12-го іюня, съ отрядомъ изъ 14-ти ротъ пѣхоты и горною батареею полковника Макарова, я выступилъ изъ Ардагана въ Арануччъ, съ цѣлью воочію удостовѣриться въ силахъ противника и простоять нѣкоторое время на перевалѣ Яланусъ-Чамъ, возвышающемся до 7.000 футовъ.

14-го іюня я спустился съ этого труднаго перевала, представляющаго на своемъ южномъ склонѣ формально обрывъ, и расположился лагеремъ. Не успѣли мы разбить бивуакъ и поставить нѣсколько палатокъ, какъ прискакалъ изъ моего авангарда всадникъ съ извѣстіемъ, что мой авангардъ, выдвинутый на 7 верстъ впередъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, находится въ критическомъ положеніи.

Вызвавъ и пославъ впередъ охотниковъ, вслѣдъ за ними, несмотря на крайнюю усталость людей, я двинулъ весь отрядъ. Едва показалась наша пѣхота, какъ нестройныя толпы турецкой милиціи быстро начали уходить по направленіямъ — частью къ Арануччу, частью прямо въ овраги, окружающіе отроги урочища Момонелисы. Я заночевалъ на этомъ урочищѣ, на представившейся превосходной, въ оборонительномъ смыслѣ, позиціи. Ночь была дивная, свѣтлая, теплая. Мы были на горѣ, непріятель въ долинѣ. Въ 10 часовъ вечера началась перестрѣлка; вреда намъ она не дѣлала. Я запретилъ нашимъ аванпостамъ стрѣлять, дабы сберечь патроны. Мы занимали формально крѣпость, которую снизу вверхъ атаковать по обрывамъ было вполнѣ невозможно.

Вѣчно и во всемъ сомнѣвающіеся субъекты находили, что весь отрядъ попалъ въ клѣтку, изъ которой потомъ не выберется. Не смѣя о томъ мнѣ сказать прямо, они являлись испрашивать приказаній: какъ распорядиться завтра въ случаѣ отступленія. Я думалъ совершенно иначе и рѣшилъ въ случаѣ неудачи пробиться черезъ Арсіанскій перевалъ, но ни въ какомъ случаѣ не возвращаться назадъ пройденнымъ путемъ, ежели онъ будетъ занятъ непріятелемъ. Поэтому я отвѣчалъ на всѣ вопросы: „завтра идемъ впередъ“.

Свѣтало около 3-хъ часовъ утра. Движенія турокъ были видны вполнѣ ясно. Главныя ихъ силы выступили изъ Арануча и занимали позицію на хребтѣ Годахвеція параллельно дорогѣ, ведущей въ городъ, и ихъ укрѣпленный лагерь, т. е. они очистили Арануччъ и перемѣнили свой фронтъ, предполагая, что эту сильную позицію мы

атаковать не рѣшимся. Въ то же время турецкая милиція изъ туземцевъ начала меня обходить долиною рѣки Арануч-Чай, чтобы отрѣзать отъ Ардагана, а незначительная часть, человѣкъ 200, двинулась на Кучени, чтобы отнять у меня дорогу и на Арсіанскій перевалъ.

Предвидя горячій бой и много трудовъ, я приказалъ варить пищу, чтобы работать потомъ съ сытыми людьми. Диспозиція отдана простая: „атаковать противника всѣми силами на хребтѣ Годахвеція и отбросить его отъ Арануча. Обходными колоннами не заниматься. Вагенбургъ съ больными и ранеными оставить на мѣстѣ ночлега.

Всѣ движенія совершались по чрезвычайно крутымъ оврагамъ; мертвыхъ пространствъ было сколько угодно. Непріятель маневрировать не могъ.

Едва мы двинулись впередъ, какъ были осыпаны дождемъ пуль. Ротныя наши колонны легли и перестрѣливались лишь изрѣдка. Работала сильно горная артиллерія. Около часа времени продолжалась эта горячая перепалка, затѣмъ стрѣльба пошла тише. Пули неслись съ усилившимся свистомъ.

Опытъ нашихъ стрѣлковъ выразился тѣмъ, что во всѣхъ ротахъ прошелъ говоръ: да у нихъ нагорѣли ружья.

Было 12 часовъ дня, я получилъ извѣстіе, что Ахалцыхская наша милиція обошла лѣвый флангъ противника и направляется ему въ тылъ.

Наступило время, я далъ сигналъ: „всѣ впередъ!“ Атака была ведена дружно. Въ 1 часъ дня турки оставили свои позиціи и стали быстро отходить къ урочищу Долисъ-Хана, на соединеніе съ имѣвшимися тамъ войсками. Дорога въ Арануч была свободна, я двинулъ туда свой резервъ изъ 3-хъ ротъ и двухъ сотенъ казаковъ.

Городъ сдался безъ выстрѣла и выслалъ депутацію съ просьбою о пощадѣ жителей. Турецкій лагерь, расположенный на горѣ выше города, былъ оставленъ на попеченіе больныхъ и слабыхъ: они дали нѣсколько выстрѣловъ и сдались военно-плѣнными.

Весь день 16-го іюня былъ жаркій до невозможности: температура доходила до 38 градусовъ на солнцѣ. У меня сдѣлался приливъ крови къ головѣ; только съ наступленіемъ вечерней прохлады я почувствовалъ себя лучше, послѣ холодныхъ компрессовъ.

Къ 10 часамъ вечера со всѣхъ мѣстъ получились точныя свѣдѣнія о непріятеля. Положеніе моего отряда было растянуто въ полномъ несоотвѣтствіи съ его силами. Цѣль достигнута вполнѣ: непріятельскій лагерь и всѣ его запасы въ Арануч уничтожены, равномѣрно, какъ складъ оружія и патроновъ. Желая отступить спокойно, холодкомъ, я отдалъ приказаніе немедленно отходить назадъ, въ свою крѣ-

пость, т. е. опять въ Момонелисы. Прикрывать меня во время пути должны были Кубанскіе казаки Полтавскаго полка полковника князя Эристова, много и отлично потрудившіеся въ этотъ славный день.

Къ утру отрядъ благополучно достигъ своего бивуака и имѣлъ здѣсь дневку.

Наканунѣ пѣхота съ боемъ сдѣлала не менѣе 50 верстъ, на долю кавалеріи труды выпали еще большіе.

Турки такъ были ошеломлены, что насѣдать на насъ при обратномъ движеніи даже и не надумались.

Вся потеря отряда исчислялась не болѣе, какъ въ 80 человѣкъ раненыхъ и 18 убитыхъ.

К. В. Комаровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Австрія и Россія послѣ Крымской войны [1]).

I.

Двуличное отношеніе Австріи къ Россіи во время конференціи въ Вѣнѣ и заключенія парижскаго договора.

Во время переговоровъ объ основаніяхъ мира, которые велись на конференціи въ Вѣнѣ, пока военныя событія чередовались подъ Севастополемъ, въ теченіе 1854 и 1855 гг., русскій уполномоченный князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, отстаивая шагъ за шагомъ законныя права своего государя, защищался не столько отъ открытаго наступленія уполномоченныхъ Великобританіи и Франціи, сколько отъ коварнаго образа дѣйствій уполномоченнаго Австріи, императоръ которой, прикидываясь другомъ государя Николая Павловича, сказалъ князю Горчакову на аудіенціи (21-го декабря 1854 г. 2-го января 1855 г.), что онъ никогда не дастъ своего согласія на такую комбинацію, которая была бы противна достоинству русскаго императора—„Avant toute chose, je vous prie, d'être persuadé que jamais mon nom ne se trouvera attaché à une condition qui blesserait son honneur ou sa dignité (de l' empereur Nicolas) [2]).

Довѣряя слову императора Франца-Іосифа, князь Горчаковъ вы-

---

[1]) Настоящая статья выдѣлена изъ особаго историческаго изслѣдованія того же автора о проливахъ „Босфоръ и Дарданеллы“ и составлена на основаніи дипломатической переписки, хранящейся въ СПБ. Главномъ Архивѣ мин. ин. дѣлъ. Въ это изслѣдованіе, которое уже появилось изъ печати, означенная статья не вошла.

[2]) СПБ. Главный архивъ. 1854 Vienne. Réc. dép. 21 décemdre (2 janvier) № 276.

сказался за обсужденіе конференціею задачи объ уменьшеніи русскаго преобладанія въ Черномъ морѣ [1]). Желая соблюсти слово, данное Францемъ-Іосифомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ понудить русскаго представителя къ уступкамъ, австрійскій уполномоченный на конференціи министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Буоль въ бесѣдѣ съ княземъ Горчаковымъ настаивалъ на томъ, что русскій императоръ долженъ былъ въ интересахъ мира самъ добровольно поступиться своими верховными правами въ Черномъ морѣ и ограничить число своихъ военныхъ судовъ. На такое предложеніе князь Горчаковъ возразилъ, что малѣйшій намекъ, выраженный однимъ изъ членовъ конференціи, на ограниченіе свободы дѣйствій нашихъ военныхъ судовъ [2]) въ Черномъ морѣ повлечетъ за собой безусловный отказъ съ нашей стороны въ обсужденіи такого предложенія, но что если уполномоченные положатся на чувство справедливости императора и довѣрятъ ему, не входя ни въ какія-либо соображенія, пріисканіе средствъ къ успокоенію Европы въ отношеніи русскаго флота, то онъ готовъ былъ представить высказанное уполномоченными желаніе на усмотрѣніе государя (ad referendum) [3]).

Когда же изъ хода переговоровъ князь Горчаковъ убѣдился въ томъ, что стремленія уполномоченныхъ клонятся къ запрещенію Россіи свободной постройки въ Черномъ морѣ военныхъ судовъ въ неограниченномъ числѣ, онъ, помня обѣщаніе Франца-Іосифа никогда не допускать умаленія верховныхъ правъ русскаго императора и его предложеніе всегда обращаться къ нему въ случаѣ недоразумѣнія, просилъ аудіенціи у австрійскаго императора [4]). Напрасно князь Горчаковъ ее ожидалъ, она ему не была дана. Такое обращеніе съ нимъ вызвало съ его стороны сообщеніе графу Нессельроде слѣдующей телеграммы: „Buol agit en fourbe, notre histoire parle trop haut; sur plus d' une de ses pages se trouve la preuve que l' Autriche nous a toujours trahis, quand cela lui convenait“ [5]). (Буоль дѣйствуетъ, какъ плутъ, наша исторія говоритъ слишкомъ громко; не одна ея страница служитъ доказательствомъ того, что Австрія насъ всегда предавала, когда ей было это выгодно). Такое заключеніе князя Горчакова вполнѣ подтвердилось въ теченіе дальнѣйшихъ переговоровъ въ Вѣнѣ, когда, по предложенію Австріи, число русскихъ военныхъ судовъ было сперва опредѣлено составомъ судовъ, плававшихъ въ то время въ Черномъ морѣ (bâtiments actuellement

[1]) 1854. Vienne. Réc. dép. 22 décemdre № 278 (3 janvier).
[2]) 1855. Vienne. I. Réc. dép. 9/21 janvier № 14.
[3]) 1855. Vienne. II. Réc. dép. 12/24 mars № 120.
[4]) 1859. Vienne. II. Réc. dép. 8/20 avril № 162.
[5]) 1855. Vienne. III. Réc. tél. 12/24 avril № 808.

à flot dans l' Euxin) [1]). Это выраженіе, придуманное графомъ Буолемъ, имѣло не вполнѣ понятное значеніе, такъ какъ весь русскій флотъ въ Черномъ морѣ погибъ или былъ потопленъ. Австрійскій министръ прибѣгъ къ хитрости и увертк̀ѣ для того, чтобы оправдать свои дѣйствія. Онъ, какъ будто, преклонялся передъ верховными правами русскаго императора, признавъ справедливымъ Россіи и Турціи самимъ предоставить опредѣленіе числа судовъ, которыми онѣ располагали бы въ Черномъ морѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ своею оговоркою онъ доводилъ число русскихъ судовъ до нуля.

Затѣмъ, когда въ концѣ 1855 года установились окончательныя условія мира, Австрія настояла на томъ, чтобы опредѣленіе размѣра морскихъ силъ, которыя Россія и Турція признали бы необходимымъ содержать, отнюдь не зависѣло отъ прямого соглашенія между ними, но чтобъ этотъ размѣръ былъ опредѣленъ въ особой конвенціи, одобренной всѣми державами, которая не могла быть уничтожена, ни измѣнена безъ ихъ согласія [2]).

Такимъ образомъ умаленіе верховныхъ правъ русскаго государя было достигнуто Англіей и Франціей, только благодаря коварному образу дѣйствій австрійскаго императора, который, несмотря на данное имъ слово не допускать сдѣлки противной достоинству государя, черезъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, постоянно настаивалъ на ограниченіи русскихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ и произвелъ на русское правительство окончательное давленіе для принятія предварительныхъ условій мира, выработанныхъ Австріей совмѣстно съ побѣдителями. Въ силу этихъ условій верховныя права Россіи въ Черномъ морѣ были попраны; ей были запрещены содержаніе и учрежденіе арсеналовъ на берегу Чернаго моря и ограничено до послѣдней степени число ея военныхъ кораблей; проливы остались закрытыми для нихъ за исключеніемъ судовъ сторожевыхъ и прислуживавшихъ посольству въ Константинополѣ.

Двуличная политика Австріи обнаружилась еще яснѣе послѣ Парижскаго договора, 30-го марта 1856 г., когда она совмѣстно съ Англіею потребовала отъ Наполеона исполненія обязательства, которое вытекало изъ акта, подписаннаго въ Вѣнѣ 14-го ноября 1855 г. представителями Австріи, Англіи и Франціи и въ силу котораго, по заключеніи мира съ Россіею, правительства этихъ государствъ должны были поручиться между собою особою конвенціею за независимость и цѣлость оттоманской имперіи. Въ силу этой конвенціи,заклю-

[1]) 1855. Vienne. IV. Réc. № 1175, dép. 24 maie 5 juin) № 245.
[2]) 1855. Autriche. Réc. Esterhazy, dép. de Buol 16 décembre.

ченной въ Парижѣ, 3 (15-го) апрѣля 1856 г., всякое нарушеніе договора 18 (30-го) марта 1856 года служило для державъ, подписавшихъ конвенцію, поводомъ къ войнѣ.

Только 15 дней спустя послѣ подписанія этой конвенціи французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Валевскій счелъ умѣстнымъ сообщить о ней русскому уполномоченному на парижскомъ конгрессѣ графу Орлову [1]), который замѣтилъ въ своей депешѣ, что парижскому кабинету приличнѣе было бы сдѣлать это сообщеніе двумя недѣлями ранѣе, но съ другой стороны графъ Орловъ не допускалъ задней мысли со стороны французскаго правительства, такъ какъ оно могло и не предупреждать насъ о состоявшейся сдѣлкѣ. „Если я не ошибаюсь, продолжалъ графъ Орловъ, Австрія и Англія нарочито воспользовались этой комбинаціею съ цѣлью очернить Францію въ нашемъ мнѣніи и тѣмъ повредить нашимъ сношеніямъ, кажущаяся откровенность которыхъ начинала уже сильно безпокоить вѣнскій и лондонскій дворы“.

На этой депешѣ государь сдѣлалъ слѣдующую помѣту: „Cette conduite de la France envers nous n'est pas loyale et doit nous servir de norme du degré de confiance que Napoleon paraît nous inspirer“ (это поведеніе Франціи въ отношеніи къ намъ не искренно и должно служить мѣриломъ довѣрія, которое Наполеонъ внушилъ намъ).

Сообщая текстъ самой конвенціи при слѣдующей депешѣ [2]), графъ Орловъ пояснилъ, что французское правительство изложило конвенцію въ общихъ выраженіяхъ, не упоминая въ ней о Россіи во избѣжаніе неудовольствія съ ея стороны, но оно само поняло, что существованіе такого акта, коль скоро оно стало бы извѣстнымъ русскому правительству, должно было породить въ немъ обвиненіе Франціи въ коварствѣ; почему парижскій кабинетъ, въ предотвращеніе такого упрека, счелъ необходимымъ раскрыть русскому правительству всѣ обстоятельства, вынудившія Францію исполнить обязательство, принятое ею на себя передъ Австріею и Англіею актомъ, подписаннымъ въ Вѣнѣ 14-го ноября 1855 г. Графъ Орловъ выразилъ [3]) Валевскому свое удивленіе по поводу того, что онъ такъ поздно повѣдалъ ему о существованіи конвенціи, упрекнувъ его въ недостаткѣ прямоты, что̀ не согласовалось съ отношеніями, существовавшими между нами, и замѣтивъ, что заключеніе особой конвенціи оскорбляло насъ недовѣріемъ къ обязательствамъ, принятымъ нами на себя, по только-что подписанному договору. Наполеонъ счелъ своимъ долгомъ оправ-

---

[1]) 1856. Paris, II. Comte Orloff. Réc. № 658, tél. 18 (30 avril) № 86.
[2]) 1856. Paris. Réc. № 718, dép. 19 avril (12 mai) № 91.
[3]) 1856 Paris. II. C-te Orloff. Réc. № 668, tél. 21 avril (3 mai) № 93.

дать свои дѣйствія настояніями графа Буоля и лорда Кларендона [1]), а императрица Евгенія [2]) высказала графу Орлову на прощальной аудіенціи, опасенія, какъ бы мы не считали Наполеона обманщикомъ за подписаніе имъ конвенціи 15-го апрѣля, „но я знаю отъ Валевскаго, сказала она, что англичане и австрійцы непремѣнно настаивали на подробномъ опредѣленіи поводовъ къ войнѣ; Наполеонъ безусловно отвергъ ихъ предложеніе, объявивъ: „я подпишу только одну общую формулу, такъ какъ я исключительно самому себѣ предоставляю рѣшить, въ чемъ заключается поводъ къ войнѣ“.

II.

Австрія платится за свое двуличное отношеніе къ Россіи пораженіемъ, нанесеннымъ ей Наполеономъ III. Она ищетъ сближенія съ нею на почвѣ отмѣны нѣкоторыхъ постановленій парижскаго договора.

Россія, разбитая союзными войсками на Крымскомъ полуостровѣ, потерявшая часть Бессарабіи, лишившаяся своего флота и приниженная въ своихъ верховныхъ правахъ въ Черномъ морѣ, тщетно пыталась въ теченіе 15 лѣтъ сбросить съ себя путы, стѣснявшія ея развитіе и оскорблявшія ея достоинство, какъ государства. Стремленіе ея освободиться отъ нихъ очень ясно понималось западною Европою; имъ пользовалась то та, то другая держава, чтобы заманить Россію въ свой лагерь. Отмѣна ограничительныхъ постановленій парижскаго договора служила приманкой для Наполеона, чтобы привлечь Россію на свою сторону въ 1858 г. передъ войною съ Австріею,— для Австріи въ 1859 г. послѣ этой войны и въ 1867 г. послѣ пораженія, нанесеннаго ею Пруссіей. Но каждый разъ Россіи предстояло или втянуться въ обще-европейскую войну, которую замышлялъ Наполеонъ III для осуществленія своей завѣтной мысли объ отмѣнѣ постановленій вѣнскаго конгресса 1815 г. относительно границъ Франціи, или же передать вопросъ, затрогивавшій честь русскаго государства на разрѣшеніе конгресса державъ. Благоразуміе требовало избѣгать обще-европейской войны, а отъ созыва конгресса уклонялась то Австрія, то Англія, которая не скрывала своего нерасположенія къ пересмотру постановленій парижскаго договора, нарушившихъ верховныя права Россіи.

Миръ, завершившій крымскую войну, состоялся, благодаря усиліямъ Наполеона III, такъ какъ его союзница Англія была настроена

[1]) 1856. Paris. II. Baron Brunnow. Réc. № 901; dép. 11 (23 mai) № 115.
[2]) 1856. Paris. II. C-te Orloff. Réc. № 679; dép. 27 avril (4 mai) № 95.

воинственно, и общественное мнѣніе въ этомъ государствѣ требовало продолженія военныхъ дѣйствій. Но императоръ французовъ считалъ свое честолюбіе удовлетвореннымъ и желалъ сближенія съ русскимъ императоромъ, который не чуждался его, но остерегался политическихъ увлеченій Наполеона. Въ секретныхъ инструкціяхъ, данныхъ графу Орлову, передъ его отъѣздомъ на парижскій конгрессъ [1]), указывалось, что государь желалъ сохранить свою полную свободу дѣйствій. Россія не нуждалась въ заключеніи поспѣшныхъ союзовъ съ цѣлью вернуть себѣ въ Европѣ то политическое вліяніе, которымъ она пользовалась такъ долго. Мы однако не имѣли въ виду оставаться добровольно въ одиночествѣ. Мы должны были остерегаться Наполеона, такъ какъ намъ не было извѣстно, что онъ думалъ предпринять изъ чувства собственнаго самосохраненіи, почему мы не могли впередъ связать себя съ его политикою. Но съ другой стороны благоразуміе требовало, чтобы мы снискали его расположеніе, доказавъ ему, что безъ прямого участія Россіи никакая коалиція противъ него и его династіи не была бы возможна, ни осуществима, независимо отъ того, какія стремленія господствовали бы въ остальной Европѣ.

Послѣ заключенія мира графъ Нессельроде писалъ графу Орлову опредѣленѣе [2]) о томъ положеніи, въ которомъ очутилась Россія: „Союзъ трехъ сѣверныхъ дворовъ уже болѣе не существуетъ. Швеція на сѣверѣ, Турція на югѣ находятся въ новыхъ и сложныхъ условіяхъ въ отношеніи къ намъ. Англія недовольна заключеннымъ миромъ. Составныя части коалиціи и причины, ее вызвавшія, продолжаютъ существовать. Единственное ваше спасеніе противъ возобновленія раздора находится въ расположеніи Наполеона. Посему всѣ наши усилія должны сосредоточиться на томъ, чтобы сохранить это расположеніе, не обязываясь однако слѣдовать за Наполеономъ въ его предпріятіяхъ“. Прощаясь съ графомъ Орловымъ, Наполеонъ высказалъ [3]) ему надежду на то, что тѣ же симпатіи, которыя существуютъ между обоими народами, окрѣпнутъ еще болѣе отъ соглашенія, установившагося между обоими государями. „Это чувство моего сердца, прибавилъ онъ въ большомъ волненіи, съ слезами на глазахъ“. Императоръ Александръ II сдѣлалъ на депешѣ слѣдующую помѣту: „tout cela serait très-bien, si c'était sincère“, (все это было бы очень хорошо, если бы это было искренно).

Въ теченіе послѣдовавшаго времени между с.-петербургскимъ и

---

[1]) 1856. Paris. VI, Exp. № 40, dép. 30 janvier, instructions secrètes sur des alliances futures possibles.

[2]) 1856. Paris. VI. Exp. № 120, dép. 5 avril.

[3]) 1856. Paris. II. C-te Orloff. Réc. № 840; tél. 12 (24) mai № 119.

парижскимъ дворомъ завязались очень дружескія сношенія, выразителями которыхъ были приближенный къ государю Александру Николаевичу генералъ-адъютантъ графъ Киселевъ, назначенный посломъ при Тюльерійскомъ дворѣ и близкій къ Наполеону III герцогъ Морни, а затѣмъ герцогъ Монтебелло, состоявшій посломъ въ С.-Петербургѣ. Оба императора имѣли свиданіе въ сентябрѣ 1857 г. въ Штутгардѣ; на немъ, между прочимъ, былъ затронутъ вопросъ о томъ, что, въ случаѣ замышлявшейся уже тогда Наполеономъ войны съ Австріей въ Италіи, мы выставили бы обсерваціонный корпусъ на австрійской границѣ; съ своей стороны Наполеонъ споспѣшествовалъ бы намъ отмѣнѣ постановленій парижскаго договора, ограничившихъ верховныя права Россіи въ Черномъ морѣ. Этотъ же вопросъ послужилъ предметомъ особыхъ переговоровъ, бывшихъ въ сентябрѣ 1858 г. въ Варшавѣ, куда прибылъ отъ лица императора французовъ его двоюродный братъ принцъ Наполеонъ на свиданіе съ государемъ Александромъ Николаевичемъ. Встревоженный состоявшимся между Россіей и Франціей сближеніемъ берлинскій кабинетъ въ концѣ декабря 1858 г. обратился къ императорскому министерству съ запросомъ о томъ, не существовало ли между нами и Франціею соглашеніе, вслѣдствіе котораго мы бы обязались, въ случаѣ войны Австріи съ Франціею въ Италіи, дѣйствовать противъ Германіи [1]). Князь Горчаковъ отвѣтилъ прусскому министерству, что между Россіей и Франціей никогда не обсуждался вопросъ о коалиціи противъ германскаго союза, но что если онъ призналъ бы себя вынужденнымъ участвовать къ какой-либо борьбѣ, не имѣвшей никакого касательства къ интересамъ германскимъ, то мы бы усмотрѣли въ ней не германскія выгоды, а политическіе расчеты, съ которыми намъ бы пришлось сообразоваться.

Нѣсколько времени спустя, великобританское министерство запросило насъ, не было ли возможности предотвратить угрожавшую войну изъ-за итальянскихъ дѣлъ. Князь Горчаковъ отвѣтилъ, что государь не желалъ войны, но не принималъ на себя почина въ посредничествѣ. Мы поставили себѣ въ отношеніи Пруссіи задачей удерживать ее въ нейтралитетѣ; воздержаніе ея раздражало Австрію, которая надѣялась на ея помощь, что̀ не помѣшало Австріи однако отклонить англійскія предложенія о преобразованіяхъ въ ея итальянскихъ владѣніяхъ. Сдерживая Пруссію, мы, съ другой стороны, умѣряли замыслы Наполеона насчетъ германскаго союза, требуя отъ него декларації о неприкосновенности германскихъ областей. Но онъ, уклонившись отъ такого заявленія, не удовольствовался манифестаціею, произведенной нами согласно уговору на австрійской границѣ,

[1]) 1859 г. Всеподданнѣйшій отчетъ за 1858 г.

просилъ насъ двинуть обсерваціонный корпусъ къ прусской границѣ, въ чемъ мы ему отказали, такъ какъ подобная мѣра только бы заставила Пруссію выйдти изъ занятаго ею нейтральнаго положенія. Увлеченный своимъ воображеніемъ, Наполеонъ задумалъ, кромѣ того, произвести диверсію въ Адріатическомъ морѣ, поднять славянъ въ Австріи, и даже въ Турціи, чтобы сразу разрѣшить обѣ задачи, и тѣмъ объединить наши интересы съ его собственными. Не безъ труда и не безъ ущерба нашимъ дружескимъ сношеніямъ пришлось уговорить Наполеона не прибѣгать къ такимъ опаснымъ мѣрамъ.

Въ виду усложненій и съ цѣлью предотвращенія войны графу Киселеву [1]) было поручено предложить французскому правительству созывъ конгресса по итальянскимъ дѣламъ для установленія того, что Италія находилась тогда въ условіяхъ, противорѣчащихъ всеобщему равновѣсію и не согласныхъ съ европейскимъ публичнымъ правомъ, что такое состояніе угрожало спокойствію Европы и что оно служило источникомъ постоянныхъ смутъ. Наполеонъ одобрилъ мысль о созывѣ конгресса [2]); это предположеніе было сообщено лондонскому кабинету, который обидѣлся за то, что Россія его опередила въ этой мысли. Вопросъ о конгрессѣ затѣмъ потерпѣлъ неудачу, вслѣдствіе коварства Австріи, объявившей войну Сардиніи. Между тѣмъ, въ виду настоятельныхъ стараній Наполеона привлечь Россію къ дѣятельному участію въ предстоявшей войнѣ съ Австріей, князь Горчаковъ писалъ графу Киселеву [3]): „необходимо Наполеону понять, что государь, не колеблясь исполнить въ полномъ объемѣ обѣщанія, которыя онъ ему сдѣлалъ, долженъ обосновать свое дѣятельное участіе въ войнѣ на выгодахъ; при наличности послѣднихъ онъ не призадумался бы ни на одно мгновеніе. Въ дѣйствительности же причастны ли онѣ къ этой войнѣ? Настоящее положеніе имѣетъ свои неудобства, но главнымъ и единственно существеннымъ неудобствомъ являются условія парижскаго договора, несовмѣстимыя съ достоинствомъ государства перваго разряда. Мы не вѣримъ ихъ продолжительности. Европа знаетъ, а если она еще недостаточно прониклась этимъ, то каждый протекшій день долженъ усилить ея убѣжденія въ томъ, что, пока существуютъ эти узы, связывающія Россію, она будетъ держаться въ сторонѣ отъ всякихъ общихъ могущихъ возникнуть волненій. Устраненіе такой державы, какъ Россія, образуетъ пробѣлъ, который нѣтъ возможности восполнить; онъ надолго будетъ служить препятствіемъ къ установленію нормальнаго положенія между

---

[1]) 1859. Paris. IV. Exp., lettre 21 février.
[2]) 1859. Paris. I. Réc., lettre du C-te Kisselew 4 (16) mars.
[3]) 1859. Paris. IV. Exp., lettre 22 mars.

различными государствами Европы. Мы въ состояніи ждать, пока это убѣжденіе не вкоренится настолько глубоко, чтобы Европа сама признала необходимымъ пріискать средства врачеванія. Между тѣмъ это средство вполнѣ извѣстно. Пользуясь промежуткомъ времени, мы путемъ преобразованій постепенно увеличимъ свои силы и свое могущество. Но положимъ, что мы настолько были бы нетерпѣливы, что не выждали бы этихъ результатовъ, поможетъ ли намъ дѣятельное участіе въ войнѣ между Австріей и Франціей ихъ достиженію? При каждомъ обращеніи нашемъ къ Наполеону съ указаніемъ на тѣ условія парижскаго договора, которыя насъ особенно стѣсняютъ, онъ намъ отвѣчалъ не болѣе какъ выраженіемъ своихъ пожеланій и засвидѣтельствованіемъ своихъ усилій. Я чистосердечно прибавлю, что болѣе онъ намъ не могъ обѣщать и что неопредѣленность этого отвѣта указывала даже на искренность его словъ". На основаніи этихъ соображеній графу Киселеву поручалось княземъ Горчаковымъ внушить въ откровенной бесѣдѣ Наполеону, что государь не остановился бы передъ войною, если бы того требовали выгоды государства, но что въ ту минуту онѣ не выяснились.

Въ отвѣтъ на это письмо князя Горчакова графъ Киселевъ сообщилъ [1]), что, по мнѣнію Наполеона, моментъ былъ благопріятемъ для осуществленія задуманной отмѣны договоровъ 1815 и 1856 гг., которая не могла бы быть произведена иначе какъ путемъ войны; почему Наполеонъ предлагалъ воспользоваться наступавшею, чтобы съ цѣлью выгодъ обѣихъ имперій привести въ исполненіе предначертанія ихъ государей. Но Александръ II не послѣдовалъ предложеніямъ императора французовъ. Онъ рѣшился занять выжидательное положеніе, такъ какъ оно соотвѣтствовало и выгодамъ и средствамъ Россіи [2]).

Мы поставили обсерваціонный корпусъ на нашихъ западныхъ границахъ, утаивъ его ближайшее предназначеніе. Расчетъ заключался въ томъ, что если бы при такой демонстраціи война была локализирована и Наполеонъ могъ справиться одинъ съ австрійскими войсками, цѣль была бы достигнута; если бы, напротивъ, война приняла такой размѣръ, при которомъ намъ не было бы выгодно оставаться зрителями, мы, свободные отъ всякаго обязательства, приняли бы то участіе въ борьбѣ, которое намъ бы заблагоразсудилось. Это рѣшеніе состоялось наканунѣ полученія государемъ собственноручнаго письма Наполеона [3]), увѣдомлявшаго его о томъ, что онъ вы-

[1]) Paris. 1859. Réc., lettre 7 (19) avril.

[2]) Paris. 1859. Exp., lettre 5 mai.

[3]) 1859, France, empereur. Réc. № 91?, lettre autographe de Napoléon III 5 mai 1859, reçue le 6 (18) mai.

ступалъ въ походъ и расчитывалъ на обѣщанное ему содѣйствіе, онъ писалъ между прочимъ: „V. M. me permettra de lui dire, il faut que cette attitude soit bien nette et bien dessinée. C'est à ce prix seulement que la diversion, que V. M. m'avait promis d'exécuter vers la Galicie, peut avoir d'heureux résultats, car pour le présent, l'Autriche n'ayant aucune crainte pour ces frontières du Nord, elle les a complétement dégarnies" (ваше величество позволитъ мнѣ сказать слѣдующее: необходимо, чтобъ это положеніе было яснымъ и хорошо обрисованнымъ; только за эту цѣну диверсія, которую ваше величество мнѣ обѣщало исполнить въ сторону Галиціи, можетъ принести хорошій результатъ, такъ какъ въ настоящее время Австрія, не опасаясь за свои сѣверныя границы, ихъ совершенно оголила). Въ отвѣтномъ письмѣ Александра II [1]) говорилось, что занятое имъ нейтральное положеніе благосклонное по отношенію къ Франціи, которое онъ обѣщалъ Наполеону, и вызванныя тѣмъ военныя и политическія мѣры оказались вполнѣ дѣйствительными и что было бы невыгоднымъ измѣнить это положеніе, придавъ ему болѣе рѣшительный характеръ, такъ какъ неизвѣстность, которою были облечены намѣренія русскаго императора, служила тормозомъ вполнѣ необходимымъ, какъ это доказали событія. Неизвѣстность намѣреній Россіи очень озабочивала австрійскій дворъ. Помимо министра иностранныхъ дѣлъ графа Буоля фельдмаршалъ князь Виндишгрецъ убѣждалъ Франца-Іосифа отправить его въ С.-Петербургъ, чтобы получить отъ Александра II увѣреніе въ томъ, что Россія не нападетъ на Австрію, при чемъ, какъ выразился князь Виндишгрецъ нашему посланнику Балабину [2]), онъ надѣялся получить это увѣреніе подъ условіемъ отмѣны нѣкоторыхъ статей парижскаго договора. Балабинъ старался его отговорить отъ поѣздки въ С.-Петербургъ, доказывая, что онъ могъ бы натолкнуться на безповоротное рѣшеніе государя. Но иначе взглянулъ на это князь Горчаковъ; въ своемъ докладѣ государю [3]) онъ выразилъ сожалѣніе, что Балабинъ такъ рѣшительно отговаривалъ Виндишгреца отъ поѣздки въ С.-Петербургъ. „Это насъ ни къ чему не обязывало бы, говорилъ князь Горчаковъ въ своемъ докладѣ, тогда какъ формальный починъ, который бы приняла Австрія, предложивъ измѣнить парижскій договоръ, послужилъ бы полезнымъ прецедентомъ. Посылка такого виднаго сановника, какъ Виндишгреца, имѣла бы значеніе явнаго засвидѣтельствованія императоромъ Францомъ-Іосифомъ своего уваженія могуществу вашего величества, хотя бы это порученіе осталось безъ послѣдствій для австрійскихъ инте-

[1]) 1859. France, empereur. Exp. № 272, lettre autographe 6 mai.
[2]) 1859, Vienne. Réc., tél. 21 avril (3 mai).
[3]) 1859 г., доклады 22-го апрѣля.

ресовъ". Вслѣдствіе предписанія, даннаго Балабину, не препятствовать пріѣзду князя Виндишгреца, онъ увѣдомилъ князя Горчакова [1]), что фельдмаршалъ отправлялся по личному порученію австрійскаго императора безъ участія графа Буоля, миссія князя Виндишгреца однако не состоялась [2]); ей противился графъ Буоль, который вскорѣ послѣ того былъ отстраненъ; какъ на причину его увольненія указывали на необходимость сближенія съ Россіей и устраненія разрыва съ Пруссіею [3]).

Итальянскій походъ Наполеона кончился перемиріемъ, внезапно заключеннымъ имъ въ Виллафранкѣ 12-го іюля 1859 г. Впослѣдствіи въ собственноручномъ письмѣ [4]) Наполеонъ, признавъ, что Александръ II сдѣлалъ все возможное для предотвращенія войны, а по ея объявленіи для ограниченія ея предѣловъ въ угоду Франціи объяснилъ, что однимъ изъ соображеній, побудившихъ его заключить миръ, было желаніе избѣгнуть усложненій, которыя не согласовались бы съ политикою Россіи въ виду расширенія района военныхъ дѣйствій, ожидавшагося возстанія Венгріи, могущаго распространиться на смежныя области.

С. Горяиновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) 1859. Vienne. Réc., tél. 24 avril.
[2]) 1859, Vienne. Réc., tél. 27 avril (9 mai), 29 avril (11 mai).
[3]) 1859, Vienne, Réc., tél. 1 (13) mai, 3 (15) mai.
[4]) 1859, France, empereur. Réc. № 1799, lettre autographe du 4 septembre.

Введеніе русскаго языка въ Остзейскихъ губерніяхъ.

19-го декабря 1836 г. (П. С. З. № 9792 *а*) [1]) императоръ Николай I повелѣлъ строго подтвердить Дерптскому университету, чтобы никто не былъ удостоиваемъ званія дѣйствительнаго студента, кандидата и лекаря безъ достаточнаго знанія русскаго языка. За тѣмъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе (22 января 1837. П. С. З. № 9893), чтобы по истеченіи 3-хъ лѣтъ никто изъ уроженцевъ Остзейскихъ губерній не былъ опредѣляемъ учителемъ въ гимназіи или въ училище, если не будетъ способенъ преподавать предметъ на русскомъ языкѣ. По Высочайше утвержденному 15-го декабря 1837 г. всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія графа Уварова было однако повелѣно отсрочить до 1845 года силу указа 19-го декабря 1836 года относительно требованія знанія русскаго языка отъ воспитывающихся въ заведеніяхъ Дерптскаго округа. Графъ Уваровъ, находя, что вышепоказанное постановленіе о преподавателяхъ (1837 года) состоитъ въ прямой связи съ симъ послѣднимъ указомъ, всеподданнѣйше испрашивалъ 23 декабря 1839 года, не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству повелѣть, чтобы и дѣйствіе этого постановленія было также отсрочено до 16 декабря 1845 года.

На этомъ докладѣ послѣдовала слѣдующая Высочайшая резолюція. „*Это* не есть послѣдствіе сего указа, ибо согласиться на отсрочку назначенія учителей значило бы опять отсрочить и послѣдствія недостатка въ оныхъ; напротивъ того нынѣ же *пріискать* и *назначить*“.

Послѣ этого графъ Уваровъ черезъ пять дней, 28 декабря 1839 г., докладывалъ, что во исполненіе этого Высочайшаго приказанія назначены имъ *нынѣ вновь* въ учители русскаго языка одиннадцать воспитанниковъ главнаго Педагогическаго Института въ гимназіи: Дерптскую, Рижскую, Митавскую и Ревельскую и въ Ревельское Домское училище и, наконецъ, въ уѣздныя училища: Дерптское, оба Рижскія, Ревельское, Перновское и Митавское.

Государь Императоръ на этомъ докладѣ написалъ карандашемъ: „*хорошо начало*“.

Сообщ. П. Майковъ.

[1]) Этотъ указъ помѣщенъ въ *прибавленіяхъ* къ XII тому Пол. Собр. Законовъ, за 1837 г., отдѣленіе 2, стр. 39, изъ дѣла II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. 1839 г. № 149 а.

Портъ-Артурская эскадра наканунѣ гибели.

(СЪ ПЛАНОМЪ).

I.

Критическимъ временемъ русско-японской войны морской историкъ непремѣнно будетъ считать періодъ между 31 марта по 28 іюля 1904 г., т. е. со дня гибели броненосца „Петропавловска“ съ командующимъ флотомъ вице-адмираломъ Макаровымъ, по день смерти другого командующаго на „Цесаревичѣ“—контръ-адмирала Витгефта.

И въ самомъ дѣлѣ, Портъ-Артурская эскадра въ названный періодъ времени могла исправить всѣ причиненныя ей поврежденія въ ночь на 27 января, прорваться во Владивостокъ,—эту новую, болѣе надежную базу, безпокоить оттуда и громить японскія побережья, уничтожать дессантные транспорты, преслѣдовать торговое мореходство и лишить Японію подвоза военныхъ припасовъ изъ Европы и Америки [1]).

Наши эскадренные броненосцы въ ожиданіи флота Рожественскаго во Владивостокѣ были бы приведены въ полнѣйшую исправность за это время, а эскадра Того не имѣла бы досуга для отдыха, перемѣны разстрѣлянныхъ подъ Портъ-Артуромъ орудій, переборки механизмовъ и т. д.

Наконецъ, наша эскадра, прорвавшись изъ П.-Артура, могла уйти на югъ, навстрѣчу эскадрѣ Рожественскаго.

---

[1]) Въ 1904 году было ввезено въ Японію товаровъ на 488.538.000 іенъ. Противъ предыдущаго года эта сумма увеличилась на 117 м., или на 32%. Японское м-во финансовъ это увеличеніе объясняетъ покупкою въ Европѣ и въ Америкѣ военныхъ матеріаловъ. Изъ Англіи было ввезено въ этомъ году такихъ матеріаловъ на 74 м., изъ Соединенныхъ Штатовъ на 58 м., изъ Германіи на 28 м. Всѣ военные грузы—контрабанда въ военное время, и всѣ они или большая часть прошли Краснымъ моремъ или вокругъ Африки Зондскимъ проливомъ, гдѣ крейсеры наши могли дѣйствовать круглый годъ.

Въ Японіи, повидимому, ясно понимали, что болѣе или менѣе счастливый исходъ войны зависитъ не отъ паденія Артура, или выиграннаго сраженія подъ Ляояномъ, а отъ конечнаго уничтоженія нашего флота, или приведенія его въ состояніе безусловной невозможности дѣйствовать въ открытомъ морѣ. Это соображеніе оправдывало и предательскую минную атаку 26 января и бѣшеныя попытки заградить выходъ изъ Портъ-Артура.

Уничтожая нашъ флотъ, японцы подготовляли паденіе Владивостока въ случаѣ успѣховъ своего оружія на континентѣ, и безопасное возвращеніе своихъ дессантныхъ армій на родину, въ случаѣ катастрофы въ Маньчжуріи. Слова генерала Куропаткина, сказанныя при отъѣздѣ въ армію изъ Петербурга, повторялись не только всѣми въ Россіи, но и въ Японіи. А этотъ генералъ, назначенный самостоятельнымъ и отвѣтственнымъ командующимъ Маньчжурской арміи, обѣщалъ заключить миръ лишь въ Токіо, чего нельзя было исполнить безъ помощи и услугъ военнаго флота и господства его въ Японскомъ морѣ.

Нельзя ни минуты упускать изъ вида, что, занявъ Портъ-Артуръ въ 1898 году и начавъ этимъ, по выраженію бывшаго министра финансовъ, нынѣ графа С. Ю. Витте, политику приключеній, мы не придавали должнаго значенія возрождающейся на Дальнемъ Востокѣ новой соперницы, Японіи. На усиленіе флота дано было 90 милліоновъ, Квантунскій полуостровъ рѣшено было обратить въ укрѣпленный лагерь. Но морское министерство дѣйствовало чрезвычайно вяло. Шли длинные дебаты о типѣ судовъ, о наивыгоднѣйшемъ использованіи для нашихъ заводовъ ассигнованной суммы. Наше судостроеніе, всегда отличавшееся медленностію и недоброкачественностью, не сдѣлалось лучше отъ увеличенія бюджета морского министерства; личный составъ корпуса офицеровъ, растлѣваемый примѣненіемъ установленнаго ценза, менѣе нежели когда-либо отвѣчалъ требованіямъ современной техники. Въ особенности это замѣчалось въ командномъ персоналѣ флота.

Въ виду состоявшагося въ мартѣ 1902 года Англо-Японскаго договора о союзѣ, военному министру былъ поданъ рапортъ начальникомъ Квантунской области объ укрѣпленіи Портъ-Артура. Въ приложенной запискѣ къ рапорту онъ настаивалъ на усиленіи обороны Квантунскаго полуострова и указывалъ на укрѣпленіе Кинчжоусской позиціи долговременнымъ фортомъ-заставою съ примкнутыми батареями для крѣпостныхъ орудій. Въ началѣ 1903 года снова напоминалось о тѣхъ же нуждахъ крѣпости и указывалось на крайне слабую защиту ея сухопутнаго фронта. Въ томъ же докладѣ было высказано соображеніе о томъ, что Дальній вслѣдствіе развитія

портовыхъ сооруженій и полной беззащитности легко можетъ быть захваченъ непріятелемъ и сдѣлаться для него отличною базою въ операціяхъ противъ Артура. Очевидно, что съ сооруженіемъ Дальняго Кинчжоусская позиція пріобрѣтала еще большее значеніе.

Въ докладѣ, вѣроятно уцѣлѣвшемъ въ архивѣ военнаго министерства, упоминалось и о томъ, что къ веснѣ 1903 года, съ выводомъ нашихъ войскъ изъ южной Маньчжуріи, наше стратегическое положеніе, въ случаѣ войны съ Японіею, будетъ значительно хуже, чѣмъ было въ предыдущемъ, т.-е. въ 1902 г. И въ самомъ дѣлѣ, ухудшеніе наше не уравновѣшивалось потому, что увеличеніе русскихъ морскихъ силъ шло очень вяло, не въ уровень съ приростомъ японскаго флота.

Могло ли военное министерство допустить даже мысль, что вся судьба Квантунскаго полуострова вмѣстѣ съ крѣпостью зависитъ отъ такой случайности, какъ счастливый исходъ морского сраженія?

Перечитывая въ 1903 году въ Портъ-Артурѣ всѣ эти рапорты по возвращеніи изъ Японіи, гдѣ я видѣлъ эскадру ад. Того, я былъ увѣренъ, что флота мы не усиливаемъ и укрѣпленій не сооружаемъ только потому, что съ Японіею заключенъ союзъ и продолжительный миръ гарантированъ цѣною уступки всей Кореи.

Квантунскій полуостровъ, омываемый съ обѣихъ сторонъ на протяженіи тринадцати миль моремъ, при энергіи и единодушныхъ усиліяхъ военнаго и морского вѣдомствъ, дѣйствительно могъ быть обращенъ въ неприступный лагерь. Но военное вѣдомство не торопилось. Между Портъ-Артуромъ и Петербургомъ шла безконечная переписка насчетъ проектированныхъ на мѣстѣ сооруженій. Самостоятельныя и ревнивыя къ власти инженерное и артиллерійское управленія спорили по каждому пункту предложеній изъ Портъ-Артура, время тратилось безполезно.

Въ своихъ разъясненіяхъ о сдачѣ Портъ-Артура г. Стессель между прочимъ писалъ: „Я всегда настаивалъ на укрѣпленіи Дагушаня и Сяогушаня, но инженеры (генералы Величко, Вернандеръ и др.) отвѣчали, что если Дагушань и Сяогушань и будутъ взяты непріятелемъ, то послѣдній, будучи подъ выстрѣлами съ артурскихъ высотъ, тамъ не удержится. Такой же отзывъ былъ данъ этими господами и объ укрѣпленіяхъ на Кумирнской высотѣ“.

Однако генералы ошиблись. Японцы, взявъ названныя высоты, удержались на нихъ. Стессель, какъ видно изъ тѣхъ же разъясненій, просилъ, настаивалъ, доказывалъ генералу Куропаткину на мѣстѣ въ іюлѣ 1903 года, т. е. за шесть мѣсяцевъ до начала войны, объ укрѣпленіи Кинчжоусской позиціи.

Но генералъ Куропаткинъ, какъ читатель увидитъ ниже, уже тогда этой позиціи не придавалъ большого значенія.

Занявъ Портъ-Артуръ въ 1898 году, военное вѣдомство ограничилось сначала только приморской обороной, поставивъ 20 орудій на старыхъ китайскихъ батареяхъ и назначивъ лишь четыре имѣвшихся тамъ баталіона пѣхоты для защиты его.

Затѣмъ, военное вѣдомство, принимая во вниманіе, что сухопутная линія обороны тянется на разстояніи 20 верстъ, предназначило 18.000 человѣкъ для этой цѣли. Но подъ давленіемъ финансовыхъ соображеній и боязни возбудить тревогу въ умахъ впечатлительныхъ японцевъ, военное вѣдомство выразило согласіе не увеличивать гарнизонъ Портъ-Артура свыше 11.300 человѣкъ. При этомъ въ комиссіи, обсуждавшей эти, чрезвычайной важности, вопросы было высказано, что „сила Артура заключается не въ его веркахъ и гарнизонѣ, а въ томъ, что за этимъ пунктомъ *стоитъ вся Россія*“ [1]).

Наконецъ, самъ военный министръ, генералъ Куропаткинъ, за шесть мѣсяцевъ до войны бывшій въ Артурѣ и присутствовавшій на военныхъ маневрахъ въ Японіи, возвратился въ Петербургъ въ іюлѣ настолько успокоеннымъ въ безопасности Квантуна, въ несерьезности вооруженій Японіи и въ правѣ располагать временемъ для сооруженія укрѣпленій въ Артурѣ, во Владивостокѣ, въ Николаевскѣ и на Сахалинѣ, что, несмотря на страстно раздуваемую въ Японіи политическую распрю и приближающуюся грозу, центральныя управленія столицы не особенно торопились исполнить требованія только-что назначеннаго намѣстника. Мало того, осенью 1903 года, какъ бы въ предвидѣніи ненарушимости глубокаго мира Квантунскіе баталіоны уволили очередной контингентъ въ запасъ.

Однимъ словомъ, война захватила насъ врасплохъ. Атака японскихъ миноносцевъ въ ночь на 27 января лишила Портъ-Артурскую эскадру на время трехъ линейныхъ кораблей и этимъ самымъ возможности съ перваго же дня войны оспаривать власть надъ моремъ. Естественно, что всѣ усилія мѣстной власти въ лицѣ намѣстника, назначеннаго тогда же главнокомандующимъ [2]), были направлены къ тому, чтобы сохранить отъ внезапнаго захвата базу для флота хотя бы временно, пока исправятся поврежденные броненосцы, и по узкой, одноколейной стальной лентѣ будутъ доставлены изъ сердца Россіи новыя силы.

И надобно отдать полную справедливость мѣстной власти, проявившей удивительную энергію въ минуты крайней опасности, когда,

---

[1]) Нѣчто о Портъ-Артурѣ и вообще объ организаціи крѣпостной обороны Г. Тимченко-Рубанъ. „Военный Сборникъ“ 1905 г. № 3.

[2]) Были предоставлены права главнокомандующаго.

по словамъ самаго безпристрастнаго корреспондента въ японской арміи, Б. В. Норригаарда [1]), достаточно было японцамъ одновременно съ атакою флота бросить десять тысячъ солдатъ на полуостровъ, чтобы завладѣть полуостровомъ и войти безъ особыхъ усилій въ Портъ-Артуръ.

Къ концу марта, благодаря энергіи на мѣстѣ сдѣлано было такъ много для обороны крѣпости съ моря и суши, что острая опасность внезапнаго захвата уже миновала и, какъ мы знаемъ теперь, экспромптомъ созданная крѣпость держалась почти восемь мѣсяцевъ. Оставалось существенно важнымъ исправить всѣ боевыя единицы и привести ихъ въ состояніе полной пригодности къ борьбѣ съ японскимъ флотомъ въ открытомъ морѣ. За это и принялись съ прибытіемъ намѣстника въ Портъ-Артуръ 2 апрѣля. 13-го мая, по оставленіи Кинчжоусской позиціи, судьба Портъ-Артура выяснилась окончательно. Дѣлаясь съ каждымъ днемъ послѣ высадки десанта въ Бицзиво болѣе и болѣе опасною базою для флота, предоставленною только собственнымъ средствамъ защиты, отступающею арміею Куропаткина, она грозила превратиться, наконецъ, въ ту пропасть, изъ которой уже не могло быть выхода.

Катастрофа совершилась, Портъ-Артурская эскадра, немногимъ уступавшая по численному составу японскому флоту, дѣйствительно ненашла этого выхода и безславно погибла въ мелководныхъ бассейнахъ въ декабрѣ 1904 г. Катастрофа совершилась не внезапно и могла быть, повидимому, предотвращена.

Собранные мною самые достовѣрные матеріалы этого періода войны представляются крайне интересными и не лишены поучительнаго значенія для русскихъ моряковъ вообще и будущихъ флотоводцевъ нашихъ, въ особенности.

II.

Въ ночь съ 30 на 31 марта сквозь густую сѣть дождя съ крейсера „Діаны“, стоявшаго въ дежурствѣ на бочкахъ на наружномъ рейдѣ, были замѣчены силуэты судовъ въ открытомъ морѣ. Но такъ какъ еще днемъ 30-го вышелъ изъ Портъ-Артура отрядъ изъ восьми миноносцевъ для осмотра ближайшихъ острововъ и въ показавшихся силуэтахъ возможно было предполагать нѣкоторые свои, отбившіеся отъ отряда и не рѣшавшіеся въ ночную пору войти въ портъ, командующій флотомъ, в.-а. Макаровъ, находившійся на „Діанѣ“, стрѣ-

[1]) Великая осада. Б. В. Норригаарда, стр. 16.

лять по силуэтамъ не приказалъ. Въ 4 часа утра 31 онъ перебрался на флагманскій броненосецъ „Петропавловскъ“. Вскорѣ выяснилось, что въ предыдущую ночь миноносецъ „Страшный“ дѣйствительно потерялъ слѣдъ своего отряда, и на разсвѣтѣ 31 оказался въ близкомъ сосѣдствѣ съ четырьмя японскими, открывшими по немъ убійственный огонь. Крейсеръ „Баянъ“, высланный командующимъ на выручку „Страшнаго“, успѣлъ спасти лишь пять человѣкъ изъ его экипажа, державшихся на водѣ послѣ гибели миноносца. Вслѣдъ за „Баяномъ“ вышелъ крейсеръ „Аскольдъ“ и немного позднѣе броненосцы „Петропавловскъ“ подъ флагомъ в.-а. Макарова и „Полтава“ и нѣсколько миноносцевъ. Остальныя суда выходили еще изъ гавани. Командующій торопился къ мѣсту гибели „Страшнаго“, гдѣ уже держались шесть японскихъ крейсеровъ. Японскіе крейсеры, однако, не ожидали его и удалились въ море, обмѣнявшись съ разстоянія 50 кабельтовъ нѣсколькими выстрѣлами, какъ бы поощряя слѣдовать за собою. Однако когда въ 8 час. 40 мин. утра показалась японская эскадра изъ девяти броненосцевъ, в.-а. Макаровъ поворотилъ въ Артуръ, гдѣ на рейдѣ къ нему присоединились „Побѣда“, „Пересвѣтъ“ и „Севастополь“, два минныхъ крейсера и пять миноносцевъ. Отдавъ приказаніе миноносцамъ идти въ гавань, а крейсерамъ вступить въ кильватеръ, в.-адмиралъ Макаровъ, идя головнымъ на „Петропавловскѣ“, повернулъ на 0 и сталъ склоняться вправо къ непріятелю. Въ 9 час. 43 минуты утра у праваго борта „Петропавловска“ произошелъ взрывъ, а вслѣдъ за нимъ и второй болѣе сильный подъ мостикомъ. Броненосецъ легъ на правый бортъ, носъ его зарылся въ воду, корма поднялась, оголивъ работавшіе на воздухѣ винты. Не болѣе какъ черезъ двѣ минуты отъ грознаго корабля остались на водѣ кое-какіе обломки и часть экипажа, успѣвшая выброситься за бортъ и не увлеченная водоворотомъ. Вмѣстѣ съ броненосцемъ погибъ командующій флотомъ, в.-адм. Макаровъ со штабомъ. Старшимъ на эскадрѣ оставался к.-адм. князь Ухтомскій. Поднявъ сигналъ „слѣдовать за мной, быть въ кильватерѣ“, онъ на „Пересвѣтѣ“ занялъ мѣсто головнаго и повелъ эскадру въ гавань. Но лишь только броненосецъ „Побѣда“ пересѣкъ линію створа, какъ подъ его правымъ бортомъ произошелъ взрывъ мины. По счастію, „Побѣда“ вѣроятно только коснулась мины и взрывъ не произвелъ такого же, какъ на „Петропавловскѣ“, губительнаго дѣйствія. „Побѣда“ накренилась, но собственнымъ ходомъ успѣла войти въ гавань. Японская эскадра съ безопаснаго разстоянія отъ выстрѣловъ съ батарей наблюдала за катастрофою на Портъ-Артурскомъ рейдѣ и въ часъ по полудни скрылась за горизонтомъ.

Извѣстіе о новомъ несчастіи, постигшемъ нашу эскадру, пришло

въ Петербургъ въ тотъ же день, а 1-го апрѣля по Высочайшему повелѣнію главный командиръ Черноморскаго флота и портовъ, в.-адм. Скрыдловъ, былъ назначенъ командующимъ флотомъ въ Тихомъ океанѣ.

Но въ виду чрезвычайнаго значенія морскихъ вооруженныхъ силъ въ войнѣ съ Японіею, невозможности скораго прибытія новаго командующаго и, надобно полагать, нравственно удрученнаго новымъ бѣдствіемъ личнаго состава Портъ-Артурской эскадры, въ то же время по Высочайшему повелѣнію намѣстникъ уже 2-го апрѣля въ 8 ч. утра прибылъ въ Портъ-Артуръ и немедленно поднялъ свой флагъ на „Севастополѣ".

Въ печальномъ состояніи засталъ онъ эскадру.

Броненосцы „Цесаревичъ" и „Ретвизанъ" были въ кессонахъ, исправляя поврежденныя подводныя части. Работы на нихъ могли быть исполнены не ранѣе 1 іюня. „Побѣда", какъ сказано выше, получила поврежденіе 31 марта. Ея два угольныя отдѣленія и патронные погреба были затоплены. Для исправленія надобно было сначала приготовить для этого броненосца кессонъ. „Севастополь" при столкновеніи съ „Пересвѣтомъ" 13 марта погнулъ лопасть винта. Ее требовалось замѣнить новою подъ водою, для чего дѣлали въ порту особый стальной колоколъ. Кромѣ того, на броненосцѣ исправлялась установка носового 12 дюймоваго орудія, поврежденная при перекидной пальбѣ, и мѣнялись параллели правой машины. Съ прежними параллелями броненосецъ не могъ дать болѣе 11 узловъ хода, не рискуя очень серьезными поломками машины. Крейсеры „Баянъ", „Аскольдъ", „Діана" и „Новикъ" были въ исправности, хотя для развитія полныхъ скоростей хода и сохраненія котловъ необходимо было дать много времени для очистки послѣднихъ и переборки машинъ.

„Паллада" была выведена изъ дока и, оставаясь на внутреннемъ рейдѣ, устанавливала трубопроводъ и боевую электрическую цѣпь. Транспортъ „Амуръ", пропоровшій свой бортъ о затопленный на фарватерѣ пароходъ „Хайларъ", исправлялся въ накрененномъ видѣ.

Изъ числа 22 миноносцевъ только 12 были въ сравнительной исправности. Пять миноносцевъ стояли въ докѣ, очищенномъ „Палладою", остальные же десять требовали не менѣе мѣсяца для приведенія въ порядокъ котловъ, очистки подводной части и т. д. Миноносецъ „Внушительный", затопленный въ Голубиной бухтѣ, готовили къ подъему.

По отзыву всѣхъ морскихъ офицеровъ, всѣ миноносцы Невскаго завода были хуже японскихъ, меньшихъ размѣровъ, слабѣе вооружены, тихоходны и вообще годились лишь для недалекихъ экспедицій. Погибшій на „Петропавловскѣ" командующій флотомъ для со-

храненія судовъ отъ японскихъ снарядовъ, попадавшихъ при перекидной стрѣльбѣ изъ-за Ляотешана, принялъ за правило передвигать корабли съ мѣста на мѣсто. Но при тѣснотѣ рейда и узкости прохода происходили постоянныя столкновенія броненосцевъ, да и японцы неутомимо забрасывали рейдъ минами. Комиссія подъ предсѣдательствомъ командира броненосца „Ретвизана", кап. 1 ранга Щенсновича, разлѣдовавшая гибель „Петропавловска", пришла къ заключенію, что распространившаяся молва, смущавшая экипажи и приписывавшая эту гибель подводнымъ лодкамъ, не имѣла ни малѣйшаго основанія и что катастрофа произошла отъ того, что выходъ эскадры 31 марта совершился спѣшно, безъ предварительнаго тщательнаго траленія фарватера. Надобно полагать, что „Петропавловскъ" прикоснулся дномъ къ цѣлой группѣ соединенныхъ между собою минъ, наканунѣ поставленныхъ непріятелемъ, замѣченнымъ, какъ сказано выше, съ „Діаны". Прикосновеніе вызвало взрывъ подъ носовыми аппаратами и погребами, „Петропавловска", отъ детонаціи же послѣдовали взрывы пироксилина въ судовыхъ минахъ и въ снарядахъ, воспламененіе и затѣмъ взрывъ цилиндрическихъ котловъ.

16 апрѣля недалеко отъ мѣста гибели броненосца, обставленнаго вѣхами, была поднята группа изъ трехъ минъ загражденія. Зарядъ мины состоялъ изъ $2^1/_4$ пудовъ взрывчатаго вещества подобнаго мелениту. „Петропавловскъ" вѣроятно и наскочилъ на подобную группу.

И такъ, въ началѣ апрѣля суда Портъ-Артурской эскарды не были въ состояніи вести активную войну, и господство надъ ближайшими водами, омывающими Квантунскій полуостровъ, съ 31 марта принадлежало японцамъ. Всѣ усилія Портъ-Артура должны были быть и дѣйствительно были направлены для исправленія аварій и подготовки кораблей для выхода въ открытое море, по которому со дня на день могли прибыть десантные баталіоны изъ Японіи. На стражѣ безопасности ихъ въ пути моремъ, однако держался въ виду Портъ-Артура японскій флотъ, энергично замедлявшій портовыя работы по исправленію. 2 апрѣля японская эскарда, состоявшая изъ шести броненосцевъ и восьми крейсеровъ, подошла къ Ляотешану. Одинъ отрядъ эскадры открылъ перекидной огонь по Портъ-Артуру, другой же, проходя до меридіана Золотой горы, сигналами корректировалъ пальбу перваго. Къ счастію она не причинила вреда нашимъ судамъ, но замедляла работу на нихъ. Японцы не остались безъ отвѣта въ этотъ день и на свои 185 выпущенныхъ снарядовъ получили около того же количества съ „Севастополя", „Пересвѣта", „Побѣды", „Полтавы" и крейсера „Баянъ" и съ Тигровой и Новой батарей на Ляотешанѣ.

Въ полдень непріятельская эскадра скрылась изъ вида и въ Портъ-Артурѣ принялись тотчасъ же за устройство новыхъ наблюдательныхъ пунктовъ и связи ихъ телефонною сѣтью. Это давало возможность въ будущемъ поддерживать огонь по непріятельскимъ кораблямъ съ восточныхъ береговыхъ батарей. Съ полудня 2 апрѣля до 15-го японская эскадра не появлялась въ виду Портъ-Артура. Исправлялись ли непріятельскія суда, или отдыхали ихъ экипажи, готовясь нанести новый ударъ, трудно рѣшить. Можно утверждать лишь одно, что адмиралъ Того черезъ своихъ шпіоновъ среди артурцевъ былъ вполнѣ освѣдомленъ о состояніи кораблей русской эскарды и объ энергичной работѣ по ихъ исправленію.

Ночью 15 апрѣля съ Электрическаго утеса замѣтили въ разстояніи шести миль отъ берега отрядъ изъ крейсеровъ и миноносцевъ. Отъ отряда отдѣлилось нѣсколько миноносцевъ, подошедшихъ еще ближе, но лишь батарея № 22 начала обстрѣливать ихъ, они удалились и затѣмъ скрылись изъ вида вмѣстѣ съ крейсерами. Очевидно, японскому адмиралу что-то надобно было разузнать, сдѣлать и въ чемъ-то убѣдиться. Вѣроятнѣе же всего задумано было набросать банки изъ минъ загражденія на наружномъ рейдѣ и на пути въ море.

Въ ночь съ 19 на 20 апрѣля послѣдовала новая, самая отважная и бѣшеная изъ всѣхъ предыдущихъ, попытка заградить выходъ нашему флоту изъ Портъ-Артура, еще разъ доказывавшая, какое чрезвычайное значеніе придавали японцы нашимъ морскимъ вооруженнымъ силамъ.

Въ холодную лунную ночь, при юго-восточномъ довольно свѣжо дувшемъ вѣтрѣ, на видъ крѣпости приблизились четыре непріятельскіе миноносца. Съ батарей и судовъ, охранявшихъ фарватеръ, они были замѣчены и, встрѣтивъ жестокій отпоръ, скоро исчезли. Нужна была большая выдержка со стороны начальства въ Артурѣ, чтобы не увлечься и не выслать въ погоню за ними изъ гавани миноносцевъ. Но прибывшій на „Отважный“ тотчасъ же по тревогѣ намѣстникъ не поддался искушенію въ предвидѣніи дальнѣйшаго хода событій.

И дѣйствительно, не прошло и получаса, какъ съ „Отважнаго“ замѣтили быстро приближавшійся пароходъ съ моря. Несмотря на учащенную пальбу съ судовъ обороны, „Гиляка“, „Отважнаго“ и „Гремящаго“, освѣщенный прожекторами съ батарей, онъ подошелъ полнымъ ходомъ ко входу, но вѣроятно задѣлъ за конецъ бона, вслѣдствіе чего сталъ огибать затопленный „Хайларъ“, и миновавъ линію входнаго створа, повернулъ круто влѣво и, наконецъ, остановился у берега Тигроваго полуострова. Тотчасъ же на пароходѣ произошелъ взрывъ,

а на кормѣ загорѣлся красный огонь. Очевидно, это былъ условный сигналъ державшимся въ морѣ брандерамъ-заградителямъ. Съ парохода моментально отвалили двѣ шлюпки, снявшія съ него людей и торопившіяся доставить ихъ на ожидавшіе миноносцы. Но на пароходѣ сигнализація продолжалась, отважный непріятель не покидалъ окончательно брандера, оставаясь на немъ для сигнализаціи.

Въ 2 часа ночи въ свѣтовую преграду вошли полнымъ ходомъ еще два парохода. Одинъ изъ нихъ уперся въ бонъ и затонулъ внѣ фарватера рядомъ съ затопленнымъ пароходомъ „Шилкою", другой, взорвавшійся на минѣ загражденія, пошелъ ко дну около „Хайлара".

Въ 2 ч. 40 м. подошелъ третій отрядъ заградителей, состоявшій уже изъ трехъ пароходовъ. Передній взорвался близко къ входному створу и моментально затонулъ, второй обогнулъ „Хайларъ" и направился за корму перваго по счету брандера, продолжавшаго безостановочно дѣлать сигналы, и затонулъ за нимъ. Наконецъ, третій (или шестой по общему счету заградителей), подойдя къ ограждавшему входъ затопленному „Эдуарду Бари", былъ прижатъ вѣтромъ и волненіемъ къ нему и легъ на дно рядомъ съ нимъ, успѣвъ выпустить три свѣтящіяся ракеты, какъ условный сигналъ по отважному предпріятію. Въ 3 ч. 10 м. приблизилась новая пара заградителей. Передній взорвался на минѣ загражденія и утонулъ рядомъ съ четвертымъ, а второй подошелъ близко къ Электрическому утесу и выбросился полнымъ ходомъ на камни у его подножія. При отраженіи этой пары заградителей выстрѣлами съ батареи № 9 былъ утопленъ японскій миноносецъ.

Намѣстникъ, какъ сказано выше, прибылъ на „Отважный" въ $1^1/_2$ ч. и руководилъ отраженіемъ брандеровъ до конца. Опасность была слишкомъ велика и очевидна, но, благодаря энергіи защитниковъ, фарватеръ остался свободенъ для выхода нашего флота. Съ Крестовой горы видѣли, какъ приближавшійся десятый брандеръ, попавшій въ свѣтовую преграду, быстро повернулъ обратно и скрылся въ почной темнотѣ. Замѣчено было, что въ этотъ разъ каждый брандеръ имѣлъ по лѣвому своему борту, противоположному батареямъ, миноносецъ. Очевидно, миноносцы были прикомандированы къ брандерамъ для спасанія и отвоза экипажей ихъ. Первоначальное же появленіе ихъ было несомнѣнно только маневромъ, хитрою уловкою вызвать изъ гавани наши миноносцы. Въ послѣднемъ случаѣ какъ охранныя суда, такъ и береговыя батареи были бы лишены возможности стрѣлять въ брандера, не рискуя утопить вмѣстѣ съ ними и свои миноносцы. Если бы это случилось, фарватеръ навѣрное былъ бы загражденъ и флотъ нашъ запертъ, окончательно, еще въ ночь на 20 апрѣля.

Записная книжка одного изъ японскихъ офицеровъ съ брандера была найдена утромъ и переведена на русскій языкъ. Изъ нея было видно, что отрядъ заградителей состоялъ изъ цѣлой дюжины пароходовъ. По показанію офицеровъ съ батарей Электрической, Крестовой и Золотой, ихъ выстрѣлами два парохода были утоплены на большой глубинѣ, далеко отъ входа въ Портъ-Артуръ. Размѣръ брандеровъ былъ отъ двухъ до трехъ тысячъ тоннъ водоизмѣщенія. Еще одно замѣчаніе, не лишенное интереса и доказывавшее прекрасно организованную японцами систему шпіонства. Японскіе миноносцы въ эту ночь пришли съ трубами, окрашенными бѣлилами, цвѣтомъ, въ который 18-го апрѣля, за день передъ атакою, были окрашены трубы нашихъ миноносцевъ. Очевидно, японцы знали это распоряженіе и воспользовались имъ для внесенія большихъ недоразумѣній защитниковъ Портъ-Артура.

Въ 4 ч. 30 минутъ, японскіе миноносцы появились снова на сцену. Они пытались спасти и снять раненыхъ и оставшихся на пароходахъ людей, производившихъ сигнализацію и не успѣвшихъ сойти на шлюпки. Но огнемъ съ батарей и охранныхъ судовъ японскіе миноносцы были принуждены удалиться къ эскадрѣ крейсеровъ, всю ночь державшихся вдали и по временамъ обстрѣливавшихъ крѣпость. Съ разсвѣтомъ японскій флотъ скрылся за горизонтъ, а наша эскадра принялась за спасеніе оставшихся японцевъ на затонувшихъ брандерахъ и за подробный ихъ осмотръ. Свѣжій юго-восточный вѣтеръ развелъ большое волненіе, препятствовавшее нашимъ шлюпкамъ приближаться къ брандерамъ, на мачтахъ, трубахъ и полузатопленныхъ палубахъ которыхъ держались японцы. Однако удалось спасти 30 человѣкъ нижнихъ чиновъ и въ числѣ ихъ двухъ смертельно раненыхъ офицеровъ. Спасенные японскіе матросы еще продолжали враждовать противъ своихъ спасителей, пуская въ ходъ оставшееся оружіе, ножи, кулаки и даже зубы.

У насъ потерь не было, несмотря на то, что съ брандеровъ и японскихъ миноносцевъ сыпался градъ изъ поставленныхъ на нихъ пулеметовъ. По подсчету оказалось, что съ охранныхъ судовъ „Гиляка“, „Гремящаго“, „Отважнаго“ и съ береговыхъ батарей въ эту ночь было выпущено 2.972 снаряда. Какъ только японскій флотъ удалился, намѣстникъ посѣтилъ „Гилякъ“ и „Гремящій“, роздалъ знаки отличія нижнимъ чинамъ трехъ охранныхъ судовъ и затѣмъ убѣдился на мѣстѣ, что усилія и жертвы японцевъ остались безъ результата. Фарватеръ былъ чистъ и выходъ свободенъ для нашего флота.

III.

Исправленіе поврежденій на броненосцахъ и приведеніе въ порядокъ крейсеровъ, миноносцевъ и ихъ механизмовъ и котловъ шло бойко и энергично въ ожиданіи скораго прибытія изъ Петербурга новаго командующаго флотомъ. Еще не была потеряна полная увѣренность, что въ удобный моментъ, исправленная и умудренная большимъ опытомъ эскадра выйдетъ изъ гавани и отплатитъ врагу за все предыдущее. Но командующій не пріѣхалъ, и въ морѣ, по свѣдѣніямъ, доходившимъ отовсюду, появились транспорты съ дессантомъ. 22 апрѣля, намѣстникъ, по Высочайшему повелѣнію, выѣхалъ изъ Портъ-Артура со своимъ штабомъ въ Мукденъ, передавъ командованіе эскадрою старшему к.-а. Витгефту временно, до прибытія новаго командующаго изъ Петербурга, назначеннаго 1 апрѣля. Инструкція намѣстника гласила слѣдующее:

1) Впредь до исправленія всѣхъ большихъ судовъ, активныхъ дѣйствій не предпринимать, но ограничиваться производствомъ рекогносцировокъ крейсерами и отрядами миноносцевъ для атаки непріятельскихъ судовъ. При этомъ совмѣстную посылку миноносцевъ съ крейсерами допускать въ томъ случаѣ, если непріятель будетъ высаживаться на побережьѣ Квантуна.

2) Принять всѣ мѣры къ обезпеченію судамъ свободнаго и безопаснаго выхода въ море.

3) Продолжать съ особою заботливостью и быстротою исправленіе всѣхъ поврежденныхъ броненосцевъ и прочихъ судовъ.

4) Оказывать всякое содѣйствіе начальнику Квантунскаго укрѣпленнаго раіона и коменданту крѣпости и согласовать взаимныя дѣйствія.

Далѣе инструкція регулировала взаимныя служебныя отношенія всѣхъ, находившихся въ Портъ-Артурѣ морскихъ начальниковъ и опредѣляла довольно подробно ихъ обязанности. Приказомъ намѣстника отъ того же 22 апрѣля командиру порта, к.-а. Григоровичу впредь до прибытія командующаго флотомъ предоставлялись права главнаго командира [1]).

Военныя событія шли быстро. 23 апрѣля уже опредѣлилось мѣсто высадки японцевъ къ сѣверо-западу отъ о-ва Элліотъ въ Бицзиво, тамъ, гдѣ, въ 1894 г., во время войны съ Китаемъ, японцы высадили мортирный паркъ [2]).

Итакъ, непріятель, пользуясь временемъ, пока исправлялись наши броненосцы, высаживался на материкъ. Казалось бы, первый

---

[1]) 1 и 2 прим, къ ст. 151 Книги 1 Свода Мор. Пост.

[2]) Японско-Китайская война 1894—95 гг. Шт.-Кап. Симанскій, стр. 123.

пунктъ оставленной инструкціи, приведенный удачно въ исполненіе, могъ надѣлать много хлопотъ японцамъ. Въ виду такого соображенія намѣстникъ того же 23 апрѣля телеграфировалъ Витгефту *о своевременности и особо важномъ значеніи въ интересахъ обороны крѣпости минныхъ атакъ непріятельскихъ транспортовъ, сосредоточенныхъ въ сферѣ дѣйствія нашихъ миноносцевъ.* Но Витгефтъ былъ не только главный начальникъ въ это критическое время Портъ-Артурскаго флота, но и носитель и выразитель его мыслей, воли и понятій. Безукоризненно честный, неутомимый и трудолюбивый подчиненный, онъ не находилъ въ себѣ достаточно самоувѣренности, чтобы дѣйствовать самостоятельно, принимая на себя всю тяжесть отвѣтственности за всѣ послѣдствія распоряженій. Война рождаетъ героевъ и полководцевъ. Но морской войны Россія не имѣла со временъ Сенявина и Ушакова. Поэтому нельзя ставить въ вину покойному адмиралу, отдавшему жизнь за родину, что онъ поступалъ согласно мнѣнія морской среды, въ которой выросъ, воспитался, и не сдѣлалъ того, что намъ теперь кажется надобно было сдѣлать.

Моментъ, съ котораго началось командованіе эскадрою к.-а. Витгефтомъ, былъ исходнымъ моментомъ этой эскадры на ея безповоротномъ пути къ той неизбѣжной и безплодной для Россіи гибели, предотвратить которую было возможно лишь быстрою смѣною начальника. Къ несчастію, сообщеніе было прервано 24 апрѣля, и письма, наставленія и самыя категорическія приказанія намѣстника дальше формальнаго исполненія послѣднихъ, безъ вѣры въ ихъ цѣлесообразность и практическую исполнимость, не могли измѣнить грядущихъ событій.

Между Витгефтомъ, командовавшимъ эскадрою и выражавшимъ ея коллективную волю, и намѣстникомъ возникла рознь самая коренная. Послѣдній предвидѣлъ совершенно ясно всю опасность для эскадры, запертой въ заблокированной съ моря крѣпости, осажденной въ то же время съ материка. Предвидѣніе это вѣроятно основывалось какъ на близкомъ знакомствѣ со взглядами и характеромъ командующаго арміею, ген. Куропаткина, такъ и на историческихъ прецедентахъ.

Для поясненія вышеуказаннаго, я долженъ напомнить читателю, что генералъ Куропаткинъ 7-го февраля былъ назначенъ *самостоятельнымъ и отвѣтственнымъ* командующимъ Маньчжурскою дѣйствующею арміею и еще изъ Петербурга, въ качествѣ сначала военнаго министра, и затѣмъ командующаго, началъ распоряжаться движеніями войскъ.

Будущій военный историкъ русско-японской войны, передъ ко-

торымъ откроются всѣ архивы, произнесетъ свой безпристрастный приговоръ по поводу цѣлесообразности этихъ его распоряженій. Я же, какъ свидѣтель событій, могу утверждать лишь то, что общій планъ предстоявшей кампаніи генералъ не таилъ ни передъ кѣмъ, а наша печать слишкомъ торопливо ознакомила весь свѣтъ съ его планомъ. Терпѣніе требовалось отъ русскихъ людей. Необходимость терпѣнія объяснялась командующимъ арміею дальностію разстоянія и понималась именно такъ. Терпѣнія требовалъ и весь планъ сосредоточенія на театрѣ войны громадной русской арміи. Вслѣдъ за сосредоточеніемъ обѣщаны были полный разгромъ высадившагося и упоеннаго первыми успѣхами непріятельскаго десанта, безпощадное преслѣдованіе его на пути отступленія къ морю, походъ въ Японію и заключеніе міра въ Токіо. Отступленіе русской арміи на сѣверъ для сосредоточенія и бѣгство японской — вотъ ходъ войны.

— „До свиданія, адмиралъ“—были послѣднія слова, обращенныя къ Рожественскому на вокзалѣ Николаевской ж. д. А. Н. Куропаткинымъ [1]), отправлявшимся командовать арміею.

Приказы всегда останутся только приказами, требующими объясненій и толкованій. Приказы конечно имѣютъ и силу и ими можно оправдываться. Такъ, на основаніи приказа можно утверждать, что ген. Куропаткинъ былъ главнокомандующимъ лишь $4^1/_2$ мѣсяца и $8^1/_2$ м. состоялъ въ подчиненіи у намѣстника, пользовавшагося правами главнокомандующаго и стѣснявшаго, или парализовавшаго дѣятельность командующаго. Но въ силу также самаго категорическаго приказа, ген. Куропаткинъ могъ дѣйствовать совершенно самостоятельно и вполнѣ отвѣтственно лишь передъ Верховною властью и передъ родиною, и намѣстникъ не могъ не соображаться съ особымъ положеніемъ генерала, почти фиктивно ему подчиненнаго, бывшаго шесть лѣтъ военнымъ министромъ передъ этимъ и не далѣе полугода до войны присутствовавшаго на военныхъ маневрахъ въ Японіи. Не могъ намѣстникъ не знать, если не во всѣхъ деталяхъ, то въ общихъ чертахъ плана кампаніи генерала Куропаткина и, быть можетъ, не соглашаясь съ его планомъ, не принять всѣ мѣры для спасенія флота, искавшаго убѣжища въ Портъ-Артурѣ.

Намѣстникъ, какъ явствуетъ изъ его распоряженій, надѣялся на счастливый исходъ войны только при самомъ живомъ участіи флота и для сохраненія его считалъ необходимымъ во что бы то ни стало прорваться эскадрѣ во Владивостокъ. Витгефтъ съ эскадрою

---

[1]) „Новое Время“, мартъ 1904 г.

или, правильнѣе сказать, съ ея командующимъ персоналомъ были убѣждены въ томъ, что съ помощію и при всестороннемъ участіи моряковъ Портъ-Артуръ будетъ отражать съ успѣхомъ всѣ атаки непріятеля съ моря и съ суши и выдержитъ осаду до того обѣщаннаго срока, когда генералъ Куропаткинъ явится со своею арміею на выручку морской базы и изъ нея поплыветъ въ Токіо заключать миръ.

Намѣстникъ, только отчетливо сознавая всю чрезвычайную важность флота въ эту войну, лично, на лодкѣ „Отважный“ подъ выстрѣлами непріятельскихъ судовъ, руководилъ отраженіемъ брандеровъ, въ ночь на 20 апрѣля пытавшихся закупорить выходъ и обезвредить этотъ флотъ.

Напротивъ, командующій персоналъ эскадры, флагмана и командиры, за очень незначительнымъ исключеніемъ, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго хода дѣла, наибольшее значеніе придавали не флоту, а крѣпости, какъ бы забывая, что между Портъ-Артуромъ и Токіо путь лежитъ по морю. По полученіи выше цитированной телеграммы, к.-а. Витгефтъ собралъ совѣщаніе изъ флагмановъ и капитановъ, которое, принявъ въ соображеніе:

1) Затруднительность выхода въ ночное время изъ гавани между затопленными судами на рейдѣ и отдаленность пункта высадки, не дозволяющія миноносцамъ послѣ атаки возвратиться до разсвѣта домой;

2) Недостаточную обслѣдованность тралами забрасываемаго минами рейда и опасность для крейсеровъ, прикрывающихъ миноносцы, слѣдованія по рейду;

3) Присутствіе, охранявшихъ высадку, непріятельскихъ крейсеровъ съ двадцатью миноносцами,—совѣщаніе постановило: *миноносцевъ къ Бидзиво не высылать, а атаковать десантъ, только въ случаѣ высадки его на восточномъ побережьѣ Квантунскаго полуострова южнѣе Кинчжоуской позиціи*, т. е. по сосѣдству съ Портъ-Артуромъ.

Морская литература западно-европейскихъ державъ минувшую войну Россіи съ Японіею называетъ „войною за господство на морѣ“. Намѣстникъ, какъ мы видѣли выше, главнѣйшею задачею эскадры считалъ обезпеченіе судамъ ея свободнаго выхода въ море. На эскадрѣ же господствовало убѣжденіе, что вся цѣль ея существованія и вся ея задача исчерпываются защитою Портъ-Артура не въ морѣ, на пути десантныхъ корпусовъ, а на сушѣ.

Для того, чтобы исполнить задачу и достигнуть такой цѣли, к.-а. Витгефтъ собралъ новое совѣщаніе 24 апрѣля на броненосцѣ „Севастополь“ уже подъ предсѣдательствомъ начальника укрѣпленнаго

раіона г.-л. Стесселя. Въ совѣщаніи приняли участіе генералы, командовавшіе отдѣльными частями, и дебатировались вопросы о совмѣстномъ дѣйствіи эскадры и гарнизона и о свозѣ съ судовъ орудій для вооруженія батарей на сухопутномъ фронтѣ [1]).

И надобно отдать полную справедливость к.-а. Витгефту и всѣмъ его помощникамъ въ Портъ-Артурѣ, не встрѣчавшимъ никакихъ препятствій и затрудненій въ общемъ великомъ дѣлѣ защиты крѣпости въ ту минуту, когда ей грозила неминуемая опасность съ сѣвера, со стороны высадившагося дессанта. Безъ этой помощи флота какъ матеріальными средствами обороны, такъ и духовными: знаніями, опытностію, неутомимостію въ исполненіи намѣченной цѣли офицеровъ эскадры, крѣпость была бы сравнительно легкою добычею непріятеля. Но энергичное участіе флота въ первое время критическаго положенія Портъ-Артура не предрѣшало вопроса о судьбѣ эскадры, о главнѣйшей его задачѣ—биться на морѣ съ японскимъ флотомъ и если не уничтожить его, то ослабить настолько, чтобы облегчить окончаніе войны для эскадры Рожественскаго.

Морскіе чины съ эскадры устроили 12 электрическихъ станцій на берегу для прожекторовъ, снятыхъ съ судовъ. Батареи съ морскими орудіями командовались и обслуживались судовыми офицерами и прислугою.

Вооружая сухопутныя батареи и развооружая корабли, Витгефтъ 1 мая послалъ транспортъ „Амуръ“ въ море съ порученіемъ поставить на пути почти ежедневнаго крейсерства японскихъ броненосцевъ въ виду Портъ-Артура 50 минъ заграждения. Разсчетъ былъ вѣренъ, путь крейсерства нанесенъ былъ на карту точно. „Амуръ“ передъ этимъ выходилъ слишкомъ часто, и японскіе шпіоны, несомнѣнно присутствовавшіе и обо всемъ увѣдомлявшіе японцевъ, не обратили особаго вниманія на выходъ „Амура“ и 1 мая. Воспользовавшись мглою, скрывавшею его отъ наблюденія непріятельскихъ крейсеровъ, транспортъ исполнилъ порученіе, поставивъ мины восточнѣе входнаго створа въ разстояніи 10—11¾ мили отъ Портъ-Артура, 2-го мая въ 8 час. утра съ юга показались броненосцы „Хатсусе“, „Шикишима“ и „Яшимо“, шедшіе въ кильватерной колоннѣ. Отрядъ сопровождали крейсеръ типа „Читозе“ и посыльное судно „Татсута“.

[1]) По постановленію этого совѣщанія, энергично приведенному въ исполненіе, съ судовъ эскадры было снято и установлено на береговыхъ батареяхъ между бухтою Тахэ и Суворовскимъ полемъ 10 орудій 6 дюймовыхъ, 2—120 м. м., 12—75 м. м., 10—37 м. м. и два пулемета. Между Тигровымъ полуостровомъ и Суворовскимъ полемъ поставлено 4—6 д., 1—120 м. м., 26—75 м. м., 22—47 м. м., 34—37 м. м., на Ляотешанѣ 6—6 д. и 4—120 м. м.

Первый галсъ японскій отрядъ прошелъ въ 12 миляхъ отъ берега и въ 9 часовъ повернулъ обратно. Въ 10 ч. 10 м. по сигналу съ „Хатсусе“ отрядъ сталъ перестраиваться въ строй фронта. Въ этотъ моментъ подъ носомъ „Яшимо“ произошелъ взрывъ. Броненосецъ сильно накренился, къ нему подошли крейсера и шлюпки. Но, вѣроятно, на „Яшимо“ удалось своевременно наполнить водою противуположные отсѣки и съ помощію этого выравняться. Теченіемъ, однако, отнесло его въ сторону и когда къ нему сталъ медленно приближаться адмиральскій броненосецъ „Хатсусе“, подъ послѣднимъ произошелъ новый взрывъ минъ, поставленныхъ „Амуромъ“. Съ Электрическаго утеса видѣли, какъ поднялся высокій столбъ дыма на мѣстѣ взрыва гигантскаго броненосца [1]) и какъ черезъ минуту на поверхности воды отъ него остались только обломки и плавающіе люди. На оставшихся судахъ произошла паника, вызвавшая безпорядочную пальбу изъ всѣхъ орудій въ воду, какъ это было 30 марта и на нашей эскадрѣ послѣ взрыва мины подъ носомъ „Побѣды“. Видимо, обѣ воюющія стороны подозрѣвали участіе во взрывахъ невидимаго врага—подводныя лодки.

Въ 12 часовъ „Новикъ“ съ 16 миноносцами вышелъ изъ порта для нападенія на непріятельскія суда. Но „Яшимо“ открылъ огонь по приближавшимся судамъ, а два японскихъ крейсера бросились навстрѣчу нашимъ миноносцамъ. Атаковать среди бѣлаго дня было бы неблагоразумно, и „Новикъ“ съ миноносцами возвратился въ портъ, а японская эскадра повернула въ море и скрылась за горизонтомъ.

Гибель двухъ лучшихъ японскихъ броненосцевъ была хорошею расплатою за „Петропавловскъ“ и в.-а.Макарова, и подготовилъ ее трудолюбивый и всегда и во всемъ удивительно терпѣливый и точный покойный Витгефтъ. Но заслуга его прошла какъ-то незамѣтно у насъ и не принесла ему, въ осажденную крѣпость съ далекой родины, словъ сочувствія и благодарности, въ которыхъ такъ нуждался временно командовавшій флотомъ, которыя подняли бы въ немъ духъ предпріимчивости, быть можетъ, подтолкнули бы на что-нибудь рѣшительное и даже безумно-отчаянное. Намѣстникъ просилъ о производствѣ Витгефта въ вице-адмиралы, вѣроятно находя необходимымъ и полезнымъ ободрить его и поощрить проявленную инициативу. Но встрѣтились препятствія въ Петербургѣ, повышеніе младшаго въ чинѣ считались неудобнымъ въ отношеніи

---

[1]) „Хатсусе“—эскадренный броненосецъ 15.000 тоннъ водоизмѣщенія, построенъ въ Англіи въ 1899 г. Одинъ изъ лучшихъ и сильнѣйшихъ въ эскадрѣ ад. Того.

его старшихъ сослуживцевъ, и Витгефтъ произведенъ не былъ. Какое могли имѣть значеніе военныя заслуги передъ положеніемъ о цензѣ!

Въ этотъ день, вообще, несчастіе преслѣдовало японцевъ. Ихъ крейсеръ „Іошино“ столкнулся съ „Кассугою“ и пошелъ ко дну, другой крейсеръ наткнулся на мину въ бухтѣ Корръ и затонулъ. Ушедшій „Яшимо“ [1]), какъ узнали впослѣдствіи, не достигъ Сасебо. Задувшій въ ночь свѣжій юго-западный вѣтеръ развелъ громадное волненіе, погубившее этотъ броненосецъ окончательно. Но японцы сумѣли скрыть эту потерю такъ ловко ото всѣхъ, что мы еще въ декабрѣ не были твердо увѣрены въ гибели „Яшимо“ [2]). Утрата двухъ броненосцевъ, почти одной трети всего количества (по водоизмѣщенію) этого главнѣйшаго рода судовъ могла угнетающимъ образомъ подѣйствовать на предпріимчивыхъ враговъ и, напротивъ, поднять духъ нашихъ моряковъ. Къ несчастію, исправленія на броненосцахъ не были окончены. Въ отвѣтъ на поздравленія намѣстника съ успѣшнымъ минным загражденіемъ, лишившимъ японцевъ двухъ эскадренныхъ кораблей и на необходимость активнаго участія флота въ войнѣ на морѣ, Витгефтъ 13-го мая отвѣчалъ: „Къ сожалѣнію, пока не будетъ очищенъ вполнѣ безопасный проходъ судамъ отъ наброшенныхъ японцами минъ, немыслимо что-либо предпринять большими судами. Миноносцы получилъ неисправными къ походамъ, исправныхъ не болѣе пяти каждаго отряда. Привожу остальные въ порядокъ. Японцы замѣнили брандеры минами съ коммерческихъ судовъ“.

Японскій флотъ сталъ осторожнѣе послѣ катастрофы 3 мая, съ моря уже не бомбардировалъ портъ, что облегчало исправленіе нашихъ судовъ. Зато генералъ Ноги дѣйствовалъ энергично. 15 мая Витгефтъ доносилъ намѣстнику: „военные сдали послѣ дневнаго боя Кинчжоуескую позицію, которую обстрѣливали четыре японскіе канонерки изъ Кинчжоусской бухты. Въ Таліенванѣ блестяще обстрѣливалъ японцевъ „Бобръ“ (командиръ кап. 2 р. Шельтинга), прошедшій туда ночью подъ конвоемъ миноносцевъ „Бурнаго“ и „Бойкаго“ и трехъ катеровъ. Одно орудіе Канэ (изъ числа двухъ сданныхъ съ эскадры) осталось въ Кинчжоу неустановленнымъ. Я не зналъ, что тамъ не было орудій противъ японскихъ лодокъ. Вообще позиція оказалась плохо подготовленною“.

Въ Кинчжоусскую бухту пришли 13 мая два японскихъ крей-

---

[1]) Эскадренный броненосецъ „Яшимо“ построенъ въ Англіи, имѣлъ 12.517 тоннъ водоизмѣщенія.

[2]) Кладо въ своихъ статьяхъ въ „Нов. Вр.“. Послѣ ухода 2-й эскадры“, въ ноябрѣ и декабрѣ „Яшимо“ считалъ на-лицо.

сера, двѣ кононерки и шесть миноносцевъ. Съ помощью ихъ артилерійскаго огня нашъ лѣвый флангъ былъ обойденъ и Кинчжоу очищенъ нашими войсками. Въ пространномъ рапортѣ о Кинчжоусскомъ дѣлѣ Витгефтъ доносилъ намѣстнику слѣдующее: „Я не считаю себя въ правѣ входить въ оцѣнку дѣйствій командующаго сухопутными силами, тѣмъ не менѣе не ожидалъ столь быстраго оставленія ими Кинчжоусской позиціи, которую считалъ сильно вооруженною".

Выше я у же сказалъ, что намѣстникъ думалъ иначе о Кинчжоу. Имѣлись ли пушки для этой позиціи на мѣстѣ? Я имѣлъ случай видѣть въ іюнѣ и складъ трофеевъ, вывезенныхъ изъ Китая послѣ возстанія 1900 года и хранившихся въ Портъ-Артурѣ. Еслибы военный министръ, бывшій тамъ и, вѣроятно, осматривавшій этотъ складъ, раздѣлялъ мнѣніе намѣстника, Кинчжоусская позиція была бы къ началу войны обращена въ недоступную твердыню, или во всякомъ случаѣ потребовала бы неимовѣрныхъ усилій со стороны генер. Ноги. Но генералъ Куропаткинъ имѣлъ свой взглядъ на защиту Портъ-Артура и, возвращаясь изъ Японіи послѣ маневровъ тамъ, въ его присутствіи, мнѣнію намѣстника вѣроятно не придавалъ серьезнаго значенія. Въ несчастный день 13 мая другой морякъ, молодой кап. 2 р. Шельтинга съ лодкою „Бобръ" и миноносцами доказалъ самымъ наглядным образомъ значеніе артиллеріи при защитѣ Кинчжоу. Но никакое геройство Шельтинга не могло бороться съ предубѣжденіями относительно Кинчжоу и даже изъ двухъ 6-дюймовыхъ пушекъ, посланныхъ туда Витгефтомъ въ послѣднюю минуту, установлена была лишь одна, а другая была брошена и досталась японцамъ.

Какими бы соображеніями ни руководствовались всѣ вышеназванные генералы, потеря Кинчжоусской позиціи, а съ нею и тѣсная блокада съ сѣвера Портъ-Артура дѣлали его опаснымъ для эскадры. Это было очевидно для намѣстника, телеграфировавшаго 14 мая (№ 1753) Витгефту: „воздержитесь отъ дальнѣйшей передачи пушекъ на берегъ въ виду скорой готовности судовъ". Надобно замѣтить, что ранѣе, въ апрѣлѣ, предполагалось крейсеры „Баянъ" и „Аскольдъ" отправить во Владивостокъ при первой возможности. Витгефтъ медлилъ исполнить это предположеніе и тою же телеграммою намѣстника отъ 14 мая оно окончательно отмѣнялось, дабы не ослаблять силъ всей эскадры. Но рознь въ самыхъ существенныхъ понятіяхъ о значеніи и главнѣйшей задачѣ флота между намѣстникомъ, уже лишеннымъ возможности непосредственно вліять и направлять эскадру, и командующимъ персоналомъ ея въ этотъ критическій моментъ войны достигла своего апогея.

Предсмертная агонія Портъ-Артурской эскадры началась 14 мая, хотя, повидимому, существовало много условій избѣжать гибели и выдти съ честью изъ затруднительнаго положенія, и если не одержать полной побѣды, то подготовить ее своимъ товарищамъ по оружію.

А. Бѣломоръ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ деревни.

Изъ судебно-административной практики.

Осенью 1890 года вошелъ въ мою камеру юноша-крестьянинъ. Это былъ жалкій заплаканный, ослабѣвшій духомъ человѣкъ богатырскаго тѣлосложенія.

Перекрестившись нѣсколько разъ передъ иконой, онъ опустился на колѣни, сталъ кланяться мнѣ въ ноги и просить о помощи.

Я потребовалъ, чтобы онъ поднялся на ноги и разсказалъ обстоятельно въ чемъ дѣло.

Узналъ я слѣдующее. Зовутъ его Алексѣй Иванычъ Конякинъ. Онъ восемнадцатилѣтній безграмотный крестьянинъ дальней губерніи. Живетъ онъ, вотъ уже три мѣсяца, въ имѣніи купца Шатунова. Съ недѣлю тому назадъ онъ получилъ отъ хозяина 26 рублей заработанныхъ денегъ и попросилъ товарища, крестьянина смежнаго съ нашимъ уѣзда, Дмитрія Черепкина, написать матери письмо и сходить съ нимъ на почту, для отсылки въ этомъ письмѣ двадцати пяти рублей. Черепкинъ согласился исполнить все это за полтинникъ.

Послѣ написанія письма, пошли вмѣстѣ въ село Двинское; но тамъ почты не оказалось. Пошли дальше, въ имѣніе предводителя, село Мемирово. Въ усадьбѣ предводителя, тѣсное почтовое отдѣленіе оказалось переполненнымъ народомъ. Черепкинъ протолкался, отдалъ письмо и деньги и, вручивъ Конякину почтовую расписку и пятнадцать копѣекъ сдачи съ рубля, сказалъ: За пересылку письма и денегъ 35 коп., мнѣ 50 коп., тебѣ пятіалтынный.

На обратномъ пути Черепкинъ остался въ селѣ Двинскомъ, въ трактирѣ Жиркина. Возвратясь въ имѣніе Шатунова, Конякинъ

узналъ на другой день, что Черепкинъ получилъ разсчетъ и уже не возвратится. Вчера утромъ онъ, Конякинъ, показалъ почтовую расписку въ конторѣ Шатунова;—тамъ ему сказали, что деньги посланы женѣ Черепкина. Перепуганный юноша побѣжалъ на почту въ Мемирово; но тамъ ему сказали, что деньги уже отосланы, что почта отошла вчера.

Я обѣщалъ несчастному юношѣ сдѣлать все отъ меня зависящее, чтобы деньги были ему возвращены, и добавилъ:

— Буду требовать, чтобы Дмитрія разъискали и привели ко мнѣ по этапу, если онъ не возвратитъ твоихъ денегъ. Я сначала напишу ему письмо, что, вмѣсто трехъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, назначу ему двѣ недѣли ареста, если пришлетъ ко мнѣ по почтѣ твои деньги, или доставитъ лично, хотя бы по частямъ.

— Будьте милостивы, батюшка, Господинъ Земскій! — воскликнулъ Алексѣй и, поклонившись мнѣ въ ноги, ушелъ.

Прежде всего меня возмутило, до глубины души, отсутствіе почтоваго отдѣленія въ селѣ Двинскомъ. Уже съ 1870-го года мнѣ было извѣстно, что въ Двинскомъ пять тысячъ народа работаютъ на фабрикахъ милліонера Янчикова, и что въ Двинскомъ пять заведеній съ продажей вина. Въ 1890-мъ году тамъ было уже шесть мѣстъ продажи питей и, по случаю возникновенія дѣла Конякина, обнаружилось, что почтоваго учрежденія тамъ нѣтъ, и слѣдовательно, фабрикантъ Янчиковъ, не живущій въ Двинскомъ и, лично для себя, не нуждающійся въ почтово-телеграфномъ отдѣленіи, не заботится объ открытіи почты для работающихъ на его фабрикахъ людей.

О необходимости безотлагательнаго открытія въ селѣ Двинскомъ почтово-телеграфнаго отдѣленія было заявлено начальнику почтово-телеграфнаго округа, и отдѣленіе было открыто, но не по иниціативѣ Янчикова и не по его просьбѣ.

А дѣло по обвиненію Черепкина въ присвоеніи денегъ Конякина производилось обычнымъ порядкомъ.

Дознаніемъ, произведеннымъ полиціей, было выяснено, что Черепкинъ, послѣ отсылки Конякинскихъ денегъ своей женѣ, пьянствовалъ сутки въ Двинскомъ трактирѣ Жиркина, потерялъ тамъ свой паспортъ и выбылъ не извѣстно куда.

Получивъ паспортъ Черепкина и полагая, что онъ, по случаю утери его, не рискнетъ идти на сторонніе заработки и возвратится домой, я написалъ ему и послалъ по почтѣ письмо, которымъ извѣстилъ, что если онъ не возвратитъ немедленно растраченныхъ денегъ въ мою камеру, лично, или по почтѣ, чрезъ Мемировское почтовое отдѣленіе, будетъ сидѣть въ тюрьмѣ, а деньги все-таки буду

съ него взыскивать. Письмо оканчивалось такъ: „Для тебя выгоднѣе возвратить 25 р. 85 коп. и отсидѣть недѣли двѣ подъ арестомъ, чѣмъ лишиться заработка въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, которые ты будешь сидѣть въ тюрьмѣ, по моему приговору. Но и послѣ засадки, деньги будутъ съ тебя взысканы".

Не получивъ денегъ и отвѣта на мое письмо, я началъ канцелярскую переписку по вызову Черепкина въ мою камеру, этапнымъ порядкомъ. Переписка по этому предмету съ властями продолжалась цѣлый годъ и не дала результатовъ.

А Конякинъ продолжалъ работать въ имѣніи Шатунова и иногда навѣдывался ко мнѣ.

Я уже подумалъ сунуть дѣло въ архивъ, за нерозыскомъ Черепкина; но вотъ, въ мартѣ 1892 года, въ Мемировскомъ волостномъ правленіи, мнѣ подали полицейскую разносную книжку; въ ней оказался конвертъ съ надписью на немъ: „арестанское съ личностью Дмитрія Черепкина".

— Накопецъ-то!—невольно воскликнулъ я и сказалъ, чтобы позвали арестанта.

Внѣшній видъ этого несчастнаго человѣка былъ по истинѣ ужасенъ: блѣдное исхудалое лицо съ темными пятнами вокругъ ввалившихся глазъ. Одѣтъ въ грязное лохмотье. Обутъ въ промокшія портянки и полуразвалившіеся лапти.

Уже во время выборной судейской службы я зналъ, что такой ужасный видъ приводимыхъ по этапу объясняется голодомъ, которому они подвергаются въ пути, и что прежде всего надо накормить подсудимаго.

Возвратившись къ моему рабочему столу, послѣ утоленія голода, Черепкинъ упалъ на колѣни, кланялся мнѣ въ ноги и вопилъ сквозь слезы:

— Виноватъ, ваше вскородіе; простите Христа ради; по пьяному дѣлу случилось.

— Получилъ ты мое письмо?

— Какое письмо? Не получалъ я отъ вашей милости письма.

— Значитъ, письмо пропало. Я писалъ тебѣ, что если пришлешь немедленно въ мою камеру Конякинскіе 25 р. 85 коп., я назначу тебѣ засидку на двѣ недѣли въ земскомъ домѣ для арестуемыхъ; а если не пришлешь, будешь сидѣть въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ; а деньги все-таки взыщу съ тебя.

— Деньги я возвращу безпремѣнно; повремените маленько.

— Дай подписку, что деньги возвратишъ сполна въ трехмѣсячный срокъ.

— Извольте, ваше вскородіе.

— Но если ты обманешь меня...

*

— Да помилуйте! Вѣдь я знаю, что отъ васъ не уйдешь.

— Разскажи гдѣ ты находился и что дѣлалъ все это время.

— Я вашей милости все разскажу, какъ передъ Богомъ. Потерямши паспортъ, я первымъ дѣломъ подалъ, у себя на родинѣ, явку о его утерѣ. Сталъ это я потомъ просить писаря, въ нашей волостной, чтобы далъ старшинѣ подписать новый годовой паспортъ; а писарь говоритъ, этого, говоритъ, нельзя сдѣлать, потому какъ отъ вашей милости уже пришла въ волостную бумага, что паспортъ мой у васъ и чтобы новаго мнѣ не выдавать. Но я все-таки выпросилъ новый паспортъ и ушелъ на заработки; за мою благодарность дали мнѣ годовой паспортъ. Паспорту еще не истекъ срокъ, когда померла моя жена; я возвратился домой; дѣти малыя; безъ бабы никакъ нельзя; ну я, значитъ, женился на другой и опять хотѣлъ идти на заработки; но отъ вашей милости еще бумага пришла, чтобы меня доставить сюда по этапу; ну меня, значитъ, и заарестовали. Больше ничего не могу сказать вашей милости.

Черепкинъ подписалъ обязательство, принялъ отъ меня конвертъ въ его волостное правленіе, съ его старымъ паспортомъ и съ увѣдомленіемъ о неимѣніи препятствій къ выдачѣ ему новаго паспорта, поклонился мнѣ въ ноги и вышелъ.

Въ концѣ великаго поста 1892 года я видѣлся съ Конякинымъ въ послѣдній разъ. Онъ сказалъ, что идетъ домой, что въ наши мѣста не возвратится, а послѣ Пасхи хочетъ попытать счастье на земляныхъ работахъ какой-то дальней строящейся желѣзной дороги.

— Дмитрія приводили ко мнѣ—успокоивалъ я Алексѣя.—Онъ далъ мнѣ подписку, что возвратитъ твои деньги въ мою камеру не позднѣе іюня.

— Не отдастъ; не такой это человѣкъ.

— А если отдастъ, куда ихъ отослать?

— Пошлите нашему волостному старшинѣ, въ волостное правленіе, для выдачи моей матушкѣ Марьѣ Васильевнѣ.

Я записалъ адресъ, пожелалъ Алексѣю успѣха на дальнихъ заработкахъ и разстался съ нимъ.

Прошли условленные три мѣсяца. Не получивъ отъ Дмитрія ни денегъ, ни письма, я продѣлалъ вторично всю канцелярскую работу по вызову его въ мою камеру.

Весной 1894 года, вечеромъ, я сидѣлъ въ своей камерѣ, сумерничалъ и думалъ.

— Неужели дѣло Алексѣя Конякина проиграно? Не попросить ли частнымъ письмомъ исправника, или предводителя Черкинскаго уѣзда о его отправленіи ко мнѣ по этапу?

Къ тамошнему земскому начальнику я уже обращался, и оффиціально, и частнымъ письмомъ, но это оказалось безполезнымъ...

— Какая-то дѣвочка пришла, говоритъ, что изъ другаго уѣзда и желаетъ васъ видѣть,—доложила служанка.

— Проводите сюда.

Сумерки уже очень сгустились, когда вошла въ камеру, безшумно, точно кошка, маленькая женская фигурка и остановилась у двери.

— Здравствуйте баринъ,—сказала она. Вотъ извольте пятнадцать рубликовъ получить. Максимычъ, мужъ мой, приказалъ доставить вашей милости.

— Что такое? Какой Максимычъ?

— Митрій Максимычъ, вотъ котораго вы въ судъ вызываете.

Я зажегъ лампу и подозвалъ посѣтительницу къ столу, за которымъ сидѣлъ.

Это была худенькая, на видъ пятнадцати-лѣтняя дѣвочка. Сверхъ коротенькаго ситцеваго платья, она была закутана, съ головы до пояса, старымъ шерстянымъ платкомъ.

— Пятнадцать рублей принесла? Только?

— Пятнадцать—сказала она, опустила глазки и, казалось мнѣ, покраснѣла.—Я, баринъ, пришла къ вамъ изъ Манышевой,—продолжала она, сбиваясь и конфузясь.—Вотъ деревушка, версты двѣ отсель.

— Знаю Манышову. Ну что же?

— Тамъ сестра моя замужемъ. Ну я, значитъ, погостила у сестры, поразспросила, какъ къ вашей милости идти.

— Пятнадцать рублей я не приму.

— Почему же баринъ?

— Дмитрій растратилъ чужихъ денегъ 25 р. 85 к.

— Вы, баринъ, примите теперь пятнадцать, а потомъ онъ еще пришлетъ. Будьте такіе добрые; я вамъ въ ножки поклонюсь.

— Не кланяйтесь, не приму.

Но она уже сдѣлала земной поклонъ и стояла въ позѣ, которую любятъ крестьянки, когда тяжело на душѣ. Правую щеку она подперла ладонью правой руки, а локоть этой руки ладонью лѣвой.

— Намучился я, за три года, съ вашимъ легкомысленнымъ Максимычемъ. Достаточно. Пускай отсидитъ въ тюрьмѣ три мѣсяца; а деньги Конякинскія все-таки буду съ него взыскивать.

— Пойду къ сестрѣ; можетъ, у ней выпрошу.

— Сходите.

Жена Черепкина поклонилась и ушла.

На слѣдующій день утромъ она вошла въ мою камеру, поклонилась, положила на столъ 26 рублей и сказала:

— Извольте получить.

— Она оказалась грамотною и подъ мою диктовку написала въ кассовой книгѣ: 25 руб. 85 коп. уплатила и квитанцію получила Арина Ивановна Черепкина.

Я ей далъ квитанцію и 15 копѣекъ сдачи.

— Не надо, баринъ, не безпокойтесь,—наивно отсунула она пятіалтынный.

Я настоялъ, чтобы она взяла сдачу и сказалъ:

— Передайте эту квитанцію вашему мужу и скажите ему, что теперь, уплативъ деньги, онъ будетъ приговоренъ мною, заочно, въ случаѣ неявки по повѣсткѣ, не къ тюремному заключенію, а къ кратковременному аресту въ земскомъ домѣ для арестуемыхъ.

— Онъ проситъ не сажать его въ земскую арестную. Скажи, говоритъ, барину, что я прошу его посадить меня въ тюрьму. Я, говоритъ, добуду себѣ въ тюрьмѣ стаканчикъ чайку и бѣленькаго хлѣбца. Онъ говоритъ, что въ тюрьму добрые люди калачиковъ присылаютъ, а отъ казны горячая пища идетъ. А въ земской арестной только ржаной хлѣбъ даютъ [1]).

— Передайте, Арина Ивановна, вашему мужу, что арестъ не такое позорное наказаніе, какъ тюрьма; да и по закону нельзя замѣнять арестъ тюремнымъ заключеніемъ. Вы мнѣ лучше разскажите, какъ это вамъ удалось у сестры выпросить одиннадцать рублей?

Арина Ивановна задумалась немножко, а потомъ сказала.

— Ужъ я вамъ, баринъ, всю правду скажу. Максимычъ далъ мнѣ всѣ 26 рублей; но сказалъ, чтобы одиннадцать оставила у сестры. Можетъ, и на пятнадцати сойдетесь, сказалъ онъ. А если, говоритъ, не приметъ, тогда, дѣлать нечего, всѣ 26 отдай.

Съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ я на эту несчастную жену несчастнаго мужа и мнѣ захотѣлось еще поговорить съ нею.

— Что же это вы, Арина Ивановна, такая молоденькая, пошли замужъ за пожилаго вдовца, да еще и съ дѣтьми?

— Лучше, баринъ, въ законѣ жить, чѣмъ путаться съ кѣмъ попало.

— Это конечно.

— Вы говорите молоденькая; а мнѣ двадцатый годъ. Чего-же мнѣ было ждать, когда Максимычъ посватался? Я вѣдь сирота; у чужихъ людей въ бѣдности жила, у мужика работницей была.

---

[1]) Съ такою просьбой, и именно такъ мотивированной, ко мнѣ обращались неоднократно. Воспользовавшись избраніемъ въ гласные нашего уѣзднаго земскаго собранія, помнится въ 1888 году, я вошелъ въ земское собраніе съ представленіемъ объ отпускѣ арестуемымъ горячей пищи. Представленіе мое было уважено. Отпускается ли и теперь горячая пища, я не знаю.

— Вотъ вы, съ вашимъ Максимычемъ, грамотные. Читаете вы что-нибудь?

— Да что же читать-то?

— Есть хорошія книжки и дешевыя, по три, по пять копѣекъ.

— У насъ въ селѣ нѣтъ такихъ.

— А евангеліе есть?

— Евангеліе каждое воскресенье во время обѣдни дьяконъ читаетъ.

— Понимаете вы, когда онъ читаетъ?

— Что поймешь, а чего не дослышишь. Ну, прощайте, баринъ, будьте здоровы.—Она поклонилась и вышла.

Дѣло, которому не предвидѣлось конца, было окончено.

Получено было донесеніе объ отбытіи Черепкинымъ двухнедѣльнаго ареста.

Ожидалась росписка Маріи Васильевны Конякиной въ полученіи 25 р. 85 к., отосланныхъ ей по почтѣ, чрезъ волостного старшину, по мѣсту ея жительства. Но вотъ, что случилось.

Въ концѣ лѣта 1894 года пріѣхалъ ко мнѣ мемировскій волостной старшина, видимо испуганный, или озабоченный чѣмъ-то.

— У насъ, ваше вскородіе, несчастіе случилось,—сказалъ онъ послѣ обычныхъ привѣтствій.

— Что такое?

— Писарь нанялъ себѣ въ помощники [1]) молодого парня; а онъ отыскалъ въ нашемъ шкафу испорченную каучуковую печать (была она брошена моимъ предмѣстникомъ) да сталъ ее прикладывать къ подложнымъ довѣренностямъ.

— Къ какимъ?

— На полученіе съ почты денегъ, адресованныхъ на имя волостного правленія.

— И получалъ деньги?

— Получалъ.

— Много ли получилъ?

— За четыре раза тридцать восемь рублей.

— Кто онъ такой?

---

[1]) Давно всѣмъ извѣстно, что волостные писаря чрезмѣрно обременены работой, и при томъ не относящеюся до крестьянскаго общественнаго управленія. Чего только на нихъ не взваливаютъ и кто имъ не предписываетъ?! Помню, въ 1867 году, во время службы моей въ Виленской губерніи, въ должности мирового посредника, губернскій статистическій комитетъ требовалъ отъ меня свѣдѣній, для представленія въ Петербургъ въ центральный статистическій комитетъ, объ урожаяхъ хлѣбовъ и травъ въ шести волостяхъ моего участка. Я, съ своей стороны, требовалъ эти свѣдѣнія изъ волостныхъ правленій и посылалъ. Теперь это проще дѣлается. Губернаторъ, получивъ

— Сынъ псаломщика сосѣдняго уѣзда, почетный гражданинъ.

— Паспортъ его у васъ?

— У насъ.

— Гдѣ же теперь этотъ почетный гражданинъ?

— Скрылся. Слухъ есть, что онъ къ отцу ушелъ.

— Я не признаю этихъ помощниковъ должностными лицами крестьянскаго общественнаго управленія, и потому дознанія по этому дѣлу на себя не принимаю. Донесите становому рапортомъ о случившемся. Онъ произведетъ дознаніе и отошлетъ къ судебному слѣдователю.

Старшина уѣхалъ.

Вскорѣ я получилъ съ почты рапортъ волостного правленія по мѣсту жительства Марьи Васильевны Конякиной. На рапортѣ, за волостного старшину, какой-то сельскій староста, по безграмотности, приложилъ должностную печать. Вмѣсто фамиліи и имени волостного писаря былъ только росчеркъ. Къ рапорту приложена расписка: Двадцать пять рублей и 85 к. получила вдова Марія Конякина, а за нее, неграмотную, подписался почетный гражданинъ Пименъ Языкоогнеобразновъ.

Не повѣрилъ я этимъ документамъ и запросилъ Марію Васильевну Конякину о полученіи денегъ заказнымъ письмомъ; но отвѣта не получилъ.

Я все ждалъ, не появится ли въ нашихъ мѣстахъ Алексѣй, чтобы его самого спросить, но онъ не являлся.

В. Т—въ.

изъ центральнаго статистическаго комитета конверты, по числу волостныхъ правленій губерніи, со вложенными въ нихъ бланками затребованныхъ статистическихъ свѣдѣній, разсылаетъ ихъ въ волостныя правленія съ предписаніями о заполненіи бланокъ свѣдѣніями и отсылкѣ ихъ непосредственно въ Петербургъ въ центральный статистическій комитетъ. Часто случается, что волостной писарь, будучи заваленъ непосильной работой, удѣляетъ изъ своего жалованія на наемъ помощника и нанимаетъ, кого попало, большею частью на непродолжительное время.

Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ, митрополитъ казанскій.

(Къ исторіи пугачевскаго бунта).

Не думаемъ, чтобы многимъ было извѣстно имя казанскаго митрополита Веніамина Пуцекъ-Григоровича. А если оно и извѣстно, то развѣ только по приписываемому этому святителю сношенію съ Пугачевымъ. Между тѣмъ, это была личность недюжинная, стремившаяся принести пользу церкви и государству въ дѣлѣ просвѣщенія, на поприщѣ миссіи среди казанскихъ инородцевъ и, наконецъ, въ сферѣ административныхъ распоряженій—въ тушеніи пожара народнаго мятежа, обхватившаго въ 1773—1774 гг. казанскій край.

При составленіи нашего очерка были приняты во вниманіе всѣ доселѣ извѣстные источники, изъ которыхъ многіе—разумѣемъ относящіеся къ пребыванію Веніамина въ Казани во время пугачевскаго бунта—лишь въ недавнее, сравнительно, время получили надлежащую оцѣнку въ трудѣ покойнаго Н. Ѳ. Дубровина—„Пугачевъ и его сообщники“ [1]).

[1]) Вотъ перечень наиболѣе цѣнныхъ источниковъ для біографіи м. Веніамина: „Извѣстіе о злодѣйскомъ нападеніи на гор. Казань бунтовщика Емельки Пугачева“ (Прибавл. къ *Казанск. Вѣстн.* 1830 г., № 26), рескр. Екатерины II архіеп. Казанскому 22 окт. 1773 г. и „Два письма вел. Екатерины нижегородск. губернатору, ген.-поруч. А. А. Ступишину“ (*Сын. Пчела* 1883 г. № 3), „Посл. Веніамина, архіеп. казанск., своей паствѣ 1774 г.“ (*Правосл., Собес.* 1859 г. II), *Архангельскій*, свящ. „Преосв. Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ, м. казанск. и свіяжскій“ (*Странникъ* 1866 г. кн. I), *Любарскій*, Пл., арх. „Сбор. древ. казанск. епар. и др. приснопамятныхъ обстоятельствъ“ (изд. 1868 г.) письмо Веніамина П. Панину (*Рус. Ст.* 1870 г. II), рескр. и. Екатерины Павлу Потемкину 4 авг. 1774 г. (*Рус. Стар.* 1875, т. XIII), *Дубровинъ* Н. Ѳ., акад. „Пугачевъ и его сообщники, эпизодъ изъ истор. царств. и. Екатерины II. 1773—1774. По неиздан. источн. СПБ. 1884 т. III. Дѣла: арх Св. Синода, № 145, государств. арх. №№ 85, 468, 489 и 527.

Веніаминъ, въ мірѣ Василій Пуцекъ-Григоровичъ, родился въ началѣ XVIII ст. въ городкѣ Лохвицѣ (нынѣ уѣздный городъ Полтавской губерніи).

Отецъ его Григорій Григорьевичъ, былъ значковымъ товарищемъ малороссійскаго Лубенскаго полка [1]), мать же его происходила изъ польской дворянской фамиліи Pucek. Василій присоединилъ впослѣдствіи къ фамиліи отца родовую фамилію матери и съ нею остался извѣстнымъ.

Василій Пуцекъ-Григоровичъ обучался въ кіевской академіи. По окончаніи курса, въ 1733 г., поступилъ учителемъ въ казанскую семинарію. Постригшись въ 1740 г. въ монашество съ именемъ Веніамина, онъ былъ назначенъ префектомъ (1741—1744) и ректоромъ (1744—1748) семинаріи, сперва въ санѣ іеромонаха, а потомъ (съ 1744 г.) въ санѣ архимандрита казанскаго Спасопреображенскаго монастыря.

Въ то время на казанской каѳедрѣ находился еп. Лука Конашевичъ, извѣстный своими заботами о распространеніи просвѣщенія и обращенія инородцевъ въ христіанство. При немъ казанская семинарія завела у себя высшіе классы, стала самою многолюдною (до 300 учениковъ) и одною изъ самыхъ благоустроенныхъ [2]). Благодаря его стараніямъ инородцы массами крестились. Это былъ, по словамъ Платона Любарскаго, „къ искорененію въ епархіи идолослуженія и магометанскаго злочестія такой ревнитель, что во время его архіерейства безчисленное множество мордвы, вотяковъ, чувашъ, калмыковъ и татаръ приняли св. крещеніе“ [3]). Лука Конашевичъ доходилъ въ этомъ дѣлѣ до крайностей, онъ насильно бралъ инородческихъ дѣтей въ школы, строилъ среди татарскихъ поселеній церкви, учреждалъ мимо татарскихъ домовъ крестные ходы и довелъ казанскихъ

---

[1]) Въ войскѣ малороссійскомъ, организованномъ, во многихъ отношеніяхъ по образцу польскихъ войскъ того времени товарищами (towarzysz) назывались легкоконные воины изъ дворянъ.

[2]) Основаніе казанской семинаріи—этого фундамента современной казанской духовной академіи, положено въ 1723 г. тогдашнимъ митр. Тихономъ. Первымъ и долгое время единственнымъ учителемъ, при томъ же много потрудившимся на пользу семинаріи, былъ Василій Свѣнтицкій, лицо несомнѣнно польскаго происхожденія. Пуцекъ-Григоровичъ его еще засталъ.

[3]) „Ист. казанск. іерархіи“, рукоп. казанск. дух. акад. *Филаретъ Черниговскій.* „Истор. руск. Цер.“ пер. 5, М. 1859, 18, примѣч. 61.—Въ 1741 г. архимандритъ Свіяжскаго Богородицкаго монастыря Димитрій Сѣченовъ, одинъ изъ помощниковъ еп. Луки въ дѣлѣ миссіи, доносилъ Синоду, что въ Казанской и Нижегородской губерніяхъ „разныхъ народовъ иновѣрцы цѣлыми деревнями и всѣми уѣздами и сотнями какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ всѣ до единаго св. крещеніемъ просвѣтились.“

татаръ до того, что они едва удержались отъ поголовнаго возстанія [1]). Усерднымъ сотрудникомъ еп. Луки въ распространеніи православной вѣры былъ Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ, ѣздившій по инородческимъ селеніямъ съ проповѣдью. Онъ—пишетъ авторъ „Исторіи казанской іерархіи“ — „преосвященнымъ Лукою неоднократно посылаемъ былъ въ епархію для приведенія иновѣрцевъ въ православіе, въ которое обратилъ языческихъ народовъ многое число“ [2]). Хотя такое рвеніе Луки Конашевича причиняло ему не мало непріятностей [3]) и хотя крещенные при подобныхъ условіяхъ инородцы были очень ненадежны въ православіи, тѣмъ не менѣе въ численномъ отношеніи дѣятельность Луки Конашевича и ближайшаго его сотрудника Веніамина Пуцекъ-Григоровича вполнѣ удовлетворяла тогдашнее правительство. [Такъ что въ 1748 г. Веніамина возвели въ санъ епископа нижегородскаго. Хиротонія его во епископа послѣдовала въ Петропавловскомъ соборѣ въ Петербургѣ, гдѣ въ то время (съ 1746 г.) Веніаминъ находился на „чредѣ священнослуженія и проповѣди“. На нижегородской каѳедрѣ онъ оставался пять лѣтъ.

За это время дѣло обращенія иновѣрцевъ въ нижегородской епархіи продолжалось непрерывно, было построено нѣсколько церквей и расширено помѣщеніе мѣстной семинаріи. Въ 1753 г. Веніамина перемѣстили въ Тверь, съ пожалованіемъ въ члены Св. Синода. Изъ Твери, въ 1758 г., его перевели въ Псковъ, а изъ Пскова, въ 1761 г.,— въ Петербургъ, съ возведеніемъ въ санъ архіепископа.

Преосвященный Веніаминъ управлялъ С.-Петербургскою архіепископіею менѣе года, но и въ такое сравнительно короткое время заявилъ себя въ дѣлахъ внутренняго епархіальнаго управленія человѣкомъ дѣятельнымъ, стоящимъ твердо на почвѣ законности и справедливости.

Наиболѣе крупными событіями во время управленія Веніамина Петербургскою епархіею были закрытіе домовыхъ церквей въ столицѣ и кончина императора Петра III.

---

[1]) *П. В. Знаменскій* „Руков. къ русск. церк. ист.“ К. 1876, 378.—Въ 1743—1744 г.г. предпринято было повсемѣстное истребленіе мордовскихъ кладбищъ и татарскихъ мечетей въ губерніяхъ Нижегородской и Казанской; въ послѣдней уничтожено 418 мечетей (*Дубровинъ*. „Пугачевъ и его сообщники“, I, 364).—Не одинъ Лука Конашевичъ распростанялъ подобными мѣрами православіе. Димитрій Сѣченовъ превзошелъ его. Въ 1745 г. мордва жаловалась императрицѣ, что Сѣченовъ (въ то время уже еп. нижегородскій) заставляетъ ихъ креститься силою, связанными окунаетъ въ купель. (Тамъ же).—

[2]) „Ист. каз. іер.“ у *Филарета*. „И. р. ц“. пер. 5-й. 18, прим. 61.

[3]) См. напр., вызванный его рѣзкими дѣйствіями указъ Св. Синода отъ 24 декабря 1750 г., въ *Полн. собр. зак. росс. имперіи*, т. XIII, № 9825.]

Начиная съ основанія С.-Петербурга и до смерти императрицы Елизаветы Петровны въ городѣ образовалось значительное число церквей въ частныхъ домахъ. Указомъ Петра Великаго построеніе домовыхъ церквей дозволялось „именитымъ персонамъ ради старости“ и соединяемыхъ съ нею такого рода недуговъ, по которымъ они не имѣли никакой возможности посѣщать общенародныя молитвенныя собранія. Но такимъ разрѣшеніемъ скоро стали злоупотреблять. Бояре ставили въ домахъ церкви изъ видовъ роскоши и тщеславія другъ передъ другомъ. За ними начали строить у себя церкви и лица другихъ сословій, особенно богатые купцы. Такъ, что ко времени воцаренія Петра III, число домовыхъ церквей въ С.-Петербургѣ достигало 30 [1]). Петръ III въ указѣ своемъ 5 марта 1762 г., исходя изъ того положенія, что „сколь нужно для прямого истиннаго благочестія вѣры созидать храмы Божіи..., столь болѣе надлежитъ устроять вообще для всѣхъ соборы, и приходскіе церкви сохранять съ подобающимъ благолѣпіемъ...“, а между тѣмъ „въ С.-Петербургѣ великое число у партикулярныхъ людей въ домахъ построено церквей, то не можно и надѣяться, чтобы общенародные соборы и церкви съ должностнымъ благолѣпіемъ сохраняемы были: потому что всякій о своей, а не объ общей, попеченіе прилагаетъ“ [2]), повелѣлъ Синоду, „о семъ по должности своея разсмотря“, немедленно представить, а на будущее время безъ его, государева, разрѣшенія въ частныхъ домахъ церквей строить не позволять [3]). По полученіи указа, Синодъ собралъ черезъ Веніамина свѣдѣнія о городскихъ домовыхъ церквахъ и при докладѣ представилъ ихъ императору. Петръ, разсмотрѣвъ докладъ Свят. Синода объ этихъ церквахъ, приказалъ оставить только три изъ нихъ (у ген.-фельдмаршала, кн. Н. Ю. Трубецкаго, канцлера, гр. М. И. Воронцова и вдовы генерала Е. В. Мельгуновой, впрочемъ, у послѣдней временно: до ея выздоровленія), а прочія всѣ безъ изъятія отрѣшить и впредь, безъ имяннаго его величества соизволенія, никому имѣть таковыя у себя въ домахъ не разрѣшать. 2-го апрѣля, получивъ объ этомъ объявленіе, архіеп. Веніаминъ предписалъ указомъ консисторіи ключарю Петропавловскаго собора Сергію Коноплеву привести его въ исполненіе. Ключарь отобралъ антиминсы изъ отрѣшенныхъ церквей, для храненія въ благопристойномъ мѣстѣ при Петропавловскомъ соборѣ, а самыя церкви, разобравъ,

---

[1]) Подробный перечень ихъ въ ст. свящ. Архангельскаго „Преосв. Веніаминъ...“ (*Странникъ* 1866. I, 38—40).

[2]) Примѣры были налицо: соборъ св. Троицы, церковь св. ап. Матѳея, Никольская церковь на Петербургской сторонѣ и нѣкоторыя другія мѣста общественной молитвы были деревянныя, ветхія, бѣдныя.

[3]) *Пол. собр. зак. р. имп.*, XV, № 11460.

запечаталъ печатью духовной консисторіи. Къ половинѣ мая все было кончено, и Коноплевъ донесъ объ этомъ, особымъ рапортомъ, консисторіи.

Прошло немного времени. Обстоятельства перемѣнились. 28-го іюня 1762 г. вступила на престолъ Екатерина II. Мѣра, предпринятая Петромъ III къ сокращенію числа домовыхъ церквей, какъ и многія другія мѣры этого несчастнаго императора, не понравилась Екатеринѣ и даже нашла себѣ осужденіе въ манифестѣ отъ 6-го іюля: „началъ помышлять о разореніи и самыхъ церквей... тѣмъ, которые по теплотѣ и молитвѣ къ Богу, за слабымъ иногда здоровьемъ, не могли отъ дому своего отлучаться, вовсе закономъ предписалъ никогда церкви Божіей въ домѣхъ не имѣть“. Такъ что Веніаминъ долженъ былъ дать предписаніе тому же Коноплеву закрытыя церкви возстановить и снова разрѣшить въ нихъ богослуженіе [1]).

Въ началѣ іюля (1762 г.) Петръ III умеръ. Веніаминъ принималъ участіе въ его погребеніи. Уже позднѣе, въ бытность свою въ Казани, въ своихъ увѣщательныхъ посланіяхъ къ паствѣ по случаю пугачевщины, Веніаминъ такъ описываетъ погребеніе Петра Ѳеодоровича. Тѣло императора было привезено на утренней зарѣ въ Александроневскій монастырь, поставлено въ тѣхъ самыхъ покояхъ, въ которыхъ онъ, Веніаминъ, жилъ. Въ теченіе трехъ дней, по обычаю, приходили къ покойному для отданія христіанскаго долга: вельможи, люди всѣхъ другихъ званій и простой народъ, затѣмъ, въ сопровожденіи многочисленнаго собранія, тѣло императора перенесено съ подобающею честію въ церковь, тамъ отпѣто и имъ, Веніаминомъ, запечатлѣно земною перстію. Одновременно съ тѣмъ преосвященный Веніаминъ получилъ и разослалъ два манифеста новой государыни: о коронаціи ея, которая имѣла совершиться въ томъ году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ Москвѣ и о всѣхъ обстоятельствахъ, происшедшихъ при вступленіи Екатерины на престолъ. Манифесты были объявлены и обо всемъ, по порядку, доведено до свѣдѣнія консисторіи. Но это были уже послѣднія распоряженія архіеп. Веніамина по Петербургской епархіи.

Екатерина II желала дать ходъ новымъ лицамъ въ іерархіи, которыя могли бы соотвѣтствовать ея правительственнымъ видамъ. Малороссы, занимавшіе до того времени всѣ важные іерархическіе посты, за малыми исключеніями, не нравились ей по своимъ крайнимъ клерикальнымъ тенденціямъ. И вотъ именнымъ указомъ, дан-

[1]) Впрочемъ, не всѣ церкви были возстановлены: нѣкоторыя, по разнымъ обстоятельствамъ, такъ и остались не открытыми.

нымъ Свят. Синоду 25 іюля 1762 г., она вызываетъ на петербургскую каѳедру, извѣстнаго ей, казанскаго епископа Гавріила Кременецкаго, а на мѣсто послѣдняго назначаетъ Веніамина Пуцекъ-Григоровича.

Веніаминъ участвовалъ въ коронаціи Екатерины 22 сентября. По окончаніи коронаціонныхъ торжествъ онъ выѣхалъ изъ Москвы и 20 октября прибылъ въ Казань. Здѣсь онъ увидѣлъ знакомыя ему мѣстности, припомнилъ прежнюю свою дѣятельность и труды, нашелъ многихъ изъ прежняго времени знакомыхъ лицъ. Первыя десять лѣтъ своего святительскаго служенія въ Казани архіепископъ Веніаминъ посвятилъ заботамъ о развитіи образованности въ средѣ духовенства и паствы и о крещеніи иновѣрцевъ, которыхъ онъ, по отзыву современника, присоединилъ множество [1]). Изъ дошедшаго до насъ синодскаго указа, отъ 17 іюня 1773 года [2]), видно, что въ дѣлѣ обращенія иновѣрцевъ Веніаминъ продолжалъ дѣйствовать въ духѣ своего бывшаго руководителя и предшественника еп. Луки. Онъ возбудилъ ходатайство о сломкѣ двухъ каменныхъ мечетей въ Казани, построенныхъ съ разрѣшенія прежняго губернатора Квашнина-Самарина вблизи православныхъ церквей. На докладъ Сената объ этомъ, Екатерина велѣла отвѣтить: „какъ Всевышній Богъ на землѣ терпитъ всѣ вѣры, языки и исповѣданія, то и она изъ тѣхъ же причинъ, сходствуя Его святой волѣ, и въ семъ поступаетъ, желая только, чтобъ между подданными ея всегда любовь и согласіе царствовали, а впрочемъ ея величество приказать соизволили Сенату объявить, что бывшій губернаторъ Квашнинъ-Самаринъ дозволеніе строить каменныя мечети сдѣлалъ въ сходственность даннаго большаго наказа 494, 495 и 496 статей“ [3]). И Синодъ на представленіе Веніамина отвѣтилъ запрещеніемъ епархіальнымъ архіереямъ вмѣшиваться—„въ дѣла, касающіяся до иновѣрныхъ исповѣданій и до построенія по ихъ законамъ молитвенныхъ домовъ“.

Въ 1773 г. дѣятельность Веніамина получила новое направленіе. Около того времени въ приволжской Россіи началось великое народное волненіе, извѣстное подъ именемъ пугачевскаго бунта. Разоряемые помѣщиками крестьяне, не находившіе защиты себѣ у правительства [4]), преслѣдуемые послѣднимъ за свои убѣжденія,

---

[1]) у *Филарета Черниговскаго* „И. р. ц.“, пер. 5-й, 19.

[2]) *П. с. з. р. п.* т. XIX. № 13996.

[3]) *Журналъ Сената.* 29 мая 1773 г.

[4]) О жестокомъ обращеніи помѣщиковъ съ крестьянами въ екатерининское время, также какъ и о бытѣ крестьянъ передъ пугачевскимъ бунтомъ см. VII гл. изслѣдованія *В. И. Семевскаго* „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II“ (СПБ. 1881).

раскольники, принуждаемые къ принятію христіанства насильственными мѣрами, инородцы, наконецъ, вольнолюбивые казаки возстали на защиту своихъ правъ и съ оружіемъ въ рукахъ соединились вокругъ казака Зимовейской станицы донскаго войска—Емельяна Иванова Пугачева, объявившаго себя императоромъ Петромъ III. Пугачевъ зналъ, что правительство Петра III угнетенные классы считали для себя благопріятнымъ и видѣли въ судьбѣ низверженнаго и затѣмъ трагически погибшаго государя отображеніе своей собственной судьбы. Схваченный во-время Емельянъ былъ посаженъ въ казанскій острогъ. Освобожденный единомышленниками, Пугачевъ возвратился на Яикъ. Волненіе начало распространяться. Мятежники стали захватывать въ свои руки пограничныя крѣпости, пользуясь подчасъ измѣною гарнизоновъ. Готовъ былъ вспыхнуть мятежъ въ самой Москвѣ. Смуты самозванщины XVII вѣка могли легко повториться въ новомъ видѣ. Изданный императрицею манифестъ, разъяснявшій обманъ самозванца, успѣха въ народѣ не имѣлъ. Екатерина обратилась къ помощи церкви.

Рескриптомъ отъ 22 октября 1773 г. она просила Веніамина сдѣлать черезъ духовенство надлежащее наставленіе прихожанамъ и, если будетъ необходимо, сообщить о таковомъ архіереямъ сосѣднихъ епархій, для свѣдѣнія. Тогда-то выступилъ Веніаминъ со своими увѣщаніями. Послѣднія дѣлались имъ въ формѣ бесѣдъ, поученій и пасторскихъ посланій. Они должны были имѣть особенный вѣсъ, такъ какъ подъ управленіемъ Веніамина была большая часть бунтовавшаго края и такъ какъ было извѣстно, что онъ, будучи еще архіепископомъ петербургскимъ, самъ лично участвовалъ въ погребеніи настоящаго Петра III. Однако, несмотря на эти увѣщанія, бунтъ все усиливался. Пугачевъ, пользуясь неспособностью высланныхъ противъ него генераловъ, бралъ одинъ за другимъ города, безъ пощады избивая непокорныхъ; такъ, онъ взялъ Самару и двинулся къ Казани.

Тогда Веніаминъ употребилъ противъ бунтовщиковъ послѣднее духовное оружіе—предалъ ихъ анаѳемѣ.

Въ назначенный для анаѳематствованія мятежниковъ день, утромъ, Веніаминъ выѣхалъ изъ Воскресенскаго монастыря, въ которомъ въ то время имѣлъ свое пребываніе, въ берлинѣ, отдѣланномъ золотомъ, на шести лошадяхъ въ шорахъ, кучеръ былъ одѣтъ въ нѣмецкій кафтанъ и трехугольную шляпу; впереди ѣхали двое верховыхъ въ зеленыхъ епанчахъ, одинъ изъ нихъ держалъ въ рукѣ архіерейскую мантію, другой—посохъ. На паперти собора Веніаминъ надѣлъ мантію, взялъ посохъ и вошелъ въ храмъ, а послѣ обѣдни

проклялъ Пугачева. Затѣмъ донесъ объ этомъ рапортомъ Св. Синоду [1]).

Тѣмъ не менѣе немногіе—даже изъ среды духовенства въ возставшихъ мѣстностяхъ—устояли противъ ужасовъ времени. Случаи отступленія духовныхъ лицъ отъ вѣрности престолу стали тогда особенно часты. Священники сплошь и рядомъ встрѣчали Пугачева на папертяхъ своихъ церквей съ крестомъ и св. водою и служили за него молебны, какъ за царя. Число такихъ священнослужителей было такъ велико, что Св. Синодъ, объявившій своимъ указомъ всѣхъ духовныхъ, „поползнувшихся въ вѣрности", лишенными сана, долженъ былъ смягчить строгость этой мѣры, разрѣшивъ священнослуженіе всѣмъ виновнымъ, которые приставали къ бунтовщикамъ не по единомыслію съ ними, а единственно страха ради. Какъ бы то ни было и послѣ этого изъ духовнаго званія пришлось исключить до 130, занимавшихъ разныя іерархическія степени, лицъ, въ томъ числѣ даже двоихъ архимандритовъ [2]). Въ разстриженіи одного изъ нихъ, именно архимандрита Саранскаго-Петровскаго монастыря—Александра, Веніаминъ принималъ непосредственное участіе [3]). Эти случаи сильно поколебали довѣріе правительства къ духовенству. Поэтому достаточно было малѣйшей неосторожности со стороны того или другого духовнаго лица, какъ правительство уже видѣло въ этомъ сочувствіе мятежникамъ. Самъ Веніаминъ не избѣжалъ обвиненія въ этомъ.

Обвинителемъ Веніамина выступилъ капралъ изъ дворянъ Костромской губерніи Илья Аристовъ, содержавшійся въ Казани подъ стражею за побѣгъ изъ Томскаго полка. Здѣсь освободили его изъ-подъ стражи, и онъ присоединился къ мятежникамъ. Пугачевъ пожаловалъ его чиномъ полковника. Когда самозванца разбили подъ Казанью, Аристовъ бѣжалъ въ Нижній. Тамъ схватили его, и онъ, при допросѣ 25 іюля 1774 г., между прочимъ, показалъ, что въ день прихода Пугачева подъ Казань, рано утромъ, прискакалъ къ самозванцу семинаристъ и, отъ имени Веніамина, передалъ Пугачеву вязанный кошелекъ съ золотыми деньгами, „по примѣчанію тысячъ до трехъ", что Пугачевъ взялъ деньги, приказалъ благодарить архіерея, а привезшему ихъ семинаристу поднесъ рюмку водки. Препровожденный въ Казань, гдѣ, по усмиреніи бунта, была образована, подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Павла Сергѣевича

---

[1]) Арх. Св. Син., д. № 145.

[2]) *Знаменскій*, 415.

[3]) Пис. *Любарскаго Н. Бантышъ-Каменск.* 16 окт. 1774 г. Госуд. арх., д. № 527.

Потемкина [1]), розыскная комиссія по пугачевскому бунту,—Аристовъ повторилъ свое показаніе, хотя въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Здѣсь онъ разсказалъ, что во время раззоренія Казани онъ, Аристовъ, будучи освобожденъ мятежниками, по приказанію Пугачева, шелъ расковаться. Направляясь къ кузницѣ, онъ нагналъ казанскаго купца Александра Огородникова и, узнавъ, что тотъ голоденъ, пригласилъ его идти съ собою, и они вмѣстѣ пришли въ кузницу. Находясь тутъ, они видѣли, что, около полудня, пріѣхалъ къ ставкѣ самозванца верхомъ молодой человѣкъ, какъ бы церковникъ. По его отъѣздѣ злодѣй вышелъ изъ ставки, приказалъ своимъ наложницамъ Марѳуткѣ съ Дунькой подпороть подкладку у своего бешмета, и, подавая имъ золотые, велѣлъ разложить ихъ подъ подкладкою и простегать такимъ образомъ, чтобы имперіалы и полуимперіалы приходились около груди, а червонцы около подола; въ этомъ бешметѣ злодѣй всегда ѣздилъ.

Желая выяснить, кто именно былъ церковникъ, ѣздившій съ порученіемъ казанскаго архіепископа къ Пугачеву [2]), Пав. Потемкинъ велѣлъ отвезти Аристова въ церковь, когда служилъ архіерей. Среди собравшихся тамъ церковниковъ Аристовъ не нашелъ ни одного похожаго. Тогда Потемкинъ вздумалъ пригласить, подъ другимъ видомъ, въ секретную комиссію семинаристовъ [3]), но Аристовъ сдѣлался опасно боленъ.

Допрошенный Огородниковъ сперва говорилъ, что ничего не знаетъ, но на очной ставкѣ съ Аристовымъ (17 сентября) подтвердилъ показаніе послѣдняго о пріѣзжавшемъ церковникѣ, прибавивъ, что то былъ архіерейскій пѣвчій Лебединскій [4]). По справкѣ, Лебединскихъ оказалось два брата: одинъ Герасимъ—семинаристъ, другой—Иванъ, дьяконъ, архіерейскій пѣвчій. Потребовали въ секретную комиссію сначала семинариста. Спросили о братѣ. Онъ заявилъ, что брата нѣтъ: въ отсутствіи. Послѣдняго розыскали, доставили 1 октября въ Казань и предъявили Аристову. Аристовъ затруднился признать въ Ив. Лебединскомъ пріѣзжавшаго къ самозванцу церковника, при чемъ разсказалъ примѣты послѣдняго. Услышавъ это, Лебединскій высказалъ предположеніе, что то былъ въ

[1]) Впослѣдствіи графъ, троюродный братъ Таврическаго, сочинитель нѣсколькихъ поэмъ на побѣды россіянъ, переводчикъ Вольтера и Ж.-Ж Руссо. Ум. въ 1796 г. Его біографія, написанная П. П. Каратыгинымъ, въ *Историческ. Вѣстн.* 1883 г., кн. VIII.

[2]) Этого именно и требовала прежде всего императрица. (Рескр. ея Потемкину, отъ 4 августа 1774 г.—*Рус. Стар.* 1875 г., т. XIII).

[3]) Донес. его императрицѣ, отъ 17 авг. 1774 г. („Рус. Ст." 1870 г., т. II, 407).

[4]) Госуд. арх., д. 468.

должности библіотекаря и экзаменатора ставленниковъ поповъ сынъ Степанъ Львовъ. Взялись за Львова.

Послѣдній сталъ упорно отпираться, несмотря на угрозы, которыя не переставали дѣлать ему въ комиссіи, и на заявленіе Аристова и Огородникова, что это былъ именно онъ. Наконецъ, Львовъ не выдержалъ, далъ показаніе, что дѣйствительно имѣлъ подобное порученіе отъ казначея Казанскаго женскаго монастыря, діакона Алексѣя Іонина, думая, что „сіе возлагалъ онъ на меня съ повелѣнія архіерейскаго". 3 октября взяли дьякона Іонина. Этотъ ни въ чемъ не признавался. Ему пригрозили и указывали на Львова, какъ на свидѣтеля. Іонинъ отрицалъ всякое участіе въ этомъ дѣлѣ. Но, когда на другой день, часу въ 5-мъ, принесли доску съ кольцами и хотѣли приступить къ новому допросу съ пристрастіемъ, Іонинъ испугался и объявилъ слѣдующее. 12 іюля, когда городскія войска стали къ крѣпости ретироваться, Веніаминъ, пригласивъ его къ себѣ въ спальню, велѣлъ, черезъ надежнаго человѣка, вручить Пугачеву кошелекъ съ деньгами; „я боюсь—прибавилъ при этомъ архіепископъ,—чтобы злодѣи не раззорили и не сожгли загороднаго моего дома, такъ и того, что буде они, отъ чего Боже сохрани, ворвутся въ крѣпость, то перваго меня умертвятъ" [1]).

Показаніе дьякона Іонина произвело сильное впечатлѣніе на комиссію. Донося объ этомъ Екатеринѣ, Пав. Потемкинъ спрашивалъ, какъ ему поступить „со впавшимъ въ преступленіе, не допуская до соблазна, употребляя всевозможныя мѣры, чтобы скрыть сіе отъ народа, дабы явно не былъ вмѣшанъ человѣкъ столь высокаго сана въ дѣла разбойника" [2]).

Случай помогъ Потемкину.

13 октября архіеп. Веніаминъ долженъ былъ переѣхать изъ с. Савинова, гдѣ онъ жилъ, въ Казань для участія въ церемоніи снятія сана съ архимандрита саранскаго Александра. Потемкинъ попросилъ архіепископа видѣться съ нимъ, затѣмъ предложилъ ему остаться въ Спасскомъ монастырѣ и вручилъ „предложеніе" секретной комиссіи.

Комиссія, изложивъ вышеприведенныя обвиненія противъ Веніамина, предлагала: „обличить клевету показателей равными, ясными доказательствами къ лицу наперсника вашего, который долго колебался открыть вину свою, но признался въ оной". Комиссія просила: „отвѣтъ свой написать на сіе предложеніе, дабы во всемъ могла она отвѣтствовать передъ престоломъ ея величества", при чемъ

[1]) Госуд. арх., д. № 468.

[2]) Донес. отъ 8 октября 1774 г. (*Русск. Стар.* 1870 г., II, 411); Госуд. арх., д., № 489.

грозила, что если не будетъ открыта истина,—„представленъ будетъ показанный дьяконъ передъ лице ваше ко объясненію дѣла“ [1]).

Веніаминъ отвѣчалъ (14 октября) „по самой чистой совѣсти“, заклиная „себя въ томъ небомъ и землею“, что трехъ тысячъ рублей Пугачеву не посылалъ, что Воскресенскій монастырь оставилъ лишь за 6 дней до прихода самозванца, равнымъ образомъ и изъ кремля не выходилъ, а служилъ во время штурма молебны; Іонина при немъ совсѣмъ не было и „стало быть—прибавлялъ архіепископъ—онъ, дьяконъ, какъ меня, такъ и себя оболгалъ напрасно“ [2]). Веніаминъ просилъ дать ему очную ставку съ Іонинымъ. Потемкинъ не соглашался на это подъ слѣдующими предлогами: что безъ высочайшей воли не дерзаетъ приступить къ убѣжденію его таковымъ образомъ, что могли бы узнать объ этомъ и послѣднее обстоятельство послужило бы „къ униженію славы и почтенія архипастыря“ [3]).

Затѣмъ Веніамина арестовали. Потемкинъ приставилъ къ нему подпоручика Горчикова и сенатскаго секретаря Чередина, кои, выражаясь словами рескрипта Екатерины Потемкину, отъ 4 августа 1774 г., отвѣтствовали бы „за всѣ поступки изъ ума выжившаго старика сего“. Въ Воскресенскомъ монастырѣ было все опечатано, книги и рукописи взяты въ секретную комиссію.

Получивъ отъ П. С. Потемкина новыя донесенія по дѣлу Веніамина, Екатерина была не мало озадачена ими. „Показанія злодѣя, мнимаго полковника Аристова не малой суть важности...“—писала императрица нижегородскому губернатору Ступишину. Все-таки раздумье брало Екатерину. „Трудно представить—писала она Павлу Потемкину, чтобы (Веніаминъ) такъ много позабылъ самъ себя“ [4]). Во всякомъ случаѣ императрица признавала, что оставить дѣло такъ нельзя. Она рѣшила удалить Веніамина отъ управленія епархіею. Но какъ женщина дальновидная, даже въ минуты гнѣва, прежде всего заботилась объ ослабленіи впечатлѣнія, произведеннаго этимъ дѣломъ на народъ.

„Приложенное дѣло—писала Екатерина Потемкину въ запискѣ безъ числа и мѣсяца—прошу сегодня вручить преосвященному петербургскому для его собственнаго извѣстія, и понеже сомнѣнія нѣту (хотя ка-

---

[1]) Гос. арх. д. № 489; *Казанск. Губ. Вѣд.* 1844 г., № 36; *Дубровинъ*, III, 343—345.

[2]) Госуд. арх., д. № 468.

[3]) Несмотря на видимое желаніе Потемкина скрыть обстоятельства этого дѣла отъ народа, въ Казани знали объ арестѣ Лаврова, Іонина и др. (инс. Любарскаго къ Бантышъ-Каменскому отъ 9 окт. 1774 г.—Госуд. арх., д. № 527).

[4]) Рескр. отъ 4 августа 1774 г. (*Русск. Стар.* 1875 г. т. XIII).

занскій архіерей и отпирается) о его непростительной съ злодѣями пересылкѣ, и для того желаю я, чтобъ преосвященный петербургскій написалъ бы письмо къ казанскому архіерею съ тѣмъ, дабы сей, изъ ума выжившій старикъ, просился бы немедленно на обѣщанье, и если сіе сдѣлаетъ архіерей казанскій, то въ разсужденіе сана уже далѣе слѣдствіе производить не велю, и съ симъ письмомъ преосвященнаго вы нарочно отправьте будто къ Павлу Потемкину, а къ Москвѣ архіерею казанскому незачѣмъ ѣхать, ибо желаю утушить и слухъ сего дѣла“ [1]). Павлу же Потемкину Екатерина послала копію съ письма преосвященнаго петербургскаго къ Веніамину и поручала объявить послѣднему, чтобы онъ просился на обѣщанье, куда хочетъ, кромѣ Москвы и Казани [2]).

Между тѣмъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Веніаминъ все еще сидѣлъ въ заключеніи, ожидая рѣшенія своей участи. Наконецъ, онъ сталъ просить, чтобы ему дали очную ставку съ мятежниками, изъ конхъ главнѣйшіе уже были переловлены и находились въ ту пору въ Москвѣ. Въ этомъ ему отказали. Писалъ онъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1774 г., о томъ же и всесильному гр. Петру Ив. Панину [3]), просилъ его опросить самого Пугачева,—и на это послѣдовалъ отказъ. Въ концѣ концовъ Веніамину, несмотря на то, что содержался онъ подъ крѣпкимъ карауломъ, при чемъ къ нему не приказано было никого впускать и запрещено было ему съ кѣмъ-либо переписываться, удалось черезъ чиновника своей канцеляріи Петра Васильева отправить донесеніе Св. Синоду. Если вѣрить Г. Р. Державину, современнику и очевидцу событій пугачевщины [4]), Веніаминъ отправилъ помянутаго чиновника „черезъ отверстіе нужнаго мѣста, тайнымъ образомъ“. Въ своемъ донесеніи казанскій владыка просилъ, чтобы ему „повелѣно было для принесенія оправданія явиться хотя съ предписаннымъ дьякономъ передъ лице ея величества“ [5]).

Ходатайство это Синодъ доложилъ государынѣ.

Екатерина приказала отправить донесеніе Веніамина въ Тайную экспедицію, въ Москву.

Тамъ рѣшили передопросить обвинителей казанскаго архіерея.

И тотъ же Аристовъ, 3 января 1775 г., показалъ, что все, что показано имъ ранѣе противъ архіепископа Веніамина — показано

---

[1]) Госуд. арх., д. № 85. *П. Лебедевъ.* „Графы Никита и Петръ Панины“. СПБ. 1863. Прилож. VII.

[2]) *Русск. Стар.* 1875 г., т. XIII, 125.

[3]) *Русск. Стар.* 1870, II, 413.

[4]) *Записки* (1743—1812). М. 1860, 104. О степени достовѣрности свидѣтельствъ Державина см. у *Дубровина*, III.

[5]) Госуд. арх., д. № 468.

„подъ битьемъ палками . . . напрасно“ [1]). То же самое показали Огородниковъ, Львовъ и Іонинъ. Наконецъ, присылки Веніаминомъ денегъ Пугачеву опровергнули: самъ Пугачевъ на очной ставкѣ со Львовымъ и казаки Перфильевъ, Чумаковъ и Фофановъ.

Такимъ образомъ невинность архіепископа Веніамина была обнаружена, и Екатерина поспѣшила поправить дѣло.

26-го января 1775 г. послѣдовали рескриптъ на имя Веніамина и указъ Свят. Синоду. Содержаніе рескрипта Веніамину читаемъ у Пушкина во 2-мъ примѣчаніи къ VII главѣ его исторіи Пугачевскаго бунта“. Вотъ онъ: „Преосвященнѣйшій Митрополитъ Веніаминъ Казанскій! По пріѣздѣ моемъ, первымъ попеченіемъ было для меня разсматривать дѣла бездѣльника Аристова: и узнала я, къ крайнему удовольствію моему, что невинность Вашего Преосвященства совершенно открылась. Покройте почтенную главу вашу симъ отличнымъ знакомъ чести; да будетъ оный для всякаго всегдашнимъ напоминаніемъ торжествующей добродѣтели Вашей; позабудьте прискорбіе и печаль, кои Васъ уязвляли: припишите сіе судьбѣ Божіей, благоволившей Васъ прославить по несчастныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ тамошняго края; принесите молитвы Господу Богу, а я съ отмѣннымъ доброжелательствомъ есмь Екатерина“ [2]).

Рескриптъ отправленъ былъ въ Казань съ нарочнымъ гвардейскимъ офицеромъ, который кромѣ того вручилъ преосвященному брилліантовый крестъ на клобукъ изъ тѣхъ самыхъ брилліантовъ, которые императрица носила на себѣ [3]).

Получивъ утѣшительный рескриптъ, Веніаминъ совершилъ въ соборѣ литургію и благодарственный за здравіе государыни молебенъ въ присутствіи губернатора и множества народа [4]). Передъ литургіею были прочтены рескриптъ Екатерины и такого же содержанія высочайшій указъ. Въ указѣ было сказано: „Познавъ твердо невинность преосвященнаго Веніамина, архіепископа казанскаго, по дѣламъ о мятежѣ тамошняго края, гдѣ онъ нагло обнесенъ былъ бездѣльникомъ Аристовымъ, въ награжденіе, удовлетворяя тѣмъ и самое правосудіе, всемилостивѣйше повелѣли мы именоваться ему отнынѣ митрополитомъ казанскимъ и носить ему по обычаю бѣлый клобукъ. Екатерина“.

---

[1]) Госуд. арх., д. № 468.—Пав. Потемкинъ, не взирая на дворянское происхожденіе Аристова, билъ его въ Казани плетьми, требуя чистосердечнаго признанія. (*Дубровинъ*, III, 330).

[2]) *Соч. Пушкина.* Изд. П. В. Анненкова, VI, 244.

[3]) Пис. кн. Потемкина митрополиту, отъ 26 янв. 1775; *Странникъ* 1866 г., I, 55.

[4]) „Записки“ *Державина*, 104.

Веніаминъ благодарилъ императрицу (6 февраля) нижеслѣдующимъ письмомъ. „Всемилостивѣйшая Государыня! Милость и судъ безпримѣрные Вашего Императорскаго Величества, кои на мнѣ соизволили удивить предъ цѣлымъ свѣтомъ, воскресили меня отъ гроба, возвратили жизнь, которую я отъ младыхъ ногтей посвятилъ на службу по Бозѣ въ непоколебимой вѣрности Вашему Монаршему престолу и отечественной пользѣ, сколько отъ меня зависитъ; а продолжалась она пятьдесятъ три года; но которую клевета, наглость и злоба противъ совѣсти и человѣчества исторгнуть покушались. Неоцѣненнымъ Монаршихъ Вашихъ щедротъ залогомъ, который съ несказаннымъ чувствованіемъ моего сердца сподобихся пріяти на главу мою, покрыся, и отъяся поношеніе мое въ человѣцѣхъ. Что жъ воздамъ Тебѣ, правосуднѣйшая въ свѣтѣ Монархиня, толико попечительному о спасеніи моемъ Господеви? Истощеніе всей, дарованной мнѣ Вашимъ Высоко-Монаршимъ великодушіемъ жизни въ возблагодареніе не довлѣетъ; развѣ до послѣдняго моего издыханія Вышняго молить не престану день и нощь, да сохранитъ дражайшую жизнь Вашу за толь сердобольное сохраненіе моей до позднѣйшихъ человѣку возможныхъ лѣтъ; да ниспошлетъ съ высоты святыя своея на вѣнценосную главу Вашу вся благословенія, коими древле благословенъ былъ Соломонъ. Крѣпкая десница Господа силъ да отвращаетъ во вся дни живота отъ превожделѣннаго здравія Вашего недуги, отъ неусыпныхъ трудовъ утомленіе, отъ возрастающей и процвѣтающей славы зависть и злобу; да будетъ Домъ, держава и престолъ Вашъ яко дніе неба. Съ таковымъ моимъ усердствованіемъ и всеподданническою вѣрностію, пока духъ во мнѣ пребудетъ, есмь Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ и богомолецъ, смиренный Веніаминъ, Митрополитъ Казанскій“ [1]).

Несправедливые обвинители Веніамина понесли заслуженное наказаніе, Аристовъ былъ битъ кнутомъ въ Москвѣ и предназначался къ отсылкѣ въ Казань для вторичнаго наказанія кнутомъ же и затѣмъ къ ссылкѣ въ Рогервикъ въ каторжныя работы. Вторичное наказаніе назначили Аристову за ложный доносъ на Веніамина. Впрочемъ, послѣднему предоставлялось „спасти пасквильника отъ такого наказанія“, а буде Веніаминъ этого сдѣлать не пожелаетъ, то „объявленное наказаніе“ — писалъ, 6 февраля того же года, генералъ-прокуроръ, кн. Вяземскій тогдашнему казанскому губернатору кн. П. Мещерскому—„учинить прикажите, однако, съ умѣреннымъ человѣколюбіемъ и что по сему сдѣлано будетъ, прошу меня какъ наискорѣе увѣдомить“ [2]). Веніаминъ простилъ Аристова, и онъ безъ

[1]) *Соч. Пушкина*, VI, 244.

[2]) Госуд. арх., д. № 468.

вторичнаго наказанія былъ отправленъ въ Рогервикъ [1]). Огородникова сдали въ солдаты, Львова же и Іонина освободили и позволили имъ вернуться къ своимъ должностямъ [2]). Такъ окончилось дѣло по обвиненію преосвященнаго Веніамина въ измѣнѣ.

Теперь посмотримъ, какъ относятся къ этому дѣлу современники и изслѣдователи, насколько они считаютъ основательнымъ обвиненіе, взведенное на архіепископа Веніамина. По свидѣтельству Пушкина, основанному на показаніяхъ современниковъ, Веніаминъ, во время приступа Пугачева къ Казани 12 іюня 1774 г., своимъ личнымъ присутствіемъ ободрялъ защитниковъ города, затѣмъ, перейдя въ крѣпость, въ Благовѣщенскомъ соборѣ, на колѣнахъ, со всѣмъ народомъ, молилъ Бога о спасеніи христіанъ; едва умолкла пальба, онъ поднялъ чудотворныя иконы и, несмотря на нестерпимый зной пожара и на падающія бревна, со всѣмъ бывшимъ при немъ духовенствомъ, сопровождаемый народомъ, обошелъ снутри крѣпость при молебномъ пѣніи [3]). Словомъ, по удостовѣренію автора „Исторіи Пугачевскаго бунта“, архіепископъ Веніаминъ во время казанской осады проявилъ полное мужество, дѣйствія его не заслуживаютъ ни малѣйшаго упрека, и взведенное на него Аристовымъ обвиненіе совершенная клевета. Не то говоритъ Державинъ, и свидѣтельство его, какъ очевидца, на первый взглядъ заслуживаетъ большаго довѣрія, чѣмъ извѣстіе Платона Любарскаго, на которое опирается Пушкинъ. Любарскій очевидцемъ не былъ, писалъ со словъ другихъ и „о истинѣ и точности всѣхъ обстоятельствъ“ самъ не ручается [4]). Къ тому же отъ него, какъ лица духовнаго, находившагося въ отношеніяхъ подчиненности къ Веніамину [5]), трудно требовать полнѣйшаго безпристрастія въ показаніяхъ. По мнѣнію Державина, Веніаминъ былъ дѣйствительно виноватъ, но ловко вывернулся, воспользовавшись отозваніемъ въ Москву генерала Потемкина для слѣдованія въ Тайной канцеляріи привезенныхъ туда пугачевцевъ, но что онъ былъ у Потемкина „яко изобличенный свидѣтелями измѣнникъ“ [6]).

---

[1]) Пис. кн. П. Мещерскаго кн. Вяземскому, отъ 24 февр. 1775 г. (Тамъ же).

[2]) *Дубровинъ* III, 351.

[3]) *Соч. Пушкина*, 183, 185, также 533 („извѣстіе“ архим. *Пл. Любарскаго*).

[4]) Тамъ же, 527.

[5]) Въ описываемое время Любарскій былъ архимандритомъ Казанскаго Спасскаго монастыря.

[6]) „Записки“, 103—104.

Но и къ показаніямъ Державина, уличеннаго въ столькихъ невѣрностяхъ Дубровинымъ (въ III т.), необходимо относиться съ неменьшею осмотрительностію.

Біографъ Никиты и Петра Панинныхъ, проф. Лебедевъ, ссылаясь на записку Екатерины Потемкину, полагаетъ [1]), что сама государыня была убѣждена „о его (Веніамина) непростительной съ злодѣями пересылкѣ“, но хотѣла замять это дѣло и прекратить слухи и воспользовалась первымъ случаемъ для примиренія съ Веніаминомъ.

Священникъ М. Архангельскій, указывая на то, какъ преосвященный Веніаминъ дѣйствовалъ противъ пугачевщины, въ показаніяхъ Аристова и др. видитъ „клевету самую открытую и безсовѣстную“ [2]). Н. Ѳ. Дубровинъ,—лучшій изслѣдователь эпохи пугачевщины, отнесся со всѣмъ вниманіемъ къ дѣлу обвиненія Веніамина въ измѣнѣ. Обстоятельства благопріятствовали ученому: ему первому удалось изучить исторію пугачевскаго бунта по первоисточникамъ, находящимся въ государственномъ архивѣ. По дѣламъ этого учрежденія онъ прослѣдилъ весь ходъ процесса Веніамина и, сопоставляя отзывы Дубровина о Веніаминѣ и о П. С. Потемкинѣ, разсѣянные по разнымъ мѣстамъ его обширнаго труда, нельзя не придти къ заключенію, что историкъ ни мало не сомнѣвается въ невинности казанскаго архіепископа. „Съ удивленіемъ и огорченіемъ, пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ [3]), прочелъ маститый старецъ (Веніаминъ) предложеніе Потемкина. Какія доказательства и при томъ ясныя могъ привести онъ въ свое оправданіе?..“ „Синодъ исполнилъ просьбу старца“ — говоритъ онъ въ другомъ [4]). „Виновникъ клеветы на архіепископа“... — выражается онъ въ третьемъ мѣстѣ [5]). Между тѣмъ, говоря о Павлѣ Потемкинѣ, академикъ Дубровинъ не скрываетъ своего къ нему нерасположенія, явившагося результатомъ подробнаго до мелочей изученія этой личности. Виновникъ несчастныхъ приключеній архіепископа Веніамина рисуется у Дубровина человѣкомъ не особенно высокой нравственности, сильнымъ только поддержкой въ то время быстро возвышавшагося троюроднаго брата своего, явившимся въ Казань „хозяиномъ, толковавшимъ по-своему, данныя ему полномочія императрицы [6]), трусомъ [7]), лжецомъ и

---

[1]) „Гр. Н. и П. Панины“, 324, сн. 321.
[2]) *Странникъ* 1866 г. I, 53.
[3]) „Пугачевъ и его сообщники“, III, 345.
[4]) III, 348.
[5]) III, 351.
[6]) III, 86.
[7]) III, 96.

хвастуномъ [1]), много обѣщавшимъ, ничего не сдѣлавшимъ и свалившимъ вину на другихъ [2]). Такому человѣку, конечно, ничего не стоило погубить невиннаго ради хотя бы одного желанія прослыть распорядительнымъ и безпристрастнымъ, и если этого не случилось съ Веніаминомъ, то только благодаря счастливо измѣнившимся въ пользу святителя обстоятельствамъ.

Мнѣніе Дубровина по этому дѣлу намъ представляется наиболѣе авторитетнымъ, какъ основанное не на какихъ-либо туманныхъ выводахъ, а на вѣскихъ данныхъ разслѣдованія.

Около четырехъ мѣсяцевъ продолжались злоключенія архіепископа Веніамина. По окончаніи ихъ, онъ снова вернулся на казанскую каѳедру, уже въ санѣ митрополита, и оставался на этой каѳедрѣ еще шесть лѣтъ. Екатерина приказала выстроить для него каменный загородный домъ въ Воскресенскомъ монастырѣ. До тѣхъ поръ Веніаминъ жилъ по преимуществу въ с. Савиновѣ, гдѣ, еще пятьдесятъ лѣтъ назадъ, указывали мѣсто, на которомъ стояли деревянныя палаты митр. Веніамина къ сѣверу, за оградой церкви. Новый домъ былъ отдѣланъ въ 1781 г.

Послѣ пугачевскаго опустошенія Казани Веніаминъ ревностно занялся возобновленіемъ городскихъ церквей и возстановленіемъ принадлежащихъ духовенству зданій. Но разстроенное здоровье — параличъ, который поразилъ его при арестованіи—заставило его въ 1782 г. просить объ увольненіи. И 17 марта того же года, „за старостію и немощами“, онъ былъ уволенъ на покой. Казанцы, при послѣднемъ священнослуженіи Веніамина, разставались съ нимъ съ глубокимъ сожалѣніемъ, многіе даже плакали.

Мѣстомъ покоя была избрана самимъ Веніаминомъ Семиезерская Богородицкая пустынь [3]). Здѣсь Веніаминъ провелъ послѣдніе годы своей жизни.

Получая пенсіи 4.110 рублей въ годъ, онъ употреблялъ все на украшеніе пустыни, церквей и на обогащеніе книгами библіотеки Казанской духовной семинаріи. Скончался въ 1783 году.

Веніаминъ любилъ словесность, самъ занимался ею. Но изъ его произведеній издано одно только „слово“ на новый 1747 годъ, ска-

---

[1]) III, 86—87: цитируетъ его хвастливое и неосновательное на правдѣ дознаніе о состояніи дѣлъ въ Казани, какое онъ нашелъ по пріѣздѣ туда (*Русск. Стар.* 1870, II, 402); 95—96.

[2]) III, 96.

[3]) Семиезерская или Седміозерная пустынь—мужской монастырь въ 17 вер. отъ Казани.

занное имъ въ Петербургѣ, въ придворной церкви, во время нахожденія на чредѣ служенія и напечатанное въ Москвѣ [1]). Свящ. Архангельскій [2]) приписываетъ Веніамину еще одно „слово“, произнесенное въ публичномъ собраніи казанскихъ гимназій, по возстановленіи общаго покоя и напечатанное въ Москвѣ Ю. фонъ-Каницемъ въ 1774 г. У Сопикова [3]) дѣйствительно упоминается объ этомъ словѣ, но годъ изданія его обозначенъ 1775 и не сказано, что авторомъ этого слова былъ Веніаминъ, а только, что оно издано съ портретомъ Веніамина, говорилъ же его надворный совѣтникъ Юлій фонъ-Каницъ. Обширная библіотека Веніамина еще при его жизни поступила въ собственность частію Кіевской духовной академіи, частію—Казанской духовной семинаріи [4]).

Г. А. Воробьевъ.

---

[1]) *Сопиковъ*, „Опытъ росс. библіогр.“, ч. I. СПБ. 1813, № 1220.

[2]) *Странникъ* 1866. I, 58.

[3]) „Оп. росс. библ.“, ч. 4, № 10813.

[4]) Въ Кіевскую духовную академію, послѣ пожара ея въ 1870 г., истребившаго, между прочимъ, библіотеку, м. Веніаминъ передалъ, въ числѣ многихъ дорогихъ сочиненій, большое собраніе твореній отцевъ церкви, въ прекрасномъ изданіи, и лучшія толкованія на св. Писаніе (*Странникъ* 1866, I, 57).

Изъ воспоминанiи графа Ѳ. Г. Головкина [1]).

Нессельроде.

(*Окончанiе*).

Колыбелью рода графовъ священной Римской имперiи, Нессельроде, было герцогство Юлiйское (отошедшее по Вѣнскому трактату къ Пруссiи и вошедшее въ составъ Прирейнскихъ провинцiй), гдѣ они занимали видныя, наслѣдственныя въ ихъ родѣ должности. Одинъ изъ младшихъ членовъ этой семьи, графъ Максимiлiанъ Нессельроде (1724—1810), которому не везло въ жизни, переселился въ Россiю; не знаю, кто ему покровительствовалъ, но онъ былъ послѣдовательно полномочнымъ министромъ въ Лиссабонѣ и Берлинѣ, пользовался нѣкоторое время благосклонностью императора Павла I; это продолжалось впрочемъ недолго: ему повредила его страсть отпускать остроты. Онъ былъ высланъ въ Германiю за то, что началъ одинъ разсказъ словами: „Я буду имѣть честь разсказать одну вещь, которая неизвѣстна ни вашему императорскому величеству, ни министрамъ вашего величества“. Ему было запрещено измышлять и передавать разные слухи, и онъ удалился во Франкфуртъ, гдѣ и скончался въ преклонныхъ лѣтахъ. Проѣздомъ черезъ этотъ городъ въ Лиссабонъ, будучи уже не молодымъ, онъ женился на дѣвицѣ Гонтаръ, дочери коммерсанта, очень милой и достойной особѣ. Отъ брака этого старика съ женщиной уже не первой молодости родился сынъ, всю жизнь походившiй на недоноска, вылѣзшаго изъ спиртовой банки.

Карьера этого человѣка весьма замѣчательна. Его отецъ представилъ мнѣ его въ 1794 г., когда, проѣздомъ въ Италiю, я былъ въ Берлинѣ, гдѣ онъ воспитывалъ его худо ли, хорошо и одѣвалъ гардемариномъ, такъ какъ юноша очень любилъ море и отецъ разсчитывалъ опредѣлить его въ Россiи во флотъ. Я потерялъ его изъ вида до вступле-

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г. Мартъ.

нія на престолъ Павла I, который, питая особенное пристрастіе къ нѣмцамъ, назначилъ его своимъ адъютантомъ и заставлялъ скакать за собою на большой лошади въ огромной шляпѣ и широкомъ кафтанѣ. Фигура получалась преуморительная. Смерть императора, который замучивалъ его на конѣ, была его спасеніемъ, иначе онъ умеръ бы отъ переутомленія. Что же могъ онъ предпринять далѣе? Хотя я и самъ не пользовался въ то время высочайшимъ благоволеніемъ, но я задумалъ устроить его карьеру, не воображая, по правдѣ сказать, что онъ пойдетъ такъ далеко. Я уговорилъ его избрать дипломатическую карьеру, на что онъ имѣлъ нѣкоторое право по заслугамъ своего отца, и отправился съ нимъ къ министру иностранныхъ дѣлъ графу Панину, моему отъявленному врагу. Велико было удивленіе его превосходительства, когда ему доложили обо мнѣ, но я приготовился заранѣе:

„Мы не любимъ другъ друга, сказалъ я, но это не мѣшаетъ намъ дѣлать добро. Я привелъ къ вамъ человѣка достойнаго, у котораго нѣтъ ни карьеры, ни покровителя. Устройте его судьбу. Онъ не гонится за отличіями, но хотѣлъ бы заслужить ихъ. Сдѣлайте для него то, что вы можете по своему положенію и что подскажетъ вамъ сердце“ и я оставилъ ихъ однихъ [1]).

Это оригинальное свиданіе имѣло послѣдствіемъ изумительную карьеру Нессельроде. Онъ началъ службу подъ начальствомъ знающихъ и строгихъ посланниковъ, въ Берлинѣ старика Алопеуса, въ Гаагѣ графа Штакельберга; такъ что когда со временемъ Нессельроде былъ назначенъ въ Парижъ къ князю Александру Куракину, прекрасному человѣку, но самому посредственному дипломату, то секретарь посольства сдѣлался весьма полезнымъ и казался человѣкомъ высокаго ума. Бонапартъ, желавшій назначенія Куракина потому, что онъ былъ глупъ, былъ золъ на секретаря за то, что онъ стушевывалъ его глупость; наконецъ, когда дипломатическіе договоры, заключенные по окончаніи войны, выдвинули этого человѣка, то императоръ Александръ, любившій окружать себя людьми безъ связей, привыкшихъ къ канцелярской рутинѣ, назначилъ его, къ всеобщему удивленію, статсъ-секретаремъ по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ. Нессельроде тотчасъ женился на дочери всемогущаго министра финансовъ Гурьева, и все это, вмѣстѣ взятое, было причиною, что онъ былъ увѣшанъ орденами и купался въ золотѣ. Достигнувъ выс-

[1]) Канцлеръ Карлъ Васильевичъ Нессельроде неоднократно намекаетъ въ своихъ письмахъ, недавно опубликованныхъ въ Парижѣ его внукомъ, на дружескія отношенія, существовавшія между нимъ и графомъ Ѳедоромъ Гавриловичемъ Головкинымъ, хотя долгъ признательности по отношенію къ графу видимо не особенно тяготилъ его.

шихъ должностей, онъ выказалъ большую ограниченность и благодаря этому удержался на мѣстѣ: онъ держалъ себя такъ робко по отношенію къ императору и былъ такъ нерѣшителенъ въ веденіи переговоровъ, что это погубило бы его карьеру, если бы императоръ не хотѣлъ показать, что онъ дѣлаетъ все самъ. Въ 1821 г. Нессельроде былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Я могу привести слѣдующій поразительный примѣръ его робости.

Когда Бонапартъ вернулся, въ 1815 г., съ острова Эльбы и весь дипломатическій корпусъ удалился изъ Парижа, я рѣшилъ воспользоваться тѣмъ, что я былъ въ глазахъ французскаго правительства полнымъ ничтожествомъ, и оказать неоцѣнимую услугу Европѣ, коей главнѣйшіе монархи съ ихъ министрами находились еще въ то время на конгрессѣ въ Вѣнѣ, а именно остаться въ Парижѣ и не уѣзжать до тѣхъ поръ, пока мнѣ не удастся собрать въ военныхъ и дипломатическихъ сферахъ всѣхъ свѣдѣній, которыя могли бы выяснить, какія послѣдствія имѣло возвращеніе узурпатора. Я выполнилъ свой планъ такъ удачно, что на двадцать второй день я ѣхалъ уже въ Базель весьма освѣдомленнымъ относительно того, что имъ важно было знать, и кромѣ того везъ съ собою личнаго секретаря королевскаго принца, котораго хотѣли разстрѣлять, и одного л.-гв. драгуна, котораго меня просили спасти. Изъ Базеля я послалъ въ Вѣну обстоятельную записку, въ которой горячо совѣтовалъ не теряя ни минуты атаковать Наполеона со всѣми бывшими въ распоряженіи монарховъ силами. Князь Меттернихъ и графъ де-Мерси разсказывали мнѣ впослѣдствіи, что по полученіи моей депеши, въ одиннадцать часовъ вечера, было созвано засѣданіе конгресса, а въ два часа были посланы къ лорду Веллингтону и генералу Блюхеру курьеры съ приказаніемъ двинуть войска. Я не ожидалъ благодарности и тѣмъ болѣе награды со стороны монарха, которому было непріятно быть мнѣ, въ глазахъ Европы, столь много обязаннымъ, такъ какъ дѣйствительно всѣ считали это большою заслугою съ моей стороны и остальные монархи только и ожидали, что императоръ первый выскажетъ мнѣ свою благодарность; я полагалъ, что Нессельроде, котораго я могъ считать обязаннымъ мнѣ своей карьерой и который былъ въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ, извѣститъ меня по крайней мѣрѣ о полученіи моей депеши, но съ тѣхъ поръ прошло шесть лѣтъ, а я все еще ожидаю этого извѣщенія. Онъ зналъ, что императоръ не выкажетъ мнѣ своего удовольствія, и поэтому не счелъ нужнымъ исполнить даже общепринятыхъ, въ порядочномъ обществѣ, формъ вѣжливости. Александръ рѣшилъ, что войска не двинутся далѣе до тѣхъ поръ, пока не подойдетъ его армія, но послѣ полученія моей депеши пришлось отказаться отъ этого, и онъ не могъ

простить своему подданному того, что онъ заставилъ его измѣнить его планъ.

Человѣкъ съ характеромъ понялъ бы, что ему слѣдовало сдѣлать при этихъ обстоятельствахъ; онъ высказалъ бы свое мнѣніе, какъ подобало порядочному человѣку и министру, но этотъ человѣчекъ не имѣлъ нужныхъ для этого качествъ и трепеталъ въ присутствіи своего монарха.

Его отецъ впадалъ въ другую крайность. Онъ говорилъ все, что считалъ нужнымъ, смотря по своему настроенію, и такъ какъ онъ соединялъ со своей смѣхотворной наружностью большое остроуміе, то его остроты и насмѣшки задѣвали больно. Павелъ I, которому его супруга не давала покоя, когда дѣло шло о ея семействѣ, приказалъ старику Нессельроде устроить дѣла своего тестя, принца Людовика Виртембергскаго, состоявшаго на прусской службѣ. Въ Берлинѣ не было человѣка, которому бы онъ не былъ долженъ. Собравъ всѣ нужныя справки, Нессельроде началъ свое первое донесеніе императору такъ:

„На меренги и другія сладости 2.000 экю“. Можно себѣ представить, какъ смѣялся императоръ и министры, какъ была взбѣшена императрица и какъ было неприлично увѣковѣчить въ оффиціальныхъ счетахъ подобнаго рода расходы, сдѣланные принцемъ. Императрица никогда не могла простить ему этого.

Такъ какъ старикъ Нессельроде служилъ въ молодости во Франціи и часто жилъ въ Парижѣ и затѣмъ провелъ нѣсколько лѣтъ при дворѣ Фридриха Великаго въ обществѣ окружавшихъ этого идола выдающихся умовъ, то его остроты были такъ мѣтки, что каждый остерегался попасть ему на зубокъ. Такъ какъ онъ ко мнѣ благоволилъ, то я увѣренъ, что онъ посмѣялся бы со мною отъ души надъ блестящимъ положеніемъ, достигнутымъ его сыномъ, но онъ былъ уже слишкомъ старъ въ моментъ его рожденія и потому не дожилъ до тѣхъ поръ, когда его сынъ сдѣлалъ такую изумительную карьеру.

Г-жа Нессельроде была женщина полная, высокаго роста; Карлъ Васильевичъ казался передъ ней карманнымъ мужемъ. Она была умна, обходительна, умѣла очень хорошо поставить себя по отношенію къ императору Александру и придать себѣ важность, которая совершенно не подходила бы къ тщедушной фигурѣ ея мужа, который между этимъ великимъ монархомъ, этой большой женой и своимъ блестящимъ положеніемъ казался довольно каррикатурнымъ.

Я чуть не забылъ разсказать одну любопытную остроту старика Нессельроде. Его обвиняли въ томъ, что онъ передавалъ императору Павлу I все, что онъ ни слышалъ; потому многіе избѣгали его.

„Меня обвиняютъ“, сказалъ онъ однажды во-всеуслышаніе, „въ томъ, что я передаю его величеству все, что я слышу, но клянусь, я никогда не слышалъ въ этой странѣ ничего, что стоило бы быть переданнымъ“.

Меттернихъ.

Я познакомился съ графомъ Клементіемъ Меттернихомъ, какъ его тогда звали, въ Дрезденѣ въ первыхъ годахъ текущаго (19-го) вѣка. Сынъ человѣка, ничѣмъ не выдающагося, но быть можетъ именно поэтому и достигшаго довольно виднаго положенія, и женщины очень умной и большой интриганки, онъ былъ, вскорѣ по окончаніи университета, назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ австрійскаго императора при Саксонскомъ дворѣ. Хорошо сложенный, прекрасно одѣтый, бѣлокурый, очень блѣдный, по виду разсѣянный, онъ слылъ среди женскаго пола натурой романической; мужчины считали его человѣкомъ разсудительнымъ. Нѣсколько русскихъ и польскихъ барынь, вскруживщихъ ему голову, увлекли его на путь романическихъ приключеній и заставили пренебречь занятіями исторіей, какъ того требовала карьера, которой онъ себя посвятилъ. Вообще, въ немъ была какая-то надменность, подходящая для человѣка, которому суждено занимать выдающееся положеніе и извѣстный тактъ врожденнаго дипломата. Но нѣкоторое фатовство, появившееся вслѣдствіе его успѣховъ у женщинъ, поколебало то выгодное мнѣніе, которое составилось о немъ вначалѣ. Многіе полагали, что въ погонѣ за успѣхомъ у женщинъ Меттернихъ забудетъ все остальное; весьма вѣроятно, что, увлекшись этой призрачной славой, онъ потерялъ бы всѣ преимущества, которыя давали ему его врожденныя способности, если бы ему не пришли на помощь его жена, внучка знаменитаго князя Кауница, по уму достойная своего дѣда; онъ женился на ней по разсчету, и супруги, по взаимному соглашенію, предоставили другъ другу почти полную свободу; но г-жа Меттернихъ указала ему по дружбѣ на неудобство его поведенія, противъ котораго не возмущалось ея чувство. Это была единственная слабая сторона, которую я находилъ въ то время въ ея мужѣ; онъ самъ очень долго тщетно боролся съ нею, хотя, казалось бы, его занятія могли отвлечь его отъ увлеченій.

Въ общемъ, онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ умѣлъ замѣчательно хорошо держать себя, былъ очень трудолюбивъ, умѣлъ владѣть собою и не выказывать своихъ чувствъ; при всей своей вспыльчивости, онъ прекрасно владѣлъ своимъ голосомъ, жестами и выраженіями, умѣлъ быстро и плодотворно работать и обогащать себя познаніями,

предпочиталъ науку и искусство изящной словесности, казался совершенно нечувствительнымъ къ похвалѣ и критикѣ, но въ душѣ былъ очень чувствителенъ къ нимъ; наконецъ, благодаря счастливой внѣшности, умѣнью приспособляться и полученному имъ тщательному воспитанію, изъ него выработался типъ истаго дипломата.

Я очень скоро привязался къ нему. Откровенность и живость моего характера составляли такую рѣзкую противуположность съ его холодной, сдержанной натурой, что это должно было бросаться въ глаза; такъ какъ противуположность часто имѣетъ для насъ что-то привлекательное, то между нами очень быстро установились дружескія отношенія. Онъ чувствовалъ, что я былъ умнѣе и сообразительнѣе его, но что, въ то же время, онъ былъ разсудительнѣе и обдуманнѣе меня; вслѣдствіе этого, онъ былъ со мною менѣе сдержанъ, чѣмъ это можно было ожидать, судя по его характеру и положенію. Однажды, онъ пришелъ сказать мнѣ, что ему предлагаютъ мѣсто посланника въ Пруссію и что его мать очень желаетъ, чтобы онъ принялъ это мѣсто, но онъ не считаетъ себя способнымъ занять его. Дипломатическій постъ въ Берлинѣ считался въ то время весьма щекотливымъ; и хотя оба двора соединяло сознаніе общей опасности, угрожавшей имъ со стороны Франціи, но отъ ихъ представителей требовался особый талантъ, чтобы упрочить возникшія между державами дружественныя отношенія. Такъ какъ я великолѣпно зналъ страну и человѣка, о которыхъ шла рѣчь то я совѣтовалъ Меттерниху принять это мѣсто. Онъ послѣдовалъ моему совѣту и назначеніе его вскорѣ состоялось. Онъ тотчасъ отправился къ своему новому посту и такъ какъ я могъ поѣхать въ Берлинъ, вслѣдъ за нимъ только спустя нѣсколько мѣсяцевъ, то я далъ ему на первое время необходимыя инструкціи, касавшіяся, разумѣется, не политики, въ которой онъ понималъ больше меня, да я и не считалъ себя въ правѣ указывать ему что-либо въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что мои совѣты могли оказаться не вполнѣ соотвѣтствующими видамъ моего правительства, но я далъ ему обстоятельныя указанія относительно тѣхъ лицъ, съ коими ему приходилось имѣть дѣло съ самаго начала. Мои указанія пошли ему на пользу и если не считать его обычной слабости ухаживанія за женщинами, доходившей до того, что даже королева находила, что онъ относился къ ней недостаточно почтительно, то можно сказать, что Меттернихъ выказалъ себя въ Берлинѣ образцовымъ дипломатомъ. Бывать у него въ домѣ всѣ считали пріятнымъ и не мудрено, ибо въ Пруссіи не было дома, гдѣ бы принимали такъ любезно и который былъ бы открытъ каждый день для посѣтителей.

Общность привычекъ еще болѣе укрѣпила нашу дружбу, но для

Европы наступали тревожныя событія, которымъ суждено было долго волновать ее. Я вскорѣ возвратился въ Россію и встрѣтился съ Меттернихомъ лишь въ 1807 г. въ Парижѣ, гдѣ онъ былъ въ то время посланникомъ. Онъ отнесся ко мнѣ въ высшей степени дружелюбно, чѣмъ я былъ искренно обрадованъ. Впрочемъ онъ держалъ себя нѣсколько изысканно, повидимому желая, чтобы я видѣлъ его во всей его славѣ, что я лично прощалъ ему.

Во время нашего перваго знакомства, въ то время какъ онъ занималъ менѣе отвѣтственный постъ, онъ нерѣдко чувствовалъ себя въ затруднительномъ положеніи, не зная какъ поступить, теперь онъ считалъ себя въ состояніи дѣйствовать самостоятельно, но я былъ менѣе доволенъ имъ, чѣмъ прежде. Наши взаимныя отношенія очень измѣнились; это зависѣло отъ нашего положенія въ обществѣ, что имѣло во Франціи рѣшающее значеніе. Я имѣлъ большой успѣхъ въ обществѣ, потому что по манерамъ, разговору и даже по своимъ недостаткамъ я былъ истый французъ, а мое ничтожество въ политическомъ отношеніи было причиною, что тѣ, кои осыпали меня милостями, не видѣли въ этомъ ни малѣйшаго неудобства. Попавъ сразу въ лучшее общество, я совершенно привился къ нему и походилъ на растеніе, выросшее на мѣстной почвѣ въ доброе старое время. Я былъ независимъ, нигдѣ не служилъ, мнѣ никто не платилъ за то, чтобы кривить душой и называть черное бѣлымъ; я говорилъ громко тамъ, гдѣ никто не осмѣливался высказать свое мнѣніе, и руководилъ бесѣдой хотя бы потому, что никто не рѣшался говорить. Меттернихъ не смѣлъ нигдѣ бывать, кромѣ какъ при дворѣ и у правительственныхъ лицъ, онъ не смѣлъ ни съ кѣмъ сближаться, кромѣ какъ съ извѣстными сторонниками новаго режима. Въ иномъ обществѣ, гдѣ ему приходилось случайно бывать, онъ былъ робокъ и боязливъ. Онъ былъ прекрасно сложенъ, хорошо одѣтъ, любезенъ, но его внѣшность была чисто нѣмецкая. Словомъ, онъ былъ посланникъ и могъ что-либо узнать только за деньги и имѣть успѣхъ только изъ снисходительности, я же, не занимая никакого оффиціальнаго положенія, пользуясь даже репутаціей человѣка, къ которому при русскомъ дворѣ не особенно благоволили, имѣлъ друзей во всѣхъ партіяхъ и, ничего не затрачивая, легко могъ все видѣть и знать.

Ничто не могло быть благопріятнѣе для положенія моего бывшаго друга и для общихъ дѣлъ, какъ наша близость, но либо изъ самолюбія, либо изъ недовѣрчивости, онъ задрапировался въ величіе своего посольскаго званія и соблюдалъ таинственность. Говоря о фактахъ, которые не было возможности отрицать, онъ сознавался, что они ему извѣстны, но высокомѣрно оспаривалъ все то, что счи-

талъ возможнымъ скрыть. При томъ, мы принципіально расходились съ нимъ относительно нашей тактики. Система низкопоклонства и двоедушія, принятая европейскими дипломатами по отношенію къ Бонапарту, казалась мнѣ безполезной и унизительной. Этого побѣдителя, обязаннаго своимъ величіемъ, собственно говоря, лишь ничтожеству современниковъ, легко было смутить откровенностью и держать въ почтеніи твердостью; это надобно было знать и этимъ надобно было пользоваться, но этого не понималъ никто изъ лицъ, при немъ аккредитованныхъ, они всѣ одинаково не понимали этого и не умѣли этимъ пользоваться. Меттернихъ былъ правъ, говоря, что „всякій посланникъ, аккредитованный при Бонапартѣ, былъ первымъ министромъ того двора, коимъ онъ былъ уполномоченъ и какъ таковой долженъ былъ пользоваться подобающей властью“. Но это была только первая посылка. Вторая, несравненно важнѣйшая, о которой онъ не заботился также точно, какъ и другія лица, была— что этотъ первый министръ, находясь при иностранномъ дворѣ, никогда не долженъ былъ входить въ сдѣлку со своими принципами, или стараться усыпить самаго дѣятельнаго изъ монарховъ банальными фразами и пошлой лестью. Сколько разъ я умолялъ русскаго посланника, князя Куракина, довести до свѣдѣнія своего двора, что тотъ изъ монарховъ, который твердо и безъ всякихъ комментаріевъ отвѣтитъ на любое предложеніе Тюильрійскаго кабинета отказомъ, заставитъ Бонапарта отступить. Но всѣмъ свѣтомъ объялъ страхъ Монархи, первые министры, посланники какъ будто лишились глазъ ушей и, что всего хуже, сердца. Имя Бонапарта производило на европейскіе кабинеты и арміи такое же впечатлѣніе, какое производитъ имя Ибудакали въ оперѣ „Калифъ Багдадскій“.

Я стоялъ позади Меттерниха во время знаменитой сцены, разыгравшейся въ Сенъ-Клу въ 1808 году, и я не былъ доволенъ имъ; не скажу, чтобы онъ плохо говорилъ въ этомъ случаѣ, но ему слѣдовало говорить громко и попытаться заставить Бонапарта замолчать. Послѣдній извергалъ громко и отчетливо цѣлый потокъ бранныхъ словъ противъ австрійскаго императора; было очевидно, что онъ обращался ко всей Европѣ. Посланникъ отвѣчалъ правильно, но по привычкѣ и изъ чувства почтительности говорилъ такъ тихо, что въ разстояніи двухъ шаговъ ничего не было слышно. Поэтому свидѣтели этой единственной, въ своемъ родѣ, сцены видѣли только деспота, распекавшаго раба, который не имѣлъ возможности оправдаться. Какъ только Бонапартъ удалился, увѣшенные орденами шпіоны стали бродить взадъ и впередъ по залѣ, стараясь разузнать, какое впечатлѣніе эта сцена произвела на присутствующихъ. Одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ, зная мою откровенность, подойдя ко мнѣ,

эталъ съ притворнымъ участіемъ сожалѣть посланника, очутившагося въ такомъ затруднительномъ положеніи. Не обращая вниманія на столпившихся вокругъ насъ придворныхъ, я отвѣчалъ, что Меттернихъ держалъ себя неподобающимъ образомъ, что онъ получилъ лишь то, что заслуживалъ, и что при всемъ моемъ уваженіи къ коронованнымъ особамъ, ничего подобнаго со мною бы не случилось.

„А что бы вы сдѣлали?“

— Я заставилъ бы императора говорить съ бо́льшимъ достоинствомъ и сказалъ бы ему такъ громко, что мои слова были бы слышны въ концѣ галлереи:

— Ваше величество! такъ какъ мой августѣйшій монархъ не уполномочилъ меня обсуждать подобные вопросы при постороннихъ свидѣтеляхъ, то ваше величество разрѣшитъ мнѣ не отвѣчать“.

Эти слова были тотчасъ переданы Бонапарту. Всѣ полагали, что онъ прикажетъ выразить мнѣ свое негодованіе, но вмѣсто этого, подумавъ съ минуту, онъ сказалъ холодно: „Это было бы сказано вполнѣ правильно, но люди, которые умѣютъ такъ отвѣтить, находятся не у дѣлъ“. Мы увидимъ далѣе, какое впечатлѣніе произвели на него эти слова.

Вскорѣ послѣ этой сцены была объявлена война; дѣйствительно, говорить такъ, какъ говорилъ Бонапартъ, можно только тогда, когда рѣшено идти на разрывъ. Къ Меттерниху, который давно уже просилъ свои паспорта, явился въ одинъ прекрасный день жандармскій офицеръ, которому было приказано отвезти его до аванпостовъ австрійской арміи. Тогда я принялъ на себя заботу о его женѣ и дѣтяхъ. Хотя выказывать ему публично расположеніе, при данныхъ обстоятельствахъ, могло быть опасно, но такъ какъ я всегда былъ того мнѣнія, что слѣдуетъ дѣйствовать прямо и открыто, то я оказывалъ семейству моего друга всевозможное вниманіе. Въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ, которые г-жѣ Меттернихъ пришлось провести въ Парижѣ, кромѣ меня и одной весьма близкой къ ней личности, у нея никто не бывалъ.

Однажды Фуше сказалъ мнѣ: „Вы не боитесь, что императоръ измѣнитъ свое доброе мнѣніе о васъ? Можетъ случиться, что его величество выскажетъ это вамъ при всѣхъ, чтобы намекнуть иностранцамъ, какъ имъ слѣдуетъ держать себя въ вашемъ положеніи“.

— Я также считаю это возможнымъ,—отвѣчалъ я,—но, надѣюсь, императоръ не сомнѣвается, что я воспользуюсь случаемъ показать, какъ слѣдуетъ отвѣтить при подобномъ обстоятельствѣ.

Разговора, коимъ угрожалъ мнѣ министръ полиціи, не произошло, и Бонапартъ былъ со мною, какъ всегда, очень вѣжливъ.

Одинъ случай съ Меттернихомъ показалъ намъ, какъ неудобно

для дипломата имѣть любовныя приключенія. Однажды утромъ г-жа Меттернихъ получила отъ герцогини Абрантесъ (г-жи Жюно) записочку, съ просьбою пріѣхать къ ней немедленно. Она тотчасъ отправилась, но каково было ея изумленіе и страхъ, когда къ ней вышелъ герцогъ, который былъ внѣ себя отъ гнѣва, и, заперевъ двери на замокъ, сказалъ:—„Мы съ вами оба обмануты. Я сейчасъ перехватилъ письма вашего мужа къ моей женѣ и пригласилъ васъ, чтобы вы были свидѣтельницей, какъ я заступлюсь за вашу честь. Наше дѣло общее. Мы должны отомстить вмѣстѣ“.

Можно себѣ представить, въ какомъ затруднительномъ положеніи находилась эта маленькая, худенькая, не особенно краснорѣчивая женщина, передъ которой этотъ разъяренный и невоспитанный господинъ кричалъ во все горло такъ, что его было слышно на улицѣ. Ей удалось однако успокоить его, и она добилась того, что онъ позволилъ ей переговорить со своей женою, которая ожидала въ страхѣ, что онъ ее убьетъ, и, наконецъ, убѣжала изъ дома. Надобно было отправиться прямо въ Тюилери, разсказать все императору, потребовать удовлетворенія отъ Жюно и просить защиты для его жены, но г-жа Меттернихъ взглянула на дѣло иначе и, опасаясь скандала, стала убѣждать взволнованнаго Жюно оставить это дѣло; результатъ показалъ, что она поступила вполнѣ правильно, ибо Бонапартъ, при первой же встрѣчѣ, подошелъ къ ней и, поцѣловавъ ее, сказалъ: „Вы молодецъ, что сумѣли избавить меня отъ большой непріятности съ этимъ нелѣпымъ Жюно“.

Признаюсь, этотъ комплиментъ не утѣшилъ бы меня въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, которое при тогдашнихъ обстоятельствахъ было для посланницы особенно непріятно.

Меттернихъ велъ переговоры, предшествовавшіе заключенію тильзитскаго мира. Дружественныя отношенія между державами были скрѣплены бракомъ Бонапарта со старшей изъ эрцгерцогинь. Съ тѣхъ поръ я пересталъ бывать въ Тюильри и рѣдко видѣлся съ австрійскимъ посланникомъ. Мы такъ разошлись съ нимъ во взглядахъ, что между нами уже не могло существовать дружбы; каждое мое слово, каждый взглядъ казался ему, поневолѣ, упрекомъ или эпиграммой; я не претендовалъ на благодарность за мое отношеніе къ его семьѣ, и это было весьма благоразумно, такъ какъ г-жа Меттернихъ до того преклонялась передъ Бонапартомъ и ожидала отъ него такихъ великихъ дѣлъ, что мое поведеніе по отношенію къ ней, въ то время какъ они не могли выѣхать изъ Парижа, оказалось непростительной дерзостью относительно героя, которому она была предана всей душой. Событія слѣдовали одно за другимъ съ ужасающей быстротою. Меттернихъ сдѣлался вскорѣ премьеръ-мини-

стромъ; имя его было на страницахъ всѣхъ газетъ, слѣдить за его дѣятельностью было для меня интересно потому, что я не могъ не отдать справедливости его качествамъ и талантамъ, которые я могъ цѣнить болѣе всѣхъ, но меня раздражала его узкая и двоедушная политика.

Нарбоннъ.

Графъ Людовикъ Нарбоннъ-Лара, родившійся въ 1750 или 1751 г., былъ сыномъ принцессы Аделаиды. Былъ ли его отцомъ Людовикъ XV или дофинъ, неизвѣстно, но несомнѣнно это былъ одинъ изъ нихъ, поэтому впослѣдствіи говорили, что поведеніе Нарбонна во время революціи было тѣмъ непростительнѣе, что никто не былъ въ такой степени Бурбономъ, какъ онъ. Какъ только его мать сдѣлалась беременна, изъ Пармы была вызвана г-жа Нарбоннъ, женщина честолюбивая, способности коей къ интригамъ пропадали даромъ при Пармскомъ дворѣ. Она пріѣхала беременной, была назначена статсъ-дамой принцессы Аделаиды и своевременно разрѣшилась отъ бремени. Ей былъ пожалованъ титулъ герцогини, что очень подходило къ ея красивой фамиліи и было несравненно почетнѣе той роли, которую она взяла на себя. Ея мужъ, ставъ герцогомъ, сохранилъ благородныя чувства, держался въ сторонѣ отъ двора и умирая лишилъ своего мнимаго сына правъ на наслѣдство. Мальчикъ былъ хорошенькій, умненькій, привѣтливый, и принцесса Аделаида едва могла скрыть тайну, которую она то и дѣло выдавала своими заботами о маленькомъ Нарбоннѣ, который по ея просьбѣ былъ назначенъ, когда онъ подросъ, ея придворнымъ кавалеромъ (chevalier d'honneur). Вся Франція была свидѣтельницей его разгульной жизни и безумныхъ тратъ. Достаточно привести одинъ примѣръ: всякій разъ, какъ онъ давалъ ужинъ своей любовницѣ, актрисѣ французской комедіи Конта, для этого ужина привозили изъ Версаля посуду, принадлежавшую принцессѣ Аделаидѣ.

Революція обнаружила всю несостоятельность этого салоннаго героя. Онъ былъ военнымъ министромъ лишившагося престола короля, котораго ему слѣдовало, болѣе чѣмъ кому-либо, защищать до послѣдней капли крови; онъ занялъ эту должность вопреки волѣ этого добраго короля и, занимая ее, первый перешелъ на сторону революціонеровъ. Вслѣдствіе своей полнѣйшей бездарности, онъ лишился мѣста нѣсколько недѣль спустя, его окончательно погубило во мнѣніи общества письмо, написанное по его настоянію принцессами, сестрами короля, къ предсѣдателю національнаго собранія съ просьбою разрѣшить имъ выѣздъ изъ Франціи; это письмо кончалось

словами: „Имѣемъ честь быть, г. президентъ, ваши нижайшія слуги, Аделаида и Викторія, принцессы французскія". Графъ Людовикъ,—такъ звали Нарбонна въ салонахъ, гдѣ онъ имѣлъ огромный успѣхъ среди женщинъ,—женился на дѣвицѣ Монтолонъ, дочери перваго президента парламента въ Нормандіи. Молодая г-жа Нарбоннъ послѣдовала въ Италію за принцессами и за своей мнимой свекровью, герцогиней Нарбоннъ, а графъ Людовикъ жилъ то въ Англіи, то въ Швейцаріи среди эмигрантовъ, прославившись своими любовными похожденіями.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи передать одинъ анекдотъ, быть можетъ не особенно интересный, но выдающійся по тѣмъ лицамъ, о конхъ въ немъ говорится. Революція разсѣяла по поверхности земли мужей, любовниковъ, друзей. Г-жа Сталь, вынужденная удалиться въ свой замокъ въ Коппе, вспоминала нерѣдко восхитительные часы, проведенные ею въ Парижѣ въ обществѣ графа Людовика. Онъ былъ въ Лондонѣ. Она послала ему деньги на проѣздъ и умоляла его, именемъ любви и дружбы, пріѣхать къ ней какъ можно скорѣй. Получивъ это пріятное приказаніе, онъ только и былъ занятъ мыслію, какъ бы преодолѣть скорѣе препятствія, отдѣлявшія его отъ береговъ Женевскаго озера. Но въ это время въ Коппе появился одинъ шведъ, такой замѣчательный красавецъ, что противустоять ему было бы смѣшно и невозможно. Сомнѣвалась ли г-жа Сталь въ томъ, что Нарбоннъ поспѣшитъ къ ней, или же она разсчитывала, что она успѣетъ до его пріѣзда разыграть новый романъ, какъ бы то ни было, она предалась всецѣло во власть побѣдителя; но едва успѣла она испытать, какъ дѣйствуютъ чары любви на сердце сѣверянина, какъ было получено изъ Женевы письмецо, начертанное рукою графа Людовика. Какое ужасное положеніе! Какъ встрѣтятся эти соперники, полагающіе, конечно, что каждый изъ нихъ одинъ владѣетъ предметомъ любви? Но г-жа Сталь была изобрѣтательна: она написала Нарбонну, чтобы онъ ожидалъ ее въ Женевѣ. Прошло три дня, во время которыхъ она открыла красавцу шведу свою тайну, разукрашенную порядочной долею вымысла, взяла съ него клятву, что онъ не будетъ требовать отъ нея ни объясненій, ни жертвъ. Все было предусмотрѣно, обдумано и, наконецъ, красавецъ шведъ и пылкій французъ встрѣтились въ салонахъ Коппе.

День прошелъ какъ нельзя лучше. Соперники, какъ и можно было ожидать, держали себя очень холодно, и дочь великаго Неккера легла спать, наслаждаясь сознаніемъ полной побѣды. Но на слѣдующее утро все общество уже собралось къ завтраку, а знаменитые иностранцы все еще не появлялись. Хозяйка послала просить ихъ къ

завтраку; ихъ не оказалось въ домѣ; тщетно искали ихъ въ домѣ и въ саду; всѣ были удивлены, всѣ заволновались; г-жа Сталь едва могла сохранить хладнокровіе; всѣ пустились на поиски, строили разныя предположенія; но все было напрасно. Наконецъ, одинъ крестьянинъ заявилъ, что онъ видѣлъ въ 4 часа ночи двухъ мужчинъ, которые шли молча по большой дорогѣ въ Швейцарію. По его описанію это были какъ разъ исчезнувшіе господа. Г-жу Сталь осѣнило какъ молніей. Ей казалось уже, что она видитъ, какъ течетъ кровь ея друзей, которымъ угрожала опасность обоимъ въ равной степени. Отчаяніе ея было безпредѣльно; она не могла долѣе скрывать своей тайны; была готова лишить себя жизни, готовилась къ смерти и всѣмъ исповѣдывалась; во всѣ концы были разосланы люди; къ врачу хирургу была послана просьба не уѣзжать изъ города и быть готовымъ ко всякой случайности; всѣ краснорѣчивыя и нравственныя увѣщанія Неккера умершей дочери были напрасны; день уже склонялся къ вечеру, когда пріѣхалъ секретарь Неккера, Куандэ. Онъ видѣлъ лодку, изъ которой вышли эти господа, нагруженные рыбой.

Дѣло въ томъ, что Нарбоннъ, ложась спать, увидѣлъ, что шведъ приготовлялъ удочки.

— Вы любитель рыбной ловли?

— Большой.

— Вы часто удите?

— Собираюсь поудить завтра на разсвѣтѣ.

— Позвольте мнѣ сопровождать васъ; я до страсти люблю рыбную ловлю.

— Очень радъ.

И они уѣхали; ловъ былъ удачный, но противный вѣтеръ задержалъ ихъ на обратномъ пути. Послѣ этого въ замкѣ Коппе цѣлыхъ два дня никто не рѣшался взглянуть другъ на друга въ глаза. Нарбоннъ возвратился во Францію одновременно съ прочими эмигрантами; такъ какъ у него не было никакихъ средствъ къ жизни, то онъ былъ радъ занять двѣ маленькія комнатки, предложенныя ему виконтессой Лаваль, въ предмѣстьи Сенъ-Оноре, въ Парижѣ.

Онъ разсчитывалъ на свою дружбу съ Талейраномъ, но послѣдній, бывшій министромъ во времена Директоріи и консульства, не счелъ графа Людовика подходящимъ для службы при Бонапартѣ. Изящныя манеры, блестящее, но поверхностное образованіе и крайнее легкомысліе были качествами неподходящими для той эпохи, когда первымъ условіемъ карьеры были положительные таланты и отсутствіе манеръ. Нарбоннъ горько жаловался и докучалъ Талейрану, на котораго онъ возлагалъ всѣ свои надежды; такъ какъ онъ добивался

только скромнаго мѣста супрефекта или чего-либо въ родѣ этого, то Талейранъ оправдывался, говоря, что онъ не можетъ до такой степени унизить своего бывшаго друга.

Когда звѣзда князя Беневентскаго начала меркнуть по мѣрѣ того, какъ ухудшались дѣла съ Испаніей, графъ Нарбоннъ сталъ еще громче жаловаться на свою судьбу, сблизился съ врагами своего бывшаго друга и въ то время, когда императоръ воевалъ въ Австріи, всѣ были изумлены, узнавъ, что онъ вызванъ въ армію въ качествѣ дивизіоннаго генерала, а вслѣдъ затѣмъ назначенъ комендантомъ Рааба.

Одно пустяшное обстоятельство имѣло въ то время рѣшающее вліяніе на судьбу Нарбонна. Представляя императору рапортъ, онъ не передалъ его изъ рукъ въ руки, какъ дѣлали всѣ остальные, а положилъ его на шляпу и такимъ образомъ подалъ его императору.

Наполеону, жаждавшему почестей, сказали, что такъ подаютъ донесенія королямъ, и карьера Нарбонна была сдѣлана.

Вскорѣ послѣ этого онъ былъ назначенъ полномочнымъ министромъ въ Баварію; но онъ скучалъ въ Мюнхенѣ и просилъ меня выхлопотать ему мѣсто посланника въ Вѣну. По моимъ связямъ съ вѣнскимъ кабинетомъ это было бы нетрудно; по всей вѣроятности, я не встрѣтилъ бы препятствія и со стороны Тюильрійскаго двора, но очевидно, ему еще не суждено было въ то время получить это назначеніе. Я отложилъ всего на одинъ день переговорить объ этомъ съ княземъ Шварценбергомъ, который только-что пріѣхалъ въ званіи австрійскаго посланника, а въ это время ему предложили г. Отто, и онъ изъявилъ согласіе на его назначеніе. Между тѣмъ Нарбоннъ пріѣхалъ изъ Мюнхена, украшенный орденомъ св. Губерта, твердо рѣшивъ плѣнить дворъ и весь Парижъ.

Нѣкоторая искренность въ соединеніи съ самой искусной лестью снискала ему благоволеніе Бонапарта.

— Ваша тетушка пріѣхала? спросилъ его однажды Наполеонъ.

— Да, ваше величество.

— Говорятъ, она меня не любитъ?

— Не скрою отъ вашего величества, что она скорѣе преклоняется передъ вами.

Другой разъ, когда Талейранъ разсказывалъ Наполеону, знавшему одинъ французскій языкъ, что англійскій король говорилъ и писалъ правильно на четырехъ языкахъ. „На четырехъ языкахъ! воскликнулъ Нарбоннъ, да въ Германіи всякій лакей говоритъ по меньшей мѣрѣ на шести языкахъ“.

Другой разъ, когда императоръ сказалъ съ досадой, что онъ

не понимаетъ, почему Вѣнскій дворъ отказывается прогнать князей Ламбеска и Водемона, Нарбоннъ замѣтилъ:

— Ваше величество, отдайте ихъ этому двору. Маленькіе подарки скрѣпляютъ дружбу.

Я могъ бы привести много подобныхъ примѣровъ, но и сказаннаго достаточно, чтобы показать, какой тактики держался старый версальскій царедворецъ.

Наполеонъ проявилъ неожиданно къ людямъ прежняго режима какое-то особенное пристрастіе, что̀ очень опечалило его приближенныхъ. Онъ хотѣлъ назначить Нарбонна придворнымъ кавалеромъ новой императрицы; но герцогиня Монтебелло, не желая имѣть подлѣ себя человѣка, который училъ бы ее каждому реверансу, и находя, что графъ Богарне, надъ которымъ она насмѣхалась, болѣе подходилъ къ роли ея покорнаго слуги, каковыми она хотѣла видѣть всѣхъ окружающихъ, заставила́ императрицу рѣшительно отклонить это назначеніе. Тогда Нарбоннъ былъ назначенъ адъютантомъ императора, онъ походилъ на этомъ мѣстѣ на старую куклу, которую держали для поддержанія забытыхъ старинныхъ традицій. Ему было около шестидесяти лѣтъ, онъ уже двадцать пять лѣтъ не ѣздилъ на лошади и на его мѣстѣ всякій нашелъ бы эту должность тягостной, но онъ справлялся со своей обязанностью такъ хорошо, что во время злополучнаго бѣгства изъ Россіи, въ 1812 г., онъ одинъ сохранилъ настолько самообладанія и присутствія духа, что, глядя на него, императоръ могъ судить, до какой степени онъ самъ и всѣ окружающіе его растерялись. Съ назначеніемъ его посланникомъ въ Вѣну увѣнчались наконецъ его давнишнія желанія. Его друзья, а ихъ было много, выказали большую радость по поводу этого назначенія, но никто не предвидѣлъ, куда оно приведетъ его.

Онъ пробылъ посланникомъ недолго. Дѣла въ Европѣ ухудшились. Австрія вернулась къ политикѣ, которая вполнѣ согласовалась съ ея собственными интересами и отъ которой ей не слѣдовало никогда уклоняться. Нарбоннъ былъ назначенъ, вмѣстѣ съ герцогомъ Виченскимъ, полномочнымъ министромъ на конгрессъ, собравшійся въ Прагѣ, который привелъ къ походу 1813 г. Возвратясь въ главную квартиру, въ Дрезденъ, онъ засталъ тамъ Наполеона въ тотъ моментъ, когда побѣда измѣнила ему. Въ Торгау былъ помѣщенъ на храненіе сундукъ съ двадцатью пятью милліонами, и императоръ, имѣя полное основаніе положиться на честность Нарбонна, когда дѣло шло о деньгахъ, и на его преданность, когда дѣло шло о чести, назначилъ его комендантомъ этой крѣпости. Онъ продержался въ ней до тѣхъ поръ, пока французы не были изгнаны изъ Германіи, и умеръ тамъ отъ чумы, которая свирѣпствовала въ то время въ этой

странѣ. Его преемникъ, не желая пугать публику, объявилъ оффиціально что Нарбоннъ скончался отъ ушиба, полученнаго имъ при паденіи съ лошади. Друзья, оплакивавшіе его кончину, могли радоваться тому, что ему не пришлось дожить до сдачи крѣпости и испытать на себѣ презрѣніе, съ какимъ навѣрно отнеслись бы къ нему побѣдители, какъ къ человѣку, который дошелъ до забвенія всѣхъ приличій и обязанностей, которыя налагало на него его происхожденіе и милости, коими онъ пользовался со стороны своихъ законныхъ монарховъ.

Царство Польское наканунѣ конституціи 1815 года.

Трехлѣтній періодъ времени, протекшій съ оккупаціи русскими войсками великаго герцогства Варшавскаго въ 1812 г. и до дарованія Александромъ I конституціи царству Польскому въ 1815 г., до сихъ поръ мало освѣщенъ историками, даже тѣми, которые спеціально занимались разработкою исторіи Польши. Между тѣмъ, за эти три года (1813—1815 г.г.) въ судьбахъ Польши и всего польскаго народа, впервые отошедшаго окончательно подъ верховную власть царствующей въ Россіи династіи, совершился переворотъ огромной важности.

Какъ извѣстно, великое герцогство Варшавское, созданное Наполеономъ I по Тильзитскому договору, просуществовало подъ верховной властью французскаго императора всего пять лѣтъ, съ 1807—1812 г.; вслѣдъ за пораженіемъ Наполеона въ Россіи, было занято союзными войсками; на Вѣнскомъ конгрессѣ послѣдовалъ раздѣлъ великаго герцогства, большая часть котораго была отдана Россіи, образовавъ царство Польское, которое, въ свою очередь, существовало, какъ конституціонное государство, подъ главенствомъ Россіи съ 1815 до 1830 г., до возстанія, послѣ чего Польша утратила свою автономію и вошла окончательно въ составъ имперіи.

Обширный матеріалъ, который могъ бы всесторонне выяснить столь важный моментъ въ новѣйшей исторіи Польши, какимъ были эти три переходные годы, хранится еще неиспользованнымъ въ архивѣ Государственнаго Совѣта въ Петербургѣ (бумаги статсъ-секретаріата царства Польскаго), въ королевскомъ архивѣ въ Берлинѣ и въ бумагахъ князя Адама Чарторыйскаго, горячаго защитника польской конституціи передъ Александромъ I, игравшаго столь видную роль въ судьбахъ своей родины. Его бумаги перевезены

не особенно давно въ Краковъ и не приведены еще окончательно въ порядокъ.

Монографія Іосифа Бояcинскаго „Rządy Tymczasowe w królestwie polskiem, maj—grudzień 1815“ (J. Bojasinskiego), съ содержаніемъ которой намѣрены мы познакомить читателей, восполняетъ до нѣкоторой степени указанный пробѣлъ. Основываясь на данныхъ, добытыхъ главнымъ образомъ изъ варшавскихъ казенныхъ и частныхъ архивовъ, авторъ даетъ картину дѣятельности варшавскаго правительства съ мая по декабрь 1815 г., въ связи съ экономическимъ и финансовымъ положеніемъ страны, при чемъ само собою выясняется несоотвѣтствіе, существовавшее въ вопросѣ о русско-польскихъ отношеніяхъ между недоброжелательствомъ русскихъ государственныхъ дѣятелей и либеральными стремленіями императора Александра I.

---

3 мая 1815 г. между Австріей, Пруссіей и Россіей были заключены три договора, закрѣпившіе постановленія Вѣнскаго конгресса касательно Польши. Каждая изъ договаривающихся сторонъ отстаивала на конгрессѣ свое право на большую или меньшую часть великаго герцогства Варшавскаго. Россія основывала свои права на роли, которую она сыграла въ низверженіи Наполеона и въ окупаціи герцогства; Пруссія—на поддержкѣ, оказанной ею въ этомъ дѣлѣ Россіи, и на положеніи вещей, предшествовавшемъ образованію Варшавскаго герцогства; Австрія считала себя въ правѣ требовать возврата польскихъ земель, отнятыхъ у нея въ 1809 г. Послѣ длительныхъ переговоровъ, которые неоднократно грозили быть прерванными, состоялся новый раздѣлъ бывшей Рѣчи Посполитой между сосѣдними державами.

27 мая вышеупомянутые трактаты были ратифицированы и царство Польское превратилось въ наслѣдственную монархію, навсегда соединенную съ Россійской имперіей, которой императоръ Александръ обѣщалъ дать конституціонное устройство.

Дѣйствуя прямодушнѣе своихъ союзниковъ—Франца I и Фридриха Вильгельма III, императоръ Александръ совершенно ясно и опредѣленно высказалъ свои намѣренія по отношенію къ Польшѣ и такъ какъ конституціонная хартія не могла быть выработана довольно скоро, то онъ, до ратификаціи договоровъ и окончательной редакціи постановленій конгресса, того же 27 мая подписалъ „Основы“ будущей конституціи (Bases de la Constitution), имѣвшія характеръ законодательнаго акта, такъ какъ варшавское правительство, до введенія конституціоннаго строя, должно было руководствоваться ими, какъ закономъ.

Слухи о переговорахъ, происходившихъ въ Вѣнѣ, и о постановленіяхъ конгресса, отъ которыхъ зависѣла судьба Варшавскаго герцогства, доходили до его жителей отрывочно и съ большимъ запозданіемъ. Послѣ радужныхъ надеждъ, поданныхъ полякамъ Наполеономъ I, герцогство два года уже находилось фактически подъ властью Россіи, было занято русскими войсками, управлялось русскими чиновниками; не мудрено, что поляки, не увѣренные въ своей дальнѣйшей судьбѣ, не зная даже, что имъ предстояло въ ближайшемъ будущемъ, ожидали извѣстій изъ Вѣны съ тягостнымъ нетерпѣніемъ. Обѣднѣніе края, застой промышленности, злополучная судьба военно-плѣнныхъ, возвращавшихся на родину, которые не имѣли по большей части, куда преклонить голову, тягость военнаго постоя, строгости военнаго времени и полицейскаго режима, неутѣшительныя вѣсти, полученныя отъ Игнатія Соболевскаго, занимавшаго уже въ то время въ Петербургѣ мѣсто секретаря по дѣламъ польскимъ, наконецъ, слова, сказанныя императоромъ Александромъ польской депутаціи, прибывшей къ нему во главѣ съ полковникомъ Владиславомъ Соболевскимъ и противорѣчившіе этимъ словамъ отзывы, слышанные той же депутаціей отъ вліятельныхъ петербургскихъ сановниковъ, все это вмѣстѣ взятое создавало атмосферу крайне тягостную и напряженную.

Первое, болѣе достовѣрное, хотя еще не вполнѣ опредѣленное извѣстіе о судьбѣ, ожидавшей Польшу, Варшава услышала 24 марта 1815 г., изъ устъ великаго князя Константина Павловича, которому генералъ Крюковецкій привезъ изъ Вѣны собственноручное письмо императора Александра съ извѣщеніемъ, что онъ получилъ на конгрессѣ относительно Польши все, что онъ желалъ.

6 мая пріѣхалъ въ Варшаву Ожаровскій, привезшій президенту сената Островскому также собственноручное письмо императора Александра, коимъ государь извѣщалъ о возстановленіи царства Польскаго и о своемъ намѣреніи даровать ему конструкцію. Письмо было помѣчено 30 апрѣля, слѣдовательно, было писано за три дня до заключенія трактатовъ съ Пруссіей и Австріей, но въ то время, когда между монархами состоялось уже соглашеніе по польскому вопросу. Островскому было разрѣшено огласить содержаніе этого письма. Увѣдомляя президента сената о томъ, что „судьба его отечества“ наконецъ рѣшена по единодушному соглашенію монарховъ, собравшихся на конгрессѣ, Александръ писалъ, что, „принимая титулъ короля польскаго, онъ хотѣлъ этимъ исполнить желаніе народа“. „Царство Польское“, продолжалъ онъ, „будетъ связано съ Россійской имперіей узами конституціи, которой я намѣренъ упрочить благоденствіе страны. Хотя высшія соображенія и необходимость обезпечить всеобщій миръ не позволили

соединить всѣхъ поляковъ подъ однимъ скипетромъ, но я старался, по крайней мѣрѣ, облегчить на сколько возможно тягость раздѣла и обезпечить имъ спокойное развитіе ихъ народности".

Ожаровскій привезъ одновременно указъ о назначеніи на епископскую каѳедру въ Краковѣ извѣстнаго горячаго польскаго патріота Воронича; Александръ I воспользовался представленнымъ ему, по вѣнскому договору, правомъ назначать епископовъ изъ представленныхъ ему кандидатовъ. Назначеніе Воронича было встрѣчено сочувственно; еще болѣе порадовали всѣхъ слова указа, что императоръ хотѣлъ „доказать, какъ ему пріятно подтвердить этимъ свое уваженіе" къ тѣмъ, „кои всегда готовы жертвовать собою для блага родины".

Но все это отнюдь не разрѣшало сомнѣній, волновавшихъ поляковъ, и они ожидали съ еще большимъ нетерпѣніемъ пріѣзда изъ Вѣны князя Адама Чарторыйскаго. Его прождали цѣлый мѣсяцъ; а тѣмъ временемъ выяснилось, что намѣченныя на конгрессѣ границы будущаго царства Польскаго далеко не соотвѣтствовали ожиданіямъ, что къ Пруссіи отошли самыя лучшія и богатыя великопольскія земли; было получено извѣстіе о вступленіи прусскихъ войскъ въ Познань, и варшавяне были свидѣтелями перемѣны, происшедшей въ великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ, который, при обученіи вновь формировавшейся пѣхоты, не сдерживалъ болѣе врожденной ему горячности, относился къ ней „презрительно" и видимо считалъ возможнымъ примѣнять чисто воинскую строгость и къ публикѣ, бывшей случайно зрительницей ученій, которыя производились имъ на Саксонскомъ плацу.

13 іюня пріѣхалъ наконецъ въ Варшаву давно жданный и еще не вполнѣ оправившійся отъ перенесенной имъ болѣзни князь Адамъ Чарторыйскій; онъ привезъ оффиціальное извѣстіе о рѣшеніяхъ, принятыхъ на конгрессѣ, и о томъ, что императоромъ Александромъ уже повелѣно было приступить къ введенію въ царствѣ Польскомъ постепенно и „безъ особыхъ потрясеній" конституціоннаго образа правленія.

Тутъ необходимо сказать хотя бы въ краткихъ словахъ о томъ, въ какомъ положеніи находилось Варшавское герцогство и его внутреннее управленіе послѣ разгрома великой арміи въ 1812 г.

Въ исходѣ февраля 1813 г. вся территорія герцогства, кромѣ Кракова и нѣсколькихъ крѣпостей: Торна, Ченстохова, Замостья и Модлина была въ рукахъ русскаго войска; варшавское правительство удалилось въ Краковъ. Нѣсколько дней спустя, императоръ Александръ I учредилъ для управленія гражданскими дѣлами герцогства Верховный Совѣтъ изъ пяти членовъ: предсѣдателя — варшавскаго

генералъ-губернатора — Василія Сергѣевича Лапскаго, вице-предсѣдателя Новосильцова, князя Ксаверія Друцкаго-Любецкаго, Ѳомы Ваврзецкаго и Христофора Коломба.

Въ маѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ Варшаву, назначенный оберъ-полиціймейстеромъ, генералъ Гертель; онъ не былъ подчиненъ никому изъ мѣстныхъ властей и сносился только съ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Петербургѣ, гдѣ польскія дѣла сосредоточивались въ рукахъ графа Аракчеева. Этимъ вполнѣ опредѣляется характеръ управленія. Агенты Гертеля, не взирая на объявленную амнистію и не считаясь со взглядами добродушнаго Ланского, арестовывали жителей Варшавскаго герцогства по одному наговору доносчиковъ, и они ссылались въ отдаленныя губерніи Россіи. Чарторыйскій жаловался на это императору Александру, изображалъ ему въ яркихъ краскахъ бѣдственное положеніе Польши. Вслѣдствіе его жалобъ, для обузданія Гертеля, былъ учрежденъ 30 августа, подъ предсѣдательствомъ Новосильцова, особый комитетъ для надзора за дѣйствіями полицейскихъ властей.

Въ матеріальномъ отношеніи Варшавское герцогство очень страдало въ это время отъ реквизицій на содержаніе оккупаціонной арміи. Вступившее въ предѣлы герцогства побѣдоносное русское войско, еще до учрежденія Верховнаго Совѣта, продовольствовалось за счетъ польской казны; стоимость фуража и провіанта, который русская армія получала изъ запасныхъ магазиновъ и у обывателей, раскладывалась на повѣты и гмины и оцѣнивалась по тарифу, выработанному (6 февраля 1813 г.) генералъ-интендантомъ Канкринымъ и утвержденному княземъ Кутузовымъ-Смоленскимъ. Съ 1-го февраля 1813 по 1 мая 1814 г., войсками было забрано такимъ образомъ провіанта и фуража на сумму 72.382.986 польск. злотыхъ; когда же, въ виду крайняго истощенія страны, въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года, мѣстныя власти заявили, что они не въ состояніи удовлетворить дальнѣйшихъ требованій арміи, комиссія, завѣдывавшая продовольствіемъ войска, получила отъ Ланскаго извѣщеніе, что „никакія объясненія не могутъ быть приняты во вниманіе и что всѣ требованія русскаго войска должны быть удовлетворены, подъ страхомъ преданія военному суду“.

Въ августѣ мѣсяцѣ, по требованію Барклая-де-Толли, Варшавское герцогство отправило для арміи въ Силезію муки, сухарей, крупъ, овса, мяса (скота) и водки на 894.430 польск. злотыхъ.

Когда, по мѣрѣ развитія военныхъ дѣйствій, возросло число больныхъ, то Верховнымъ Совѣтомъ было издано постановленіе, коимъ жители царства Польскаго обязывались доставлять войску необходимыя лазаретныя принадлежности натурой; эта повинность, пере-

ложенная на деньги, составила вскорѣ сумму въ 1.667.221 польск. злот. Въ сентябрѣ пришлось доставить для арміи повозки и лошадей—на 3.816,000 п. злот., въ ноябрѣ потребовалось 5 тысячъ тулуповъ и т. д. Послѣдующія реквизиціи на надобности однихъ только отрядовъ, осаждавшихъ Модлинъ и Замостье, превысили 1 милліонъ польскихъ злотыхъ, а въ общей сложности, Варшавское герцогство доставило въ теченіе 1813 и первыхъ четырехъ мѣсяцевъ 1814 г. на надобности русской арміи разныхъ предметовъ на 157.928.176 польск. злотыхъ.

1814 годъ принесъ жителямъ герцогства нѣкоторое облегченіе; были отмѣнены кое-какіе налоги, разрѣшенъ ввозъ изъ Россіи скота, вина, водки и другихъ предметовъ, которые ввозились до войны, и было воспрещено производить какія бы то ни было реквизиціи безъ высочайшаго на то соизволенія; но къ этому времени матеріальныя средства Варшавскаго герцогства были уже до такой степени истощены, что за удовлетвореніемъ потребностей мѣстныхъ жителей запасовъ провіанта по разсчету генералъ-губернатора могло хватить на продовольствіе 200.000 резервной арміи и 30.000 больныхъ, пользовавшихся въ лазаретахъ, не болѣе какъ на четыре мѣсяца, а для дѣйствующей 380.000 арміи—самое большее на одинъ мѣсяцъ.

Въ апрѣлѣ 1814 г. бывшіе во Франціи остатки польскаго войска отдались подъ покровительство императора Александра, разрѣшившаго сформировать изъ нихъ одинъ корпусъ подъ наименованіемъ „войска герцогства Варшавскаго“. Этому пятитысячному корпусу былъ произведенъ смотръ на равнинѣ Saint Denis, послѣ чего ему было разрѣшено возвратиться въ Варшаву. Для дальнѣйшей организаціи польскаго войска 24 апрѣля былъ учрежденъ еще въ Парижѣ, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Павловича, военный комитетъ, въ составъ котораго вошли генералы: Домбровскій, Княжевичъ, Войчинскій, Віельгорскій, Заіончекъ, Сѣраковскій и Сулковскій. Разсѣянное по Европѣ польское войско начало стягиваться со всѣхъ сторонъ въ Варшаву, куда отправились въ скоромъ времени и члены военнаго комитета.

Согласно инструкціи, полученной отъ великаго князя Константина Павловича, главнаго начальника всѣхъ польскихъ войскъ,—Домбровскій, командовавшій соединеннымъ корпусомъ этихъ войскъ, занялся ихъ сформированіемъ и составленіемъ списка лицъ, несшихъ какія-либо воинскія обязанности въ Варшавскомъ герцогствѣ и проживавшихъ въ его предѣлахъ. Чтобы облегчить распредѣленіе по частямъ военно-плѣнныхъ, возвращавшихся въ Польшу, было рѣшено расквартировать вновь формируемые полки по разнымъ губерніямъ.

На предварительную организацію этого дѣла потребовалось тотчасъ 75 тыс. польскихъ злотыхъ.

Верховный Совѣтъ былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе: на содержаніе польскаго войска не послѣдовало никакой ассигновки изъ имперскихъ суммъ, всѣ доходы временнаго герцогства уже имѣли опредѣленное назначеніе, подати поступали неправильно, поэтому было рѣшено выдать Домбровскому необходимую сумму изъ денегъ, полученныхъ изъ Петербурга на надобности лазаретовъ, о чемъ немедленно и было донесено императору. Нѣсколько недѣль спустя пришлось такимъ же путемъ удовлетворить вторичное требованіе Домбровскаго на счетъ денегъ. 15 іюля Верховный Совѣтъ получилъ отъ него извѣщеніе о томъ, что „польское войско“ вступитъ въ предѣлы Варшавскаго герцогства въ началѣ августа; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ выдачи 400.000 п. зл. на уплату жалованья войску. На этотъ разъ Верховный Совѣтъ не могъ изыскать никакихъ средствъ. По представленіи о томъ императору деньги были выданы изъ русскаго казначейства; и одновременно состоялось высочайшее повелѣніе о выдачѣ ежегодно 2.127.420 пол. злот. въ распоряженіе варшавскаго генералъ-губернатора для надобностей польскаго войска съ возвратомъ этихъ денегъ со временемъ изъ суммъ Варшавскаго герцогства. Такимъ образомъ оно не несло въ то время никакихъ расходовъ по содержанію и сформированію польскаго войска.

Первое засѣданіе военнаго комитета, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Павловича, состоялось въ Варшавѣ 27 сентября 1814 г., въ ноябрѣ мѣсяцѣ комитетъ былъ извѣщенъ о непремѣнномъ желаніи императора поспѣшить съ организаціей войска въ виду возможности войны съ коалиціей. Съ назначеніемъ въ комитетъ кн. Гедройца его дѣятельность оживилась; вскорѣ было сформировано двѣ пѣхотныя дивизіи по три бригады въ каждой, двѣ дивизіи кавалеріи, два полка гвардіи, инженерный и артиллерійскій корпуса. Въ общемъ было поставлено подъ ружье около 20.000 человѣкъ; между тѣмъ назначеніе и характеръ этого войска не были еще точно опредѣлены. Въ оффиціальной перепискѣ между императоромъ Александромъ, великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ и Верховнымъ Совѣтомъ оно называлось „польскимъ войскомъ“ ,но въ документахъ, выдаваемыхъ офицерамъ, обозначался только ихъ чинъ и номеръ полка и тщательно избѣгалось названіе „польское войско“ или „войско Варшавскаго герцогства“.

Вслѣдъ за военнымъ комитетомъ былъ учрежденъ комитетъ для устройства гражданскаго управленія. Въ немъ работали, подъ предсѣдательствомъ президента сената, Ѳомы Островскаго, князь Адамъ

Чарторыйскій, Ваврженцкій, Іосифъ Оссолинскій, Кучинскій, Сташицъ и Новосильцевъ; впослѣдствіи къ этимъ лицамъ присоединились Нѣмцевичъ и кн. Ксаверій Друцкой-Любецкій. Комитетъ, дѣятельность котораго началась 3 іюля 1814 г., намѣтилъ рядъ реформъ: замѣну кодекса Наполеона и системы французскихъ судовъ литовскимъ статутомъ, а впослѣдствіи, новымъ польскимъ гражданскимъ и уголовнымъ уложеніемъ; улучшеніе быта крестьянъ и надѣленіе ихъ земельной собственностью, измѣненіе въ системѣ взиманія налоговъ, болѣе соотвѣтствующее потребностямъ торговли, земледѣлія и промышленности, возвращеніе духовенству конфискованныхъ у него имуществъ,—словомъ, былъ проектированъ рядъ мѣръ, клонившихся къ улучшенію матеріальнаго и культурнаго положенія страны.

Но обоимъ комитетамъ, военному и гражданскому, не удалось назвить своей дѣятельности, они успѣли провести лишь самыя неотложныя мѣры, которыя только подали народу смутную надежду на лучшее будущее, но не измѣнили ни въ чемъ печальнаго положенія, въ какомъ находились финансы Варшавскаго герцогства и его населенія.

Такъ, напр., по бюджету, составленному на 1814—15 годъ (съ 1 мая 1814 по 1 мая 1815) ожидалось поступленіе доходовъ 53.836.554 польск. злотыхъ, а расходовъ 43.491.225 п. зл., слѣдовательно, къ концу бюджетнаго года въ кассѣ должно было остаться свыше 10 ты, сячъ польскихъ злотыхъ. Между тѣмъ уже въ декабрѣ выяснилось что на самомъ дѣлѣ будетъ совсѣмъ иное: вслѣдствіе плохого поступленія доходовъ ожидался дифицитъ почти въ 8 тысячъ польск. злотыхъ.

Таково было матеріальное положеніе Варшавскаго герцогства въ тотъ моментъ, когда изъ Вѣны пріѣхалъ давно ожидаемый всѣми князь Адамъ Чарторыйскій, съ оффиціальнымъ извѣстіемъ объ образованіи царства Польскаго и о перемѣнахъ, предстоявшихъ во внутреннемъ управленіи страны.

Чарторыйскій пріѣхалъ въ Варшаву, какъ было сказано, 13 іюня 1815 г.; недѣлю спустя, 20 іюня, состоялось торжество оффиціальнаго провозглашенія царства Польскаго, вступленіе въ должность временнаго правительства, обнародованіе „Основъ“ будущей конституціи и манифеста, привезеннаго княземъ изъ Вѣны.

Въ день провозглашенія конституціи жители Варшавы рано утромъ были извѣщены о предстоящемъ торжествѣ 51 выстрѣлами изъ орудій. Въ 8-мъ часу утра чины правительства, собравшись въ королевскомъ замкѣ, отправились въ костелъ св. Яна, гдѣ, при огромномъ стеченіи народа, была отслужена обѣдня; послѣ проповѣди, произнесенной епископомъ Вороничемъ, секретарь Шанявскій прочелъ

манифестъ, въ которомъ Александръ I высказывалъ, между прочимъ, надежду на то, что рѣшеніе, принятое конгрессомъ по отношенію Польши, послужитъ странѣ на благо. Вслѣдъ за тѣмъ было прочитано отреченіе саксонскаго короля Фридриха-Августа отъ его правъ на Варшавское герцогство, освобожденіе его подданныхъ отъ данной ему присяги и его прощальное слово къ своимъ бывшимъ подданнымъ, въ которомъ говорилось, что онъ „вѣчно сохранитъ въ своемъ сердцѣ воспоминаніе о нихъ и будетъ возносить къ престолу Всевышняго горячія молитвы объ ихъ благополучіи, которое было всегда цѣлью его отеческихъ заботъ и попеченій".

Церковное торжество закончилось рѣчью, произнесенной Вавржецкимъ, послѣ чего члены временнаго правительства стали на ступеняхъ трона, на которомъ былъ поставленъ портретъ Александра I, и произносили за Шанявскимъ формулу присяги.

Изъ костела власти направились въ предмѣстье Воля, гдѣ были выстроены подъ командою великаго князя польское войско и русская гвардія. Послѣ молебствія и вторичнаго прочтенія манифеста великій князь объявилъ о переименованіи, по волѣ императора, батальоновъ 1-го и 5-го линейныхъ пѣхотныхъ полковъ въ гвардію и образованіи изъ нихъ отдѣльнаго л.-гв. гренадерскаго полка, о сформированіи изъ лучшихъ эскадроновъ кавалеріи стрѣлковыхъ полковъ конной гвардіи и о переименованіи одной артиллерійской батареи въ гвардейскую артиллерійскую батарею.

Въ 3 часа въ замкѣ состоялся обѣдъ на 200 чел., стоившій казнѣ 24 тысячи польск. злотыхъ. Въ 5 часовъ было угощеніе для народа; вечеромъ былъ спектакль и иллюминація.

Этотъ день обошелся казнѣ вновь созданнаго царства Польскаго 46.670 польск. зл.

Обѣщанная полякамъ конституція должна была быть вполнѣ національной „основанной на принципахъ порядка, правосудія и свободы" и приблизиться къ конституціи 3 мая 1791 г.[1]) постолько, „посколько это позволятъ измѣнившіяся обстоятельства и требованія времени". Римско-католическая религія должна была быть предметомъ особаго попеченія правительства, безъ мельчайшаго, однако, ущерба для свободы иныхъ исповѣданій; обезпечивалась свобода печати и свобода личности, съ ссылкою на стародавній основной законъ: „neminem captivabimus"; отнынѣ никто не могъ быть арестованъ и высланъ за предѣлы царства Польскаго въ административномъ порядкѣ.

Въ отношеніи свободы печати допускалась впрочемъ возможность

[1]) См. „Польская конституція 3 мая 1791 г. и отношеніе къ ней Россіи". „Рус. Старина", изд. 1904. кн. апр.—іюль.

ограниченій (modificationis). Иностранцамъ гарантировалось покровительство закона и всѣ преимущества, какія были обезпечены мѣстному населенію, а равно право пріобрѣтать недвижимое имущество и подданство. Гражданское и уголовное право, дѣйствовавшія въ странѣ, оставались въ силѣ до выработки новыхъ законовъ и утвержденія ихъ королемъ.

Всѣ должности должны замѣщаться только одними поляками или лицами, владѣвшими недвижимымъ имуществомъ, и слѣдовательно имѣвшими право принять польское подданство. Все дѣлопроизводство и судопроизводство должны были совершаться на польскомъ языкѣ; отправленіе правосудія объявлялось независимымъ и судьи несмѣняемы. Было намѣчено улучшеніе быта духовенства. Улучшеніе матеріальнаго положенія городовъ и ихъ процвѣтаніе должно было, по словамъ манифеста, составить предметъ особыхъ заботъ правительства. Многочисленному классу крестьянъ предоставлялось право пріобрѣтать земельную собственность; имъ было обѣщано особое покровительство—„отеческое“ попеченіе закона, дабы „привести ихъ постепенно къ истинному и прочному благосостоянію“. Дѣйствія этихъ законовъ распространялось и на евреевъ.

Это только малая часть тѣхъ гражданскихъ свободъ, которыя были обѣщаны 37-ю статьями „Основъ“ будущей конституціи, на которыхъ императоръ Александръ начерталъ собственноручно, что онѣ „будутъ служить руководствомъ и инструкціей для вновь учреждаемаго временнаго правительства царства Польскаго“.

Управленіе страною въ это переходное время было возложено на временное правительство, во главѣ котораго стали бывшіе члены Верховнаго Совѣта: Ланской, Новосильцевъ, Вавржецкій и Любецкій. Вице-предсѣдателемъ былъ назначенъ кн. Адамъ Чарторыйскій. Выборъ этихъ лицъ былъ довольно удачный, но онъ доказывалъ твердое намѣреніе Александра I слѣдовать и въ этомъ случаѣ неоднократно высказанному имъ принципу „не производить слишкомъ быстрыхъ перемѣнъ во избѣжаніе могущихъ отъ этого произойти опасныхъ послѣдствій“; ради этого принципа пришлось пожертвовать на первыхъ порахъ той статьей „Основъ“ конституціи, въ силу которой должностными лицами въ [царствѣ Польскомъ могли быть только поляки.

Сорокапятилѣтній князь Адамъ Чарторыйскій, товарищъ дѣтства императора Александра, горячо радѣвшій о благѣ своей родины, пользовался, въ свою очередь, любовью народа, обладалъ выдающимися административными способностями, вѣрилъ въ будущее и пользовался особымъ расположеніемъ монарха. Все это давало ему возможность съ успѣхомъ стоять на стражѣ интересовъ страны

до введенія въ ней истинно конституціоннаго образа правленія.

Остальные три члена временнаго правительства и его президентъ Ланской [1]) стояли уже въ теченіе двухъ лѣтъ во главѣ управленія страною въ качествѣ членовъ Верховнаго Совѣта.

Нѣсколько грубоватый, лѣнивый, но довольно сговорчивый и въ сущности не злой человѣкъ, В. С. Ланской, за два года своего генералъ-губернаторства никого не возстановилъ противъ себя. Въ Варшавѣ ему симпатизировали, въ его домѣ любили бывать и вѣрили въ его доброжелательное отношеніе къ Польшѣ, онъ же не особенно довѣрялъ полякамъ и относился къ нимъ не сочувственно. Ему не нравился характеръ поляковъ, и онъ негодовалъ на то, что они сочувствовали Наполеону, бѣжавшему съ острова Эльбы, къ которому ихъ тянула, по его словамъ, „склонность къ грабежу, анархіи и и беззаконію“.

Ланской не былъ одаренъ той широтою взглядовъ, какую выказалъ императоръ Александръ, отлично понимавшій, что послѣ событій, пережитыхъ Польшей за послѣдніе годы, нельзя было требовать отъ Варшавскаго герцогства, чтобы оно приспособилось сразу, во мгновеніе ока, къ совершенію новому порядку вещей. Ланской, напротивъ того, доказывалъ царю, что поляки должны были съ признательностью и покорностью примириться со всѣмъ совершившимся. Ланского тревожило то обстоятельство, что императоръ оставилъ Польшѣ собственное войско, онъ видѣлъ въ этомъ потворство стремленію поляковъ къ независимости и связаннымъ съ этимъ стремленіемъ чувствамъ и предвидѣлъ, что это войско могло оказаться современемъ „ядовитой змѣей“ и, какъ вѣрный „сынъ отечества“, пытался убѣдить Александра въ необходимости исправить „необдуманный шагъ“, увѣряя его, что на поляковъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ полагаться.

Совершенно инымъ человѣкомъ былъ пятидесятилѣтній сенаторъ Новосильцевъ [2]), незаконный сынъ сестры графа А. С. Строганова, начавшій службу въ 1783 г., поступивъ въ армію въ чинѣ капитана.

---

[1]) Василій Сергѣевичъ Ланской—президентъ временнаго правительства царства Польскаго въ 1813 г., управлялъ съ 1728—1827 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; скончался въ 1831 г.членомъ Государственнаго Совѣта.

[2]) Николай Николаевичъ Новосильцевъ р. 1761 г. † 1836 г. въ званіи предсѣдателя Государственнаго Совѣта и комитета министровъ. Его дѣятельность въ Польшѣ продолжалась до 1831 г., обнаруженная имъ здѣсь строгость и даже жестокость, въ особенности по отношенію къ молодежи, вызвали ожесточеніе поляковъ и по мнѣнію нѣкоторыхъ способствовали ускоренію возстанія.

Затѣмъ онъ служилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ въ иностранной коллегіи, въ войну со Швеціей (1788—90) снова перешелъ на военную службу, отличился въ сраженіи подъ Біорнезундомъ, затѣмъ, будучи въ числѣ приближенныхъ императора Александра, принималъ дѣятельное участіе въ законодательныхъ трудахъ и, наконецъ, прибылъ съ тыломъ русской арміи въ Варшаву, гдѣ ему было суждено остаться долгое время. Помимо своего участія въ Верховномъ Совѣтѣ, управлявшемъ Варшавскимъ герцогствомъ, онъ былъ одно время предсѣдателемъ комитета высшаго надзора надъ полиціею, а впослѣдствіи ему былъ порученъ главный надзоръ за финансами въ герцогствѣ. Онъ старался всегда дѣйствовать какъ „другъ поляковъ“, конституціи и либеральныхъ учрежденій, а въ то же время посылалъ въ Петербургъ секретныя записки, въ которыхъ жаловался на слабость Ланского и предлагалъ учредить въ царствѣ Польскомъ самый строгій полицейскій надзоръ. Способность къ шпіонству, которую онъ проявилъ впослѣдствіи столь блестящимъ образомъ въ Вильнѣ, не нашла еще въ то время для себя почвы, но давала ему возможность все видѣть и быть въ нужный моментъ насторожѣ. Тайный совѣтникъ Ѳома Ваврзецкій былъ самымъ старшимъ изъ членовъ временнаго правительства; съ его именемъ было связано воспоминаніе о его службѣ Рѣчи Посполитой, о традиціяхъ литовскаго суда, о четырехлѣтнемъ сеймѣ и послѣднемъ возстаніи, но ему былъ уже 71 годъ, онъ былъ обремененъ непосильной работой и къ тому же былъ очень кротокъ, уступчивъ и легко поддавался мнѣнію другихъ.

Менѣе всего пользовался симпатіями поляковъ знаменитый впослѣдствіи министръ финансовъ царства Польскаго, князь Ксаверій Друцкой-Любецкій, котораго въ то время еще мало знали, да и то съ невыгодной стороны, но онъ уже выдѣлялся тогда среди товарищей дѣятельностью, огромной работоспособностью и сознавалъ своей обязанностью вознаградить своимъ трудолюбіемъ нерадѣніе своихъ коллегъ.

Таковы были люди, поставленные Александромъ у кормила правленія. Секретаремъ временнаго правленія былъ Іосифъ Шанявскій, человѣкъ нестойкихъ убѣжденій, безмѣрно честолюбивый, очень дѣятельный, ловкій, завистливый и высокомѣрный. Въ молодости горячій поклонникъ Канта, утопавшій въ метафизикѣ, онъ былъ впослѣдствіи страстнымъ поклонникомъ Наполеона и французскаго кодекса, а въ концѣ концовъ увлекся новыми ученіями, привязался къ Чарторыйскому, началъ поносить Наполеона и все французское и сдѣлался консерваторомъ.

Министромъ финансовъ былъ назначенъ Матушевичъ, знамени-

тый ораторъ четырехлѣтняго сейма, министръ финансовъ Варшавскаго герцогства, энергичный дѣятель генеральной конференціи, человѣкъ трезваго и яснаго ума, твердаго характера и безупречной честности, неустанно заботившійся о благѣ общества, хорошо знакомый съ финансовымъ вѣдомствомъ, всю важность котораго для страны въ ту переходную пору онъ отлично сознавалъ. Онъ взялся за дѣло горячо и со свѣтлыми надеждами на будущее. Его товарищъ по четырехлѣтнему сейму и редактированію Газеты Народовой, Ѳадей Мостовскій, предназначался на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, но такъ какъ онъ не могъ тотчасъ вступить въ эту должность, то временнымъ его замѣстителемъ былъ назначенъ Игнатій Соболевскій, завѣдывавшій въ Варшавскомъ герцогствѣ министерствомъ полиціи.

Главное начальство надъ войскомъ и предсѣдательствованіе въ военномъ комитетѣ осталось въ рукахъ великаго князя Константина Павловича.

Вновь назначенное временное правительство въ первый же день по открытіи своихъ засѣданій (22 іюня 1815 г.) обнародовало воззваніе, коимъ должностныя лица и обыватели царства Польскаго извѣщались о томъ, что „всѣ изданные ранѣе законы, циркуляры и распоряженія остаются въ силѣ впредь до ихъ отмѣны и что служащіе будутъ пользоваться по-прежнему присвоенными имъ правами и преимуществами“; при чемъ выражалась надежда, что они будутъ и „впредь служить вѣрою и правдою“, а правительство, со своей стороны, обѣщало „заботиться объ ихъ благосостояніи и вознаграждать ихъ за труды на пользу отечества“.

Хотя временное правительство, по своему составу и присвоенной ему власти, мало отличалось, на первый взглядъ, отъ упраздненнаго Верховнаго Совѣта бывшаго Варшавскаго герцогства, но между ними существовала большая разница. Во-первыхъ, для него былъ выработанъ наказъ, съ коимъ онъ былъ обязанъ строго сообразоваться, во-вторыхъ, въ важнѣйшихъ вопросахъ онъ долженъ былъ руководствоваться мнѣніемъ Государственнаго Совѣта. Его дѣятельность имѣла строго опредѣленный характеръ и цѣль, къ которой должны были клониться всѣ его труды; заранѣе было извѣстно, что оно должно скоро уступить мѣсто новому управленію, для котораго ему предстояло только подготовить почву. Слѣдовательно, его кратковременная дѣятельность должна была имѣть характеръ исключительно подготовительный, организаціонный. Всѣ вопросы должны были рѣшаться большинствомъ голосовъ,—при чемъ надобно замѣтить, что въ составъ административнаго совѣта входило двое русскихъ и три поляка. Между тѣмъ какъ Верховный Совѣтъ, учрежденный въ то время, когда страна была занятой оккупаціоннымъ войскомъ, долженъ

былъ управлять страною, изъ которой удалились власти; на его обязанности лежало имѣть строгій надзоръ за поведеніемъ жителей и принимать необходимыя мѣры для расквартированія и прохода русскихъ войскъ. Верховный Совѣтъ, также точно, какъ и временное правительство, рѣшалъ дѣла коллективно, съ тою разницею, что въ составъ его входило три поляка и два постороннихъ: одинъ русскій и одинъ пруссакъ; полицейская власть находилась въ рукахъ варшавскаго генералъ-губернатора, министерскія обязанности исполнялись членами Совѣта, а исполнительная власть въ столицѣ и въ провинціи находилась въ рукахъ пользовавшихся довѣріемъ Совѣта многочисленныхъ чиновниковъ.

Назначеніе въ Верховный Совѣтъ двухъ поляковъ было уступкой чисто формальнаго свойства, сдѣланной общественному мнѣнію страны, тогда какъ присутствіе среди членовъ временнаго правительства двухъ русскихъ сановниковъ противорѣчило „Основамъ“ будущей конституціи. Въ первомъ случаѣ сдѣланная уступка не имѣла особеннаго значенія, отступленіе же отъ закона, допущенное при учрежденіи временнаго правительства, должно было отразиться на всей послѣдующей его дѣятельности; ибо такимъ образомъ не всѣ его члены были одинаково заинтересованы въ ходѣ работъ правительства и не всѣ одинаково были знакомы съ мѣстными нуждами и особенностями. Среди нихъ не могло быть единодушія и сплоченности, необходимыхъ для проведенія въ жизнь намѣченныхъ „Основами“ реформъ. Тѣ члены временнаго правительства, которые сознавали, что ихъ власти скоро настанетъ конецъ, не могли быть одушевлены горячимъ желаніемъ работать, а ихъ коллегъ удручало сознаніе громадности возложеннаго на нихъ труда: они несли одновременно нѣсколько должностей и, кромѣ того, чувствовали себя нравственно обязанными работать вдвое за сотоварищей, которые относились къ дѣлу болѣе халатно. Ваврженкій, напр., долженъ былъ работать не только какъ членъ временнаго правительства; онъ несъ, кромѣ того, обязанности министра юстиціи и независимо отъ этого завѣдывалъ тѣми дѣлами по управленію военнаго вѣдомства, которыми не хотѣлъ заниматься великій князь Константинъ Павловичъ. Любецкій, по своей дѣятельной натурѣ, дѣлалъ то, чего не додѣлывали другіе.

Коллегіальная форма управленія не особенно нравилась членамъ временнаго правительства. Быть можетъ, не всѣ они даже давали себѣ ясный отчетъ въ значеніи того переходнаго момента, какой переживала страна, и важности той роли, которая выпала на ихъ долю. Дѣятельность временнаго правительства вылилась постепенно въ слѣдующую форму.

На засѣданія, происходившія во дворцѣ Красинскихъ три раза въ недѣлю, первымъ пріѣзжалъ, въ 11-мъ часу, Любецкій и цѣлыхъ два часа выслушивалъ доклады завѣдывавшихъ отдѣльными частями и клалъ на нихъ резолюціи. Гораздо позднѣе пріѣзжали Чарторыйскій и Новосильцевъ и, расхаживая подъ руку, поджидали Ланского, который пріѣзжалъ съ Варшецкимъ послѣднимъ. Засѣданіе начиналось не ранѣе двухъ часовъ. Шанявскій, секретарь, сидѣлъ за отдѣльнымъ столикомъ. Первымъ дѣломъ подписывали протоколъ предыдущаго засѣданія, который составлялся очень кратко, ибо, кромѣ номера, содержанія доклада и состоявшагося постановленія, въ немъ не было ничего существеннаго; его подписывали не читая. Послѣ этого входили завѣдующіе отдѣлами съ докладами, на которыхъ уже были положены резолюціи Любецкимъ, и подносили ихъ для подписи остальнымъ членамъ, изложивъ вкратцѣ сущность доклада. Обыкновенно всѣ соглашались съ резолюціей Любецкаго безъ возраженій. Только изрѣдка возникало разногласіе, которое всегда кончалось побѣдою Любецкаго, энергично отстаивавшаго свои мнѣнія. Около 3-хъ часовъ, сколько бы ни оставалось неразсмотрѣнныхъ дѣлъ и какъ бы они ни были важны, Ланской закрывалъ засѣданіе.

Дѣятельность временнаго правительства тормозилась многими независящими отъ него обстоятельствами, которыя коренились въ организаціи мѣстнаго управленія и въ бѣдственномъ матеріальномъ положеніи страны. Кромѣ того, великій князь Константинъ Павловичъ не желалъ согласовать своихъ дѣйствій съ видами временнаго правительства, а только „сносился“ съ ними.

Его положеніе по отношенію къ членамъ этого правительства было совершенно самостоятельное, независимое. Гражданское управленіе не было согласовано съ военнымъ, и это было камнемъ преткновенія, о который разбивались самыя лучшія намѣренія. Очень скоро пришлось убѣдиться въ томъ, что гражданское и военное вѣдомства такъ тѣсно связаны между собою, что организація войска и управленіе страною могутъ идти успѣшно только при полной согласованности въ дѣйствіяхъ этихъ двухъ вѣдомствъ. Такъ, напр., согласно повелѣнію императора Александра, а также въ силу необходимости временному правительству приходилось соблюдать величайшую бережливость и равномѣрность въ распредѣленіи расходовъ, но для того, чтобы эти стараніяу вѣнчались хотя какимъ-нибудь успѣхомъ, необходимо было примѣнить этотъ принципъ и къ военному вѣдомству; между тѣмъ великій князь не признавалъ экономіи и придти по этому поводу къ соглашенію съ нимъ было совершенно невозможно, тѣмъ болѣе, что и военный комитетъ со своей стороны считалъ необходимымъ не жалѣть денегъ на организацію войска.

Иначе смотрѣли на дѣло члены временнаго правительства. Чарторыйскій прежде всего былъ дипломатъ, вѣрилъ болѣе всего въ дипломатію и не придавалъ особеннаго значенія вооруженнымъ силамъ. Онъ вѣрилъ въ будущее, не допускалъ мысли, что вскорѣ можетъ явиться надобность въ войскѣ, и опасался, что военный комитетъ и великій князь Константинъ Павловичъ поведутъ организацію войска такъ широко, что когда оно въ недалекомъ будущемъ перейдетъ на иждивеніе царства Польскаго, то небольшой и истощенной странѣ не хватитъ средствъ содержать его. Каковъ былъ взглядъ на польское войско Ланского и какія опасенія вызывала въ немъ организація этого войска, намъ извѣстно изъ вышеприведеннаго отзыва, даннаго имъ Александру I при первомъ извѣстіи о сформированіи этого войска. Весьма вѣроятно, что такого же взгляда держался и Новосильцевъ. Какъ смотрѣли на дѣло остальные два члена временнаго правительства, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ всѣ предположенія военнаго комитета встрѣчались большинствомъ его членовъ несочувственно, и Чарторыйскій неоднократно дѣлалъ императору представленія о необходимости подчинить дѣло организаціи войска временному правительству, настаивалъ на упраздненіи военнаго комитета и передачѣ всѣхъ дѣлъ по военному управленію военному министерству, которое было бы учреждено на подобіе министерства финансовъ и внутреннихъ дѣлъ и подобно имъ было бы подчинено временному правительству. Если бы это осуществилось, то временное правительство имѣло бы возможность соблюдать извѣстную экономію и въ расходованіи денегъ на войско. Впрочемъ, на первыхъ порахъ, варшавское правительство еще не испытывало денежныхъ затрудненій, вызванныхъ „расточительностью“ военнаго комитета и великаго князя Константина Павловича, такъ какъ на сформированіе войска и уплату ему жалованья высылались деньги изъ Петербурга „заимообразно“, но временное правительство опасалось огромнаго долга, который долженъ былъ лечь современемъ тяжелымъ бременемъ на царство Польское. Не имѣя точныхъ данныхъ о томъ, сколько именно расходовалось на содержаніе польскаго войска, трудно сказать, кто былъ правъ въ данномъ случаѣ, но несомнѣнно, что временному правительству приходилось сообразоваться съ бюджетами военнаго комитета въ ущербъ надобностей гражданскаго управленія.

Еще больше заботъ доставляла ему личность великаго князя Константина Павловича, его горячій, несдержанный и самовластный характеръ. Не говоря уже о томъ, что онъ занималъ въ Варшавѣ совершенно особенное, вполнѣ независимое положеніе, онъ часто вмѣшивался въ сферу дѣятельности временнаго правительства и пара-

лизовалъ его дѣятельность, подрывая довѣріе къ нему мѣстнаго населенія. Отношеніе великаго князя къ военнымъ и гражданскимъ властямъ и раньше было заносчиво и подавало часто поводъ къ столкновеніямъ. Послѣ учрежденія царства Польскаго онъ успокоился, но не надолго. Въ то время было особенно важно установить дружескія отношенія между польскимъ войскомъ и русской арміей, все еще находившейся въ Польшѣ, а между тѣмъ великій князь уже въ іюлѣ мѣсяцѣ подалъ поводъ къ серьезнымъ нареканіямъ; Чарторыйскій писалъ императору, что „его нельзя смягчить ни уступчивостью, ни покорностью; словно онъ возненавидѣлъ страну и все, что въ ней дѣлается“; онъ не относится сочувственно ни къ польскому войску, ни къ народу. Конституція въ особенности служила предметомъ самыхъ язвительныхъ съ его стороны насмѣшекъ. „Онъ смѣется надъ всѣмъ, что имѣетъ видъ законности, писалъ князь, и къ несчастью отъ словъ начинаетъ уже переходить къ дѣлу“. Александръ I, находившійся въ то время въ Парижѣ, не имѣлъ возможности повліять на поведеніе великаго князя, не согласовавшееся съ благожелательнымъ въ то время отношеніемъ къ Польшѣ самого монарха. Великій князь нарушалъ зачастую даже имъ самимъ изданныя предписанія. Вопреки постановленію комитета онъ ввелъ въ войскѣ телѣсныя наказанія, что̀, въ связи съ нѣкоторыми другими причинами, вызвало сильное неудовольствіе военныхъ; началось дезертирство, которое вскорѣ до того участилось, что Чарторыйскій даже счелъ нужнымъ предупредить императора, что если это продолжится и если великій князь останется въ Варшавѣ надолго, то нужно быть готовымъ къ самымъ неожиданнымъ событіямъ. Къ мнѣнію Чарторыйскаго присоединился даже сенаторъ Новосильцевъ. Нѣсколько времени спустя Чарторыйскій возобновилъ просьбу относительно образованія отдѣльнаго военнаго министерства и предложилъ ввѣрить главное начальство надъ польскимъ войскомъ генералу Витгенштейну.

„Ваше величество“, писалъ онъ, „время не терпитъ, каждую минуту можетъ разразиться какой-нибудь скандалъ.—Ни одинъ врагъ не могъ бы причинить такого вреда в. и. и к. величеству... Въ случаѣ, ежели бы было рѣшено оставить великаго князя Константина Павловича тутъ, во что бы то ни стало, пусть ему будетъ ввѣрено только командованіе войскомъ, а не административныя и судебныя функціи“. Военные и не только поляки, а главнымъ образомъ, русская гвардія, находившаяся еще въ Варшавѣ, которой приходилось особенно много терпѣть отъ строгости и грубости великаго князя, возлагали свои надежды лишь на то, что онъ будетъ вскорѣ отозванъ, многіе только поэтому не выходили въ отставку. Констан-

тинъ Павловичъ не могъ примириться съ мыслію, что военные, уволенные въ безсрочный отпускъ, а слѣдовательно не состоявшіе на дѣйствительной службѣ и не получавшіе жалованья, не были подчинены военному начальству и въ частности его власти, поэтому дѣлалъ попытки вмѣшиваться въ дѣйствія гражданскихъ властей и судебнаго вѣдомства, отъ чего значительно страдалъ авторитетъ временнаго правительства. Генералъ Хлопицкій подалъ въ отставку, масса офицеровъ и солдатъ стали уходить изъ рядовъ войска, даже безъ соблюденія какихъ бы то ни было формальностей. Для уменьшенія дезертирства, которое приписывалось „недостаточному надзору за людьми“, главнокомандующій постановилъ, что „за всѣ носильныя вещи, унесенныя дезертирами, будетъ взыскиваться втройнѣ: во-первыхъ, съ полкового командира, во-вторыхъ, съ командира батальона или эскадрона, въ которомъ числились дезертиры, и въ-третьихъ, съ ихъ ротнаго командира“. Константинъ Павловичъ хотѣлъ подчинить своей власти не только гражданскихъ властей, окружныхъ и областныхъ начальниковъ, но даже президента города Варшавы. Однимъ словомъ, онъ то и дѣло нарушалъ конституціонныя гарантіи, обѣщанныя „Основами“, а временное правительство, которое должно было охранять ихъ, не умѣло или не могло сдѣлать этого; оно только указывало на присутствіе великаго князя „противника всѣхъ намѣченныхъ реформъ и преобразованій“, какъ „на одну изъ причинъ, мѣшавшихъ его работамъ идти желаемымъ темпомъ“.

Другая, пожалуй еще болѣе важная, помѣха къ плодотворной дѣятельности временнаго правительства, которая подрывала довѣріе общества не только къ нему, но и вообще къ вновь установленному режиму, заключалась въ выраженномъ монархомъ желаніи, чтобы „переходъ къ истинно конституціонному строю совершился постепенно и безъ особыхъ потрясеній“, вслѣдствіе чего всѣ реформы, указанныя въ „Основахъ“, вводились не сразу, а съ большой осторожностью. Многочисленная армія чиновниковъ, занимавшихъ свои мѣста съ того времени, какъ страною управлялъ Верховный Совѣтъ, сохранила благодаря стараніямъ Ланского и Новосильцева свои мѣста. Ихъ считали невозможнымъ смѣнить въ виду невыяснившагося еще политическаго положенія; такимъ образомъ въ Польшѣ осталась и часть русскаго войска со своими офицерами.

Все это крайне обременяло истощенную казну царства Польскаго.

Успѣшная дѣятельность временнаго правительства тормозилась еще однимъ обстоятельствомъ: обнищаніемъ и разореніемъ страны, вслѣдствіе чего не было людей, которые готовы были бы посвятить

себя общественной дѣятельности. Всякій предпочиталъ оставаться у себя дома, въ деревнѣ, а не ѣхать въ Варшаву, гдѣ жизнь была дорога; правительство же не имѣло средствъ привлечь нужныхъ ему людей, хорошимъ вознагражденіемъ и было вынуждено выполнить огромную работу съ самымъ ограниченнымъ штатомъ служащихъ. Такимъ образомъ сокращались расходы, но вмѣстѣ съ тѣмъ это отзывалось самымъ невыгоднымъ образомъ на дѣятельности варшавскаго правительства, которое „проводило реформы медленно и не могло проявить желательной дѣятельности“

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Грамота, данная вогуличамъ.

197 года (1689 г. по Р. Х.) Генваря въ 25 день, по указу Великихъ Государей царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича и Великія Государыни Благовѣрныя царевны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ и по приказу ближняго стольника и воеводы Ивана Алексѣевича Головина, по сей челобитной Чердынцомъ и посадскимъ и уѣзднымъ и инымъ Русскимъ людемъ въ Чердынской уѣздъ въ Вогульскія ясашныя угодья для соболиной и иныхъ звѣрей ловли за Кваркушъ и Березовской каменья не ходить, буде за тѣми каменьями ясашныя Вогульскія угодья, и въ тѣ угодья при прежнихъ Вогуличахъ для таковаго лову Русскіе люди не бывали въ рѣкѣ Вишерѣ, отъ Писаннаго Камени вверхъ до вершины рыбы русскимъ людямъ неводами не ловить и Вогуличъ не голодить, потому что въ писцовыхъ книгахъ писцовъ Михайла Кайсарова съ товарищи [1]) чердынцовъ волостныхъ крестьянъ рыбная ловля записана въ рѣкѣ Вишерѣ отъ рѣки Камы вверхъ по Вишерѣ до Морчана; да и потому, что-де при прежнихъ Вогуличахъ Русскіе люди въ ясашныя угодья не вступались, а ходили для рыбной ловли Русскіе люди до того Писаннаго Камени, чтобъ ихъ Вогуличъ тѣмъ не изголодить, и Великихъ Государей соболиный ясакъ въ доимкѣ-бъ не учинился и о томъ велѣть въ Чердынѣ беречь.

По повелѣнію ясашнаго сотника Ивашка Тучькова Чердынской площадной подъячей Васька Андреевъ руку приложилъ.

Кликалъ въ торговые дни, чтобы Русскіе люди про то вѣдали; а которые Русскіе люди въ ихъ Вогульскія ясашныя вышеписанныя угодья учнутъ для лову ходить и звѣрей и соболей и рыбу вылавливать, и тѣхъ людей съ ясашнымъ цѣловальникомъ съ приставомъ писать, хоть ссылать съ провожатыми въ Чердынь въ приказную избу тотчасъ и тѣмъ людямъ за то учинено будетъ по указу Великихъ Государей наказаніе; за Вогуличъ доимочные ясашные соболи доправлены будутъ на тѣхъ же людехъ безо всякой пощады.

Къ сей челобитной по повелѣнію ясашнаго десятника Самка Ленькова да Терешки Рычкова Чердынской площади подъячей Елеска Швецовъ руку приложилъ.

Сообщилъ Н. Санинъ.

---

[1]) 1623—24 гг.

По поводу одного портрета.

Въ настоящее время, послѣ изданной С. П. Дягилевымъ „Русской Живописи въ XVIII вѣкѣ“, извѣстно мѣстонахожденіе большинства портретовъ, писанныхъ Д. Г. Левицкимъ. Но тѣмъ не менѣе случается встрѣчать несомнѣнныя копіи съ работъ этого мастера, въ то время какъ оригиналы ихъ до сихъ поръ неизвѣстны.

Среди такихъ работъ на портретной выставкѣ въ Таврическомъ дворцѣ былъ особенно интересенъ огромный портретъ императрицы Екатерины, привезенный изъ Курскаго имѣнія „Ивановское“ кн. Барятинскихъ.

Портретъ этотъ, изображающій Екатерину II стоящей подъ лавровымъ деревомъ, по композиціи своей былъ несомнѣннымъ произведеніемъ Левицкаго, но по сухой, непріятной, грубой живописи не могъ быть приписанъ кисти великаго мастера. Недавно, занимаясь въ архивѣ министерства императорскаго двора, мнѣ попался любопытный документъ, не попавшій въ изданіе Дягилева и проливающій нѣкоторый свѣтъ на загадочный портретъ Екатерины. Вотъ что писалъ Левицкій о заказанномъ ему портретѣ:

„По поданному мною въ 1787 году и повторенному щету слѣдовало получить за написанный мной по высочайшему повелѣнію стоячей портретъ Ея Императорскаго Величества отправленной въ томъ же году въ Мальту, двѣ тысячи рублей, но какъ оныхъ денегъ я до нынѣ еще не получалъ и ни какой резолюціи не имѣю, то высочайшій Ея Императорскаго Величества кабинетъ симъ покорнѣйше прошу о заплатѣ мнѣ за сію работу, для произведенія коей употреблялъ я свою натуру какъ на одежды, такъ и для фигуры, за что тогда же заплатилъ свои деньги, но удовлетворенія за оныя пятый годъ не получаю“.

Живописецъ Димитрій Левицкій.

октября дня
1791 года.

(Общ. арх. м-ва И. двора оп. 356/1347, кн. 5, д. 296, л. 479).

Въ слѣдующемъ документѣ сообщаются и нѣкоторыя детали:

„Портретъ стоячій Государыни Императрицы въ воинскомъ одѣяніи подъ лавровымъ деревомъ и завѣсомъ написалъ, и для онаго натура и глазеты и прочіе матеріи и уборы разные своимъ коштомъ здѣланы были и сей портретъ посланъ въ Мальту чрезъ неаполитанскаго посланника сера Капріола въ 1788 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ".

Живописецъ Димитрій Левицкій.

(Тамъ же кн. 5, д. 296, л. 478).

На это послѣдовала резолюція управляющаго кабинетомъ: „1791 года декабря въ 8-й день Ея Императорское Величество высочайше повелѣть соизволила заплатить изъ кабинета живописцу Дмитрію Левицкому, за написанныя имъ портреты, одинъ Ея Императорскаго Величества, посланный въ 1788 году въ Мальту и два Ея Императорскаго Высочества великой княжны Александры Павловны [1]), взнесенныя въ комнату, и того за три портрета двѣ тысячи рублей".

Степанъ Стрекаловъ.

(Тамъ же листъ 477).

По всей вѣроятности, портретъ Екатерины, принадлежащій Барятинскимъ, является старинной копіей съ оригинала, отосланнаго въ Мальту, о которомъ упоминается въ вышеприведенномъ документѣ.

Сообщилъ баронъ Н. Врангель.

[1]) Портреты вел. кн. Александры Павловны, упоминаемые въ документѣ, хранятся одинъ въ Романовской галлереѣ, другой въ Китайской галлереѣ Гатчинскаго дворца.

Воспоминанія изъ жизни на Амурѣ [1]).

Къ пятидесятилѣтію Амурскаго Края.

III.

Вотъ что разсказалъ мужъ о своемъ путешествіи. Выѣхалъ онъ, какъ я уже говорила, въ первыхъ числахъ сентября на пароходѣ товарищества, которое только-что начинало свою дѣятельность, и пароходы, принятые отъ морского вѣдомства, не всѣ были приведены въ надлежащій порядокъ.

На пароходѣ, на которомъ отправился мужъ, не имѣлось буфета-вслѣдствіе чего пассажирамъ пришлось питаться чѣмъ Богъ послалъ, или же пользоваться любезностью командира.

Вода въ Уссури послѣ лѣтняго наводненія еще не спала, и пароходъ, сидѣвшій всего три фута, благополучно проходилъ всѣ перекаты, столь многочисленные въ позднее лѣтнее время. Правый берегъ Уссури, принадлежащій русскимъ, довольно высокъ и понижается лишь при впаденіи въ рѣку маленькихъ притоковъ. Лѣвый берегъ,— китайскій, представляетъ низину, покрытую травой и мелкимъ тальникомъ, и въ половодье затопляется на большое пространство.

На правомъ берегу расположены были почти на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга (приблизительно верстъ на 20) казачьи станицы, представлявшія по большей части печальную картину: обветшалыя и покосившіяся избы не исправлялись, новыхъ не строилось, поля и огороды встрѣчались рѣдко [2]).

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г. Мартъ.

[2]) При заселеніи праваго берега Уссури не обращали вниманія на то, удобно ли данное мѣсто для поселка, а старались, главнымъ, образомъ расположить станицы на равномъ разстояніи одна отъ другой, чтобъ можно было устроить почтовое сообщеніе между Хабаровкой и Владивостокомъ. Поэтому нѣкоторыя станицы оказались на низкихъ мѣстахъ, подверженныхъ

— Повидимому, земледѣліемъ занимались мало, предпочитая ему охоту и рыбную ловлю.

На лѣвомъ (китайскомъ) берегу изрѣдка попадались инородческія поселенія въ нѣсколько юртъ, обитатели которыхъ гольды ловили рыбу, охотились и этимъ существовали.

Повальныя болѣзни, особенно оспа появлялась почти каждую зиму въ этихъ поселкахъ, опустошая цѣлыя юрты. А въ одинъ годъ вымерло сразу нѣсколько гольдяцкихъ поселеній, такъ что пришлось отправить отрядъ казаковъ, чтобъ похоронить трупы умершихъ.

Въ 1872 году наводненіемъ затопило нѣсколько станицъ. При высокой водѣ все лѣто рыба ловилась плохо; ходъ только, что начинался, и казаки жили впроголодь.

Въ одной изъ большихъ станицъ, когда пароходъ остановился грузить дрова, къ берегу подошло нѣсколько казаковъ, и съ ними для наблюденія за порядкомъ явился старшій въ папахѣ и при шашкѣ.

Пассажиры спросили у прибывшихъ, нельзя ли купить въ станицѣ хотя соленыхъ огурцовъ. Казаки отвѣтили, что всѣ огурцы съѣдены собаками. „Это совершенно вѣрно“, подтвердилъ старшій пожилой серьезный урядникъ. Сами голодаемъ, собакъ кормить нечѣмъ; онѣ и накинулись на огороды; пойдетъ кэта,—оправимся“.

Пароходъ буксировалъ баржу съ казеннымъ скотомъ, а потому шелъ медленно.

У станицы Марковой, недалеко отъ рѣки Сунгари, скотъ выгрузили съ баиржи погнали берегомъ до третьяго поста, чтобъ облегчить движеніе парохода и дать скоту отдохнуть и попитаться. Сунгари протекаетъ среди необозримой болотистой равнины, покрытой высокой травой; она довольно глубока съ низкими, илистыми берегами, чрезвычайно извилиста и до того узка, что пароходъ при безпрестанныхъ, крутыхъ поворотахъ задѣвалъ берегъ то носомъ, то кормой. Буксировать даже и пустую баржу было не легко.

Во всему берегу рѣки и далѣе, насколько видѣлъ глазъ, тянулась безпредѣльная, травяная пустыня безъ всякаго жилья. На

наводненіямъ, и жители ихъ бѣдствовали 20 лѣтъ. Только въ 1879 году, когда правительство рѣшило заселять нашу манчжурскую границу, казакамъ, недовольнымъ своимъ мѣстожительствомъ, позволено было переселиться въ Южно-Уссурійскій край. Осмотрѣвъ приблизительно мѣста, они поселились на манчжурской границѣ между озеромъ Хонка и рѣкой Суйфуномъ.

всемъ протсранствѣ отъ Марковой до озера Ханка, стояло три поста: второй, третій и четвертый—уже на озерѣ.

На второмъ и третьемъ постахъ стояли жалкія землянки — зимнія почтовыя станціи, лѣтомъ совершенно пустыя. Содержатели постовъ по прекращеніи саннаго пути выжигали сухую траву (ветошь) на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагали косить, и уѣзжали въ Рыболовъ или Никольское. Въ началѣ лѣта, пока трава на выжженныхъ мѣстахъ была еще не особенно велика и груба, почтовосодержатели косили ее, ставили стоги и уѣзжали.

Къ осени трава опять вырастала до высоты человѣческаго роста и представляла изъ себя опасный матеріалъ въ случаѣ распространенія паловъ (степные, лѣсные пожары), почему ее снова выжигали на большое пространство, чтобы предохранить отъ огня заготовленное сѣно.

Когда пароходъ пришелъ на третій постъ, то скота еще не было видно; пассажиры отъ нечего дѣлать, осмотрѣвъ землянку, зашли въ сарай и тамъ увидѣли разныя рыболовныя снасти. Почтарь, пріѣхавшій выжигать траву вокругъ своихъ стоговъ, сказалъ, что въ верстѣ отъ поста есть рѣчка, гдѣ очень много рыбы, и предложилъ пассажирамъ пойти съ нимъ и половить. Пассажиры согласились. Ловля рыбы производилась очень просто: почтарь вынималъ ее палкой изъ травы, а присутствовавшіе кололи ее острогами и такимъ образомъ въ какихъ-нибудь полчаса наловили штукъ двадцать жирной, прекрасный рыбы, которую и взяли на пароходъ, разсчитывая полакомиться. Произошло разочарованіе: рыба эта—карпъ, по-мѣстному „амуръ“, до того пахла иломъ, что ѣсть ее было невозможно, и весь уловъ отдали матросамъ, привыкшимъ не разбирать ни запаха, ни вкуса. На четвертомъ посту почтовой станціей была уже не землянка, а чистенькая бревенчатая изба, гдѣ жилъ отставной унтеръ-офицеръ перваго въ Уссурійскомъ краѣ баталіона, Балюкъ. Онъ былъ почтосодержатель и кромѣ того занимался охотой, рыбной ловлей и приготовленіемъ балыковъ и зернистой икры, которой и угостилъ наголодавшихся путешественниковъ.

Ханка было спокойно, и пароходъ благополучно пришелъ въ Камень-Рыболовъ.

Здѣсь стояла только-что сформированная изъ Забайкальскихъ казаковъ сотня. Комадиръ ея, старый кавказецъ, офицеръ Нижегородскаго драгунскаго полка Ножинъ съ восторгомъ отзывался о составѣ сотни и былъ увѣренъ, что изъ такихъ ловкихъ и толковыхъ молодцовъ получится образцовая войсковая часть, что впослѣдствіи и оправдалось.

Отъ Камень-Рыболова до Раздольнаго существовала уже колес-

ная, почтовая дорога; отъ Раздольнаго до Рѣчного ходилъ по Суйфуну казенный пароходъ; отъ Рѣчного до Владивостока доставлялись черезъ Амурскій заливъ на небольшомъ морскомъ пароходикѣ морского вѣдомства.

Во Владивостокъ только-что перевели изъ Николаевска военный портъ.

Въ городѣ стоялъ баталіонъ солдатъ, помѣстившійся въ такъ называемыхъ „Гридневскихъ казармахъ“. Когда-то во Владивостокѣ зазимовало судно „Гридень“, и команда его выстроила себѣ на зиму бараки, ихъ-то и называли Гридневскими казармами.

Въ городѣ было нѣсколько частныхъ домиковъ; начинались постройки портовыхъ сооруженій, складовъ, дома для главнаго командира и помѣщеній для служащихъ.

Изъ Владивостока мужъ отправился въ Посіетъ на казенномъ транспортѣ „Алеутъ“, шедшемъ со скоростью до трехъ узловъ въ часъ. У Гамова мыса при штилѣ (мертвая зыбь) была такая невыносимая качка, что мужъ прибылъ въ Посіетъ въ полномъ изнеможеніи.

Посіетъ расположенъ въ глубинѣ обширнаго залива, въ бухтѣ того же имени. Въ 1872 году здѣсь было нѣсколько маленькихъ деревянныхъ и глинобитныхъ домиковъ, почтовая станція, домъ, гдѣ жилъ пограничный комиссаръ, и казармы постовой команды, командиромъ которой былъ когда-то извѣстный на Кавказѣ начальникъ пластуновъ, Май-Маевскій, очень хорошій и симпатичный человѣкъ.

Недалеко отъ Посіета на рѣкѣ Янчихе, въ Новокіевскомъ урочищѣ стоялъ баталіонъ солдатъ, а баталіоннымъ врачемъ былъ докторъ Лекгеръ, о которомъ скажу послѣ. Лекгеръ, какъ и мой мужъ, былъ завзятый охотникъ и прекрасный стрѣлокъ. Они сразу понравились другъ другу и въ первый же день пошли на охоту. Въ окрестностяхъ Новокіевскаго было въ то время такое множество золотистыхъ фазановъ, что охотники въ нѣсколько часовъ настрѣляли ихъ такое количество, что съ трудомъ донесли до дома.

Осмотрѣвъ воинскія зданія, мужъ снова вернулся въ Посіетъ.

Отсюда до Владивостока колесной дороги не существовало, а мужу необходимо было осмотрѣть лѣсъ на рѣчкѣ Перевальной и около Мунгугая, чтобъ выбрать мѣсто для лѣсопильнаго заведенія инженернаго вѣдомства. Пришлось попросить у постового командира хорошаго проводника и ѣхать верхомъ.

Дорога шла по лѣсной тропинкѣ, мѣстами подходившей къ морскому берегу. До первой станціи „Гладкой“ добрались благополучно, но тутъ не оказалось ни лошадей, ни ямщиковъ. Пришлось остановиться и ждать, что будетъ дальше. Наступила ночь, а ямщики

не возвращались. Утромъ какой-то корейскій мальчикъ привелъ на станцію корейскую лошадку и разсказалъ, что прошлой ночью тигръ разогналъ всѣхъ лошадей, а ямщики побѣжали ихъ искать и неизвѣстно, когда вернутся.

Чтобъ не терять времени, мужъ рѣшилъ сложить вещи на корейскую лошадку и идти съ проводникомъ пѣшкомъ до слѣдующей станціи.

По дорогѣ имъ попадались дикія козы и пятнистые олени, въ которыхъ они не стрѣляли; приключеній никакихъ не было.

Со станціи „Рязановки", взявъ почтовыхъ лошадей, путешественники отправились верхомъ. Верстахъ въ пяти отъ станціи протекала рѣчка, которую нужно было переѣхать въ бродъ. Въ этой рѣчкѣ кишѣла такая масса рыбы, что лошади давили ее ногами и оставляли за собой кровавый слѣдъ.

Изъ Рязановки на Мунгугай, кромѣ проводника и ямщика, ѣхалъ еще П., знаменитый охотникъ на тигровъ, убившій ихъ на своемъ вѣку штукъ десять. Онъ разсказывалъ о необычайной силѣ этого звѣря, который, схвативъ лошадь, можетъ перепрыгнуть черезъ высокій заборъ. „Ревъ тигра,—говорилъ охотникъ,—до того страшенъ, что когда человѣкъ услышитъ его, то получаетъ такое ощущеніе, точно ему положили въ желудокъ кусокъ льда".—На этотъ разъ путешественники не встрѣтили тигра, но видѣли слѣдъ его у рѣчки „Черной", у которой сидѣли долгое время въ ожиданіи морского отлива; брода черезъ рѣчку не было, и приходилось въѣзжать въ море, чтобъ по отмели перебраться на другой берегъ.

Осмотрѣвъ лѣсъ на Мунгугаѣ, мужъ отпустилъ проводника и отправился на инженерномъ пароходѣ во Владивостокъ, а оттуда сейчасъ же дальше, потому что дѣла во Владивостокѣ не было.

По Ханкѣ пароходы уже не ходили; пришлось ѣхать верхомъ вокругъ озера, а вещи везти вьюкомъ. До Турьяго-Рога добрались благополучно. Поселившіеся здѣсь хохлы жили недурно и около домиковъ разводили сады съ фруктовыми деревьями. Мѣстечко производило пріятное впечатлѣніе.

Съ каждымъ днемъ становилось все холоднѣе; ѣхали медленно. Между пятымъ и четвертымъ постами дорога проходила по перешейку, отдѣляющему малое Ханка отъ большого, покрытому густымъ лѣсомъ дикаго персика. Плоды были величиною съ грѣцкій орѣхъ и состояли изъ большой косточки, обтянутой тонкой кожей.

Версты за три до четвертаго поста ямщикъ заявилъ, что нужно скорѣе гнать лошадей; въ воздухѣ чувствуется приближеніе пала. Дѣйствительно, какъ только всадники выѣхали изъ лѣса на поляну, то увидѣли надвигавшійся съ сѣвера палъ, и хотя сами во-время

доскакали до станціи, но ямщика съ вещами считали уже погибшимъ. Палъ шелъ безпредѣльной огненной волной; все время слышенъ былъ трескъ, похожій на ружейные выстрѣлы, а отъ времени до времени, когда огонь захватывалъ стога сѣна, раздавался грохотъ какъ бы отъ пушечныхъ залповъ. Часа черезъ два явился ямщикъ съ вещами цѣлъ и невредимъ. Замѣтивъ надвигавшійся палъ, онъ заѣхалъ въ озеро и тамъ выжидалъ, пока палъ пройдетъ.

Съ четвертаго поста мужъ съ ямщиками и вещами выѣхалъ вечеромъ при лунномъ свѣтѣ. Снѣгъ шелъ и таялъ на равнинѣ, еще не успѣвшей остыть отъ только-что прошедшаго огня, а проѣзжая тропинка была ясна, точно бѣлая лента. Проѣхали нѣсколько верстъ. Пошелъ дождь, и тропинка исчезла. Черезъ полчаса ямщикъ заявилъ, что онъ сбился съ дороги и нужно остановиться. Мужъ велѣлъ снять съ телѣги чемоданъ, надѣлъ взятую на счастье енотовую шубу и подъ дождемъ просидѣлъ на чемоданѣ до разсвѣта. Къ утру подмерзло; мокрая шуба стояла коломъ, ноги въ водѣ заледенѣли. Оставалось версты двѣ до землянки третьяго поста, гдѣ можно было отогрѣться и высушить промокшія платья и обувь.

Съ третьяго поста предстояло сдѣлать верхомъ еще два переѣзда до Марковой. Тутъ мужъ купилъ лодку и нанялъ гребцовъ. Плыли они сутокъ пять; наконецъ, за три станціи отъ Хабаровки лодку затерло льдомъ; пришлось ее бросить и, взваливъ на плечи багажъ, выйти на берегъ. До станціи Невельской оставалось добрыхъ пять верстъ. Быть можетъ, эти пять верстъ ходьбы и спасли мужа отъ смертельной простуды. Отъ Невельской до Хабаровки нужно было ѣхать верхомъ еще верстъ шестьдесятъ. Я съ интересомъ выслушала разсказъ мужа и записала, а теперь привожу его какъ иллюстрацію къ тому, что приходилось выносить амурскимъ піонерамъ тридцать лѣтъ тому назадъ.

Многимъ можетъ показаться страннымъ, зачѣмъ было доставлять себѣ столько мученій и не остаться въ Камень-Рыболовѣ до саннаго пути. Но тогда пришлось бы сидѣть тамъ цѣлый мѣсяцъ, а въ Хабаровкѣ ждали неотложныя дѣла и, наконецъ, оставалась безъ крова семья.

Тутъ нужно принять еще во вниманіе молодость и то, что люди того времени не особенно дорожили комфортомъ и здоровьемъ.

Разсказъ мужа не произвелъ никакого впечатлѣнія на Картова, который, пріѣхавъ въ Приморскую область раньше насъ, не разъ путешествовалъ верхомъ и пѣшкомъ и не находилъ въ этомъ ничего особеннаго.

IV.

Продолжаю прерванный разсказъ. На другой день по возвращеніи въ Хабаровку, мужъ пошелъ искать квартиру и конечно ничего не нашелъ. Наконецъ, одинъ отставной юнкеръ, нѣкій Дыховъ, сжалился надъ нами и уступилъ свое помѣщеніе, а самъ поселился въ зимовьѣ вмѣстѣ со своими рабочими. Онъ имѣлъ подрядъ отъ Товарищества Амурскаго пароходства на вывозку бревенъ, а потому имѣлъ много лошадей и рабочихъ, съ которыми и помѣстился въ одной избѣ, раздѣленной на двѣ половины.

Наша новая квартира съ однимъ ходомъ состояла изъ двухъ комнатъ. Первая служила пріемной, вторая спальней. Въ пріемную входили прямо со двора, и когда открывалась дверь, то клубы холоднаго воздуха врывались въ комнату и обдавали уже въ то время бѣгавшую мою дочку. А двери открывали поминутно, потому что ходить въ кухню приходилось черезъ тѣ же двери и длинный, досчатый навѣсъ. Несмотря ни на что, всѣ мы были здоровы. Мужъ занимался своимъ дѣломъ, я хлопотала по хозяйству: накупила дичи, корейскихъ свиней, насолила окороковъ, надѣлала колбасъ. Помню, корейцы привозили свиней на нартахъ; тутъ я впервые увидѣла ѣзду на собакахъ и еще разъ убѣдилась въ удивительномъ умѣ этихъ животныхъ, которыхъ всегда очень любила. Ѣзжалыя собаки были положительно умнѣе моей Пелаген: онѣ прекрасно понимали своего кюра; скажетъ имъ—тахъ, тахъ... кахъ, кахъ... и онѣ поворачиваютъ направо или налѣво; а моя Пелагея совсѣмъ не умѣла меня понимать. Я разсказывала и объясняла ей одно и то же двадцать разъ; все напрасно. Чтобы приготовить самое незатѣйливое блюдо, приходилось цѣлые часы проводить въ кухнѣ. Нужно сказать, что хотя я и усердно штудировала „Молоховецъ“, но была неопытна и потому дѣлала все очень медленно. Въ огромной, русской печкѣ мы пекли хлѣбъ и булки, приготовляли кушанья; жара въ кухнѣ была нестерпимая, а по ночамъ холодъ. Тѣмъ не менѣе до Новаго года все обстояло благополучно.

Въ январѣ наступили морозы; я не переставала бѣгать изъ комнаты въ кухню и обратно и, наконецъ, простудилась. Начались нестерпимыя боли; послали за докторомъ С. Докторъ пріѣхалъ навеселѣ, прописалъ какое-то лѣкарство и посовѣтовалъ поставить „Эшафановскій компрессъ“. Лѣкарство не помогало; но когда доктора попросили въ другой разъ, то получили въ отвѣтъ: „пріѣхать не можетъ, боленъ“; другими словами—запилъ. Безъ всякой медицинской помощи, я кричала дни и ночи, а С. все пилъ, пока не заболѣлъ бѣлой горячкой. Мужъ написалъ въ жившему Казакевичевой (въ 40 верст.)

военному врачу Р., умоляя его пріѣхать въ Хабаровку. Р. отвѣтилъ, что лѣчить женщинъ не умѣетъ, да и вообще забылъ медицину и лѣчитъ только солдатъ.

Тогда мы начали дѣлать все, что только намъ совѣтовали знакомые: ванны, горчичники, припарки, компрессы холодные и согрѣвающіе. Нужно думать, что я была очень здоровый человѣкъ, потому что недѣли черезъ двѣ мнѣ стало лучше, а черезъ мѣсяцъ я, повидимому, совершенно поправилась, хотя послѣдствія этой неизвѣстной болѣзни остались на всю жизнь.

Бѣда не приходитъ одна. Пока я лежала, дѣвочка-нянька не могла уберечь ребенка; простудила ли она его или покормила чѣмъ, Богъ знаетъ. У ребенка сдѣлалось разстройство желудка, которое длилось мѣсяцы, не поддаваясь лѣченію уже протрезвившагося С. Онъ пичкалъ мою дочь всевозможными лѣкарствами и не уморилъ ее, только благодаря случайности.

Съ первымъ уссурійскимъ пароходомъ въ Хабаровку пріѣхалъ докторъ Лекгеръ, съ которымъ мужъ познакомился на Янчихе. Онъ былъ вызванъ въ Иркутскъ по дѣламъ службы и остановился на день въ Хабаровкѣ, ожидая парохода изъ Николаевска. Лекгеръ зашелъ къ намъ. Мы попросили его осмотрѣть ребенка, описали болѣзнь, и я выставила на столъ батарею пустыхъ склянокъ съ сигнатурками.

Въ то время, когда Лекгеръ, перечитывалъ рецепты, въ комнату вошелъ хабаровскій докторъ. Что говорили между собой врачи, не знаю. Помню только, что Легкеръ прописалъ лѣкарство и разсказалъ, какъ и чѣмъ кормить больную, а С. ушелъ, едва простившись съ нами, и съ тѣхъ поръ я его уже не видала. Онъ просилъ одну знакомую передать мнѣ, чтобъ я не трудилась приглашать его, потому что лѣчить въ моемъ домѣ онъ не желаетъ и не будетъ.

Лѣкарство, прописанное докторомъ Лекгеромъ, нѣсколько помогло ребенку, но все же дѣвочка была очень слаба, да и кормить ее было затруднительно, такъ какъ молочнаго она не переносила, а свѣжаго мяса, куръ, яицъ не продавалось. Чтобы не уморить ребенка съ голоду, мужъ долженъ былъ каждый вечеръ выходить за село и стрѣлять рябчиковъ, бекасовъ и вальдшнеповъ.

Сознаніе полной безпомощности, въ случаѣ ухудшенія болѣзни нашей малютки, приводило насъ въ отчаяніе, и тѣ нравственныя муки, которыя мы переживали, описать не возможно да и вспоминать не хочется. Если бы въ то время кто-нибудь спросилъ меня, чего хочу я больше всего на свѣтѣ, я, не колеблясь, отвѣтила бы: „чтобы въ Хабаровку пріѣхалъ хорошій врачъ“. Другого желанія у меня не было.

Въ самое тяжелое для меня лѣто 1873 года Хабаровку посѣтилъ великій князь Алексѣй Александровичъ, возвращавшійся послѣ кругосвѣтнаго плаванія въ Россію черезъ Сибирь.

Всѣ хабаровцы вышли посмотрѣть на его встрѣчу. Постовой командиръ, трезвый, какъ стеклышко, стоялъ во главѣ почетнаго караула, купцы поднесли великому князю хлѣбъ соль, а купецъ П. пригласилъ высокаго гостя къ себѣ въ домъ и, несмотря на то, что было только одиннадцать часовъ утра, угостилъ его шампанскимъ. При этомъ всѣ три купца выразили великому князю желаніе, въ память проѣзда его черезъ Хабаровку, основать въ селѣ первую начальную школу и просили позволенія назвать ее „Алексѣевской“. Одинъ изъ купцовъ обѣщалъ пожертвовать для школы домъ, другой—выдавать на ея содержаніе ежегодно 800 рублей, а третій, самый скупой,—изъявилъ готовность „жертвовать своими трудами“. Въ чемъ заключалось такое пожертвованіе, до сихъ поръ никому не извѣстно.

Великій князь поблагодарилъ купцовъ, а такъ какъ въ селѣ нечего было осматривать, то сейчасъ же уѣхалъ на пароходъ и на берегъ больше не сходилъ. Вечеромъ въ Хабаровкѣ устроили иллюминацію: на улицахъ горѣли плошки, наполняя душный лѣтній воздухъ непостижимымъ смрадомъ; въ окнахъ обывателей стояли зажженныя свѣчи, а надъ воротами дома П. красовался странный транспарантъ: „А. Х. П.“, что означало: „Алексѣй Хабаровку посѣтилъ“.

Іюль и августъ мужъ былъ въ разъѣздахъ по Приморской области. Карповъ наблюдалъ за работами. Строили: кузницу, складъ для матеріаловъ инженернаго вѣдомства, дома для инженернаго управленія и начальника дистанціи.

Я жила въ постоянной тревогѣ, благодаря событію, нагнавшему панику на всѣхъ обывателей. Морякъ Наумовъ, назначенный директоромъ-распорядителемъ Товарищества Амурскаго пароходства вмѣсто умершаго отъ чахотки С., пріѣхалъ въ Хабаровку и нанялъ квартиру въ концѣ села у начальника телеграфной станціи, котораго перевели въ Благовѣщенскъ. У Наумовыхъ были дѣти школьнаго возраста, а такъ какъ въ Хабаровскѣ никакихъ учебныхъ заведеній не существовало, то онъ и рѣшилъ отправить семью въ Петербургъ, а все хозяйство продать съ аукціона. Какая сумма была выручена за продажу вещей, не помню, знаю только, что вечеромъ того же дня Наумовъ, пересчитавъ деньги, спряталъ ихъ въ бюро съ прекраснымъ американскимъ замкомъ, которое стояло въ гостиной, выходившей окнами на улицу. Рядомъ въ комнатѣ спала каторжная нянька съ дѣтьми, а въ слѣдующей—родители.

На утро оказалось, что рама въ гостиной выставлена, комодъ вынесенъ на улицу и сломанъ, деньги похищены. Подозрѣніе пало на няньку, которая долго жила у Наумовыхъ и считалась честной, но тѣмъ не менѣе только при ея содѣйствіи каторжные могли войти въ домъ. Это происшествіе напугало всѣхъ жителей, потому что полиція состояла только изъ помощника исправника и двухъ десятниковъ, а каторжныхъ было человѣкъ пятьдесятъ. Я не спала цѣлыя ночи, въ ожиданіи, что и моя Пелагея введетъ ко мнѣ въ домъ своихъ знакомыхъ.

Хотя въ комнатахъ у меня не было ничего цѣннаго, но во дворѣ стоялъ скотъ, а въ амбарахъ хранилась вся купленная весною на баржахъ провизія.

Каждое лѣто на Амуръ приплывали изъ Забайкалья торговыя баржи. Выходили онѣ изъ Читы, шли по Ингодѣ, Шилкѣ и Амуру до Николаевска, останавливаясь во всѣхъ станицахъ, въ Благовѣщенскѣ и Хабаровкѣ. На этихъ баржахъ продавали живой скотъ, солонину, томское коровье масло, красный товаръ и проч. Помимо того, что приходъ баржъ вносилъ нѣкоторое оживленіе въ нашу донельзя однообразную жизнь, товары на нихъ были дешевле, разнообразнѣе и лучше, чѣмъ въ нашихъ мѣстныхъ лавкахъ. Конечно, на баржахъ, какъ и въ Хабаровскихъ лавкахъ, не было никакихъ предметовъ роскоши, потому что покупать ихъ было некому да и неначто. Если считать максимумъ жалованья, которое получали служащіе, въ 3.000 р. и принять во вниманіе, что пудъ мяса стоилъ въ то время въ Хабаровкѣ двадцать рублей, бутылка молока тридцать коп. и все въ томъ же родѣ, то можно себѣ представить, какая роскошь была доступна тогдашнему амурцу. Я купила на баржахъ быковъ, чтобъ не сидѣть всю зиму на солонинѣ, какъ въ первый годъ нашей жизни на Амурѣ, масла и разной провизіи, а потому боялась, какъ бы не увели мой скотъ и не украли запасы.

Въ концѣ августа возвратился мужъ, а въ началѣ сентября мы перешли во вновь отдѣланный старый домъ купца Чердымова. Домъ былъ довольно большой и удобный, съ отдѣльной кухней, ледникомъ и сараемъ. Мы только-что успѣли устроиться на новой квартирѣ, какъ въ Хабаровку пришелъ послѣдній пароходъ изъ Благовѣщенска и на немъ пріѣхалъ докторъ Лекгеръ съ радостнымъ для насъ извѣстіемъ, что постовой лазаретъ преобразовывается въ военный полугоспиталь, онъ—Лекгеръ, назначенъ старшимъ врачемъ.

Мы едва повѣрили такому счастію. Лекгеръ нанялъ маленькій домикъ въ двѣ комнаты, а обѣдалъ и ужиналъ у насъ, такъ какъ въ Хабаровкѣ не было никакой гостиницы. Наблюдая каждый

день за нашей дѣвочкой, онъ вылѣчилъ ее совершенно, привязался къ намъ и сталъ нашимъ искреннимъ другомъ, память о которомъ храню до сихъ поръ.

Лекгеръ соединялъ въ себѣ лучшія качества человѣка и врача. Онъ лѣчилъ добросовѣстно всѣхъ и очень удачно отъ всевозможныхъ болѣзней; въ случаѣ надобности былъ и хирургомъ, и акушеромъ, бѣднымъ давалъ лѣкарства безплатно и даже помогалъ деньгами, хотя самъ не имѣлъ ничего кромѣ жалованья.

До пріѣзда въ Хабаровку онъ провелъ годъ въ Корсаковскомъ посту на Сахалинѣ и года три въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Жизнь на Сахалинѣ была настоящей каторгой: безъ общества, безъ извѣстій извнѣ (почта приходила 2 раза въ годъ), въ суровомъ климатѣ, не зная, какъ долго еще придется служить въ Корсаковскомъ, Лекгеръ приходилъ въ отчаяніе, хотя былъ сильный духомъ человѣкъ и не меланхоликъ.

Первое время онъ имѣлъ много непріятностей отъ столкновеній съ постовымъ командиромъ и докторомъ С., но ихъ скоро перевели куда-то, а ихъ замѣстители оказались вполнѣ порядочными людьми.

Мой мужъ не имѣлъ непріятностей, но служить ему было не легко. Хотя на всю Приморскую область правительствомъ отпускалось какихъ-нибудь тридцать, пятьдесятъ тысячъ, но работы производились въ разныхъ мѣстахъ одновременно: въ Николаевскѣ, во Владивостокѣ, въ Никольскомъ, въ Хабаровкѣ. Кромѣ того, такъ какъ инженерное дѣло въ краѣ только-что начиналось, то и приходилось отыскивать для построекъ камень, вынимать известь, выдѣлывать кирпичъ, ставить лѣсопилку въ 18 верстахъ отъ Хабаровки, составлять проекты, чертежи, смѣты на предстоящія работы, писать отчеты по сдѣланнымъ, а ни служащихъ, ни рабочихъ не было. Работы производились солдатами, между которыми попадались плотники, но большинство были просто чернорабочіе, не умѣвшіе держать топора, а мастеровъ и совсѣмъ не встрѣчалось.

На все село были: одинъ порядочный столяръ изъ отставныхъ солдатъ, одинъ неумѣлый печникъ, мѣщанинъ, и одинъ кирпичникъ, поселенецъ, страшный пьяница. При такихъ условіяхъ производителямъ работъ приходилось заниматься обученіемъ чернорабочихъ всевозможнымъ мастерствамъ: плотничному, печному, столярному и т. п. Осенью 1873 г. нѣсколько пароходовъ зазимовало въ Хабаровкѣ, и публики прибавилось. Черезъ годъ ожидалось открытіе Алексѣевскаго училища, и чтобъ собрать деньги на покупку учебныхъ пособій, вздумали устроить спектакль. Инженеръ-механикъ товарищества Владыкинъ принялъ на себя трудъ устро-

ителя и режиссера. Отыскали какую-то старую казарму, привели ее въ порядокъ и на третій день Рождества изобразили „Что имѣемъ, не хранимъ, потерявши, плачемъ“. Владыкинъ оказался талантливымъ актеромъ, но остальные играли плоховато, да и въ казармѣ было такъ холодно, что многіе простудились и жалѣли, что пошли. Спектакль далъ девяносто рублей, которые отправили въ Петербургъ въ одинъ извѣстный книжный магазинъ. Прождали цѣлый годъ и наконецъ купили все нужное въ Николаевскѣ. А когда Владыкинъ телеграфировалъ товарищу, прося справиться въ магазинѣ, почему не высылаются книги, то получилъ въ отвѣтъ, что магазинъ давно уже обанкрутился и деньги пропали. Въ тѣ времена почта изъ Европейской Россіи до Хабаровки шла мѣсяца три и получалась лѣтомъ два раза въ мѣсяцъ, зимой раза три; осенью и весной во время распутицы мы бывали отрѣзаны отъ міра почти два мѣсяца. Газеты за давностью времени теряли всякій интересъ, потому что крупныя событія уже давно были всѣмъ извѣстны изъ телеграммъ, а журналы, которые выписывались немногими изъ служащихъ, прочитывались всѣми по очереди. Зима 1873—1874 года прошла безъ всякихъ событій. Знакомые навѣщали другъ друга; дамы вели безконечные разговоры о дѣтяхъ и хозяйствѣ, мужчины о дѣлахъ, каждый по своей спеціальности. Вина не пили и даже въ карты не играли за недостаткомъ партнеровъ.

Дни рожденій и именинъ праздновались у всѣхъ одинаково: къ часу собирались на обѣдъ всегда съ однимъ и тѣмъ же menu: пирогъ изъ соленой кэты, бульонъ, жаркое—какая-нибудь дичь, сладкое—желе или кремъ; пили домашнія наливки изъ голубики или брусники и американское вино кокомонго.

Правду сказать, эти празднества были достаточно томительны; когда все уже переговорено и нѣтъ ничего новаго, то трудно занимать гостей. Внѣ праздниковъ, помнится, всѣ мои знакомыя дамы, по большей части очень молодыя, рѣдко жаловались на скуку, потому что были очень заняты.

Послѣ кражи денегъ у директора-распорядителя Товарищества, всѣхъ каторжныхъ, работавшихъ въ порту, и женщинъ, бывшихъ въ услуженіи, съ первымъ пароходомъ отправили на Сахалинъ. Въ селѣ осталось очень мало женской прислуги, и хозяйкамъ стало еще труднѣе вести домъ. Быть кухаркой, нянькой и швеей въ одно и то же время дѣло не легкое, иногда приходилось самимъ оклеивать обоями квартиры и обивать мебель. Къ слову сказать, за всѣ десять лѣтъ нашей жизни въ Хабаровкѣ я не видала ни одной мамки, ни бонны, ни портнихи, ни гувернантки. Мать должна была по мѣрѣ возможности замѣнять ихъ всѣхъ,

Весной 1874 года мы переѣхали въ казенный домъ изъ семи комнатъ и кухни. При домѣ былъ садъ, т. е. отгорожено довольно большое пространство съ деревьями и прорублена одна аллея; дальнѣйшія улучшенія предоставлялось дѣлать на свой счетъ, такъ какъ казенныхъ денегъ на это не полагалось. „Излишество въ видѣ роскоши“, какъ выражался мой знакомый чиновникъ изъ писарей, не входило въ программу жизни амурца. Было намъ отгорожено мѣсто и для огорода, который мы устроили на собственныя средства и засадили всевозможными овощами. Урожай получился на удивленіе! Съ кусочка земли въ полдесятины мы насолили бочки огурцовъ и капусты, овощами наполнили всѣ подвалы. Такіе запасы представляли въ то время большую цѣнность: пудъ луку стоилъ десять рублей, сотня капусты пятнадцать. Огородничествомъ въ Хабаровкѣ занималась только племянница одного купца и ежегодно отправляла въ Николаевскъ луку на тысячу рублей. Деревень въ окрестностяхъ не было. Ближайшая казачья станица Корсаковка находилась въ 20 верстахъ отъ Хабаровки. Чѣмъ занимались казаки, не знаю, но оттуда никогда ничего не привозили продавать. Корсаковку не затопляло. Жители ея, потомки Забайкальскихъ казаковъ, первыхъ переселенцевъ на Уссури послѣ Айгунскаго трактата въ 1858 году, существовали не дурно. Они поставляли лѣсной матеріалъ для инженернаго вѣдомства и частныхъ лицъ, занимались охотой и рыбной ловлей, зимою возили почту; нѣкоторые поступали на инженерныя работы; сѣяли же только для себя, находя земледѣліе занятіемъ наименѣе выгоднымъ.

V.

Лѣтомъ 1874 года въ Хабаровкѣ прибавилось нѣсколько семейныхъ домовъ, но жизнь шла по-прежнему безъ всякихъ развлеченій и даже впечатлѣній. Карповъ уѣхалъ на зиму въ Николаевскъ, и, разставаясь съ Любой, я чувствовала себя осиротѣвшей. На мѣсто него перевели изъ какого-то медвѣжьяго угла инженера Т., который бывалъ у насъ почти каждый день и производилъ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе. Племянникъ одного высокопоставленнаго лица, Т. получилъ прекрасное домашнее образованіе: зналъ три иностранныхъ языка, игралъ на фортепіано, недурно рисовалъ, но уже былъ непригоденъ къ дѣлу, а только пилъ, разсказывалъ про себя то, что съ другими было, и скоро умеръ отъ водянки. Инженеръ Т.—одна изъ многихъ жертвъ скучной, тяжелой жизни на окраинѣ. Не слѣдовало бы присылать сюда людей слабой воли; это губило и вредило

дѣлу, а между тѣмъ въ первые годы нашей жизни на Амурѣ въ край очень часто назначали тѣхъ, которые ни на что не годились въ Европейской Россіи. Это доказываетъ, какое ничтожное значеніе придавали въ правящихъ сферахъ Приамурскому краю.

Зимой 1874 и 75 года въ нашу жизнь вносилъ разнообразіе пріѣзжавшій къ намъ въ гости извѣстный ученый орнитологъ Дыбовскій, который поселился съ научной цѣлью въ сорока верстахъ отъ Хабаровска, въ тайгѣ, со своими двумя товарищами. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ, когда-либо видѣнныхъ мною людей. Всегда скромно и чисто одѣтый, довольно высокій, здоровый шатенъ, красавецъ въ полномъ смыслѣ слова, онъ производилъ такое впечатлѣніе, точно никогда въ жизни не видѣлъ себя въ зеркалѣ и потому не зналъ своей красоты. Спокойный, уравновѣшенный философъ, высоко образованный, Дыбовскій какъ бы не чувствовалъ своего превосходства надъ тѣми, кого встрѣчалъ, и охотно принималъ участіе во всякомъ пустомъ разговорѣ. А когда онъ разсказывалъ о своихъ изысканіяхъ, то казалось, будто читаешь самую интересную книгу. Онъ былъ докторъ медицины, профессоръ Варшавскаго университета; вслѣдствіе безпорядковъ въ 1863 г. его сослали въ Сибирь. Сначала онъ жилъ въ Забайкальѣ, а въ 1874 году перебрался на Амуръ, чтобы изслѣдовать его фауну и флору. Жизнь въ тайгѣ, безъ всякихъ удобствъ, не тяготила его нисколько. Въ случаѣ надобности Дыбовскій могъ курить манчжурскій табакъ и ѣсть пельмени изъ енота съ кунжутнымъ масломъ, не находя въ этомъ ничего особеннаго, считая, что все въ природѣ Божій даръ. Наука и помощь больнымъ инородцамъ да окрестнымъ казакамъ замѣняли ему все въ жизни. Я ни разу не видѣла его грустнымъ, не слыхала, чтобъ онъ пожаловался на судьбу. Послѣ бесѣды съ нимъ становилось легче на душѣ и казалось, что все въ жизни пустяки и тлѣнъ, кромѣ идеи, руководящей человѣкомъ. Получивъ разрѣшеніе вернуться на родину, Дыбовскій уѣхалъ въ Европейскую Россію, но черезъ года два мы снова увидали его въ Хабаровкѣ. На этотъ разъ онъ ѣхалъ въ Камчатку уѣзднымъ врачемъ и предполагалъ, живя между прокаженными, заняться изученіемъ проказы.

Съ началомъ навигаціи Хабаровка оживлялась. Съ первыми пароходами изъ Иркутска на Амуръ пріѣзжали начальствующія лица инспектировать войсковыя части: начальникъ инженеровъ, начальникъ артиллеріи, окружной медицинскій инспекторъ, главный интендантъ, начальникъ штаба, иногда самъ генералъ-губернаторъ или какой-нибудь важный генералъ изъ Петербурга. Они осматривали

каждый свою часть, выслушивали представленія и предположенія начальниковъ отдѣльныхъ частей, дѣлали знакомымъ визиты, иногда играли въ карты, если почему-нибудь въ тотъ же день не уѣзжали дальше въ Николаевскъ или Южно-Уссурійскій край. На обратномъ пути всѣ торопились въ Иркутскъ, а тамъ въ окружномъ совѣтѣ дѣлали доклады по своимъ командировкамъ.

Помню, лѣтомъ 1875 года одинъ старый генералъ, когда разговоръ зашелъ о важности Приамурскаго края въ стратегическомъ отношеніи и о необходимости заняться его устройствомъ и заселеніемъ, сказалъ: „ничего-то Амуръ вашъ не стоитъ. Одинъ убытокъ Россіи. И зачѣмъ только его заняли! Слава Богу, земли у насъ и безъ того довольно“. Вѣроятно, такого мнѣнія были и многіе изъ инспектировавшихъ, потому что послѣ ихъ посѣщенія перемѣнъ къ лучшему не ощущалось, ассигнованіе не увеличивалось, все шло по-старому.

На то, какъ велось дѣло „Товарищества Амурскаго пароходства“, никто не обращалъ вниманія. Оно творило, что хотѣло. Въ первые годы новыхъ пароходовъ совсѣмъ не строили, а пробавлялись лишь тѣми, которые получали отъ казны; пользовались картами 60-хъ годовъ; грузы доставляли неаккуратно, въ Шилкѣ и верховьяхъ Амура часто сидѣли на мели по нѣсколько дней, благодаря тому, что мелкосидящихъ пароходовъ не было; а по озеру Ханка—вмѣсто морскихъ пароходовъ ходили тѣ же плоскодонные, что и по Уссури и Сунгари. Опытные морскіе офицеры поражались безпечностью Товарищества и предсказывали рано или поздно катастрофу, но Богъ всегда былъ милостивъ къ русскимъ, и пророчество моряковъ не сбылось. Говорили, что одинъ отставной морякъ, командиръ парохода, совершавшаго рейсы между Хабаровской и Камень-Рыболовомъ, дойдя до Ханки, сходилъ на берегъ, пароходъ отправлялъ черезъ озеро съ боцманомъ и съ тревогой ожидалъ его возвращенія изъ Камень-Рыболова. Когда кто-то изъ пассажировъ замѣтилъ ему, что это не добросовѣстно, то онъ отвѣтилъ: „у меня семья, пусть тонетъ тотъ, кто желаетъ, а я долженъ жить“. Его, кажется, скоро смѣнили.

Правленіе Товарищества находилось въ Петербургѣ. Главнаго директора-распорядителя я видѣла въ Хабаровкѣ только разъ, въ 1872 году, и не слыхала, чтобъ онъ еще когда-нибудь пріѣзжалъ. Жилъ онъ постоянно въ столицѣ, получалъ большое жалованье, дѣлалъ за границей заказы, на Амуръ присылалъ только распоряженія. Между прочимъ, путешествуя въ Англіи, онъ увидѣлъ, что пароходы на Темзѣ буксируютъ баржи формы эллипсиса. Ему почему-то показалось, что такія баржи очень удобны для плаванія по Амуру. Не долго думая, онъ заказалъ ихъ (конечно, не дешево) штуки че-

тыре и прислалъ въ Николаевскъ. Командиры грузовыхъ пароходовъ нашли эти круглоносыя суда совершенно непригодными для буксированія по рѣкамъ Приамурья; куда ихъ дѣвать, не знали, и, наконецъ, придумали обратить ихъ въ пароходныя пристани. На одной изъ этихъ баржъ была устроена и Хабаровская пристань. На носу и на кормѣ сдѣлали помѣщенія для ожидавшихъ пароходы пассажировъ. Холодъ въ нихъ былъ страшный; сквозь потолокъ протекалъ дождь. Пассажиры, простые смертные, выражали неудовольствіе на словахъ, но дальше этого не шли. О составленіи протоколовъ никому не приходило въ голову, да это и не привело бы ни къ чему.

Проѣзжіе генералы на пристани никогда не останавливались; если кому-нибудь изъ нихъ предстояло переночевать въ Хабаровскѣ, то его приглашали въ знакомый семейный домъ.

Думаю, что тѣ, кто имѣлъ несчастіе пожить на Хабаровской пристани, если только они еще живы, навѣрно страдаютъ ревматизмомъ.

Принявъ во вниманіе казенную субсидію въ 35.000 рублей, плату за частные грузы и пассажировъ, можно заподозрить, что большая часть субсидіи оставалась въ Петербургѣ, потому что жалованіе служившіе въ Товариществѣ получали небольшое и были за малыми исключеніями люди вполнѣ добросовѣстные. Мѣстные директора-распорядители получали въ первые годы существованія Товарищества пять тысячъ въ годъ.

Р. Ф.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ исторіи раскола.

Насколько прочно и свободно чувствовали себя раскольники въ началѣ прошлаго столѣтія, съ вступленіемъ на престолъ Александра I, показываетъ, напримѣръ, дѣло объ отводѣ кладбища прихожанамъ единовѣрческой московской Введенской церкви.

Единовѣрцы писали московскому военному губернатору Салтыкову.

„Неимѣніе у насъ кладбища дѣлаетъ намъ важное затрудненіе, простиравшееся иногда до того, что умершіе перевозимы бывали съ мѣста на мѣсто и погребались послѣ многихъ ходатайствъ и продолженія времени, ибо старообрядцы, къ церкви не присоединившіеся, не допускали и не допускаютъ погребать умирающихъ изъ насъ на Рогожскомъ ихъ кладбищѣ, гдѣ предки тѣхъ умершихъ, во многихъ богатыхъ въ оное вкладахъ участіе имѣющіе, положены. Хотя же по сей крайности и назначено намъ отъ преосвященнѣйшаго митрополита московскаго на время мѣсто для погребенія въ Покровскомъ монастырѣ, что въ Таганской части, но тутъ встрѣтилось другое, не меньше важное, затрудненіе, состоящее въ томъ, что въ монастырь сей всегда надобно давать не малый вкладъ, что для недостаточныхъ людей, а особливо за умирающихъ младенцевъ, крайне чувствительно, а при томъ мы не можемъ отправлять тутъ безпрепятственно и съ спокойнымъ духомъ должнаго по христіанскому закону по умершихъ надгробнаго поминовенія, потому что въ то-жъ время должны встрѣчаться съ монастырскими священнослужителями, дѣйствіе сіе надъ умершими не нашей старообрядческой церкви совершающими; сверхъ же того и погребеніе всѣхъ изъ нихъ умирающихъ вообще съ прочими христіанскаго закона людьми, не нашей старообрядческой

церкви, дѣлаетъ въ томъ монастырѣ не малое стѣсненіе, терпимымъ быть немогущее".

Единовѣрцы просили „для ободренія живыхъ и успокоенія мертвыхъ, что кости ихъ найдутъ для себя нужное и къ безпрепятственному повиновенію потомкамъ удобное мѣсто,—повелѣть отвесть оное при показанномъ Рогожскомъ кладбищѣ, отъ котораго они, единовѣрцы, могли бы отдѣлиться особымъ заборомъ".

Ходатайство единовѣрцевъ было удовлетворено; однако противъ этого возстали представители Рогожскаго кладбища.

„Таковое дѣйствіе весьма обнаруживается притѣснительнымъ, заявляли раскольники, потому что, отдѣлившись отъ нихъ тѣ церковно-прихожане навсегда согласіемъ—сближаются нынѣ паки къ нимъ, старообрядцамъ, чрезъ показанное выдуманное посредство или ради гнѣздящагося въ нихъ ничтожества, или же къ сущему старообрядцевъ стѣсненію и явной враждѣ".

Попечители Рогожскаго кладбища „о водвореніи мира и тишины" просили Салтыкова и подали ему прошеніе, по ихъ словамъ, сопровождаемое стономъ и слезами, не получивъ же желаемаго удовлетворенія, обратились къ владимірскому губернатору Руничу, энергичному защитнику раскольничьихъ интересовъ еще въ царствованіе Павла I-го. Руничъ 10-го апрѣля 1802 года доносилъ государю:

„Въ проѣздъ мой Москвы во всемилостивѣйше ввѣренную мнѣ Вятскую губернію дошло до свѣдѣнія моего отъ жительствующихъ въ Москвѣ старообрядцевъ, что при спокойномъ ихъ отправленіи обрядовъ своего богослуженія возникло для ихъ общества недовольственное происшествіе".

Изложивъ въ запискѣ, приложенной къ письму, обстоятельства дѣла и мнѣніе московскаго митрополита, полагавшаго, что для единовѣрцевъ Введенской церкви „лучше и благопристойнѣе имѣть кладбище собственное свое или возлѣ церкви или по близости оныя", Рудничъ писалъ:

„Посвятивъ жизнь мою на вѣрноподданническое служеніе, я не осмѣлился пренебречь дошедшее до свѣдѣнія моего обстоятельство въ разсужденіи московскихъ старообрядцевъ, ибо по давнему моему попеченію о дѣлахъ обитающихъ по Иргизу, Узенямъ и Уралу старообрядцевъ весьма мнѣ извѣстно, что московскіе жители сего исповѣданія, такъ сказать, яко средоточіе цѣлаго ихъ общества; а потому ни по совѣсти моей, ни по вѣрности къ службѣ вашего императорскаго величества, не могу оставить сего случая, въ Москвѣ происходящаго, въ отводѣ новаго кладбища, безъ вниманія,—но всеподданнѣйшимъ считаю долгомъ донести вашему императорскому величеству. Пріемлю всеподданнѣйшую смѣлость, со-

гласно данной резолюціи московскаго преосвященнѣйшаго митрополита Платона, быть одного съ нимъ мнѣнія, ибо по разсужденіи о благоспокойствіи каждаго исповѣдающаго истиннымъ или заблуждающимъ образомъ свою вѣру, по мнѣнію моему, есть то лучшее средство въ соблюденіи благоспокойствія общаго, чтобъ каждое исповѣданіе наслаждалось своими правами, и выгодою, но отнюдь бы вѣсовъ правды не нагибало ни на ту, ни на другую сторону. Повергнувъ сіе всеподданнѣйшее донесеніе высокомонаршему благоразсмотрѣнію вашего императорскаго величества, имѣю счастье всеподданнѣйше донести, всемилостивѣйшій государь, что, по сему происшествію въ Москвѣ, необходимостью поставилъ себѣ съ пути моего изъ Владиміра возвратиться на три дня въ Москву, ибо въ проѣздѣ чрезъ оную московскіе старообрядцы, объясняясь со мной словесно о безпокоящемъ ихъ дѣлѣ, неотступно требовали, дабы я принялъ отъ нихъ письменное объясненіе".

Въ запискѣ, представленной Руничемъ, говорилось, что предаютъ они, старообрядцы, вышеписанныя обстоятельства въ милостивое созерцаніе и къ прекращенію горькаго своего плача рабски просятъ отдалить отъ ихъ старообрядческаго Рогожскаго кладбища сближающихся, или, паче сказать, старающихся стѣсниться къ нимъ упоминаемыхъ церковноприходскихъ людей отводомъ имъ подъ погребеніе другого, вмѣсто нынѣ назначеннаго мѣста, дабы старообрядцы въ спокойномъ и безмятежномъ духѣ пребывать и безпрепятственныя. Царю царствующихъ и Господу господствующихъ мольбы возсылать могли".

Салтыкову, оставившему безъ уваженія просьбу раскольниковъ, теперь пришлось оправдываться предъ государемъ... На запросъ государя по настоящему дѣлу онъ, 24-го апрѣля, отвѣчалъ:

„Что принадлежитъ до церковной тишины и спокойствія, обстоятельство сіе я никогда не упускалъ изъ вида. Отводъ же сего мѣста не почиталъ противнымъ мнѣнію преосвященнаго митрополита, которой такъ благорасположенъ къ новоприсоединившимся, что требовалъ отъ меня приказанія, чтобъ старообрядцы имѣющуюся у нихъ на кладбищѣ часовню отдали имъ для церкви; отъ исполненія чего я однако отказался. Равнымъ образомъ, несмотря на то, что на ономъ старообрядческомъ кладбищѣ погребаются старообрядцы другой секты, безпоповщиной называемой, не позволилъ новообращеннымъ имѣть равное съ ними въ томъ участіе,—но съ другой стороны считалъ справедливымъ, чтобъ и они, новоприсоединившіеся къ церкви, получили со стороны правительства въ столь необходимомъ, но впрочемъ весьма неинтересномъ дѣлѣ, нѣкоторое снисхожденіе, могущее и ихъ удовлетворить, и ту тишину сохранить,

потому что старообрядческое кладбище, состоящее точно на такой же выгонной землѣ, окопано особымъ земляным валомъ и, находясь отъ новаго, своимъ заборомъ обгороженнаго бы саженъ на 10 отдѣленнымъ, не имѣетъ неминуемаго взаимнаго сообщенія. Сверхъ сего я не былъ не свѣдущъ и о тѣхъ предразсудкахъ, коими заражены нѣкоторые изъ нихъ, особливо женщины—разлученіе ихъ съ тѣлами предковъ своихъ до того уважающіе, что они почти готовы оставить новое свое къ церкви обращеніе, не упоминая о необратившихся еще. Сближивъ ихъ такимъ образомъ, я надѣялся, что послѣдніе, увидя обряды первыхъ, отъ ихъ ничѣмъ не разнствующіе, тѣмъ скорѣе пожелаютъ къ нимъ присоединиться".

Седьмого іюля 1802-го года послѣдовало высочайшее повелѣніе о предоставленіи прихожанамъ Введенской церкви выбрать себѣ мѣсто для кладбища внѣ города.

Въ томъ же 1802-мъ году не менѣе характерное дѣло возникло по прошенію купца-раскольника Андрея Смирнова, уроженца города Боровска Калужской губерніи.

Въ 1783 году отецъ его—„по внушенію отъ многихъ старообрядцевъ", оставя ту должность безъ всякаго содѣянья зла, предался стремленію, къ душеспасенію воображенія въ старообрядскія слободы, гдѣ вступилъ должностью священника и отправлялъ всякія христіанскія требы"... Смирновъ сначала жилъ въ Стародубьѣ съ отцомъ, а затѣмъ переселился къ тестю въ Калугу. Вслѣдъ за нимъ перебрался сюда изъ Стародубья и отецъ, желая „окончить остатокъ дней своей жизни" при сынѣ. Однако какъ сынъ, такъ и отецъ въ Калугѣ встрѣтили „великое притѣсненіе" со стороны полиціи, отъ городничаго Н. И. Бачурина и частнаго пристава А. Ильина.

— Я тебя и съ твоимъ отцомъ въ острогѣ уморю, али въ ссылку сошлю, говорилъ городничій Смирнову...

— По словамъ Давида: „отойди отъ зла и сотвори благо", писалъ въ своемъ прошеніи государю Смирновъ,—родитель мой, слѣдуя сему, далъ гнѣву мѣсто и отъ великаго гоненія скрылся... Помню неоднократное родителя моего приказаніе, которое было при послѣдней нашей разлукѣ:

— „Любезный сынъ! употреби всѣ свои силы объ освобожденіи своего родителя... Неужели по самую смерть буду странствовать... Поѣзжай къ любезному нашему государю и [напиши всеподданнѣйшую просьбу, которую подай трепещущими своими руками его императорскому величеству. Онъ человѣколюбивый и великодушный государь: всякаго званія людей прощаетъ и возвращаетъ свободу, да и многимъ даровалъ снова жизнь. А особливо къ несчастнымъ

благосклоненъ. Въ святомъ евангеліи есть: „просящему дастся, толкущему отверзется“.

Прося защиты отъ притѣсненій, Смирновъ заявляетъ:

Какая бы нужда правительству, кто бы какой вѣры ни былъ и кто бы какъ ни молился, только бы не противно было закону: во-первыхъ, признавалъ бы государя, во-вторыхъ, молилъ бы Бога относительно его величества и за всю высочайшую фамилію. А между нами въ Россіи множество находится разныхъ религій, но никому такого притѣсненія нѣтъ, каковое повсемѣстно бываетъ старообрядцамъ: скорбь, тѣснота, гоненіе отъ правительства. Не вспомнимъ того, что мы всѣ смертны и по смерти нашей не будемъ ли истязаны на второмъ Христовомъ пришествіи за притѣсненіе невинныхъ. Я съ самыхъ малыхъ лѣтъ не имѣлъ спокойной и хорошей жизни и по сіе время; но я также имѣю добрую душу и нѣжное сердце“...

Свое прошеніе Смирновъ заканчиваетъ стихами:

О, Боже праведный, душъ чистыхъ покровитель!
О, Боже благости! невинныхъ защититель!
Убѣжище, покровъ несчастныхъ и отецъ!
Не скрыты отъ Тебя изгибы всѣхъ сердецъ!
Простри ко мнѣ, мой Богъ, всевидящее око;
Зри сердце Ты мое, пронзенное глубоко;
Виждь, что невиненъ я, но горьки слезы лью.—
Воззри, подаждь мнѣ щитъ!—къ Тебѣ я вопію!
Злодѣйска душа спокойна быть не можетъ,
Моя душа чиста, и Богъ мнѣ Самъ поможетъ...
Царь мудрости, блаженства нашихъ дней,
Первѣйшій въ мужахъ, Александръ, краса и честь царей!
Ты, коего духъ героевъ самыхъ выше,
Ты, коего кроткая душа зефира тише!
Щедротой, благостью сердца къ себѣ влечешь
И правосудіемъ красуешься, цвѣтешь,
Отеческой рукой щедроты льешь на насъ рѣкою;
Едва восшелъ на свѣтлый тронъ—
И дверь въ темницахъ отворились,
Свобода съ милостью явились:
На тронѣ Александръ! ты прощенъ!
Рекли—и узы разрѣшились...
Отцы въ семейство возвратились.
Дѣтей, друзей своихъ обнять
И Бога въ Александрѣ прославлять...
Въ тебя-жъ, любезная Марія
Съ восторгомъ нѣжнымъ зритъ Россія,
Мать бѣдныхъ, сирыхъ и вдовицъ.
Собравъ гонимыхъ злой судьбою,

Ведешь ихъ къ трону са собою.—
И слезы сихъ печальныхъ лицъ
Уже въ послѣдній разъ струятся:
Онѣ щедротой осушатся
Отца народа своего,
Монарха сына твоего...

Отцу просителя государемъ было дано прощеніе за его бѣгство къ раскольникамъ и разрѣшено свободное проживаніе при сынѣ; мѣстнымъ властямъ было 4-го марта 1802 года продписано: „ни тому, ни другому за образъ ихъ исповѣданія никакого притѣсненія впредь чинить и чтобъ свободно проживали они, гдѣ пожелаютъ, на основаніи и подъ покровительствомъ общихъ узаконеній, если кромѣ бѣгства отца и укоризны въ старообрядчествѣ нѣтъ на нихъ никакихъ преступленій, суду ихъ подвергающихъ".

Калужскій вице-губернаторъ Казачковскій 7 мая того же 1802 года донесъ статсъ-секретарю Трощинскому, что калужскій преосвященный Ѳеофилактъ „невѣдомо, по какой причинѣ" продолжаетъ притѣснять Смирновыхъ, запрещаетъ имъ и ихъ родственникамъ отправлять домашнее молитвоприношеніе и требуетъ самого священника Смирнова въ консисторію „для какого-то слѣдствія".

Трощинскій 13 мая увѣдомилъ петербургскаго митрополита Амвросія, что государь повелѣть соизволилъ: „чтобы ваше высокопреосвященство внушили преосвященному калужскому не дѣлать никакихъ притязаній къ сему священнику и оставить его въ покоѣ пользоваться дарованною ему свободою".

Смирновъ-сынъ въ стихотворномъ благодарственномъ письмѣ къ Трощинскому заявляетъ.

„Многіе назадъ тому прошли годы,
Къ старообрядцы не имѣли такого блаженства и свободы.
Какими воспользовались въ царствованіе Александра перваго,
Всѣми обожаемаго монарха премудраго.
Онъ обратилъ милостивое и человѣколюбивое вниманіе
На всѣхъ вѣрноподданныхъ разнаго рода людей званія»...

Сообщилъ Д. Успенскій.

Изъ моихъ воспоминаній: въ кадетскомъ корпусѣ [1]).

По мѣрѣ того, какъ корпусъ приходилъ въ нормальное состояніе, формировалась и корпусная библіотека. Основаніемъ ей служила библіотека Аракчеева въ селѣ Грузинѣ, изъ которой было передано въ корпусъ нѣсколько тысячъ томовъ, значительною частью безполезныхъ даже для учителей и офицеровъ. Пополнялась библіотека чрезвычайно медленно и бѣдно, такъ что при мнѣ она совсѣмъ не стоила своего названія. Объемъ библіотеки уменьшался еще отъ примѣненія корпуснымъ начальствомъ цензурныхъ требованій времени. Мыслебоязнь была царствующею болѣзнью оффиціальныхъ кружковъ и слоевъ и дѣйствовала сверху внизъ въ видѣ пресса. Хотя давленіе доходило до нижнихъ слоевъ въ ослабленномъ видѣ, но за то цензурная ревность усиливалась страхомъ отвѣтственности, который многихъ исполнителей дѣлалъ совершенно слѣпыми. И кого же боялись? Рафаила Зотова, Загоскина, Лажечникова, Марлинскаго.

Помню я такой случай. Кадетъ досталъ гдѣ-то „Черную женщину“ Греча и сталъ читать ее во время прогулки по плацу, но былъ накрытъ ротнымъ командиромъ, книга отобрана, и онъ самъ оштрафованъ. Изъ этого выходило зло: во что бы то ни стало хотѣлось вкусить запретнаго плода, хотя бы для этого требовалось ослушаться, провести, обмануть, рискнувъ собственной особой. Такъ и дѣлалось, когда счастливо, а когда и неблагополучно. „Черную женщину“, напримѣръ, едва-ли знаетъ теперь самый обжорливый крокодилъ литературы, не вредна она ни въ какомъ смыслѣ, кромѣ развѣ потери времени на ея прочтеніе. А я между тѣмъ далъ себѣ задачу достать и прочесть эту книгу непремѣнно и задачу эту выполнилъ благополучно. Если бы попался, могъ бы потерпѣть, а изъ-за чего? Было такъ не только у насъ въ корпусѣ, но и во всѣхъ другихъ. Несходство можно найти развѣ въ частностяхъ примѣненія

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г. январь.

общаго, обязательнаго для всѣхъ правила. Въ одномъ мѣстѣ оштрафовали бы за „Таинственнаго монаха“, въ третьемъ за „Дочь купца Жолобова“. А это совершенно одно и то же.

Слова нѣтъ, нельзя мальчугану въ школѣ давать читать все, одно подходитъ къ возрасту, другое опережаетъ умственное развитіе и т. д. Но этому могутъ способствовать цензурныя мѣры, которыя не дискредитируютъ самихъ себя. А запрещеніе какихъ-нибудь невинныхъ книжекъ, въ родѣ поименованныхъ, именно это и дѣлаетъ. Въ тогдашнее время историческаго чтенія для дѣтей и юношества почти не существовало, а потому историческій романъ получалъ двойную цѣну. Но „романъ“ было страшное слово. Въ романѣ подозрѣвалась безнравственность, нѣкое блудодѣйствіе, отъ коего юнцы и отроковицы непрестанно оберегаемы быть имѣютъ. Въ женскихъ институтахъ найденный у барышни романъ наводилъ на нее такую скверну, для очищенія отъ которой требовались чуть ли не столь же радикальныя мѣры, какъ въ Христово время противъ проказы. На заголовокъ не смотрѣли: романъ, c'est tout dit. Наиболѣе наивныя дѣвочки даже сторонились отъ прокаженной подруги, чтеніемъ романа осквернившейся. Не столь институтское, но по характеру однородное съ нимъ представленіе о романѣ имѣли, должно быть, и въ нашемъ корпусѣ. Слово „романъ“ въ вольномъ переводѣ обозначало: „смотри, братъ, въ оба“. Въ оба и смотрѣли, на русскій же историческій романъ даже въ три. А такъ какъ въ литературномъ произведеніи достоинства и недостатки не могутъ быть измѣряемы аршинами или фунтами и требуютъ оцѣнки иной, далеко не такой безусловной, то въ случаѣ сомнѣнія естественнѣе было запретить, чѣмъ разрѣшить, какъ перекланяться благоразумнѣе, чѣмъ недокланяться. „Ну васъ къ Богу; нельзя—и шабашъ, еще наживешь съ вами бѣду; учите лучше уроки“.

Завзятыхъ любителей чтенія конечно не могло быть очень много, но они все-таки были, слѣдовательно, были и старанія—раздобыться откуда-нибудь книгами. Когда хочешь до чего-нибудь добиться, то всегда найдешь пути къ исполненію своего желанія, только въ нашемъ уединенномъ редутѣ это было гораздо труднѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Укажу на себя. Книгами меня снабжалъ П. И. Бутаковъ, а если давалъ мнѣ, то конечно давалъ и нѣкоторымъ другимъ, хотя быть можетъ немногимъ. У него была собственная библіотечка изъ двухъ-трехъ сотенъ томовъ, исключительно русскихъ и преимущественно беллетристическихъ. Сдѣлавшись учителемъ исторіи, онъ сталъ пополнять ее и книгами историческими, но мнѣ ихъ давалъ рѣдко и только нѣкоторыя. Книгами Бутакова я пользовался послѣдніе 3 года моего пребыванія въ корпусѣ и не только безъ системы, но въ за-

мѣчательной степени сумбурно. Одна изъ первыхъ книгъ, мною отъ него полученныхъ, была Иліада Гомера; она мнѣ чрезвычайно понравилась, такъ что я потомъ бралъ ее еще 2—3 раза и нѣкоторыя мѣста заучилъ наизусть. Затѣмъ давались мнѣ романы и другія сочиненія Р. Зотова, Загоскина, Лажечникова, Марлинскаго, казака Луганскаго, Булгарина, Греча и другихъ; очень немногое изъ Пушкина, еще меньше изъ Гоголя, совсѣмъ не видалъ Грибоѣдова. Надо думать, что ихъ у Бутакова и не было. Познакомился я также съ „Потеряннымъ раемъ“ Мильтона, „Освобожденнымъ Іерусалимомъ“ Тасса, Оссіаномъ. Въ перемѣшку съ этимъ шло пожираніе разныхъ переводныхъ романовъ, преимущественно Вальтеръ-Скотта, но попадались и другіе, не исключая Поль-де-Кока; этотъ послѣдній большого впечатлѣнія не производилъ. Переводы были большею частью ужасные, либо высокимъ слогомъ, почти на церковно-славянскомъ языкѣ (Мильтонъ, Тассъ), либо какимъ-то дубоватымъ языкомъ и не съ подлинниковъ, а все больше съ французскаго. *Лади* говорилось вмѣсто *лэди*, *сиръ* вмѣсто *сэръ*, *пладъ* вмѣсто *пледъ*; совершенное невѣжество переводчика и незнакомство его съ предметомъ сквозило во всякой строкѣ, что, разумѣется, не замѣчалось. Все это читалось съ такою жадностью, что по нѣкоторымъ предметамъ я сталъ въ классѣ отставать и дошелъ до балловъ еле удовлетворительныхъ, за то пристрастился къ литературѣ и къ исторіи. Послѣднему много содѣйствовалъ Вальтеръ-Скоттъ.

У насъ было не мало охотниковъ до изящной словесности, которые отличались отъ остальныхъ умѣньемъ писать ученическія сочиненія на заданныя или выбранныя ими самими темы. Говорю „не мало“, разумѣя, что хоть пара подобныхъ „писателей“ на классъ въ 30—40 человѣкъ есть процентъ большой. Въ послѣдніе два года принадлежалъ къ ихъ числу и я. Вмѣстѣ съ кадетомъ Сушко, моимъ большимъ пріятелемъ, мы читали и толковали о прочитанномъ. Спорили рѣдко, критиковали еще рѣже, потому что за образецъ критики принимали гаерство барона Брамбеуса въ „Библіотекѣ для чтенія“ и образецъ этотъ почитали недосягаемымъ для своихъ слабыхъ силъ. Къ намъ примкнуло еще 3—4 человѣка, но они перемѣнялись и участвовали въ бесѣдахъ урывками. Нѣтъ сомнѣнія, что не мы были первыми въ подобныхъ затѣяхъ, не мы и послѣдними, хоть можетъ статься другіе брались за дѣло иначе. Впослѣдствіи мнѣ стало, напримѣръ, извѣстно, что въ 1839 году, въ старшемъ классѣ, издавался подъ редакціею кадета Макшеева журналъ, но былъ накрытъ ротнымъ командиромъ, попавшіеся номера секвестрованы и журналъ прекратился.

Чтеніе наше было самое разнообразное, противуположныя по духу

и содержанію сочиненія ни мало не исключали одно другого; все шло на потребу. Читали первую часть Гётева Фауста въ переводѣ Губера и насъ мучительно интриговали исключенныя цензурою мѣста, обозначенныя пунктиромъ, которыя только позже, въ Петербургѣ, удалось добыть и перевесть. Читали книгу Фукса о кампаніи Суворова 1799 года и при томъ, что называется, въ засосъ, хотя неудовлетворительнѣе, безобразнѣе этого сочиненія трудно себѣ представить. Стали искать другихъ книгъ о Суворовѣ, нашли нѣсколько принадлежавшихъ началу нашего столѣтія, анекдотическаго характера, и Суворовъ сдѣлался нашимъ любимымъ героемъ. Вальтеръ-Скоттъ нравился всѣмъ безъ исключенія. Изъ русскихъ беллетристовъ Марлинскому принадлежало чуть ли не первенство, до того насъ прельщалъ его дутый, ходульный слогъ. Появленіе Смирдинскаго изданія „Сто русскихъ императоровъ“ составило эпоху; книга читалась на расхватъ. Литературный парадъ открывался барономъ Брамбеусомъ съ его статьею „Превращеніе книгъ въ головы, а головъ въ книги“. Мы приступали къ чтенію съ волненіемъ, которое обыкновенно предшествуетъ ожиданію чего-нибудь необычайнаго, а окончили чтеніе съ восторженными ахами и охами, которые выходили какъ будто холодны, и повѣсть нравилась каждому изъ насъ меньше, чѣмъ мы другъ другу расписывали. А сознаться не рѣшался никто потому, что это значило выдать себя головой со своей неразвитостью, незрѣлостью, мальчишествомъ. Развѣ статочное дѣло, чтобы произведеніе Сенковскаго было слабо, да еще на такую умную тему?

Въ той же книгѣ напечатана была повѣсть Каменскаго „Яковъ Моле“. Манера автора, реторическая, искусственно-торжественная заполонила насъ, горячихъ поклонниковъ Марлинскаго. Яковъ Моле занялъ мѣсто въ ряду первыхъ образцовъ и не разъ стали проскакивать въ сочиненіяхъ учениковъ дутыя фразы, написанныя слогомъ, подобнымъ гусиному шагу акробата на канатѣ. Думать надо, что Орнатскому приходилось не разъ разводить руками и спрашивать себя: „откуда́ мнѣ сіе?“ А высокій слогъ и торжественная надутость рѣчи продолжали гипнотизировать нашего брата и испарились (во мнѣ по крайней мѣрѣ) года черезъ 2—3 отъ прикосновенія къ Гоголю. Яковъ Моле до того понравился, что стали мы разыскивать другія сочиненія того же автора; разыскали „Танецъ смерти“ (если не ошибаюсь), потомъ открыли еще романъ „Искатель сильныхъ ощущеній“. И какихъ хлопотъ и трудовъ стоили подобныя разысканія! И сколько мытарствъ надо было пройти, сколько кружныхъ путей исколесить, чтобы выработать литературный вкусъ и усвоить сколько-нибудь здравый критерій! Почти все, что мы читали тогда (да и послѣ), не только не направляло на путь, но сбивало съ пути. Когда

годъ или два спустя вышли въ свѣтъ „Мертвыя души“ Гоголя, произведеніе это до того не гармонировало съ продуктами рядовой литературы, что вызвало нѣсколько отзывовъ, которые нынче нельзя назвать иначе, какъ идіотскими. Я помню очень хорошо одну изъ такихъ „критикъ“: разбирались параллельно „Мертвыя души“ и „Кузьма Петровичъ Мирошевъ“, романъ Загоскина, и послѣднему отдавалось неоспоримое и огромное предпочтеніе.

Страстишка къ чтенію, въ комъ изъ насъ она зародилась и развилась, не удовлетворялась сама собой, а тянула дальше, порождая страстишку къ писанію. Наши старшіе товарищи, слѣдуя по этому пути, изобрѣли, какъ было сказано, журналъ; мы тоже стали списывать и другъ другу почитывать, но нѣсколько иначе. Какъ истиннымъ ребятамъ подобаетъ, послѣ первыхъ опытовъ впѣкласснаго сочинительства, брались мы не за что-нибудь мелкое, сравнительно легкое, а сразу за крупное, чтобы въ носъ бросалось. Одинъ принялся за какую-то повѣсть изъ временъ Зороастра; другой (нижеподписавшійся) за оригинальный романъ изъ русской жизни до татарскаго періода; третій ужъ и не знаю чѣмъ задался обогатить отечественную литературу. У меня фигурировалъ удѣльный князь, выгнанный изъ удѣла сильнымъ сосѣдомъ и поселившійся пока что въ землѣ ливовъ, гдѣ пришлые нѣмцы только-что заложили Ригу. Особенно трудно мнѣ было соорудить проповѣдь, которую единый отъ сихъ нѣмецъ говорилъ ливамъ, обращая ихъ въ христіанство; пришлось очень натуживаться въ сферѣ корпусныхъ богословскихъ познаній. Еще труднѣе оказались стихи, требовавшіяся въ видѣ грустной пѣсни изгнанника о милой родинѣ; они родились на свѣтъ послѣ многихъ потовъ. Вообще нашъ авторскій жаръ держался недолго на высокихъ градусахъ, работа шла все медленнѣе и, наконецъ, съѣхала на нѣтъ.

А. Ф. Петрушевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изнасилованіе 64 лѣтней „дѣвки“.

Рапортъ генералъ-лейтенанта Чоглокова, 30 іюня 1814 г., № 356, графу Милорадовичу.

Получа отъ Вирцбургскаго губернатора господина барона Лерхенфельда отношеніе, коимъ увѣдомилъ меня, что резервныхъ ротъ бывшихъ подъ начальствомъ полковника Титова унтеръ-офицеръ Ефимъ Игнатьевъ учинилъ насиліе 64-хъ лѣтней дѣвкѣ и причинилъ ножомъ ей смертельные удары, который преданъ мною при Гренадерскомъ корпусѣ военному суду. О чемъ Вашему Сіятельству доношу.

«Шалости» въ Измайловскомъ полку.

Отношеніе генералъ-лейтенанта Сабанѣева генералъ-лейтенанту Ермолову, 18 апрѣля 1814 г., № 2020.

Вчерашняго дня Его Сіятельствомъ господиномъ главнокомандующимъ найденъ за городомъ л.-гв. Измайловскаго полка рядовой Афанасій Ворачовъ, который хотѣлъ насильничать одну женщину, почему приказано было взять его подъ караулъ, гдѣ онъ и содержался до сего дня, теперь же препровождается къ Вашему Превосходительству. Г. Главнокомандующій приказать изволилъ наказать его предъ полкомъ и сей штрафъ записать въ журналъ. Командиру же Измайловскаго полка сдѣлать выговоръ за то, что солдаты его бродятъ по одиночкѣ и дѣлаютъ шалости. О чемъ для должнаго исполненія честь имѣю Ваше Превосходительство увѣдомить.

Сообщилъ Н. Соколовскій.

В. В. Стасовъ.

Къ портрету.

---

10 октября прошлаго года около 10 час. вечера скончался Владимиръ Васильевичъ Стасовъ.

Стасовъ—явленіе замѣчательное и, быть можетъ, незамѣнимое въ нашей художественно-общественной жизни. Судьбы русскаго искусства въ теченіе многихъ десятилѣтій крѣпко связаны съ его именемъ и въ этой области имъ сдѣлано столько, что, не будучи самостоятельнымъ творцомъ, онъ однако же занимаетъ здѣсь одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Растолковывая и указывая косному и равнодушному къ собственнымъ духовнымъ интересамъ обществу выдающіеся факты въ живописи, скульптурѣ, архитектурѣ и музыкѣ, вдохновляя самихъ авторовъ сюжетами и планами, наконецъ, вѣчно разыскивая и, что главнѣе, находя и прославляя новые таланты, Стасовъ прошелъ долгій путь отъ Глинки и Брюллова до Глазунова и Ел. Полѣновой, но на всѣхъ переходахъ, до конца жизни сохранилъ своеобразность своей натуры, юношескую пламенность и искренность убѣжденій. Содержательность и національность произведенія для него были дороже остального, а все, что къ тому же носило отпечатокъ борьбы съ рутиной, вызывало его неподдѣльный восторгъ. Но кромѣ сего, Стасовъ—имя и въ наукѣ, гдѣ особенно важное значеніе пріобрѣла его оригинальная работа о происхожденіи русскихъ былинъ.

Лѣтопись его жизни такова.

Родился 2 января 1824 г. въ С.-Петербургѣ въ рѣдкой по интеллигентности семьѣ архитектора В. П. Стасова, строителя Измайловскаго собора. Наклонности С. сказывались съ раннихъ лѣтъ; „всѣ

мои вкусы и даже игры (говоритъ онъ во своей автобіографіи [1]) были направлены къ искусству и, когда мнѣ было еще лѣтъ 9 или много 10, я по цѣлымъ днямъ дѣлалъ маленькіе архитектурные чертежи... сочинялъ маленькіе проекты домовъ, колоколенъ и церквей... ѣздилъ со своимъ отцомъ на всѣ его постройки (особливо, когда шла постройка Измайловскаго и Смольнаго соборовъ), и цѣлые дни проводилъ на лѣсахъ". Музыка также занимала не послѣднее мѣсто и входила въ первоначальное домашнее воспитаніе. Въ 1835 году С. поступилъ въ Имп. училище правовѣдѣнія, окончивъ его черезъ семь лѣтъ. Если склонности вообще къ искусству не могли здѣсь получить дальнѣйшаго развитія, то совсѣмъ другое дѣло было съ музыкой—ею съ увлеченіемъ занимались многіе изъ воспитанниковъ и занимались серьезно; въ числѣ лучшихъ С. сдѣлался ученикомъ Гензельта на фортепіано и считался хорошимъ піанистомъ. Въ тѣ же годы правовѣдомъ былъ и А. Н. Сѣровъ, съ которымъ знакомство, а затѣмъ и дружба возъимѣли сильнѣйшее вліяніе на его жизнь, хотя художественныя вѣрованія обоихъ въ дальнѣйшемъ кореннымъ образомъ разошлись; ихъ интересная и значительная переписка, печатавшаяся въ нашемъ журналѣ въ 1875—78 г.г. и въ нынѣшнемъ 1907 году (мартъ), а также въ „Русск. Муз. Газетѣ", 1899—903 г.г., представляетъ собою живой матеріалъ для характеристики какъ самихъ авторовъ, такъ и условій тогдашней петербургской музыкальной жизни. По окончаніи курса С. служилъ въ межевомъ департаментѣ Сената, а потомъ въ герольдіи и на консультаціи при министерствѣ юстиціи. Въ маѣ 1851 г. онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу на 3 года (былъ въ Англіи, Франціи, Швейцаріи, Италіи); преимущественно жилъ во Флоренціи и Римѣ, состоя все время при А. Н. Демидовѣ. Вернувшись изъ чужихъ странъ, онъ сталъ заниматься въ Публ. Библіотекѣ, находясь съ 5 дек. 1856 г. при статсъ-секретарѣ бар. Мод. Корфѣ по особо возложеннымъ на него порученіямъ. Ему было поручено собрать матеріалы о молодости имп. Николая I, по исторіи цензуры того же времени, исторіи имп. Ивана Антоновича и его семейства и по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ. Всѣ эти изслѣдованія были написаны спеціально для имп. Александра II и поступили въ его личную библіотеку. Съ 7 іюля 1863 г. по Высоч. повелѣнію опредѣленъ во II отдѣленіе Собствен. Е. В. Канцеляріи и былъ членомъ его общаго присутствія около 20-ти лѣтъ. 27 дек. 1872 г. занялъ должность библіотекаря художественнаго отдѣла Имп. Публич. Библіотеки, состоя имъ до конца. Умеръ Стасовъ почетнымъ академикомъ.

[1]) См. „Русская Старина" 1880 г. № 12, 1881 г. №№ 2, 3 и 6 и Собраніе сочиненій. 1894 г. Т. III.

Всѣ ученыя статьи и изданія С. относились къ археологіи, этнографіи и исторіи литературы и искусства. Наиболѣе замѣчательны его изслѣдованія орнамента—русскаго, славянскаго и восточнаго [1]) и трудъ—„Происхожденіе русскихъ былинъ“ (1868 г.); въ немъ С. доказывалъ, что наши былины цѣликомъ заимствованы съ Востока и даютъ лишь отрывочный пересказъ его эпическихъ произведеній; что сюжеты, хотя и арійскіе, приходили къ намъ въ буддійской обработкѣ, черезъ тюркскіе народы, а время заимствованія относится къ болѣе поздней эпохѣ татарщины. Эти взгляды, не укрѣпившись въ наукѣ, принесли однако большую пользу, вызвавъ пересмотръ всѣхъ прежнихъ утвержденій о полной самобытности нашего эпоса. Впослѣдствіи мысль о восточномъ возникновеніи нашихъ былинъ проводилъ извѣстный ученый Всев. Ѳ. Миллеръ [2]).

Однако при всемъ значеніи Стасова, какъ ученаго, въ другой сторонѣ дѣятельности у него еще больше правъ на признательность всего русскаго общества. Энергія, съ которой онъ открывалъ и проводилъ все по его мнѣнію талантливое и самобытное въ русскомъ искусствѣ (а онъ довольно рѣдко ошибался), несравнима; въ теченіе болѣе полувѣка онъ собиралъ матеріалы, издавалъ ихъ и составлялъ біографіи художниковъ, композиторовъ и художественныхъ дѣятелей [3]); будучи другомъ большинства выдающихся нашихъ музыкантовъ, онъ имѣлъ важное вліяніе на возникновеніе цѣлаго ряда произведеній послѣ-глинкинской, „новой русской школы“. Любовь его къ родному была безпредѣльна и, питая такое чувство къ отцамъ нашего искусства, онъ переносилъ его и на вѣрныхъ сыновъ и внуковъ — такъ въ послѣдніе годы особенныя его симпатіи вызывали творчество Ел. Полѣновой и талантъ Ѳ. И. Шаляпина. Когда въ своихъ статьяхъ, какъ напр. „Двадцать пять лѣтъ русскаго искусства“ (1882—3 г.г.), „Тормозы русск. иск.“ (1885 г.), онъ рисовалъ печальную пору нашей художественной

---

[1]) За эту работу В. В. пожалованъ въ 1881 г. въ тайные совѣтники.

[2]) Любопытно отмѣтить, что изученіе поэзіи инородцевъ на Алтаѣ привело сибирскаго путешественника, Г. Потанина, къ тѣмъ же взглядамъ, о чемъ онъ и сообщилъ В. В.; нѣсколько лѣтъ тому назадъ Г. Потанинъ издалъ особую работу, посвященную тому же вопросу.

[3]) Антокольскаго, К. Брюллова, Н. Н. Ге, М. И. Глинки, Горностаевыхъ, А. А. Иванова, В. Гартмана, И. Рѣпина, В. Верещагина, Крамского, В. Перова, Н. Римскаго-Корсакова, М. Мусоргскаго, Вяч. Шварца, Викт. Васнецова, Ел. Полѣновой. и др. Біографіи ревнителя отечественнаго просвѣщенія П. Д. Ларина и одной изъ начинательницъ высшаго женскаго образованія въ Россіи Н. В. Стасовой. Кромѣ того ему мы обязаны изданіемъ многихъ важныхъ писемъ М. И. Глинки, которыя иначе навсегда были бы утрачены (напр. къ Ширкову).

жизни, то опредѣленно указывалъ причины такого состоянія, горячо настаивая на необходимости устраненія препятствій [1]); онъ-то именно и былъ однимъ изъ главныхъ пробудителей и виновникомъ, хотя и постепеннаго признанія нашихъ авторовъ, помѣщая радостныя замѣты по поводу появленія или исполненія каждаго сколько-нибудь замѣчательнаго произведенія [2]), каждой постановки выдающихся русскихъ оперъ въ Россіи и за границей. Столько мыслей и фактовъ накопилось за долгіе годы въ его сочиненіяхъ, что будущему историку нашего искусства обойтись безъ Стасова окажется совершенно невозможно.

Жизнь его кончилась, но его дѣла, его не ослабѣвшая, безкорыстная любовь останутся; въ русскомъ обществѣ должна быть жива благодарная память о немъ. Такіе люди не забываются...

Вас. Я.

---

[1]) Общіе его взгляды на исторію искусства высказаны въ статьѣ „Ист. Европ. Искусства XIX в.“ (въ недавно вышедшемъ 4-мъ томѣ соч.), изданной въ сокращ. видѣ журн. „Нива“.

[2]) Благодаря ему состоялась постановка „Каменнаго Гостя“ Даргомыжскаго, его же стараніями были поставлены памятники Бородину и Мусоргскому.

Письма Александра Николаевича Сѣрова къ Владиміру Васильевичу Стасову.

17 сентября 1851 Спб.

...Я искренно радъ, что ты начинаешь потихоньку влюбляться въ Италію—мнѣ было бы больно, еслибъ эта страна, на которую мы, по слухамъ, привыкли смотрѣть какъ на обѣтованную землю для артистической жизни,—оказалась бы на дѣлѣ не тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ. Теперь я вижу, что ты только немножко опрометчиво осудилъ Флоренцію по первому впечатлѣнію—и вѣроятно,—одной искорки будетъ довольно, „чтобъ фейерверкъ вспыхнулъ и загорѣлся“. Эту искорку зажгутъ итальянскія глазки—и вѣрно недолго этого ждать. Ахъ женщины, женщины! Какъ все кисло идетъ въ жизни безъ нихъ, безъ постояннаго сообщенія съ ними.

Что за досада, что, кромѣ Дмитрія, мнѣ рѣшительно не съ кѣмъ наслаждаться твоими письмами! Какъ бы я читалъ ихъ Соничкѣ и М. П.!—Какъ бы вмѣстѣ со мною онѣ обѣ вливали въ себя все безподобное, что ты намъ такъ щедро даришь въ каждомъ твоемъ письмѣ! Послѣднее твое письмо я читалъ вслухъ мамѣ (и для себя въ первый разъ тутъ же—вчера мнѣ Дмитрій далъ его домой, а до вчерашняго дня мнѣ не пришлось видѣть этого письма, полученнаго уже три дня назадъ)—и въ мамѣ твои строчки о Зонтагъ вызвали особенное, одушевленное сочувствіе. Какъ же бы это подѣйствовало на Соничку и М. П., гораздо болѣе мамы воспріимчивыхъ въ этихъ всѣхъ дѣлахъ! Вѣдь случится же такъ, что не съ кѣмъ дѣлить именно того, что дѣлить нужно!

Какъ бы я хотѣлъ тутъ же разомъ перелить въ другихъ то, что волнуется у меня въ душѣ, при чтеніи твоихъ нынѣшнихъ писемъ—такъ горячо и такъ славно писанныхъ, что во мнѣ ни малѣйшаго

сомнѣнія не остается на счетъ твоей настоящей, писательской дѣятельности. Отчего жъ бы въ тебѣ зародилась такая страсть къ писанію, еслибъ тебѣ не назначено было выработать изъ себя автора, и автора не безъ силы и не безъ значенія въ мірѣ искусствъ!

Вѣдь когда же нибудь выскажется огненная твоя душа во всеуслышаніе—вѣдь будетъ же то время, когда всѣ твои умственныя слова получатъ достойное тебя направленіе—все приведется къ одному знаменателю—и тогда тебѣ нельзя будетъ ограничиться письмами къ своимъ близкимъ... Я увѣренъ, что этого не долго ждать! Поѣздка твоя въ Италію во многомъ перемѣнитъ тебя, вышлифуетъ и натолкнетъ тебя на твою настоящую дорогу. Въ это я вѣрю столько же, какъ въ то, что я уже попалъ на свою дорогу и съ нея не собьюсь! Только пиши мнѣ больше и чаще—мнѣ скучно безъ тебя—мнѣ не съ кѣмъ толковать, не съ кѣмъ музицировать по-моему, по-нашему!.. А это мнѣ теперь въ 10.000 разъ нужнѣе прежняго, потому что во мнѣ съ каждымъ днемъ развиваются новыя потребности сообщительности, участія—со стороны другихъ для меня близкихъ и важныхъ. И самыхъ близкихъ, самыхъ важныхъ теперь нѣтъ вблизи меня!!... Мнѣ иногда бываетъ такъ тяжело, что я рѣшительно ничего не могу дѣлать—не только въ музыкѣ, но не могу даже читать... Иногда такое расположеніе находитъ на меня, когда я бываю у Л. К., и тогда мы славно говоримъ про тебя и про наши взаимныя отношенія.—Знаешь ли, что я скажу тебѣ: было время, что я былъ влюбленъ въ себя (въ свою способную натуру, въ свой умъ и пр.), потомъ было время—и это очень недавно, когда я сдѣлался весь гадокъ себѣ, кромѣ—таланта, котораго я какъ будто былъ недостоинъ на собственные глаза,—теперь я опять начинаю любить себя, но совсѣмъ съ новой стороны—мнѣ въ высшей степени отрадно быть всеобщимъ повѣреннымъ для всѣхъ, мнѣ близкихъ, необходимыхъ, свѣтлыхъ и прозрачныхъ,—потому что всѣ вы во мнѣ увѣрены и видите меня насквозь...

С.-Петербургъ 2/14 октября 1851 г.

Прежде всего, ввидѣ прелюдіи, мнѣ надобно вообще выразить тебѣ жалобу на неумолимое время, которое безъ всякой жалости гонитъ часъ за часомъ, день за днемъ—такъ что право невѣроятно становится, что вотъ еще пролетѣли сутки, недѣля и т. д.!.. Это истина очень не новая, но я не могу не писать объ томъ, что меня мучитъ въ ту минуту, когда я принимаюсь писать тебѣ. Я не знаю, какъ дѣлали и дѣлаютъ другіе, работающіе, чтобъ имъ было

время на все, я же никакъ не могу съ собою сладить—въ Петербургѣ у меня рѣшительно нѣтъ того необходимаго мнѣ спокойствія, которое съ избыткомъ было въ Крыму.—Я, конечно, не желаю теперь туда возвратиться, но и боюсь за себя, что всегда все будетъ такъ идти, какъ теперь—а этакъ невозможно, чтобъ изъ меня вышло что-нибудь путное. Я еще возвращусь къ этой матеріи (это мой кранъ, который, по счастливому выраженію Табаровскаго [1])—опасно открывать,—„изъ него же теченію нѣсть конца“)—теперь же скажу только, что всѣ эти дни я порывался писать къ тебѣ,—порывался работать въ музыкѣ и очень часто по цѣлымъ днямъ рѣшительно не принимался за перо—чортъ знаетъ въ чемъ и какъ проходятъ дни, но проходятъ!—бѣгутъ страшно—и каждый вечеръ, ложась спать, я со вздохомъ признаюсь себѣ, что вотъ еще однимъ днемъ больше въ жизни, но ничѣмъ или почти ничѣмъ не больше въ моемъ дѣлѣ!—А тутъ еще желаніе писать тебѣ много, много, чтобъ по возможности, по крайней мѣрѣ, удовлетворить твоимъ требованіямъ и самому „отвести душу“ въ бесѣдѣ съ тобой! Знаешь ли, что если бы въ точности исполнить все, какъ бы ты желалъ, чтобъ были мои къ тебѣ письма, я долженъ бы посвятить на нихъ добрую половину всего своего времени;—а я такъ глупо устроилъ, что самъ не могу раздѣлить своего дня—если мнѣ, напр., нужно писать (къ тебѣ ли, или въ Крымъ или Соничкѣ), ужъ я не могу работать ни до, ни по, чуть не цѣлый день—прибавь къ этому, что и полученіе писемъ (мнѣ же на мою бѣду пишутъ всѣ трое—знатно) тоже, по крайней мѣрѣ на нѣсколько часовъ разсѣиваетъ меня, потому что я дѣлаюсь весь полонъ полученнымъ посланіемъ, и другимъ мыслямъ нѣтъ мѣста въ головѣ. Быть можетъ, ты найдешь все это смѣшными жалобами,—и мнѣ самому очень непріятно такъ упирать на мою „работу“, на мои „занятія“—тыкать ими тебѣ въ глаза—но я долженъ былъ все это высказать, потому что по неволѣ приходится жаловаться на неумолимость времени, когда съ каждымъ днемъ серьезнѣе смотришь на свое дѣло—и видишь, сколько нужно работы, чтобъ пріобрѣсть привычку, навыкъ, необходимую гимнастику! Иначе все—диллетантство...

По случаю Бакунина развѣ я не писалъ тебѣ, что именно мы играли?—Увертюру (ор. 124), фантазію, 2-ю мессу (которой онъ не раскусилъ нисколько) и 9-ю симфонію (отъ которой пришелъ въ восторгъ, потому что имѣлъ о ней самое маленькое, общее понятіе по тому, какъ я ему игралъ съ картитуры) играли тамъ же, гдѣ обыкновенно въ самое послѣднее время играли съ тобой, у

[1]) А. О. Табаровскій—пріятель семьи Сѣровыхъ.

васъ на верху. — Бакунинъ слушалъ на Митиномъ диванѣ— играли весьма порядочно [1]). Я иногда играю съ Димитріемъ—еще въ нынѣшнее воскресенье прошлись по Wellington's Sieg и Jahreszeiten, также по финалу Zauberflöte. Чтобъ не забыть—Дмитрій лѣтомъ получилъ полную партитуру „Ruines d'Athènes"; тамъ всего замѣчательнѣе хоръ дервишей (удивительнѣйшій по характеру, нелѣпой, сумасшедшей дикости) и извѣстный турецкій маршъ, который я тотчасъ же арранжировалъ въ 4 руки.

3 октября 1851.

Изъ новостей спѣшу передать тебѣ замѣчательнѣйшую: личный поклонъ тебѣ отъ—М. И. Глинки. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ 24 сентября и останется всю зиму (если не гораздо дольше) я узналъ объ его пріѣздѣ у Билибиныхъ, гдѣ былъ 25 сентября по приглашенію Даргомыжскаго (бывшаго у меня незадолго передъ тѣмъ). Даргомыжскій мнѣ и объявилъ о пріѣздѣ Глинки. На другой же день утромъ я побѣжалъ въ Большую Конюшенную, гостинницу Волкова, гдѣ временно остановился Глинка (теперь ужъ на своей квартирѣ, въ Моховой, въ домѣ Мелихова)—засталъ его дома (онъ почти не выѣзжаетъ, потому что нездоровъ—чуть не отнялась у него правая рука). Онъ обнялъ меня и поцѣловалъ; „очень радъ, милый баринъ, что вы здѣсь, а не въ Крыму—это какъ нельзя больше кстати.—Поздравляю васъ съ успѣхами въ нашемъ дѣлѣ—Даргомыжскій мнѣ уже много говорилъ о вашей операѣ".—Это на „Гоголеву „Утопленницу"—я очень хорошо помню повѣсть. Сюжетъ—безподобный—желаю вамъ отъ „всей души всего, что нужно, чтобъ его исполнить". Потомъ онъ много еще говорилъ всякой всячины—музыкальнаго и немузыкальнаго. Донъ Педро [2]) тоже пришелъ тутъ, узналъ меня тотчасъ. Глинка спросилъ о тебѣ—гдѣ ты теперь—немножко удивился, что во Флоренціи—и просилъ непремѣнно написать тебѣ поклонъ отъ него и извиниться, что онъ самъ не пишетъ,—потому что, какъ мы знаемъ, если принимается за перо, то скорѣй для нотъ, чѣмъ для писемъ. Я думаю, ему очень пріятно будетъ, если ты ему напишешь изъ Флоренціи— онъ цѣнитъ такого рода вниманіе. Ему, напр., видимо пріятно

[1]) Хотя я никогда и не сравниваю этого съ нашей игрой, безъ тебя басы сиротствуютъ.

[2]) Спутникъ Глинки въ Испаніи и Россіи. *В. С.*

было, что я былъ одинъ изъ первыхъ, навѣстившихъ его по пріѣздѣ. Что меня чрезвычайно радуетъ,—это живой энтузіазмъ Глинки ко всему отличному въ искусствѣ. Онъ какъ будто помолодѣлъ, освѣжѣлъ въ этомъ отношеніи, отчасти оттого, что въ Варшавѣ почти вовсе не слыхалъ хорошей музыки—а жажда къ хорошему въ такомъ человѣкѣ не можетъ не быть сильна. Кромѣ того, что онъ со мной говорилъ много чисто-техническаго (напр., что онъ слышалъ въ оркестрѣ свою „Молитву“, мною оркестрованную—что это выходитъ хорошо, но—мертво, потому что не для оркестра сочинено—и что вообще никогда не должно переписывать на оркестръ вещей фортепіанныхъ, что это хорошо только какъ этюдъ)—онъ сказалъ мнѣ, что хочетъ имѣть вліяніе на петербургскіе концерты Львова и филармоническіе. „Помните ли, баринъ—хоръ „въ „Армидѣ“ Глюка—что „птицы пѣніемъ своимъ говорятъ о „любви“—(я конечно, помню—кажется f-dur,—3/4 andantino grazioso съ тремолями)—„пусть Львовъ намъ его дастъ—а въ филармо-„ническомъ я закажу,—8-ю или 4-ю симфонію Бетховена—обѣ—„чудеса!—потомъ, баринъ, попрошу васъ, если можно, на-дняхъ до-„стать мнѣ кое-какія партитуры,—на первый случай „Жозефа“ Ме-„гюля, а послѣ—Моцартова „Tito“. Мы съ вами прочитаемъ эти „партитурки—и я вамъ кое-что тамъ покажу. „Іосифа“ я просто „обожаю—j'ai un culte pour cette musique-là“. Я къ нему притащилъ „Іосифа“ на другой день (въ четвергъ 27 сентября)—засталъ его за обѣдомъ (въ трактирѣ, онъ обѣдалъ въ 2 часа)—но его такъ разбирало любопытство взглянуть въ эту партитуру, которой онъ давно не видалъ, что онъ почти ѣсть не могъ, выскочилъ изъ-за стола и началъ внимательно смотрѣть каждую строчку (увертюры—романса—и аріи Симеона). Скоро, впрочемъ, намъ помѣшали, и онъ оставилъ партитуру у себя—а мнѣ подтвердилъ, чтобъ я къ нему (уже на его квартиру) ходилъ почаще, „обзаведусь фортепіаномъ, такъ „станемъ партитуры въ 4 руки играть—и я покажу вамъ кое-что, „что я настрочилъ въ Варшавѣ“.—Онъ—фантазію свою на испанскіе мотивы (которые ты слышалъ вмѣстѣ съ „Хотой“ и „Комаринскою“) передѣлалъ въ видѣ сплошной увертюры—съ новыми головою и хвостомъ—„pas trop méchant—въ концѣ crescendo вамъ понравится“. „Комаринскую“ онъ еще не слыхалъ самъ въ оркестрѣ—слѣдовательно, здѣсь дадутъ непремѣнно и не одинъ разъ. „Хоту“ также,—Константину Лядову Глинка закажетъ дать „Іосифа“ на-дняхъ и „Водовоза“ также.—„Іосифа“ я вымѣнялъ у Ферреро [1]) на „Весталку“,

[1]) Ферреро-контрабасистъ и начальникъ нотной конторы. *В. С.*

которая гостила у меня все лѣто—и не даромъ. Кромѣ того, я безпрестанно беру у Рихтера [1]) разныя оперы—прочиталъ основательно „l'Irato", „les deux aveugles de Tolède"—теперь читаю „Аксура" Саліери. У Львова будутъ давать, какъ я слышалъ отъ Ленца—3-ю, пасторальную и—IX-ю!—послѣднюю, къ сожалѣнію, еще не навѣрно. Кромѣ того ждутъ въ Петербургъ Мейербера и Берліоза,—а филармоническое общество дастъ цѣликомъ „Schöpfung". Вьетанъ [2]) уже возвратился и собирается устраивать свои утренніе квартеты. Энгельгардтъ [3]) для Глинки устраиваетъ также хорошія квартетныя собранія, гдѣ будутъ играть преимущественно гайдновскіе квартеты, которые, къ стыду моему, мнѣ еще не слишкомъ твердо знакомы. Какъ видишь, музыки мнѣ предстоитъ слушать не мало—боюсь только, что при всемъ этомъ, да съ итальянцами (гдѣ Formes и Ronconi), да съ Плесси (которая pour la rentrée—играла „Les contes de la Reine de Navarre")—мнѣ еще меньше останется спокойныхъ минутъ для работы,—а между тѣмъ и самого Глинку успѣли заинтересовать моей оперой. Онъ слишкомъ гордъ, чтобы сказать мнѣ прямо, чтобы я показалъ ему что-нибудь готовое,—но я изъ многаго замѣтилъ, что онъ этого желаетъ; напр., проситъ прочитать ему либрето—засылаетъ ко мнѣ Энгельгардта;—но я дождусь, чтобъ онъ прямо сказалъ. Я, разумѣется, не замедлю явиться къ Глинкѣ (теперь—эти дни нельзя было—онъ перебирался на новоселье)—кстати покажу ему одну курьезную вещь, которая его непремѣнно займетъ—это „Marche marocaine" Леопольда Мейера и Берліоза.—Оркестръ въ этой вещи—удивительный,—партитура чрезвычайно интересная,—я очень радъ, что вздумалъ ее себѣ выписать. Кромѣ всѣхъ обыкновенныхъ инструментовъ полнаго оркестра—2 piccoli—которымъ дана удивительная роль—piano, терцами на высочайшей октавѣ, въ октаву противъ терцъ скрипокъ pizzicato, то же на самомъ высокомъ регистрѣ—(другіе духовые тѣ же терцы dans des diapasons respectifs—на pizzicato всего квартета)—это все вмѣстѣ и даетъ звукъ гигантскаго фортепіано—эффектъ, который такъ поразилъ насъ съ тобой въ концертѣ Бавери—своею новостью и прелестью.—Берліозовскія арранжировки съ фортепіанныхъ вещей могутъ служить опроверженіемъ мысли Глинки, что ихъ не должно быть—но, надо замѣтить, что тутъ все дѣло въ особенности берліозовскихъ эффектовъ и разсчетовъ—и онъ нарочно выбираетъ такую музыку, которая подъ нихъ подходитъ, такъ какъ у него своей-то не хватаетъ. Какую онъ нечеловѣческую

---

[1]) Музыкальный магазинъ въ Петербургѣ. *В. С.*

[2]) Знаменитый скрипачъ. *В. С.*

[3]) В. П. Энгельгардтъ, родственникъ и большой поклонникъ М. И. Глинки.

коду придѣлалъ къ этому маршу—волосы дыбомъ отъ этихъ нелѣпыхъ гармоническихъ сочетаній!—а Глинка его уважаетъ очень—впрочемъ только съ „фантастической“ стороны.

Познакомился я недавно съ Ленцомъ (у Собольщиковыхъ [1]), куда онъ нарочно для меня приходилъ). Знакомство началось съ того, что онъ попросилъ меня написать ему на лоскуткѣ бумаги нѣсколько нотъ Бетховена, откуда—я хочу и не выставлять ни движенія, ни даже ключа. Я подумалъ съ минуту и написалъ ему . . . . . онъ тоже съ минуту подумалъ—ah! c'est fort—je vois à qui j'ui affaire—и подписалъ Timp, въ Scherzo IX симф.—Потомъ мы съ Дмитріемъ безпрестанно удивляли его, что не меньше его помнимъ цифры Opus: составныя части каждаго сочиненія, и даже мотивы и проч. Ему даже совѣстно стало, что онъ всю свою жизнь почти исключительно на то посвятилъ, что какимъ-то молодымъ людямъ досталось—такъ, при всемъ другомъ. Онъ бы еще съ Глинкой потягался на счетъ памяти (une mémoire atroce—какъ самъ М. И. выражается, не хуже нашей съ тобой)... Много еще хотѣлось бы мнѣ писать тебѣ разныхъ разностей—но до другого раза.

С.-Петербургъ, 23 окт. (4 ноября) 1851 г.

...Мнѣ очень, очень нужно было, чтобъ ты хорошимъ письмомъ расшевелилъ меня.—Все это время я въ самомъ гадкомъ расположеніи духа—новость для тебя какъ и для меня самого.—Прежде бывало я былъ всегда въ одинаковомъ духѣ—что тебя могло иногда порядочно бѣсить. На прошлой недѣлѣ я даже вовсе музыкой не занимался—только и дѣлалъ, что бродилъ изъ угла въ уголъ съ понуренной головой и тоску наводящимъ видомъ—да лѣниво, черезъ пень въ колоду писалъ, для „Современника“, отчетъ о нашей новой итальянской труппѣ.—Физическая причина моего нерасположенія—нездоровье, быть можетъ, вслѣдствіе моей аскетической жизни, которая наконецъ мнѣ надоѣдаетъ до крайности;—моральная причина та, что я потерялъ почти всякую надежду на пріѣздъ Х. въ Петербургъ!.. Было время, и очень недавно (въ 48 г.), когда я не понималъ вовсе душевной боли, которую могъ дѣлать другимъ, и оттого на время самъ былъ палачемъ Х., но съ тѣхъ поръ я сильно перемѣнился—мнѣ страшно подумать о душевныхъ страданіяхъ чьихъ-нибудь—вообще,—а тутъ еще страданія Х., да и я самъ отчасти ихъ причиною! Я самъ, потому что со мною вмѣстѣ Х. ни на одну секунду не думала бы о матеріальныхъ лишеніяхъ (такъ же, какъ и я о нихъ никогда не думаю)—какія бы они ни были—значитъ, она была

[1]) Архитекторъ Василій Ивановичъ Собольщиковъ, библіотекарь Имп. Публичной Библіотеки.

бы счастлива и теперь все ея горе только въ невозможности быть со мной!.. Сегодня пойду [къ Глинкѣ, я уже больше недѣли его не видалъ;—заниматься путемъ еще ничѣмъ не могу... Вообще все какъ-то скверно идетъ.—Прощай пока.

Галерная, 6 (18 ноября) 1851 г.

Я не хотѣлъ тебѣ писать, прежде чѣмъ получу что-нибудь утѣшительное отъ М. П., но вчера пришли ко мнѣ два письма (одно очень большое и безподобное), изъ которыхъ я вижу больше и больше, что долженъ отказаться отъ всякой надежды на ея прибытіе въ Петербургъ!..

Я думаю, что и она не скупится тебѣ на іереміады;—по возможности, значитъ, мнѣ надобно отъ нихъ повоздержаться, чтобъ не наскучить тебѣ наконецъ однимъ и тѣмъ же!—Между тѣмъ, съ тѣхъ поръ, что я въ послѣдній разъ писалъ тебѣ (23 октября), почта принесла мнѣ разные дорогіе подарки:—24-го я получилъ письмо отъ Х. со вложеніемъ перваго твоего письма къ ней (оно отличное, жаркое и порадовало М. П. въ высшей степени—объ этомъ рѣчь впереди;—мнѣ только показалось, что она еще недовольно выразила свое восхищеніе,—это письмо еще большаго стоитъ, нежели что она сказала мнѣ о немъ—быть можетъ она для меня поудержалась). 26 октября пришло твое 4-е ко мнѣ письмо изъ Италіи.

Письмо твое во многомъ задѣло меня за живое, и на многое мнѣ хотѣлось бы тебѣ отвѣтить по пунктамъ (какъ ты самъ это любишь), только не знаю—успѣю ли въ этомъ письмѣ, потому что есть много и другого чего: я такъ давно уже не бесѣдовалъ съ тобой о дѣлахъ музыкальныхъ, а ты вѣдь знаешь, что безъ тебя мнѣ не съ кѣмъ утолить вполнѣ свою жажду нашей музыкальной бесѣды. Я писалъ къ тебѣ, что горе Х. во многомъ меня парализуетъ—я не могу такъ работать, какъ бы хотѣлъ, и какъ долженъ; Х. говоритъ въ послѣднемъ письмѣ—„мнѣ нечего просить тебя, чтобы ты еще больше любилъ свое искусство: это невозможно. Но любить—мало, надо служить ему,—служить и умереть! такъ я понимаю любовь ко всему“!—Это вѣдь правда (и чудесно высказано). Но я писалъ М. П. (еще прежде этого послѣдняго ея письма), что мнѣ, по моей отчасти нѣмецкой натурѣ, необходимо совершенное спокойствіе души для успѣшной работы; когда я взволнованъ, встревоженъ—я не могу думать объ искусствѣ столько, сколько мнѣ нужно думать, чтобы что-нибудь нужное выходило. До полученія этихъ грустныхъ извѣстій, я работалъ порядочно надъ одной весьма трудной (потому что комической) сценой своей оперы. (Сценой дѣвушекъ съ пьянымъ казакомъ—въ интродукціи)—теперь я не могу еще за это приняться

(хотя осталось уже немного труда). Быть можетъ я никогда (потому что уже поздно) не пріобрѣту способности работать быстро, вѣчно останусь при своемъ „медленномъ, безконечно-терпѣливомъ „кропаньи"—быть можетъ это необходимое условіе для моихъ успѣховъ, (потому что успѣхи есть, я не могу же ихъ не видѣть). Но для этого кропанья мнѣ нуженъ прежде всего моральный покой.—Съ весны 1848 г. по зиму 49—50 г.—я не могъ ровно ничего сдѣлать единственно потому, что эти тревоги съ папой, эти грустныя обстоятельства, отчасти безсознательно для меня тогдашняго, дѣйствовали враждебно въ отношеніи развитія моей музыкальности;—а что я готовъ былъ уже тогда къ порядочной, серьезной работѣ доказательство—мой первый опытъ фуги, не совсѣмъ дурной для перваго опыта... Только когда все мало-по-малу улеглось, не было больше треволненій, я спокойно жилъ въ Симферополѣ у Бакунинхъ—зародилась Майская ночь—которая выйдетъ непремѣнно хорошею вещью. Съ каждымъ днемъ больше влюбляюсь я въ сюжетъ свой, съ каждою работою передо мною все шире и шире раскрываются горизонты моей оперы.—Жаль мнѣ очень будетъ, если теперь именно, когда все на свѣтѣ побуждаетъ меня работать и работать шибко... (сколько для меня это возможно)—жаль, если теперь опять будетъ такая проклятая остановка,—а время летитъ! Повѣрь, что я не лѣнюсь, и не извиняю свою лѣнь больше или меньше ловкимъ актерствомъ—передъ другими и, пожалуй, передъ самимъ собою. Ты написалъ, что безъ тебя—я живу сонно, апатично, безъ всякихъ стремленій. Это неправда, потому что—à tout bien prendre, у меня теперь должно быть одно стремленіе, и оно есть, въ порядочной дозѣ. Все остальное относится до слушанія, которое конечно мнѣ чрезвычайно необходимо, но все-таки уступить должно первое мѣсто—работѣ... Слушать мнѣ есть что, безъ всякихъ малѣйшихъ усилій съ моей стороны.—Оркестръ, иногда пѣвцы—въ итальянской оперѣ,—университетскія утра (уже начавшіяся) и Львовскіе концерты (которыхъ ужъ недолго ждать) безъ сомнѣнія отличные рябчики для моей нынѣшней гастрономической жажды. При томъ же, какъ тебѣ извѣстно, тутъ все дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ слышаннаго. Одна симфонія Гайдна, слышанная мною въ университетѣ 4-го ноября (т.-е. третьяго дня), по счастію изъ числа „тѣхъ партитуръ, которыя я, по счастію, еще не отдалъ Зарембѣ (и, слѣдовательно, могъ провѣрить дома все, что меня поразило при слушаніи)—одна эта симфонія принесла мнѣ, кромѣ высокаго наслажденія, безконечно много пользы. Я убѣдился какъ нельзя яснѣе, что оркестръ уже у Гайдна совсѣмъ превосходный, нисколько не жидкій и не бѣдный для нынѣшнихъ ушей, какъ мы

съ тобой думали одно время. Этотъ симфоническій оркестръ также восхитительно благоустроенъ, какъ напр. оркестръ Моцарта въ „Zauberflöte“ (разумѣется, условія совсѣмъ другія). Есть же люди, въ томъ числѣ Гунке, съ которымъ я спорилъ по этому случаю, которые находятъ, что и въ „Zauberflöte“ оркестръ не нынѣшній и бѣдноватый!! По-моему—такое мнѣніе crime de lèse—musique.—Хотя не слыхалъ „Zauberflöte“ въ настоящемъ видѣ, но, съ одной стороны, вполнѣ вѣрю тебѣ, а съ другой убѣждаюсь въ нелѣпости шумнаго оркестра, начиная отъ Donizetti до Мендельсона.—Бетховенскій оркестръ шире Гайдновскаго, только потому, что формы самой музыки шире, идеи глубже, „трансцендентальнѣе“,—какъ говорятъ нѣмцы. Мысль каждой симфоніи, особенно начиная съ III-й—такая, что Гайдну конечно и не снилось. Но у Гайдна употреблены рѣшительно уже всѣ средства Бетховенскаго оркестра.—Противъ Гайдновскихъ партитуръ—Бетховенскія не представляютъ на видъ никакого рѣзкаго различія, тогда какъ напримѣръ Мендельсоновскія съ перваго раза отличаются этой трескотней мѣди, вѣчными тромтетами, тромбонами—такъ же какъ віолончелями и кларнетами въ срединѣ увертюры или симфоніи на какихъ-нибудь кислѣйшихъ нѣмецкихъ мелодіяхъ. (Разъ навсегда я назвалъ эти выходки Мендельсона—*віолончельной кислотой*, которая, при большомъ количествѣ, вещь нестерпимая).

Къ стыду своему, я долженъ признаться, что слишкомъ мало знаю Гайдновскихъ симфоній и вообще всего Гайдна, напримѣръ, его квартеты, въ которыхъ столько всего! на чемъ учиться. Это первѣйшій долгъ—для всякаго, кому нужно музыкальное ученье—и кому дорога сама музыка.

Университетскихъ концертовъ до ихъ цифръ было два,—оба въ высокой степени интересные для меня.—Въ-1мъ,—1-я симфонія Бетховена, которую считаютъ всегда Моцартовскаго стиля—тогда какъ вліяніе одного Гайдна тутъ видно на каждомъ шагу—trio-scherzo—сколокъ изъ тріо же въ одномъ Гайдновскомъ менуэтѣ и увертюра Керубини „Les deux aveugles“. Съ этой увертюрой я нынче совсѣмъ помирился и люблю ее чрезвычайно. Оркестръ—особенно во вступленіи—безподобный. Сыграны были обѣ вещи—очень хорошо. Соло Concertstück Вебера чрезвычайно плохо, исполненный какою-то M-lle Беда! ужъ точно бѣда. Второй концертъ состоялъ изъ Гайдновской симфоніи—D-dur.

Вся симфонія такая прелесть, что я нисколько не призадумаюсь поставить ее наравнѣ съ Бетховенской. Идеями даже богаче—Гайдновская.—Еслибъ ты зналъ, что онъ сдѣлалъ изъ менуэта, изъ этой трели всего оркестра въ концѣ мотива—у него она приходится во

2-ой части менуэта, послѣ двухтактной общей паузы—это такъ комично, такъ много тутъ юмору (а фаготы трель дѣлаютъ), что никто изъ слушателей не могъ удержаться отъ самаго добродушнаго смѣха—какъ будто отъ какой-нибудь продѣлки Rouget [1]) или Мартынова. Вотъ комизмъ въ музыкѣ!—А какія чудеса во всѣхъ частяхъ этой симфоніи,—ты конечно не пожелаешь, чтобъ я ихъ тебѣ разсказывалъ. Ахъ Гайднъ, Гайднъ—что это была за голова!—Слышавши эту симфонію въ очень порядочномъ исполненіи (она вѣдь не трудна нисколько ни для концепціи исполненія, ни въ техникѣ), я не могу начитаться ея партитуры. Эти звуки до сихъ поръ—живутъ во мнѣ съ воскресенья.—Послѣ скучнѣйшаго соло на віолончелѣ Шуберта (элегія, мазурка и фантазія на „Гугеноты“!!) насъ угостили увертюрой Мендельсона „Meeresstille“—я нарочно слушалъ съ глубокимъ вниманіемъ, безъ предубѣжденій, желая сравнить оркестръ Мендельсона съ Гайдномъ,—тѣмъ болѣе, что одинъ и тотъ же D—Adagio мнѣ показалось превосходно: густые, какіе-то странные звуки оркестра были для меня чѣмъ-то новымъ—это въ самомъ дѣлѣ лучшее, быть можетъ, въ увертюрѣ Мендельсона, но зато Allegro—шумъ, трескотня, и я долженъ былъ придти къ тому убѣжденію, которое уже высказалъ тебѣ, при томъ это вѣчное жидовство, вѣчная „синагога“ въ мелодіи!

Недавно у Глинки, гдѣ я бываю почти всегда разъ въ недѣлю, собрался музыкальный народъ, потому что Энгельгардту хотѣлось угостить Глинку его, „Хотой“, которую Энгельгардтъ арранжировалъ на 2 ф. п., каждое въ 4 руки, была родственница Энгельгардта Рындина, былъ дирижеръ русской оперы и мой нынѣшній пріятель, К. Лядовъ, былъ альтистъ и вообще хорошій музыкантъ, нѣмецъ Мейеръ, и мы съ Дмитріемъ (котораго Энгельгардтъ давно уже звалъ къ Глинкѣ); онъ тебѣ, конечно, самъ напишетъ, какъ и что ему показалось у М. И. и какъ М. И. вспоминалъ о тебѣ. Мнѣ вообще было замѣтно твое отсутствіе. Играли кромѣ „Хоты“ (которая въ первый разъ не совсѣмъ удачно вышла, хотя мы по утру въ тотъ же день сыгрывались для этой дамы у Мельцеля), „Коріолана“ и двѣ отличныя увертюры Керубини, „Франиску“ и „Лодоиску“. Лядовъ принесъ съ собою „Мелюзину“ (все въ 8 рукъ), сыграли и ее ко всеобщему неудовольствію, всѣмъ показалась эта увертюра тѣмъ, что она есть въ самомъ дѣлѣ,—кислою и донельзя растянутою. Глинка Мендельсонову музыку называетъ: „uncalmant conre la musique“. Керубини я тоже еще очень мало знаю—между тѣмъ обѣ, новыя для меня, его увертюры поразили меня своею прелестью (а о совершен-

[1]) Актеръ на сценѣ Михайловскаго театра. Мартыновъ—знаменитый актеръ Александринскаго театра.

ствѣ фактуры и говорить нечего—на то былъ Керубини!) На-днях возьму „Фаниску“ всю у Ферреро, а не то другую Керубиніевскую оперу. Теперь у меня гоститъ „Іосифъ“, и очень кстати, потому что въ слѣдующее воскресенье я услышу его увертюру въ университетѣ. Каковъ концертъ: „Іосифъ“ и 4-ая симфонія Бетховена! На другія воскресенья назначены, въ числѣ другихъ, „пасторальная“, 5-я, 8-я и „героическая“. Это, я думаю, недурно!.. Жаль, что не сыграютъ ни одной увертюры или симфоніи Моцарта, и ни одной еще изъ столькихъ симфоній Гайдна! А будетъ что послушать.

Не забудь, что пѣвчіе у Ломакина разучили почти всю 2-ю мессу, только онъ говоритъ, что трудно до невѣроятности, главное утомительно страшно для исполнителей. Отъ многихъ частей надо совсѣмъ отказаться, по словамъ Ломакина, такъ трудно для пѣвчихъ. Такъ какъ зашла рѣчь о Ломакинѣ, то надо же мнѣ отчетъ отдать тебѣ въ твоихъ порученіяхъ. Ломакину я снесъ его „Clari“ [1]) очень давно лѣтомъ. Одоевскому отнесъ Листову „Пасторальную симфонію“ [2]) въ нынѣшнее воскресенье, послѣ университета. „Pasio musik“ Баха у него на этотъ разъ не оказалось, вѣрно затерялась гдѣ-нибудь, или кому-нибудь онъ отдалъ. Во всякомъ случаѣ обѣщалъ мнѣ возвратить, а я же долженъ буду идти къ нему, потому что онъ желаетъ непремѣнно прочитать либретто моей оперы. У Одоевскаго я познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ—замѣчательнымъ басомъ, Васильевымъ [3]): голосъ знатный, отъ верхняго mi, до самаго низкаго mi, но пѣть еще только начинаетъ. Этотъ Васильевъ очень за меня ухватился, а я за него; и въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ быть полезны другъ другу. Онъ будетъ у меня завтра (какъ при тебѣ, у насъ въ среду всегда есть кто-нибудь, и оттого я дѣлаю такъ: прихожу къ твоимъ въ воскресенье и остаюсь до среды, а другую половину дома).

Сообщилъ **В. В. Стасовъ**.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Старый итальянскій композиторъ дуэтовъ. *В. С.*

[2]) Листовское переложеніе „Пасторальной симфоніи“ въ 2 руки. *В. С.*

[3]) Впослѣдствіе басъ русской оперы въ Петербургѣ.

Изъ неизданныхъ стихотвореній Н. Ѳ. Щербины [1].

Мы погребли съ тобою невозвратно
Полупогасшія надежды юныхъ лѣтъ;
Что впереди—намъ ясно и понятно,
А на прошедшее въ умѣ отвѣта нѣтъ...

Не оттого ль, что это глупо было,
Что раньше разума въ насъ сердце развилось,
Что въ насъ не мысль всѣ страсти пробудила,
И въ мысль единую въ насъ чувство не слилось?

И будемъ мы—какъ странникъ утомленный,
Идущій по пути на кладбищѣ чужомъ,
Бредетъ въ свои заботы погруженный
И думаетъ тогда объ отдыхѣ ночномъ.

7 мая (1846 г.).

Изъ 3-ей тетради бумагъ Щербины: „Уѣздныя вдохновенія, Новоселовка, 1846“, стр. 17.

* * *

Случайно мы сошлись, случайно полюбили
И вѣрили мы въ то съ сердечной простотой,
Чему теперь нѣтъ вѣры никакой...
О, какъ тогда смѣшны мы были!
Мы презирали все, что не было любовь,
Страдали шутовски, надѣялись нелѣпо,
И сколько видѣли невѣроятныхъ сновъ,
И какъ имъ вѣрили мы слѣпо!...
И что же намъ отъ прошлаго осталось!
О немъ смѣшно и стыдно вспоминать.
Не любимъ мы,—любовь давно умчалась,
Намъ даже не дано другъ друга уважать.

6 марта (1846 г.).

Изъ той же 3-ей тетради, стр. 27. Имѣется также въ 4-ой тетради, стр. 5, подъ заглавіемъ: „Наша любовь. (Ямбъ)“.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ декабрь 1906 г.

ДУША И ПРИРОДА.

Новою жизнію вѣетъ
Съ ярко-зеленыхъ полей.
Съ нею душа молодѣетъ,
Кажется сердце юнѣй...
Будто природа, забыло
Прошлыя вьюги оно;
Вмѣстѣ съ природой зажило,
Съ нею живетъ заодно,
Будто его не палило
Зноемъ тлетворныхъ страстей,
Будто его не знобило
Бурной судьбою моей.
Придутъ и зной и морозы;
Буду подъ ними страдать,
Буду весеннія розы,
Пѣсни весны вспоминать;
Буду я въ осень гнилую
Видѣть весну съ-далека,
Въ пору тумановъ нѣмую
Жить ожиданьемъ, пока
Звуки любви и свободы
Снова мнѣ въ сердце вольются,
Тайныя струны природы
Въ струнахъ души отзовутся.

7 іюня (1846 г.).

Изъ той же 3-ей тетради, стр. 27—28. Эти стихи напоминаютъ начало II ч. стихотворенія Щербины „Предсмертное чувство“ („Полное собраніе сочиненій Н. Ѳ. Щербины“, Спб., 1873, стр. 116). Послѣдніе два стиха его вошли въ стихотвореніе „Природа“ (ibid., 93). См. ниже стихотвореніе подъ тѣмъ же названіемъ.

ВОПРОСЫ.

Что мнѣ ждать! Моимъ стремленьямъ
Посмѣялася судьба,
И смирна въ оковахъ тлѣнья
Прежде бурная борьба!..
Но зачѣмъ въ разгарѣ муки
Не желать бы мнѣ сотлѣть,
И при мысли о разлукѣ
Съ этимъ міромъ мнѣ блѣднѣть?
Но зачѣмъ успокоенье,
Равнодушье ко всему,
Упованье безъ сомнѣнья
Чуждо сердцу моему?
Но зачѣмъ такъ жизнь люблю я,
Жизнь безъ жизни и любви,
И зачѣмъ не подавлю я
Мысль въ душѣ и жаръ въ крови?...
Нѣтъ, средь смертнаго томленья
Мысль о гробѣ далека...
И кипитъ во мнѣ стремленье,
И томитъ меня тоска!...

9 іюля (1846 г.)

Изъ 3-ей тетради, стр. 29—30.—23 февраля 1869 г., за полтора мѣсяца до смерти, сообщая одной пріятельницѣ о своей болѣзни, Щербина писалъ ей: „О, люблю я эту землю, какъ любилъ ее нѣкогда древній грекъ, и какъ я болѣзненно ни усиливаюсь истребить у себя эту молодую косточку,—все никакъ не могу. Охъ, въѣлась она неразъятно въ мой организмъ... Вѣроятно, я къ веснѣ ужъ и умру“ (Заря“ 1870 г., № 5, стр. 75, 76).

* * *

Я наложилъ печать глубокаго молчанья
На сердце страстное, на громкія уста;
Мной жажда вѣчная горящаго желанья
Отчаяньемъ холоднымъ залита...
Но знай, что былъ бы я такъ мелоченъ душою,
Когда бъ тебя не могъ я полюбить,
И горько самъ смѣялся бъ надъ собою,
Когда бъ дерзнулъ любви твоей просить.

17 іюля (1846 г.)

Изъ 3-ей тетради, стр. 34.

* * *

Я проклялъ сладкій часъ взаимнаго признанья,
Свою послѣднюю безгрѣшную любовь,
Надежды свѣтлыя и чистыя желанья, —
И ничего не пожелаю вновь!...

И нѣтъ исхода мнѣ среди противорѣчья
Потребамъ жизненнымъ и снамъ въ душѣ моей,
Среди гніенія, застоя и увѣчья
Общественныхъ стремленій и страстей!...

Безплодно истомленъ я мелкою борьбою,
И уклонился я отъ цѣли бытія...
Съ тѣхъ поръ таинственнымъ какимъ-то сатаною
Душа смущается моя.

И горько я позналъ, что мнѣ даны напрасно
Природой щедрою духовные дары:—
Но все кого-то ждалъ, желалъ чего-то страстно
И дождался желаемой поры.

И я оставилъ цѣль служенія народу,
Чтобъ въ тѣсный кругъ свои стремленья заключить,
Чтобъ выстрадать любовь, чтобъ выплакать свободу
И сердцемъ для другого сердца жить...
Но горе прежнее опять передо мною
И кажетъ новую, безплодную борьбу,
И избранной моей я лишь принесъ съ собою
Мою жестокую судьбу!..

Отпнское.
(Харьковской губ., Сумскаго уѣзда).
1845 года, 11 августа.

Изъ 4-й тетради „Эфемериды", стр. 1.

— Н. Е. О..... —

Я поздно полюбилъ, глубоко полюбилъ,
Безъ вѣры въ будущность, безъ искры упованья,
И въ дѣвственной душѣ невольно возродилъ
Напрасныя надежды и желанья!
Съ сокрытою змѣей на радужныхъ цвѣтахъ
Я усыпилъ тебя въ чаду самозабвенья;
Ты грезишь обо мнѣ, и на твоихъ устахъ
Дрожатъ слова любви и упоенья.
Въ тревожномъ снѣ моемъ страдая и любя,
Я грежу о тебѣ и въ тернахъ засыпаю:
Я каюсь и хочу я позабыть тебя,
Но все люблю, межъ тѣмъ какъ горько знаю,
Что не достигнуть мнѣ блаженства своего,
Что съ тяжкой жизнью мнѣ бороться не по силѣ,
И что равно борьбой я-бъ не взялъ ничего,—
И жизнь моя завидуетъ могилѣ!..

1845 года, 18 іюня.
Харьковъ.

Изъ 4-й тетради, стр. 13.—Щербина говорилъ впослѣдствіи о своей былой любви: „Еслибъ вы знали, какое это для меня мучительное воспоминаніе! Лучше о немъ не говорить". („Заря" 1870 г., № 5, стр. 78).

СОВРЕМЕННАЯ ЮНОСТЬ.

(Н. Д. Старову).

Пришла пора, и жизнь меня стѣснила,
Какъ змѣй въ своихъ объятьяхъ ледяныхъ,
Когда позналъ, что цѣль ея—могила,
И цѣлей мнѣ не видится другихъ!..

Какъ горько жить, когда все пережито,
Какъ горько быть на утрѣ старикомъ!..
Грядущее безрадостно открыто,
А вспоминать не стоитъ о быломъ.

Не то, что-бъ жилъ,—но много пережилъ я;
Я то хотѣлъ, то не хотѣлъ бы жить;
То многаго-бъ у жизни попросилъ я,
То ничего я не могу просить...

И вотъ живу, мучительно тоскуя,
Что жизни путь я потерялъ давно,
Что жить какъ всѣ нисколько не могу я,
Что сердцемъ жить отстало и смѣшно!

Тимохино.

Записано на отдѣльномъ листкѣ; относится, судя по почерку, къ концу 40-хъ годовъ и помѣчено „13 августа".

ДУША И ПРИРОДА.

Израненный жизнью жестоко,
Разбитый безумной судьбой,
Бѣгу отъ людей одинокій,
Съ озлобленной, мрачной душой...

И всякую мысль и познанье,
Зовущую вѣчно любовь,
Какъ горе мое и страданье,
Я вырвать изъ сердца готовъ.

Вотъ вижу себя на просторѣ;
Иду и не знаю куда...
Вдали показалося море,
Надъ моремъ Киприды звѣзда.

По взгорью чернѣй зеленѣли
Оливъ, померанцевъ лѣса,
И краски заката темнѣли,
И съ моремъ слились небеса.

Межъ безднами звѣздъ выходила
Волшебница ночи луна,
Серебряной рыбкой покрыла
Сапфирная зыби она,

И чары ея непонятно
Проникнули въ душу мою,
И стало въ ней все необъятно...
Я плачу... Я гимны пою...

Замолкнули въ сердцѣ страданья;
Я мыслью высоко лечу,
И снова хочу я познанья,
Любви и познанья хочу.

1851 г., марта 13.
Москва.

Записано на отдѣльномъ листкѣ.—См. выше стихотвореніе подъ тѣмъ же названіемъ.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Не въ шумной оргіи, не съ пѣнистымъ бокаломъ,
Такъ долго жданный гость, я встрѣчу твой приходъ:
Меня ты одного застанешь, новый годъ,
Въ слезахъ о будущемъ, въ раздумьѣ о бываломъ...

Я, долю горькую съ младенчества избравъ,
Встрѣчаю, гость, тебя съ печальною мольбою:
Изъ сердца многое ты унеси съ собою
И своего слѣда ты въ сердцѣ не оставь!

Москва.
1 января 1853 г.

Изъ 4-ой тетради, стр. 33.

МАРЬѢ ПЕТРОВНѢ КОРНИЛОВОЙ.

Палимый мыслью безотрадной,
Тревогъ и горя полнотой,
Приду я въ вашъ пріютъ прохладный
Почить израненной душой
Средь сельской жизни и свободы,
На лонѣ грезы и мечты,
Подъ сѣнью дѣтства и природы—
Въ святынѣ вашей чистоты...
Да обновлюся я душою,
И да очистится она
Предъ вашей дѣтской красотою,
Покоя вашего полна:
И новыхъ звуковъ, новыхъ пѣсенъ
Душа исполнится моя...
Мнѣ міръ людей и ложь и тѣсенъ:—
Въ природѣ правда бытія.

7 іюля 1854 г.
Москва.

Записано на отдѣльномъ листкѣ. М. П. Корниловой посвящены также стихотворенія: „Будущее“ и „Миньонѣ“. („Пусть апрѣль распускается дальше...“)—(„Полн. собр. сочин. Щ.“, Спб., 1873 г., стр. 167, 267—268; см. „Литерат. Вѣстн.“ 1904 г., кн. 4, стр. 59). См. „Отчетъ И. Публ. Библ., за 1898 г.“, Спб., 1902, стр. 72.

М. Л. ЗНАМЕНСКОЙ.

Городъ мелочной заботы,
Женъ восточныхъ пустота,
Безобщественность, расчеты
И безъ мысли красота
На меня съ тупой тоскою
Наводили вялый сонъ:—
Но Славянскою женою
Здѣсь мой жребій облегченъ...
Исполать вамъ, Марья Львовна,

И спасибо вамъ на томъ,
Что на югѣ жилъ я, словно
Какъ на сѣверѣ моемъ...
И сполàгоря мнѣ было
Здѣсь, подъ крылышкомъ у васъ,
Мнѣ и сердце говорило
О родной Москвѣ не разъ,
Укрѣпили вы собою
Вѣру въ геній русскихъ женъ,
Что всеструнной ихъ душою,
Ихъ Славянской красотою
Будетъ міръ нашъ обновленъ.

Таганрогъ.
1859 г., іюля 26.

Записано на отдѣльномъ листкѣ.—См. „Отчетъ И. П. Библіотеки за 1898 г.“, Спб., 1902 г., стр. 72.

ЭПИТАФІЯ И. И. ПАНАЕВУ.

Лежитъ здѣсь, вкушая обычный покой неизвѣстности,
Панашка, публичная дѣвка россійской словесности.

1860 г.

Изъ 8-ой тетради, листъ 168, стр. 1.—Панаева Щербина отъ всей души ненавидѣлъ и часто на него нападалъ; онъ называлъ его „городовымъ и малограмотнымъ борзописцемъ, одержимымъ бѣсами пустоты и дендизма“ („Сочин. Щ.“, 1873 г., стр. 288), „безпощаднымъ Ювеналомъ коленкоровыхъ манишекъ“, „журнальной букашкой“ (ibid., 295, 297), „кучей смраднаго навоза подъ голландскимъ полотномъ“ (ibid., 297) и самой низменной и жалкой фигурой во всей русской литературѣ (ibid., 425). Объ ихъ враждѣ см. въ „Зарѣ“ 1870 г., № 5, стр. 70.

КУРОЧКИНЪ.

Тупоумнымъ для забавы
Балаганно онъ острилъ
И на щукинскіе нравы
Беранже переложилъ.

23 мая 1863 г.

Изъ 8-ой тетради, листъ 140, стр. 1.—Рѣчь идетъ о талантливомъ сатирикѣ и переводчикѣ пѣсенъ Беранже Василіи Степановичѣ Курочкинѣ (1831—1875). Объ этой эпиграммѣ упоминается въ „Собр. соч. Щ.“, изд. 1873 г., стр. 439.

ВОПРОСЫ СПИРИТОВЪ.

„Возвѣсти намъ, духъ Ѳаддея,
„Откровенія свои:
„Кто продажнѣе Андрея
„И гнуснѣе Иліи“?
И Ѳаддей, незримо вѣя,
Начерталъ слова сіи:
„Нѣтъ продажнѣе Андрея,
„Нѣтъ гнуснѣе Иліи“.

7 октября 1865 г.

Изъ 8-ой тетради, листъ 156, стр. 2 и л. 157, стр. 2—158.—Интересно примѣчаніе Щербины къ этой эпиграммѣ:„ На одномъ изъ спиритическихъ сеансовъ у генерала Болтина медіумы, вызывая разныхъ духовъ, вызвали, между прочимъ, и духъ Ѳаддея Булгарина, какъ духъ компетентный въ мірѣ журналистовъ, чтобы предложить ему нѣсколько вопросовъ объ Андреѣ Краевскомъ и Ильѣ Арсеньевѣ“. Эпиграммы Щербины на И. Арсеньева см. въ „Собр. сочин. Щ.“, изд. 1873 г., стр. 403, 405. До насъ дошли (еще не напечатанныя) весьма дружескія письма Щербины къ А. А. Краевскому. Объ этой эпиграммѣ упоминается въ „Собр. соч. Щ.“, изд. 1873 г., стр. 439.

ПОДДѢЛЬНАЯ РОЗА.

Зачѣмъ ты розу мнѣ дарила,
Возьми назадъ ее:
Она сомнѣньемъ возмутила
Все счастіе мое.

Моя любовь такъ суевѣрна
И такъ мнѣ на̀ горе вѣрна...
Скажи, тобой нелицемѣрно
На память роза мнѣ дана?
Когда свой локонъ развивала,
Чтобъ вынуть розу изъ него,
Измѣны ты не замышляла
Противу сердца моего?..
Слеза съ блаженствомъ нераздѣльна:—
Ужели я несчастливъ вновь!..
Боюсь, мой другъ, когда поддѣльна,
Какъ твой цвѣтокъ, твоя любовь.

Зачѣмъ ты розу мнѣ дарила,
Возьми назадъ ее:
Она сомнѣньемъ возмутила
Все счастіе мое!...

Изъ II тетради „Первоначальныхъ опытовъ“ Щербины, съ помѣткою поэта: „не напечатано“; на тетради помѣтка: „Таганрогъ“. Въ рукописи № 5, стр. 22, это же стихотвореніе датировано: 12 апрѣля 1843 г.

---

* * *

Ты много мнѣ словъ говорила,
Въ нихъ чувство глубокое было,
Во мнѣ волновалася кровь,
Я принялъ его за любовь.

Но послѣ ты что-то сказала;
Взглянула и вдругъ замолчала

Съ какой-то улыбкою злой:—
Я грустно поникъ головой...

Зачѣмъ же такъ много любилъ я!
Зачѣмъ по тебѣ такъ грустилъ я!..
Ужели,—чтобъ нѣсколько словъ
Мою отравили любовь?..

Изъ тетради № 2, стр. 27.

---

13 іюля.

Е. П. МАКРОПУЛО.

Стояла у воротъ телѣжка почтовая,
А въ комнатѣ прощался я съ тобой:
Ты, на горе меня благословляя,
Былъ какъ-то холоденъ со мной.
Не видѣлъ я слезы, сопутницы разлуки,
Въ твоихъ потупленныхъ очахъ,
Когда душа моя, отъ чувства и отъ муки,
Безумствуя, дрожала на устахъ.
Я видѣлъ мракъ холодности угрюмой,
Сковавшій, какъ всегда, мнѣ милыя черты,
Чѣмъ облеклись скрываемыя думы,
Чѣмъ весь высказывался ты.
Прошли мои года чрезъ тернія и розы:
Я многое забылъ и много пережилъ,
Другихъ друзей забылъ я скоро слезы,
Но мрачную твою холодность не забылъ.

Изъ 3-ей тетради, стр. 32. Это же стихотвореніе въ 4-ой тетради, стр. 18, датировано: 13 іюля 1846 года.

В. А. Ф.

Не склонюсь униженно главою
Ни предъ сильными этого міра,
Ни предъ мечущей злато рукою,
Ни предъ ликомъ блестящимъ кумира.
Но я, полный святого сознанья,
Но я, гордый душой благородной,
Погруженный въ нѣмое страданье
И отъ низкой корысти свободный,
Я склонюся во прахъ головою
Предъ названьемъ однимъ человѣка
И почту умиленной душою,
По примѣру великаго грека,
Въ человѣкѣ его достоянье
И какъ грекъ я воздвигну кумиры,
Сотворю передъ нимъ возліянья
Въ своемъ сердцѣ и въ голосѣ лиры.

19 декабря.

Изъ той же тетради, стр. 36; съ этой же датой въ рукописи № 17—„В. А. Ф.....му“.

ЛЮБОВЬ.

(Ямбъ).

Въ нашъ вѣкъ любовь—пустое слово...
Извѣдалъ эту я любовь!—
Ты разлюбить всегда готова,
Я полюбить всегда готовъ.

Не говори о вѣчномъ чувствѣ,
Что такъ несбыточно, смѣшно...
Оно чаруетъ насъ въ искусствѣ,
Но въ жизни не въ ходу оно...

Какъ все мужаетъ подъ луною,
Какъ мудро все идетъ впередъ...
Ужель надъ мыслію одною
Одна душа твоя заснетъ!

Въ движеньи зрѣя, мы мѣняемъ
И мысль, и чувство, и себя,
И, мигъ спустя, не довѣряемъ,
Чему довѣрились любя.

Ты въ небеса теперь несешься
Своею пламенной мечтой,
А послѣ горько посмѣешься
И надъ собой, и надо мной...

Таганрогъ, 1843 г.

Изъ 4-й тетради, стр. 14—15.—Эта пьеса также въ рукописи 17-ой, листъ *е*.

ВЪ АЛЬБОМЪ Е. А. КОВАЛЕВСКОЙ.

Свиданье наше мелькомъ было,
Но въ этотъ мигъ душа моя
Такъ много свѣтлаго открыла
Въ холодномъ мракѣ бытія.
Какъ странникъ въ жизненной пустынѣ,
Я въ васъ оазисъ свой нашелъ,
Гдѣ есть пріютъ души святынѣ,
Гдѣ грѣетъ сердца ореолъ,
Гдѣ такъ роскошно зеленѣетъ
Святая пальма красоты
И странника покой лелѣетъ
Блаженствомъ нѣги и мечты,
Гдѣ, освѣжая, протекаетъ
Ручей гармоніи живой,
И гдѣ жена намъ возвращаетъ
Эдемъ, потерянный женой.

Харьковъ.
1849 г.

Изъ той же тетради, стр. 31—32.

ПУТЬ.

Ѣду... Быстрою стрѣлою
Тройка борзая летитъ;
Надо мною и за мною
Пыли облако стоитъ.
Мой ямщикъ не бережется
Ни овраговъ, ни камней
И безъ роздыха несется,
Не жалѣя лошадей.
Но куда, зачѣмъ спѣшу я?
Кто и что меня тамъ ждетъ!..
Или счастье тамъ найду я,
Иль тамъ горе не найдетъ!..
Ждутъ ли страстныя объятья
Дѣвы избранной моей,
Или дружбы рукожатья,
Иль сочувствіе людей!
Обрѣту ли въ томъ цѣленье
Застарѣлыхъ сердца ранъ,
Иль покой, иль утѣшенье,
Иль хоть сладостный обманъ!

Отинское.
27 августа 1845 г.

Изъ рукописи № 17, листъ *б*.

---

* * *

Когда она весеннею порою
Начнетъ шутить, рѣзвиться и болтать,
Но мило такъ и съ прелестью такою,
Что я боюсь прервать иль отвѣчать,
Чтобъ одного словечка не прослушать,
А все-бъ хотѣлъ я слушать, слушать, слушать,

Какъ рѣчь ея глаза у ней зажжетъ;
И пухъ ланитъ зардѣется сильнѣе,
И перлъ зубовъ средь пурпура блеснетъ,
О, я тогда смотрю уже смѣлѣе!—
И не хочу, какъ прежде, ей внимать,
Къ ней близятся уста мои невольно,
И слушать (мнѣ) ужъ будто недовольно.
Я бы хотѣлъ лобзать, лобзать, лобзать.

1846 г.
15 декабря.

Изъ 17-й рукописи, листъ *г*; эта же пьеса на листѣ *н*. Стихи—переводъ изъ А. Мицкевича, „До Д. Д.“. („Moja pieszczotca“)...

ИЗЪ КАТУЛЛА.

Nulli se dicit mulier mea nubere malle...

Меня часто жена увѣряетъ,
Что я лучше ей всѣхъ и милѣй,
Что напрасно самъ Зевсъ потеряетъ
Обольщенья любви передъ ней...
Это такъ!.. Но что намъ напѣваетъ
Нѣжный голосъ любимой жены,—
Пусть на вѣтрѣ супругъ отмѣчаетъ
Иль на зыби игривой волны.

Изъ 17-й рукописи, листъ *д*. Помѣтка Щербины: „не напечатано“.

СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНѢ.

Повѣрь, что мы чужды душою,
Что нѣтъ между нами любви:
То чувство играетъ тобою,
То молодость пышетъ въ крови.

Ты скоро со всѣмъ примиришься,
Въ своемъ примиреньи заснешь,
Надъ мыслью одной застоишься
И дальше душой не пойдешь...
И будешь ты жить по преданьямъ
И вѣрить преданьямъ однимъ,
И нашего вѣка страданья
Въ разладѣ съ страданьемъ твоимъ.
Ты правъ своихъ дѣтски не знаешь,
Цѣпей ты не можешь не несть,
О лучшей судьбѣ не гадаешь,
На то ты не ропщешь, что есть...
Повѣрь, между мной и тобою
Не можетъ гармоніи быть:
Любить я способенъ душою,
Ты сердцемъ способна любить.

1848 г.
Харьковъ.

Изъ 17-й рукописи, листъ *e*1.—Мысли этой пьесы гораздо лучше изложены въ извѣстномъ стихотвореніи „Женщинѣ".

ПРЕВРАЩЕНІЕ.

Въ Россіи странный вѣкъ насталъ:
Смягчилось Третье Отдѣленье,—
И вновь сталъ Майковъ либералъ
Съ монаршаго соизволенья.

Изъ 6-ой тетради.—Эта эпиграмма упоминается въ „Сочин. Щ.", 1873 г., стр. 439.

(На А. Н. М.).

Онъ Булгаринъ въ „Арлекинѣ“,
А въ „Коляскѣ“ Дупельтъ онъ:—
Такъ исподличался нынѣ
Петербургскій Аполлонъ.

Изъ 6-ой тетради.—Эта эпиграмма упоминается въ „Сочин. Щ.“, 1873 г., стр. 437; тамъ же, стр. 305, см. другія эпиграммы Щербины на него же.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ УЗНИКЪ ПЕТЕРБУРГА.

Забывъ гербы своей породы,
Онъ истый мученикъ свободы...
„Za zémstchina et les moujicks!“
Таковъ его къ возстанью кликъ...
И вотъ ужъ въ русскомъ казематѣ
Томясь на щахъ, на саламатѣ,
И фрикендо, и фрикасе
Лишенъ marguis de Traversé.

Москва, 25 октября 1862 г.

Изъ 8-ой тетради, л. 118—119.—Эта эпиграмма упоминается въ „Сочин. Щ.“, 1873 г., стр. 439. О маркизѣ Н. А. де Траверсе см. „Былое“ 1906 г., сентябрь, стр. 197—198. См. нашу статью „Н. Ѳ. Щербина“ въ „Историч. Вѣстн.“ 1906 г., октябрь, стр. 229.

АЛЕКСѢЕВСКІЙ РАВЕЛИНЪ.

Мѣсто, гдѣ страдалъ Рылѣевъ,
Обезсмыслено ль оно,
Оттого что дуралеевъ
Много тамъ заключено?

Иль хотѣли вы шутами
Опозорить равелинъ,
Гдѣ, окованный цѣпями,
Гаснулъ русскій гражданинъ!

7 декабря 1862 г. Спб.

Изъ 8-ой тетради, л. 119—120.—Эта эпиграмма упоминается въ „Сочин. Щ.“, 1873 г., стр. 439.

СМЕРТЬ С. С. ДУДЫШКИНА.

(На мотивы изъ Шиллера).

Въ сердце свѣжая намъ рана!
Умеръ лучшій изъ людей:
Нѣтъ достойнаго Степана,
Живъ подкупленный Андрей!

Спб. 17 сентября 1866 г.

Изъ 8-ой тетради, листъ 161, стр. 2.—Объ этой эпиграммѣ упоминается въ „Собр. соч. Щ.“, изд. 1873 г., стр. 439. См. выше еще одну эпиграмму на А. А. Краевскаго.

КАТКОВЪ и АКСАКОВЪ.

Кэткофъ лордъ да смердъ Иванецъ
Прямо дѣломъ повели,
Чтобъ не портилъ иностранецъ
Или русскій самозванецъ
Жизни русскія земли.

16 января 1867 г.

Изъ 8-ой тетради, листъ 162, стр. 2.—И. С. Аксакова, надъ которымъ Щербина иногда потрунивалъ („Собр. сочин. Щ.“, изд. 1873 г., стр. 329, 398, 399, 408), онъ называлъ „отрадной, утѣшительной личностью“, стоящей въ зенитѣ современной ему русской литературы (ibid., 425). Первый стихъ этой эпиграммы напечатанъ въ „Собр. соч. Щ.“, изд. 1873 г., стр. 439.

Сообщилъ Н. Лернеръ.

Къ исторіи масонства въ Россіи.

Предлагаемые вниманію интересующихся исторіей масонства два рапорта полковника Дибича [1]) были написаны имъ въ Мейссенѣ въ 1816 году. Считая своею обязанностью, какъ „вѣрный слуга“ государства, поддержку существующаго государственнаго строя, онъ доноситъ (въ первомъ рапортѣ) фельдмаршалу Барклаю-де-Толли о сдѣланныхъ случайно открытіяхъ, могущихъ имѣть необычайно крупныя и важныя послѣдствія. Какъ видно изъ рапорта, всѣ эти „открытія“ сводятся къ его личнымъ наблюденіямъ за тайными обществами. Здѣсь онъ является довольно освѣдомленнымъ о ихъ всемірномъ вліяніи особенно на военную среду и указываетъ, что ихъ

[1]) Братъ графа Ивана Ивановича Дибича, генералъ-фельдмаршала, героя Турецкой войны (1828—29), который, будучи главнокомандующимъ при усмиреніи польскаго мятежа въ 1830 году, умеръ отъ холеры. Полковникъ Дибичъ въ 1814 году состоялъ штабъ-офицеромъ для особыхъ порученій при генералъ-фельдмаршалѣ, а затѣмъ жилъ за границей—въ Мейссенѣ.

Dem Durchlauchtigsten Fürsten Barclay de Tolly General Feldmarschal der Russischen Heere Ritter Groskreuz aller Russischen und vieler ausländischen Orden.

Geheimer Rapport.

Eurer Durchlaucht glaube ich nicht zufällig gemachte Entdeckungen verheimlichen zu dürfen, die, wie es mir scheint, von äusserst grossen und wichtigen Folgen seyn können.

Ehe ich mich jedoch ins Detail einlasse, erlauben Euer Durchlaucht mir einige Bemerkungen:

Schon mehrmalen habe ich es gesagt: dass obgleich ich es für Pflicht halte

идеи распространились даже среди офицеровъ свиты его свѣтлости. Второй рапортъ писанъ на имя начальника генеральнаго штаба русской Императорской арміи, барона И. И. фонъ-Дибича. Въ этомъ донесеніи онъ болѣе подробно высказываетъ свое отношеніе къ тайнымъ обществамъ, указываетъ на событія послѣдняго времени и въ концѣ,—въ видѣ отдѣльнаго приложенія,—прилагаетъ свое небольшое изслѣдованіе о тайныхъ обществахъ вообще и въ частности о масонахъ. Это довольно любопытный документъ. Охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ роль тайныхъ обществъ во всемірной исторіи, признавая за ними большое моральное значеніе, баронъ Дибичъ считаетъ ихъ опасными для „всякаго человѣческаго“ государства и находитъ компрометтирующія черты въ ихъ жизни. Особенно интереснымъ представляется здѣсь сочиненный имъ діалогъ между двумя масонами—„Просвѣщеннымъ старшимъ мастеромъ“ (А) и „просвѣщаемымъ младшимъ мастеромъ“ (В). Діалогъ ярко характеризуетъ существовавшія между масонами отношенія и съ достаточной полнотою вскрываетъ общій духъ ихъ ученія, стремленія и идеалы. Авторъ говоритъ въ заключеніе, что онъ собралъ въ одинъ діалогъ нѣсколько разговоровъ, произнесенныхъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, но всѣ они носили одинъ и тотъ же характеръ.

---

alles anzuzeigen, was ich glaube, dass es dem Monarchen, dem Staate, dem Dienste, nachtheilig werden kann: so wird es doch ewig meinen Grundsätzen entgegen laufen, irgend etwas auf dem Wege des Polizeibeamten zu erfahren, oder, Ankläger eines oder des anderen Individua zu seyn—ich halte dafür, dass ich meiner Ptlicht als treuer Diener und als redlicher Mann vollkommen nachkam—wenn ich von dem, was ich erfahren, Anzeige mache, ohne mich auf Specialia einzulassen, welche das Wie, Wo, durch Wen und von Wem auseinander setzen, denn mein Wille ist Nutzen zu stiften ohne zu schaden, und da ist es hinlänglich, wenn der Staat weiss, was vorfällt, er hat dann Mittel und Leute genug, zu erforschen, zu prüfen, vorzubeugen und zu thun was er will.

Ich gebe hier blos meine Erfahrungen, meine Ansicht, der Staat prüfe sie, als Wahrheit gebe ich sie nicht aus, ich kann irren—aber im Fall ich wirklich die Wahr-

Свѣтлѣйшему князю Барклаю-де-Толли, генералъ-фельдмаршалу русскихъ войскъ, кавалеру первыхъ степеней всѣхъ русскихъ и многихъ иностранныхъ орденовъ.

РАПОРТЪ.

Не осмѣлюсь скрыть отъ Вашей Свѣтлости случайно сдѣланныхъ мною открытій, могущихъ, какъ мнѣ кажется, имѣть необычайно крупныя и важныя послѣдствія.

Однако, прежде, чѣмъ приступить къ деталямъ, позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній:

Я говорилъ уже неоднократно, что хотя и считаю своею обязанностію доносить обо всемъ могущемъ, по моему мнѣнію, причинить ущербъ монарху, государству, службѣ, тѣмъ не менѣе принципы мои не позволяютъ мнѣ разузнавать о чемъ-либо черезъ полицейскихъ чиновъ, или дѣлаться обвинителемъ того или другого лица;

---

heit gefunden hätte, würde der Staat doch sehr übel dabei fahren, wenn er ohne Prüfung sie hätte verwerfen können.

Weit entfernt, über eine oder der anderen so genannten geheimen Verbindungen mich herauszulassen, dies kann niemand von mir fordern, weil ich zu keinem gehöre: finde ich den Einfluss mancher derselben, auf den Zeit-Geist ausserordentlich einwirkend— De Prads sein Werk über den Congress von Wien ist ein Beweis, wie sehr man seiner Sache gewiss sehn muss, um öffentlich das sagen zu können was er sagt.

Officiere in der Königlich Preussischen Garde sollen eben so öffentlich behauptet haben, dass keine Könige nötig wären, und der Zustand der Aufklärung der Welt, notwendig Republiken erheische.

In unserer Armee soll ein gleicher Geist unter den Officieren durch Anwerbung derselben zu geheimen Verbindungen, sowohl in Frankreich, Deutschland, Warschau,

я считаю себя вполнѣ исполнившимъ свой долгъ вѣрнаго слуги и честнаго человѣка, если сообщу о дошедшемъ до моего свѣдѣнія, не вдаваясь въ подробности о томъ какъ, гдѣ, при посредствѣ кого и кѣмъ что-либо было совершено, ибо я желаю принести пользу, не причиняя ущерба, а для этого достаточно, если государство будетъ освѣдомлено о происходящемъ, оно располагаетъ достаточными средствами и людьми, необходимыми для того, чтобы разслѣдовать, провѣрить, предупредить или поступить, какъ ему будетъ угодно.

Я привожу здѣсь только результаты своего опыта, мои личные взгляды, предоставляя государству разобраться въ нихъ,—я не выдаю ихъ за истину, ибо могу ошибаться,—если же окажется, что я дѣйствительно напалъ на истину, то государство поступило бы дурно, отвергнувъ ихъ, не провѣривъ.

Я далекъ отъ мысли высказывать свое мнѣніе о такъ называемыхъ тайныхъ братствахъ; этого отъ меня никто не можетъ требовать, такъ какъ я ни къ одному изъ нихъ не принадлежу; нахожу вліяніе нѣкоторыхъ изъ нихъ на духъ времени необыкновенно сильнымъ—трудъ Де-Прадта о Вѣнскомъ конгрессѣ является доказательствомъ того, насколько необходимо быть увѣреннымъ въ своемъ дѣлѣ, чтобы имѣть возможность высказывать открыто то, что онъ говоритъ.

Офицеры королевской Прусской гвардіи будто-бы также открыто утверждали, что государи не нужны и что состояніе міровой культуры настоятельно требуетъ учрежденія республикъ.

Petersburg etc., verbreitet seyn: und die nehmlichen Ausdrücke will man sogar von Officieren im Gefolge Eurer Durchlaucht gehört haben.

Fessler, welcher als Jesuit Jacobine sehr bekannt ist hält sich seit jahren in Russland auf: seine F. M. Schriften, seine Verhältnisse mit Zerboni, Contessa und Leipziger, welche jetzt wieder in Thätigkeit durch den sogenannten Tugendbund gekommen sind, bezeichnen diesen Mann hinlänglich, wie er denkt und was er zu unternehmen im Stande ist.

Und nun werfen Euer Durchlaucht einen Blick auf die Ritualia aller Stufen und deren Instructionen—bemerken Sie wohl, dass die Ausdrüke alle simbolisch sind, und dass der wahre Sinn dieser Symbola blos denen bekannt ist, welche die Arbeiten dirigieren.—Wie lang und breit ist die Loge?—vom Morgen zum Abend von Mittag zur Mitternacht—ob nicht die höheren Grade hierunter Ausbreitung auf der ganzen

Въ нашей арміи царитъ, будто-бы, такое направленіе, благодаря вербованію офицеровъ въ тайныя общества, подобныя существующимъ во Франціи, Германіи, Варшавѣ, Петербургѣ; подобныя же выраженія приходилось слышать даже отъ офицеровъ свиты Вашей Свѣтлости.

Фесслеръ [1]), очень извѣстный іезуитъ-якобинецъ, живетъ въ Россіи уже много лѣтъ; его донесенія на Высочайшее имя, его отношенія къ Зербони, Контессу и Лейпцигеру, возобновившимъ свою

---

[1]) Фесслеръ (Игнацъ-Аврелій) — нѣмецкій писатель и русскій общественный дѣятель (1756—1839); уроженецъ Венгріи; въ молодыхъ лѣтахъ вступилъ въ орденъ капуциновъ, затѣмъ былъ посвященъ въ священники и посредствомъ тайнаго обращенія къ императору Іосифу II добился того, что во всей австрійской монархіи были уничтожены монастырскія тюрьмы. Въ 1788 году былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности за сочиненную имъ антикатолическую трагедію „Сидней“, вслѣдствіе чего бѣжалъ въ Бреславль, перешелъ въ протестантство и женился. Переселившись потомъ въ Берлинъ (1796), вступилъ въ число масоновъ и написалъ исторію масонскаго ордена, ходившую по рукамъ въ рукописи, но не напечатанную, а также „собраніе писемъ о масонахъ“ (1804). Въ 1809 году получилъ каѳедру восточныхъ языковъ и философіи въ С.-Петербургской духовной Александро-Невской академіи, гдѣ показалъ себя атеистомъ и высланъ въ Вольскъ (Саратовской губерніи). Съ 1820 года занималъ должность евангелическаго суперъ-интенданта и начальника консисторіи въ Саратовѣ, а затѣмъ генералъ-суперъ-интенданта и церковнаго совѣтника евангелическо-лютеранской общины въ Петербургѣ. Фесслеру принадлежитъ много литературныхъ трудовъ, написанныхъ на нѣмецкомъ языкѣ, преимущественно по философскимъ и религіознымъ вопросамъ.

Erde und Propaganda verstehen?—Wenig Licht geben die Instructionen in den ersten Graden—aber wenn es im 5 Grade, Sch.: A.: M.: heisst.

Was kann unser grosser Füllstein weiter wirken? und nach der ersten Antwort, Hat er noch einen anderen und grösseren Nutzen?

Er befreiet den menschlichen Elementarkörper (Menschliche Staatsgesellschaft) von unreinen Trieben (Herrscher System) die menschliche Seele (Geist der Zeit) setzt er in die Vereinigung des Lichts (setzt er unter Einwirkung der Verbundeten) und den Geist (die Menschheit als Ganzes) macht er so rein, (gut, duldsam) dass er durch das Band der Geschöpfe (die moralische Menschenliebe) bis in seinen Ursprung (Patriarchalische Verfassung) zurük wirken kann.

Dann deucht mir ist der Zweck wohl nicht mehr blos moralisch anzunehmen sondern die Moral dient hier einer heimlichen Polytik zum Grunde oder vielmehr zum Mantel.

дѣятельность при посредствѣ такъ называемаго „тугендбунда“, достаточно характеризируютъ этого человѣка, его образъ мыслей и все, на что онъ способенъ.

Теперь, Ваша Свѣтлость, обратите вниманіе на обрядности всѣхъ степеней и на ихъ правила, и Вы усмотрите, что всѣ выраженія символичны и что истинный смыслъ этихъ символовъ извѣстенъ только тѣмъ, кто руководитъ работами. Какова длина и ширина ложи? Съ востока до запада и съ юга до сѣвера—не разумѣютъ ли высшія степени подъ этимъ распространеніе пропаганды по всему земному шару. Правила для первыхъ степеней довольно темны, въ 5-й же степени это называется Sch. A. M. [1]).

Каково дальнѣйшее вліяніе нашего крупнѣйшаго бутоваго камня (grosser Füllstein) [2]) и приноситъ ли онъ еще какую-либо другую большую пользу?

Онъ освобождаетъ элементарное тѣло человѣчества (государство) отъ нечистыхъ побужденій (система верховной власти), душу человѣчества (духъ времени) онъ просвѣщаетъ (отдаетъ подъ вліяніе

Смыслъ этого разсужденія непонятенъ. Очевидно, къ рапорту было какое-нибудь приложеніе, которое впослѣдствіи утратилось, или авторъ напоминаетъ о прежнихъ донесеніяхъ, что менѣе вѣроятно, такъ какъ рапортъ имѣетъ цѣлью донесеніе о случайно сдѣланныхъ открытіяхъ.

[2]) Очевидно, авторъ называетъ здѣсь Füllstein'ами масонскія общества, которыя именовались обществами каменщиковъ, стр. 5. Іосифъ Фуше, гер-

---

Da indessen die Staaten tausenderlei Mittel haben, alles besser zu kennen als ich, so würde ich, bei der Duldung und dem Schutze welchen sie geheimen Geselschaften leisten, bestimmt schweigen, wenn nicht eben die nehmlichen Symtome jetzt erschienen, welche der französischen Revolution vorangingen.—Eine Menge vorbereitender Schriften—eine Werbeseligkeit der geheimen Gesellschaften — ein offener Streit unter diesen damit einige, im Falle der Plan scheitert, doch beibehalten und als unschädlich, erscheinend im Verborgenen reifere Zeiten erwarten können.

Mir deucht es bliebe dem Staate noch ein Mittel übrig dem Übel vorzubeugen, ohne das Gute mit zu ersticken, allein ich bin zu wenig in jeder Hinsicht, mir selbst dies Mittel deutlich machen zu können.

In tiefster Unterthänigkeit verharre
Eurer Durchlaucht
Meissen den 8/20 Februar 1816.
ganz unterthänigster Diener
Oberst Baron Diebitsch.

союзниковъ), духъ же (человѣчество въ цѣломъ) дѣлаетъ столь чистымъ (благимъ, терпѣливымъ), что путемъ связи всего живущаго (духовнаго человѣколюбія) онъ получаетъ возможность обратнаго воздѣйствія на самый первоисточникъ свой (патріархальное устройство).

Тутъ уже, мнѣ кажется, нельзя болѣе разумѣть цѣль только какъ нѣчто нравственное, ибо нравственное служитъ въ этомъ случаѣ основаніемъ, или, вѣрнѣе, личиною для прикрытія какой-то тайной политики.

Но такъ какъ государства располагаютъ тысячами всякихъ средствъ и способовъ знать все гораздо лучше меня, то въ виду терпимости и покровительства, оказываемыхъ ими тайнымъ обществамъ, я бы

цогъ d'Otranto, извѣстный французскій политическій дѣятель (1763—1820). Въ 1792 году былъ выбранъ въ конвентъ, въ 1793—вотировалъ за казнь Людовика XVI, а съ возвышеніемъ Наполеона бросилъ свой радикализмъ, сдѣлался его сторонникомъ, получилъ постъ министра полиціи и строго преслѣдовалъ якобинцевъ. Предвидя паденіе Наполеона, въ 1809 году вступилъ въ тайные переговоры съ республиканцами и англійскимъ правительствомъ, за что въ 1810 году получилъ отставку. Въ 1813 году оказался горячимъ сторонникомъ Бурбоновъ, а по возвращеніи Наполеона съ Эльбы, привѣтствовалъ его какъ избавителя отечества. Послѣ Ватерлоо настаивалъ на отреченіи Наполеона и въ 1816 году былъ изгнанъ изъ Франціи, поселился въ Австріи, гдѣ натурализовался и провелъ до конца свою жизнь.

Seiner Excellenz dem Herrn Baron von Diebitsch General Lieutenant, Ritter Groskreutz verschiedener Hohen Orden Chef des General Staabes der Russisch Kaiserlichen Heere etc.

Geheimer Rapport.

Im Jahre 1814 ward ich durch den Tages befehl, beim General Feldmarschal als Staabs Officier zu besonderen Dienstverrichtungen angestellt: da ich für diesen Posten keine Instruction erhalten habe, so glaubte ich meiner Dienstpflicht nachzukommen, wenn ich

1-o jeden mir gegebenen Auftrag pünktlich und nach meinem besten Wissen ausführte—ich glaube dass ich dieses zu thun mir bestrebte kann niemand in Zweifel setzen—

навѣрное молчалъ, если бы не появились теперь тѣ же симптомы, которые предшествовали французской революціи: масса подготовляющихъ сочиненій, усердное вербованіе въ тайныя общества, явная борьба между ними за возможность, на случай крушенія плановъ, сохранить свое существованіе и въ качествѣ, повидимому, безобидныхъ выждать болѣе подходящія времена.

Мнѣ думается, что государство располагаетъ еще однимъ средствомъ предотвратить зло, не уничтожая вмѣстѣ съ нимъ и хорошее, однако, я слишкомъ ничтоженъ во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы даже самому себѣ опредѣлить это средство основательно.

Съ глубочайшей преданностью Вашей Свѣтлости всепокорнѣйшій слуга, полковникъ баронъ Дибичъ.

Мейссенъ.
8/20 февраля 1816.

2-o Glaubte ich durch diesen Posten verpflichtet zu sein, einen unaufgeforderten Gehülfen abzugeben, überall wo ich Dienstwidrigkeiten vorfand, dieselben wenn es anderweitige Dienstverhältnisse nicht hinderten, sogleich zu heben, und im Falle dies seyn sollte, daran mit derjenigen Schonung die man bei Ehrliebenden Männer voraussetzen muss, Anzeige zu machen,—Auch hierin fühle ich stets meiner Pflicht nachgelebt zu haben: und Eure Excellenz selbst gaben mir manchmal im Dienste dieser Art Ihren Beifall zu erkennen.

Es kommt nun aberzu diesen speciellen Dienstpflichten wo möglich eine höhere, eine heiligere hinzu! In dem Schwure, welchen ich dem Monarchen leistete stehet:

dass ich es für unnachlässliche Pflicht achten soll, alles dasjenige wodurch der Ehre Russlands und seinen Monarchen etc., deren Vortheil, Wohlstand etc.: ein Nutzen zu bewirken im Stande ist, nach allen Kräften unterstützen, allen

Его превосходительству господину барону фонъ-Дибичу, генералъ-лейтенанту, кавалеру первыхъ степеней разныхъ высокихъ орденовъ, начальнику генеральнаго штаба Россійскихъ Императорскихъ войскъ и проч.

РАПОРТЪ.

Въ 1814 году я былъ назначенъ штабъ-офицеромъ для особыхъ порученій при генералъ-фельдмаршалѣ; а такъ какъ я не получилъ для этой должности никакихъ инструкцій, то и полагалъ, что и поступлю согласно долгу службы,

1) исполняя всякое данное мнѣ порученіе точно я по лучшему своему разумѣнію—думаю, что никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что я стремился къ тому на дѣлѣ;

Nachteil aber ebenso abwenden, und wenn ich dazu nicht die gehörigen Kräfte habe, davon Anzeige zu machen habe.

Mag die Welt von mir glauben wass sie will, mögen die Folgen auch sein welche sie wollen: der Eid, ohne Hinsicht selbst auf Religion, ist mir schon deswegen höchst heilig, weil er meinen Nebenmenschen verbindet, in denselben unbedingtes Vertrauen zu setzen—ich kann ihn daher nicht zum Spiel der Menschenfurcht oder ängstlicher Speculation machen.

Die Natur gab mir in Euer Excellenz einen Bruder, das Geschick und der dankbare Staat gaben mir im Bruder einen Vorgesetzten, und in diesem Augenblicke fühle ich, dass ich froh bin diesen Rapport an meinen General Lieutenant einzuschicken da mein Bruder, wie ich gewiss versichert bin, weder die natürlichen Gefühle verläugnen, noch die Pflicht der Dankbarkeit und Liebe welche Er dem Staate schuldig ist, aus den

2) считая, что должность эта обязываетъ меня оказывать добровольное содѣйствіе во всѣхъ случаяхъ упущеній по службѣ, устранять ихъ, если позволятъ прочія условія службы, а въ случаяхъ, когда будетъ необходимо, доносить о томъ съ надлежащею, предполагающеюся у добросовѣстныхъ людей, осмотрительностью. И въ этомъ отношеніи я чувствую, что былъ всегда вѣренъ своему долгу, да и ваше превосходительство неоднократно сами выражали мнѣ свое одобреніе за службу такого рода.

Къ такимъ спеціальнымъ служебнымъ обязанностямъ относится, однако, еще одна, пожалуй, даже болѣе возвышенная и священная. Присяга, принесенная мною монарху, гласитъ, что я долженъ считать непремѣннымъ долгомъ своимъ поддерживать по мѣрѣ силъ все клонящееся къ пользѣ и чести Россіи, ея монарха, къ выгодѣ ихъ, благосостоянію и проч., равно какъ и предупреждать всякій ущербъ; въ случаѣ же неимѣнія достаточныхъ для того силъ, доносить о томъ, куда будетъ слѣдовать.

Что бы ни думали обо мнѣ люди, каковы бы ни были при этомъ послѣдствія, присяга, помимо даже религіи, является для меня въ высшей степени священною уже потому одному, что она обязываетъ моихъ ближнихъ относиться къ ней съ довѣріемъ, а потому я не могу играть ею страха ради человѣческаго и изъ-за мелочныхъ соображеній.

Природа даровала мнѣ въ вашемъ превосходительствѣ брата, судьба же и признательное государство дали мнѣ въ братѣ начальника, и въ настоящую минуту я радуюсь, что мнѣ приходится

Augen setzen, sondern beide Pflichten mit Vorsicht und Delicatesse doch treu, zugleich ausüben wird.

Und in dieser Hinsicht gehe ich heiter zu Werke: um so heiterer als der denkende Leser nun wohl die wahren Gründe einsehen wird, warum ich jede Gelegenheit benutzte um meine Untersuchungen fortzusetzen.

Schon in Frankreich gab mir Zufall und List, Kenntniss mancherlei, und wie ich glaube immer und derselben Verbindung, die im Geheimen eingehüllt, doch in ihren Wirkungen ziemlich am Tage liegt.

Die sehr beträchtliche Menge Russischer Officiere und Officianten, die man anwarb: die Beobachtung der Reden dieser neu Angeworbenen, welche das Herz voll hatten— die Beobachtung der ganzen Machinerien in Frankreich—die Tendenz des so genannten Tugend-Bundes — die ausgestreuten Gerüchte—die Gleichgültigkeit der Preussischen

отправлять это донесеніе моему генералъ-лейтенанту, ибо братъ мой, какъ я въ томъ непоколебимо увѣренъ, не отречется, конечно, отъ естественныхъ чувствъ и не пренебрежетъ долгомъ признательности и любви къ государству, но выполнитъ обѣ эти обязанности одиновременно и добросовѣстно, хотя и съ должными осмотрительностью и деликатностью.

И въ этомъ отношеніи я смѣло приступаю къ дѣлу, тѣмъ смѣлѣе, что мыслящій читатель уразумѣетъ, конечно, истинныя причины, побудившія меня пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для продолженія моихъ изслѣдованій.

Случай и хитрость доставили мнѣ, уже во Франціи, знакомство, какъ я полагаю, все съ однимъ и тѣмъ же сообществомъ, держимымъ въ тайнѣ, по дѣйствіямъ же своимъ являющимся довольно явнымъ.

Очень значительное число русскихъ офицеровъ и чиновниковъ, вступившихъ въ общество, наблюденіе за рѣчами этихъ неофитовъ, обрадовавшихся возможности высказаться, наблюденіе за всѣми махинаціями во Франціи—тенденція такъ называемаго тугендбунда—распространяемые слухи, равнодушіе прусскихъ офицеровъ къ своему государю, превосходно усвоенное нашими офицерами во Франціи—связи этихъ обществъ съ Франкфуртомъ, Берлиномъ, Дрезденомъ, Лейпцигомъ, Бамбергомъ, Мюнхеномъ, Варшавой и С.-Петербургомъ—вѣчно возобновляющееся стремленіе вербовать вездѣ нашихъ офицеровъ, а равно и содержаніе повременныхъ изданій, все это заставляло меня предугадывать нѣчто большее, чѣмъ просто нравственныя цѣли.

Officiere gegen ihren König—das, war vorzüglich von unseren Officieren in Frankreich angeworben wurde—die Verbindungen dieser Gesellschaften mit Frankfurth, Berlin, Dresden, Leipzig, Bamberg, München, Warschau und St.-Petersburg — das ewige erneuerte Bestreben überall unsere Officiere anzuwerben—und der Inhalt der Zeitschriften, dies alles lies mir ein Mehreres als blosse Moral Zwecke erwarten!

ZB. vorzüglich suchte man — die beym Staabe des Kaysers und der Commandierenden Generale angestellten Officiere in diese Gesellschaften zu ziehen.

Ein Officier, im Staabe des Feldmarschals (№ 2)behauptet, es wären keine Kayser, keine Könige, keine Fürsten mehr nöthig.

Fouchet suchte Orleans auf den Thron zu bringen um unter seiner Firma eine Republik zu errichten.

Старались, напримѣръ, особенно усердно привлекать въ эти сообщества офицеровъ, состоявшихъ при штабѣ императора, и генераловъ, командующихъ отдѣльными частями.

Одинъ изъ офицеровъ при штабѣ фельдмаршала (№ 2) утверждалъ, что не нужно больше ни императоровъ, ни королей, ни князей.

Фуше пытался возвести на престолъ герцога Орлеанскаго съ тѣмъ, чтобы подъ эгидой его учредить республику.

Во Франціи распространили слухъ о томъ, что нашъ императоръ стоитъ за якобинизмъ и что Лагарпъ ручается за это.

Тенденція такъ называемаго тугендбунда сводится къ тому, чтобы, какъ явствуетъ изъ исторіи его, основать силу націи на пренебреженіи къ Верховной власти [1]). Прусскіе офицеры заявляютъ вездѣ, что государь имъ больше не нуженъ, а такъ какъ, благодаря прежъ-

---

[1]) Тугендбундъ или союзъ доблести былъ основанъ въ Кенигсбергѣ въ началѣ 1808 года Леманомъ, Феллегентомъ, Бортомъ, Кругомъ и др. Цѣлью его было поднятіе народнаго духа, развитіе патріотизма и, при совершенности династіи, національное воспитаніе юношества и реорганизація войскъ. Сначала общество дѣйствовало открыто, но въ 1809 году было закрыто по требованію Наполеона и члены его стали преслѣдоваться, особенно послѣ Вѣнскаго конгресса при наступленіи всеобщей реакціи.

Man sprengte in Frankreich aus, dass unser Kayser für den Jacobinismus wäre, und dass la Harpe dies garantiere.

Die Tendenz des so genannten Tugendbundes ist, wie man aus dessen Geschichte deutlich sieht, die Kraft der Nation auf Nichtachtung der Souverainen Kraft zu erheben. Die Preussischen Officiere declariren überall, keines Königs mehr zu bedürfen, und da durch die früheren Maasregeln des Tugendbundes der hohe Adel in den niedrigen Dienststufen eintrat, während nicht Adel zu höheren Dienststellen angenommen ward, so ist in Preussen der Adel so gut als verdrängt, der König kann dessen Rechte nicht mehrsc hützeu und musste um dem Volke gefällig zu seyn Beym zum Staats-Kanzler machen damit auch einer, der nicht vom Adel entstammt diese Stelle bekleidet. Der Verfall in der Commoedie in Berlin—der Volksruf in Bayern an seinen König—Pradts Schreiberegen — die Nachrichtsverbreitung dass Napoleon nach Amerika entkommen sey—die häufigen Schriften voll Jacobinismus. Ich kann nicht

нимъ мѣропріятіямъ тугендбунда, высшее дворянство поступило на низшія служебныя должности, тогда какъ не дворяне принимались на высшія, то дворянство въ Пруссіи оказалось почти оттѣсненнымъ, король утратилъ возможность ограждать его права и былъ вынужденъ, въ угоду народу, назначить Бейма государственнымъ канцлеромъ для того, чтобы и этотъ постъ занимало лицо, непринадлежащее къ дворянству. Случай въ Берлинскомъ театрѣ, воззваніе баварскаго народа къ своему королю, поджигательныя сочиненія Прадта, распространеніе слуховъ о бѣгствѣ Наполеона въ Америку, многочисленныя сочиненія, полныя якобинскаго направленія—не постигаю, какимъ образомъ можетъ все это ускользать отъ вниманія политическихъ дѣятелей, и почему не принимается противъ этого какихъ-либо мѣръ, тѣмъ болѣе, въ виду планомѣрной дѣятельности Рима—обнаруженія доктринъ нашихъ іезуитовъ.

Въ Дрезденѣ также существуетъ пропаганда—№№ 3 и 4 состоятъ тамъ въ очень тѣсной связи—№ 3 собирался отправиться въ Италію, но измѣнилъ свой маршрутъ и, по всему вѣроятію, будетъ откомандированъ въ Россію. Оба они представлялись Фуше, не танцуютъ ни съ кѣмъ, кромѣ мадамъ Фуше, и бываютъ у него ежедневно; онъ же состоитъ въ сношеніяхъ со многими англичанами, цѣли которыхъ являются для публики полнѣйшей загадкой.

Что цѣль всего этого не исключительно, впрочемъ, нравственная, за какую ее выдаютъ, мнѣ извѣстно навѣрное, но доказать этого никто не можетъ, ибо отъ всякаго устнаго разъясненія, даннаго адептомъ высшихъ степеній, можно, вѣдь, и отречься...

Существуетъ, однако, еще одно средство, чтобы, по меньшей

---

begreifen, wie den Staatsmännern dies alles entgehen kann, wie man so gar keine Maasregeln dagegen trift, und dazu Roms planmässiges Handeln — die Entdeckungdes Eifern unserer Jesuiten.

Auch in Dresden ist eine Propaganda — № 3 u. 4 sind dort sehr eng verbunden—№ 3 wollte nach Italien reisen, hat aber seinen Reiseplan verändert und wird nach Russland höchst wahrscheinlich abgeschickt. Beyde haben sich bey Fouchet vorstellen lassen, tanzen mit keiner Dame als mit Madame Fouchet, sind dessen tägliche Gesellschaft und dieser hängt mit mehrere Engländer zusammen deren Zweck dem Publico auch völllg räthselhaft ist.

Dass übrigens das Ganze, nicht wie man vorgiebt blos moralische Zwecke hat, dies weiss ich jetzt ganz bestimmt—aber beweisen kann es niemand—denn die mündliche Erklärung der höheren Grade kann ja abgeläugnet werden!!!

мѣрѣ, выиграть время, но обойдется оно дорого и потребуетъ такого умѣнья хранить тайну и подбора людей, которые врядъ ли найдутся, да и пользоваться этимъ средствомъ надо очень осторожно, потому оно не разъ уже примѣнялось, давало хорошіе результаты, но за то извѣстно теперь во всѣхъ сообществахъ.

И если іезуиты достанутъ послѣднее, что имъ нужно, т.-е. деньги, то они не замедлятъ развить свою дѣятельность; а между тѣмъ они располагаютъ, къ сожалѣнію, тысячами способовъ добывать все, что имъ требуется. Уничтоженіе этого ордена одновременно во всѣхъ государствахъ, и даже самими папами, не помѣшало, однако, тому, что при первомъ же лучѣ надежды на возстановленіе ордена они повылѣзли изъ своихъ тайниковъ и появились снова массами—можетъ ли послѣ этого оказаться дѣйствительнымъ изгнаніе ихъ изъ отдѣльныхъ государствъ. Не зная, извѣстно ли въ Россіи сочиненіе Прадта, я прилагаю его, цѣна ему 3 рейхсталера 8 грошей [1]).

---

[1]) О какомъ сочиненіи говоритъ полковникъ Дибичъ—не извѣстно, такъ какъ, очевидно, за утратой, его въ приложеніи къ рапорту не имѣется.

Доминикъ Дюфуръ-де-Прадтъ, аббатъ,—французскій публицистъ и дипломатъ (1759—1837). Избранный въ генеральные штаты, явился сторонникомъ стараго режима, потомъ эмигрировалъ. Возвратясь при консульствѣ въ Парижъ, сдѣлался духовникомъ Наполеона. Въ 1812 году назначенъ посланникомъ въ Варшаву и сдѣлался противникомъ Имперіи; при Людовикѣ XVIII былъ оппозиціоннымъ депутатомъ.—Несмотря на неустойчивость политическихъ воззрѣній, его произведенія, благодаря остроумію и сатирическимъ выходкамъ, имѣли въ свое время большой успѣхъ.

Noch ist ein Mittel zu benutzen, um wenigstens Zeit zu gewinnen, allein es ist kostbar, verlangt eine Verschwiegenheit und eine Auswahl, die schwerlich getroffen werden, und muss mit vieler Behutsamkeit angewendet werden denn es war schon mehrere male angewendet, hat immer seinen Erfolg gehabt, ist aber auch jetzt in Allen Verbindungen bekannt.

Erhalten die Jesuiten das letzte was ihnen nöthig ist, so wirken sie gewiss balde, es ist Geld: und dies haben sie leider tausenderlei Wege sich zu verschaffen. Die Aufhebung dieses Ordens in allen Staaten zugleich, und selbst durch die Päpsten, hat doch nicht verhindern können, dass beym ersten Strahl der Hoffnung zur Wiederherstellung desselben, sie aus ihren Schlupfwinkeln hervorkrochen und in Menge wieder erschienen—wird ihre Verbannung daher aus einzelnen Staaten, wirksam sein?—Unbewusst ob Pradts Schrift in Russland bekannt ist, füge ich dieselbe hier bey: sie kostet 3 rstr. 8 gr.

Трудно себѣ и представить, до какой степени пострадалъ въ этой части Германіи авторитетъ русскихъ офицеровъ; основаніемъ къ тому послужили прежнія времена, а теперь прибавились еще и новѣйшія событія; это заставило меня просить коменданта гор. Дрездена подполковника фонъ-Мозеля сообщить коменданту гор. Мейссена, для доклада полковнику фонъ-Прендельнъ, или же извѣстить этого послѣдняго, непосредственно о томъ, какіе именно русскіе вообще, кромѣ больныхъ, пребываютъ въ Дрезденѣ съ тѣмъ, чтобы онъ могъ убрать всѣхъ тѣхъ, чье пребываніе тамъ безцѣльно. Нѣкій комиссаръ Скудинъ, 8-го класса, велъ себя очень непристойно и, какъ я полагаю, уже отосланъ полковникомъ Розеномъ обратно.

Отъ барона Крюденера я узналъ еще обо одной исторіи, гдѣ мужъ привлекаетъ свою жену къ суду за нарушеніе супружеской вѣрности, при чемъ оказывается скомпрометтированнымъ нашъ великій князь Константинъ Павловичъ, несмотря на то, что, судя по описанію этой дамы, это былъ навѣрное не великій князь.

Похищеніе Лавалетта [1]) англичанами, которые могли укрыться

---

[1]) Графъ Антуанъ-Мари Шаманъ Лавалеттъ (1769—1830), французскій политическій дѣятель; былъ женатъ на Эмиліи-Лунзѣ Богарне, племянницѣ им. Жозефины. Послѣ реставраціи, въ 1815 году, былъ преданъ суду, который обвинилъ его въ государственной измѣнѣ и приговорилъ къ смертной казни. Жена Лавалетта выхлопотала себѣ и дочери разрѣшеніе навѣстить мужа наканунѣ казни (23 декабря), обмѣнялась съ нимъ платьемъ и осталась въ тюрьмѣ, а ему удалось выйти на свободу. Послѣ двухнедѣльнаго укрывательства, англичане помогли ему переправиться черезъ границу въ Монсъ. Жена его долго оставалась въ тюрьмѣ, гдѣ и сошла съ ума. Въ 1822 году Лавалеттъ былъ прощенъ и возвратился во Францію.

Es ist unglaublich, wie sehr das Ansehen der Russischen Officiere in diesem Theile Deutschlands gesunken ist; die vorigen Zeiten haben hinzu den Grund gelegt, wozu neuere Geschichten kommen; dies hat mich veranlasst dem Commandanten von Dresden Obert-Lieutenant von der Mosel zu ersuchen, den Commandanten von Meissen zu Vorlegung an den Oberst v. Prendeln, oder directe den Oberst v. Prendeln zu benachrichtigen, welche Russen überhaupt, ausser den Kranken, sich in Dresden aufhalten, damit derselbe diejenigen so zwecklos dort sind, fortschaffen kann. Ein Commissair Skudin von der 8. Classe hat sich äusserst schmutzig betragen—und ich glaube, schon durch den Oberst Rosen zurück geschickt worden.

Durch den Baron von Krüdner habe ich eine andere Geschichte in Erfahrung gebracht wo ein Mann seine Frau des Ehebruchs vor Gericht beschuldigt, und wodurch unser Grossfürst Konstantin Pawlowitsch compromittirt wird ohnerachtet nach der Beschreibung dieser Frau, es bestimmt gar nicht der Grossfürst gewesen ist.

такимъ образомъ отъ наказанія, рѣчи въ парламентѣ, изъ коихъ явствуетъ, что Англія пріобрѣтаетъ, благодаря войнамъ, внутренній миръ и благосостояніе, скупаніе ею заграницей поднимающихся русскихъ бумагъ, вслѣдствіе чего возростаютъ наиболѣе тягостные долги Россіи—все это вещи, которыя я считаю достойными вниманія.

Повидимому, все болѣе и болѣе подтверждается справедливость высказывавшихся мною въ былое время предположеній относительно того, что, въ видахъ отвлеченія насъ отъ Европы, намъ навяжутъ веденіе войны съ Турціей и Персіей единовременно.

Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга,
полковникъ В. Дибичъ.

Мейссенъ.
8/20 февраля 1816 г.

Сообщилъ Н.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Die Entführung Lavalets durch Engländer, welche wohl auch auf ähnliche Art, der Ahndung entgehen dürften: die Parlaments-Reden aus welchen wohl deutlich hervorgehet, dass England durch die Kriege Ruhe im Innern und Wohlstand erhält, ihr Aufkauf des im Auslande steigenden Russischen Papieres, wodurch Russlands drückenste Schulden vermehrt werden, sind Dinge, die ich einer Bemerkung würdig glaube.

Dass übrigens meine früher geäusserten Vermuthungen, dass wir einen Krieg in Persien und der Türkey zugleicher Zeit kriegen werden, um uns von Europa abzuziehen, nicht Träumerey ist, scheint sich immer mehr zu bestättigen.

Mit der schuldigsten Hochachtung habe die Ehre zu seyn
Eurer Excellentz ganz unterthänigster Diener
Oberst *B. Diebitsch.*

Meissen,
den 8/20 Februar 1816.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

критическія изслѣдованія отразившихся въ его творчествѣ литературныхъ вліяній; каждому изъ сколько-нибудь значительныхъ произведеній, помимо, конечно, примѣчаній, будутъ предпосланы историко-литературныя введенія, а небольшія пьесы всѣ снабжаются примѣчаніями. Въ этой работѣ принимаютъ участіе болѣе пятидесяти сотрудниковъ изъ числа спеціалистовъ-пушкиніанцевъ, историковъ литературы и критиковъ. Въ первомъ выпускѣ помѣщены нѣсколько крупныхъ статей: „Родъ Пушкина“ (Б. Л. Модзалевскаго), „Дѣтство Пушкина“ (В. В. Сиповскаго), „Пушкинъ въ лицеѣ“ (Н. О. Лернера), „Антоній Гампльтонъ“ (З. А. Венгеровой), „Сестра Пушкина“ (Н. О. Лернера), „Пушкинъ и Оссіанъ“ (Е. В. Балобановой и Н. К. Никсапова), „Пушкинъ и Батюшковъ“ (П. О. Морозова). Эти статьи заключаютъ въ себѣ обобщающія данныя и облегчаютъ читателю пониманіе Пушкина, писателя, правда, вѣчнаго, но, въ качествѣ сына своего вѣка, далеко не во всемъ доступнаго пониманію нынѣшняго читателя. Особенно же важное значеніе принадлежитъ примѣчаніямъ къ отдѣльнымъ пьесамъ; въ нихъ положительно центръ тяжести венгеровскаго изданія, и они-то и даютъ ему право называться трудомъ дѣйствительно научнымъ. Послѣднія изданія Пушкина всѣ были съ примѣчаніями, но стоитъ сравнить ихъ (и даже тѣ, которыя помѣщены въ академическомъ изданіи) съ примѣчаніями, даваемыми венгеровскимъ изданіемъ, чтобы убѣдиться, какой крупный шагъ впередъ представляетъ собою эта работа. Прежнія примѣчанія (даже майковскія, до сихъ поръ бывшія образцовыми) носятъ по большей части характеръ случайныхъ, плохо связанныхъ, отрывочныхъ свѣдѣній, мало систематизированы, не отличаются изяществомъ пріемовъ; примѣчанія г. Якушкина ко II тому академическаго изданія даже прямо грубы и непителлигентны. Новыя примѣчанія—настоящія изслѣдованія, тщательно отдѣланныя; мѣстами это цѣлые небольшіе экскурсы въ область общей и спеціально-пушкинской литературы. Самая же важная заслуга, принадлежащая, нужно замѣтить, исключительно редактору,—это усердная забота о выясненіи настоящаго пушкинскаго текста, наиболѣе трудная часть дѣла и наименѣе пользовавшаяся вниманіемъ прежнихъ издателей, немало способствовавшихъ затемненію и искаженію текста. Можно ожидать, что въ дальнѣйшемъ изданіе г. Венгерова развернется еще лучше, и пожелать ему распространенія, котораго оно вполнѣ заслуживаетъ. *Н. Л.*

Исторія Л.-Гв. Финляндскаго полка. С.-Петербургъ, 1906 г. Составлена того же полка капитаномъ С. Гулевичемъ.

Роскошное юбилейное изданіе, въ текстѣ котораго помѣщено значительное количество дарованныхъ полку грамотъ, плановъ, рисунковъ, касающихся столѣтней дѣятельности полка, а также воспроизведены акварели извѣстнаго художника Ѳедотова, офицера полка. Составителемъ прекрасно и обстоятельно изображена боевая, походная жизнь полка, съ надлежащими ссылками на источники. Исторія читается съ большимъ интересомъ и состоитъ изъ трехъ объемистыхъ томовъ жизни полка въ царствованіе императоровъ: Александра I (томъ первый), Николая I (томъ второй) и Александра II (томъ третій).

Памяти графа Ѳ. Келлера. А. Г. Авчинникова.

Въ этой небольшой по объему книжкѣ обстоятельно изложена біографія генеральнаго штаба генералъ-лейтенанта графа Ѳедора Эдуардовича Келлера, бывшаго начальника штаба Скобелева при переходѣ Балканъ, командира императорскихъ стрѣлковъ, директора Пажескаго Корпуса, Екатеринославскаго губернатора и, наконецъ, павшаго геройскою смертью 18 іюля 1904 года во главѣ Восточнаго отряда въ послѣднюю русско-японскую войну.

Книжка написана тепло и читается съ интересомъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1907 г.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ —VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ **Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1906 по 9 рублей.**

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

«МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ»,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.